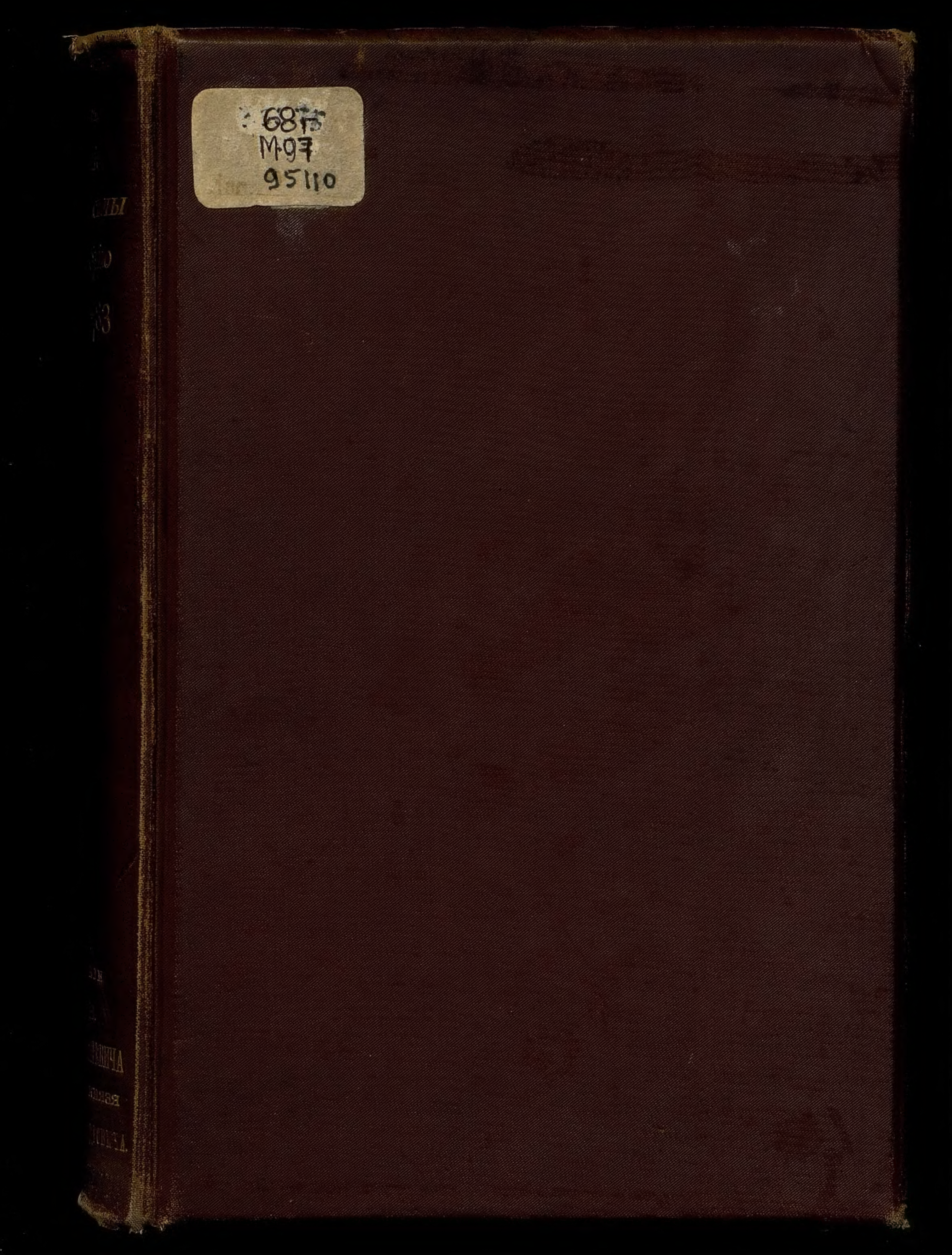
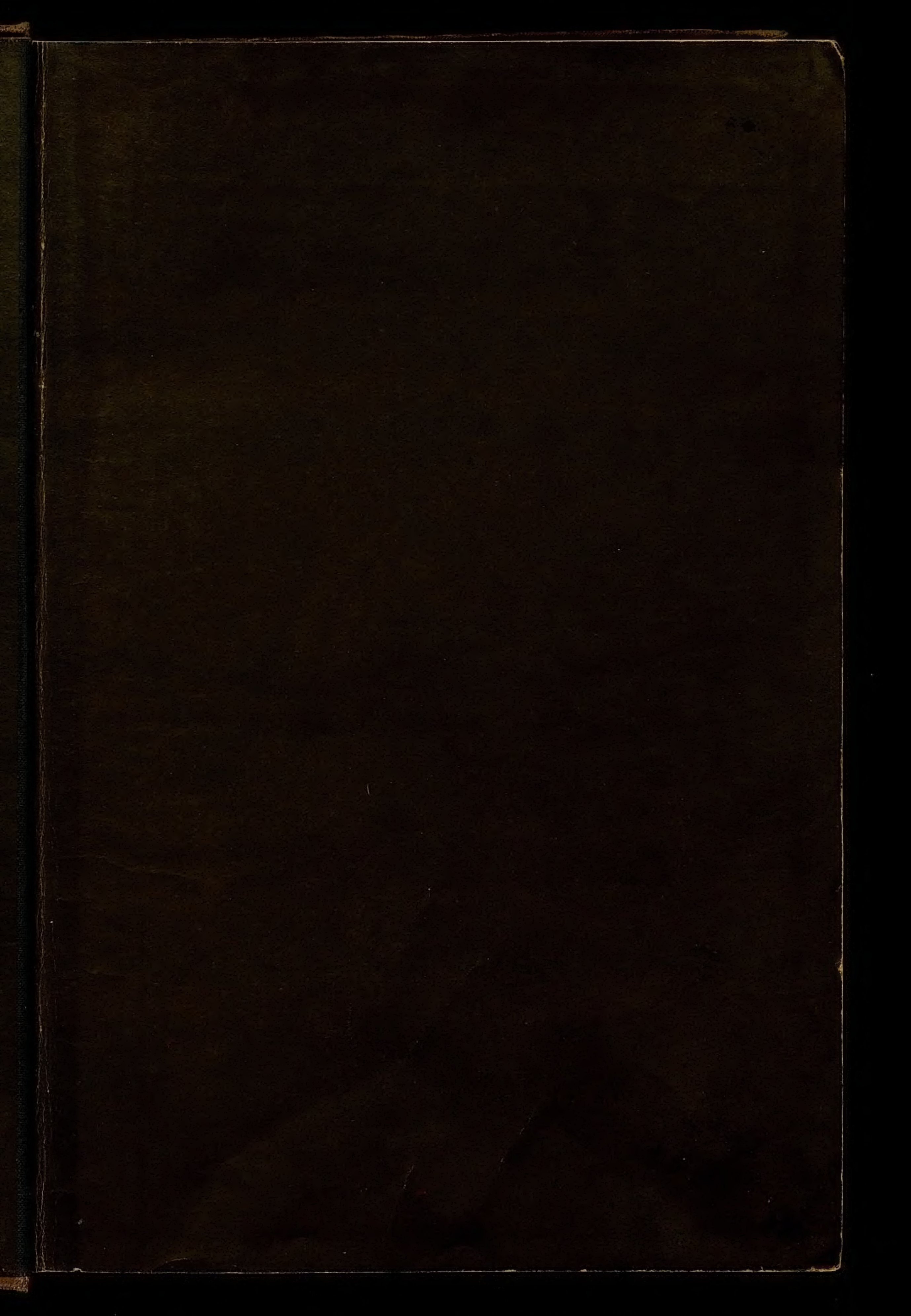
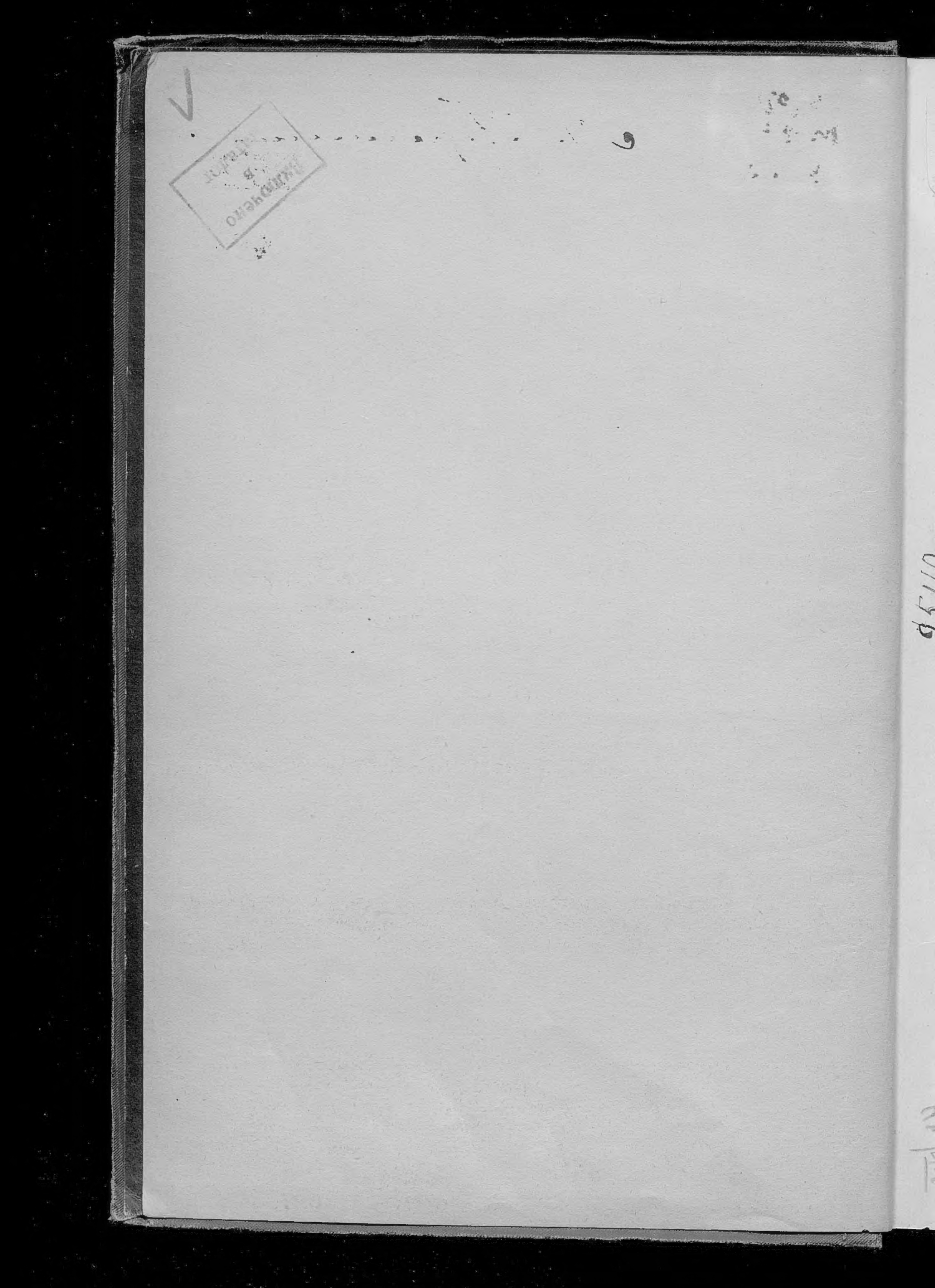
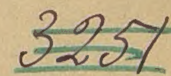

М97
95110

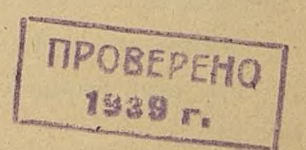

Второе изданіе
Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича,
Великаго Князя Георгія Александровича.

Вліяніе
МОРСКОЙ СИЛЫ НА ИСТОРІЮ
1660—1783

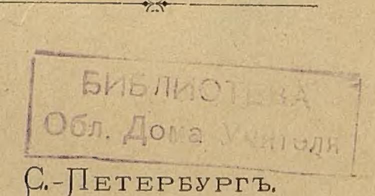

Изслѣдованіе капитана А. Т. МЭХЭНА

(CAPTAIN A. T. MAHAN
United States Navy.)

Переводъ съ англійскаго

Н. П. Азбелева.

С.-Петербургъ.
Типографія Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1896.

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Трудъ адмирала англійскаго флота Коломба, «Морская Война», изданный въ прошломъ, 1894-мъ году, въ русскомъ переводѣ, посвященъ изученію морской силы и способовъ пользованія ею.

Трудъ Мэхэна, капитана флота Соединенныхъ Штатовъ, издающійся на русскомъ языкѣ въ этомъ переводѣ, имѣетъ цѣлью показать, на основаніи данныхъ исторіи Европы и Америки, къ чему приводитъ морская сила при надлежащемъ пользованіи ею.

Названныя изданія, такимъ образомъ, взаимно дополняютъ одно другое, и оба они вызваны желаніемъ широкаго распространенія сообщаемыхъ ими свѣдѣній въ средѣ офицеровъ нашего флота.

Съ тою же цѣлью предполагается издать въ теченіе года, въ русскомъ переводѣ, еще другой трудъ капитана Мэхэна: «The Influence of Sea Power upon the French Revolution and Empire» (Вліяніе морской силы на Французскую Революцію и Имперію).

Абастуманъ, Февраль, 1895 г.

Оглавление

ГЛАВА III.

Война Англіи и Франціи въ союзѣ противъ Соединенныхъ Провинцій (1672 г.—1674 г.), окончившаяся войною Франціи противъ Соединенной Европы, 1674 г.—1678 г. — Морскія сраженія при Солебэѣ (Solebay), Тексѣлѣ (Texel) и Стромболи.

ГЛАВА IV.

Англійская революція. — Война Аугсбургской Лиги 1688 г.—1697 г. — Морскія сраженія при Бичи-Хэдѣ (Beachy Head) и при Ла Хогѣ (La Hogue).

ГЛАВА V.

Война за Испанское Наслѣдство, 1702 г. — 1713 г. — Морское сраженіе при Малагѣ.

ГЛАВА VI.

Регентство во Франціи. — Альберони въ Испаніи. — Политика Вальполя (Walpole) и Флёри. — Война за Польское Наслѣдство. — Англійская контрабандная торговля въ Испанской Америкѣ. — Великобританія объявляетъ войну Испаніи. 1715 г. — 1739 г.

ГЛАВА VII.

Война между Великобританіей и Испаніей, 1739 г. — Война за Австрійское Наслѣдство, 1740 г. — Франція соединяется съ Испаніей противъ Великобританіи, 1744 г. — Морскія сраженія: Маттьюса (Matthews), Ансона (Anson) и Гауке. — Аахенскій миръ, 1748 г.

ГЛАВА VIII.

Семилѣтняя война, 1756 г. — 1763 г. — Подавляющая сила Англіи и завоеванія ея на моряхъ, въ Сѣверной Америкѣ, Европѣ и Остъ- и Вестъ-Индіяхъ. — Морскія сраженія: Бинга (Byng) при Минорке; Гауке и Конфланса (Conflans); Покока и д'Аше (Pocock and d'Aché) въ Остъ-Индіи.

ГЛАВА IX.

Ходъ событій отъ Парижскаго Мира до 1778 года. — Морская война во время Американской Революціи. — Морское сраженіе при Уэшантѣ (Ushant).

ГЛАВА X.

Морская война въ Сѣверной Америкѣ и Вестъ-Индіи, 1778 г.— 1781 г. — Ея вліяніе на ходъ Американской Революціи. — Сраженія флотовъ при Гренадѣ, Доминикѣ и Чезапикской бухтѣ.

ГЛАВА XI.

Морская война въ Европѣ, 1779 г. — 1782 г.

ГЛАВА XII.

Событія въ Остъ-Индіи, 1778 г. — 1781 г. — Сюффренъ отплываетъ изъ Бреста, 1781 г. — Его блестящая морская кампанія въ Индѣйскихъ моряхъ, 1782 г., 1873 г.

ГЛАВА XIII.

Событія въ Вестъ-Индіи послѣ взятія Іорктоуна. — Столкновенія де Грасса съ Гудомъ. — Морское сраженіе у острововъ Святыхъ (Saintes). — 1781 и 1782 гг.

ГЛАВА XIV.

Критическій разборъ морской войны 1778 года.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Первое изданіе этой книги изготовлялось,—исключительно по моей винѣ,—слишкомъ спѣшно; поэтому въ немъ, къ сожалѣнію, встрѣчается много неловкихъ оборотовъ въ стилѣ перевода, а также недосмотровъ и опечатокъ, затрудняющихъ чтеніе.

Въ настоящемъ изданіи,—предназначающемся для замѣны перваго,—переводъ внимательно просмотрѣнъ и исправленъ, и печатаніе его велось по возможности тщательно.

Считаю необходимымъ упомянуть, что въ XIV-й главѣ,—разбирающей морскую войну 1778 года съ стратегической точки зрѣнія,—я, на этотъ разъ, строго держался терминологіи, установленной въ нашей военной литературѣ трудами Г. А. Леера (*); вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ названной главы переводъ мой не близокъ къ подлиннику, хотя и точно передаетъ мысль автора.

(*) Нынѣ генерала отъ инфантеріи, члена Военнаго Совѣта и начальника Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.—См. сочиненія его: «Стратегія (тактика театра военныхъ дѣйствій)», изданіе четвертое. С.-Петербургъ, 1885 г. и «Методъ Военныхъ Наукъ (стратегіи, тактики и военной исторіи)». С.-Петербургъ, 1894 г.

Приступая теперь, по порученію Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, къ печатанію перевода другаго труда капитана Мэхэна, «The Influence of Sea Power upon the French Revolution and Empire» (Вліяніе морской силы на Французскую Революцію и Имперію), я съ благодарностью приму всѣ указанія на недостатки настоящаго изданія и воспользуюсь ими при исполненіи упомянутаго порученія.

Сентябрь, 1896 г.

Н. Азбелевъ.

Списокъ картъ.

Списокъ плановъ сраженій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣлью настоящаго труда служитъ изслѣдованіе общей исторіи Европы и Америки, спеціально со стороны вліянія морской силы на ходъ этой исторіи. Историки, вообще говоря, незнакомы съ сущностью морской силы, не имѣя ни спеціальнаго въ ней интереса ни спеціальныхъ о ней знаній, почему ими и не принималось во вниманіе глубокое, рѣшающее вліяніе ея на великія событія. Это даже еще вѣрнѣе по отношенію къ частнымъ случаямъ, чѣмъ къ общему значенію морской силы. Легко сказать въ общемъ смыслѣ, что обладаніе моремъ, или контроль надъ нимъ и пользованіе имъ являются теперь и всегда были великими факторами въ исторіи міра; труднѣе опредѣлить и показать точное вліяніе ихъ въ частномъ случаѣ. А между тѣмъ, если послѣдняго не сдѣлано, то признаніе общаго значенія этихъ факторовъ остается неопредѣленнымъ, недоказательнымъ и не опирается, какъ это слѣдовало бы, на группу спеціальныхъ примѣровъ, въ которыхъ точное вліяніе морской силы ясно изъ анализа условій, представляемыхъ данною эпохою.

Можно привести интересный примѣръ этой наклонности пренебрегать вліяніемъ морской силы на ходъ событій изъ трудовъ двухъ писателей той самой англійской націи, которая обязана своимъ величіемъ морю болѣе, чѣмъ всякая другая.

«Дважды», говоритъ Арнольдъ въ своей *Исторіи Рима*, «исторія была свидѣтельницей борьбы высшаго индивидуаль-

наго генія противъ средствъ и учрежденій великой націи, и въ обоихъ случаяхъ нація вышла побѣдительницей. Въ теченіе семнадцати лѣтъ Аннибалъ боролся противъ Рима; въ теченіе шестнадцати лѣтъ Наполеонъ боролся противъ Англіи; усилія перваго окончились въ Замѣ (Zama), усилія втораго — въ Ватерлоо». Сэръ Эдуардъ Кризи (Creasy), цитируя это, прибавляетъ: «Однако едва ли настаивали надлежащимъ образомъ на одномъ пунктѣ сходства между этими двумя войнами, а именно на замѣчательной параллели между римскимъ генераломъ, нанесшимъ окончательное пораженіе великому карѳагенянину, и англійскимъ генераломъ, который нанесъ послѣдній смертельный ударъ французскому императору. Сципіонъ и Веллингтонъ, оба, въ теченіе многихъ лѣтъ, стояли во главѣ управленія важнѣйшими военными округами, но далеко отъ главныхъ театровъ войны. Одна и та же страна была сценой главной военной карьеры того и другаго. Именно въ Испаніи Сципіонъ, подобно Веллингтону, послѣдовательно встрѣтилъ и разбилъ почти всѣхъ подначальныхъ генераловъ непріятеля прежде, чѣмъ сошелся лицомъ къ лицу съ самымъ главнымъ бойцомъ и завоевателемъ. Оба, Сципіонъ и Веллингтонъ, возстановили въ своихъ соотечественникахъ вѣру въ силу ихъ оружія, потрясенную, было, рядомъ неудачъ, и каждый изъ нихъ закончилъ длинную и опасную войну полнымъ и рѣшительнымъ пораженіемъ избраннаго вождя и избранныхъ ветерановъ врага».

Ни одинъ изъ цитированныхъ сейчасъ англійскихъ писателей не упоминаетъ объ еще болѣе поразительномъ совпаденіи, что въ обоихъ случаяхъ побѣдителемъ былъ тотъ, за кѣмъ оставалось обладаніе моремъ. Господство римлянъ на морѣ вынудило Аннибала на тотъ длинный, опасный переходъ черезъ Галлію, въ которомъ онъ потерялъ болѣе половины своихъ испытанныхъ войскъ; это дало возможность старшему Сципіону, пославшему тѣмъ временемъ свою армію съ Роны въ Испанію, перерѣзать Аннибалу пути сообщенія, возвратиться въ Италію и стать лицомъ къ лицу съ завоевателемъ въ Требіи. Въ теченіе всей войны римскіе легіоны безпрепятственно переправлялись водою между Испаніей, которая была базой Аннибала, и Италіей; тогда какъ исходъ

рѣшительнаго Метаурскаго сраженія, явившійся результатомъ внутренняго положенія римскихъ армій по отношенію къ силамъ Аздрубала и Аннибала, главнѣйшимъ образомъ обязанъ тому факту, что младшій братъ не могъ переправить свои подкрѣпленія моремъ, располагая только сухимъ путемъ черезъ Галлію. Вслѣдствіе этого въ критическій моментъ двѣ карѳагенскія арміи были раздѣлены длиною Италіи, и одна изъ нихъ была разбита соединенными дѣйствіями римскихъ генераловъ.

Съ другой стороны, морскіе историки мало заботились о связи между общей исторіей и своимъ спеціальнымъ предметомъ, ограничиваясь обыкновенно ролью простыхъ хроникеровъ морскихъ событій. Это менѣе вѣрно по отношенію къ французамъ, чѣмъ къ англичанамъ, такъ какъ первые, по своему воспитанію и національному характеру, склонны къ болѣе тщательному изслѣдованію причинъ частныхъ результатовъ и взаимнаго отношенія между событіями.

Во всякомъ случаѣ авторъ не знаетъ ни одного сочиненія, которое преслѣдовало бы спеціально цѣль настоящаго его труда, а именно оцѣнку вліянія морской силы на ходъ исторіи и на благосостояніе націй. Какъ въ другихъ историческихъ сочиненіяхъ трактуется о войнахъ, о политикѣ, о соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ странъ, касаясь морскихъ событій только случайно и обыкновенно безъ интереса къ нимъ, — такъ настоящій трудъ имѣетъ цѣлью разсмотрѣть морскіе интересы на первомъ планѣ, не отдѣляя ихъ, однако, отъ соотвѣтствующихъ имъ причинъ и слѣдствій въ общей исторіи, но стараясь показать, какъ они видоизмѣняли послѣднія и видоизмѣнялись ими.

Настоящая книга обнимаетъ періодъ съ 1660 года, когда, собственно, началась эра парусного мореходства съ ея отличительными чертами, до 1783 года—конца Американской Революціи. Хотя въ изложеніи, такъ сказать, намѣренно ослаблена нить общей исторіи, которою связаны послѣдовательныя морскія событія, но тѣмъ не менѣе употреблены всѣ усилія для представленія яснаго и точнаго очерка этой исторіи. Авторъ, писавшій какъ морской офицеръ, вполнѣ любящій свою про-

*

фессію, не колебался трактовать свободно о вопросахъ морской политики, стратегіи и тактики; но такъ какъ техническій языкъ избѣгался имъ, то онъ надѣется, что предметы эти, просто изложенные, окажутся интересными и не для профессіональнаго, по отношенію къ морскому дѣлу, читателя.

A. T. Mahan.

Декабрь, 1889.

ВВЕДЕНІЕ.

Исторія морскаго могущества есть, въ значительной мѣрѣ,— однако никоимъ образомъ не исключительно, — повѣствованіе о состязаніяхъ между націями, о взаимныхъ ихъ соперничествахъ, о насиліи, часто кончающемся войной. Глубокое вліяніе морской торговли на богатство и силу государствъ было ясно понято задолго до того, какъ открыты были истинные принципы, управляющіе ея ростомъ и процвѣтаніемъ. Нація, которая стремилась обезпечить за собою несоразмѣрную долю благъ морской торговли, прилагала всѣ старанія для исключенія изъ участія въ нихъ другихъ націй или присвоеніемъ себѣ монополіи мирнымъ законодательнымъ путемъ, или запретительными постановленіями, или, — когда эти пути не приводили къ цѣли, — прямымъ насиліемъ. Столкновеніе интересовъ, раздраженіе, возникавшее во встрѣчныхъ попыткахъ добиться большей доли, если не захватить все, въ выгодахъ морской торговли и занять не колонизированныя отдаленныя страны, представляющія торговый интересъ, приводили къ войнамъ. Съ другой стороны, войны, возникавшія изъ другихъ причинъ, значительно видоизмѣнялись въ своемъ теченіи и въ исходѣ обладаніемъ моремъ. Поэтому исторія морской силы, обнимая въ широкихъ предѣлахъ все, что способствуетъ націи сдѣлаться великой на морѣ или черезъ посредство моря, есть, въ значительной мѣрѣ, и военная исторія; и именно съ этой точки зрѣнія, — главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, — она будетъ изучаться на послѣдующихъ страницахъ.

Изученіе военной исторіи прошлаго — такое, какое здѣсь предполагается — рекомендуется великими военными вождями, какъ существенное средство для воспитанія правильныхъ идей о войнѣ и для искуснаго веденія ея въ будущемъ. Наполеонъ

называетъ въ числѣ кампаній, которыя слѣдуетъ изучать солдату, стремящемуся къ широкой карьерѣ, кампаніи Александра, Аннибала и Цезаря, не знавшихъ пороха; и существуетъ замѣчательное согласіе между профессіональными писателями въ томъ, что, если съ одной стороны многія изъ условій войны измѣняются отъ вѣка до вѣка съ прогрессомъ въ вооруженіи арміи и флота, то съ другой стороны имѣются и нѣкоторые уроки въ школѣ исторіи, которые остаются постоянными и, будучи поэтому универсально приложимыми, могутъ быть возведены на степень общихъ принциповъ. По этой самой причинѣ изученіе морской исторіи прошлаго не можетъ не быть поучительнымъ, такъ какъ оно даетъ иллюстраціи общихъ принциповъ морской войны, несмотря на большія перемѣны, явившіяся въ оружіи вслѣдствіе научно-техническихъ успѣховъ въ теченіе послѣдняго полстолѣтія, и несмотря на введеніе пара, какъ движущей силы.

Такимъ образомъ вдвойнѣ необходимо изучать критически исторію и опытъ морской войны въ дни парусныхъ судовъ, потому что послѣднія дали уроки, имѣющіе цѣну и приложимые къ дѣлу въ настоящемъ, паровыя же суда не имѣютъ еще такой исторіи, изъ которой можно было бы извлечь рѣшительныя указанія для руководства въ войнахъ. О флотѣ парусномъ мы имѣемъ много опытныхъ свѣдѣній; о флотѣ же паровомъ, говоря строго, мы не имѣемъ ихъ совсѣмъ. Теоріи о морской войнѣ будущаго, поэтому, почти всецѣло гадательны; и хотя сдѣлана была попытка дать имъ болѣе солидный базисъ, опираясь на сходство между флотами паровыми и флотами галерными, двигавшимися подъ веслами и имѣвшими продолжительную и хорошо извѣстную исторію, все-таки полезно не увлекаться этой аналогіей, пока она не будетъ вполнѣ испытана... А упомянутое сходство, въ самомъ дѣлѣ, далеко отъ поверхностнаго. Черта, общая галерамъ и паровымъ судамъ, это — способность двигаться независимо отъ вѣтра. Та же способность кладетъ коренное различіе между названными двумя классами судовъ и судами парусными, такъ какъ послѣднія могутъ дѣлать только опредѣленные курсы, когда вѣтеръ дуетъ, и должны оставаться неподвижными, когда его нѣтъ.

Но если съ одной стороны полезно опираться на подобіе вещей, то съ другой стороны полезно также обращать вниманіе и на элементы различія между ними, потому что когда воображеніе увлекается открытіемъ пунктовъ сходства, — однимъ изъ пріятнѣйшихъ процессовъ умственной дѣятельности,—то въ кажущихся параллеляхъ легко упустить изъ виду пункты расхожденія и пренебречь ими. Такъ, галера и паровое судно характеризуются общей способностью передвиженія независимо отъ вѣтра, хотя и не въ равной мѣрѣ; но по крайней мѣрѣ въ двухъ пунктахъ они различаются, и при обращеніи къ исторіи галеръ за уроками для боевой тактики паровыхъ судовъ, различіе это надо имѣть въ виду столько же, сколько и сходство, иначе могутъ быть сдѣланы ошибочные выводы. Движущая сила галеры, во время дѣйствія, необходимо и быстро ослабѣваетъ, потому что человѣкъ способенъ только на опредѣленныя напряженія своихъ силъ, такъ что тактическія движенія галеръ могли продолжаться непрерывно лишь ограниченное время (*). Кромѣ того, въ галерный періодъ флота дѣйствительность наступательнаго оружія ограничивалась не только близкой, но даже почти исключительно абордажной дистанціей. Эти два условія приводили необходимо къ взаимному стремленію противныхъ сторонъ атаковать другъ друга вплотную, не безъ усиленныхъ, однако, попытокъ поставить непріятеля между двухъ огней, попытокъ, за которыми слѣдовала абордажная *свалка* (*mêlée*). Въ такомъ стремленіи и въ такой свалкѣ многіе почтенные, даже выдающіеся морскіе авторитеты нашего времени видятъ необходимый исходъ современнаго морскаго боя, въ сумятицѣ котораго, какъ показываетъ исторія свалокъ, трудно будетъ отличить друга отъ недруга. Каково бы ни оказалось значеніе этого мнѣнія, для него, не можетъ служить историческимъ базисомъ одинъ только фактъ, что

(*) Такъ, Гермократъ изъ Сиракузъ, защищая цѣлесообразность отраженія Аѳинской экспедиціи противъ этого города (413 г. до Р. Х.) смѣлой фланговой атакой ея походнаго строя, говоритъ: «Такъ какъ ихъ движеніе должно быть медленно, то мы будемъ имѣть тысячу случаевъ атаковать ихъ; но если они приготовятъ свои суда къ бою и быстро спустятся на насъ, то должны будутъ налечь на весла, и *когда усилія ихъ истощатся*, мы можемъ напасть на нихъ».

галера и паровое судно могутъ двигаться во всякій моментъ прямо на непріятеля и что та и другое имѣютъ шпронъ, и оно не даетъ права пренебрегать элементами различія между ними. До сихъ поръ такое мнѣніе является только предположеніемъ, и построеніе на немъ рѣшительнаго вывода слѣдуетъ отсрочить до тѣхъ поръ, пока опытъ сраженій между современными флотами броситъ на дѣло дальнѣйшій свѣтъ. Пока же есть основаніе для противоположнаго взгляда, предполагающаго, что свалки между численно равными флотами былаго времени, въ которыхъ искусство приведено было къ минимуму, не представляютъ лучшаго образца для того, что можетъ быть сдѣлано при выработанномъ и могущественномъ оружіи нашего вѣка. Чѣмъ увѣреннѣе въ себѣ адмиралъ, чѣмъ утонченнѣе тактическое развитіе его флота, чѣмъ лучше его капитаны, тѣмъ необходимо менѣе долженъ онъ быть склоненъ сойтись въ *свалкѣ* съ равными силами, гдѣ всѣ его преимущества падаютъ, гдѣ случай играетъ главную роль и гдѣ его флотъ ставится въ одинаковыя условія со сборищемъ кораблей, никогда ранѣе не дѣйствовавшихъ вмѣстѣ (*). Исторія даетъ уроки относительно того, когда *свалки* цѣлесообразны и когда нѣтъ.

Итакъ, галера имѣетъ одно бросающееся въ глаза сходство съ паровымъ судномъ, но отличается отъ него въ другихъ важныхъ чертахъ, которыя не очевидны непосредственно и которыя, поэтому, не пользуются должнымъ вниманіемъ. Въ парусныхъ судахъ, напротивъ, выдѣляется рѣзкое отличіе ихъ отъ паровыхъ; пункты же сходства, — хотя они существуютъ и легко могутъ быть обнаружены, — не такъ очевидны и поэтому не достаточно принимаются въ расчетъ. Впечатлѣніе различія увеличивается представленіемъ о крайней слабости парусныхъ

(*) Авторъ долженъ уберечь себя отъ упрека въ томъ, что онъ защищаетъ, какъ будто бы, тактическія движенія, кончающіяся лишь напрасными демонстраціями. Онъ полагаетъ, напротивъ, что флотъ, ищущій рѣшительнаго результата, долженъ столкнуться со своимъ противникомъ, но не ранѣе того, какъ для этого столкновенія предшествующими дѣйствіями подготовлено нѣкоторое преимущество, что болѣе возможно для флота, хорошо обученнаго и хорошо управляемаго. Въ дѣйствительности безплодные результаты такъ же часто слѣдуютъ за опрометчивымъ столкновеніемъ на абордажъ, какъ за слишкомъ робкими и пустыми тактическими маневрированіями.

судовъ, сравнительно съ паровыми, вслѣдствіе зависимости первыхъ отъ вѣтра; при этомъ, однако, забывается, что такъ какъ парусныя суда сражались между собою, то тактическіе уроки ихъ сраженій цѣнны и для нашего времени. Галера никогда не приводилась въ безпомощное состояніе штилемъ, и поэтому въ наши дни къ ней относятся какъ будто съ бо̀льшимъ почтеніемъ, чѣмъ къ парусному судну; между тѣмъ послѣднее замѣнило первую и оставалось господствующимъ до дней утилизаціи на морѣ пара. Способность вредить непріятелю съ большаго разстоянія, маневрировать въ теченіе неограниченнаго времени, не утомляя людей, утилизировать бо̀льшую часть команды для дѣйствія наступательнымъ оружіемъ, вмѣсто траты ея силъ на греблю, присущи одинаково какъ парусному судну, такъ и паровому, и по крайней мѣрѣ столь же важны въ тактическомъ смыслѣ, какъ способность галеры передвигаться въ штиль или противъ вѣтра.

При изученіи элементовъ сходства между судами парусными и паровыми легко не только пренебречь различіемъ между послѣдними, но, скорѣе, преувеличить сходство между ними. Такъ, можно разсуждать въ томъ смыслѣ, что подобно тому, какъ парусное судно имѣло орудія дальнобойныя, сравнительно большой пробивающей силы, и карронады, характеризовавшіяся меньшею дальностью выстрѣла, но бо́льшимъ разбивающимъ дѣйствіемъ, — современное паровое судно имѣетъ батареи дальнобойныхъ орудій и мины, при чемъ послѣднія дѣйствительны только съ ограниченной дистанціи и дѣйствуютъ, какъ громадные разрывные снаряды, тогда какъ выстрѣлы орудій, какъ и встарину, разсчитаны на пробиваніе борта и палубы непріятеля. Всѣ эти соображенія суть чисто тактическія, которыя должны вліять на планы адмираловъ и капитановъ; и приведенная сейчасъ аналогія дѣйствительна, а не воображаемая. Далѣе, оба судна, — парусное и паровое, — при извѣстныхъ обстоятельствахъ, разсчитываютъ на прямое столкновеніе съ непріятельскимъ судномъ, первое — съ цѣлью абордированія его, послѣднее — съ цѣлью потопленія его тараномъ; и для обоихъ эта задача наитруднѣйшая, такъ какъ для выполненія ея судно должно быть приведено къ одному пункту поля

битвы, тогда какъ метательнымъ оружіемъ можно пользоваться со многихъ пунктовъ обширной площади.

Положенія враждебныхъ парусныхъ судовъ или флотовъ, по отношенію къ направленію вѣтра, представляли всегда важнѣйшіе тактическіе вопросы и составляли, можетъ быть, главную заботу моряковъ того времени. При поверхностномъ взглядѣ на дѣло можетъ показаться, что такъ какъ вопросъ о положеніи относительно вѣтра совершенно безразличенъ для пароваго судна, то въ современныхъ условіяхъ боя нѣтъ никакой аналогіи съ прежними, и уроки исторіи въ этомъ отношеніи не имѣютъ цѣны. Но болѣе тщательное изученіе характерныхъ чертъ навѣтреннаго (*) и подвѣтреннаго положеній, при обсужденіи сущности дѣла, а не деталей его, покажетъ ошибочность такого взгляда. Отличительная черта навѣтреннаго положенія состояла въ томъ, что занимающій его корабль или флотъ обладалъ возможностью отказаться отъ боя или дать его, по желанію, что, въ свою очередь, влекло за собою обычное преимущество наступательнаго положенія въ правоспособности выбора метода атаки. Это преимущество сопровождалось и нѣкоторыми невыгодами: неправильностью въ ордерѣ баталіи, подверженностью атакующаго продольному, или анфиладному огню, и невозможностью для него употребить полный артиллерійскій огонь всѣхъ своихъ орудій,—всё это при приближеніи къ непріятелю.

Подвѣтренный корабль или подвѣтренный флотъ не могъ атаковать противника; если онъ не желалъ отступать, то обязывался къ оборонительному образу дѣйствій и къ принятію боя на условіяхъ непріятеля. Эта невыгода вознаграждалась сравнительной легкостью сохраненія ордера баталіи и

(*) Говорятъ, что корабль находится *на вѣтрѣ* относительно противника, когда вѣтеръ позволяетъ ему идти прямо на послѣдняго и не позволяетъ послѣднему идти прямо на него. Крайній случай навѣтреннаго положенія представляется при условіи направленія вѣтра отъ перваго (навѣтреннаго) судна ко второму. Подвѣтренное положеніе противоположно навѣтренному. Если подвѣтренное судно принять за центръ круга, то почти три восьмыхъ площади послѣдняго включатъ точки, находясь въ которыхъ, судно займетъ болѣе или менѣе выгодное положеніе (относительно вѣтра), чѣмъ центральное.

непрерывности артиллерійскаго огня, отвѣчать на который непріятель, въ теченіе нѣкотораго времени, лишался возможности.

Исторически эти выгоды и невыгоды навѣтреннаго и подвѣтреннаго положеній имѣютъ свои соотвѣтствія и аналогіи въ оборонительныхъ и наступательныхъ операціяхъ всѣхъ вѣковъ. Наступленіе мирится съ извѣстнымъ рискомъ и невыгодами, чтобы догнать и уничтожить непріятеля; оборона, пока она остается таковою, отказывается отъ риска наступленія, даетъ возможность сохранить правильный строй и пользуется слабѣйшими сторонами того положенія, въ которое ставитъ себя нападающій. Эти коренныя различія между навѣтреннымъ и подвѣтреннымъ положеніями такъ ясно вырисовывались всегда черезъ облако второстепенныхъ деталей, что первое положеніе обыкновенно избиралось англичанами, — потому что они руководствовались настойчивой и твердой политикой нападать на непріятеля и уничтожать его, — тогда какъ французы искали подвѣтреннаго положенія, потому что, поступая такъ, они обыкновенно были способны ослабить наступавшаго на нихъ непріятеля обстрѣливаніемъ и такимъ образомъ избѣжать рѣшительнаго столкновенія и спасти свои суда. Французы, за рѣдкими исключеніями, подчиняли дѣйствія флота другимъ военнымъ соображеніямъ, жалѣли затраченныхъ на него денегъ и поэтому старались «экономизировать» его занятіемъ оборонительнаго положенія и лишь отраженіемъ нападеній. Для этой цѣли подвѣтренное положеніе, при искусномъ пользованіи имъ, замѣчательно пригодно до тѣхъ поръ, пока непріятель обнаруживаетъ болѣе мужества, чѣмъ расчета; но когда Родней (Rodney) показалъ намѣреніе воспользоваться преимуществомъ навѣтреннаго положенія не только для обезпеченія за собою инціативы боя, но и для грознаго сосредоточенія своихъ кораблей къ дѣйствію противъ части непріятельской линіи, то его осторожный противникъ де Гишенъ (de Guichen) измѣнилъ свою тактику. Въ первомъ изъ ихъ трехъ сраженій французскій адмиралъ со своимъ флотомъ занималъ подвѣтренное положеніе; но, понявъ цѣль Роднея, онъ уже старался выйти на вѣтеръ, — не для того, чтобы атаковать непріятеля, но чтобы не принимать сраженія иначе, какъ

при намѣченныхъ имъ самимъ условіяхъ. Въ настоящее время способность флота дѣйствовать наступательно или отказаться отъ боя опредѣляется не навѣтренностью положенія его, а превосходствомъ его передъ противникомъ въ скорости, которая въ эскадрѣ зависитъ не только отъ скорости отдѣльныхъ кораблей, но и отъ тактическаго однообразія въ ихъ дѣйствіи... Можно сказать, что быстроходнѣйшія суда въ современномъ боевомъ флотѣ обладаютъ, въ тактическомъ смыслѣ, преимуществами навѣтренныхъ кораблей парусанго флота.

Не тщетно, поэтому, какъ многіе думаютъ, ожиданіе найти въ исторіи парусныхъ судовъ уроки, столь же полезные для нашего времени, какъ и даваемые исторіей галеръ. Однако суда обѣихъ этихъ категорій, имѣя свои пункты сходства съ современными судами, имѣютъ и пункты существеннаго отъ нихъ отличія, которое исключаетъ возможность приписывать ихъ опытамъ и ихъ образу дѣйствій значеніе тактическихъ *прецедентовъ*, подлежащихъ точному подражанію. Но прецедентъ отличается отъ принципа и имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ послѣдній. Первый можетъ быть ошибоченъ по существу или можетъ потерять значеніе при перемѣнѣ обстоятельствъ; послѣдній имѣетъ корень въ природѣ вещей, и какъ бы ни измѣнялись его приложенія съ перемѣной обстоятельствъ, даетъ нормы дѣйствій, съ которыми необходимо сообразоваться для достиженія успѣха. Война имѣетъ такіе принципы; ихъ существованіе открывается изученіемъ прошлаго, которое указываетъ намъ на неизмѣнность ихъ отъ вѣка до вѣка въ исторіи успѣховъ и неудачъ. Обстановка сраженій и оружіе съ теченіемъ времени измѣняются; но для того, чтобы научиться считаться съ первой и успѣшно пользоваться вторымъ, должно со вниманіемъ относиться къ постояннымъ указаніямъ исторіи въ тактикѣ поля сраженія или въ тѣхъ болѣе широкихъ операціяхъ войны, которыя обнимаются общимъ терминомъ *«стратегія»*.

И именно въ такихъ болѣе широкихъ операціяхъ, которыя охватываютъ весь театръ войны и въ морскомъ состязаніи могутъ покрыть большую часть земнаго шара, уроки исторіи имѣютъ болѣе очевидное и постоянное значеніе, потому что условія этихъ операцій мало измѣняются съ теченіемъ времени.

Театръ войны можетъ быть болѣе или менѣе обширенъ, представляемыя имъ затрудненія могутъ быть болѣе или менѣе серьезны, борющіяся арміи — болѣе или менѣе многочисленны, необходимыя предвиженія ихъ болѣе или менѣе легки, но эти различія суть различія въ масштабѣ, или въ степени, а не въ родѣ, или сущности дѣла. По мѣрѣ того, какъ дикость уступаетъ мѣсто цивилизаціи, пути и средства сообщенія умножаются и улучшаются, рѣки перекрываются мостами, средства продовольствія усиливаются, — военныя операціи облегчаются, ускоряются и дѣлаются болѣе обширными; но принципы войны, съ которыми онѣ должны сообразоваться, остаются неизмѣнными. Когда пѣшеходное передвиженіе замѣнилось колеснымъ, а это послѣднее, въ свою очередь, смѣнилось желѣзнодорожнымъ, — масштабъ разстояній увеличился или, если хотите, масштабъ времени уменьшился; но не измѣнились принципы, которые указывали: пунктъ, гдѣ арміи надлежало собраться; направленіе, въ которой она должна была двигаться; часть позиціи непріятеля, въ которой слѣдовало атаковать его; защиту путей сообщенія (коммуникаціонныхъ линій) и т. п. Такъ и на морѣ, переходъ отъ галеры, робко скользившей по водамъ изъ порта въ портъ, къ парусному судну, смѣло пользовавшемуся вѣтромъ въ безбрежномъ океанѣ, а отъ него къ современному паровому судну, увеличилъ районъ и быстроту морскихъ операцій, не измѣнивъ непремѣнно принциповъ, которыми надлежало руководствоваться въ нихъ; и цитированная выше рѣчь Гермократа, сказанная двадцать три столѣтія назадъ, выражала правильный стратегическій планъ, который, въ своихъ принципахъ, такъ же приложимъ къ дѣлу теперь, какъ былъ приложимъ тогда. Прежде, чѣмъ арміи и флоты приведены въ *контактъ* (*contact*), — слово, которое, быть можетъ, лучше, чѣмъ всякое другое, указываетъ на раздѣльную линію между тактикой и стратегіей, — предстоитъ рѣшить еще много вопросовъ, обнимающихъ весь планъ операцій на всемъ театрѣ войны. Въ число ихъ входятъ: опредѣленіе истинной функціи флота въ войнѣ и его истиннаго предмета дѣйствій; выборъ пункта или пунктовъ, гдѣ онъ долженъ быть сосредоточенъ; устройство складовъ угля и припасовъ; обезпеченіе сооб-

щеній между этими складами и отечественной базой; опредѣленіе военнаго значенія уничтоженія торговли, какъ рѣшительной или второстепенной операціи войны, и выборъ системы, помощью которой могутъ быть достигнуты цѣли этой операціи, — дѣйствіемъ ли разсѣянныхъ крейсеровъ, или же завладѣніемъ какимъ либо жизненнымъ центромъ, черезъ который должны проходить коммерческіе флоты непріятеля. Все это — стратегическіе вопросы, и по поводу каждаго изъ нихъ исторія имѣетъ многое, что сказать. Недавно англійскіе морскіе кружки были заняты обсужденіемъ весьма важнаго вопроса о сравнительныхъ достоинствахъ политики двухъ англійскихъ адмираловъ, лорда Гоу (Howe) и лорда С. Винцента, по отношенію къ диспозиціи англійскаго флота въ войнѣ съ Франціей. Вопросъ этотъ чисто стратегическій и представляетъ не только историческій интересъ, но и современное жизненное значеніе; и принципы, на которыхъ основывается его рѣшеніе теперь, не отличаются отъ тѣхъ, которые обусловливали послѣднее въ то время. Политика С. Винцента спасла Англію отъ вторженія въ нее непріятеля и въ рукахъ Нельсона и его сотоварищей адмираловъ привела прямо къ Трафальгару.

Итакъ, особенно въ области морской стратегіи уроки прошлаго имѣютъ значеніе, которое отнюдь не ослабѣло съ теченіемъ времени. Благодаря сравнительному постоянству условій, они полезны здѣсь не только, какъ иллюстрація принциповъ, но и какъ прецеденты. По отношенію къ тактикѣ, т. е. къ дѣйствію флотовъ съ того момента, когда они пришли въ столкновеніе въ томъ мѣстѣ, куда ихъ привели стратегическія соображенія, значеніе историческихъ уроковъ менѣе очевидно. Съ непрерывнымъ прогрессомъ человѣчества совершаются и постоянныя перемѣны въ оружіи, а онѣ влекутъ за собою и перемѣны въ тактикѣ сраженія, — въ диспозиціи и образѣ дѣйствій войскъ или кораблей на полѣ битвы. Отсюда у многихъ, занимающихся морскими вопросами, возникаетъ склонность думать, что не можетъ быть извлечено никакой пользы изъ изученія прежнихъ опытовъ и что такое изученіе равносильно потерѣ времени. Этотъ взглядъ, хотя и естественный, не только упускаетъ изъ виду тѣ широкія стратегическія

соображенія, которыя заставляютъ націи имѣть флоты, опредѣляютъ сферу ихъ дѣйствій и такимъ образомъ вліяли и будутъ вліять на міровую исторію, но также узокъ и одностороненъ и по отношенію къ тактикѣ. Сраженія прошлаго были успѣшны или неуспѣшны, сообразно тому, велись ли они въ соотвѣтствіи или не въ соотвѣтствіи съ принципами войны; и морякъ, который тщательно изучаетъ причины ихъ успѣха или неудачи, не только откроетъ и постепенно усвоитъ эти принципы, но также и пріобрѣтетъ бо̀льшую способность приложенія ихъ къ тактикѣ дѣйствій судовъ и употребленія оружія своего времени. Онъ замѣтитъ при этомъ не только, что перемѣны въ тактикѣ имѣли мѣсто *послѣ* перемѣнъ въ оружіи, — что необходимо должно быть, — но и что промежутки между такими перемѣнами были несообразно долги. Это несомнѣнно происходитъ отъ того, что усовершенствованія въ оружіи суть продукты энергіи одного или двухъ человѣкъ, тогда какъ перемѣны въ тактикѣ должны преодолѣть инертность цѣлаго консервативнаго класса людей, которая является здѣсь большимъ зломъ. Оно можетъ быть излѣчено только открытымъ признаніемъ каждой перемѣны, тщательнымъ изученіемъ положительныхъ и отрицательныхъ свойствъ новаго корабля или оружія и послѣдующимъ приспособленіемъ метода пользованія ими къ этимъ свойствамъ. Исторія указываетъ на тщетность надежды, что люди, посвятившіе себя военной профессіи, вообще говоря, отнесутся къ изложеннымъ истинамъ съ должнымъ вниманіемъ, но зато тѣ немногіе, которые воспользуются ими, вступятъ въ бой съ большимъ преимуществомъ.... Урокъ, самъ по себѣ не маловажный!

Умѣстно привести теперь слова французскаго тактика Морога (Morogues), который писалъ столѣтіе съ четвертью назадъ: «Морская тактика основана на условіяхъ, главный факторъ которыхъ, а именно оружіе, измѣняется съ теченіемъ времени; измѣненія въ немъ, въ свою очередь, необходимо влекутъ за собою измѣненія въ конструкціи кораблей, въ способахъ управленія ими и, наконецъ, въ диспозиціи и управленіи флотами». Его дальнѣйшее положеніе, а именно, что морская тактика «не есть наука, основанная на принципахъ,

абсолютно неизмѣнныхъ», болѣе открыто возраженіямъ. Было бы вѣрнѣе сказать, что приложеніе принциповъ ея измѣняется съ измѣненіями въ оружіи. Приложеніе принциповъ, безъ сомнѣнія, измѣняется съ теченіемъ времени также и въ стратегіи, но тамъ измѣненіе это значительно менѣе, а потому и распознаніе самого принципа въ каждомъ данномъ случаѣ — легче. Это положеніе достаточно важно для нашего предмета для того, чтобы мы иллюстрировали его историческими событіями.

Абукирское сраженіе въ 1798 году было не только рѣшительной побѣдой англійскаго флота надъ французскимъ, но имѣло также важнѣйшимъ послѣдствіемъ своимъ прекращеніе сообщеній между Франціей и арміей Наполеона въ Египтѣ. Въ самомъ сраженіи англійскій адмиралъ Нельсонъ далъ блестящій примѣръ высшей тактики (grand tactics), если понимать подъ этимъ терминомъ «искусство совершать цѣлесообразныя комбинаціи передъ сраженіями, такъ же, какъ и въ теченіе ихъ». Частная тактическая комбинація опиралась на условіе, которое не можетъ теперь имѣть мѣсто, а именно на невозможность для кораблей подвѣтреннаго флота, стоящаго на якорѣ, прійти своевременно на помощь навѣтреннымъ кораблямъ; но принципы комбинаціи, — а именно избраніе той части непріятельскаго строя, которая наименѣе можетъ разсчитывать на поддержку, и атака ея превосходными силами, — не утратили и теперь прежняго значенія. Такимъ же принципомъ руководствовался адмиралъ Джервисъ (Jervis) при мысѣ С. Винцентъ, когда пятнадцать его кораблей одержали побѣду надъ двадцатью семью, хотя въ этомъ случаѣ непріятель былъ на ходу, а не на якорѣ. Но умъ человѣческій обладаетъ такимъ свойствомъ, что на него, кажется, дѣлаютъ бо̀льшее впечатлѣніе преходящія обстоятельства, чѣмъ вѣчные принципы, эти обстоятельства обусловившіе. Въ стратегическомъ вліяніи побѣды Нельсона на ходъ войны, напротивъ, принципъ не только легко распознается, но и приложимость его къ условіямъ нашего времени сразу видна. Исходъ египетской экспедиціи зависѣлъ отъ обезпеченія свободы путей сообщенія съ Франціей. Побѣда англичанъ въ Абукирскомъ сраженіи уничтожила морскую силу противника, которою одною только это обезпеченіе могло быть достигнуто, и рѣшила

окончательную неудачу кампаніи для Франціи; и въ данномъ случаѣ ясно видно, не только, что ударъ былъ нанесенъ непріятелю въ согласіи съ принципомъ пораженія коммуникаціонной линіи его, но также и то, что этотъ принципъ дѣйствителенъ и теперь, во времена паровыхъ флотовъ, и оправдался бы въ эпоху галеръ настолько же, насколько оправдался въ дни флотовъ парусныхъ.

Невнимательное и даже пренебрежительное отношеніе къ прошлому, считающемуся устарѣлымъ, не позволяетъ людямъ видѣть даже тѣхъ постоянныхъ стратегическихъ уроковъ, которые лежатъ, такъ сказать, на поверхности морской исторіи. Напримѣръ, многіе ли смотрятъ на Трафальгарское сраженіе, вѣнецъ славы Нельсона и отпечатокъ его генія, иначе, чѣмъ на отдѣльное событіе исключительнаго величія? Многіе ли задаютъ себѣ стратегическій вопросъ: «какимъ образомъ суда его оказались тамъ въ надлежащій моментъ»? Многіе ли представляютъ себѣ это сраженіе, какъ конечный актъ большой стратегической драмы, обнимающей годъ или болѣе времени, драмы, въ которой два изъ величайшихъ вождей, когда либо жившихъ, Наполеонъ и Нельсонъ, дѣйствовали другъ противъ друга? При Трафальгарѣ не Вильнёвъ потерпѣлъ неудачу, но былъ побѣжденъ Наполеонъ; не Нельсонъ выигралъ сраженіе, но была спасена Англія; и почему? Потому что комбинаціи Наполеона не удались, и сообразительность и дѣятельность Нельсона держали англійскій флотъ всегда на слѣдѣ непріятеля и противопоставили его послѣднему въ рѣшительный моментъ (*). Тактика при Трафальгарѣ, хотя она и открыта критикѣ въ деталяхъ, въ своихъ главныхъ чертахъ, была согласна съ принципами войны, и ея дерзость оправдывается столько же крайностью обстоятельствъ, сколько и результатами; но великіе уроки основательности въ подготовкѣ, энергіи и дѣятельности въ исполненіи и обдуманности и дальновидности дѣйствій со стороны англійскаго вождя въ предшествовавшіе сраженію мѣсяцы, — суть уроки стратегическіе и, какъ таковые, до сихъ поръ остаются цѣнными.

Въ разсмотрѣнныхъ двухъ случаяхъ ходъ событій закончился естественной и рѣшительной развязкой. Можно привести еще

(*) См. примѣчаніе въ концѣ этой главы, стр. 26.

третій случай, въ которомъ опредѣленнаго конца достигнуто не было, почему и вопросъ о надлежащемъ образѣ дѣйствій въ немъ можетъ быть спорнымъ. Въ Американской войнѣ за независимость Франція и Испанія заключили союзъ противъ Англіи въ 1779 году. Соединенные флоты трижды появлялись въ Англійскомъ Каналѣ, — одинъ разъ въ числѣ шестидесяти шести линейныхъ кораблей, принудивъ флотъ Англіи, значительно меньшей численности, искать убѣжища въ своихъ портахъ. Главными цѣлями Испаніи было отвоеваніе Гибралтара и Ямайки, и для достиженія первой изъ нихъ союзники употребили огромныя усилія при осадѣ и съ моря и съ суши этой неприступной почти крѣпости. Усилія оказались тщетными. По этому поводу возникаетъ вопросъ, относящійся прямо къ области морской стратегіи: не была ли бы попытка возвратить Гибралтаръ обезпечена болѣе достиженіемъ господства въ Англійскомъ Каналѣ, атакой британскаго флота даже въ его гаваняхъ и угрозой Англіи уничтоженіемъ ея торговли и вторженіемъ въ нее, чѣмъ значительно труднѣйшими дѣйствіями противъ весьма сильнаго и отдаленнаго пункта ея владѣній. Англичане, избалованные долгой неприкосновенностью своей территоріи были особенно чувствительны къ страху вторженія, и насколько велико было ихъ довѣріе къ своему флоту, настолько же и упали бы они духомъ, въ случаѣ, если бы это довѣріе было серьезно поколеблено. Но каково бы ни было рѣшеніе, ясно, что оно входитъ въ область морской стратегіи, и здѣсь кстати сказать, что оно предлагалось въ другой формѣ однимъ французскимъ офицеромъ того времени, рекомендовавшимъ сосредоточить нападеніе на одинъ изъ Вестъ-Индскихъ острововъ, на который можно было бы обмѣнить Гибралтаръ. Невѣроятно, однако, чтобы Англія отдала ключъ Средиземнаго моря за какое нибудь другое отдаленное владѣніе, хотя она могла уступить его для спасенія своихъ очаговъ и своей столицы. Наполеонъ однажды сказалъ, что онъ отвоюетъ Пондишери на берегахъ Вислы. Если бы онъ могъ обезпечить за собою господство въ Англійскомъ Каналѣ, какъ сдѣлалъ это на моментъ союзный флотъ въ 1779 году, то было ли бы мѣсто сомнѣнію, что онъ завоевалъ бы Гибралтаръ на берегахъ Англіи?

Для болѣе сильнаго запечатлѣнія въ умахъ читателей той истины, что исторія и внушаетъ стратегическое изученіе принциповъ войны и иллюстрируетъ ихъ фактами, которые она передаетъ, приведемъ еще два примѣра, относящіеся къ эпохѣ болѣе отдаленной, чѣмъ разсматриваемая въ настоящемъ трудѣ. Какъ случилось, что въ двухъ большихъ состязаніяхъ силъ Востока и Запада въ Средиземномъ морѣ, въ одномъ изъ которыхъ было поставлено на карту владычество надъ извѣстнымъ тогда міромъ, враждебные флоты встрѣтились въ мѣстахъ, столь близкихъ между собою, какъ Акціумъ и Лепанто? Было ли это случайнымъ совпаденіемъ, или было это слѣдствіемъ такого сочетанія условій, которое можетъ повториться? (*). Въ послѣднемъ случаѣ упомянутыя событія достойны тщательнаго изученія, ибо, если опять когда либо возникнетъ восточная морская сила, подобная силѣ Антонія или Турціи, то представятся сходственные съ прежними стратегическіе вопросы. Въ настоящее время дѣйствительно кажется, что центръ морской силы, сосредоточившейся главнымъ образомъ въ Англіи и Франціи, лежитъ несравненно ближе къ Западу, чѣмъ къ Востоку; но если бы какой нибудь случай придалъ къ господству въ Черноморскомъ бассейнѣ, принадлежащему теперь Россіи, обладаніе входомъ въ Средиземное море, то стратегическія условія, вліяющія на морскую силу, совсѣмъ измѣнились бы. Теперь, если бы Западъ двинулся противъ Востока, то Англія и Франція дошли бы до Леванта, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, какъ онѣ сдѣлали это въ 1854 году и какъ сдѣлала одна Англія въ 1878 году; въ случаѣ же предположенной выше перемѣны, Востокъ, какъ было дважды передъ тѣмъ, встрѣтилъ бы Западъ на полдорогѣ.

Въ весьма видный и значительный періодъ исторіи міра морская сила имѣла стратегическое значеніе и вѣсъ, не обратившіе, однако, на себя должнаго вниманія. Теперь мы не можемъ получить всѣ свѣдѣнія необходимыя для того, чтобы прослѣдить въ подробностяхъ ея вліяніе на исходъ второй Пунической войны;

*) Наваринское сраженіе (1827 г.) между Турціей и Западными державами происходила также въ сосѣдствѣ этихъ мѣстъ.

по дошедшія до насъ съ того времени данныя все-таки достаточны для заключенія, что это вліяніе было рѣшительнымъ. Точное сужденіе по этому вопросу не можетъ составиться на основаніи тѣхъ только фактовъ частной борьбы, которые переданы отчетливо нашему времени, такъ какъ собственно морскихъ событій исторія обыкновенно касалась лишь поверхностно; необходимо также знакомство съ деталями общей морской исторіи для того, чтобы извлечь изъ поверхностныхъ указаній правильные выводы, основанные на знаніи того, что было возможно въ періоды, которыхъ исторія хорошо извѣстна. Обладаніе моремъ, какъ бы оно ни было дѣйствительно, не даетъ ручательства въ томъ, что единичные корабли непріятеля или малыя эскадры не могутъ прокрасться изъ порта, пересѣчь болѣе или менѣе употребительные океанскіе пути, высадить десантъ на незащищенные пункты длинной береговой линіи, войти въ блокированныя гавани и т. п. Напротивъ, исторія показываетъ, что подобные прорывы (evasions) всегда возможны до нѣкоторой степени для слабѣйшей стороны, какъ бы ни уступали ея морскія силы непріятелю. Не противорѣчитъ, поэтому, факту господства римскихъ флотовъ на морѣ или на важнѣйшей части его то обстоятельство, что карѳагенскій адмиралъ Бомилькаръ, въ четвертый годъ войны, послѣ жестокаго пораженія при Каннѣ, высадилъ четырехтысячную армію и партію слоновъ въ южной Италіи; или, что въ седьмой годъ войны, уйдя отъ римскаго флота близъ Сиракузъ, онъ опять появился при Тарентѣ, тогда уже бывшемъ въ рукахъ Аннибала; или, что Аннибалъ отправлялъ посыльныя суда къ Карѳагену; или даже, что въ концѣ концовъ онъ отступилъ въ безопасности въ Африку со своею порѣдѣвшею арміею. Правда, ни одинъ изъ этихъ фактовъ не доказываетъ положительно, что правительство въ Карѳагенѣ могло бы, если бы пожелало, посылать Аннибалу постоянную помощь, которой, въ дѣйствительности, онъ не получалъ; но всѣ они производятъ впечатлѣніе, что такая возможность была вѣроятна. Поэтому предположеніе, что превосходство римлянъ на морѣ имѣло рѣшительное вліяніе на ходъ войны, нуждается въ потвержденіи его хорошо удостовѣренными фактами. Такимъ

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
(Классическія названія напечатаны курсивомъ).
BAY OF BISCAY
FRANCE
SPAIN
MADRID
Valencia
Almansa
Alicante
Cartagena
CAPE DE GATA
GIBRALTAR
Malaga
Algesiras
Tangier
Oran
Algiers
Barcelona
Tarragona
Saguntum
C. San Sebastian
Cette
Toulon
Hyeres Ids
Nice
Genoa
Spezia
Leghorn
Elba
Maddalena Ids
SARDINIA
BALEARIC IDS
MAJORCA
MINORCA
Port Mahon
CARTHAGE
Tunis
Cape Bon
Lilybaeum
SICILY
PALERMO
MESSINA
Lipari Ids.
Reggio
Syracuse
CAPE PASSARO
MALTA
ROME
NAPLES
VENICE
Trieste
Lissa
Brindisi
Taranto
Corfu
Actium
Navarino
MOREA
ATHENS
Macedonia
Salonica
Dardanelles
CONSTANTINOPLE
Sea of Marmora
Besika Bay
Bosphorus
BLACK SEA
Sinope
CRIMEA
Sebastopol
RHODES
CYPRUS
Acre
Mouths of the Nile
Rosetta
ALEXANDRIA

ТИП. ЭД. ГОППЕ

только образомъ родъ и степень этого вліянія могутъ быть надлежащимъ образомъ оцѣнены.

Въ началѣ войны, говоритъ Моммсенъ, Римъ обладалъ господствомъ на моряхъ. Какой бы причинѣ или какому бы сочетанію причинъ ни былъ приписанъ такой фактъ, только несомнѣнно, что это государство, по существу не морское, въ первой Пунической войнѣ заняло относительно своего мореходнаго соперника господствующее морское положеніе, удерживавшееся имъ и потомъ. Во Второй войнѣ не было серьезнаго морскаго сраженія — обстоятельство, указывающее само по себѣ, и еще болѣе въ связи съ другими хорошо установленными фактами, на превосходство морскаго положенія одной стороны передъ другою, аналогичное съ тѣмъ, какое въ другія эпохи отмѣчено тою же самою чертою.

Такъ какъ Аннибалъ не оставилъ мемуаровъ, то неизвѣстны мотивы, побудившіе его къ опасному и почти гибельному походу черезъ Галлію и черезъ Альпы. Достовѣрно, однако, что его флотъ у берега Испаніи не былъ достаточно силенъ для состязанія съ римскимъ. Конечно и обладая очень сильнымъ флотомъ, Аннибалъ могъ бы имѣть важныя, со своей точки зрѣнія, причины избрать путь, который избралъ въ дѣйствительности; но если бы онъ вмѣсто того сдѣлалъ переходъ моремъ, то не потерялъ бы тридцати трехъ тысячъ изъ шестидесяти тысячъ ветерановъ, съ которыми выступилъ въ походъ.

Пока Аннибалъ совершалъ этотъ походъ, римляне послали въ Испанію, подъ начальствомъ двухъ старшихъ Сципіоновъ, часть своего флота съ консульской арміей на судахъ его. Это плаваніе было совершено безъ серьезныхъ потерь, и армія высадилась успѣшно къ сѣверу отъ Эбро на коммуникаціонной линіи Аннибала. Въ то же самое время другая эскадра, съ арміей подъ начальствомъ другаго консула, была послана въ Сицилію. Численность обоихъ флотовъ достигала двухсотъ двадцати судовъ. На мѣстѣ избранной стоянки каждый изъ этихъ флотовъ встрѣтилъ и разбилъ карѳагенскую эскадру съ легкостью, о которой можно судить по бѣглости упоминаній объ этихъ сраженіяхъ и которая указываетъ на дѣйствительное превосходство римскаго флота.

Послѣ втораго года война опредѣлилась слѣдующимъ положеніемъ дѣлъ: Аннибалъ, войдя въ Италію съ сѣвера, послѣ ряда успѣховъ, обошелъ Римъ къ югу и утвердился въ южной Италіи, продовольствуя свои войска ресурсами страны, — условіе, которое вооружило противъ него населеніе и ставило его въ зависимость отъ случая, особенно въ столкновеніи съ могущественной политической и военной системой контроля, установленнаго здѣсь Римомъ. Поэтому для него прежде всего было настоятельно необходимо организовать между собою и какою нибудь надежною базою непрерывный потокъ запасовъ и подкрѣпленій, т. е. обезпечить то, что на современномъ военномъ языкѣ называется «коммуникаціей». Три дружественныя области, каждая въ отдѣльности или всѣ вмѣстѣ, могли быть для него такими базами: самъ Карѳагенъ, Македонія и Испанія. Съ первыми двумя сообщеніе возможно было только моремъ, съ Испаніей же, гдѣ Аннибалъ нашелъ сильнѣйшую поддержку, можно было сообщаться и моремъ и сушей, при томъ условіи однако, чтобы непріятель не заградилъ прохода; но морской путь былъ короче и удобнѣе.

Въ первые годы войны Римъ, при посредствѣ своей морской силы, обладалъ абсолютнымъ господствомъ надъ бассейномъ водъ между Италіей, Сициліей и Испаніей, извѣстныхъ подъ именемъ Тирренскаго и Сардинскаго морей. Населеніе морскаго побережья отъ Эбро до Тибра было настроено бо̀льшею частью дружественно къ нему. На четвертомъ году войны, послѣ битвы при Каннѣ, Сиракузы отложились отъ союза съ римлянами, возмущеніе вспыхнуло по всей Сициліи, и Македонія также заключила наступательный союзъ съ Аннибаломъ. Эти перемѣны въ обстоятельствахъ расширили необходимыя операціи римскаго флота и тяжело легли на его силы. Какъ дѣйствовалъ онъ и какъ, затѣмъ, вліялъ онъ на борьбу?

Существуютъ ясныя указанія на то, что Римъ никогда не упускалъ ко̀нтроля надъ Тирренскимъ моремъ, потому что его эскадры проходили безпрепятственно между Италіей и Испаніей. У испанскаго берега Римъ также пользовался полнымъ господствомъ до тѣхъ поръ, пока младшій Сципіонъ не нашелъ цѣлесообразнымъ разружить флотъ. Въ Адріатикѣ держалась эскадра и

учреждена была морская станція въ Бриндизи для противодѣйствія планамъ Македоніи, и эти мѣры настолько достигли своей цѣли, что ни одинъ воинъ фаланги никогда не поставилъ ноги на берегъ Италіи. «Недостатокъ военнаго флота», говоритъ Моммсенъ, «парализовалъ Филиппа во всѣхъ его дѣйствіяхъ». Здѣсь вліяніе морской силы, слѣдовательно, безспорно.

Въ Сициліи борьба сосредоточилась около Сиракузъ. Флоты Рима и Карѳагена встрѣтились тамъ, но превосходство, очевидно, было на сторонѣ перваго, такъ какъ карѳагеняне, хотя по временамъ и успѣвавшіе доставлять подкрѣпленія въ городъ, избѣгали сраженія съ римскимъ флотомъ. Послѣдній, имѣя Лилибеумъ, Палермо и Мессину въ своихъ рукахъ, былъ хорошо базированъ на сѣверномъ берегу острова. Доступъ же съ юга оставался открытымъ для карѳагенянъ, которые и могли такимъ образомъ поддерживать возстаніе.

Изъ свода всѣхъ изложенныхъ фактовъ вытекаетъ хорошо обоснованный выводъ, поддерживаемый и всѣмъ ходомъ исторіи, что римская морская сила господствовала въ водахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ линіи, которая идетъ: отъ Таррагоны въ Испаніи къ Лилибеуму (нынѣ Марсала) на западѣ Сициліи, оттуда кругомъ сѣвернаго берега острова черезъ Мессинскій проливъ до Сиракузъ, и отъ послѣднихъ — къ Бриндизи въ Адріатикѣ. Обладаніе этими водами принадлежало римлянамъ ненарушимо въ теченіе всей войны. Оно не исключало возможности для карѳагенянъ совершать такіе большіе и малые морскіе набѣги, о которыхъ говорилось выше, — но не допускало правильныхъ и обезпеченныхъ сообщеній, въ которыхъ Аннибалъ крайне нуждался.

Съ другой стороны, кажется одинаково ясно, что въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ войны римскій флотъ не былъ достаточно силенъ для постоянныхъ операцій въ морѣ между Сициліей и Карѳагеномъ, а также и значительно къ югу отъ вышеуказанной линіи. Аннибалъ, двинувшись въ походъ, назначилъ имѣвшіеся въ его распоряженіи корабли для сохраненія сообщеній между Испаніей и Африкой, которыя римляне и не пытались нарушить.

Римская морская сила, такимъ образомъ, всецѣло лишила Македонію возможности участвовать въ войнѣ. Она не удержала Карѳагена отъ полезной для него и въ высшей степени тревожной для Рима диверсіи въ Сициліи, но она воспрепятствовала посылкѣ войскъ въ помощь карѳагенскому генералу въ Италіи, когда они были бы крайне полезны для него. Какъ обстояло дѣло въ Испаніи?

Испанія была страною, на которой отецъ Аннибала и самъ Аннибалъ базировали задуманное ими вторженіе въ Италію. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ прежде, чѣмъ это вторженіе началось, они заняли страну, распространяя и утверждая свою силу, въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, съ рѣдкой прозорливостью. Они создали и закалили въ мѣстныхъ войнахъ тогда уже испытанную армію ветерановъ. Отправляясь изъ Италіи, Аннибалъ ввѣрилъ управленіе тамъ своему младшему брату Аздрубалу, сохранившему къ нему до конца почтительную преданность, на какую онъ не имѣлъ основанія надѣяться со стороны роднаго города своего въ Африкѣ, возмущеннаго междоусобіями.

При выступленіи его въ походъ господство карѳагенянъ въ Испаніи было обезпечено отъ Кадикса до рѣки Эбро. Страна же между этою рѣкою и Пиренеями была населена племенами, дружественными римлянамъ, но неспособными безъ римскихъ войскъ оказать успѣшное сопротивленіе Аннибалу. Послѣдній усмирилъ ихъ и оставилъ здѣсь одиннадцать тысячъ солдатъ, подъ начальствомъ Аннона, изъ опасенія, чтобы римляне сами не утвердились здѣсь и тѣмъ не нарушили его сообщеній съ базою.

Кнэй Сципіонъ, однако, прибылъ туда моремъ въ тотъ же годъ съ двадцатью тысячами солдатъ, разбилъ Аннона и занялъ и берегъ и внутреннюю область къ сѣверу отъ Эбро. Римляне такимъ образомъ утвердились на позиціи, помощью которой совершенно заперли для Аннибала сообщеніе съ подкрѣпленіями отъ Аздрубала и съ которой могли дѣлать нападенія на силы карѳагенянъ въ Испаніи; свои же сообщенія съ Италіею, какъ водныя, они могли считать обезпеченными ихъ морскимъ превосходствомъ. Они основали морскую базу въ Таррагонѣ, въ

противовѣсъ базѣ Аздрубала въ Картагенѣ, и затѣмъ вторгнулись въ карѳагенскія владѣнія. Война въ Испаніи, повидимому второстепенная, велась подъ предводительствомъ старшихъ Сципіоновъ въ теченіе семи лѣтъ, послѣ которыхъ, наконецъ, Аздрубалъ нанесъ имъ рѣшительное пораженіе: оба брата были убиты, и карѳагеняне едва не успѣли прорваться черезъ Пиринеи съ подкрѣпленіями для Аннибала. Попытка ихъ, однако, на этотъ разъ не удалась, а прежде, чѣмъ она могла быть возобновлена, паденіе Капуи освободило двѣнадцать тысячъ римскихъ ветерановъ, сейчасъ же затѣмъ и посланныхъ въ Испанію, подъ начальствомъ Клавдія Нерона — человѣка исключительныхъ способностей, совершившаго позднѣе самое рѣшительное военное движеніе изъ всѣхъ движеній римскихъ генераловъ во второй Пунической войнѣ. Это своевременное подкрѣпленіе, опять ставшее препятствіемъ на намѣченномъ Аздрубаломъ пути, пришло моремъ — путемъ самымъ скорымъ и легкимъ, но закрытымъ для карѳагенянъ римскимъ флотомъ.

Два года спустя, младшій Публій Сципіонъ, прославившійся впослѣдствіи, какъ Африканскій, принялъ командованіе въ Испаніи и взялъ Картагену соединенной атакой съ моря и съ суши; послѣ этого онъ рѣшился на въ высшей степени экстраординарный поступокъ: уничтожилъ свой флотъ и перевелъ матросовъ въ армію. Не довольствуясь для своей арміи ролью только задерживающей (containing) (*) силы противъ Аздрубала, путемъ загражденія Пиринейскаго прохода, Сципіонъ двинулся въ южную Испанію и далъ непріятелю жестокое, но нерѣшительное, сраженіе на Гвадалквивирѣ; вслѣдствіе этого Аздрубалу удалось уйти отъ него, и онъ, поспѣшивъ къ сѣверу, пересѣкъ Пиринеи на крайнемъ ихъ западѣ и быстро направился въ Италію, гдѣ позиція Аннибала съ каждымъ днемъ дѣлалась слабѣе, такъ какъ естественное истощеніе его арміи ни чѣмъ не возмѣщалось.

Война продолжалась десять лѣтъ, когда Аздрубалъ, потерпѣвъ небольшія потери въ походѣ, вошелъ въ Италію съ сѣ-

---

(*) Задерживающею силой называется такая, которой въ военныхъ комбинаціяхъ назначена обязанность задерживать или замедлять движеніе части непріятеля, пока главная сила арміи или армій занята другими частями его.

вера. Если бы приведенныя имъ сюда войска соединились съ тѣми, которыя были подъ начальствомъ не имѣвшаго соперника Аннибала, то это дало бы рѣшительный оборотъ войнѣ, потому что Римъ самъ былъ почти уже истощенъ; желѣзныя звенья, связывавшія съ нимъ его колоніи и союзныя государства, были напряжены до крайней степени и нѣкоторыя были уже разорваны. Но военная позиція двухъ братьевъ была также весьма опасна: одинъ стоялъ на рѣкѣ Метаурусъ, другой — въ Апуліи, въ разстояніи двухсотъ миль отъ него, каждый лицомъ къ лицу съ сильнѣйшими римскими арміями, которыя при этомъ раздѣляли ихъ. Это невыгодное положеніе карѳагенянъ, такъ же какъ и продолжительное замедленіе прихода Аздрубала, было слѣдствіемъ того господства римлянъ надъ моремъ, которое въ теченіе всей войны ограничивало для карѳагенскихъ братьевъ возможность взаимной поддержки только посредствомъ пути черезъ Галлію. Въ то самое время, какъ Аздрубалъ совершалъ свой длинный и опасный обходъ сушей, къ противопоставленной ему римской арміи приближалось подкрѣпленіе, въ количествѣ одиннадцати тысячъ человѣкъ, посланное Сципіономъ изъ Испаніи моремъ. Между тѣмъ посланные отъ Аздрубала къ Аннибалу, будучи принуждены проходить черезъ столь широкій поясъ враждебной страны, попали въ руки Клавдія Нерона, командовавшаго южной римской арміей и такимъ образомъ узнавшаго объ избранномъ Аздрубаломъ пути. Неронъ справедливо оцѣнилъ положеніе и, обманувъ бдительность Аннибала, совершилъ быстрый походъ съ восемью тысячами лучшихъ своихъ войскъ для соединенія съ силами на сѣверѣ. Какъ только это соединеніе состоялось, обѣ консульскія арміи напали на Аздрубала при подавляющемъ превосходствѣ въ силахъ и уничтожили его армію. Карѳагенскій вождь самъ палъ въ сраженіи, и Аннибалъ узналъ о несчастіи, увидавъ голову своего брата, брошенную въ его лагерь. Говорятъ, онъ воскликнулъ, что Римъ будетъ теперь владыкой міра.... И Метаурское сраженіе, дѣйствительно, общепринято считать рѣшеніемъ борьбы между двумя государствами.

Военное положеніе, которое окончательно разрѣшилось Метаурскимъ сраженіемъ и тріумфомъ Рима, можетъ быть резю-

мировано слѣдующимъ образомъ: для ниспроверженія господства Рима было необходимо атаковать его въ Италіи, въ сердцѣ его силы, и потрясти крѣпко связанную конфедерацію, которой онъ былъ главою. Для достиженія этого кареагенянамъ нужна была надёжная операціонная база и соотвѣтственная коммуникаціонная линія. Первая была организована въ Испаніи геніемъ великой фамиліи Барка; послѣдней же совсѣмъ не удалось обезпечить. Возможны были двѣ коммуникаціонныя линіи: одна — прямая, моремъ, другая — кружная, черезъ Галлію. Первая была блокирована морскою силою римлянъ, вторая подвергалась постоянно опасности и, наконецъ, была совершенно пересѣчена вслѣдствіе оккупаціи сѣверной Испаніи римской арміей. Эта оккупація сдѣлалась возможной черезъ обладаніе римлянами моремъ, которому кареагеняне никогда не угрожали. Такимъ образомъ, по отношенію къ Аннибалу и его базѣ, римляне занимали двѣ центральныя позиціи, — самый Римъ и сѣверную Испанію, — соединенныя удобною внутреннею коммуникаціонною линіею моремъ, чѣмъ и обезпечивалась постоянно взаимная поддержка ихъ.

Если бы Средиземное море было ровною пустынею, на окраинахъ которой римляне обладали бы сильными горными цѣпями Корсики и Сардиніи, укрѣпленными постами Тарагоны, Лилибеума и Мессины, итальянскою береговою линіею близъ Генуи и союзными крѣпостями въ Марсели и другихъ пунктахъ; если бы при этомъ римляне располагали также вооруженною силою, способною пересѣкать эту пустыню по желанію, а ихъ противникъ, будучи значительно слабѣе ихъ въ отношеніи такой силы, вынужденъ былъ именно поэтому на большой обходный путь для сосредоточенія своихъ войскъ, то весь смыслъ такого военнаго положенія былъ бы сразу понятъ, и не было бы словъ, достаточно вѣскихъ для выраженія значенія и вліянія упомянутой силы римлянъ. Было бы каждому ясно также, что если противникъ ихъ, несмотря на свою сравнительную слабость, и могъ бы дѣлать набѣги черезъ эту пустыню, сжечь поселенія или опустошить нѣсколько миль пограничной ея линіи и даже, отъ времени до времени, перехватывать продовольственные обозы, то во всякомъ случаѣ это не нарушило бы

обезпеченности сообщеній непріятеля. Подобныя хищническія операціи на морѣ предпринимались во всѣ вѣка слабѣйшею изъ воюющихъ сторонъ, но онѣ никоимъ образомъ не оправдываютъ вывода, несогласнаго съ извѣстными фактами, что будто «нельзя говорить, что Римъ или Карѳагенъ имѣли неоспоримое господство на морѣ», такъ какъ «римскіе флоты иногда посѣщали берега Африки, а карѳагенскіе флоты, въ свою очередь, появлялись у береговъ Италіи». Въ разсматриваемомъ случаѣ флотъ игралъ роль силы, господствующей на предполагаемой пустынѣ; но такъ какъ эта сила дѣйствовала на стихіи, незнакомой большинству писателей, и такъ какъ дѣятели ея съ незапамятныхъ временъ стояли какъ бы въ сторонѣ, не имѣя проповѣдника своего значенія и значенія профессіи своей, то ея огромное, рѣшающее вліяніе на исторію той эры, а вслѣдствіе этого и на исторію міра, не было принято во вниманіе. Если предшествующія разсужденія наши основательны, то надо признать, что было бы такъ же не логично опустить морскую силу изъ списка главныхъ факторовъ въ результатѣ историческихъ событій, какъ и нелѣпо настаивать на исключительности ея вліянія.

Вышеприведенные примѣры, извлеченные изъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго періодовъ времени, какъ предшествующихъ разсматриваемой въ настоящемъ трудѣ эпохѣ, такъ и слѣдующихъ за нею, иллюстрируютъ существенный интересъ предмета и характеръ уроковъ, которые исторія должна преподавать. Какъ выше замѣчено, послѣдніе входятъ чаще въ область стратегіи, чѣмъ тактики; они касаются скорѣе веденія кампаній, чѣмъ отдѣльныхъ сраженій, и поэтому исполнены болѣе постояннаго значенія. Большой авторитетъ по этому предмету, Жомини, говоритъ: «Когда мнѣ случилось быть въ Парижѣ, въ концѣ 1851 года, одна выдающаяся особа сдѣлала мнѣ честь заданіемъ вопроса о моемъ мнѣніи относительно того, произведутъ ли недавнія усовершенствованія въ огнестрѣльномъ оружіи серьезныя измѣненія въ способахъ веденія войны. Я отвѣтилъ, что они, вѣроятно, будутъ имѣть вліяніе на детали тактики, но что въ большихъ стратегическихъ операціяхъ и обширныхъ комбинаціяхъ сраженій побѣда, вѣроятно, будетъ и теперь, какъ была прежде, результатомъ

цѣлесообразнаго приложенія тѣхъ принциповъ, которые приводили къ успѣху во всѣ вѣка великихъ вождей — Александра и Цезаря, такъ же, какъ Фридриха и Наполеона». Изученіе вышеупомянутыхъ принциповъ сдѣлалось для флота теперь еще важнѣе, чѣмъ было прежде, вслѣдствіе значительности и надежности движущей силы, какою обладаютъ современныя паровыя суда. Наилучше начертанные планы могли не удаться подъ стихійнымъ дѣйствіемъ погоды въ дни галеръ и парусовъ; теперь же это затрудненіе почти исчезло. Принципы, которые должны управлять большими морскими комбинаціями, были приложимы къ послѣднимъ во всѣ вѣка и выводятся изъ исторіи, но способность выполнять эти комбинаціи, считаясь съ погодою лишь очень мало, — это уже пріобрѣтеніе недавняго времени.

Опредѣленія, даваемыя обыкновенно слову «стратегія», ограничиваютъ его военными комбинаціями, обнимающими одно поле или нѣсколько полей операцій, независимыхъ между собою или взаимно зависимыхъ, но всегда разсматриваемыхъ, какъ дѣйствительные или непосредственные театры войны. Какъ бы ни было такое опредѣленіе справедливо по отношенію къ сухопутной войнѣ, оно, какъ совершенно вѣрно указалъ недавно одинъ французскій авторъ, слишкомъ узко для *морской стратегіи*. «Послѣдняя», говоритъ онъ, «отличается отъ сухопутной стратегіи тѣмъ, что она такъ же необходима въ мирное, какъ и въ военное время. Въ самомъ дѣлѣ, въ мирное время она можетъ одержать самыя рѣшительныя свои побѣды занятіемъ въ странѣ, покупкою или договоромъ, превосходныхъ позицій, пріобрѣтеніе которыхъ войною было бы можетъ быть трудно достижимо. Она учитъ пользоваться всѣми случайностями для утвержденія на какомъ либо избранномъ береговомъ пунктѣ и способствовать обращенію въ постоянную такой оккупаціи, которая сначала была лишь временною». Поколѣніе, которое видѣло Англію въ теченіе десяти лѣтъ занявшей послѣдовательно Кипръ и Египетъ на срокъ и на условія, какъ будто бы временныя, но и до сихъ поръ не заставившія ея покинуть эти позиціи, можетъ вполнѣ согласиться съ приведеннымъ сейчасъ замѣчаніемъ; оно, въ самомъ дѣлѣ, получаетъ постоянное

подтвержденіе въ спокойной настойчивости, съ какою всѣ великія морскія державы стараются пріобрѣтать позиціи за позиціями, менѣе замѣтныя и менѣе значительныя, чѣмъ Кипръ и Египетъ, въ различныхъ моряхъ, куда ихъ народы и ихъ корабли проникаютъ. «Морская стратегія имѣетъ своею цѣлью основывать, поддерживать и увеличивать, какъ во время мира, такъ и во время войны, морское могущество страны». Поэтому изученіе морской стратегіи имѣетъ интересъ для всѣхъ гражданъ свободной страны, но въ особенности для тѣхъ, кому поручены ея иностранныя и военныя сношенія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ изслѣдованы сначала общія условія, которыя или всецѣло существенны для величія націи на морѣ или, во всякомъ случаѣ, имѣютъ на него сильное вліяніе; а затѣмъ послѣдуетъ болѣе подробное разсмотрѣніе жизни различныхъ морскихъ націй Европы въ серединѣ семнадцатаго столѣтія, съ котораго начинается наше историческое обозрѣніе, имѣющее цѣлью подтвердить примѣрами наши общіе выводы по главному предмету и дать имъ точность.

Примѣчаніе. Блескъ славы Нельсона, затмевающій славу его современниковъ, и безотчетная вѣра Англіи въ него, какъ единственнаго человѣка, способнаго спасти ее отъ замысловъ Наполеона, не долженъ скрывать, конечно, того факта, что только одна часть театра войны была, или могла быть, занята имъ. Цѣлью Наполеона въ кампаніи, окончившейся при Трафальгарѣ, было соединить въ Вестъ-Индіи французскіе флоты Бреста, Тулона и Рошфора, вмѣстѣ съ сильной эскадрой испанскихъ судовъ, образовавъ такимъ образомъ подавляющую силу, которую онъ намѣревался возвратить всю въ Англійскій Каналъ для прикрытія переправы французской арміи. Онъ, естественно, ожидалъ, что, при разбросанности интересовъ Англіи во всемъ мірѣ, въ ней возникнутъ смущеніе и тревога отъ незнанія назначенія французскихъ эскадръ, и англійскій флотъ будетъ отвлеченъ отъ избраннаго имъ предмета дѣйствій. Частью театра войны, ввѣренною Нельсону, было Средиземное море, гдѣ онъ стерегъ большое Тулонское адмиралтейство и „большіе пути“ на востокъ и въ Атлантику. Эта миссія имѣла не меньшее значеніе, чѣмъ другія, и въ глазахъ Нельсона пріобрѣтала еще бо́льшую важность, вслѣдствіе его увѣренности, что прежнія посягательства на Египетъ будутъ возобновлены. Благодаря этому убѣжденію, онъ сдѣлалъ сначала ложный шагъ, который замедлилъ его преслѣдованіе Тулонскаго флота, когда тотъ отплылъ подъ командою Вильнёва. Послѣднему, къ тому же, долгое время благопріятствовалъ хорошій попутный вѣтеръ, тогда какъ англійскій флотъ задерживался противными вѣтрами. Но если все это справедливо, если неудача комбинацій Наполеона должна быть приписана упорной блокадѣ англичанами Бреста

настолько же, насколько и энергическому преслѣдованію Нельсономъ Тулонскаго флота, когда тотъ ушелъ въ Вестъ-Индію, и послѣ того, при поспѣшномъ возвращеніи его въ Европу, то это преслѣдованіе основательно отнесено исторіей къ числу выдающихся отличій Нельсона, что и будетъ подтверждено ниже. Нельсонъ, въ дѣйствительности, не проникъ въ намѣренія Наполеона. Это могло быть, какъ полагаютъ нѣкоторые, слѣдствіемъ недостаточной проницательности, но можетъ быть проще объяснено обыкновенной невыгодой положенія обороняющагося, не знающаго какой пунктъ избралъ наступающій для перваго своего удара. Опредѣленіе настоящаго ключа позиціи показываетъ достаточную проницательность, и Нельсонъ правильно опредѣлилъ, что такимъ ключемъ былъ флотъ, а не станція. Поэтому-то его дѣятельность дала поразительный примѣръ того, какъ ясность цѣли и неутомимая энергія въ преслѣдованіи ея могутъ исправить первую ошибку и разрушить глубоко разсчитанные планы противника. Его командованіе въ Средиземномъ морѣ обнимало много обязанностей и заботъ, но важнѣйшей изъ всѣхъ ихъ ему представлялось ясно наблюденіе за Тулонскимъ флотомъ, какъ за факторомъ, контролирующимъ ходъ дѣла тамъ, и имѣющимъ значеніе для какой бы то ни было морской комбинаціи Императора. Вслѣдствіе этого вниманіе его было неуклонно сосредоточено на упомянутомъ флотѣ, въ такой мѣрѣ, что онъ прилагалъ къ послѣднему эпитетъ „мой флотъ“— выраженіе, которое нѣкоторымъ образомъ раздражало чувства французскихъ критиковъ. Этотъ простой и ясный взглядъ на военное положеніе укрѣпилъ его въ принятіи, подъ огромной отвѣтственностью, смѣлаго рѣшенія покинуть ввѣренную ему станцію для слѣдованія за „своимъ флотомъ“. Рѣшившись такимъ образомъ на преслѣдованіе, неоспоримая мудрость котораго не должна затмевать величіе ума, его предпринявшаго, онъ уже дѣйствовалъ столь неутомимо, что достигъ на обратномъ пути Кадикса недѣлею раньше, чѣмъ Вильнёвъ вошелъ въ Ферроль, несмотря на неизбѣжныя задержки, которыя онъ испыталъ, вслѣдствіе ложныхъ свѣдѣній и неувѣренности относительно движеній непріятеля. Та же самая неутомимая энергія дала ему возможность привести свои корабли изъ Кадикса къ Бресту во-время для того, чтобы дать англійскому флоту перевѣсъ надъ флотомъ Вильнёва на случай, если бы послѣдній настаивалъ на своей попыткѣ пріити туда. Англійскій флотъ, — при численности, значительно уступавшей полной численности флотовъ союзниковъ, — былъ поставленъ этимъ своевременнымъ подкрѣпленіемъ изъ восьми испытанныхъ кораблей въ возможно лучшее стратегическое положеніе, какъ это будетъ указано при разсмотрѣніи подобныхъ условій въ Американской войнѣ за независимость. Силы Англіи соединились въ одинъ флотъ въ Бискайской бухтѣ, расположившись между двумя дивизіями непріятеля, стоявшими въ Брестѣ и въ Ферролѣ и уступавшими, каждая, въ силѣ упомянутому флоту, который, поэтому, имѣлъ большую вѣроятность разбить любую изъ нихъ прежде, чѣмъ другая придетъ къ ней на помощь. Такимъ выгоднымъ положеніемъ Англія была обязана цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ властей ея, въ ихъ совокупности; но выше всѣхъ факторовъ, вліявшихъ на результатъ, стоитъ самостоятельно предпринятое преслѣдованіе Нельсономъ „своего флота“.

Этотъ интересный рядъ стратегическихъ движеній закончился 14 Августа, когда Вильнёвъ, отчаяваясь попасть въ Брестъ, направился въ Кадиксъ; гдѣ и сталъ на якорь 20-го. Какъ только Наполеонъ услышалъ объ этомъ,

такъ, послѣ взрыва гнѣва на адмирала, отказавшись отъ своихъ плановъ противъ Англіи, немедленно предписалъ рядъ движеній, которыя окончились въ Ульмѣ и Аустерлицѣ. Трафальгарская битва, состоявшаяся 21-го октября, такимъ образомъ отдѣляется двухмѣсячнымъ промежуткомъ времени отъ обширныхъ движеній флотовъ, которыхъ оно, несмотря на то, было слѣдствіемъ. Отдѣленное отъ нихъ во времени, оно является тѣмъ не менѣе отпечаткомъ генія Нельсона, немного запоздалымъ вѣнцомъ подвига, совершеннаго имъ въ недалекомъ прошломъ. Справедливо сказать, что Англія была спасена при Трафальгарѣ, хотя Императоръ уже до того отказался отъ вторженія въ нее; пораженіемъ здѣсь французскаго флота былъ упроченъ и завершенъ стратегическій тріумфъ, который безшумно разрушилъ планы Наполеона.

ГЛАВА I.

Элементы морскаго могущества.

Съ соціальной и политической точекъ зрѣнія море представляется великимъ путемъ или, скорѣе, обширной общинной равниной, черезъ которую можно проходить по всѣмъ направленіямъ; но нѣкоторыя изъ линій сообщенія черезъ эту равнину избираются кораблями, очевидно по серьезнымъ причинамъ, чаще, чѣмъ другія; эти-то сообщенія и называются торговыми путями, и причины, ихъ опредѣлившія, слѣдуетъ искать въ міровой исторіи.

Несмотря на всѣ заурядныя и исключительныя опасности моря, путешествіе и перевозка товаровъ водою всегда были легче и дешевле, чѣмъ сушей. Коммерческое величіе Голландіи обусловливалось не только ея приморскимъ положеніемъ, но также многочисленностью спокойныхъ водныхъ путей, которыя давали легкій доступъ во внутреннія области ея и въ области Германіи. Это преимущество водной перевозки грузовъ передъ сухопутной было еще значительнѣе въ эпоху, когда дороги были малочисленны и дурны, войны часты и общества неустроены, какъ это еще имѣло мѣсто около двухъ столѣтій тому назадъ. Морской перевозкѣ грузовъ тогда еще угрожали пираты, но тѣмъ не менѣе она была безопаснѣе и быстрѣе, чѣмъ перевозка сухопутная. Одинъ голландскій писатель того времени, оцѣнивая шансы своей страны въ войнѣ съ Англіей, замѣчаетъ, между прочимъ, что водные пути послѣдней не достаточно прорѣзываютъ страну; а такъ какъ дороги плохи, то грузы должны перевозиться изъ одной части королевства въ другую моремъ и подвергаются захватамъ на пути. Что касается чисто внутренней торговли, то въ настоящее время

такая опасность для нея повсюду исчезла. Въ бо̀льшей части цивилизованныхъ странъ уничтоженіе прибрежной морской торговли было бы только неудобствомъ, хотя водный транзитъ все-таки дешевле. Несмотря на то, всѣмъ, кто знакомъ съ исторіей и обширной легкой морской литературой, относящейся къ столь недавней эпохѣ, какъ эпоха войнъ Французской Республики и Первой Имперіи, извѣстно какъ часто писатели упоминали о морскихъ торговыхъ караванахъ, прокрадывавшихся тогда вдоль береговъ Франціи, хотя море и кишѣло англійскими крейсерами и хотя сухопутныя береговыя сообщенія Франціи были хороши.

При современныхъ условіяхъ, однако, отечественная торговля составляетъ только часть коммерческой дѣятельности страны, граничащей съ моремъ. Иностранные предметы необходимости или роскоши должны перевозиться въ порта на судахъ, которыя, въ обмѣнъ, вывозятъ изъ страны продукты ея добывающей или обработывающей промышленности; и каждая нація стремится къ тому, чтобы этотъ обмѣнъ совершался при посредствѣ ея собственныхъ судовъ. Для послѣднихъ необходимы обезпеченные порта дома и за границей, и возможное покровительство своей страны въ продолженіе плаванія.

Это покровительство во время войны должно осуществляться военнымъ флотомъ, необходимость котораго, въ тѣсномъ смыслѣ слова, вытекаетъ, поэтому, изъ существованія мирнаго флота и исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ, за исключеніемъ случая, когда нація имѣетъ наступательныя стремленія и содержитъ флотъ единственно, какъ отрасль военныхъ учрежденій. Такъ какъ Соединенные Штаты не имѣютъ теперь наступательныхъ цѣлей, а коммерческая морская дѣятельность ихъ почти исчезла, то упадокъ военнаго флота ихъ и недостатокъ интереса къ нему являются строго логическими слѣдствіями. Когда по какимъ нибудь причинамъ морская торговля Штатовъ снова возникнетъ, явится вновь и интересъ къ мореходству, достаточный для оживленія военнаго флота. Возможно также, что когда прорытіе канала черезъ Центрально-Американскій перешеекъ сдѣлается близкимъ къ окончательному осуществленію, то и наступательныя побужденія сдѣлаются достаточно сильными

для приведенія къ тому же результату; возможно, но однако сомнительно, потому что мирная любостяжательная нація недальновидна, а дальновидность необходима для надлежащей военной подготовки, особенно въ наши дни.

Когда нація посылаетъ военные и коммерческіе флоты далеко отъ своихъ береговъ, то для нея является скоро необходимость въ пунктахъ, на которые суда ея могли бы опираться въ операціяхъ мирной торговли, въ дѣлѣ пополненія продовольственныхъ и другихъ припасовъ и какъ на убѣжища отъ опасностей. Въ настоящее время для всякой націи найдутся по всему свѣту дружественные, хотя бы и иностранные, порта, и въ мирное время они даютъ достаточную защиту. Это, однако, не всегда было такъ; не вѣченъ также и миръ, хотя Соединенные Штаты избалованы столь продолжительной непрерывностью его. Въ прежнія времена коммерческій морякъ, искавшій торговыхъ сношеній съ новыми и неизслѣдованными странами, дѣлалъ свои пріобрѣтенія съ рискомъ жизни и свободы въ столкновеніяхъ съ подозрительными и враждебными націями, и собираніе полнаго и выгоднаго фрахта часто было сопряжено для него съ большой потерей времени. Онъ, поэтому, естественно искалъ на дальнемъ концѣ своего торговаго пути станцій, гдѣ подъ вліяніемъ дружескаго расположенія къ нему или опираясь на вооруженную силу, онъ или его агенты могли бы чувствовать себя безопасно, гдѣ корабли его могли бы найти убѣжище и откуда возможно было бы постоянное собираніе подлежащихъ выгодному торговому обмѣну продуктовъ въ ожиданіи домашняго флота, который перевозилъ бы послѣдніе въ отечественную страну. Такъ какъ въ такихъ раннихъ мореходныхъ предпріятіяхъ представлялась столь же громадная выгода, сколько и большой рискъ, то подобныя станціи естественно умножались и росли до образованія колоній, которыхъ конечное развитіе зависѣло отъ политическаго генія основавшихъ ихъ націй и играетъ большую роль въ исторіи міра, особенно же въ морской исторіи его. Не всѣ колоніи возникли и развились вышеописаннымъ простымъ и естественнымъ путемъ. Многія были основаны въ видахъ чисто политическихъ, болѣе по почину и усиліями правителей

народовъ, чѣмъ частныхъ предпринимателей ихъ; но въ процессѣ развитія своего, торговая станція, — плодъ дѣятельности искавшаго коммерческихъ выгодъ авантюриста, — по существу, не отличается отъ колоніи, организованной заботливымъ попеченіемъ метрополіи. Въ обоихъ случаяхъ послѣдняя ставила ногу на чужую землю, ища новыхъ рынковъ для своей торговли, новой сферы для своего мореходства, новой дѣятельности для своего народа, бо̀льшаго комфорта и богатства для себя.

Нужды коммерціи, однако, далеко не всѣ удовлетворялись обезпеченіемъ безопасной гавани на дальнемъ концѣ торговаго пути. Путешествія были длинны и опасны; на моряхъ часто встрѣчались враждебныя суда. Въ дни наиболѣе дѣятельной колонизаціи на морѣ господствовала беззаконность, самая память о которой почти исчезла теперь, и періоды мирнаго настроенія между морскими націями были тогда коротки и рѣдки. Такимъ образомъ возникла потребность въ станціяхъ на линіяхъ торговыхъ путей, какъ напримѣръ на мысѣ Доброй Надежды, на островахъ Св. Елены и Маврикія, сначала не для торговли, но для обороны и вообще военныхъ дѣйствій; потребовались посты, подобные Гибралтару, Мальтѣ, Лунсбургу, при входѣ въ заливъ Св. Лаврентія, — посты, которыхъ значеніе было, главнымъ образомъ, стратегическое, хотя и не необходимо лишь такое. Колоніи и колоніальные посты были, по своему характеру, или военные, или коммерческіе и лишь исключительные изъ нихъ, какъ напримѣръ Нью-Іоркъ, имѣли одновременно одинаковое значеніе съ обѣихъ точекъ зрѣнія.

Въ трехъ данныхъ, — 1) въ производствѣ продуктовъ, съ необходимостью обмѣна ихъ, 2) въ судоходствѣ для совершенія этого обмѣна и 3) въ колоніяхъ, которыя расширяютъ и облегчаютъ операціи судоходства, покровительствуя ему также умноженіемъ безопасныхъ для судовъ станцій, надо искать ключъ ко многому въ исторіи и политикѣ приморскихъ націй. Политика измѣнялась, какъ съ духомъ вѣка, такъ и съ характеромъ и степенью дальновидности правителей; но исторія прибрежныхъ націй опредѣлялась менѣе проницательностью и предусмотрительностью правительствъ, чѣмъ условіями положенія, протяженія, очертанія берега, числен-

ностью и характеромъ народонаселенія, — т. е. вообще тѣмъ, что называется естественными условіями. Должно, однако, допустить, — и правильность этого будетъ ясна изъ дальнѣйшаго изложенія, — что мудрыя и глупыя дѣянія отдѣльныхъ личностей имѣютъ въ извѣстныя эпохи большое вліяніе на развитіе морской силы въ широкомъ смыслѣ, который обнимаетъ не только военную силу на водѣ, господствующую на морѣ или на той или другой части его силою оружія, но также мирное торговое мореходство, изъ котораго одного только возникаетъ военный флотъ естественнымъ путемъ и на которое только онъ прочно опирается.

Главныя условія, вліяющія на морскую силу націй, могутъ быть подведены подъ слѣдующія рубрики: I. Географическое положеніе. II. Физическое строеніе (conformation), включая сюда естественную производительность и климатъ. III. Размѣры территоріи. IV. Численность народонаселенія. V. Характеръ народа. VI. Характеръ правительства, включая въ эту рубрику и національныя учрежденія.

I. Географическое положеніе. — Здѣсь прежде всего можно указать, что если страна расположена такъ, что она не вынуждена ни защищать себя со стороны суши, ни искать расширенія территоріи путемъ сухопутныхъ дѣйствій, то уже по самому единству своей цѣли, направленной въ сторону требованій морскихъ интересовъ, она имѣетъ преимущество сравнительно со страною, одна изъ границъ которой континентальна. Таково и было большое преимущество Англіи передъ Голландіей и Франціей въ процессѣ роста морской силы. Средства Голландіи скоро истощились необходимостью содержать большую армію и вести разорительныя войны для сохраненія своей независимости, а политика Франціи постоянно отвлекалась отъ морскихъ интересовъ, — иногда мудро, иногда въ высшей степени легкомысленно, — проектами континентальнаго расширенія страны. Эти военныя усилія истощали богатства ея, тогда какъ болѣе мудрая и согласная съ географическимъ положеніемъ политика увеличивала бы ихъ.

Географическое положеніе страны можетъ или требовать сосредоточенія морскихъ силъ, или вынуждать раз-

сѣяніе ихъ. Въ этомъ отношеніи опять Британскія острова имѣютъ преимущество передъ Франціей. Положеніе послѣдней, прилегающей и къ Средиземному морю и къ океану, хотя и имѣетъ свои выгоды, въ цѣломъ представляетъ источникъ слабости ея на морѣ въ военномъ отношеніи. Восточный и западный французскіе флоты могутъ соединиться только послѣ прохожденія черезъ Гибралтарскій проливъ, и въ попыткахъ къ такому соединенію они часто рисковали претерпѣть и претерпѣвали потери. Положеніе Соединенныхъ Штатовъ на двухъ океанахъ было бы также или источникомъ большой слабости, или причиною огромныхъ расходовъ, если бы они имѣли большую морскую торговлю на обоихъ берегахъ.

Англія, въ организаціи своихъ неизмѣримыхъ колоніальныхъ владѣній, пожертвовала въ значительной мѣрѣ выгодою сосредоточенія силы близъ ея береговъ; но жертва была принесена мудро, такъ какъ пріобрѣтенія превысили потери, какъ это доказалъ результатъ. Съ развитіемъ ея колоніальной системы росли также и ея военные флоты, но ея торговое судоходство и благосостояніе росли еще скорѣе. Тѣмъ не менѣе, въ Американской войнѣ за независимость и въ войнахъ Французскихъ Имперіи и Республики, говоря сильнымъ языкомъ французскаго автора, «Англія, несмотря на огромное развитіе ея флота, казалось, всегда среди богатствъ испытывала затрудненія бѣдности». Могущество Англіи было достаточно для поддержанія біенія сердца ея и дѣятельности всѣхъ ея органовъ; тогда какъ одинаково обширныя колоніальныя владѣнія Испаніи, вслѣдствіе ея морской слабости, представляли только множество уязвимыхъ мѣстъ.

Географическое положеніе страны можетъ не только благопріятствовать сосредоточенію ея силъ, но дать и другое стратегическое преимущество—центральную позицію и хорошую базу для враждебныхъ операцій противъ ея вѣроятныхъ враговъ. Такое обстоятельство опять имѣетъ мѣсто по отношенію къ Англіи: съ одной стороны она противопоставлена Голландіи и сѣвернымъ державамъ, съ другой — Франціи и Атлантическому океану. Когда ей, въ различныя эпохи, угрожали коалиціи

между Франціей и морскими державами Сѣвернаго и Балтійскаго морей, ея флоты въ Доунсѣ и въ Каналѣ, и даже близъ Бреста, занимали внутреннія позиціи по отношенію къ непріятелю и такимъ образомъ могли выставить свою соединенную силу противъ того или другаго изъ враждебныхъ флотовъ отдѣльно, такъ какъ послѣдніе должны были, для соединенія между собою, пройти черезъ Каналъ. Кромѣ того, на обоихъ моряхъ природа дала Англіи лучшіе порта и берега, позволяющіе безопасное приближеніе къ нимъ. Прежде послѣднее условіе было весьма серьезнымъ элементомъ для легкаго плаванія черезъ Каналъ, и невыгода естественнаго положенія Франціи въ этомъ отношеніи уменьшилась лишь съ недавняго времени только благодаря пару и улучшенію въ устройствѣ гаваней. Въ дни парусныхъ судовъ англійскій флотъ въ операціяхъ противъ Бреста избиралъ своими базами Торбэй и Плимутъ. Планъ, въ сущности своей, былъ такой: при восточномъ, или умѣренномъ вѣтрѣ блокирующій флотъ сохранялъ свое положеніе безъ затрудненій; но при западныхъ штормахъ, особенно когда они были сильны, англійскій флотъ уходилъ въ свои порта, зная, что французскіе корабли могли выйти въ море только послѣ перемѣны вѣтра, въ случаѣ которой и онъ получалъ возможность опять возвратиться къ своей станціи.

Выгода географической близости къ непріятелю или къ предмету атаки нигдѣ такъ не очевидна, какъ въ томъ родѣ войны, который въ послѣднее время получилъ въ Англіи названіе *commerce-destroying* (уничтожающая торговлю) и который французы называютъ *guerre de course* (*). Эта военная операція, направленная противъ мирныхъ коммерческихъ судовъ, обыкновенно беззащитныхъ, требуетъ военныхъ судовъ малой силы. Послѣднія, имѣя слабыя оборонительныя средства, нуждаются въ близкихъ къ району ихъ дѣйствій убѣжищахъ или пунктахъ поддержки, которые и существуютъ обыкновенно или въ нѣкоторыхъ частяхъ моря, гдѣ господствуетъ боевой флотъ ихъ страны, или въ дружественныхъ гаваняхъ. Такія гавани представляютъ самую сильную поддержку, по постоянству по-

(*) Крейсерская война.

ложенія своего и потому, что входы въ нихъ всегда болѣе извѣстны уничтожателю торговли, чѣмъ его непріятелю. Близость Франціи къ Англіи, такимъ образомъ, весьма облегчила для первой крейсерскую войну противъ послѣдней. Имѣя порта на Сѣверномъ морѣ, въ Каналѣ и въ Атлантическомъ океанѣ, крейсеры Франціи отправлялись изъ пунктовъ, близкихъ къ фокусамъ какъ ввозной, такъ и вывозной англійской торговли. Значительность разстояній между портами, невыгодная для регулярныхъ военныхъ комбинацій, представляетъ выгоду для разсматриваемой иррегулярной второстепенной операціи, потому что въ первомъ случаѣ существенно необходимо сосредоточеніе силы, а во второмъ требуется разсѣяніе ея. Уничтожатели торговли разсѣиваются, чтобы встрѣтить и захватить больше добычи. Эти истины получаютъ подтвержденіе въ исторіи замѣчательныхъ французскихъ приватировъ, которыхъ базы и театры дѣйствій главнымъ образомъ были въ Каналѣ и въ Сѣверномъ морѣ или въ отдаленныхъ колоніальныхъ странахъ, гдѣ острова, подобные Гваделупѣ и Мартиникѣ, представляли близкія убѣжища для уничтожателей торговли. Необходимость возобновленія запаса угля дѣлаетъ въ наше время крейсеръ еще болѣе зависимымъ отъ соотвѣтствующаго порта, чѣмъ встарину. Общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ относится съ большимъ довѣріемъ къ войнѣ, направленной противъ торговли непріятеля; но должно помнить, что Республика не имѣетъ портовъ, очень близкихъ къ большимъ центрамъ заграничной торговли. Ея географическое положеніе, поэтому, особенно невыгодно для успѣшнаго веденія крейсерской войны, если только для нея не найдется базъ въ портахъ союзниковъ.

Если, въ придачу къ легкости обороны, природа помѣстила страну такъ, что она имѣетъ легкій доступъ къ главнымъ океанскимъ путямъ, въ то же время обладая контролемъ надъ одной изъ большихъ линій міроваго торговаго движенія, то очевидно, что стратегическое значеніе такого положенія очень велико... И такому условію болѣе другихъ странъ удовлетворяетъ, и еще въ большей степени удовлетворяло прежде, опять-таки положеніе Англіи. Торговое движеніе Голландіи, Швеціи, Россіи, Даніи и то, которое направлялось вверхъ по большимъ рѣкамъ во вну-

треннія области Германіи, должны были проходить черезъ Каналъ, близко мимо дверей Англіи, потому что парусныя суда должны были придерживаться ея береговъ. Эта сѣверная торговля имѣла, кромѣ того, особенное отношеніе къ морской силѣ: морскіе припасы (naval stores), какъ ихъ обыкновенно называютъ, вывозились, главнымъ образомъ, изъ прибалтійскихъ странъ.

До потери Гибралтара положеніе Испаніи имѣло большую аналогію съ положеніемъ Англіи: опираясь одновременно и на Атлантику и на Средиземное море, на Кадиксъ на одномъ берегу и на Картагену на другомъ, торговля съ Левантомъ проходила черезъ Испанію, а та, которая направлялась кругомъ мыса Доброй Надежды, также шла близъ ея дверей. Но потеря Гибралтара не только лишила Испанію контроля надъ проливами, но и воздвигла препятствіе для легкаго соединенія двухъ дивизій ея флота.

Если принять во вниманіе только географическое положеніе Италіи, игнорируя другія условія, вліяющія на ея морское могущество, то казалось бы, что при своей обширной береговой линіи и хорошихъ портахъ, она занимаетъ положеніе очень выгодное для рѣшительнаго вліянія въ настоящее время на торговый путь къ Леванту и черезъ Суэцкій перешеекъ. Это и вѣрно до нѣкоторой степени, но было бы еще вѣрнѣе, если бы Италія удержала въ своихъ рукахъ острова, такъ сказать, естественно ей принадлежащіе; при условіи же, что Мальта въ рукахъ Англіи, а Корсика въ рукахъ Франціи, выгоды ея географическаго положенія въ значительной мѣрѣ нейтрализованы. Эти два острова, по своему положенію и вслѣдствіе расоваго родства между населеніемъ ихъ и населеніемъ Италіи, представляютъ для послѣдней столь же законные предметы желанія, какъ Гибралтаръ для Испаніи. Если бы Адріатика была большимъ торговымъ путемъ, то положеніе Италіи было бы еще болѣе выгоднымъ. Указанные недостатки въ географическихъ условіяхъ, связанные съ другими причинами, вредящими полному и безопасному развитію морской силы, дѣлаютъ болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, чтобы Италія могла въ ближайшемъ будущемъ стать въ первые ряды среди морскихъ націй.

Такъ какъ цѣль настоящей главы не состоитъ въ томъ,

чтобы исчерпать вопросъ, но единственно лишь въ попыткѣ пояснить примѣрами какъ существенно географическое положеніе страны можетъ вліять на дѣятельность ея на морѣ, то предметъ этой рубрики можно на время оставить, тѣмъ болѣе, что ниже, въ нашемъ историческомъ изложеніи, мы еще будемъ имѣть случаи возвращаться къ нему. Однако умѣстно будетъ остановиться еще на двухъ замѣчаніяхъ.

Обстоятельства заставили Средиземное море играть въ исторіи міра, какъ съ коммерческой, такъ и съ военной точекъ зрѣнія, бо̀льшую роль, чѣмъ всякую другую площадь воды того же размѣра. Нація за націей боролись за пріобрѣтеніе господства въ немъ, и борьба продолжается и теперь. Поэтому изученіе условій, на которыя это господство опиралось прежде и опирается теперь, а также и относительнаго военнаго значенія различныхъ пунктовъ на берегахъ этого моря, болѣе поучительно, чѣмъ подобное же изученіе по отношенію къ другимъ театрамъ дѣйствій морской силы. Далѣе, въ настоящее время Средиземное море представляетъ замѣчательную аналогію во многихъ отношеніяхъ съ Караибскимъ, — аналогію, которая будетъ еще ближе, если водный путь черезъ Панамскій перешеекъ когда-либо осуществится. Вслѣдствіе этого изученіе стратегическихъ условій Средиземнаго моря, для котораго исторія даетъ обширный запасъ иллюстрацій, представитъ великолѣпную прелюдію къ подобному же изученію Караибскаго моря, имѣющаго сравнительно недолгую исторію.

Второе наше замѣчаніе имѣетъ предметомъ географическое положеніе Соединенныхъ Штатовъ относительно Центрально-Американскаго канала. Если послѣдній будетъ прорытъ, и надежды его строителей осуществятся, то Караибское море, представляющее теперь значеніе только для мѣстной торговли, пріобрѣтетъ значеніе одного изъ главныхъ міровыхъ торговыхъ путей. Съ товарами проникнутъ къ намъ черезъ него и интересы другихъ большихъ націй — европейскихъ, приблизившись къ нашимъ берегамъ такъ, какъ никогда не приближались прежде. Вмѣстѣ съ этимъ тогда намъ уже не будетъ такъ легко, какъ теперь, стоять въ сторонѣ отъ международныхъ осложненій. Положеніе Соединенныхъ Штатовъ по отно-

шенію къ этому пути напомнитъ положеніе Англіи по отношенію къ Каналу и Средиземноморскихъ странъ относительно Суэцкаго пути. Что касается вліянія и господства на немъ въ зависимости отъ географическаго положенія страны, то конечно ясно, что они доступнѣе всего намъ, такъ какъ центръ нашей національной силы, или наша постоянная база (*), значительно ближе къ нему, чѣмъ постоянная база другихъ націй: позиціи, которыя занимаются послѣдними теперь или займутся ими впослѣдствіи, на островѣ или на материкѣ, какъ бы онѣ ни были хороши, будутъ только аванпостами ихъ силы. Надо, однако, замѣтить при этомъ, что Соединенные Штаты, несмотря на превосходство свое передъ всякою другою страною въ отношеніи обилія сырыхъ матеріаловъ для военныхъ цѣлей, слабы своею признанною неподготовленностью къ войнѣ; и ихъ географическая близость къ мѣсту состязанія теряетъ нѣсколько въ своемъ значеніи вслѣдствіе того свойства берега Мексиканскаго залива, что на немъ недостаточно портовъ, соединяющихъ безопасность отъ непріятеля съ удобствами для исправленія военныхъ судовъ перваго класса, безъ которыхъ ни одна страна не можетъ претендовать на господство въ какой-либо части моря. Кажется очевидно, что въ случаѣ борьбы за преобладаніе въ Караибскомъ морѣ главныя усилія Штатовъ должны сосредоточиться на долинѣ рѣки Миссисипи, вслѣдствіе глубины южнаго прохода ея, близости долины къ Новому Орлеану и выгодъ, представляемыхъ ею въ отношеніи воднаго транзита... Здѣсь, вѣроятно, будетъ и постоянная база ея операцій. Между тѣмъ оборона входа въ Миссиссипи представляетъ особенныя затрудненія, а единственные соперничающіе между собою порта, Кэй-Вестъ (Key-West) и Пенсакола (Pensacola), имѣютъ слишкомъ малую глубину и значительно менѣе удобное расположены по отношенію къ рессурсамъ страны. Для извлеченія полной выгоды изъ превосходнаго географическаго положенія эти недостатки слѣдуетъ устранить. Далѣе, такъ какъ Соединенные Штаты удалены отъ

(*) Подъ базой долговременныхъ операцій «понимается страна, откуда исходятъ всѣ рессурсы, гдѣ соединены большія линіи сообщеній сушей и водой, гдѣ находятся арсеналы и вооруженные посты».

перешейка довольно значительно, то имъ придется озаботиться устройствомъ на берегахъ Караибскаго моря станцій, которыя были бы приспособлены для случайныхъ, или второстепенныхъ, операціонныхъ базъ и которыя, по ихъ естественнымъ выгодамъ, удобствамъ обороны и близости къ центральному стратегическому пункту, позволили бы флотамъ Штатовъ оставаться такъ близко къ театру дѣйствій, какъ любому ихъ противнику. При достаточной защищенности входа въ Миссисипи и выхода изъ него, при упомянутыхъ аванпостахъ, при обезпеченности сообщенія между ними и домашней базой, — короче говоря, при надлежащей военной подготовкѣ, для которой имѣются всѣ необходимыя средства, — преобладаніе Соединенныхъ Штатовъ на этомъ театрѣ явилось бы математически несомнѣннымъ слѣдствіемъ изъ ихъ географическаго положенія и ихъ силы.

II. Физическое строеніе. — Вышеупомянутыя свойства береговъ Мексиканскаго залива подходятъ прямо подъ эту вторую рубрику условій, вліяющихъ на развитіе морской силы.

Береговая линія страны, это — одна изъ ея границъ; и чѣмъ легче доступъ черезъ границу къ другимъ странамъ, въ разсматриваемомъ случаѣ черезъ море, тѣмъ сильнѣе стремленіе народа къ сношеніямъ съ ними. Въ странѣ, обладающей береговой линіей, хотя и большаго протяженія, но совершенно безъ гавани, не могли бы развиться ни морское судоходство, ни морская торговля, ни флотъ. Такой именно случай и представляла Бельгія, когда она была испанской и австрійской провинціей. Голландія въ 1648 году поставила въ условіе мира послѣ успѣшной войны, чтобы Шельда была закрыта для морской торговли. Это заперло Антверпенскую гавань и перенесло морскую торговлю Бельгіи въ Голландію. Испанскіе Нидерланды перестали быть морскою державою.

Многочисленныя и глубокія гавани составляютъ источникъ силы и богатства, особенно если онѣ лежатъ у устьевъ судоходныхъ рѣкъ, которыя облегчаютъ сосредоточеніе въ нихъ внутренней торговли страны; но вслѣдствіе самой доступности своей онѣ дѣлаются источникомъ слабости въ войнѣ, если ихъ оборона недостаточно обезпечена. Голландскій флотъ въ 1667 году почти безъ затрудненій поднялся вверхъ по Темзѣ и сжегъ

большую часть англійскаго флота въ виду Лондона; тогда какъ нѣсколько лѣтъ спустя, соединенные флоты Англіи и Франціи, пытаясь сдѣлать высадку въ Голландіи, потерпѣли неудачу столько же вслѣдствіе малой доступности береговъ, сколько и вслѣдствіе доблестнаго сопротивленія со стороны голландскаго флота. Въ 1778 году гавань Нью-Іорка, а съ нею и неоспоримый контроль надъ рѣкою Гудсонъ, были бы потеряны для англичанъ, которые были захвачены врасплохъ, если бы не нерѣшительность французскаго адмирала. Съ этимъ контролемъ Новая Англія возстановила бы близкое и безопасное сообщеніе съ Нью-Іоркомъ, Нью-Джерсеемъ и Пенсильваніей; и такой ударъ, слѣдуя такъ скоро за бѣдствіемъ, постигшимъ Бэргойна (Burgoyne) годъ назадъ, вѣроятно заставилъ бы Англію заключить миръ раньше. Миссисипи служитъ могущественнымъ источникомъ богатства и силы для Соединенныхъ Штатовъ, но слабая оборона его устьевъ и многочисленность второстепенныхъ рукавовъ его, прорѣзывающихъ страну, сдѣлали его источникомъ слабости и бѣдствій для Южной Конфедераціи. И, наконецъ, въ 1814 году оккупація Чезапика и разрушеніе Вашингтона дали выразительный урокъ того, какую опасность представляютъ для атакуемой страны превосходнѣйшіе водные пути, если доступы къ нимъ не защищены; урокъ этотъ, по недавности его, легко помнить, но, судя по современному состоянію береговой обороны, онъ, кажется, еще легче забывается. При этомъ не надо думать, что условія съ тѣхъ поръ совсѣмъ измѣнились: обстоятельства и детали обороны и нападенія измѣнились теперь, какъ мѣнялись и прежде, но основныя условія остались тѣ же самыя.

До большихъ Наполеоновскихъ войнъ и въ теченіе ихъ Франція не имѣла порта для линейныхъ кораблей къ востоку отъ Бреста. Насколько выгоднѣе обставлена Англія, видно изъ того, что она, на томъ же протяженіи, имѣетъ два большія адмиралтейства, въ Плимутѣ и Портсмутѣ, кромѣ гаваней для укрытія флота и пополненія запасовъ его, въ случаѣ надобности. Упомянутый недостатокъ физическаго строенія Франціи съ тѣхъ поръ исправленъ сооруженіями въ Шербургѣ.

Кромѣ очертанія береговъ, включая сюда степень легкости

доступа къ морю, существуютъ еще другія физическія условія, которыя или обращаютъ дѣятельность націи къ морю, или отвлекаютъ ее отъ него. Хотя во Франціи былъ недостатокъ въ военныхъ портахъ въ Каналѣ, но она имѣла и тамъ и на берегахъ океана, такъ же какъ и въ Средиземномъ морѣ, превосходныя гавани, расположенныя благопріятно для заграничной торговли и при устьяхъ большихъ рѣкъ, которыя поддерживаютъ внутренній торговый обмѣнъ. Между тѣмъ, когда Ришельё положилъ конецъ междоусобной войнѣ, французы не обратились къ морю съ энергіею и успѣхомъ Англіи и Голландіи. Главная причина этого лежала, вѣроятно, въ физическихъ условіяхъ, дѣлающихъ Францію страною привлекательною, съ очаровательнымъ климатомъ и съ производительностью, которая превышала потребности ея населенія. Англія, съ другой стороны, получила отъ природы лишь очень немного и до развитія своихъ мануфактуръ имѣла мало продуктовъ для вывоза. Многочисленность ея нуждъ, въ соединеніи съ неустанной дѣятельностью и другими условіями, которыя благопріятствовали развитію морской предпріимчивости, привели представителей ея населенія далеко за границы ихъ страны; и тамъ они нашли земли болѣе привлекательныя и болѣе богатыя, чѣмъ ихъ родина. Нужды и врожденныя свойства сдѣлали англичанъ купцами и колонистами, а затѣмъ фабрикантами и промышленниками; а между послѣдними и колоніями торговое мореходство является неизбѣжнымъ звеномъ. Такимъ образомъ морская сила Англіи росла. Но если Англія привлекалась къ морю, то Голландія была прямо гонима къ нему; безъ моря Англія томилась бы въ нуждѣ, а Голландія умерла бы. По оцѣнкѣ одного компетентнаго авторитета, почва Голландіи, — когда послѣдняя была на высотѣ своего величія и однимъ изъ главныхъ факторовъ европейской политики, — не могла бы обезпечить существованіе болѣе чѣмъ одной восьмой части ея населенія. Фабричныя производства страны были тогда многочисленны и значительны, но они развились гораздо позже, чѣмъ промышленно-мореходные интересы. Бѣдность почвы и свойства береговъ заставили Голландію прежде всего обратиться къ рыболовству. Затѣмъ, открытіе процесса соленія рыбы дало ей превосходный продуктъ и для экспорта и для домашняго потребленія и положило

краеугольный камень ея богатства. Сдѣлавшись такимъ образомъ торговыми мореходами какъ разъ въ то время, когда Итальянскія республики, подъ давленіемъ Турціи и вслѣдствіе открытія пути кругомъ мыса Доброй Надежды, начали приходить въ упадокъ, голландцы получили въ наслѣдство отъ этихъ республикъ большую итальянскую торговлю съ Левантомъ. Далѣе, благодаря благопріятному географическому положенію, промежуточному между Франціей, Балтійскимъ и Средиземнымъ морями, а также при устьяхъ германскихъ рѣкъ, они быстро захватили въ свои руки почти все транспортное дѣло Европы. Пшеница и матеріалы для нуждъ мореходства изъ прибалтійскихъ странъ, предметы торговли Испаніи съ ея колоніями въ Новомъ Свѣтѣ, вина Франціи и предметы ея прибрежной торговли,—все это немного раньше, чѣмъ два съ половиною столѣтія тому назадъ, перевозилось на судахъ голландскаго флота. Даже значительная часть англійской торговли нуждалась въ голландскихъ судахъ. Конечно не слѣдуетъ думать, что такое развитіе торговаго судоходства произошло только отъ бѣдности естественныхъ рессурсовъ Голландіи: изъ ничего ничто не выростаетъ; но несомнѣнно, однако справедливо, что недостатокъ средствъ для народнаго пропитанія заставилъ Голландію обратить свою дѣятельность къ морю и что искусство населенія въ мореходствѣ и обширный флотъ ея сдѣлали ее способной воспользоваться внезапнымъ расширеніемъ торговли и духомъ географическихъ изслѣдованій, характеризовавшими эпоху, которая слѣдовала за открытіемъ Америки и пути въ Индію кругомъ мыса Доброй Надежды.

Были, конечно, и другія причины процвѣтанія Голландіи, но можно сказать, что въ цѣломъ оно держалось на ея морской силѣ, которая родилась отъ ея бѣдности. Пища голландцевъ, ихъ одежда, сырые матеріалы для ихъ мануфактуръ, даже доски, изъ которыхъ они строили свои корабли (а они строили почти столько же, сколько строила вся остальная Европа) и пенька для оснастки послѣднихъ, привозились изъ другихъ странъ; и во время бѣдственной войны съ Англіей въ 1653 и 1654 годахъ, продолжавшейся восемнадцать мѣсяцевъ и сопровождавшейся прекращеніемъ торговаго судоходства Голландіи, «источники дохода, которые всегда поддерживали богатство госу-

дарства, т. е. рыболовство и торговля, почти изсякли. Фабрики закрылись, работы остановились. Зюйдеръ-Зее обратился въ лѣсъ праздныхъ мачтъ; страна наполнилась нищими; трава выросла на улицахъ, и въ Амстердамѣ полторы тысячи домовъ пустовали»... Только унизительный миръ спасъ Голландію отъ раззоренія.

Печальный результатъ этотъ показываетъ слабость страны, зависящей только отъ внѣшнихъ по отношенію къ ней источниковъ, въ роли, которую она играетъ въ мірѣ. За многими исключеніями, вытекающими изъ различія условій, о которыхъ нѣтъ нужды говорить здѣсь, положеніе Голландіи разсмотрѣннаго времени имѣетъ сильные пункты сходства съ положеніемъ Великобританіи теперь; и можно назвать истинными пророками, — кажется, впрочемъ, не пользующимися почетнымъ вниманіемъ въ своемъ отечествѣ, — тѣхъ англичанъ, которые проповѣдуютъ, что благосостояніе Англіи опирается главнымъ образомъ на сохраненіи ея силы за границею. Люди могутъ чувствовать неудовлетвореніе при недостаткѣ политическихъ правъ, но они будутъ еще менѣе удовлетворены при недостаткѣ хлѣба. Для американцевъ еще интереснѣе замѣтить, что такія же причины, какія привели Францію къ извѣстному результату въ процессѣ развитія ея морской силы, — а именно просторъ, привлекательныя свойства и богатства страны, — повліяли и на развитіе упомянутой силы въ Соединенныхъ Штатахъ. Сначала наши предки владѣли узкой полосой земли на морѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ ея плодородной, хотя и мало обработанной, обладавшей гаванями и близкими къ нимъ рыболовными банками. Эти физическія условія, въ соединеніи съ врожденною любовью пришлаго населенія къ морю, передававшейся въ слѣдующія поколѣнія вмѣстѣ съ англійской кровью, еще до сихъ поръ текущей въ жилахъ американцевъ, побуждали ихъ слѣдовать тѣмъ стремленіямъ и отдаваться той дѣятельности, которыя служатъ основаніемъ прочной морской силы. Почти всѣ первоначальныя колоніи были на морѣ или на одной изъ его большихъ рѣкъ. Весь ввозъ и вывозъ направлялся къ одному берегу. Интересъ къ морю и правильная оцѣнка роли его въ общественномъ благосостояніи распространялись быстро и широко; въ томъ же направленіи дѣйствовало и побужденіе,

болѣе вѣское, чѣмъ забота объ общественныхъ интересахъ, — а именно фактъ, что обиліе судостроительныхъ матеріаловъ и незначительность доходности другихъ предпріятій сдѣлали судоходство наивыгоднѣйшимъ дѣломъ для частныхъ предпринимателей. Какъ измѣнились съ тѣхъ поръ условія, — каждому извѣстно. Центръ силы теперь уже не на берегу моря. Книги и газеты соперничаютъ между собою въ описаніи удивительнаго развитія и все еще не вполнѣ разработанныхъ богатствъ внутреннихъ областей материка. Капиталъ тамъ даетъ высшую доходность, трудъ находитъ лучшія приложенія. Пограничныя же области находятся въ пренебреженіи и политически слабы; берега Мексиканскаго залива и Тихаго океана — абсолютно, а Атлантическій берегъ — по сравненію съ центральной долиной Миссисипи. Когда придетъ день, въ который судоходныя операціи опять будутъ достаточно оплачиваться; когда обитатели трехъ морскихъ границъ сознаютъ, что они не только слабы въ военномъ отношеніи, но и сравнительно бѣдны по недостатку національнаго судоходства, ихъ соединенныя усилія могутъ оказать важную услугу для возстановленія нашей морской силы. До тѣхъ же поръ тѣ американцы, которые въ состояніи прослѣдить ограниченія, наложенныя на международную карьеру Франціи недостаточнымъ развитіемъ ея морской силы, могутъ справедливо горевать, что это великое орудіе находится въ пренебреженіи и въ ихъ странѣ вслѣдствіе такого же, какъ во Франціи, обилія отечественныхъ богатствъ.

Изъ вліяющихъ на морскую силу физическихъ условій можно отмѣтить еще форму материка, подобную формѣ Италіи, — длинный полуостровъ, съ центральною цѣпью горъ, раздѣляющею его на двѣ узкія полосы, вдоль которыхъ необходимо идутъ пути, соединяющіе различные порта. Только безусловное обладаніе моремъ можетъ всецѣло обезпечить эти пути, такъ какъ невозможно знать въ какомъ пунктѣ нанесетъ ударъ непріятель, ожидающійся изъ-за предѣловъ видимаго горизонта; но все-таки при надлежащей морской силѣ, центрально расположенной, можетъ имѣть мѣсто надежда атаковать своевременно враждебный флотъ, который будетъ для непріятеля и базой и средствомъ сообщенія въ одно и то же время. Длинный узкій полуостровъ Фло-

рида, съ портомъ Кей Вестъ (Key West) у оконечности, хотя плоскій и слабо населенный, представляетъ, съ перваго взгляда, условія, подобныя условіямъ Италіи. Сходство можетъ быть только поверхностное, но кажется вѣроятнымъ, что если главнымъ театромъ морской войны будетъ Мексиканскій заливъ, то сообщенія сушей съ упомянутымъ портомъ будутъ имѣть авжное значеніе, а они, между тѣмъ, открыты для нападенія.

Когда море не только граничитъ со страною или омываетъ ее, но и раздѣляетъ ее на двѣ или болѣе части, то обладаніе имъ дѣлается не только желательнымъ, но и существенно необходимымъ. Такое физическое условіе или способствуетъ возникновенію и развитію морскаго могущества страны, или же дѣлаетъ ее безсильной. Въ такомъ именно условіи находится, напримѣръ, современное королевство Италія, съ островами Сардиніей и Сициліей; и вотъ почему въ дни своей юности и все еще испытываемой финансовой слабости это королевство проявляетъ такія энергичныя и цѣлесообразныя усилія создать военный флотъ. Уже указывалось, что при флотѣ, значительно превосходящемъ флотъ непріятеля, силы Италіи могли бы лучше базироваться на островахъ, чѣмъ на материкѣ, такъ какъ ненадежность линій сообщенія на полуостровѣ причинила бы серьезныя затрудненія вторгающейся арміи, окруженной враждебнымъ населеніемъ, если при этомъ еще ей угрожаетъ непріятель съ моря.

Ирландское море, раздѣляющее Британскіе острова, скорѣе похоже на лиманъ, чѣмъ на настоящее море; но исторія показала опасность, представляемую имъ для Соединеннаго Королевства: въ дни Людовика XIV, когда французскій флотъ почти равнялся соединенному англійскому и голландскому, въ Ирландіи происходили серьезнѣйшія волненія, и этотъ островъ перешелъ почти всецѣло во власть Франціи и его обитателей. Несмотря на это, Ирландское море представляло скорѣе опасность для Англіи, — слабый пунктъ въ ея путяхъ сообщеній, — чѣмъ выгоду для Франціи. Послѣдняя не рѣшилась ввести свои линейные корабли въ его тѣсныя воды и направила свои десантныя экспедиціи, въ океанскіе порта на южномъ и западномъ берегахъ Ирландіи. Въ рѣшительный моментъ большой французскій флотъ былъ посланъ къ южному берегу Англіи, гдѣ онъ разбилъ на

голову союзниковъ, и въ тоже время двадцать пять фрегатовъ были посланы въ каналъ Св. Георгія для дѣйствій противъ англійскихъ путей сообщеній. Окруженная враждебнымъ населеніемъ англійская армія въ Ирландіи подвергалась серьезной опасности, но была спасена битвой при Бойнѣ (Boyne) и бѣгствомъ Іакова II. Это движеніе противъ путей сообщеній непріятеля было чисто стратегическое и представило бы такую же опасность для Англіи теперь, какую представляло въ 1690 году.

Испанія въ томъ же столѣтіи дала внушительный урокъ того, какимъ элементомъ слабости является для государства раздѣленіе его водою на части, когда эти послѣднія не связаны между собою надежной морской силой. Испанія тогда удерживала еще за собою, какъ остатки своего прошлаго величія, Нидерланды (теперь Бельгію), Сицилію и другія итальянскія владѣнія, не говоря объ ея обширныхъ колоніяхъ въ Новомъ Свѣтѣ. Но такъ низко упала уже тогда морская сила ея, что одинъ голландскій писатель того времени, хорошо знавшій ея положеніе и отличавшійся свѣтлымъ умомъ, могъ сказать: «вдоль всего берега Испаніи плаваетъ лишь нѣсколько голландскихъ судовъ; и со времени мира 1648 года ея корабли и матросы такъ немногочисленны, что она начала нанимать наши суда для плаваній въ Индію, тогда какъ прежде она тщательно старалась не допускать туда иностранцевъ.....». «Очевидно», продолжаетъ онъ, «что Вестъ-Индія, служа желудкомъ для Испаніи (ибо оттуда получаются всѣ почти доходы), должна соединяться съ нею, какъ со своею головою, морскою силою; и что Неаполь и Нидерланды, будучи какъ бы руками Испаніи, не могутъ ни давать что либо ей отъ себя, ни получать что либо отъ нея иначе, какъ моремъ; — все это въ мирное время легко можетъ быть выполнено при посредствѣ нашихъ судовъ, но зато они же легко могутъ оказать тому препятствіе въ военное время». Сюлли, великій министръ Генриха IV, характеризовалъ Испанію своего времени, «какъ одно изъ тѣхъ государствъ, которыхъ руки и ноги сильны и могущественны, но сердце безконечно слабо». Съ тѣхъ поръ испанскій флотъ не только претерпѣлъ много униженій, но, постепенно разлагаясь, совсѣмъ исчезъ; а съ прекращеніемъ національнаго

судоходства въ Испаніи погибли и отечественныя мануфактуры. Правительство ея полагалось не на широкое развитіе правильной торговли и промышленности, которое могло бы пережить много ударовъ, но на узкій потокъ серебра, струившійся изъ Америки черезъ посредство нѣсколькихъ кораблей, безъ труда и часто перехватывавшихся крейсерами непріятеля. Потеря полдюжины галіоновъ не разъ парализовала дѣятельность страны на цѣлый годъ.

Во время войны съ Нидерландами Испанія, вслѣдствіе господства въ морѣ голландцевъ, вынуждена была посылать свои войска на поле дѣйствій дорого стоящимъ и длиннымъ сухимъ путемъ; господство же въ морѣ непріятеля довело ее до такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, что, по взаимному съ нимъ соглашенію, — весьма странному по взглядамъ нашего времени, — она снабжалась продовольствіемъ голландскими судами, которыя, такимъ образомъ, поддерживали враговъ своей страны, но получали взамѣнъ того звонкую монету, весьма цѣнную въ Амстердамскомъ торговомъ обмѣнѣ. Въ Америкѣ испанцы защищались сами, какъ могли, за каменными стѣнами, не получая поддержки отъ своей метрополіи; въ Средиземномъ морѣ они спасались отъ серьезнаго пораженія, — главнымъ образомъ вслѣдствіе индифферентизма Голландіи, — только пока Франція и Англія не начали борьбы за преобладаніе тамъ. Но съ началомъ этой борьбы на памяти исторіи Нидерланды, Неаполь, Сицилія, Минорка, Гавана, Манилла и Ямайка вырывались въ разное время изъ рукъ Испаніи — этой державы безъ мореходства. Коротко говоря, морская немощность ея, бывшая первымъ симптомомъ общаго ея упадка, сдѣлалась и главнымъ факторомъ низверженія ея въ пропасть, изъ которой она все еще не совсѣмъ выбралась.

За исключеніемъ Аляски, Соединенные Штаты не имѣютъ внѣшнихъ владѣній, — ни одной пяди земли, недоступной съ суши. Контуръ ихъ территоріи представляетъ мало такихъ пунктовъ, которые были бы слабы по своему изолированному положенію, и всѣ важныя части границъ штатовъ легко доступны изъ внутреннихъ областей — дешево водою, быстро по желѣзнымъ дорогамъ. Слабѣйшая граница,

Тихій океанъ, далеко отодвинута отъ самаго опаснаго изъ возможныхъ враговъ. Внутренніе рессурсы безграничны по сравненію съ настоящими нуждами; мы можемъ жить «на подножномъ кормѣ» безконечное время, въ «нашемъ маленькомъ углу», — выраженіе, которое авторъ слышалъ отъ одного французскаго офицера. Тѣмъ не менѣе, если въ этотъ маленькій уголъ вторгнется новый торговый путь черезъ перешеекъ, то Соединенные Штаты, въ свою очередь, могутъ испытать жестокія послѣдствія поздняго пробужденія тѣхъ, которые пренебрегли своей долей участія въ общемъ наслѣдствѣ всѣхъ народовъ, въ пользованіи моремъ.

III. Размѣры территоріи.—Послѣднее изъ тѣхъ условій, вліяющихъ на развитіе націи со стороны морской силы ея, которыя лежатъ въ самой странѣ, а не въ ея населеніи, это — размѣры территоріи. Условіе это можетъ быть разсмотрѣно сравнительно въ краткихъ чертахъ.

Въ вопросѣ развитія морской силы имѣетъ значеніе не полное число квадратныхъ миль, занимаемыхъ страною, а длина ея береговой линіи и характеръ ея гаваней. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, при одинаковыхъ географическихъ и физическихъ условіяхъ, протяженіе береговой линіи служитъ источникомъ силы или слабости, смотря по тому, велико или мало населеніе. Страна въ этомъ отношеніи подобна крѣпости, гарнизонъ которой долженъ быть всегда пропорціоналенъ периметру (*enceinte*) ея. Недавній и извѣстный примѣръ этого находимъ въ Американской междоусобной войнѣ. Если бы населеніе Юга было столь же многочисленно, сколько было воинственно, а флотъ соотвѣтствовалъ бы другимъ рессурсамъ страны какъ морской державы, то значительное протяженіе береговой линіи послѣдней и множество бухтъ ея были бы для южанъ элементами большой силы. Населеніе Соединенныхъ Штатовъ и правительство того времени справедливо гордились успѣшностью блокады всего южнаго берега. Дѣйствительно, она была подвигомъ, и даже очень большимъ; но этотъ подвигъ былъ бы невозможенъ при бо́льшей многочисленности южанъ и при бо́льшемъ искусствѣ ихъ въ мореходствѣ. Разсматриваемый примѣръ выясняетъ, какъ уже говорилось, не способъ осуществленія такой бло-

кады, а фактъ, что она возможна у береговъ, населеніе которыхъ не только непривычно къ морю, но и малочисленно. Тѣ, которые помнятъ, какъ поддерживалась блокада и каковы были блокировавшія суда въ теченіе большой части войны, знаютъ, что планъ, правильный при наличіи тогдашнихъ обстоятельствъ, не могъ бы осуществиться, если бы у южанъ былъ надлежащій флотъ. Разсѣянныя безъ взаимной поддержки вдоль берега, суда Соединенныхъ Штатовъ занимали свои мѣста, поодиночкѣ или маленькими отрядами; а рядомъ съ этимъ обширная сѣть внутреннихъ водныхъ сообщеній благопріятствовала тайному сосредоточенію непріятеля. За первой линіей водныхъ сообщеній были длинные лиманы и, мѣстами, сильныя крѣпости, благодаря которымъ суда южанъ могли всегда найти убѣжище и защиту и избѣжать преслѣдованія. Если бы южане имѣли флотъ, способный воспользоваться такими выгодами или разсѣяніемъ судовъ Соединенныхъ Штатовъ, то эти суда должны бы были дѣйствовать соединенно, а тогда для торговли южанъ были бы открыты многіе полезные доступы. Но если южный берегъ, вслѣдствіе своего большаго протяженія и обилія бухтъ, могъ быть при извѣстныхъ условіяхъ, источникомъ силы, то при отсутствіи этихъ условій онъ, именно по этимъ же свойствамъ, сдѣлался для южанъ обильнымъ источникомъ вреда. Извѣстная исторія прорыва въ Миссисипи представляетъ только наиболѣе поразительную иллюстрацію того, что постоянно происходило на всемъ Югѣ. Непріятельскія военныя суда прорывались черезъ каждое слабое мѣсто морской границы. Водные пути, поддерживавшіе богатый торговый обмѣнъ отложившихся Штатовъ въ мирное время, обратились въ войнѣ противъ нихъ, способствуя проникновенію врага въ самое ихъ сердце. Смятеніе, неувѣренность и безпомощность царили въ мѣстностяхъ, которыя могли бы, при болѣе счастливыхъ вліяніяхъ, дать націи силы выдержать бодро самую раззорительную войну. Никогда морская сила не играла большей, или болѣе рѣшительной роли, чѣмъ въ борьбѣ, которой суждено было рѣшить, чтобы ходъ міровой исторіи измѣнился возникновеніемъ на Сѣверо-Американскомъ континентѣ одной большой націи вмѣсто нѣсколькихъ соперничавшихъ между собою государствъ. Но, если правильно

гордиться вполнѣ заслуженной славой тѣхъ дней и допустить, что величіе результатовъ дѣйствительно явилось слѣдствіемъ морскаго преобладанія, то несомнѣнно и то, что американцы, которые понимаютъ факты въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, никогда не должны упускать случая напоминать своимъ оптимистамъ-соотечественникамъ, что южане не только не имѣли флота, не только не были мореходнымъ народомъ, но что и численность ихъ была непропорціонально мала относительно протяженія береговой линіи, которую имъ пришлось защищать.

IV. Численность народонаселенія. — Послѣ разсмотрѣнія естественныхъ условій страны надлежитъ изучить вліяніе на морскую силу свойствъ населенія; и прежде всего умѣстно остановиться на численности его, такъ какъ этотъ элементъ имѣетъ связь съ только что изложеннымъ. Было уже указано, что на морскую силу вліяетъ не только число квадратныхъ миль страны, но протяженіе и характеръ ея береговой линіи; подобно этому, разсматривая вліяніе населенія, слѣдуетъ принимать въ расчетъ не только полную численность его, но и то, какая часть его знакома съ моремъ или, по крайней мѣрѣ, съ успѣхомъ можетъ быть эксплуатируема для службы на судахъ и для работъ по организаціи матеріальной части флота.

Напримѣръ, до конца великихъ войнъ, слѣдовавшихъ за Французской Революціей, населеніе Франціи было значительно больше населенія Англіи; но по отношенію къ морской силѣ вообще, въ мирной торговлѣ, такъ же, какъ и въ боевой подготовкѣ, Франція стояла много ниже Англіи. Болѣе всего замѣчателенъ этотъ фактъ тѣмъ, что при объявленіи войны Франція иногда имѣла перевѣсъ въ упомянутой подготовкѣ, но ей не удавалось удержать его. Такъ, въ 1778 году, когда война возгорѣлась, Франція, при посредствѣ морской записи, быстро снарядила пятьдесятъ линейныхъ кораблей. Англія, напротивъ, — по причинѣ разсѣянія по всему земному шару того самаго флота, на который ея морская сила такъ надежно опиралась, — встрѣтила огромныя затрудненія для комплектованія только сорока кораблей въ своихъ водахъ; но въ 1782 году она имѣла уже сто двадцать судовъ въ кампаніи или готовившихся для кампаніи.

тогда какъ Францiя за всю войну не была въ состоянiи поднять численность своего флота свыше семидесяти одного судна. Затѣмъ, въ 1840 году, когда обѣ нацiи были, такъ сказать, на краю войны въ Левантѣ, одинъ весьма образованный офицеръ того времени, прославляя блестящее состоянiе французскаго флота и выдающiяся качества его адмирала, а также выражая вѣру въ благопрiятный для Францiи результатъ столкновенiя съ равночисленнымъ непрiятелемъ, въ то же время говоритъ: «за эскадрой изъ двадцати одного линейнаго корабля, которую мы могли тогда снарядить, не было резерва; и ни одинъ корабль, сверхъ этихъ, не могъ быть готовымъ къ кампанiи ранѣе, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ». И это положенiе дѣла было слѣдствiемъ не только недостатка судовъ и не надлежащаго спабженiя ихъ, хотя и такой недостатокъ ощущался. «Наша морская запись», продолжаетъ онъ, «была такъ истощена тѣмъ, что мы сдѣлали (снарядивъ двадцать одинъ корабль), что постоянный наборъ, установленный во всѣхъ округахъ, не могъ удовлетворить желанiю правительства освѣжить и пополнить новыми силами комплектъ людей, которые были уже болѣе трехъ лѣтъ въ крейсерствѣ».

Изложенные факты указываютъ на различiе такъ называемой запасной, или резервной силы Англiи отъ такой же силы Францiи — различiе даже бо̀льшее, чѣмъ кажется при поверхностномъ взглядѣ на дѣло. Причину этого надо искать въ томъ обстоятельствѣ, что въ странѣ съ широкимъ развитiемъ нацiональнаго судоходства значительная часть населенiя занята не только службой на судахъ, но и тѣми промыслами и ремеслами, которые облегчаютъ организацiю и содержанiе въ исправности матерiальной части флота или вообще болѣе или менѣе связаны съ требованiями морскаго дѣла. Такiе родственные послѣднему ремесла и промыслы несомнѣнно развиваютъ въ населенiи способность освоиваться со службой на морѣ съ первыхъ же шаговъ въ ней. Существуетъ анекдотъ, указывающiй любопытный взглядъ на это дѣло одного изъ замѣчательныхъ моряковъ Англiи, сэра Эдварда Пеллью (Pellew). Съ началомъ войны въ 1793 году оказался обычный недостатокъ въ матросахъ. Горя желанiемъ идти въ море, а между тѣмъ не имѣя возможности

пополнить недочетъ въ командѣ иначе, какъ людьми, незнакомыми съ моремъ, Пеллью приказалъ своимъ офицерамъ вербовать экипажъ изъ корнваллійскихъ рудокоповъ, полагая, — на основаніи лично извѣстной ему опасности и трудности ихъ профессіи, — что они легко приспособятся къ суровымъ требованіямъ морской службы. Результатъ скоро оправдалъ его предположенія, потому что, избѣжавъ этимъ единственно возможнымъ путемъ замедленія, онъ имѣлъ счастье захватить первый фрегатъ, взятый въ этой войнѣ въ одиночномъ бою; и что особенно поучительно, такъ это то, что, хотя онъ былъ въ кампаніи всего нѣсколько недѣль, а его противникъ — болѣе года, потери, съ обѣихъ сторонъ тяжелыя, были почти равны.

Можетъ быть скажутъ, что такая резервная сила теперь почти потеряла то значеніе, какое она имѣла раньше, — какъ потому, что современные корабли и оружіе требуютъ долгаго времени для ихъ изготовленія, такъ и потому, что современныя государства задаются цѣлью быть готовыми, при объявленіи войны, употребить въ дѣло всю свою вооруженную силу съ такою быстротою, чтобы нанести противнику ударъ прежде, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи организовать равносильное сопротивленіе. Говоря фигурально, обороняющаяся сторона не будетъ имѣть достаточно времени, чтобы развить всю потенціальную энергію свою для оказанія полнаго сопротивленія; ударъ падетъ на организованный военный флотъ, и если онъ подастся, то солидность остальной структуры не послужитъ ни къ чему. До нѣкоторой степени это вѣрно; но вѣдь это было вѣрно также всегда, хотя прежде въ меньшей степени, чѣмъ теперь. Допустимъ, что въ столкновеніи между собою двухъ флотовъ, которые практически представляютъ всю наличную силу воюющихъ націй, одинъ уничтоженъ, тогда какъ другой сохранилъ способность къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ; — въ такомъ случаѣ въ настоящее время можно было бы надѣяться еще менѣе, чѣмъ прежде, на то, что побѣжденная сторона будетъ въ состояніи возстановить свой флотъ въ теченіе войны; и бѣдственность результата для нея была бы, поэтому, какъ разъ пропорціональна зависимости ея отъ своей морской силы. Трафальгарское пораженіе, если бы его потерпѣла Англія,

было бы для нея гораздо болѣе фатальнымъ ударомъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности для Франціи, при условіи, что участвовавшій въ дѣлѣ англійскій флотъ представлялъ бы, — какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ союзному флоту, — ядро силы націи. Трафальгаръ въ такомъ случаѣ былъ бы для Англіи тѣмъ же, чѣмъ были Аустерлицъ для Австріи и Іена для Пруссіи; Англія была бы приведена въ разслабленное состояніе уничтоженіемъ или дезорганизаціей ея военыхъ силъ, что, какъ полагаютъ, и было желанной цѣлью Наполеона.

Но указываютъ ли послѣдствія такихъ исключительныхъ бѣдствій въ прошломъ на малое значеніе той резервной силы, основанной на числѣ жителей, способныхъ къ извѣстному роду военной службы, о которой здѣсь говорится? Упомянутые сейчасъ удары были нанесены людьми исключительнаго генія, во главѣ вооруженныхъ отрядовъ исключительной подготовки, престижа и *esprit de corps*, и кромѣ того обратились на противниковъ, болѣе или менѣе уже деморализованныхъ сознаніемъ своей сравнительной слабости и впечатлѣніемъ предшествовавшихъ пораженій. Аустерлицкому дѣлу не задолго предшествовало Ульмское, гдѣ тридцать тысячъ австрійцевъ положили оружіе безъ боя; и исторія нѣсколькихъ лѣтъ передъ тѣмъ была длинной лѣтописью пораженій Австріи и успѣховъ Франціи. Трафальгарская битва слѣдовала близко за крейсерствомъ, справедливо названнымъ кампаніей почти постоянныхъ неудачъ; а нѣсколько ранѣе, но все-таки сравнительно недавно, состоялись памятныя для союзнаго флота пораженія: испанцевъ при С. Винцентѣ и французовъ при Абукирѣ. За исключеніемъ дѣла подъ Іеной, эти пораженія были не только бѣдствіями для побѣжденныхъ, но и окончательными ударами для нихъ; въ Іенской же кампаніи имѣло мѣсто такое неравенство условій противниковъ, и по численности, и по вооруженію и по общей подготовкѣ къ войнѣ, которое дѣлаетъ послѣдствія ея менѣе приложимыми къ обсужденію возможнаго результата единичной побѣды.

Англія въ настоящее время является величайшей морской державой въ мірѣ; при парѣ и желѣзѣ она удержала превосходство, какое имѣла въ дни парусовъ и дерева. Фран-

ція и Англія обладаютъ самыми большими военными флотами изъ всѣхъ державъ; и вопросъ о томъ, который изъ двухъ сильнѣе, еще настолько открытъ, что эти державы могутъ считаться равносильными въ матеріальной подготовкѣ ихъ къ морской войнѣ. Теперь спрашивается, можно ли предположить такое различіе *въ личномъ составѣ* названныхъ флотовъ, или въ подготовкѣ ихъ, при которомъ вѣроятнымъ результатомъ одной битвы между ними или одной кампаніи будетъ рѣшительное неравенство ихъ? Если нѣтъ, то выступитъ на сцену резервная сила; сначала организованный резервъ, затѣмъ резервъ мореходнаго населенія, резервъ технической подготовки, резервъ матеріальнаго богатства. До нѣкоторой степени, кажется, забываютъ, что первенство Англіи въ техникѣ даетъ ей резервъ механиковъ, которые легко могутъ ознакомиться съ техническими требованіями службы на современныхъ броненосцахъ; и такъ какъ война ляжетъ бременемъ на ея торговлю и промышленность, то въ случаѣ ея образуется избытокъ незанятыхъ матросовъ и механиковъ, которые облегчатъ комплектованіе военныхъ кораблей.

Весь вопросъ о значеніи резерва, организованнаго или неорганизованнаго, сводится теперь къ слѣдующему: допускаютъ ли современныя условія войны вѣроятность того, что изъ двухъ почти равносильныхъ противниковъ одинъ будетъ такъ ослабленъ въ одну кампанію, что послѣднею будетъ достигнутъ рѣшительный результатъ? Морская война не дала на это никакого отвѣта. Поразительные успѣхи дѣйствій Пруссіи противъ Австріи и Германіи противъ Франціи должны, кажется, разсматриваться, какъ результатъ столкновеній сильнѣйшихъ націй съ гораздо слабѣйшими, — происходила ли слабость послѣднихъ отъ естественныхъ причинъ или отъ неспособности правителей. Какъ повліяла бы на исходъ Русско-Турецкой войны задержка войскъ, подобная имѣвшей мѣсто подъ Плевной, если бы въ Турціи былъ какой-либо резервъ національной силы, который она могла бы призвать?

Если время, какъ это всюду допускается, представляетъ главный факторъ въ войнѣ, то государствамъ, духъ народа въ которыхъ, по существу, не военный и которыхъ населеніе,

какъ всякое свободное населеніе, противится оплатѣ большихъ военныхъ учрежденій, надлежитъ заботиться о томъ, чтобы быть по крайней мѣрѣ достаточно сильными для выигрыша времени, какое позволило бы имъ обратить энергію и способности своихъ гражданъ на новые виды дѣятельности, вызываемые войною. Когда наличная сила государства, морская или сухопутная, достаточна для достиженія этой цѣли даже и при невыгодныхъ условіяхъ, то оно можетъ положиться на свои естественные источники, обращаясь къ каждому изъ нихъ за тѣмъ, что онъ можетъ дать, — къ численности населенія, къ его богатству, къ его способностямъ всякаго рода. Но если же, съ другой стороны, военная сила государства можетъ быть быстро разбита, то и при обладаніи самыми богатыми источниками естественной силы не спасено оно отъ условій не только унизительныхъ, но и такихъ, которыя отсрочатъ для него возможность реванша до отдаленнаго будущаго. «Если то и то можно протянуть дольше, то дѣло можетъ быть спасено, или можетъ быть исполнено», часто повторяютъ на болѣе ограниченномъ театрѣ войны; точно также часто говорятъ о больномъ: «если паціентъ сможетъ пережить такой то моментъ, то сильная натура его позволитъ ему оправиться».

Англія до нѣкоторой степени представляетъ теперь одно изъ такихъ государствъ. Голландія была такимъ же; она не хотѣла платить, и если спаслась отъ раззоренія, то была на волосъ отъ него. «Никогда ни въ мирное время, ни подъ страхомъ разрыва,» писалъ о голландцахъ ихъ великій государственный дѣятель де Виттъ (de Witt), «не примутъ они рѣшеній, которыя обязывали бы ихъ къ благовременнымъ денежнымъ жертвамъ. Характеръ голландца таковъ, что если только опасность не предстанетъ передъ нимъ лицомъ къ лицу, онъ не выложитъ изъ кармана денегъ для своей собственной обороны. Мнѣ приходится имѣть дѣло съ народомъ, который, будучи щедръ до расточительности тамъ, гдѣ ему слѣдовало бы быть экономнымъ, часто бережливъ до скупости тамъ, гдѣ ему слѣдовало бы тратить щедро».

Что наша страна не свободна отъ такого же упрека, это извѣстно всему міру. Соединенные Штаты не имѣютъ такого

оплота, за которымъ они могли бы выиграть время для развитія своей резервной силы. Что касается мореходнаго населенія, отвѣчающаго ихъ возможнымъ нуждамъ, то гдѣ оно? Такой рессурсъ, пропорціональный береговой линіи и населенію страны, можетъ находиться только въ національномъ торговомъ мореходствѣ и въ связанной съ нимъ промышленности, которыя въ настоящее время едва ли существуютъ у насъ. Не существенно при этомъ, будетъ ли экипажъ такихъ судовъ комплектоваться изъ мѣстныхъ уроженцевъ или изъ иностранцевъ, лишь бы онъ былъ привязанъ къ нашему флагу и лишь бы морская сила страны была достаточна для того, чтобы дать большинству этихъ судовъ возможность въ случаѣ войны возвратиться домой изъ иностранныхъ водъ. Если иностранцы тысячами допускаются къ баллотировкѣ, то отчего они не могутъ занимать боевыя мѣста на палубѣ корабля.

Хотя въ разсужденіяхъ нашихъ мы нѣсколько уклонились въ сторону, но все-таки ихъ можно считать достаточными для вывода, что большое населеніе, занятое промыслами, связанными съ мореходствомъ, представляетъ теперь, какъ представляло и прежде, важный элементъ морской силы; что Соединеннымъ Штатамъ недостаетъ этого элемента и что основаніе его можетъ опираться только на обширную торговлю подъ національнымъ флагомъ.

V. Національный характеръ. — Разсмотримъ теперь вліяніе національнаго характера и способностей населенія на развитіе морской силы.

Если морская сила дѣйствительно опирается на мирную и обширную торговлю, то стремленіе къ коммерческой дѣятельности должно быть отличительною чертою націй, которыя, въ то или другое время, были велики на морѣ. Исторія подтверждаетъ это почти безъ исключеній; и кромѣ исторіи римлянъ мы, дѣйствительно, не находимъ ни одного серьезнаго примѣра, противорѣчащаго этому заключенію.

Всѣ люди болѣе или менѣе любятъ деньги и добиваются матеріальныхъ пріобрѣтеній, но способы, или пути, которыми они идутъ къ этой цѣли, всегда окажутъ существенное вліяніе на торговую дѣятельность и на исторію населяемой ими страны.

Если можно вѣрить исторіи, то путь, какимъ испанцы и родственные имъ португальцы искали богатствъ, не только положилъ пятно на ихъ національный характеръ, но былъ фатальнымъ и для здороваго роста торговли и для промышленности, на которую торговля опирается, и, наконецъ, для того національнаго богатства, которое этимъ ложнымъ путемъ стяжалось. Жажда пріобрѣтеній выросла у нихъ до жестокой алчности; они искали въ новооткрытыхъ земляхъ, — которыя дали такой толчокъ коммерческому и морскому развитію другихъ странъ Европы, — не новое поле промышленности, ни даже здоровое возбужденіе духа изслѣдованія и жажды приключеній, а серебро и золото. Они имѣли много великихъ качествъ: они были смѣлы, предпріимчивы, умѣренны, терпѣливы въ страданіяхъ, пылки и одарены развитымъ національнымъ чувствомъ. Присоединяя къ этимъ качествамъ выгоды географическаго положенія Испаніи, хорошо расположенные порта ея, а также фактъ, что она первая заняла обширныя и богатыя земли Новаго Свѣта, долго оставаясь безъ соперниковъ, и что въ теченіе ста лѣтъ послѣ открытія Америки она была первенствующимъ государствомъ въ Европѣ, — по справедливости можно было ожидать, что она займетъ и первое мѣсто между морскими державами. Результатъ, какъ всѣ знаютъ, оказался, однако, какъ разъ противоположнымъ. Со времени сраженія при Лепанто въ 1571 году страницы исторіи Испаніи, несмотря на участіе ея во многихъ войнахъ, не освѣщаются ни одною сколько-нибудь серьезною по своимъ послѣдствіямъ морскою побѣдою. Упадокъ торговаго судоходства ея достаточно объясняетъ горькую и иногда смѣшную немощность испанскихъ моряковъ на палубахъ своихъ военныхъ кораблей. Безъ сомнѣнія такой результатъ не долженъ быть приписываемъ одной только причинѣ. Безъ сомнѣнія правительство Испаніи во многихъ отношеніяхъ затрудняло и подавляло свободное и здоровое развитіе частной предпріимчивости; но характеръ великаго народа ломаетъ или самъ формируетъ характеръ своего правительства, и едва ли можно сомнѣваться, что если бы народъ имѣлъ склонность къ торговлѣ, то и правительство увлеклось бы по тому же теченію. Обширное поле колоній

было удалено отъ центра того деспотизма, который вредилъ росту старой Испаніи. Въ самомъ дѣлѣ, тысячи испанцевъ,— какъ рабочаго, такъ и высшаго классовъ,— оставляли родину; и промыслы ихъ на чужбинѣ позволяли имъ посылать домой мало что, кромѣ денегъ или товара малаго объема, не требовавшаго судовъ большой грузовой вмѣстимости. Метрополія сама производила почти только шерсть, плоды и добывала желѣзо; ея мануфактуры были ничтожны; промышленность страдала; населеніе постоянно уменьшалось. Она и ея колоніи стали въ такую зависимость отъ Голландіи по отношенію къ необходимымъ предметамъ жизненнаго потребленія, что для оплаты послѣднихъ продукты ихъ тощей промышленности не были уже достаточны. «Голландскіе купцы», пишетъ современникъ, «которые разносятъ деньги во всѣ уголки свѣта для покупки товаровъ, должны изъ этой единственной страны Европы вывозить деньги, получающіяся ими за ввозимые туда продукты». Такимъ образомъ, эмблема богатства, которой такъ лихорадочно домогались испанцы, быстро уходила изъ ихъ рукъ. Уже указывалось, какъ слаба была Испанія, съ военной точки зрѣнія, вслѣдствіе этого упадка ея мореходства. Ея богатство, транспортировавшееся въ маломъ объемѣ, на небольшомъ числѣ судовъ, слѣдовавшихъ болѣе или менѣе установившимися путями, легко подвергалось захватамъ со стороны непріятеля, а этими захватами «нервы войны» сразу парализовались; между тѣмъ богатства Англіи и Голландіи, разсѣянныя на тысячахъ кораблей во всѣхъ частяхъ свѣта, выдерживали много тяжелыхъ ударовъ, въ теченіе многихъ изнурительныхъ войнъ, и при этомъ ростъ ихъ, хотя и не безъ болѣзней, постоянно развивался. Португалія, судьбы которой были связаны съ судьбами Испаніи въ теченіе наиболѣе критическаго періода ея исторіи, увлекалась по тѣмъ же путямъ подъ гору; хотя въ началѣ соперничества за морское могущество она и стояла во главѣ всѣхъ, потомъ она далеко отстала. «Рудники Бразиліи сдѣлались источникомъ раззоренія для Португаліи, такъ же какъ рудники Мексики и Перу — для Испаніи; всѣ мануфактуры подверглись пагубному презрѣнію; скоро Англія начала снабжать Португалію не только тканями,

но и товарами всякаго рода, даже соленою рыбою и зерномъ. Разгоряченные жаждой золота, Португальцы забросили даже самую обработку своей почвы; виноградники Опорто были въ концѣ концовъ закуплены англичанами бразильскимъ золотомъ, которое только проходило черезъ Португалію для того, чтобы разсыпаться по Англіи». Насъ увѣряютъ, что въ пятьдесятъ лѣтъ пятьсотъ милліоновъ долларовъ «были извлечены изъ бразильскихъ рудниковъ и что въ концѣ этого времени въ Португаліи осталось только двадцать пять милліоновъ въ звонкой монетѣ», — поразительный примѣръ разницы между богатствомъ дѣйствительнымъ и богатствомъ фиктивнымъ.

Англичане и голландцы не менѣе жаждали пріобрѣтеній, чѣмъ южныя націи. И тѣхъ и другихъ называли «націями лавочниковъ»; но эта насмѣшка, по скольку она справедлива, дѣлаетъ только честь ихъ благоразумію и добросовѣстности. Они были не менѣе смѣлы, не менѣе предпріимчивы, не менѣе терпѣливы, чѣмъ испанцы и португальцы. Они даже были болѣе терпѣливы и настойчивы, ибо искали богатства не мечемъ, который сулилъ, повидимому, скорѣйшій результатъ, а трудомъ — путемъ долгимъ, по вѣрнымъ, что собственно и было причиною приложенія къ нимъ вышеприведеннаго эпитета. Но англичане и голландцы, принадлежа къ одной и той же расѣ, обладали всегда и такими качествами, не менѣе важными, чѣмъ сейчасъ поименованныя, которыхъ испанцы и португальцы не имѣютъ и которыя, вмѣстѣ съ географическимъ положеніемъ обитаемыхъ ими странъ, послужили къ развитію ихъ мореходныхъ силъ. Они всегда были, по природѣ, дѣловые люди, — промышленники, производители, негоціанты. Поэтому, какъ на родинѣ, такъ и за границей, поселяясь ли на земляхъ цивилизованныхъ націй или варварскихъ восточныхъ правителей, или въ основанныхъ ими самими колоніяхъ, они вездѣ старались воспользоваться всѣми мѣстными ресурсами, съ умѣньемъ въ то же время увеличивать ихъ. Острый инстинктъ прирожденнаго купца, — лавочника, если хотите, — постоянно побуждалъ ихъ къ поискамъ предметовъ для обмѣна, и это побужденіе, въ соединеніи съ трудолюбіемъ, прошедшимъ въ жизнь цѣлыхъ поколѣній, необходимо дѣлало ихъ производителями. Дома

они сдѣлались великими фабрикантами; за границей, — тамъ, гдѣ они первенствовали, — земля дѣлалась постоянно богаче, продукты ея умножались, и необходимый обмѣнъ между метрополіей и колоніями требовалъ все бóльшаго и бóльшаго количества судовъ. Ихъ судоходство, поэтому, возрастало вмѣстѣ съ требованіями торговли, и націи съ меньшей способностью къ мореходной предпріимчивости, — даже сама Франція, какъ ни велика она была, — начали нуждаться въ ихъ продуктахъ и въ ихъ судахъ. Такимъ образомъ, многими путями они приближались къ достиженію могущества на морѣ. Эти природныя стремленія и это развитіе, конечно, по временамъ уклонялись въ сторону и серьезно задерживались вмѣшательствомъ другихъ державъ, ревниво относившихся къ такому процвѣтанію Англіи, какого ихъ населеніе могло добиться лишь путемъ искусственной поддержки; о послѣдней мы будемъ говорить еще при разборѣ вліянія характера правительства на морскую силу.

Наклонность къ торговой дѣятельности, включая въ нее и необходимое производство предметовъ для торговли, составляетъ національную характеристику, въ высшей степени важную для развитія морской силы, такъ какъ невѣроятно, чтобы при такой наклонности и соотвѣтствующихъ морскихъ границахъ нація могла быть отвлечена опасностями моря или какими-либо другими неудобствами мореплаванія отъ стяжанія богатствъ путемъ океанской торговли. Богатство, конечно, можетъ быть пріобрѣтаемо и другимъ путемъ, но тогда оно не приводитъ необходимо къ развитію морской силы. Возьмемъ, для примѣра, Францію. Франція — чудная страна, съ трудолюбивымъ населеніемъ и превосходнымъ положеніемъ. Французскій флотъ переживалъ извѣстные періоды большой славы и даже въ дни упадка своего никогда не обезчещивалъ военной репутаціи, столь дорогой для націи. Тѣмъ не менѣе, какъ морское государство, надежно опирающееся на широкій базисъ морской торговли, Франція, по сравненію съ другими историческими морскими державами, никогда не занимала положенія, болѣе, чѣмъ почетнаго. Главная причина этого, поскольку она касается свойствъ народа, лежитъ въ способахъ, какимъ послѣдній добивается богатствъ. Какъ Испанія и Португалія

искали обогащенія въ добываніи золота изъ нѣдръ земли, такъ характеръ французскаго народа заставляетъ его идти къ благосостоянію путемъ бережливости, экономіи, накопленія. Говорятъ, что труднѣе сохранить, чѣмъ составить состояніе. Можетъ быть; но отважный темпераментъ, побуждающій рисковать тѣмъ, что есть для того, чтобы пріобрѣсть больше, имѣетъ много общаго съ тѣмъ духомъ предпріимчивости, который завоевываетъ міръ для торговли. Стремленіе къ экономіи и къ сбереженіямъ, попытки робкія и только почти навѣрняка и въ маломъ масштабѣ, могутъ привести къ общему разлитію довольства въ маломъ же масштабѣ, но не къ рискамъ и развитію внѣшней торговли и мореходныхъ интересовъ. Для иллюстраціи сказаннаго приведемъ примѣръ, — придавая ему только то, значеніе какое онъ заслуживаетъ.

Одинъ французскій офицеръ, разговаривая съ авторомъ о Панамскомъ каналѣ, сказалъ: «Я имѣю двѣ акціи въ этомъ предпріятіи. Во Франціи мы не поступаемъ такъ, какъ у васъ, гдѣ большое число акцій сосредоточивается въ рукахъ немногихъ. У насъ многіе берутъ одну или только очень немного. Когда акціи появились на рынкѣ, то жена посовѣтовала мнѣ купить одну для себя и одну для нея». По отношенію къ обезпеченію личнаго достатка человѣка такое благоразуміе, безъ сомнѣнія, достигаетъ цѣли; но когда излишняя осторожность или финансовая робость становятся національной чертой, то онѣ необходимо начинаютъ ограничивать національныя торговыя предпріятія и судоходство. Осторожность же въ денежныхъ дѣлахъ, въ приложеніяхъ къ другимъ сторонамъ жизни, ограничила дѣторожденіе и почти остановила приростъ населенія Франціи.

Благородные классы Европы унаслѣдовали отъ среднихъ вѣковъ надменное презрѣніе къ мирной торговлѣ, которое оказало вліяніе на ея ростъ, различное въ различныхъ государствахъ, въ зависимости отъ національнаго характера ихъ населенія. Гордые испанцы легко усвоили духъ этого презрѣнія, которое, дѣйствуя заодно съ пагубной нелюбовью ихъ къ труду и съ отсутствіемъ выдержки, отвратило ихъ отъ торговли. Во Франціи тщеславіе, признаваемое даже самими французами за ихъ національную черту, вліяло въ томъ же

направленіи. Многочисленность и блескъ дворянства, а также почетъ, которымъ оно пользовалось, какъ бы положили печать приниженности на профессію, имъ презиравшуюся. Богатые купцы и фабриканты стремились къ полученію дворянства знати и, добившись его, покидали свое прибыльное дѣло. Поэтому, хотя трудолюбіе народа и плодородіе почвы и спасли Францію отъ полнаго торговаго упадка, коммерческіе дѣятели въ ней занимали довольно унизительное положеніе, заставлявшее лучшихъ изъ нихъ измѣнять своей профессіи при первой же возможности. Людовикъ XIV, подъ вліяніемъ Кольбера, обнародовалъ повелѣніе, «уполномочивающее всѣхъ дворянъ принимать участіе въ торговомъ мореходствѣ и торговлѣ вообще, безъ опасенія, что это можетъ унизить ихъ дворянское достоинство, но при условіи только, чтобы они не торговали по мелочамъ»; въ объясненіе причины повелѣнія говорилось, «что надлежитъ, для блага нашихъ подданныхъ и для нашего собственнаго удовлетворенія, искоренить остатокъ господствующаго общественнаго мнѣнія, что будто бы морская торговля несовмѣстима съ дворянствомъ». Но предразсудокъ, ведущій къ признаваемому открытому превосходству, не поддается искорененію его повелѣніями, особенно, когда тщеславіе представляетъ выдающуюся черту въ національномъ характерѣ; и еще много лѣтъ спустя, Монтескьё училъ, что занятія дворянства торговлею противны духу монархіи. Въ Голландіи было дворянство, но государство это, какъ республиканское, давало въ широкой степени просторъ личной свободѣ и предпріимчивости, и центры власти въ немъ были въ большихъ городахъ. Основаніемъ національнаго величія въ немъ были деньги или, скорѣе, богатство. Послѣднее, какъ источникъ гражданскаго отличія, влекло за собою также вліяніе или власть въ государствѣ, съ которыми связывалось соціальное положеніе и почетъ. Такъ же было и въ Англіи. Знать ея была горда, но въ представительномъ правительствѣ значеніе богатства не могло быть низведено на низкую степень, ни даже сколько-нибудь затемнѣно. Оно было патентомъ въ глазахъ всѣхъ, оно чтилось всѣми, и поэтому въ Англіи, какъ и въ Голландіи, профессіи, служившія источникомъ богатства, пользовались уваженіемъ, оказывавшимся самому бо-

*

гатству. Такимъ образомъ, во всѣхъ вышепоименованныхъ странахъ общественное мнѣніе, какъ выраженіе отличительныхъ національныхъ свойствъ, имѣло существенное вліяніе на положеніе національной торговли.

Національный характеръ еще другимъ образомъ вліяетъ на развитіе морской силы, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого выраженія, а именно въ зависимости отъ способности націи основывать цвѣтущія колоніи. Колонизація, какъ и всякое дѣло, подлежащее развитію, имѣетъ тѣмъ бо́льшій залогъ успѣха, чѣмъ болѣе она естественна. Поэтому колоніи, которыя возникаютъ изъ сознательныхъ потребностей и естественныхъ побужденій всего народа, имѣютъ наиболѣе прочныя основанія, и ихъ послѣдующій ростъ будетъ тѣмъ болѣе обезпеченъ, чѣмъ менѣе будетъ вмѣшиваться въ него метрополія, если народъ обладаетъ способностью къ независимой дѣятельности. Люди трехъ прошлыхъ столѣтій живо сознавали значеніе для своего отечества колоній, какъ рынковъ для сбыта отечественныхъ продуктовъ и какъ питомниковъ для торговли и мореходства; но не всегда одинаковый характеръ имѣли заботы ихъ о колоніяхъ и не одинаковымъ успѣхомъ сопровождались различныя системы колонизаціи. Недостатокъ естественныхъ побужденій въ народѣ къ организаціи колоній никогда не могъ восполниться усиліями государственныхъ дѣятелей, какъ бы дальновидны и заботливы они ни были; равнымъ образомъ, самыя точныя установленія, продиктованныя изъ метрополіи, не могутъ дать такіе хорошіе результаты, какъ спокойное предоставленіе колоніямъ свободы въ томъ случаѣ, когда въ національномъ характерѣ лежитъ зародышъ саморазвитія. Успѣшныя колоніи свидѣтельствовали о мудрости центральной администраціи не въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ колоніи неуспѣшныя, — можетъ быть даже въ меньшей. Если съ одной стороны надо допустить, что обдуманная система и предусмотрительность со стороны правительства, постоянная заботливость его, тщательное приспособленіе средствъ къ цѣлямъ, и т. п. могли имѣть значеніе для колоніальнаго роста, то съ другой стороны нельзя не видѣть, что геній Англіи отличается меньшей систематизирующей способностью, чѣмъ геній Франціи, а между тѣмъ Англія, а не Франція сдѣлалась первымъ колонизаторомъ

въ мірѣ. Успѣшная колонизація, съ ея послѣдующимъ вліяніемъ на торговлю и морскую силу, зависитъ главнымъ образомъ отъ національнаго характера, потому что колоніи развиваются лучше всего, когда онѣ развиваются самостоятельно, естественно; характеръ колониста, а не забота о немъ правительства изъ метрополіи, представляетъ главную опору ихъ роста.

Эта истина особенно ясно рисуется изъ того факта, что отношеніе правительствъ метрополіи къ своимъ колоніямъ было всегда всецѣло эгоистично. Какимъ бы образомъ ни возникала колонія, но какъ только она пріобрѣтала какое-либо значеніе, такъ становилась для метрополіи дойной коровой, о которой, конечно, надо было заботиться, но лишь какъ о части имущества, долженствующей оплатить эти заботы сторицею. Метрополія стремилась законадательными мѣрами монополизировать въ свою пользу внѣшнюю торговлю колоніи, старалась замѣщать заманчивыя мѣста въ ея администраціи своими кандидатами и смотрѣла на нее, какъ часто смотрятъ на океанскія владѣнія и нынѣ, т. е. какъ на мѣсто, удобное для поселенія въ немъ тѣхъ, которыми было трудно управлять дома или которые были тамъ безполезны. Военная администрація, однако, во всякой колоніи составляетъ необходимый аттрибутъ отечественнаго правительства.

Удивительный и единственный успѣхъ Англіи, какъ великой колонизаторской державы, слишкомъ очевиденъ, чтобы на немъ здѣсь основываться; и причина его, кажется, лежитъ главнымъ образомъ въ двухъ чертахъ національнаго характера. Во-первыхъ, англійскій колонистъ непринужденно и охотно поселяется на новомъ мѣстѣ, отождествляетъ свои интересы съ его интересами и хотя сохраняетъ преданное воспоминаніе о своемъ отечествѣ, изъ котораго пришелъ, но не мучится лихорадочной жаждой возвращенія туда. Во-вторыхъ, онъ сразу и инстинктивно начинаетъ заботиться о развитіи рессурсовъ своей новой страны въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ первомъ свойствѣ англичанинъ отличается отъ француза, всегда тоскливо оглядывающагося на прелести своей очаровательной родины; въ послѣднемъ — отъ испанца, кругъ интересовъ и стремленія котораго были слишкомъ узки для того, чтобы онъ

могъ извлечь изъ земли, гдѣ поселялся, все, что она могла дать своимъ обитателямъ.

Характеръ и нужды голландцевъ привели ихъ естественно къ основанію колоній; и около 1650 года послѣднія уже были у нихъ въ Остъ-Индіи, Африкѣ и Америкѣ, и въ такомъ большомъ числѣ, что одно лишь перечисленіе ихъ было бы утомительно. Голландія была тогда далеко впереди Англіи въ дѣлѣ колонизаціи. Но колоніямъ ея, хотя ихъ происхожденіе,— чисто коммерческое по своему характеру,—было естественно, кажется, не доставало залога развитія. «Учреждая колоніи, голландцы никогда не имѣли въ виду расширенія своего господства, но единственно лишь искали выгодъ для торговли и промышленности. На попытки къ завоеваніямъ они рѣшались только, когда вынуждаемы были къ тому силою обстоятельствъ. Обыкновенно же они довольствовались торговлею подъ покровительствомъ правителя страны». Это скромное удовлетвореніе одною только матеріальною выгодою, не сопровождавшееся политическимъ интересомъ, приводило, подобно деспотизму Франціи и Испаніи, къ коммерческой лишь зависимости отъ метрополіи, и тѣмъ убивало естественное начало роста ихъ.

Прежде, чѣмъ покончить съ занимающимъ насъ предметомъ, умѣстно спросить себя, насколько національный характеръ американцевъ можетъ способствовать развитію большой морской силы, при условіи, что остальныя обстоятельства этому развитію благопріятствуютъ.

Но кажется вполнѣ достаточно сослаться на весьма недавнее прошлое, чтобы доказать, что если бы законодательныя стѣсненія были устранены и если бы нельзя уже было помѣщать капиталъ въ предпріятія, вознаграждающіяся теперь болѣе, чѣмъ судоходство, то морская сила у насъ не замедлила бы появиться. Влеченіе къ торговой дѣятельности, смѣлая предпріимчивость, любовь къ пріобрѣтеніямъ и живая сообразительность по отношенію къ ведущимъ къ нимъ путямъ,— все это имѣется у американцевъ; и если бы въ будущемъ открылось какое либо поле для колонизаціи, то нѣтъ сомнѣнія,

что они внесли бы туда всю свою наслѣдственную способность къ самоуправленію и независимому росту.

VI. Характеръ правительства. — При обсужденіи вліяній правительства и правительственныхъ учрежденій на развитіе морской силы націи необходимо воздержаться отъ стремленія къ излишнему философствованію и ограничить вниманіе очевидными и непосредственными причинами, съ явными ихъ результатами, не углубляясь слишкомъ въ разборъ отдаленныхъ и косвенныхъ вліяній.

Прежде всего должно замѣтить, что частныя формы правительства, съ соотвѣтствующими имъ учрежденіями, и характеръ правителей, въ то или другое время, оказывали весьма существенное вліяніе на развитіе морской силы. Различныя свойства страны и ея населенія, поскольку они разсматривались выше, представляютъ естественныя данныя, съ которыми нація начинаетъ жизнь, и могутъ сравниваться съ врожденными свойствами человѣка, съ которыми онъ выступаетъ на житейское поприще; правительственное же руководительство въ исторіи націи, въ свою очередь, можно сравнить съ вліяніемъ интеллигентной воли (will-power) въ жизни человѣка, которая, — согласно тому, будетъ ли она мудра, энергична и настойчива или обратно, — служитъ причиною его успѣховъ или неудачъ.

Кажется вѣроятнымъ, что правительство, дѣйствуя въ полномъ согласіи съ естественными наклонностями своего народа, будетъ весьма успѣшно содѣйствовать его росту во всѣхъ отношеніяхъ; и въ дѣлѣ созданія морской силы самые блестящіе результаты имѣли мѣсто именно при мудромъ руководительствѣ правительства, сообразовавшагося съ духомъ и общими свойствами націи. Представительное правительство тѣмъ болѣе надежно, чѣмъ болѣе широкое участіе принимаетъ въ немъ воля народа, но такое правительство иногда дѣйствуетъ неудачно. Съ другой стороны, деспотическая власть, при управленіи разумномъ и твердомъ, создавала иногда большую морскую торговлю и блестящій флотъ, идя къ цѣли съ меньшими уклоненіями отъ начертаннаго плана, чѣмъ это возможно для правительства свободнаго народа. Однако слабая сторона де-

спотическаго правительства заключается въ томъ, что послѣ смерти правившаго страною деспота настойчивое продолженіе начинаній его не обезпечено.

Такъ какъ Англія безспорно достигла наибольшаго развитія своей морской силы сравнительно со всѣми современными державами, то прежде всего дѣятельность ея правительства требуетъ нашего вниманія. Въ общемъ направленіи эта дѣятельность была цѣлесообразна, хотя часто далеко не похвальна. Она постоянно имѣла въ виду обладаніе моремъ, первенство на немъ. Одно изъ въ высшей степени надменныхъ выраженій стремленія ея къ такому первенству относится еще къ отдаленному времени царствованія Іакова I, когда у Англіи не было почти никакихъ владѣній, кромѣ ея собственныхъ острововъ, и когда даже Виргинія или Массачузеттсъ не были еще заселены ея выходцами. Вотъ что пишетъ объ этомъ Ришельё:—

„Герцогъ Сюлли, министръ Генриха IV (одного изъ самыхъ рыцарственныхъ принцевъ, когда либо жившихъ), сѣлъ въ Калэ на французскій корабль, несшій французскій флагъ на гротъ-мачтѣ; не успѣли они войти въ каналъ, какъ командиръ встрѣтившаго его англійскаго посыльнаго бота, который долженъ былъ принять его тамъ, приказалъ французскому судну спустить флагъ. Герцогъ, полагая, что его положеніе спасаетъ его отъ такого оскорбленія, смѣло отказалъ; но за этимъ отказомъ послѣдовали три орудійные выстрѣла, которые, пронизавъ его корабль, пронизали также и сердца всѣхъ старыхъ добрыхъ французовъ. Сила заставила его уступить неправдѣ, и на всѣ свои заявленія онъ не могъ добиться отъ англійскаго капитана лучшаго отвѣта, чѣмъ этотъ: „Поскольку долгъ обязываетъ его чтить званіе посланника, постольку же онъ обязываетъ его требовать должной почести флагу его господина, какъ властелина моря“. Если слова самого короля Іакова были болѣе вѣжливы, то во всякомъ случаѣ они не имѣли другаго дѣйствія, какъ побудить герцога внять голосу своего благоразумія, притворившись удовлетвореннымъ, несмотря на то, что нанесенная ему рана болѣла, какъ неизлѣчимая. Генрихъ Великій долженъ былъ также отнестись къ этому факту сдержанно, но онъ рѣшился когда-нибудь поддержать права своей короны силою, которую, съ теченіемъ времени, онъ въ состояніи будетъ выставить на морѣ“.

Этотъ актъ наглости, — непростительной съ точки зрѣнія современныхъ идей, — не былъ такъ несогласенъ съ воззрѣніями націй того времени. Онъ, главнымъ образомъ, достоенъ вниманія, какъ въ высшей степени рельефный, а также и потому, что даетъ одно изъ самыхъ раннихъ указаній на намѣреніе

Англіи настаивать на своемъ господствѣ на морѣ, не стѣсняясь никакимъ рискомъ; и описанная обида была нанесена Англіей въ правленіе одного изъ самыхъ робкихъ королей ея непосредственному представителю одного изъ храбрѣйшихъ и способнѣйшихъ французскихъ правителей. На такомъ суетномъ оказаніи чести флагу, не имѣвшемъ иного значенія, кромѣ внѣшняго проявленія цѣли правительства, съ такою же строгостью настаивалось въ правленіе другихъ королей и при Кромвелѣ. Старшинство англійскаго флага было однимъ изъ условій мира, подписанныхъ голландцами послѣ ихъ бѣдственной войны 1654 года. Кромвель, хотя и не облеченный офиціально прерогативой самодержавія, но бывшій настоящимъ деспотомъ, чутко относился ко всему, что касалось чести и силы Англіи, и для поднятія ихъ онъ не останавливался только на вопросѣ о безплодныхъ салютахъ. Едва только начинавшій набираться силъ, англійскій флотъ вступилъ быстро въ новую жизнь подъ его твердымъ правленіемъ. Права Англіи, или удовлетвореніе за оскорбленія ея, требовались ея флотами во всемъ мірѣ,—въ Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ, среди Варварійскихъ государствъ, въ Вестъ-Индіи. Въ правленіе же Кромвеля было положено завоеваніемъ Ямайки начало тому расширенію англійскаго владычества силою оружія, которое продолжалось до нашихъ дней. Но не были также забыты не менѣе сильныя мирныя мѣры въ пользу роста англійской торговли и торговаго мореходства: знаменитымъ Навигаціоннымъ Актомъ Кромвеля объявлялось, что весь ввозъ въ Англію или въ ея колоніи долженъ производиться исключительно на судахъ, принадлежащихъ самой Англіи или странѣ, въ которой транспортировавшіеся продукты добывались или обработывались. Этотъ декретъ, имѣвшій цѣлью нанести ударъ главнымъ образомъ Голландіи, доставлявшей морскія транспортныя средства всей Европѣ, былъ чувствителенъ и для всего коммерческаго міра; но выгода его для Англіи въ тѣ дни національной вражды и борьбы была такъ очевидна, что онъ продолжалъ сохранять свое дѣйствіе еще долго во время монархіи. Такъ, столѣтіе и четверть вѣка спустя, Нельсонъ, еще до начала своей знаменитой карьеры, опирается на тотъ же декретъ, стараясь, въ ревностныхъ заботахъ своихъ о процвѣ-

таніи англійскаго торговаго мореходства, стѣснить въ Вестъ-Индіи дѣятельность американскихъ коммерческихъ судовъ.

Когда Кромвель умеръ, то занявшій тронъ отца своего Карлъ II, при всемъ вѣроломномъ отношеніи своемъ къ англійскому народу, оставался все-таки вѣренъ величію Англіи и традиціонной политикѣ ея правительства на морѣ. Въ своихъ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Людовикомъ XIV, путемъ которыхъ онъ намѣревался сдѣлаться независимымъ отъ парламента и народа, онъ писалъ: — «Есть два препятствія для полнаго согласія. Первое — проявляющаяся теперь великая забота Франціи о созданіи своей торговли и о занятіи положенія вліятельной морской державы. Это возбуждаетъ въ насъ, опирающихся въ своемъ значеніи только на свою торговлю и на свою морскую силу, такое подозрительное къ ней отношеніе, что каждый шагъ ея въ этомъ направленіи увѣковѣчиваетъ ревность между двумя націями». Посреди переговоровъ, которые предшествовали гнусному нападенію обоихъ королей на Голландскую Республику, возникъ горячій споръ о томъ, кому командовать соединенными флотами Англіи и Франціи. Карлъ былъ непоколебимъ въ этомъ пунктѣ спора. «Это исконный обычай Англіи», говорилъ онъ, «командовать въ морѣ»; и онъ откровенно объяснилъ французскому посланнику, что если бы онъ уступилъ, то его подданные не послушались бы его. Въ проектировавшемся раздѣленіи Соединенныхъ Провинцій онъ сохранялъ за Англіей морскія позиціи, которыя командовали устьями рѣкъ Шельды и Мааса. Флотъ въ правленіе Карла сохранялъ въ теченіе нѣкотораго времени духъ и дисциплину, созданные желѣзнымъ режимомъ Кромвеля, хотя впослѣдствіи и онъ принялъ участіе въ общемъ *моральномъ* упадкѣ, какимъ характеризовалось злополучное царствованіе Карла. Монкъ въ 1666 году, отдѣливъ отъ своего флота четвертую часть и сдѣлавъ этимъ большую стратегическую ошибку, съ остальными кораблями встрѣтилъ значительно превосходившія его морскія силы Голландіи. Несмотря на неравные шансы, онъ атаковалъ непріятеля безъ колебанія, и въ теченіе трехъ дней держался на полѣ сраженія съ честью, хотя и съ потерями. Такое поведеніе, доблестное само по себѣ, не оправдывается принци-

пами войны; но въ единствѣ взгляда англійскаго народа и его правительства, слѣдившаго зорко за сохраненіемъ престижа флота Англіи и направлявшаго его дѣятельность, лежалъ секретъ конечнаго успѣха, послѣдовавшаго за многими стратегическими ошибками въ теченіе столѣтій. Преемникъ Карла, Іаковъ II, былъ самъ морякомъ и командовалъ въ двухъ большихъ морскихъ сраженіяхъ. Когда Вильгельмъ III взошелъ на тронъ, то правительства Англіи и Голландіи направлялись одною рукою и шли соединенно къ одной цѣли противъ Людовика XIV, вплоть до Утрехтскаго мира въ 1713 году, т. е. въ теченіе четверти столѣтія. Англійское правительство, все болѣе и болѣе настойчиво и съ сознательною цѣлью, заботилось о расширеніи морскихъ владѣній Великобританіи и лелѣяло ростъ ея морской силы. Нанося удары флоту Франціи, какъ открытый врагъ ея, Англія, въ то же время, подкапывалась, — какъ по крайней мѣрѣ полагали многіе, — какъ коварный другъ, подъ морскую силу Голландіи. Трактатъ между двумя странами требовалъ отъ Голландіи только три восьмыхъ доли общихъ ихъ морскихъ силъ, а отъ Англіи — пять восьмыхъ, т. е. почти вдвое болѣе. Такое соглашеніе, соединенное съ условіемъ, требовавшимъ отъ Голландіи содержанія арміи въ 102000 человѣкъ, а отъ Англіи только 40000, въ дѣйствительности, возложило сухопутную войну на первую державу, а морскую войну — на вторую. Стремленіе, преднамѣренное или нѣтъ, — очевидно; и при заключеніи мира, въ то время, какъ Голландія получила вознагражденіе континентальными владѣніями, Англія пріобрѣла, кромѣ коммерческихъ привилегій во Франціи, Испаніи и Испанской Вестъ-Индіи, важныя морскія позиціи: Гибралтаръ и портъ Магонъ въ Средиземномъ морѣ; Ньюфаундлэндъ, Новую Шотландію и Гудсоновъ заливъ въ Сѣверной Америкѣ. Морская сила Франціи и Испаніи исчезла; морская сила Голландіи съ тѣхъ поръ постоянно падала. Утвердившись, такимъ образомъ, въ Вестъ-Индіи и Средиземномъ морѣ, англійское правительство съ тѣхъ поръ твердо двигалось впередъ по пути, который привелъ Англійское Королевство къ Британской Имперіи. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за Утрехтскимъ миромъ, сохраненіе мира было главною цѣлью мини-

custom

стровъ, руководившихъ политикою двухъ большихъ морскихъ націй, — Франціи и Англіи; но среди всѣхъ колебаній континентальной политики, въ этотъ въ высшей степени неустойчивый періодъ, изобиловавшій мелкими войнами и перемѣнными трактатами, взоръ Англіи постоянно былъ устремленъ на заботы о сохраненіи ея морской силы. Въ Балтійскомъ морѣ ея флоты ограничивали посягательства Петра Великаго на Швецію и такимъ образомъ сохраняли равновѣсіе силъ въ этомъ морѣ, черезъ которое она не только питала свою морскую торговлю, но и получала главную часть необходимыхъ для нея морскихъ матеріаловъ, и которое Царь намѣревался сдѣлать русскимъ озеромъ. Данія пыталась учредить въ Остъ-Индіи компанію при помощи иностранныхъ капиталовъ; Англія и Голландія не только запретили своимъ подданнымъ присоединяться къ ней, но и угрожали Даніи войною, и такимъ образомъ остановили предпріятіе, которое онѣ считали противнымъ своимъ морскимъ интересамъ. Въ Нидерландахъ, перешедшихъ по Утрехтскому трактату къ Австріи, была организована подобная же Остъ-Индская компанія, которая избрала своимъ портомъ Остендэ и уставъ которой былъ санкціонированъ императоромъ. Этому предпріятію, имѣвшему цѣлью возстановить торговлю Нидерландовъ, потерянную послѣ утраты устьевъ Шельды, также воспрепятствовали морскія силы Англіи и Голландіи; и жадныя стремленія этихъ державъ къ монополіи торговли, поддерживаемыя въ этомъ случаѣ Франціею, задушили и эту компанію послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ея полнаго борьбы существованія. Въ Средиземномъ морѣ Утрехтское соглашеніе было нарушено императоромъ Австріи, естественнымъ союзникомъ Англіи при тогдашнемъ положеніи европейской политики. Подстрекаемый Англіей, онъ, уже имѣя въ своихъ рукахъ Неаполь, требовалъ также Сицилію, въ обмѣнъ на Сардинію. Испанія сопротивлялась; и ея флотъ, только что начавшій оживать при энергичномъ министрѣ Альберони, былъ разбитъ и уничтоженъ англійскимъ флотомъ близъ мыса Пассаро въ 1718 году; а въ слѣдующемъ году французская армія, по настоянію Англіи, перешла Пиренеи и довершила дѣло разрушеніемъ испанскихъ адмиралтействъ. Такимъ образомъ Англія, владѣя уже сама Гибралтаромъ и Магономъ, уви-

дѣла Неаполь и Сицилію въ рукахъ своего друга, а непріятеля своего разбитымъ па голову. Въ Испанской Америкѣ она злоупотребляла своими торговыми привилегіями, уступленными ей Испаніей подъ давленіемъ необходимости, практикуя тамъ въ широкой степени контрабанду, которую едва старалась скрывать; и когда выведенное изъ терпѣнія испанское правительство позволило себѣ не вполнѣ сдержанно противодѣйствовать ей, то и министръ, заботившійся о мирѣ, и оппозиція, настаивавшая на войнѣ, защищали свои мнѣнія, ссылаясь на требованіе чести и престижа морской силы Англіи. Въ то время, какъ политика послѣдней такимъ образомъ настойчиво стремилась къ расширенію и усиленію основъ ея вліянія на океанѣ, другія правительства Европы, казалось, были слѣпы въ игнорированіи своемъ опасностей, возникавшихъ для нихъ въ ростѣ ея морской силы. Бѣдствія, явившіяся результатомъ слишкомъ возмечтавшей о своей силѣ Испаніи въ давно прошедшіе дни, казалось, были забыты; забытъ былъ также совсѣмъ недавній урокъ кровавыхъ и дорого стоившихъ войнъ, вызванныхъ притязательностью и преувеличенной силой Людовика XIV. На глазахъ государственныхъ людей Европы постоянно и видимо созидалась третья подавляющая сила, предназначавшаяся къ дѣятельности такой же эгоистичной, такой же наступательной, хотя и не такой жестокой, но гораздо болѣе успѣшной, чѣмъ дѣятельность любой изъ ея предшественницъ. Это была морская сила, которой дѣянія, какъ болѣе молчаливыя, чѣмъ звонъ оружія, рѣдко замѣчаются своевременно, хотя они и не скрываются глубоко. Едва ли можно отрицать, что безконтрольное господство Англіи на моряхъ, въ теченіе почти всей эпохи, избранной предметомъ изученія въ настоящемъ трудѣ, было, по причинѣ отсутствія достойнаго ей соперника, главнымъ изъ тѣхъ военныхъ факторовъ, которые опредѣлили конечный исходъ (*). Однако вліяніе этого фактора настолько не предусматривалось

(*) Интересное доказательство того, какое значеніе приписывается морской силѣ Великобританіи большимъ военнымъ авторитетомъ, находимъ во введеніи Жомини къ его труду «Исторія войнъ Французской Революціи». Онъ выставляетъ, какъ основной принципъ европейской политики, то положеніе, что неограниченное расширеніе морской силы не должно быть допущено ни для одного государства, къ которому нельзя подойти съ суши, — опредѣленіе, приложимое только къ Англіи.

послѣ Утрехтскаго мира, что Франція, движимая личными побужденіями ея правителей, дѣйствовала въ теченіе двѣнадцати лѣтъ рука объ руку съ Англіей противъ Испаніи; и хотя съ переходомъ власти въ руки Флёри (Fleuri) въ 1726 году, эта политика и измѣнилась, французскій флотъ попрежнему остался въ пренебреженіи, и единственнымъ ударомъ, нанесеннымъ Англіи, было утвержденіе принца изъ Дома Бурбоновъ, естественнаго врага ея, на тронѣ Обѣихъ Сицилій въ 1736 году. Въ началѣ войны съ Испаніей въ 1739 году англійскій флотъ превосходилъ, по численности, соединенные флоты Испаніи и Франціи; и это численное превосходство все возрастало въ теченіе слѣдовавшей затѣмъ четверти столѣтія почти непрерывныхъ войнъ. Въ этихъ войнахъ Англія, сначала инстинктивно, а затѣмъ съ сознательною цѣлью, подъ руководствомъ правительства, сумѣвшаго не упустить выгодныхъ моментовъ и оцѣнить то, что было возможно для ея морской силы, быстро созидала ту могущественную колоніальную имперію, которой основанія были уже прочно заложены въ самыхъ свойствахъ ея колонистовъ и въ качествахъ ея флота. Въ дѣлахъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова европейскихъ, ея богатство, — слѣдствіе ея морской силы, дало ей видную долю участія въ теченіе того же періода. Система субсидій, введенная за полстолѣтія до того въ войнахъ Мальборо (Marlborough) и получившая наибольшее развитіе полстолѣтія спустя въ Наполеоновскихъ войнахъ, дала Англіи возможность поддержать силы ея союзниковъ, которыя безъ субсидій ослабли бы, если бы не были даже совсѣмъ парализованы. Кто можетъ отрицать, что правительство, которое одною рукою усиливало своихъ слабѣющихъ союзниковъ на континентѣ жизненною струею денегъ, а другою выгоняло своихъ враговъ съ моря и изъ ихъ главныхъ владѣній — Канады, Мартиники, Гваделупы, Гаванны, Маниллы, — давало своей странѣ первенствующую роль въ европейской политикѣ; и кто можетъ не видѣть, что сила, проявлявшаяся въ этомъ правительствѣ и въ населеніи этой страны, тѣсной размѣрами и бѣдной рессурсами, выросла прямо изъ моря? Политика, руководившая англійскимъ правительствомъ въ войнѣ, выяснена въ спичѣ Питта (Pitt), который былъ главнымъ геніемъ ея, хотя онъ и потерялъ власть

ранѣе окончанія ея. Осуждая миръ 1763 года, заключенный его политическимъ противникомъ, онъ сказалъ: — «Франція, главнымъ образомъ, если не исключительно, грозна для насъ, какъ морская и коммерческая держава. То, что мы выигрываемъ нанесеніемъ вреда ей, какъ таковой, должно быть цѣнно для насъ свыше всего. Вы же оставили Франціи возможность оживить ея флотъ». А между тѣмъ пріобрѣтенія Англіи были огромны; ея господство въ Индіи было обезпечено, и вся Сѣверная Америка, къ востоку отъ Миссисипи, отдана въ ея руки. Къ этому времени направленіе образа дѣйствій ея правительства ясно обозначилось, получило силу традиціи и твердо преслѣдовалось. Правда, Американская война за независимость была большою ошибкою, съ точки зрѣнія интересовъ морской силы; но правительство было вовлечено въ нее незамѣтно, рядомъ естественныхъ ошибокъ. Оставляя въ сторонѣ политическія и конституціонныя соображенія и разсматривая вопросъ, какъ чисто военный или морской, можно характеризовать сущность дѣла такъ: американскія колоніи представляли обширныя общины, развивавшіяся на большомъ отъ Англіи разстояніи. До тѣхъ поръ, пока онѣ были привязаны къ своей отечественной странѣ, — а такая привязанность имѣла тогда мѣсто до степени энтузіазма, — онѣ представляли твердую базу для ея морской силы въ той части свѣта; но ихъ территорія и населеніе были слишкомъ велики для того, чтобы, — особенно при такомъ большомъ разстояніи отъ Англіи, — можно было надѣяться удержать ихъ силою, *если бы* какія либо могущественныя націи пожелали помочь имъ отложиться отъ метрополіи. Это «если», между тѣмъ, имѣло за собою большую степень вѣроятности. Униженіе Франціи и Испаніи было такъ горько и такъ свѣжо въ памяти, что онѣ, навѣрное, ждали случая реванша, и было хорошо извѣстно, что особенно Франція заботилась энергично о быстромъ созданіи своего флота. Если бы колоніи были тринадцатью островами, то морская сила Англіи быстро уладила бы затрудненія; но вмѣсто физическаго барьера колоніи раздѣляло только ревнивое соперничество, которое потухало при общей имъ опасности. Войти преднамѣренно въ борьбу съ ними, стараться удержать силою такую обширную территорію съ

огромнымъ враждебнымъ населеніемъ и столь далекую отъ Англіи, было равносильно возобновленію Семилѣтней войны съ Франціей и Испаніей, да при условіи еще, что американцы не на сторонѣ Англіи, а противъ нея. Семилѣтняя война была такимъ тяжелымъ бременемъ, что мудрое правительство должно бы было предвидѣть невозможность вынести еще добавочную ношу и понять необходимость соглашеній съ колонистами. Правительство разсматриваемой эпохи не было мудро и пожертвовало важнымъ элементомъ морской силы Англіи; но по ошибкѣ, а не добровольно; по надменности, а не по слабости.

Это постоянное слѣдованіе общему направленію политики, безъ сомнѣнія, облегчалось для чередовавшихся англійскихъ правительствъ самими условіями страны. Единство цѣли было, до нѣкоторой степени, вынуждено. Твердое сохраненіе морской силы, надменная рѣшимость заставить чувствовать ее, благоразумныя заботы о постоянной готовности военнаго элемента ея, были еще болѣе слѣдствіемъ той особенности политическихъ учрежденій Англіи, которая, въ сущности, отдала власть въ теченіе разсматриваемой эпохи въ руки класса, составлявшаго земельную аристократію. Такой классъ, — каковы бы ни были его недостатки въ другихъ отношеніяхъ, — съ готовностью воспринимаетъ и лелѣетъ здоровыя политическія традиціи, естественно гордится славою своей страны и сравнительно нечувствителенъ къ лишеніямъ тѣхъ слоевъ общества, на счетъ которыхъ эта слава поддерживается. Онъ безъ затрудненія выноситъ бремя денежныхъ налоговъ, необходимыхъ для подготовки къ войнѣ и для веденія ея, какъ классъ, болѣе богатый, чѣмъ другіе классы. Источники его богатства не такъ непосредственно страдаютъ во время войны, какъ источники торговли, и поэтому онъ не раздѣляетъ той политической робости, которую принято называть «робостью капитала» и которая свойственна тѣмъ, чье состояніе и дѣло подвергаются въ войнѣ риску. Тѣмъ не менѣе въ Англіи этотъ классъ не былъ нечувствителенъ ко всему, что касалось выгодъ и невыгодъ торговли. Обѣ палаты парламента соперничали въ бдительной заботливости объ ея расширеніи и о покровительствѣ ей, и частому углубленію ихъ въ ея нужды приписываетъ морской

историкъ возраставшее вліяніе исполнительной власти въ управленіи флотомъ. Земельный классъ также естественно воспринимаетъ и сохраняетъ духъ воинской чести (military honor), который имѣлъ первостепенное значеніе въ вѣка, когда военныя учрежденія не представляли еще достаточной замѣны того, что называется *l'esprit de corps*. Но, хотя полный кастовыхъ предубѣжденій и предразсудковъ, которые чувствовались во флотѣ, какъ и вездѣ, упомянутый классъ имѣлъ достаточно здраваго практическаго смысла, чтобы не мѣшать достойнымъ представителямъ низшихъ слоевъ общества достигать высшаго положенія; и каждый вѣкъ видѣлъ англійскихъ адмираловъ, вышедшихъ изъ народа. Въ этомъ свойствѣ своемъ англійскій высшій классъ замѣтно отличался отъ французскаго. Даже въ 1789 году, въ началѣ революціи, въ *Ежегодникѣ французскаго флота* стояло имя офиціальнаго чиновника, на котораго возложено было провѣрять доказательства благороднаго происхожденія молодыхъ людей, намѣревавшихся вступить въ морскую школу.

Съ 1815 года, и особенно въ наши дни, правительство Англіи перешло въ значительнѣйшей мѣрѣ въ руки народа, въ широкомъ смыслѣ. Будущему предстоитъ еще выяснить, пострадаетъ ли отъ этого ея морская сила, которой широкимъ базисомъ попрежнему остается сильно развитая торговля, обширная механическая промышленность и обширная колоніальная система. Точно такъ же остается еще открытымъ вопросъ о томъ, будетъ ли демократическое правительство обладать достаточной дальновидностью и большою чувствительностью къ національному положенію и кредиту, а также готовностью обезпечить процвѣтаніе упомянутой силы надлежащими денежными затратами въ мирное время, — а все это необходимо для подготовки къ войнѣ. Народныя правительства обыкновенно не склонны къ военнымъ издержкамъ, какъ бы ни были онѣ необходимы; и есть признаки, что современная Англія стремится идти въ этомъ отношеніи назадъ.

Мы видѣли уже выше, что Голландская Республика, еще въ бо́льшей степени, чѣмъ англійская нація, обязана своимъ богатствомъ и даже самою своею жизнью морю. Но характеръ и политика ея правительства значительно менѣе благопріятствовали

надлежащей поддержкѣ въ ней морской силы. Составленная изъ семи провинцій, съ политическимъ именемъ Соединенныхъ Провинцій, Голландія страдала раздѣленіемъ власти, о которомъ американцы получатъ достаточное понятіе, сравнивъ ихъ со своими States Rights, только въ бо́льшемъ масштабѣ. Каждая изъ морскихъ провинцій имѣла свой собственный флотъ и свое собственное адмиралтейство, что вело къ ревнивымъ между ними отношеніямъ. Вредному вліянію такого порядка вещей отчасти противодѣйствовало большое преобладаніе провинціи Голландіи, которая одна только содержала пять шестыхъ соединеннаго флота и платила пятьдесятъ восемь процентовъ налоговъ, вслѣдствіе чего имѣла и пропорціональное участіе въ руководительствѣ національной политикой. Духъ народа, хотя въ высшей степени патріотическаго и способнаго приносить крайнія жертвы за свободу, но все-таки узко коммерческаго, царилъ и въ правительствѣ, — которое, въ сущности, можно было назвать коммерческою аристократіею, — и заставлялъ его враждебно относиться не только къ войнѣ, но и къ издержкамъ, необходимымъ для готовности къ ней. Какъ выше было сказано, голландскіе бургомистры соглашались нести расходы на свою оборону не ранѣе того момента, когда опасность являлась передъ ними лицомъ къ лицу. Однако, пока держалось республиканское правительство, эта экономія менѣе всего распространялась на флотъ; и до смерти Джона де Витта, въ 1672 году, и даже до мира съ Англіей въ 1674 году, голландскій флотъ, въ отношеніи численности судовъ и снаряженія ихъ, способенъ былъ съ честью противостоять соединеннымъ флотамъ Англіи и Франціи. Его сила въ то время несомнѣнно спасла страну отъ разгрома, замышлявшагося двумя королями. Со смертью де Витта республика исчезла и за нею послѣдовало, въ сущности, монархическое правительство Вильгельма Оранскаго. Долголѣтняя политика этого принца, тогда еще всего лишь восемнадцати лѣтъ отъ роду, состояла въ противодѣйствіи Людовику XIV и расширенію французской державы. Это противодѣйствіе обратилось болѣе на сухопутныя, чѣмъ на морскія операціи, — результатъ, вызванный уклоненіемъ Англіи отъ войны. Уже въ

1676 году адмиралъ де Рюйтеръ (de Ruyter) нашелъ, что флотъ, командующимъ которымъ онъ былъ назначенъ, недостаточно силенъ для того, чтобы считаться даже съ одною только Франціею. При обращеніи взоровъ правительства только па сухопутныя границы флотъ быстро пришелъ въ упадокъ. Въ 1688 году, когда Вильгельму Оранскому понадобилась эскадра для конвоированія его въ Англію, амстердамскіе бургомистры возражали, что флотъ нерасчетливо уменьшенъ въ силѣ и лишенъ способнѣйшихъ командировъ. Сдѣлавшись королемъ Англіи, Вильгельмъ все еще удерживалъ положеніе правителя (штадтгальтера) Голландіи, а съ нимъ держался и своей обычной европейской политики. Онъ нашелъ въ Англіи морскую силу, въ которой нуждался, а средства Голландіи утилизировалъ для сухопутной войны. Этотъ голландскій принцъ согласился, чтобы въ военныхъ совѣтахъ союзныхъ флотовъ голландскіе адмиралы сидѣли ниже младшаго англійскаго капитана; и интересы голландіи на морѣ приносились въ жертву требованіямъ Англіи съ такою же готовностью, какъ и ихъ гордость. Когда Вильгельмъ умеръ, наслѣдовавшее ему правительство все еще продолжало держаться его политики. Его задачи были всецѣло сосредоточены около территоріальныхъ интересовъ, и при заключеніи Утрехтскаго мира, который завершилъ рядъ войнъ, продолжавшихся болѣе сорока лѣтъ, голландцы, не предъявивъ никакихъ притязаній на вліяніе на морѣ, не сдѣлали ничего для развитія морскихъ рессурсовъ и для расширенія колоній и торговли.

О послѣдней изъ этихъ войнъ англійскій историкъ говоритъ: «Экономія голландцевъ сильно повредила ихъ репутаціи и торговлѣ. Ихъ военные корабли въ Средиземномъ морѣ были всегда снабжены припасами лишь на короткое время, а ихъ конвои были организованы во всѣхъ отношеніяхъ такъ слабо, что на одинъ терявшійся нами корабль они теряли пять, что справедливо породило общее убѣжденіе, что мы болѣе надежные транспортеры, чѣмъ они; а это конечно имѣло хорошія для насъ послѣдствія. Отсюда произошло то, что наша торговля скорѣе возрасла, чѣмъ уменьшилась въ этой войнѣ».

Съ этого времени Голландія уже не имѣла большой мор-

*

ской силы и быстро теряла то почетное положеніе среди державъ, которое эта сила создала ей. Будетъ только справедливо сказать, что уже никакая политика не могла бы спасти отъ упадка эту маленькую, мужественную націю передъ лицомъ настойчивой вражды Людовика XIV. Дружба съ Франціей, обезпечивъ ей миръ на сухопутной границѣ, позволила бы ей, по крайней мѣрѣ въ теченіе бо́льшаго времени, оспаривать у Англіи господство на моряхъ, а союзъ флотовъ двухъ континентальныхъ государствъ могъ бы задержать ростъ огромной силы, о которой мы говорили. Морской миръ между Англіей и Голландіей могъ имѣть мѣсто лишь при подчиненности одной изъ нихъ, такъ какъ обѣ онѣ стремились къ одной и той же цѣли. Относительныя же положенія Франціи и Голландіи были иныя; и паденіе Голландіи произошло не неизбѣжно отъ меньшихъ размѣровъ государства или отъ меньшей численности населенія его, а отъ ошибочной политики обоихъ правительствъ. Въ задачу нашу не входитъ обсужденіе вопроса о томъ, которое изъ послѣднихъ болѣе заслуживаетъ порицанія.

Франція, расположенная географически весьма выгодно для обладанія морскою силою, получила въ руководство отъ двухъ великихъ правителей своихъ, Генриха IV и Ришельё, опредѣленную политику. Сущность ея заключалась въ томъ, что съ нѣкоторыми опредѣленными проектами расширенія континентальныхъ владѣній государства въ восточномъ направленіи, соединялась рѣшимость оказывать упорное сопротивленіе Австрійскому Дому, управлявшему тогда Австріей и Испаніей, и господству Англіи на морѣ. Для достиженія этой послѣдней цѣли, такъ же какъ и по другимъ причинамъ, Франціи слѣдовало домогаться союза съ Голландіей, поощрять свою торговлю и рыболовные промыслы, какъ основы морской силы, и заботиться о сооруженіи большаго военнаго флота. Ришельё, въ своемъ политическомъ завѣщаніи, указывалъ на способы созданія во Франціи морской силы, основанной на положеніи и средствахъ страны; и французскіе писатели считаютъ его истиннымъ основателемъ флота не только потому, что онъ строилъ и снаряжалъ корабли, но и по широтѣ его взглядовъ и принимавшихся имъ мѣръ для обезпеченія

основныхъ учрежденій флота и прочнаго развитія его. Послѣ его смерти Мазарини унаслѣдовалъ его взгляды и общую политику, но не усвоилъ его высокаго и воинственнаго духа: въ теченіе управленія Мазарини только что организованный флотъ исчезъ. Когда Людовикъ XIV принялъ бразды правленія, въ 1661 году, во французскомъ флотѣ было всего тридцать кораблей, изъ которыхъ только на трехъ было болѣе, чѣмъ по шестидесяти пушекъ. Именно тогда Франція проявила примѣръ удивительнѣйшей дѣятельности, какая возможна только для неограниченнаго правительства, умѣло и систематически руководимаго. Отдѣлъ администраціи, вѣдавшій торговлю, мануфактуры, мореходство и колоніи, былъ ввѣренъ человѣку великаго практическаго генія, — Кольберу, который служилъ съ Ришельё и всецѣло воспринялъ его идеи и политику. Онъ преслѣдовалъ свои цѣли въ чисто французскомъ духѣ. Все должно было организоваться, и пружины всего должны были сосредоточиваться въ кабинетѣ министра. «Организовать сильную армію производителей и купцовъ, подчиненную дѣятельному и интеллигентному руководительству такъ, чтобы обезпечить за Франціею промышленную побѣду путемъ порядка и единства усилій и добиться лучшихъ продуктовъ, принудивъ всѣхъ производителей къ такимъ процессамъ производствъ, какіе признаны компетентными людьми за наилучшіе..... Организовать большія компаніи мореходовъ для внѣшней торговли, такъ же какъ фабрикантовъ для торговли внутренней, и дать Франціи, какъ поддержку коммерческой силѣ, флотъ, еще невиданныхъ до тѣхъ поръ размѣровъ и опирающійся на твердыя основанія», — такъ охарактеризованы задачи Кольбера по отношенію къ двумъ изъ трехъ звеньевъ въ цѣпи морской силы. По отношенію къ третьему звену, — колоніямъ на окраинахъ французскихъ владѣній, очевидно преслѣдовалось то же самое правительственное направленіе и та же организація, потому что правительство начало съ выкупа Канады, Ньюфаундленда, Новой Шотландіи и французскихъ Вестъ-Индскихъ острововъ отъ компаній, которыя тогда владѣли ими. Здѣсь такимъ образомъ видна явно неограниченная, безконтрольная власть, собирающая въ свои руки всѣ бразды

для направленія націи на путь, который привелъ бы ее, между другими цѣлями, и къ созданію большой морской силы.

Разсмотрѣніе деталей дѣятельности Кольбера не входитъ въ нашу задачу. Для насъ достаточно отмѣтить главную роль правительства въ созданіи морской силы государства и то, что заботы этого великаго человѣка не ограничивались какою-либо одною только изъ основъ этой силы, въ ущербъ другимъ, но что въ его мудрой и дальновидной администраціи обнимались всѣ эти основы. Земледѣліе, усиливающее производительность земли, и мануфактуры, умножающія продукты промышленности; внутренніе торговые пути и постановленія, которыми облегчается обмѣнъ продуктовъ съ внѣшнимъ, по отношенію къ странѣ, міромъ; уставъ о судоходствѣ и таможенныхъ сборахъ, имѣвшій цѣлью передать транспортное дѣло въ руки французовъ и такимъ образомъ поощрить созданіе французскаго флота для вывоза и ввоза отечественныхъ и колоніальныхъ продуктовъ; администрація и развитіе колоній, при посредствѣ которыхъ могли бы умножаться отдаленные рынки для монополизированія ихъ въ пользу отечественной торговли; благопріятствующіе послѣдней трактаты съ иностранными государствами и пошлины на суда и продукты соперничавшихъ съ Франціей націй; — всѣ эти мѣры, обнимающія безчисленныя детали, были употреблены для созданія во Франціи: 1) производительности; 2) судоходства; 3) колоній и рынковъ, — однимъ словомъ, морской силы. Изученіе такой работы проще и легче, когда она выполнена однимъ человѣкомъ, начертана однимъ логическимъ процессомъ, чѣмъ когда она медленно проведена черезъ сталкивающіеся интересы въ болѣе сложномъ правительствѣ. Въ теченіе недолголѣтняго управленія Кольбера видна вся теорія морской силы, проведенная въ практику излюбленнымъ Франціею путемъ систематической централизаціи, тогда какъ иллюстраціи той же самой теоріи въ англійской и голландской исторіяхъ разсѣяны въ дѣятельности нѣсколькихъ поколѣній. Описанный ростъ морской силы, однако, былъ форсированный, принудительный и зависѣлъ отъ долговѣчности неограниченной власти, заботившейся о немъ; и такъ какъ Кольберъ не былъ королемъ, то его вліяніе продолжалось только до тѣхъ поръ, пока онъ былъ въ фаворѣ

у короля. Однако въ высшей степени интересно прослѣдить результаты его трудовъ на томъ полѣ дѣятельности, которое подлежитъ заботамъ правительства, а именно на организацiи флота. Было уже упомянуто, что въ 1661 году, когда онъ вступилъ въ должность, во Францiи было только тридцать кораблей, изъ которыхъ лишь на трехъ было болѣе шестидесяти пушекъ. Въ 1666 году число судовъ возросло уже до семидесяти: пятьдесятъ линейныхъ кораблей, и двадцать брандеровъ; въ 1671 году, вмѣсто семидесяти, стало уже сто девяносто шесть судовъ. Въ 1683 году насчитывалось сто семь кораблей, отъ 24 до 120 пушечныхъ, двѣнадцать изъ которыхъ носили свыше 76 пушекъ, и кромѣ того много судовъ меньшихъ размѣровъ. Порядокъ и система, введенные въ адмиралтейства, сдѣлали дѣятельность ихъ болѣе производительною, чѣмъ въ Англiи. Одинъ англiйскiй капитанъ, бывшiй плѣнникомъ во Францiи въ то время, когда влiянiе работы Кольбера еще продолжалось въ рукахъ его сына, писалъ: —

„Будучи привезенъ туда плѣнникомъ, я лежалъ четыре мѣсяца въ госпиталѣ, въ Брестѣ, для леченiя моихъ ранъ. Въ это время я имѣлъ случай удивляться достигнутой во Францiи быстротѣ въ комплектованiи и снаряженiи судовъ, — въ операцiяхъ, которыя, какъ я ошибочно полагалъ до тѣхъ поръ, нигдѣ не могли быть исполнены скорѣе, чѣмъ въ Англiи, гдѣ мореходство развито въ десять разъ больше, а слѣдовательно и число матросовъ въ десять разъ больше, чѣмъ во Францiи; но здѣсь я видѣлъ, какъ двадцать кораблей, почти всѣ шестидесятипушечные, были снаряжены въ теченiе двадцати дней; предварительно они были введены въ гавань, разружены, и команда ихъ была распущена. Затѣмъ, по распоряженiю изъ Парижа, они были кренгованы килеваны, осмотрѣны, оснащены и снабжены всѣмъ необходимымъ и потомъ снова выведены изъ гавани; наконецъ на нихъ была посажена команда, и они вышли опять въ море... И все это было сдѣлано въ теченiе вышеупомянутаго короткаго времени, съ поразительною легкостью. Я видѣлъ также, какъ со стопушечнаго корабля были сняты всѣ орудiя въ теченiе только четырехъ или пяти часовъ, — работа, на которую въ Англiи, насколько я знаю, никогда не тратятъ менѣе двадцати четырехъ часовъ; и при томъ она была исполнена здѣсь съ гораздо меньшими затрудненiями, чѣмъ у насъ. Все это я наблюдалъ изъ своего госпитальнаго окна".

Одинъ французскiй морской историкъ сообщаетъ просто невѣроятныя свѣдѣнiя, утверждая, что галера, заложенная на верфи въ четыре часа, въ девять часовъ уже вышла изъ гавани совсѣмъ вооруженная. Эти свѣдѣнiя можно однако принять, вмѣстѣ съ приведенными выше болѣе серьезными

сообщеніями англійскаго офицера, какъ указанія на замѣчательную степень порядка и на обиліе средствъ для работъ во французскомъ флотѣ въ разсматриваемую эпоху.

Тѣмъ не менѣе весь этотъ удивительный ростъ флота, вынужденный дѣйствіями правительства, смѣнился увяданіемъ его, когда исчезла благосклонность къ нему новаго правительства. Времени было слишкомъ мало для того, чтобы любовь къ флоту пустила глубокіе корни въ жизнь народа. Дѣятельность Кольбера прямо согласовалась съ направленіемъ политики Ришельё, и въ теченіе нѣкотораго времени послѣ него казалось, что Франція будетъ продолжать идти по пути, который привелъ бы ее къ величію на морѣ и къ преобладанію на сушѣ. По причинамъ, приводить которыя здѣсь еще нѣтъ необходимости, Людовикъ XIV проникся чувствомъ горькой вражды къ Голландіи; и такъ какъ это чувство раздѣлялось и Карломъ II, то оба короля рѣшились на попытку уничтоженія Соединенныхъ Провинцій. Война, возникшая въ 1672 году, хотя и болѣе противная естественнымъ чувствамъ Англіи, была меньшей политической ошибкой со стороны ея, чѣмъ со стороны Франціи, — особенно по отношенію къ морской силѣ. Франція помогала разоренію своего вѣроятнаго и, навѣрное, незамѣнимаго союзника; Англія же способствовала уничтоженію своего величайшаго соперника на морѣ, который превосходилъ еще ее въ то время въ коммерческомъ развитіи. Франція, шатавшаяся подъ бременемъ долговъ и финансовыхъ затрудненій, когда Людовикъ взошелъ на тронъ, только что увидѣла передъ собою въ 1672 году ясные горизонты подъ вліяніемъ счастливыхъ результатовъ реформъ Кольбера. Война, продолжавшаяся шесть лѣтъ, уничтожила бо́льшую часть его работы. Земледѣльческіе классы, мануфактуры, коммерція и колоніи — все было поражено ею; учрежденія Кольбера зачахли, и порядокъ, который онъ возстановилъ въ финансахъ, былъ ниспровергнутъ. Такимъ образомъ дѣятельность Людовика, — а онъ одинъ былъ руководящимъ правителемъ Франціи, — подрѣзала корни морской силы его страны и отвратила отъ нея лучшаго морскаго союзника. Территорія и военная сила Франціи увеличились, но источники торговли и мирнаго мореходства изсякли въ процессѣ войны; и хотя воен-

ный флотъ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ нея содержался съ большимъ блескомъ, скоро и онъ началъ падать и къ концу царствованія почти совсѣмъ исчезъ. Такою же ложною политикою по отношенію къ морскимъ интересамъ отличалось и остальное время этого пятидесяти-четырехлѣтняго царствованія. Людовикъ постоянно отворачивался отъ упомянутыхъ интересовъ, обращая еще вниманіе только на боевыя суда, и или не могъ, или не хотѣлъ видѣть, что послѣднія мало полезны и не обезпечены въ своемъ существованіи, если мирное мореходство и промышленость, на которыя развитіе флота опирается, не процвѣтаютъ въ странѣ. Его политика, стремившаяся къ преобладающему вліянію въ Европѣ путемъ военной силы и расширенія территоріальныхъ владѣній, вынудила Англію и Голландію къ союзу, который, какъ уже выше было сказано, прямо изгналъ Францію съ моря и косвенно подорвалъ морскую силу Голландіи. Флотъ Кольбера погибъ, и въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ жизни Людовика ни разу въ море не выходилъ значительный французскій флотъ, хотя морская война велась непрерывно. Благодаря простотѣ правительственнаго механизма въ абсолютной монархіи такимъ образомъ рѣзко обнаружилось, какъ велико можетъ быть вліяніе правительства и на ростъ и на упадокъ морской силы.

Въ послѣдній періодъ царствованія Людовика XIV, наблюдается, слѣдовательно, упадокъ морской силы, вслѣдствіе ослабленія ея основаній — торговли и богатства, которое торговля приноситъ государству. Послѣдовавшее затѣмъ правительство, также абсолютное, съ опредѣленными цѣлями и по требованію Англіи, отказалось отъ всякихъ претензій на содержаніе сильнаго военнаго флота. Причиною этому было то, что новый король былъ несовершеннолѣтнимъ, а регентъ, для нанесенія вреда королю Испаніи, съ которымъ онъ былъ въ горячей враждѣ, а также для сохраненія своей личной власти, заключилъ союзъ съ Англіей. Онъ помогъ ей, въ ущербъ Испаніи, утвердить Австрію, наслѣдственнаго врага Франціи, въ Неаполѣ и въ Сициліи и въ союзѣ съ нею уничтожилъ испанскій флотъ и адмиралтейства. Здѣсь опять мы видимъ личнаго правителя, игнорирующаго морскіе интересы Франціи и

прямо помогающаго росту силы владычицы морей, подобно тому, какъ помогалъ этому косвенно и ненамѣренно Людовикъ XIV. Эта кратковременная фаза политики окончилась со смертью регента въ 1726 году; но и послѣ того, до 1760 года, правительство Франціи продолжало игнорировать морскіе интересы. Правда, говорятъ, что, благодаря нѣкоторымъ мудрымъ измѣненіямъ въ фискальныхъ установленіяхъ Франціи, главнымъ образомъ въ направленіи свободы торговли (сдѣланныхъ министромъ Law, шотландцемъ по́ происхожденію), торговля ея съ Остъ — и Вестъ-Индіями поразительно увеличилась и что острова Гваделупа и Мартиникъ сдѣлались чрезвычайно богатыми и доходными; но съ наступленіемъ войны, какъ торговля, такъ и колоніи Франціи, вслѣдствіе упадка флота ея, были предоставлены полному произволу Англіи. Въ 1756 году, когда натянутое положеніе дѣлъ уже должно было привести къ разрыву между упомянутыми державами, Франція имѣла только сорокъ пять линейныхъ кораблей, а Англія около ста тридцати; и когда эти сорокъ пять кораблей пришлось вооружить и снабдить всѣмъ необходимымъ, то не нашлось достаточнаго количества ни матеріаловъ, ни такелажа, ни припасовъ, ни даже артиллеріи. Но и это еще не все: —

„Недостатокъ системы въ дѣйствіяхъ правительства“, говоритъ одинъ французскій писатель, „породилъ индифферентизмъ и открылъ путь безпорядку и недостатку дисциплины. Никогда несправедливыя повышенія по службѣ не были такъ часты; и рядомъ съ этимъ никогда не было видно болѣе общаго недовольства. Деньги и интриги заняли мѣсто всего другаго и давали власть и силу. Знать и выскочки полагали, что вліяніе въ столицѣ и самоувѣренное поведеніе въ морскихъ портахъ освобождали ихъ отъ всякой службы. Расхищеніе доходовъ государства и адмиралтействъ не знало границъ. Честь и скромность поднимались на смѣхъ. Какъ будто бы зло не было такимъ образомъ еще достаточно велико, министерство озаботилось изгладить героическія традиціи прошлаго, которыя избѣжали общаго разрушенія. За энергическими боями великаго царствованія послѣдовала, по приказу двора, политика осмотрительности (affaires de circonspection). Для сохраненія, среди общаго хищенія, немногихъ вооруженныхъ кораблей непріятелю дѣлались уступки все чаще и чаще. Ради этого несчастнаго принципа мы были обречены на оборонительное положеніе, столь же выгодное для непріятеля, сколько чуждое духу нашего народа. Боязливая осмотрительность передъ врагомъ, навязанная намъ по приказу, измѣнила съ теченіемъ времени національный характеръ; и злоупотребленіе этой системой приводило къ поступкамъ недисциплинарнымъ и къ отступленію отъ своего долга подъ огнемъ непріятеля, примѣры чему тщетно было бы искать въ предшествовавшемъ столѣтіи“.

Ошибочная политика, стремившаяся къ континентальному расширенію, поглощала средства страны и была вдвойнѣ вредна, потому что, оставляя беззащитными колоніи и торговлю, она подвергала пресѣченію, въ случаѣ войны, величайшій источникъ богатства, какъ это въ дѣйствительности и случилось. Малыя эскадры, посылавшіяся въ море, разбивались подавлявшими силами непріятеля; торговое мореходство прекратилось, и колоніи, — Канада, Мартиникъ, Гваделупа, Индія,— попали въ руки Англіи. Если бы не нежеланіе занять слишкомъ много мѣста подробностями, то можно было бы привести здѣсь интересныя извлеченія изъ писателей, показывающія бѣдственное положеніе Франціи, — страны, отвернувшейся отъ моря, — и ростъ богатства Англіи посреди всѣхъ ея жертвъ и испытаній. Современный англійскій писатель слѣдующимъ образомъ выразилъ свой взглядъ на политику Франціи въ ту эпоху: —

„Франція, такъ горячо увлекшаяся Германской войной, настолько оставила безъ вниманія и денежной поддержки дѣла своего флота, что дала намъ возможность нанести тяжелый ударъ ея морской силѣ, послѣ котораго она едва ли будетъ въ состояніи оправиться. Поглощеніе ея вниманія Германской войной отвратило также ее отъ обороны ея колоній, вслѣдствіе чего мы могли завоевать значительнѣйшія изъ послѣднихъ. Война заставила ее забыть о покровительствѣ ея торговлѣ, которая была всецѣло уничтожена, тогда какъ торговля Англіи никогда, даже въ теченіе самаго полнаго мира, не бывала еще въ такомъ цвѣтущемъ состояніи. Такимъ образомъ, впутавшись въ Германскую войну, Франція потерпѣла полное пораженіе во всемъ, что касалось ея личнаго и непосредственнаго раздора съ Англіей".

Въ Семилѣтней войнѣ Франція потеряла тридцать семь линейныхъ кораблей и пятьдесятъ шесть фрегатовъ, — сила, въ три раза превосходящая численно весь флотъ Соединенныхъ Штатовъ въ какой угодно періодъ паруснаго флота. «Въ первый разъ со времени Среднихъ Вѣковъ», говоритъ французскій историкъ въ своемъ разборѣ упомянутой войны, «Англія завоевала Францію одна, почти безъ союзниковъ, тогда какъ послѣдняя имѣла много сильныхъ помощниковъ. Этимъ завоеваніемъ Англія обязана единственно превосходству своего правительства». Да, но это превосходство правительства основывалось на ужасномъ оружіи — на морской силѣ, обладаніе которою достигнуто имъ въ вознагражденіе за его твердую политику, неуклонно направленную къ одной цѣли.

Глубокое униженіе Франціи, достигшее апогея за время между 1760 и 1763 годами, въ послѣднемъ изъ которыхъ она заключила миръ, даетъ урокъ, поучительный для Соединенныхъ Штатовъ въ настоящій періодъ коммерческаго и морскаго упадка нашего. Мы избѣжали пока ея униженія, такъ будемъ же надѣяться, что еще не поздно извлечь выгоду изъ ея примѣра. Между тѣми же годами (1760 и 1763) французскій народъ возсталъ, какъ впослѣдствіи въ 1793 году, и объявилъ, что желаетъ имѣть военный флотъ. «Народное чувство, искусно направлявшееся правительствомъ, выразилось въ крикѣ, раздавшемся съ одного конца Франціи до другаго: флотъ долженъ быть возстановленъ. Правительство получало въ даръ корабли отъ городовъ, отъ корпорацій и по частнымъ подпискамъ. Кипучая дѣятельность вспыхнула въ молчаливыхъ до того портахъ; корабли вездѣ строились и исправлялись». Эта дѣятельность неослабно поддерживалась; адмиралтейства переполнились, матеріальная часть была приведена въ порядокъ, артиллерія преобразована и образованъ кадръ изъ десяти тысячъ обученныхъ артиллеристовъ.

Въ тонѣ и въ дѣйствіяхъ морскихъ офицеровъ тѣхъ дней вдругъ почувствовался народный импульсъ, котораго лучшіе изъ нихъ не только ждали, но для проявленія котораго они и работали. Никогда еще не обнаруживалось среди морскихъ офицеровъ такой профессіональной и мыслительной дѣятельности, какъ въ то время, когда ихъ корабли обречены были на гніеніе бездѣйствіемъ правительства. Вотъ что пишетъ объ этомъ выдающійся французскій офицеръ нашего времени: —

„Грустное состояніе флота въ царствованіе Людовика XV, закрывъ для офицеровъ доступъ къ блестящей карьерѣ смѣлыхъ предпріятій и удачныхъ сраженій, заставило ихъ обратиться къ своимъ собственнымъ силамъ. Они пріобрѣли изученіемъ своего дѣла знанія, которыя имъ предстояло подвергнуть испытанію нѣсколько лѣтъ спустя и оправдать такимъ образомъ превосходное изреченіе Монтескье: „Несчастье наша мать, счастье наша мачиха"... Около 1769 года сіяло во всемъ блескѣ созвѣздіе офицеровъ, которыхъ дѣятельность распространилась во всѣхъ концахъ земли и которые въ своихъ трудахъ и изслѣдованіяхъ обняли всѣ отрасли человѣческихъ знаній. Морская академія, основанная въ 1752 году, была преобразована (*)".

(*) Gougeard: La Marine de Guerre; Richelieu et Colbert.

Первый директоръ Академіи, капитанъ Биго де Морогъ (post-capitaine Bigot de Morogues), написалъ тщательно обработанный трактатъ по морской тактикѣ, первый оригинальный трудъ по этому предмету со времени сочиненія Павла Госта (Paul Hoste), замѣнить которое онъ имѣлъ цѣлью. Морогъ долженъ былъ изучать и формулировать свои проблемы по тактикѣ въ тѣ дни, когда Франція не имѣла флота и была неспособна поднять свою голову на морѣ подъ ударами непріятеля. Въ Англіи тогда не было подобной книги; и одинъ англійскій лейтенантъ только что перевелъ въ 1762 году часть большаго труда Госта, опустивъ еще значительно бо̀льшую часть его. Не ранѣе, какъ только двадцать лѣтъ спустя, Клеркъ, — шотландецъ, не военный и не морякъ по профессіи — издалъ обстоятельное изслѣдованіе вопросовъ по морской тактикѣ, указавшее англійскимъ адмираламъ на систему, при посредствѣ которой французы сопротивлялись ихъ необдуманнымъ и дурно комбинировавшимся атакамъ (*). «Изслѣдованія морской академіи и энергичный толчекъ, данный ими трудамъ офицеровъ, не остались, какъ мы надѣемся показать впослѣдствіи, безъ вліянія на относительно цвѣтущее состояніе, въ которомъ флотъ былъ въ началѣ Американской войны».

Уже было указано, что Американская война за независимость является со стороны Англію уклоненіемъ отъ ея традиціонной и вѣрной политики, такъ-какъ она вовлекла ее въ отдаленную сухопутную войну, тогда какъ сильные враги ждали случая атаковать Англію въ морѣ. Подобно Франціи въ недавней тогда Германской войнѣ, подобно Наполеону въ позднѣйшей Испанской войнѣ, Англія, черезъ неумѣстную самоувѣренность, сама обратила своего друга въ недруга и такимъ образомъ подвергнула дѣйствительный базисъ своей силы суровому испытанію. Французское правительство, съ другой стороны, избѣжало западни, въ которую такъ часто по-

(*) Что бы ни думали о притязаніяхъ Клерка на оригинальность въ предложенныхъ имъ методахъ морской тактики, — а эта оригинальность сильно оспаривается, — не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что его критика прошлаго основательна. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію автора, онъ заслуживаетъ признанія полной оригинальности, замѣчательной въ человѣкѣ, не бывшемъ ни морякомъ, ни сухопутнымъ офицеромъ.

падалось. Обратившись спиною къ европейскому континенту, имѣя вѣроятность нейтралитета тамъ и увѣренность въ союзѣ съ нею Испаніи, Франція выступила на борьбу со стройнымъ флотомъ и съ блестящимъ, хотя можетъ быть относительно малоопытнымъ, составомъ офицеровъ. Съ другой стороны Атлантики она имѣла поддержку въ дружескомъ народѣ и въ своихъ или въ союзныхъ портахъ, какъ въ Вестъ-Индіи, такъ и на континентѣ. Мудрость такой политики и счастливое вліяніе такихъ дѣйствій правительства на морскую силу очевидны. Но детали войны не принадлежатъ къ разсматриваемому нами въ этой части труда предмету. Для американцевъ главный интересъ войны сосредоточился на сушѣ, но для морскихъ офицеровъ — на морѣ, потому что, по существу, это была морская война. Разумныя и систематическія усилія двадцати лѣтъ принесли должные плоды, такъ какъ, хотя битвы на морѣ и окончились бѣдственно для союзниковъ, тѣмъ не менѣе соединенныя усилія французскаго и испанскаго флотовъ поколебали силу Англіи и лишили ее многихъ ея колоній. Въ различныхъ морскихъ предпріятіяхъ и сраженіяхъ честь Франціи, въ цѣломъ, была сохранена; хотя, обсуждая дѣло во всей его общности, трудно избѣжать заключенія, что неопытность французскихъ моряковъ сравнительно съ англійскими, узкій духъ ревности дворянской корпораціи къ офицерамъ изъ другихъ сословій и, болѣе всего, уже упомянутыя выше несчастныя традиціи трехъ четвертей столѣтія, т. е. жалкая политика правительства, учившая офицеровъ прежде всего спасать свои корабли и экономничать въ матеріалахъ, помѣшали французскимъ адмираламъ стяжать не одну только славу, но и положительныя выгоды для своего отечества. А возможность достиженія такихъ выгодъ неоднократно была въ ихъ рукахъ. Когда Монкъ сказалъ, что нація, желающая господствовать на морѣ, должна всегда атаковать, онъ далъ этимъ ключъ къ морской политикѣ Англіи; и если бы инструкціи французскаго правительства постоянно проявляли такой же духъ, то война 1778 года могла бы окончиться скорѣе и лучше для Франціи. Кажется неблагодарнымъ критиковать дѣятельность учрежденія, которому, говоря передъ Богомъ, наша

нація обязана тѣмъ, что ея рожденіе не было неудачей; но труды самихъ французскихъ писателей изобилуютъ критикой въ смыслѣ нашего замѣчанія. Французскій офицеръ, который служилъ во флотѣ въ теченіе этой войны, въ трудѣ своемъ, отличающемся спокойнымъ и здравымъ тономъ, говоритъ. —

„Чему могли научиться молодые офицеры при Сэнди-Гукъ (Sandy Hook) съ д'Естенгомъ (D'Estaing), при Св. Христофорѣ съ де-Грассомъ (de Grasse), даже тѣ, которые прибыли въ Родъ-Айлэндъ (Rhode Island) съ де Тернэй (de Ternay), когда они видѣли, что эти флотоводцы не были преданы суду по возвращеніи съ театра войны (*)".

Другой французскій офицеръ, значительно позднѣйшаго времени, оправдываетъ вышеприведенное мнѣніе, говоря объ Американской войнѣ за независимость въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Было необходимо освободиться отъ несчастныхъ предразсудковъ дней регенства и Людовика XV; но бѣдствія, которыми полны эти дни, были слишкомъ близки еще для того, чтобы наши министры забыли ихъ. Вслѣдствіе злополучной нерѣшительности, флоты, которые справедливо испугали Англію, уменьшились до обыкновенныхъ размѣровъ. Погрязнувъ само въ фальшивую экономію, министерство требовало, чтобы, по причинѣ чрезвычайныхъ издержекъ, необходимыхъ для содержанія флота, адмираламъ было предписано соблюдать *величайшую осмотрительность*, какъ будто бы въ войнѣ полумѣры не всегда ведутъ къ бѣдствіямъ. Равнымъ образомъ, распоряженія, получавшіяся нашими эскадренными начальниками, требовали, чтобы они держались въ морѣ такъ долго, какъ возможно, не вступая въ сраженія, которыя могли сопровождаться потерею кораблей, трудно замѣнимыхъ; вслѣдствіе этого не одна возможная полная побѣда, которая увѣнчала бы искусство нашихъ адмираловъ и мужество нашихъ капитановъ, уступила мѣсто успѣхамъ малой важности. Система, въ основѣ которой положено, что адмиралъ не долженъ пользоваться всей силой, находящейся въ его распоряженіи, которая посылаетъ его противъ врага съ предопредѣленной цѣлью скорѣе принять нападеніе, чѣмъ сдѣлать его, система, которая подрываетъ моральную силу для спасенія матеріальныхъ средствъ, должна дать несчастные результаты... Не подлежитъ сомнѣнію, что эта плачевная система была одною изъ причинъ недостатка дисциплины и ужасныхъ неурядицъ, ознаменовавшихъ времена Людовика XVI, (первой) Республики и (первой) Имперіи (**)".

Въ десятилѣтній промежутокъ времени послѣ мира, заключеннаго въ 1783 году, во Франціи совершилась революція. Но этотъ великій переворотъ, который потрясъ основанія государства, ослабивъ связи соціальнаго порядка и изгнавъ изъ французскаго флота почти всѣхъ образованныхъ офицеровъ

(*) La Serre. Essais Hist. et Crit. sur la Marine Française.

(**) Lapeyrouse—Bonfils. Hist. de la Marine Française.

монархіи, державшихся стараго порядка вещей, не освободилъ этого флота отъ фальшивой системы. Было легче ниспровергнуть форму правленія, чѣмъ вырвать глубокіе корни традиціи. Послушаемъ еще третьяго французскаго офицера, высшаго положенія и литературныхъ дарованій, говорящаго о бездѣятельности Вильнёва (Villeneuve), адмирала, который командовалъ французскимъ арьергардомъ въ Абукирскомъ сраженіи и который не снялся съ якоря до тѣхъ поръ, пока голова колонны не была уничтожена: —

„Долженъ былъ придти день [Трафальгарской битвы], въ который Вильневъ, въ свою очередь, подобно де Грассу передъ нимъ и подобно Дюшайла (Duchayla), пожалуется на то, что его покинула часть его флота. Есть мѣсто подозрѣнію о нѣкоторой тайной причинѣ такого совпаденія. Неестественно, чтобы между столь многими почтенными людьми такъ часто можно было найти адмираловъ и капитановъ, навлекающихъ на себя такой позоръ. Если имя нѣкоторыхъ изъ нихъ до настоящаго дня грустно связано съ памятью о нашихъ бѣдствіяхъ, то мы все-таки можемъ быть увѣрены, что ошибка не всецѣло должна быть приписана имъ. Мы должны скорѣе порицать сущность операцій, на которыя они были вынуждены, и ту систему оборонительной войны, предписанную французскимъ правительствомъ, которую Питтъ, въ англійскомъ парламентѣ, провозгласилъ предтечей неизбѣжнаго разрушенія. Эта система, когда мы пожелали отказаться отъ нея, уже проникла въ наши привычки; она, такъ сказать, ослабила наши руки и парализовала нашу вѣру въ себя! Слишкомъ часто наши эскадры оставляли порта со специальной миссіей и намѣреніемъ избѣгать непріятеля; уже самая встрѣча съ нимъ считалась неудачей. Вотъ какимъ образомъ наши суда вступали въ бой: они подчинялись необходимости принять его, а не настаивали на немъ... Счастье колебалось бы дольше между двумя флотами и не обрушилось бы, въ концѣ концовъ, такъ тяжело противъ насъ, если бы Брюэсъ (Brueys), встрѣтивъ Нельсона на полдорогѣ, могъ вступить съ нимъ въ сраженіе. Эта какъ бы стѣсненная оковами и робкая война, которую вели Вилларе и Мартэнъ (Villaret et Martin), продолжалась слишкомъ долго, вслѣдствіе осторожности нѣкоторыхъ англійскихъ адмираловъ и традицій старой тактики. При этихъ традиціяхъ разразилось Абукирское сраженіе; часъ для рѣшительнаго боя насталъ (*)“.

Нѣсколько лѣтъ спустя состоялась Трафальгарская битва, и опять правительство Франціи приняло новую политику по отношенію къ флоту. Только что цитированный авторъ говоритъ объ этомъ:

„Императоръ, орлиный взглядъ котораго начерталъ планы кампаній для флотовъ и для армій, былъ утомленъ этими неожиданными несчастіями.

(*) Jurien de la Gravière: Guerres Maritimes.

Онъ отвернулся отъ единственнаго поля битвы, на которомъ фортуна была невѣрна ему, и рѣшился преслѣдовать Англію гдѣ бы то ни было, но не на моряхъ; онъ предпринялъ реорганизацію своего флота, но не давая ему никакого участія въ борьбѣ, которая сдѣлалась еще болѣе ожесточенною, чѣмъ раньше... Несмотря на то, дѣятельность нашихъ адмиралтействъ и верфей не только не ослабла, а скорѣе удвоилась. Каждый годъ линейные корабли или закладывались на нашихъ верфяхъ, или уже присоединялись къ бывшимъ въ кампаніи. Венеція и Генуя, подъ его контролемъ, увидѣли возрожденіе своего стараго блеска, и отъ береговъ Эльбы до Адріатики всѣ порта континента ревностно вторили созидательнымъ замысламъ императора. Многочисленныя эскадры были собраны на Шельдѣ, на Брестскомъ рейдѣ и въ Тулонѣ... До послѣдняго дня, однако, императоръ отказывался дать своему флоту, полному горячей ревности и самоувѣренности, случай помѣряться силами съ врагомъ... Удрученный постоянными несчастьями флота, онъ держалъ наши корабли вооруженными только для того, чтобы обязать нашихъ враговъ къ блокадамъ, огромная стоимость которыхъ должна была въ концѣ концовъ истощить ихъ финансы".

Когда Имперія пала, у Франціи было сто три линейныхъ корабля и пятьдесятъ пять фрегатовъ.

Обращаясь теперь отъ частныхъ уроковъ исторіи прошлаго къ общему вопросу о вліяніи правительства на морскую карьеру своего народа, замѣчаемъ, что это вліяніе можетъ выражаться двумя различными, но тѣсно связанными между собою путями.

Во-первыхъ, въ мирное время: правительство своею политикою можетъ способствовать естественному развитію такой промышленности населенія и его естественной склонности къ такимъ предпріятіямъ, обѣщающимъ выгоды, которыя связаны съ развитіемъ мореходства; или оно можетъ пытаться развить такую промышленность и такія мореходныя наклонности народа въ томъ случаѣ, когда естественнымъ путемъ онѣ не возникли; или съ другой стороны, правительство можетъ ошибочною политикою своею задержать и остановить успѣхи, которые народъ сдѣлалъ бы въ разсматриваемомъ направленіи если бы былъ предоставленъ самому себѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вліяніе правительства выразится или созданіемъ, или разстройствомъ морской силы страны въ дѣлѣ мирной торговли, на которой одной только, — что никогда не лишнее повторять, — можетъ основываться дѣйствительно сильный военный флотъ.

Во-вторыхъ, въ расчетѣ на войну: вліяніе правительства будетъ выражаться «законнѣе» всего въ содержаніи вооружен-

наго флота, соразмѣрнаго съ развитіемъ торговаго мореходства страны и съ важностью всѣхъ связанныхъ съ нимъ интересовъ. При этомъ еще бо́льшую важность чѣмъ величина флота въ данный моментъ, имѣетъ вопросъ объ его учрежденіяхъ, благопріятствующихъ здоровому духу и дѣятельности и обезпечивающихъ быстрое развитіе флота во время войны при помощи надлежащаго резерва людей и кораблей и мѣръ для привлеченія къ дѣлу той общей резервной силы, на которую мы уже указывали, обсуждая характеръ и промыслы народа. Безъ сомнѣнія къ мѣрамъ готовности къ войнѣ относится содержаніе надлежащихъ морскихъ станцій въ тѣхъ отдаленныхъ частяхъ свѣта, куда вооруженные корабли должны будутъ послѣдовать за мирными коммерческими судами. Защита такихъ станцій должна опираться или прямо на военную силу, какъ въ случаѣ Гибралтара и Мальты, или на сосѣднее съ ними дружественное населеніе — такое, какимъ американскіе колонисты нѣкогда были для Англіи и какимъ предполагаются австралійскіе колонисты теперь. Такое дружественное сосѣдство, при цѣлесообразномъ военномъ снабженіи станціи, представляетъ лучшую оборону, и когда соединяется съ рѣшительнымъ преобладаніемъ на морѣ, то обезпечиваетъ безопасность такой раскинувшейся и обширной имперіи, какъ Англія. Такъ какъ, если вѣрно, что неожиданная атака всегда можетъ причинить ей бѣдствіе въ какой-либо одной части, то дѣйствительное превосходство морской силы препятствуетъ такому бѣдствію сдѣлаться общимъ или непоправимымъ. Исторія достаточно доказала это. Англія имѣла морскія базы во всѣхъ частяхъ свѣта, и ея флоты одновременно и защищали ихъ, и поддерживали свободное сообщеніе между ними, и опирались на нихъ, какъ на прикрытіе.

Колоніи, привязанныя къ своей метрополіи, представляютъ, поэтому, вѣрнѣйшія средства для поддержки за границей морской силы страны. И въ мирное время вліяніе правительства должно бы направляться на поддержаніе всѣми мѣрами упомянутой привязанности и единства интересовъ колоній, которое дѣлало бы благо одной благомъ всѣхъ ихъ и невзгоду одной — общей невзгодой. Во время же войны или, скорѣе,

на случай войны, правительству надлежитъ принять такія мѣры организаціи и обороны колоній, которыя обезпечивали бы справедливое распредѣленіе между послѣдними бремени, необходимаго для блага каждой изъ нихъ.

Такихъ колоній у Соединенныхъ Штатовъ нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ. Что касается чисто военныхъ морскихъ станцій, то воззрѣнія на нихъ народа нашего, мнѣ кажется, достаточно точно выражены историкомъ англійскаго флота сто лѣтъ назадъ, въ слѣдующихъ словахъ его о Гибралтарѣ и Портъ-Магонѣ: «Военное управленіе такъ мало согласуется съ промышленностью торговаго народа и такъ противно, по существу своему, духу британскаго народа, что я не удивляюсь, что люди здраваго смысла всѣхъ партій склонны отказаться отъ названныхъ портовъ, какъ отказались отъ Танжера». Не имѣя, такимъ образомъ, для своей опоры за границей соотвѣтствующихъ учрежденій, ни колоніальныхъ, ни военныхъ, военныя суда Соединенныхъ Штатовъ во время войны уподобятся сухопутнымъ птицамъ, которыя не въ состояніи улетать далеко отъ своихъ береговъ. Обезпеченіе такихъ станцій, гдѣ упомянутыя суда могли бы грузиться углемъ и исправляться, должно составлять одну изъ первыхъ обязанностей правительства, имѣющаго въ виду развитіе силы націи на морѣ.

Такъ какъ практическая цѣль настоящаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы извлечь изъ уроковъ исторіи выводы, приложимые къ нашей странѣ и къ нашему флоту, то умѣстно спросить теперь, насколько опасны для Соединенныхъ Штатовъ условія современнаго ихъ положенія и насколько нуждаются онѣ въ дѣятельности правительства для возстановленія ихъ морской силы. Безъ преувеличенія можно сказать, что дѣятельность правительства со времени междоусобной войны и до нашихъ дней дала результаты единственно только въ томъ, что мы назвали выше первымъ звеномъ въ цѣпи звеньевъ, составляющихъ морскую силу. Внутреннее развитіе, большая производительность, съ сопровождающею ихъ возможностью похвастаться тѣмъ, что мы довольствуемся лишь своими рессурсами, — такова была цѣль, таковъ былъ до нѣкоторой

степени и результатъ. Въ этомъ правительство вѣрно отразило стремленія преобладающихъ элементовъ страны, хотя не всегда легко думать, даже и относительно свободной страны, что именно такіе элементы представительствуютъ въ правительствѣ ея. Но какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ колоній, Соединеннымъ Штатовъ не достаетъ теперь еще одного звена морской силы, это — мирнаго мореходства и связанныхъ съ нимъ интересовъ. Коротко говоря, Штаты имѣютъ только одно звено въ цѣпи трехъ звеньевъ, составляющихъ упомянутую силу.

Обстановка морской войны такъ значительно измѣнилась за послѣднія сто лѣтъ, что можно сомнѣваться, могутъ ли теперь имѣть мѣсто такіе бѣдственные результаты съ одной стороны и такіе блестящіе успѣхи съ другой стороны, какіе ознаменовали войны между Франціей и Англіей. Увѣренная въ своемъ превосходствѣ на моряхъ надменная Англія, въ случаѣ войны, накладывала прежде такое иго на нейтральныя государства, какое теперь они уже не согласятся нести; и принципъ, что флагъ покрываетъ грузъ, теперь навсегда обезпеченъ. Торговля воюющихъ націй можетъ, поэтому, теперь безопасно продолжаться при посредствѣ нейтральныхъ судовъ, на которыхъ могутъ перевозиться ихъ товары, за исключеніемъ военной контрабанды или того случая, когда эти суда направляются въ блокируемые порта; а что касается послѣднихъ, то несомнѣнно, что современныя блокады уже не будутъ больше блокадами только на бумагѣ. Не касаясь вопроса о защитѣ морскихъ портовъ Соединенныхъ Штатовъ отъ захвата или обложенія контрибуціей,—такъ какъ относительно его у насъ существуетъ достаточное единодушіе въ теоріи и обнаруживается полный индифферентизмъ на практикѣ, — спросимъ себя, для чего нужна Штатамъ морская сила? Ихъ морская торговля и теперь ведется при посредствѣ иностранныхъ судовъ; почему же ихъ населеніе должно желать обладанія тѣмъ, защита чего потребуетъ большихъ издержекъ? Вопросъ этотъ, съ экономической его стороны, выходитъ за предѣлы, намѣченные въ настоящемъ трудѣ; но связанныя съ этимъ вопросомъ условія, которыя могутъ подвергнуть страну бѣдствіямъ и потерямъ черезъ войну, прямо подлежатъ нашему обсужденію.

Допуская, поэтому, что ввозная и вывозная иностранная торговля Соединенныхъ Штатовъ будетъ производиться черезъ посредство судовъ, которыя непріятель не можетъ трогать, за исключеніемъ случаевъ посягательства ихъ на сообщенія съ блокируемыми портами, посмотримъ, какъ можетъ осуществиться *дѣйствительная* блокада? Подъ этимъ опредѣленіемъ теперь подразумѣвается такая блокада, при которой существуетъ явная опасность для судна, пытающагося войти въ портъ или выйти изъ него; но оно, очевидно, очень растяжимо. Многіе могутъ вспомнить, что во время Междоусобной войны, послѣ ночнаго нападенія на флотъ Соединенныхъ Штатовъ близъ Чарльстона, конфедераты на слѣдующее утро выслали пароходъ, съ нѣсколькими иностранными консулами на немъ, которые настолько убѣдились, что не было въ виду ни одного блокирующаго судна, что опубликовали объ этомъ декларацію. Въ силу этого документа нѣкоторые представители Южанъ настаивали на томъ, что блокада, говоря технически, была прорвана и не могла быть возстановлена безъ новаго о томъ объявленія. Но долженъ ли блокирующій флотъ для дѣйствительной угрозы блокадопрорывателямъ держаться всегда въ виду блокируемыхъ береговъ? Полдюжины быстроходныхъ пароходовъ, крейсерующихъ на разстояніи двадцати миль отъ берега между Нью-Джерсеемъ и Лонгъ-Айлэндомъ (Long Island), представили бы весьма серьезную опасность для судовъ, старающихся войти черезъ главный входъ въ Нью-Іоркъ или выйти изъ него; и съ подобныхъ позицій пароходы могли бы съ успѣхомъ блокировать Бостонъ, Делаваръ и Чезапикъ. Главному ядру блокирующаго флота, предназначеннаго не только для захвата коммерческихъ судовъ, но и для сопротивленія военнымъ попыткамъ прорвать блокаду, нѣтъ необходимости быть ни въ виду берега, ни въ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ. Главный флотъ Нельсона былъ въ пятидесяти миляхъ отъ Кадикса за два дня до Трафальгара, и только малый отрядъ его наблюдалъ за гаванью въ небольшомъ отъ нея разстояніи. Союзный флотъ началъ сниматься съ якоря въ 7 часовъ утра, и Нельсонъ, даже при тогдашней медленности передачи извѣстій, зналъ объ этомъ уже въ 9 часовъ 30 минутъ утра. Англійскій флотъ на этомъ разстояніи представлялъ весьма

серьезную опасность для непріятеля. Въ наши же дни, при существованіи подводныхъ телеграфовъ, кажется возможнымъ, что береговыя и морскія силы, предназначенныя для блокады, сумѣютъ установить между частями своими телеграфное сообщеніе вдоль всего берега Соединенныхъ Штатовъ для постоянной готовности ко взаимной поддержкѣ; и если бы благодаря какой-нибудь счастливой военной комбинаціи одинъ отрядъ этихъ силъ былъ атакованъ, то онъ могъ бы своевременно дать знать о томъ другимъ и отступить подъ ихъ прикрытіе. Но если бы даже блокада какого-либо порта была сегодня прорвана удачнымъ разсѣяніемъ блокировавшихъ судовъ, то объявленіе о возстановленіи ея могло бы уже завтра облетѣть по телеграфу весь свѣтъ. Чтобы избѣжать такихъ блокадъ обороняющійся долженъ располагать силой, угроза которой мѣшала бы во всякій моментъ намѣревающемуся блокировать флоту сохранять мѣсто, необходимое для выполненія его цѣли. Только при такой силѣ нейтральныя суда, за исключеніемъ нагруженныхъ военной контрабандой, могутъ входить въ портъ и выходить изъ него свободно и поддерживать коммерческія сношенія страны съ внѣшнимъ міромъ.

Могутъ утверждать, что при обширности береговаго протяженія Соединенныхъ Штатовъ дѣйствительная блокада всей береговой линіи ея не можетъ быть осуществлена. Никто не допуститъ этого съ большей готовностью, чѣмъ офицеры, которые помнятъ какъ поддерживалась блокада одного только южнаго берега. Но при настоящемъ состояніи нашего флота и, можно прибавить, при такомъ даже увеличеніи его, какое предположено правительствомъ (*), попытки блокировать Бостонъ, Нью-Іоркъ, Делаваръ, Чезапикъ и Миссиссипи,—другими словами, большіе центры ввоза и вывоза,—не потребуютъ отъ любой изъ большихъ морскихъ державъ усилій, большихъ, чѣмъ въ прежнее время. Англія блокировала одновременно Брестъ, Бискайскій берегъ, Тулонъ и Кадиксъ, когда въ гаваняхъ этихъ портовъ стояли сильныя эскадры. Правда, что нейтральныя ком-

(*) Когда вышеизложенное было уже написано, секретарь флота, въ своемъ отчетѣ за 1889 годъ, проектировалъ флотъ, при существованіи котораго такая блокада, какая здѣсь предположена, была бы весьма рискованна.

мерческія суда могутъ тогда входить въ другіе порта Соединенныхъ Штатовъ, не названные выше; но какія затрудненія въ транспортномъ дѣлѣ, какія неудачи въ попыткахъ своевременной доставки необходимыхъ припасовъ, какой недостатокъ средствъ перевозки по желѣзной дорогѣ или водою, какія неудобства ввода судовъ въ доки и разгрузки и нагрузки ихъ вызоветъ эта вынужденная перемѣна портовъ ввоза! Не явятся развѣ слѣдствіемъ этого и большія денежныя потери для населенія и большія лишенія? А когда съ большими жертвами и издержками это зло отчасти будетъ исправлено, непріятель можетъ закрыть вновь устроенные доступы для торговли, какъ онъ закрылъ старые. Населеніе Соединенныхъ Штатовъ, конечно, не дойдетъ до полнаго истощенія, но можетъ потерпѣть горестныя испытанія. А что касается предметовъ, составляющихъ военную контрабанду, то развѣ нѣтъ основанія опасаться, что возможны непредвидѣнныя критическія обстоятельства, при которыхъ Соединенные Штаты не въ состояніи обойтись безъ нихъ?

Разсмотрѣнный вопросъ является именно однимъ изъ тѣхъ, въ которыхъ вліяніе правительства должно выразиться мѣрами, направленными къ созданію для націи флота, если и не способнаго къ плаваніямъ въ дальнія страны, то по крайней мѣрѣ способнаго поддерживать свободу доступа въ свои порта для дружественныхъ и нейтральныхъ судовъ. Глаза нашей страны были въ теченіе четверти столѣтія отвращены отъ моря; результаты такой политики и противоположной ей будутъ показаны на примѣрахъ Франціи и Англіи. Не настаивая на близкомъ сходствѣ между положеніями той или другой изъ нихъ и Соединенныхъ Штатовъ, можно смѣло сказать, что для благосостоянія всей страны существенно важно, чтобы условія торговли оставались, насколько возможно, нетронутыми внѣшнею войною. Для того, чтобы достигнуть этого, надо заставить непріятеля держаться не только внѣ нашихъ портовъ, но и далеко отъ нашихъ береговъ (*).

(*) Слово «оборона» въ войнѣ обнимаетъ двѣ идеи, которыя, ради точности мышленія, надо раздѣлять. Есть оборона, въ настоящемъ значеніи этого слова, при которой обороняющійся обезпечиваетъ себя для принятія атаки и выжидаетъ ее; ее можно назвать *пассивной* обороной. Съ другой стороны, есть видъ обо-

Можетъ ли военный флотъ, отвѣчающій такой задачѣ, существовать безъ возстановленія коммерческаго судоходства? Сомнительно. Исторія доказала, что чисто военная морская сила можетъ быть создана деспотомъ, какъ это и было сдѣлано Людовикомъ XIV; и исторія же показала, что его флотъ, казавшійся такимъ прекраснымъ, исчезъ, какъ увядаетъ растеніе, не имѣющее корней. Но въ представительномъ народномъ правительствѣ всѣ военныя издержки должны быть основаны на сильномъ интересѣ, убѣждающемъ въ ихъ необходимости. Такого интереса въ вопросѣ морской силы не существуетъ, не можетъ существовать въ нашей странѣ безъ воздѣйствія правительства. Какъ слѣдуетъ создать достаточное для опоры военнаго флота коммерческое судоходство, — субсидіями ли, или свободной торговлей, — это вопросъ не военный, а экономическій. Даже если бы Соединенные Штаты имѣли большое національное судоходство, то все-таки можно было бы сомнѣваться, чтобы вслѣдъ затѣмъ возникъ надлежащій военный флотъ;

роны, которая предполагаетъ, что обезпеченіе отъ опасности, — настоящая цѣль оборонительной подготовки, — лучше всего достигается нападеніемъ на непріятеля. Въ дѣлѣ береговой обороны первому методу отвѣчаютъ долговременныя укрѣпленія, подводныя мины и вообще всѣ неподвижныя препятствія, противопоставленныя возможнымъ намѣреніямъ непріятеля войти въ портъ. Второму методу соотвѣтствуютъ всѣ тѣ средства и орудія, съ которыми не ждутъ атаки, но идутъ встрѣтить непріятельскій флотъ, будетъ ли онъ только въ разстояніи нѣсколькихъ миль, или же у своихъ береговъ. Такая оборона можетъ показаться настоящей наступательной войной, но это не такъ: она можетъ обратиться въ наступленіе только тогда, когда атака будетъ обращена не на флотъ непріятеля, а на непріятельскую страну. Англія обороняла свои берега и колоніи, расположивъ свои флоты близъ французскихъ портовъ въ готовности дать сраженіе французскимъ судамъ, если бы они вышли оттуда. Соединенные Штаты въ Междоусобной войнѣ расположили свои флоты близъ южныхъ портовъ не потому, что боялись за свои берега, но съ цѣлью нанесенія пораженія Конфедераціи изоляціей отъ остальнаго міра и, въ концѣ концовъ, атакою ея портовъ. Въ обоихъ случаяхъ методы были одинаковы; но цѣль въ одномъ случаѣ была оборонительная, въ другомъ — наступательная.

Смѣшеніе этихъ двухъ идей ведетъ къ совершенно излишнему спору относительно сферы арміи и флота въ береговой оборонѣ. Пассивная оборона принадлежитъ арміи; все же, что движется на водѣ, принадлежитъ флоту, который имѣетъ прерогативы наступательной, или активной обороны. Если матросы назначаются для службы въ гарнизонѣ фортовъ, то они дѣлаются частью береговыхъ силъ, совершенно такъ, какъ войска, когда посажены на корабли, какъ дополненіе корабельной команды, дѣлаются частью морскихъ силъ.

разстояніе, отдѣляющее Штаты отъ другихъ великихъ державъ, служа съ одной стороны защитой, съ другой стороны является западней. Мотивъ, если только онъ вообще возможенъ, для созданія въ Соединенныхъ Штатахъ флота, вѣроятно, нарождается уже въ прорытіи Центрально-Американскаго перешейка. Будемъ надѣяться, что воздѣйствіе этого мотива не явится слишкомъ поздно.

Здѣсь заканчивается общее обсужденіе главныхъ элементовъ, которые вліяютъ, благопріятно или неблагопріятно, на развитіе морской силы націй. Цѣлью нашею было сначала обсудить эти элементы въ ихъ естественномъ воздѣйствіи за или противъ и затѣмъ подтвердить выводы частными примѣрами и опытомъ прошлаго. Такое обсужденіе, хотя и несомнѣнно обнимающее болѣе широкое поле, все-таки остается, главнымъ образомъ, въ области стратегіи, не касаясь тактики. Соображенія и принципы, которые входятъ въ такое обсужденіе, принадлежатъ къ неизмѣняемому, или неизмѣняющемуся, порядку вещей, оставаясь тѣми же самыми, въ причинѣ и дѣйствіи, изъ вѣка въ вѣкъ. Они принадлежатъ, такъ сказать, къ «порядку природы», объ устойчивости котораго такъ много говорятъ въ наши дни; тогда какъ тактика, оружіемъ которой служатъ средства, созданныя человѣкомъ, принимаетъ участіе въ измѣненіи и прогрессѣ расы изъ поколѣнія въ поколѣніе. Отъ времени до времени зданіе тактики должно измѣняться или всецѣло сноситься; но старыя основанія стратегіи остаются столь же непоколебимыми, какъ будто бы они покоились на скалѣ. Ниже мы займемся изслѣдованіемъ общей исторіи Европы и Америки, со спеціальными ссылками на вліяніе, оказываемое на эту исторію и на благосостояніе народа морскою силою въ широкомъ смыслѣ. Отъ времени до времени, когда представятся къ тому случаи, мы будемъ стараться напомнить и усилить выведенные уже уроки исторіи частными примѣрами. Общій характеръ нашего изученія будетъ, поэтому, стратегическій, въ томъ широкомъ опредѣленіи морской стратегіи, которое было уже выше цитировано и принято нами: — «Морская стратегія имѣетъ цѣлью основывать, поддерживать и увеличивать, какъ во время мира, такъ

и во время войны, морское могущество страны». При обращеніи къ частнымъ сраженіямъ, мы, вполнѣ допуская, что измѣненіе деталей въ обстановкѣ современнаго боя противъ обстановки прежнихъ временъ дѣлаетъ непригодными для насъ многіе ихъ уроки, попытаемся только показать, какимъ образомъ приложеніе истинныхъ общихъ принциповъ или пренебреженіе ими имѣло рѣшительное вліяніе; затѣмъ, при всѣхъ остальныхъ одинаковыхъ обстоятельствахъ, мы будемъ предпочитать разборъ тѣхъ сраженій, связь которыхъ съ именами выдающихся офицеровъ позволяетъ предполагать, что въ ходѣ ихъ видно, какія тактическія идеи господствовали въ томъ или другомъ вѣкѣ и въ томъ или другомъ флотѣ. Постараемся также въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ аналогіи между прежнимъ и современнымъ оружіями очевидны, извлечь по возможности вѣроятные уроки, не дѣлая излишнихъ натяжекъ. Наконецъ, должно помнить, что при всѣхъ перемѣнахъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ природа человѣка остается въ значительной мѣрѣ тою же самою; личное уравненіе, хотя неизвѣстное ни количественно, ни качественно, въ каждомъ частномъ случаѣ, навѣрно, всегда имѣетъ мѣсто.

ГЛАВА II.

Состояніе Европы въ 1660 г. — Вторая Англо-Голландская война 1665 — 1667 гг. — Морскія сраженія: Ловестофтское (of Lowestoft) и Четырехдневное.

Эпоху, съ которой мы начнемъ свое историческое изслѣдованіе, можно назвать приблизительно серединою семнадцатаго столѣтія. За начальный годъ ея причемъ 1660-й, въ маѣ мѣсяцѣ котораго Карлъ II снова взошелъ на англійскій королевскій престолъ при общемъ ликованіи народа. Въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, по смерти кардинала Мазарини, Людовикъ XIV собралъ своихъ министровъ и обратился къ нимъ со словами: «Я созвалъ васъ, чтобы сказать, что до сихъ поръ мнѣ было угодно позволять покойному кардиналу управлять моими дѣлами; но впредь я буду самъ своимъ первымъ министромъ. Я объявляю, что ни одинъ декретъ не будетъ напечатанъ иначе, какъ по моимъ приказаніямъ, и я требую, чтобы министры ничего не подписывали безъ моего повелѣнія». Личное правительство, объявленное такимъ образомъ, твердо держалось, не только номинально, но и въ дѣйствительности, болѣе, чѣмъ въ теченіе полстолѣтія.

Въ теченіе двѣнадцатимѣсячнаго періода послѣ 1660 года вступаютъ въ новую стадію національной жизни, — послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго періода разстройства, — два государства, которыя, при всемъ различіи между собою, занимали первыя мѣста въ морской исторіи новой Европы и Америки, т. е., въ общемъ, въ морской исторіи всего свѣта. Морская исторія, однако, составляетъ только одинъ факторъ въ тѣхъ послѣдовательныхъ успѣхахъ и усиленіяхъ, неудачахъ и ослабленіяхъ націй, которые называютъ исторіей послѣднихъ; и если упустить изъ виду другіе факторы, съ которыми

онъ тѣсно соприкасается, то образуется искаженное воззрѣніе на степень его важности — преувеличенное или обратно. Настоящій трудъ предпринятъ нами именно въ томъ убѣжденіи, что важность морской исторіи, какъ фактора общей исторіи націй, низведена на несоразмѣрно низкую ступень, если не совсѣмъ упущена изъ виду, людьми, которымъ чужды интересы мореходства, и въ частности современнымъ населеніемъ Соединенныхъ Штатовъ.

Избранный нами 1660-й годъ отдѣленъ лишь небольшимъ промежуткомъ времени отъ другаго года, а именно отъ 1648-го, когда былъ заключенъ Вестфальскій или Мюнхенскій трактатъ, формулировавшій великіе для Европы результаты общей войны, извѣстной въ исторіи подъ именемъ Тридцатилѣтней. Этимъ трактатомъ Испанія признала формально независимость Соединенныхъ Провинцій Голландіи, на практикѣ обезпеченную еще задолго до того, и онъ, вмѣстѣ съ Пиринейскимъ трактатомъ между Франціей и Испаніей, заключеннымъ въ 1659-мъ году, далъ Европѣ на нѣкоторое время внѣшній миръ. Послѣднему, однако, суждено было вскорѣ же нарушиться цѣлымъ рядомъ почти всеобщихъ войнъ, продолжавшихся до смерти Людовика XIV и имѣвшихъ своими послѣдствіями существенныя перемѣны въ картѣ Европы. Въ теченіе этихъ войнъ возникли новыя государства, нѣкоторыя изъ старыхъ пришли въ упадокъ, и всѣ подвергались значительнымъ измѣненіямъ въ своихъ владѣніяхъ и въ политическомъ значеніи. Во всѣхъ этихъ результатахъ морская сила прямо или косвенно играла большую роль.

Мы должны сначала взглянуть на общее состояніе европейскихъ государствъ въ то время, съ котораго начинается наше повѣствованіе. Въ борьбѣ, обнимающей почти столѣтіе и закончившейся Вестфальскимъ миромъ, королевская фамилія, извѣстная подъ именемъ Австрійскаго Дома, пользовалась большимъ, подавляющимъ вліяніемъ, котораго правители, не принадлежавшіе къ этому Дому, боялись. Глава послѣдняго, Карлъ V, отрекшійся отъ престола столѣтіе назадъ, въ теченіе долгаго царствованія своего соединялъ въ своей особѣ короны Австріи и Испаніи, что влекло за собою владычество и въ тѣхъ

странахъ, которыя мы называемъ теперь Голландіей и Бельгіей, а также и преобладающее вліяніе въ Италіи. Послѣ его отреченія двѣ великія монархіи, Австрія и Испанія, раздѣлились; но правители ихъ, принадлежа еще къ той же королевской фамиліи, все-таки стремились къ единству цѣлей и симпатій, характеризовавшему династическую связь между ними въ этомъ и слѣдующемъ столѣтіяхъ. Къ этимъ узамъ единства между названными монархіями присоединялась еще общность религіи въ нихъ.

Въ теченіе столѣтія, предшествовавшаго Вестфальскому миру, стремленіе къ расширенію вліянія королевской династіи и забота о распространеніи исповѣдывавшейся въ государствѣ религіи были двумя сильнѣйшими мотивами политическихъ дѣяній. Это была эпоха большихъ религіозныхъ войнъ, которыя поднимали націю противъ націи, княжество противъ княжества и, часто, въ той же самой націи, партію противъ партіи. Религіозное преслѣдованіе было причиною возмущенія протестантскихъ провинцій Голландіи противъ Испаніи, которое окончилось, послѣ восьмидесяти лѣтъ болѣе или менѣе постоянной войны, признаніемъ ихъ независимости. Религіозный разладъ, доходившій по временамъ до междоусобной войны, безпокоилъ Францію, въ теченіе бо́льшей части той же эпохи, глубоко вредя не только ея внутренней, но и внѣшней политикѣ. То были дни Св. Варѳоломея, «религіознаго» убійства Генриха IV, осады Ла Рошеля, постоянныхъ взаимныхъ интригъ римско-католической Испаніи и римско-католической Франціи. Когда религіозный мотивъ, дѣйствовавшій въ сферѣ, къ которой онъ не принадлежитъ естественно и въ которой онъ не имѣетъ надлежащаго мѣста, потерялъ свою силу, политическіе интересы и нужды государствъ получили болѣе правильную оцѣнку; не то, что ранѣе они совершенно упускались изъ виду, но религіозная вражда или ослѣпляла глаза, или связывала руки государственныхъ дѣятелей. Естественно, что во Франціи, — одномъ изъ наиболѣе потерпѣвшихъ отъ религіозныхъ страстей государствъ, благодаря численности и характеру протестантскаго меньшинства, эта реакція должна была обнаружиться прежде и рѣзче, чѣмъ гдѣ либо, и что для нея, при положеніи

ея между Испаніей и германскими государствами, среди которыхъ Австрія занимала, внѣ соперничества, первое мѣсто, внутреннее единеніе и ограниченіе притязаній могущества Австрійскаго Дома были политическою необходимостью. Къ счастью провидѣніе дало ей, въ близкой преемственности, двухъ великихъ правителей, Генриха IV и Ришельё,—людей, которыхъ религія не дѣлала ханжами и которые, когда вынуждены были считаться съ религіозными вопросами въ сферѣ политики, дѣйствовали самостоятельно, безъ рабской отъ нихъ зависимости. Подъ ихъ управленіемъ французская политика получила опредѣленное направленіе, формулированное Ришельё и сдѣлавшееся традиціоннымъ; его можно характеризовать въ слѣдующихъ общихъ чертахъ: 1) внутреннее единеніе королевства, умиротвореніе или подавленіе религіозной борьбы и централизація власти въ королѣ; 2) сопротивленіе могуществу Австрійскаго Дома, для чего настоятельно необходимъ союзъ съ протестантскими германскими государствами и съ Голландіею; 3) расширеніе границъ Франціи къ востоку на счетъ, главнымъ образомъ, Испаніи, которая тогда владѣла не только современной Бельгіей, но и другими провинціями, давно уже слившимися съ Франціей; и 4) созданіе и развитіе большой морской силы, для увеличенія благосостоянія королевства и, главнымъ образомъ, для организаціи надлежащей вооруженной силы противъ наслѣдственнаго врага Франціи, т. е. противъ Англіи; для этой послѣдней цѣли также должно было имѣть въ виду союзъ съ Голландіей. Такова была въ общихъ чертахъ политика, начертанная геніальными государственными людьми въ руководство этой странѣ, народъ которой, не безъ причины, считалъ себя наиболѣе полнымъ представителемъ европейской цивилизаціи, передовымъ на пути прогресса, въ политическомъ и индивидуальномъ развитіи. Эта традиція, поддержанная Мазарини, была передана имъ Людовику XIV. Мы увидимъ ниже насколько послѣдній былъ вѣренъ ей и каковы были результаты его дѣятельности для Франціи. Пока же можно замѣтить, что изъ четырехъ элементовъ, считавшихся необходимыми для величія Франціи, однимъ была морская сила; и такъ какъ второй и третій элементы, практически, сливались въ одинъ,

по тождеству требовавшихся для достиженія ихъ средствъ, то можно сказать, что морская сила являлась однимъ изъ двухъ великихъ средствъ, которыми надлежало поддерживать *внѣшнее* величіе Франціи. Англія на морѣ, Австрія на сушѣ указывали направленіе, которое должны были принять усилія Франціи.

Что касается состоянія Франціи въ 1660 году и степени ея готовности двигаться впередъ по пути, намѣченному Ришельё, то можно сказать, что внутренній миръ въ ней былъ обезпеченъ, могущество знати всецѣло сломлено, религіозныя несогласія успокоены; вѣротерпимый Нантскій эдиктъ былъ все еще въ силѣ, тогда какъ оставшіеся недовольными протестанты были усмирены силою оружія. Вся власть была сосредоточена на тронѣ. Въ другихъ отношеніяхъ, хотя королевство и пользовалось миромъ, условія были менѣе удовлетворительны: военнаго флота, въ сущности, не было; торговля, внутренняя и внѣшняя, не процвѣтала; финансы были въ безпорядкѣ; армія мала.

Испанія, передъ которою всѣ другія державы трепетали менѣе, чѣмъ столѣтіе тому назадъ, съ тѣхъ поръ давно уже была въ упадкѣ и едва ли представляла грозную силу; слабость центральной власти распространилась по всѣмъ частямъ администраціи ея. Однако по размѣрамъ своей территоріи она все-таки была еще велика. Испанскіе Нидерланды все еще принадлежали ей; она владѣла также Неаполемъ, Сициліей и Сардиніей; Гибралтаръ не попалъ тогда еще въ руки Англіи; ея обширныя владѣнія въ Америкѣ, — за исключеніемъ Ямайки, завоеванной англичанами нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, — были еще не тронуты. О состояніи ея морской силы, какъ по отношенію къ мирнымъ условіямъ, такъ и по отношенію къ войнѣ, уже говорилось выше. Много лѣтъ передъ тѣмъ Ришельё заключилъ временный союзъ съ Испаніей, въ силу котораго она отдала въ его распоряженіе сорокъ кораблей; но неудовлетворительное состояніе послѣднихъ, большею частью плохо вооруженныхъ и плохо управлявшихся, вынудило удаленіе ихъ съ театра дѣйствій. Флотъ Испаніи былъ тогда въ полномъ упадкѣ, и его слабость не скрылась отъ проницательнаго взора кардинала. Столкнове-

ніе между испанской и голландской эскадрами въ 1639 году въ высшей степени ясно показываетъ состояніе униженія, до котораго опустился этотъ, нѣкогда гордый флотъ.

„Ея флотъ тогда", говоритъ историкъ Дэвисъ „потерпѣлъ одинъ изъ тѣхъ ударовъ, рядъ которыхъ въ теченіе войны низложилъ её съ высокаго положенія обладательницы морей въ обоихъ полушаріяхъ на низкую ступень среди морскихъ державъ. Король снаряжалъ сильный флотъ для перенесенія войны къ берегамъ Швеціи и для комплектаціи его приказалъ выслать черезъ Дюнкирхенъ подкрѣпленіе для команды и провіантъ. Согласно этому, флотъ вышелъ въ море, но былъ атакованъ ванъ Тромпомъ, захватившимъ нѣкоторыя суда въ плѣнъ и заставившимъ остальныя отступить назадъ въ гавань. Вскорѣ послѣ того Тромпъ захватилъ три англійскія (нейтральныя) судна, перевозившія 1070 испанскихъ солдатъ изъ Кадикса въ Дюнкирхенъ; онъ снялъ оттуда солдатъ, но судамъ далъ свободу. Оставивъ семнадцать кораблей для блокады Дюнкирхена, Тромпъ, съ остальными двѣнадцатью, вышелъ для встрѣчи ожидавшагося непріятельскаго флота. Послѣдній скоро былъ усмотрѣнъ при входѣ въ Дуврскій проливъ въ числѣ шестидесяти семи судовъ; на нихъ было, кромѣ матросовъ, двѣ тысячи солдатъ. Тромпъ, по присоединеніи къ нему де Вита еще съ четырьмя судами, со своими малыми силами сдѣлалъ рѣшительное нападеніе на непріятеля. Сраженіе продолжалось до четырехъ часовъ пополудни, когда испанскій адмиралъ укрылся въ Доунсъ. Тромпъ рѣшился продолжать сраженіе, въ случаѣ если бы непріятель вышелъ оттуда, но Оквендо (Oquendo), со своимъ сильнымъ флотомъ, на многихъ изъ судовъ котораго было отъ шестидесяти до ста орудій, предпочелъ вынести блокаду; а англійскій адмиралъ сообщилъ Тромпу, что ему приказано присоединиться къ испанцамъ, если противъ нихъ откроются враждебныя дѣйствія. Тромпъ послалъ домой за инструкціями, и вмѣшательство Англіи послужило только къ вызову изъ Голландіи громадныхъ морскихъ силъ. Флотъ Тромпа былъ быстро усиленъ до девяноста шести кораблей и двѣнадцати брандеровъ, и онъ получилъ приказаніе начать атаку. Отрядивъ отдѣльную эскадру для наблюденія за англичанами и для нападенія на нихъ, если бы они рѣшились помогать испанцамъ, онъ началъ сраженіе, при густомъ туманѣ, подъ прикрытіемъ котораго испанцы обрѣзали свои якорные канаты и обратились въ бѣгство. Многія изъ бѣжавшихъ судовъ, придержавшись слишкомъ близко берегу, стали на мель, и бо̀льшая часть остальныхъ, пытавшихся уйти отъ голландцевъ, были потоплены, захвачены въ плѣнъ или загнаны на отмели французскаго берега. Никогда не бывала еще побѣда, болѣе полная" (*).

Когда флотъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, то это значитъ, что онъ потерялъ всякую гордость и достоинство; но флотъ этотъ только раздѣлялъ тотъ общій упадокъ Испаніи, вслѣд-

(*) Davies: History of Holland.

ствіе котораго вѣсъ ея въ европейской политикѣ съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе уменьшался.

„Посреди блеска своего двора и языка", говоритъ Гизо „испанское правительство чувствовало свою слабость и старалось скрыть ее подъ своей неподвижностью. Филиппъ IV и его министръ, уставшіе бороться только для того, чтобы быть побѣжденными, заботились лишь объ обезпеченіи мира и старались устранить всѣ тѣ вопросы, какіе потребовали бы отъ нихъ усилій, на которыя они не чувствовали себя способными. Раздѣленный и разслабленный, Австрійскій Домъ имѣлъ даже еще менѣе притязательности, чѣмъ позволяло ему его вліяніе, и политикой преемниковъ Карла V сдѣлалось напыщенное бездѣйствіе за исключеніемъ случаевъ безусловной вынужденности къ дѣятельности".

Такова была Испанія того времени. Та часть испанскихъ владѣній, которая была тогда извѣстна подъ именемъ Римско-Католическихъ Нидерландовъ (современная Бельгія), угрожала сдѣлаться обильнымъ источникомъ несогласій между Франціей и ея естественнымъ союзникомъ — Голландской Республикой. Это послѣднее государство, носившее политическое имя «Соединенныхъ Провинцій», достигло тогда апогея своего вліянія и могущества, всецѣло основаннаго, какъ уже было объяснено выше, на морѣ, на пользованіи морскою силою, созданною великимъ морскимъ и коммерческимъ геніемъ голландцевъ. Народъ этотъ, болѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ въ наше время, за исключеніемъ англичанъ, показалъ, какъ дары моря могутъ дать богатство и могущество странѣ, слабой и бѣдной по своимъ внутреннимъ рессурсамъ. Вотъ какимъ образомъ недавній французскій авторъ описываетъ торговое и колоніальное положеніе Голландіи около времени вступленія на французскій престолъ Людовика XIV: —

„Голландія сдѣлалась Финикіей новыхъ временъ. Владѣя Шельдой, Соединенныя Провинціи заперли выходы изъ Антверпена къ морю и унаслѣдовали коммерческую силу этого богатаго города, который одинъ Венеціанскій посланникъ въ семнадцатомъ столѣтіи сравнилъ съ самою Венеціею. Онѣ принимали, кромѣ того, въ свои главные города рабочій людъ изъ Нидерландовъ, который бѣжалъ отъ испанской тираніи совѣсти. Мануфактуры суконъ, полотняныхъ матерій и т. п., занимавшія шестьсотъ тысячъ душъ, открыли новые источники доходовъ для народа, прежде довольствовавшагося торговлей сыромъ и рыбой. Уже одно рыболовство обогащало его. Сельдяной промыселъ кормилъ почти пятую часть населенія Голландіи, давая триста тысячъ

тоннъ соленой рыбы и принося болѣе восьми милліоновъ франковъ ежегоднаго дохода.

Морское и коммерческое могущество Республики развивалось быстро. Коммерческій флотъ Голландіи насчитывалъ 10 000 судовъ, 168 000 матросовъ, и прокармливалъ 260 000 человѣкъ ея населенія. Голландія держала въ своихъ рукахъ бо̀льшую часть европейской транспортной торговли и захватила къ этому еще, со времени мира, всю перевозку товаровъ между Америкой и Испаніей и французскими портами, при чемъ общая стоимость ея ввоза опредѣлялась въ тридцать шесть милліоновъ франковъ. Сѣверныя страны: Бранденбургъ, Данія, Швеція, Московія, Польша, доступъ къ которымъ былъ открытъ Провинціямъ черезъ Балтійское море, служили для послѣднихъ неисчерпаемымъ рынкомъ обмѣна. Взамѣнъ продававшихся ими тамъ продуктовъ онѣ покупали продукты Сѣвера: — пшеницу, дерево, мѣдь, пеньку и мѣха. Общая стоимость товаровъ, ежегодно перевозившихся на голландскихъ судахъ во всѣхъ моряхъ, превосходила тысячу милліоновъ франковъ. Голландцы сдѣлались, говоря образнымъ языкомъ, „извозчиками“ на всѣхъ моряхъ“ (*).

Такимъ развитіемъ своей морской торговли Республика была обязана колоніямъ. Она имѣла монополію на всѣ продукты Востока. Пряности и разныя произведенія промышленности изъ Азіи привозились ею въ Европу ежегодно на сумму шестнадцати милліоновъ франковъ. Могущественная Остъ-Индская компанія, учрежденная въ 1602 году, основала въ Азіи цѣлую имперію изъ владѣній, отнятыхъ отъ Португаліи. Завладѣвъ въ 1650 году мысомъ Доброй Надежды, который гарантировалъ промежуточную стоянку для ея судовъ, она царила, какъ верховный властелинъ, на Цейлонѣ и на берегахъ Малабарскомъ и Коромандельскомъ. Она сдѣлала Батавію резиденціей своего правленія и распространила свою торговлю до Китая и Японіи. Между тѣмъ Вестъ-Индская компанія, — болѣе быстро развивавшаяся, но менѣе прочная, — снарядила восемьсотъ кораблей военныхъ и торговыхъ. Она воспользовалась ими для захвата остатковъ португальскихъ владѣній на берегахъ Гвинеи, а также и въ Бразиліи.

Соединенныя Провинціи сдѣлались такимъ образомъ складочнымъ мѣстомъ для произведеній промышленности всѣхъ націй.

Голландскія колоніи въ то время были разсѣяны по всѣмъ восточнымъ морямъ, въ Индіи, въ Малаккѣ, на Явѣ, на

(*) Lefèvre-Pontalis: Jean de Witt.

Молуккскихъ островахъ и въ различныхъ частяхъ обширнаго архипелага, лежащаго къ сѣверу отъ Австраліи. У голландцевъ были владѣнія на западномъ берегу Африки, и колонія Новый Амстердамъ тогда еще оставалась въ ихъ рукахъ. Въ Южной Америкѣ Голландская Вестъ-Индская компанія владѣла почти тремя стами лигами берега въ Бразиліи, къ сѣверу отъ Бахіи; но многое недавно ускользнуло изъ ея рукъ.

Соединенныя Провинціи были обязаны значеніемъ и силой своему богатству и своимъ флотамъ. Море, которое подобно остервенѣлому врагу, бьется объ ихъ берега, было покорено и сдѣлалось полезной слугой ихъ; землѣ суждено было привести ихъ къ раззоренію послѣ долгой и суровой борьбы съ врагомъ, болѣе жестокимъ, чѣмъ море, — съ Испанскимъ королевствомъ; успѣшный конецъ, съ его обманчивымъ обѣщаніемъ покоя и мира, прозвучалъ похороннымъ звономъ по Голландской Республикѣ. До тѣхъ поръ, пока могущество Испаніи не было поколеблено или, по крайней мѣрѣ, было достаточно велико для поддержанія страха, долгое время внушавшагося ею остальной Европѣ, интересы Англіи и Франціи, которыя обѣ страдали отъ угрозъ и интригъ ея, требовали, чтобы Соединенныя Провинціи были сильны и независимы. Когда же Испанія пала,— и повторявшіяся униженія ея показали, что ея слабость была дѣйствительная, а не кажущаяся,—другія побужденія заняли мѣсто страха. Англія начала добиваться отнятія у Голландіи ея морской торговли и морскаго владычества; Франція заявила желаніе овладѣть Испанскими Нидерландами. Соединенныя Провинціи имѣли основаніе сопротивляться и той и другой.

Подъ ударами нападеній двухъ соперничавшихъ націй, Соединенныя Провинціи должны были скоро почувствовать и обнаружить свою внутреннюю слабость. Открытыя для нападенія съ суши, мало населенныя, при правительствѣ, мало способномъ вызвать силы народа къ дружной борьбѣ и, что въ разсматриваемомъ случаѣ всего важнѣе, неумѣвшемъ заботиться надлежащимъ образомъ о подготовкѣ къ войнѣ, республика и нація должны были падать съ еще бо̀льшей быстротой, чѣмъ поднимались. Но, однако, въ 1660 году еще никакихъ указаній

на близость ихъ паденія не замѣчалось; Республика все еще стояла въ первомъ ряду великихъ державъ Европы. Если въ 1654 г. война съ Англіей обнаружила отсутствіе боевой готовности, удивительное во флотѣ, который такъ долго попиралъ на моряхъ гордость Испаніи, то съ другой стороны, Провинціи въ 1657 году сумѣли остановить посягательства Франціи на ихъ торговлю; а годъ спустя, «вмѣшательствомъ въ дѣла Даніи и Швеціи въ балтійскомъ вопросѣ онѣ не позволили послѣдней занять на Сѣверѣ преобладающее положеніе, опасное для нихъ. Онѣ принудили ее оставить открытымъ входъ въ Балтійское море, господами котораго оставались попрежнему, такъ какъ ни одинъ флотъ не былъ способенъ оспаривать у нихъ контроль на водахъ его. Превосходство ихъ флота, доблесть ихъ войскъ, искусство и твердость ихъ дипломатіи, заставили признать престижъ ихъ правительства. Ослабленные и раззоренные послѣдней войной съ Англіей, онѣ снова заняли мѣсто въ ряду великихъ державъ. Въ этомъ моментъ Карлъ II былъ снова возведенъ на тронъ».

Объ общемъ характерѣ правительства Голландіи уже говорилось выше, и здѣсь необходимо только вкратцѣ напомнить о немъ. Это была плохо связанная конфедерація, управляемая сословіемъ, которое съ достаточной точностью можетъ быть названо коммерческой аристократіей и характеризуется политической робостью, свойственной классу, подвергающемуся сильному риску въ войнѣ. Вліяніе двухъ факторовъ, партійной ревности и коммерческаго духа, было бѣдственно для военнаго флота. Послѣдній не содержался въ надлежащемъ состояніи въ мирное время; представляя скорѣе морскую коалицію, чѣмъ сплоченный флотъ, онъ неизбѣжно страдалъ отъ неумѣстнаго соперничества между собою офицеровъ, среди которыхъ было слишкомъ мало истиннаго воинскаго духа. Никогда не существовало народа, болѣе героическаго, чѣмъ голландцы; лѣтописи голландскихъ морскихъ сраженій даютъ примѣры отчаянной предпріимчивости и выносливости, ни превосходящихъ которыя, ни даже можетъ быть равныхъ имъ, не было проявлено никогда и нигдѣ; но тѣ же лѣтописи указываютъ и на такіе примѣры малодушнаго и недостойнаго поведенія, ко-

торые показываютъ недостатокъ воинскаго духа, очевидно являющійся слѣдствіемъ недостатка профессіональной гордости и профессіональнаго воспитанія. Это профессіональное воспитаніе едва ли существовало въ какомъ-либо флотѣ того времени, но въ монархическихъ странахъ оно въ значительной мѣрѣ, возмѣщалось духомъ военной касты. Остается еще замѣтить, что правительство, довольно слабое уже вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ, было еще слабѣе отъ раздѣленія народа на двѣ большія партіи, горячо ненавидѣвшія другъ друга. Одна партія купцовъ (бургомистры), бывшая въ разсматриваемую эпоху въ силѣ, чувствовала расположеніе къ конфедеративной республикѣ, какъ она охарактеризована выше; другая желала монархическаго правительства подъ скипетромъ Оранскаго Дома. Республиканская партія добивалась союза съ Франціей и сильнаго флота; Оранская партія тяготѣла къ Англіи, съ королевскимъ домомъ которой принцъ Оранскій былъ въ тѣсномъ родствѣ, и желала сильной арміи. При этихъ условіяхъ правительства и при малочисленности населенія, Соединенныя Провинціи въ 1660 году, съ ихъ огромнымъ богатствомъ и внѣшней дѣятельностью, походили на человѣка, поддерживаемаго возбуждающими средствами. Искусственная сила не можетъ поддерживаться безконечно; но достоенъ удивленія фактъ, что это маленькое государство, съ народонаселеніемъ во много разъ меньшимъ, чѣмъ Англія или Франція, выносило нападенія каждой изъ этихъ державъ отдѣльно, а два года и обѣихъ вмѣстѣ, не только не будучи уничтожено, но и не потерявъ своего мѣста въ Европѣ. Оно обязано этимъ поразительнымъ результатомъ отчасти искусству одного или двухъ человѣкъ, но главнымъ образомъ своей морской силѣ.

Англія, въ отношеніи готовности къ предстоявшей тогда борьбѣ, стояла въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ Голландія и Франція. Хотя и представляя, по формѣ своего правленія, государство монархическое, при сосредоточеніи дѣйствительно большой власти въ рукахъ короля, Англія не позволяла последнему править королевствомъ всецѣло по его желанію. Король долженъ былъ сообразоваться съ волей и желаніемъ своего народа, чѣмъ Людовикъ совсѣмъ не былъ связанъ. То,

что Людовикъ пріобрѣталъ для Франціи, онъ пріобрѣталъ для себя; слава Франціи была его славой. Карлъ заботился сначала о своихъ выгодахъ, а потомъ уже о выгодахъ Англіи; но, всегда помня свое прошлое, онъ рѣшился не подвергаться ни судьбѣ своего отца, ни новому изгнанію. Поэтому, въ угрожавшій моментъ, онъ уступилъ требованіямъ чувствъ англійской націи. Карлъ лично ненавидѣлъ Голландію; онъ ненавидѣлъ ее, какъ республику; онъ ненавидѣлъ ея тогдашнее правительство, какъ составлявшее оппозицію во внутреннихъ дѣлахъ родственному ему Оранскому Дому; и онъ ненавидѣлъ ее еще болѣе потому, что въ дни его изгнанія Республика, въ силу одного изъ условій мира съ Кромвелемъ, изгнала его за ея границы. Къ Франціи же онъ былъ влекомъ политической симпатіей правителя, желавшаго быть неограниченнымъ, можетъ быть также римско-католическими связями и, въ значительнѣйшей мѣрѣ, деньгами, которыя платилъ ему Людовикъ и которыя отчасти освобождали его отъ контроля парламента. Въ слѣдованіи этимъ личнымъ стремленіямъ Карлъ долженъ былъ считаться съ нѣкоторыми рѣшительными желаніями своего народа. Англичане и Голландцы, принадлежа къ одной и той же расѣ и находясь въ подобныхъ между собою условіяхъ приморскаго положенія, были явными соперниками въ вопросахъ первенства на морѣ и въ торговлѣ; и такъ какъ Голландія занимала въ разсматриваемую эпоху первенствующее мѣсто, то чувства упомянутаго соперничества со стороны Англіи были особенно страстны и горячи. Еще особая причина неудовольствія между этими державами лежала въ дѣятельности Голландской Восточно-Индійской Компаніи, «которая требовала монополіи торговли на Востокѣ и обязывала отдаленныхъ князей, съ которыми заключала договоры, закрыть двери торговли въ ихъ владѣніяхъ другимъ націямъ, исключеннымъ такимъ образомъ не только изъ голландскихъ колоній, но и со всей территоріи Индіи». Сознавая превосходство своей силы, Англія желала контроля надъ политикой Голландіи, и въ дни, когда была республикой, даже добивалась союза между своимъ и ея правительствами. Сначала, поэтому, народное соперничество и народная вражда вторили желаніямъ короля;

тѣмъ болѣе такъ, что Франція въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не была грозна для другихъ державъ на континентѣ. Какъ только, однако, наступательная политика Людовика XIV была всюду понята, англійскій народъ, какъ высшій, такъ и низшій классъ его, почувствовалъ большую опасность для себя со стороны Франціи, подобно тому, какъ столѣтіе назадъ они были напуганы Испаніей. Передача Испанскихъ Нидерландовъ (Бельгіи) Франціи повела бы къ порабощенію ею остальной Европы и особенно была бы ударомъ для морской силы и Голландіи и Англіи, такъ какъ нельзя было предположить, чтобы Людовикъ согласился тогда продолжать признавать закрытіе Шельды и Антверпенскаго порта — условіе, на которое обязалась ослабѣвшая Испанія по вынужденному у нея Голландіей договору. Возстановленіе же торговой дѣятельности этого большаго города было бы одинаково тяжелымъ ударомъ и для Амстердама и для Лондона. Съ пробужденіемъ наслѣдственной оппозиціи противъ Франціи начали сказываться узы родства между Англіей и Голландіей; память о прошломъ союзѣ противъ тираніи Испаніи проснулась, и сходство религіозныхъ вѣрованій, представлявшее тогда все еще сильный импульсъ, заставило оба государства дѣйствовать заодно. Въ то же самое время энергичныя и систематическія усилія Кольбера создать во Франціи торговлю и флотъ возбудили къ ней ревность обѣихъ этихъ морскихъ державъ; соперницы между собою, онѣ инстинктивно обратились противъ третьей стороны, посягавшей на ихъ господство на морѣ. Карлъ не былъ въ состояніи сопротивляться давленію своего народа при всѣхъ этихъ мотивахъ; войны между Англіей и Голландіей прекратились, а послѣ смерти Карла смѣнились даже тѣснымъ союзомъ.

Хотя въ 1660 году торговля Англіи и была менѣе обширна, чѣмъ торговля Голландіи, но флотъ первой превосходилъ флотъ второй, — особенно по стройности организаціи и силѣ. Суровое, до энтузіазма религіозное, правительство Кромвеля, основывавшееся на военной силѣ, положило свою печать и на флотъ и на армію. Имена нѣсколькихъ служившихъ при немъ высшихъ офицеровъ, между которыми Монкъ занимаетъ пер-

вое мѣсто, появляются въ описаніяхъ первой Голландской войны при Карлѣ. Но высокій духъ и дисциплина временъ Кромвеля постепенно исчезли послѣ него подъ разрушительнымъ вліяніемъ придворной лицепріязни послѣдующаго недостойнаго правительства, и этому надо приписать фактъ, что Голландія, которая въ 1665 году побѣждалась на морѣ одною только Англіею, въ 1672 году успѣшно сопротивлялась соединеннымъ флотамъ Англіи и Франціи. Что касается матеріальнаго состава трехъ флотовъ, то до насъ дошли свѣдѣнія, что французскія суда имѣли бо́льшее водоизмѣщеніе, чѣмъ англійскія, относительно вѣса артиллеріи и запасовъ; поэтому, при полной нагрузкѣ, высота батарей на первыхъ была больше, чѣмъ на вторыхъ. Обводы корпуса французскихъ судовъ были также лучше, чѣмъ англійскихъ. Эти преимущества явились естественнымъ слѣдствіемъ обдуманнаго и систематическаго порядка, какой характеризовалъ въ то время работу возстановленія французскаго флота изъ состоянія упадка; и это даетъ намъ, американцамъ, урокъ, полный надежды на лучшіе дни для нашего флота, въ настоящемъ положеніи его, аналогичномъ съ тѣмъ, какое переживалъ тогда флотъ Франціи. Корабли Голландіи, примѣнительно къ характеру прибрежныхъ водъ ея, были болѣе плоскодонны и имѣли меньшее углубленіе, что давало имъ возможность плавать между отмелями и спасаться тамъ, въ случаѣ необходимости, отъ преслѣдованія со стороны непріятеля; но за то по той же причинѣ они были менѣе способны къ лавировкѣ и менѣе остойчивы, чѣмъ суда другихъ націй.

Такимъ образомъ мы очертили, насколько возможно коротко, условія, степень силы и задачи, которыя опредѣляли политику четырехъ главныхъ приморскихъ государствъ того времени, — Испаніи, Франціи, Англіи и Голландіи. Въ нашемъ изслѣдованіи они будутъ имѣть наибольшее значеніе и будутъ упоминаться чаще другихъ; но такъ какъ и остальныя государства оказывали сильное вліяніе на ходъ событій, а наша цѣль не исчерпывается только изложеніемъ морской исторіи, но состоитъ въ оцѣнкѣ вліянія морской и коммерческой силы на ходъ исторіи общей, то необходимо изложить кратко состояніе остальной Европы въ разсматриваемое время. Америка тогда еще не

играла выдающейся роли на страницахъ исторіи или въ политической дѣятельности правительствъ.

Въ составъ Германіи входили тогда многія мелкія государства и только одно большое — Австрія. Политика малыхъ государствъ была неустойчива; и Франція поставила себѣ цѣлью соединить возможно бо́льшее число ихъ подъ своимъ вліяніемъ, въ преслѣдованіе своей традиціонной оппозиціи противъ Австріи. Послѣдней, при такой враждебной работѣ противъ нея Франціи съ одной стороны, неминуемо угрожали еще постоянныя нападенія со стороны Турецкой Имперіи, все еще сильной, хотя уже и разрушавшейся. Франція давно склонялась къ дружескимъ отношеніямъ съ Турціей, не только ища въ нихъ опоры противъ Австріи, но также и ради своего желанія расширить торговлю съ Левантомъ. Кольберъ, въ своемъ страстномъ радѣніи о морской силѣ Франціи, былъ расположенъ къ союзу съ Портой. Припомнимъ еще, что Греція и Египетъ были тогда частями Турецкой Имперіи.

Пруссія, какою мы знаемъ ее теперь, не существовала еще въ то время. Основанія будущаго королевства только подготовлялись еще тогда электоромъ Бранденбургскимъ; сильное маленькое государство его еще не было способно къ совершенно самостоятельной жизни, но уже тщательно избѣгало положенія формальной зависимости. Польское королевство было самымъ безпокойнымъ и важнымъ факторомъ въ европейской политикѣ, по причинѣ его слабаго и неорганизованнаго правительства, которое держало каждое государство въ возбужденномъ ожиданіи какого-нибудь непредвидѣннаго оборота событій, направленнаго къ выгодѣ соперника. Поддержаніе самостоятельности и силы Польши было традиціонной политикой Франціи. Россія все еще была за горизонтомъ, вступая, но еще не вступивъ, въ кругъ европейскихъ государствъ и ихъ жизненныхъ интересовъ. Она и другія державы, прилегавшія къ Балтійскому морю, естественно соперничали за преобладаніе на послѣднемъ, представлявшемъ большой интересъ и для другихъ государствъ, особенно для морскихъ, такъ какъ черезъ него получались, главнымъ образомъ, морскіе матеріалы всякаго рода. Швеція и Данія постоянно враждовали между собою

и всегда примыкали къ противнымъ сторонамъ, въ случаѣ частыхъ тогда политическихъ столкновеній. Въ продолженіе первыхъ войнъ Людовика XIV и въ теченіе многихъ лѣтъ до того Швеція была бо̀льшей частью въ союзѣ съ Франціей, къ которому влекли ее ея интересы.

При вышеописанномъ состояніи Европы, пружина, которая должна была приводить въ движеніе различныя колеса ея, была въ рукахъ Людовика XIV. Слабость его непосредственныхъ сосѣдей; большіе рессурсы его королевства, только ожидавшіе развитія; единство направленія, являвшееся слѣдствіемъ его абсолютной власти; его собственный практическій талантъ и неутомимая дѣятельность, которой помогало въ теченіе первой половины его царствованія счастливое соединеніе министровъ исключительныхъ способностей.... Все это способствовало тому, чтобы всѣ правительства Европы стали въ бо̀льшую или меньшую отъ него зависимость и считались съ направленіемъ политики Франціи, если не слѣдовали ей. Величіе Франціи было цѣлью Людовика, для достиженія которой ему предстояло избрать одинъ изъ двухъ путей, — сушу или море; не то, чтобы одинъ путь совсѣмъ исключалъ другой, но Франція, какъ ни была могущественна она тогда, все-таки не имѣла силы для слѣдованія одновременно по обоимъ путямъ.

Людовикъ рѣшился добиваться своей цѣли путемъ расширенія сухопутныхъ владѣній. Онъ женился на старшей дочери Филиппа IV, тогда короля Испаніи; и хотя по брачному договору она отказалась отъ всякихъ притязаній на наслѣдство своего отца, но было нетрудно найти предлогъ для нарушенія этого условія. Скоро онъ придрался къ несоблюденію какихъ то техническихъ формальностей въ статьяхъ, касавшихся правъ обладанія нѣкоторыми частями Нидерландовъ и Франшъ Конте (Franche Comté), и вошелъ въ переговоры съ испанскимъ дворомъ о совершенномъ уничтоженіи вышеупомянутаго условія. Дѣло это было тѣмъ болѣе важно, что слабое состояніе здоровья наслѣдника трона дѣлало очевиднымъ близкое прекращеніе съ его смертью австрійской династіи испанскихъ королей. Желаніе посадить на тронъ Испаніи французскаго принца — самого ли себя, соединивъ такимъ

образомъ двѣ короны, или же кого-либо изъ своей фамиліи, утвердивъ такимъ образомъ верховную власть за домомъ Бурбоновъ по обѣ стороны Пиринеевъ, — было обманчивымъ свѣтомъ, который направлялъ Людовика въ теченіе остальной части его царствованія по ложной дорогѣ до окончательнаго уничтоженія морской силы Франціи и до раззоренія и обѣдненія ея народа. Людовикъ не сумѣлъ понять, что ему придется считаться со всею Европою. Прямое заявленіе притязанія на испанскій тронъ онъ отсрочилъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній сдѣлается вакантнымъ; но сейчасъ же приготовился къ походу въ испанскія владѣнія къ востоку отъ Франціи.

Для того, чтобы лучше обезпечить осуществленіе своего намѣренія, Людовикъ отвлекъ отъ Испаніи возможныхъ союзниковъ искусными дипломатическими интригами, изученіе которыхъ дало бы полезную иллюстрацію примѣненія стратегіи въ области политики; но онъ сдѣлалъ двѣ серьезныя ошибки ко вреду для морской силы Франціи. Португалія, лишь за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, была подъ скипетромъ короля Испаніи, и у послѣдней еще не умерло желаніе снова присоединить ее къ себѣ. Людовикъ полагалъ, что если это присоединеніе осуществится, то Испанія сдѣлается слишкомъ сильной для того, чтобы позволить ему легко достигнуть намѣченной цѣли. Среди другихъ мѣръ для воспрепятствованія этому, онъ устроилъ бракъ Карла II съ инфантой Португальской, вслѣдствіе котораго Португалія уступила Англіи Бомбей въ Индіи и Танжеръ въ Гибралтарскомъ проливѣ, считавшійся великолѣпнымъ портомъ. Мы видимъ здѣсь, что французскій король, въ своихъ упорныхъ стараніяхъ о расширеніи территоріи, приглашаетъ Англію въ Средиземное море и побуждаетъ ее къ союзу съ Португаліей. Послѣднее было тѣмъ болѣе странно, что Людовикъ уже предвидѣлъ прекращеніе испанской королевской династіи и долженъ былъ бы желать скорѣе соединенія полуостровныхъ королевствъ. Въ результатѣ Португалія сдѣлалась зависимымъ океанскимъ аванпостомъ Англіи, черезъ который британскія войска безъ затрудненій высаживались на полуостровъ до дней Наполеона. Въ самомъ дѣлѣ, при независимости отъ Испаніи, она была слишкомъ слаба для того, чтобы не попасть подъ вліяніе

силы, господствовавшей на морѣ и тѣмъ имѣвшей легчайшій къ ней доступъ. Людовикъ же продолжалъ возбуждать ее противъ Испаніи и обезпечивалъ ей независимость отъ послѣдней. Онъ также вмѣшался въ дѣла Голландіи и побудилъ ее возвратить Португаліи Бразилію.

Съ другой стороны, Людовикъ добился уступки отъ Карла II Дюнкирхена (на Каналѣ), который былъ захваченъ и утилизированъ для Англіи Кромвелемъ. Эта уступка была сдѣлана за деньги и должна считаться непростительной съ морской точки зрѣнія. Въ рукахъ Англіи Дюнкирхенъ былъ предмостнымъ укрѣпленіемъ противъ Францію; въ рукахъ Франціи онъ сдѣлался гаванью для приватировъ, грозою для торговли Англіи въ Каналѣ и Сѣверномъ морѣ. По мѣрѣ того, какъ морская сила Франціи ослабѣвала, Англія, рядомъ трактатовъ, настаивала на срытіи укрѣпленій Дюнкирхена, бывшаго кстати сказать, портомъ—убѣжищемъ знаменитаго Жанъ Бара и другихъ извѣстныхъ французскихъ приватировъ.

Между тѣмъ, величайшій и умнѣйшій изъ министровъ Людовика XIV, Кольберъ, прилежно созидалъ ту систему администраціи, которая, увеличивая и твердо упрочивая богатства государства, должна была вѣрнѣе привести его къ величію и процвѣтанію, чѣмъ блистательнѣйшія предпріятія короля. Мы не должны здѣсь касаться деталей его дѣятельности, относящихся ко внутреннему развитію королевства, и упомянемъ только, что на производительность, какъ земледѣльческую, такъ и мануфактурную, имъ обращено было заботливое вниманіе. На морѣ же его политика искуснаго подрыва торговли Голландіи и Англіи начала быстро развиваться и живо сказалась важными результатами. Образовались большія торговыя компаніи, направлявшія французскую предпріимчивость къ Балтійскому морю, Леванту, Остъ- и Вестъ-Индіямъ; были улучшены таможенныя установленія для поощренія французской мануфактуры и для облегченія устройства складовъ товаровъ въ большихъ портахъ, въ надеждѣ на то, что Франція сдѣлается большимъ пакгаузомъ для Европы, занявъ въ этомъ отношеніи мѣсто Голландіи, чему географическое положеніе ея въ высшей степени благопріятствовало; грузовая вмѣсти-

мость иностранныхъ судовъ обложена была пошлинами; судамъ отечественной постройки даровались преміи, и обдуманными строгими декретами за французскими судами обезпечивалась монополія торговли съ колоніями.... Все это вмѣстѣ поощряло развитіе торговаго судоходства Франціи. Англія на стѣснительныя для своей торговли мѣры немедленно отвѣтила Франціи тою же монетою; Голландія же, для которой опасность была сильнѣе, потому что ея транспортная дѣятельность была обширнѣе а отечественные рессурсы меньше, сначала ограничивалась только увѣщеваніями Франціи, но черезъ три года послѣдовала примѣру Англіи. Но Кольберъ, полагаясь на превосходство производительности Франціи и разсчитывая на него еще болѣе въ будущемъ, не боялся неуклонно двигаться по разъ намѣченному пути, который, ведя къ созданію большаго коммерческаго мореходства, закладывалъ широкое основаніе и для мореходства военнаго, еще сильнѣе поощрявшагося и другими государственными мѣрами. Благосостояніе Франціи росло быстро, и въ концѣ двѣнадцатаго года дѣятельности Кольбера все разбогатѣло и разцвѣло въ государствѣ, которое было въ состояніи крайняго разстройства, когда онъ вступилъ въ управленіе его флотомъ и финансами.

„При немъ", говоритъ французскій историкъ, „Франція росла и въ мирѣ и въ войнѣ... Война тарифовъ и премій, искусно веденная имъ, стремилась привести къ надлежащимъ границамъ безмѣрный ростъ коммерческой и морской силы, который Голландія присвоила себѣ на счетъ другихъ державъ, и помѣшать стремленіямъ Англіи вырвать отъ Голландіи это превосходство для того, чтобы обратить его противъ Европы еще съ большей для послѣдней опасностью. Въ интересахъ Франціи, казалось, было сохраненіе мира въ Европѣ и Америкѣ; но тайный голосъ, — голосъ и прошлаго и будущаго одновременно, — звалъ ее къ воинственной дѣятельности на другихъ берегахъ" (*).

Этотъ голосъ зазвучалъ въ устахъ Лейбница — одного изъ великихъ людей міра. Онъ указывалъ Людовику, что обращеніе оружія Франціи противъ Египта дало бы ей, въ господствѣ на Средиземномъ морѣ и контролѣ надъ восточной торговлей, побѣду надъ Голландіей, — бо̀льшую, чѣмъ самая успѣшная кампанія на сушѣ; и что такой результатъ, обезпечивъ весьма необходимый миръ внутри королевства, соз-

(*) Martin: History of France.

далъ бы морскую силу, обезпечивающую, въ свою очередь, преобладаніе въ Европѣ. Записка Лейбница, излагавшая эти идеи, приглашала Людовика, отказавшись отъ преслѣдованія славы на сушѣ, искать прочнаго величія Франціи въ обладаніи большою морскою силою, элементы которой, благодаря генію Кольбера, были уже въ его рукахъ. Столѣтіе спустя, человѣкъ, болѣе великій, чѣмъ Людовикъ, старался возвеличить себя и Францію путемъ, указывавшимся Лейбницемъ; но Наполеонъ не имѣлъ соотвѣтствовавшаго этой задачѣ флота, какимъ располагалъ Людовикъ. На этомъ проектѣ Лейбница мы остановимся подробнѣе, когда повѣствованіе наше дойдетъ до знаменательнаго момента, въ который онъ выступилъ, т. е. до момента, когда Людовикъ, придя въ апогеѣ развитія своего королевства и флота къ пункту, гдѣ пути раздѣлялись, избралъ тотъ изъ нихъ, который опредѣлялъ, что Франціи не предстоитъ быть морской державой. Послѣдствія этого рѣшенія, убившаго Кольбера и разрушившаго благосостояніе Франціи, сказывались потомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, когда грандіозный флотъ Англіи, въ рядѣ войнъ, очищалъ моря отъ своихъ соперниковъ и обезпечивалъ въ изнурительной для Франціи борьбѣ все развивавшееся богатство островнаго королевства, уничтожая въ то же время внѣшніе рессурсы французской торговли и подвергая ее вслѣдствіе этого бѣдствіямъ. Фальшивое направленіе политики, начавшееся со времени Людовика XIV, уклонило также Францію при преемникѣ его отъ многообѣщавшихъ успѣховъ въ Индіи.

Между тѣмъ два морскія государства, Англія и Голландія, хотя и смотря на Францію одинаково недовѣрчиво, въ то же время чувствовали все возраставшую взаимную зависть, которая, — заботливо поддерживавшаяся Карломъ II, — привела къ войнѣ. Истинною причиною такихъ отношеній между ними, безъ сомнѣнія, была коммерческая ревность, и борьба возникла непосредственно изъ-за столкновенія между торговыми компаніями. Враждебныя дѣйствія начались на западномъ берегу Африки; и англійская эскадра въ 1664 г., послѣ покоренія тамъ нѣсколькихъ голландскихъ станцій, отплыла къ Новому Амстердаму (нынѣ Нью-Іоркъ) и захватила его. Все это со-

АНГЛІЙСКІЙ КАНАЛЪ
И
СѢВЕРНОЕ МОРЕ
IRELAND
GREAT BRITAIN
FRANCE
DENMARK
Londonderry
Donegal
Sligo
Galway Bay
Limerick
Waterford
Cork
Old Head Kinsale
Cape Clear
Kenmare
Bantry
DUBLIN
Anglesea I.
Holyhead
LIVERPOOL
HULL
Yarmouth
Lowestoft
Southwold
LONDON
Chatham
Dover
Milford Haven
BRISTOL CHANNEL
Scilly I.
Lands End
Lizard Pt.
Falmouth
Torbay
Start Pt.
Portland
I. of Wight
Portsmouth
Spithead
Beachy Head
Alderney
Guernsey
Sark Id.
Jersey
Cherbourg
Dieppe
Havre
Rouen
PARIS
Dunkirk
Calais
Boulogne
St. Malo
Ushant I.
BREST
ANTWERP
AMSTERDAM
ROTTERDAM
The Hague
Texel
Nimegen
Emmerick
Rees
Wesel
Oldenburg
BREMEN
Liège
Namur

ТИП. ЭД. ГОППЕ.

стоялось до формальнаго объявленія войны въ февралѣ 1665 года. Послѣдняя, несомнѣнно, пользовалась популярностью въ Англіи; инстинктъ народа нашелъ выраженіе въ устахъ Монка, которому приписываютъ слѣдующія слова: «Что за дѣло до того, тотъ или другой предметъ будетъ для нея найденъ? Чего мы желаемъ, такъ это бо́льшей части торговли, находящейся теперь въ рукахъ Голландіи». Едва ли также можно сомнѣваться, что, несмотря на притязанія торговыхъ компаній, правительство Соединенныхъ Провинцій было бы радо избѣжать войны; способный человѣкъ, стоявшій во главѣ его, слишкомъ ясно видѣлъ деликатное положеніе, которое занимали онѣ между Англіей и Франціей. Провинціи требовали, однако, поддержки отъ послѣдней, въ силу оборонительнаго трактата, заключеннаго въ 1662 году. Людовикъ уступилъ этому требованію, хотя и неохотно; но еще молодой французскій флотъ, въ сущности, не оказалъ голландцамъ никакой помощи.

Война между двумя морскими государствами была всецѣло морская. Въ теченіе ея состоялись три большія сраженія, — первое близъ Ловестофта (Lowestoft), на Норфолькскомъ берегу, 13-го іюня 1665 года; второе, извѣстное подъ именемъ Четырехдневнаго сраженія (Four Day's Battle) и часто называющееся французскими авторами сраженіемъ въ Па де Кале, происходило въ Дуврскомъ проливѣ и продолжалось съ 11-го по 14-го іюня 1866 года; наконецъ третье, близъ Нордъ-Форланда (North Foreland), состоялось 4-го августа того же года. Въ первомъ и послѣднемъ изъ нихъ Англія имѣла рѣшительный успѣхъ; во второмъ — перевѣсъ остался за Голландіей. Это одно только сраженіе будетъ описано нами подробно, такъ какъ о немъ одномъ только дошли до насъ такія полныя свѣдѣнія, которыя позволяютъ сдѣлать ясный и точный тактическій разборъ его. Въ этихъ сраженіяхъ есть интересныя черты, приложимыя съ бо́льшею общностью къ условіямъ настоящаго времени, чѣмъ детали нѣсколько устарѣлыхъ тактическихъ движеній.

Въ первомъ, Ловестофтскомъ, сраженіи командующій голландскимъ флотомъ, Опдамъ, который былъ не морякъ, а кавалерійскій офицеръ, имѣлъ весьма категорическія приказанія сражаться; самостоятельность рѣшенія, подобающая главно-

командующему большими силами на мѣстѣ дѣйствій, не была ему предоставлена. Такое вмѣшательство въ функціи командира на сушѣ или на морѣ является однимъ изъ самыхъ обычныхъ искушеній для центральнаго правительства и обыкновенно имѣетъ пагубныя послѣдствія. Турвиль (Tourville), величайшій изъ адмираловъ Людовика XIV, былъ вынужденъ такимъ образомъ рисковать всѣмъ французскимъ флотомъ, вопреки своему собственному мнѣнію; а столѣтіе спустя, большой французскій флотъ ускользнулъ отъ англійскаго адмирала Кейта (Keith), подчинившагося распоряженіямъ своего непосредственнаго начальника, который лежалъ больнымъ въ порту.

Въ Ловестофтскомъ сраженіи разстроился голландскій авангардъ; а немного позже, когда одинъ изъ младшихъ адмираловъ центра, въ эскадрѣ самого Опдама, былъ убитъ, объятый паникой экипажъ отнялъ командованіе кораблемъ отъ офицеровъ и вывелъ его изъ сферы боя. Этому движенію послѣдовали двѣнадцать или тринадцать другихъ кораблей, образовавъ большой разрывъ въ голландской линіи. Случай этотъ показываетъ, о чемъ говорилось уже и ранѣе, что дисциплина въ голландскомъ флотѣ и воинскій духъ среди его офицеровъ не были высоки, вопреки прекраснымъ боевымъ качествамъ націи и вѣроятности предположенія, что между голландскими капитанами кораблей было больше хорошихъ моряковъ, чѣмъ между англійскими. Природная стойкость и героизмъ голландцевъ не могли всецѣло возмѣстить ту профессіональную гордость и то чувство воинской чести, воспитаніе которыхъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ цѣлесообразныхъ военныхъ учрежденій. Свойства уроженца Соединенныхъ Штатовъ значительно выгоднѣе въ этомъ отношеніи. Для него нѣтъ промежуточной ступени между личной храбростью съ оружіемъ въ рукахъ и полной военной правоспособностью.

Опдамъ, видя, что сраженіе принимаетъ неблагопріятный для него оборотъ, кажется, поддался чувству, близкому къ отчаянію. Онъ старался свалиться на абордажъ съ кораблемъ главнокомандующаго англійскимъ флотомъ, герцога Іоркскаго, брата короля. Это ему не удалось; и въ отчаянной схваткѣ, послѣдовавшей затѣмъ, его корабль былъ взорванъ. Вскорѣ

послѣ того три, а по одному описанію четыре, голландскіе корабля свалились вмѣстѣ, и эта группа была сожжена однимъ брандеромъ; позднѣе еще три или четыре другіе корабля подверглись, поодиночкѣ, той же участи. Голландскій флотъ былъ теперь совсѣмъ разстроенъ и отступилъ подъ прикрытіемъ эскадры ванъ Тромпа (van Tromp), сына знаменитаго стараго адмирала, который въ дни республики плавалъ въ Каналѣ съ голикомъ на гротъ-мачтѣ (*).

Брандеры въ этой войнѣ играли весьма видную роль, — конечно болѣе значительную, чѣмъ въ войнѣ 1653 года, хотя въ обѣ эти эпохи они не составляли самостоятельной эскадры, а были только придаточной принадлежностью флота. Между ролью прежняго брандера и назначеніемъ миннаго крейсера въ современной войнѣ рельефно вырисовывается большое сходство, главные пункты котораго состоятъ въ слѣдующемъ: ужасный характеръ атаки, сравнительная малость судна, исполняющаго ее, и большія требованія отъ первовъ атакующаго. Но между названными судами существуетъ и рѣзкое различіе; оно заключается въ сравнительной увѣренности, съ какою современный минный крейсеръ можетъ быть управляемъ, — что, впрочемъ, отчасти уравновѣшивается такимъ же преимуществомъ броненосца надъ прежнимъ линейнымъ кораблемъ, — и въ мгновенности дѣйствія мины, котораго успѣхъ или неудача опредѣляются сразу, тогда какъ дѣйствіе брандера требовало нѣкотораго времени для достиженія цѣли; послѣдняя же и для современной мины остается такою, какою была для прежняго брандера, т. е. — совершенное уничтоженіе атакуемаго корабля, а не поврежденіе только его. Оцѣнка свойствъ брандеровъ, обстоятельствъ, при какихъ они достигали наибольшаго полезнаго дѣйствія, и причинъ, которыя привели къ ихъ упраздненію изъ боевыхъ средствъ флота, быть можетъ, будетъ способствовать правильному рѣшенію вопроса о томъ, представляетъ ли спеціальный минный крейсеръ, въ тѣсномъ смыслѣ этого опредѣленія, типъ оружія, которому суждено оставаться въ военномъ флотѣ.

(*) Въ знакъ того, что голландскій флотъ «смелъ» съ водъ Канала корабли другихъ націй. См. сочиненіе «Морская Война» Адмирала Коломба, стр. 55. Н. А.

Французскій офицеръ, изучавшій лѣтописи французскаго флота, утверждаетъ, что брандеръ, какъ боевое эскадренное оружіе, впервые появляется въ 1636 году.

„Построенный ли спеціально для его цѣли или приспособленный къ ней изъ судовъ другихъ типовъ, брандеръ получилъ спеціальное вооруженіе. Командиромъ его назначался офицеръ не дворянскаго происхожденія, съ титуломъ капитана брандера. Пять субалтернъ-офицеровъ и двадцать пять матросовъ составляли его экипажъ. Брандеръ легко узнавался по желѣзнымъ крючьямъ, которые были всегда приложены къ его реямъ. Съ первыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія роль его дѣлается все менѣе и менѣе значительною, и наконецъ его пришлось совсѣмъ упразднить изъ состава флотовъ, *которыхъ скорость онъ замедлялъ и которыхъ эволюціи имъ усложнялись.* По мѣрѣ того, какъ военные корабли увеличивались въ размѣрахъ, дѣйствовать въ согласіи съ брандерами для нихъ становилось съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительно. Съ другой стороны, уже совершенно отказались отъ идеи соединенія брандеровъ съ боевыми судами для образованія нѣсколькихъ *группъ*, снабженныхъ *каждая* всѣми средствами атаки и обороны. Тѣсный боевой строй обусловливалъ для брандеровъ мѣсто во второй линіи, расположенной въ разстояніи полумили въ крылѣ, дальнѣйшемъ отъ непріятеля, что дѣлало ихъ все болѣе и болѣе непригодными для исполненія ихъ службы. Офиціальный планъ Малагскаго сраженія (1704), нарисованный немедленно послѣ послѣдняго, показываетъ брандеръ въ положеніи, рекомендованномъ Павломъ Гостомъ. Наконецъ, употребленіе гранатъ, дающихъ возможность зажечь противника болѣе увѣренно и быстро и появившихся уже на нѣкоторыхъ корабляхъ въ періодъ, о которомъ мы говоримъ теперь, — хотя общее употребленіе ихъ установилось только значительно позже, — было окончательнымъ ударомъ для брандеровъ (*).

Лица, знакомыя съ современными теоріями тактики и вооруженія флотовъ, найдутъ въ этой старой, по времени, замѣткѣ не совсѣмъ устарѣлыя, по существу, идеи: брандеръ пришлось упразднить изъ состава флотовъ, «которыхъ скорость онъ замедлялъ». Въ свѣжую погоду малое судно должно всегда идти сравнительно малою скоростью. При умѣренномъ волненіи моря скорость миноносокъ, какъ принято считать, должна упасть съ двадцати узловъ до двѣнадцати и менѣе, и семнадцати—девятнадцати узловой крейсеръ можетъ или уйти совсѣмъ отъ преслѣдующаго его миноносца, или держать его на желаемой дистанціи, досягаемой для его большихъ орудій и скорострѣльныхъ пушекъ. Эти миноносцы — суда мореходныя, «и полагаютъ, что они могутъ держаться въ морѣ при всякой погодѣ; но быть на миноносцѣ 110-ти футовой длины, при сильномъ волненіи моря,

(*) Gougeard. Marine de Guerre.

далеко не пріятно. Жаръ, шумъ и вибраціи корпуса и машины достигаютъ весьма сильной степени. Приготовленіе пищи немыслимо, да говорятъ, что если бы послѣдняя и приготовлялась хорошо, то немногіе могли бы оцѣнить это. Имѣть необходимый отдыхъ при этихъ условіяхъ, сопровождаемыхъ еще быстрыми движеніями миноносца, весьма затруднительно». Надо строить миноносцы бо́льшей величины; но и тогда потеря скорости въ свѣжую погоду будетъ неизбѣжна, если только размѣръ миннаго крейсера не увеличится до предѣловъ, при которыхъ онъ будетъ снабжаться не только минами, но и какимъ либо другимъ оружіемъ. Подобно брандерамъ, *малые* минные крейсера будутъ замедлять скорость и усложнять эволюціи флотовъ, которые они сопровождаютъ (*). Исчезновеніе брандера ускорилось, читаемъ мы, введеніемъ разрывныхъ и зажигательныхъ снарядовъ; въ параллель съ этимъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что передача минъ на большія суда для сраженія въ открытомъ морѣ положитъ конецъ существованію спеціально миннаго крейсера. Брандеръ продолжалъ употребляться противъ стоящихъ на якорѣ флотовъ до дней Междоусобной Американской войны; и миноноска будетъ всегда полезна въ предѣлахъ небольшой дистанціи отъ своего порта.

Въ вышеприведенномъ извлеченіи, относящемся къ эпохѣ двухсотлѣтней давности, встрѣчаемъ еще упоминаніе о третьей фазѣ морской тактики, а именно идею, — весьма знакомую современнымъ воззрѣніямъ, — о строѣ группъ. «Идея соединенія брандеровъ съ боевыми судами для образованія нѣсколькихъ группъ, снабженныхъ, каждая, всѣми средствами атаки или обороны», очевидно была на время принята, потому что мы читаемъ, что затѣмъ она была оставлена. Соединеніе судовъ флота въ группы по два, по три и по четыре — спеціально для совмѣстнаго дѣйствія — очень одобряется теперь въ Англіи; менѣе популярна эта идея во Франціи, гдѣ встрѣчаетъ сильныхъ противниковъ. Конечно ни одинъ вопросъ этого

(*) Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки написаны, опытъ англійскихъ осеннихъ маневровъ 1888 года оправдалъ это соображеніе, хотя, въ сущности, не надо было никакого опыта для установленія факта, который очевиденъ самъ по себѣ.

рода, имѣющій сильныхъ защитниковъ и противниковъ, не можетъ быть рѣшенъ на основаніи сужденій только одного лица, а также до тѣхъ поръ, пока время и опытъ не подвергнутъ его своимъ непогрѣшимымъ испытаніямъ. Можно замѣтить, однако, что въ хорошо организованномъ флотѣ есть двѣ степени командованія, сами по себѣ настолько естественныя и необходимыя, что ихъ никогда нельзя игнорировать и отъ нихъ никогда нельзя отказаться; это — командованіе всѣмъ флотомъ, какъ одною единицею, и командованіе кораблемъ, какъ самостоятельною же единицею. Когда флотъ слишкомъ великъ для того, чтобы имъ управлялъ одинъ человѣкъ, то онъ долженъ быть подраздѣленъ, и тогда, въ пылу сраженія, практически, образуются два флота, стремящіеся оба къ одной цѣли; такъ Нельсонъ, въ своемъ благородномъ приказѣ передъ Трафальгарской битвой сказалъ: «Второй въ порядкѣ командованія, *послѣ* того, какъ ему сдѣлаются извѣстными мои намѣренія» (замѣтьте слово *послѣ*, такъ хорошо опредѣляющее функціи главнокомандующаго и слѣдующаго по немъ), «вступитъ въ полное управленіе своею линіею для нападенія на непріятеля и для нанесенія ему ударовъ до тѣхъ поръ, пока суда его не будутъ взяты въ плѣнъ или уничтожены».

Величина и стоимость современнаго броненосца дѣлаютъ невѣроятнымъ такой многочисленный составъ флота, который требовалъ бы подраздѣленія; но отъ послѣдняго не зависитъ рѣшеніе вопроса о вышесказанной группировкѣ судовъ. Глядя просто на принципъ, лежащій въ основѣ теоріи, и игнорируя кажущуюся тактическую неловкость (неуклюжесть) предлагаемыхъ спеціальныхъ группъ, поставимъ только вопросъ: должно ли вводить между естественными командованіями адмирала и командировъ отдѣльныхъ кораблей третій искусственный факторъ, который, съ одной стороны, частью будетъ замѣнять высшую власть, а съ другой стороны будетъ стѣснять свободу дѣйствій командировъ кораблей? Дальнѣйшее затрудненіе, возникающее изъ узкаго принципа поддержки, особенно необходимой для нѣкоторыхъ судовъ, — принципа, лежащаго въ основѣ групповой си-

стемы, — состоитъ въ томъ, что послѣ того, какъ въ бою нельзя будетъ больше разбирать сигналы, обязанности капитана по отношенію къ своему кораблю и къ флоту усложнятся необходимостью наблюдать извѣстныя отношенія еще къ кораблю его группы, забота о которомъ можетъ иногда несоотвѣтственно занять его вниманіе. Строй группы имѣлъ въ старыя времена дни опыта, послѣ котораго исчезъ; удержится ли онъ въ возстановленной теперь формѣ, покажетъ будущее. Прежде, чѣмъ оставить этотъ предметъ, можно замѣтить еще, что въ качествѣ походнаго строя, соотвѣтствующаго походному строю арміи, раздѣленіе судовъ на группы имѣетъ свои преимущества: оно сохраняетъ извѣстный порядокъ, безъ требованія строгой точности въ позиціи, соблюденіе которой неустанно днемъ и ночью должно быть тяжелымъ бременемъ для капитана и для вахтенныхъ начальниковъ. Такой походный строй не долженъ, однако, дозволяться до тѣхъ поръ, пока флотъ не достигнетъ высокой степени искусства въ точныхъ тактическихъ построеніяхъ.

Возвращаясь къ вопросу о брандерахъ и миноносцахъ, замѣтимъ, что часто говорятъ, будто послѣдніе будутъ играть главную роль въ тѣхъ свалкахъ (*mêlées*), которыя непремѣнно должны слѣдовать послѣ пары стремительныхъ прохожденій враждебныхъ флотовъ одинъ мимо другаго. Въ дыму и смятеніи этого часа и открывается поприще для миноносцевъ. Это, конечно, кажется вѣроятнымъ, и миноносецъ обладаетъ такою способностью движенія, какой не имѣлъ брандеръ. Однако свалка двухъ флотовъ не представляла самыхъ благопріятныхъ условій для брандера. Я приведу здѣсь выдержку изъ труда другаго французскаго офицера, котораго разборъ англо-голландскихъ морскихъ сраженій въ одномъ изъ періодическихъ изданій отличается особенной ясностью и поучительностью. Онъ говоритъ: —

„Правильность и ensemble, установившіяся недавно въ движеніяхъ эскадръ, не только не помѣшали прямымъ дѣйствіямъ брандера, котораго роль была сведена совсѣмъ, или почти, къ нулю въ безпорядочныхъ сраженіяхъ войны 1652 года, но скорѣе благопріятствовала имъ. Брандеры играли весьма важную роль въ сраженіяхъ при Ловестофтѣ, въ Па де Кале и при Нордъ-Форландѣ. Благодаря хорошему порядку, сохранявшемуся линейными кора-

блями, эти зажигательныя суда могли, въ самомъ дѣлѣ, лучше защищаться артиллеріею упомянутыхъ кораблей и направляться гораздо болѣе дѣйствительно, чѣмъ прежде, къ ясной и опредѣленной цѣли" (*).

Посреди хаотическихъ свалокъ 1652 года брандеръ «дѣйствовалъ, такъ сказать, одинъ, ища случая сцѣпиться съ непріятелемъ, подвергаясь риску ошибки, беззащитный противъ орудій непріятеля, почти увѣренный, что или будетъ потопленъ имъ, или сгоритъ безполезно. Теперь, въ 1665 году, все измѣнилось. Его добыча обозначилась ясно; онъ знаетъ ее и легко преслѣдуетъ ее въ относительно постоянной позиціи, занимаемой ею въ линіи непріятеля. Съ другой стороны, корабли дивизіи, къ которой брандеръ принадлежитъ, не теряютъ его изъ виду. Они сопровождаютъ его, насколько возможно; прикрываютъ его огнемъ своей артиллеріи и освобождаютъ его, не давая ему сгорѣть, какъ только безплодность его попытки выясняется. Очевидно, что при такихъ условіяхъ его дѣйствія, хотя и не обезпеченныя (это и не можетъ быть иначе), все-таки пріобрѣтаютъ больше шансовъ на успѣхъ». Эти поучительныя строки нуждаются, быть можетъ, въ томъ добавочномъ замѣчаніи, что смущеніе въ строѣ одной изъ сражающихся сторонъ въ то время, какъ у другой строй сохраненъ хорошо, даетъ послѣдней лучшіе шансы для отчаянной атаки. Тотъ же авторъ, разбирая дѣятельность брандера до его исчезновенія, говоритъ: —

„Здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ брандеръ въ апогеѣ его значенія. Это значеніе уменьшается и дѣятельность брандера кончается полнымъ исчезновеніемъ его съ поля сраженія *въ открытомъ морѣ*, когда морская артиллерія дѣлается болѣе совершенной, болѣе дальнобойной, болѣе мѣткой и скорострѣльной (**); когда корабли, получивъ лучшіе обводы, бо́льшую управляемость, бо́льшую и лучше уравновѣшенную парусность, дѣлаются способными, благодаря этому, избѣгать почти навѣрняка столкновенія съ брандерами, посланными противъ нихъ; когда флоты руководствуются принципами тактики, отличавшейся столько же искусствомъ, сколько и робостью, — тактики, преобладающей столѣтіе спустя въ теченіе всей Американской войны за независимость, и, когда, наконецъ, эти флоты, чтобы не подвергаться риску разстройства совершенной правильности ихъ ордера баталіи, избѣгаютъ сближенія до малыхъ дистанцій и предоставляютъ одной артиллеріи рѣшать судьбу сраженія".

(*) Chabaud-Arnault: Revue Mar. et Colon. 1885.

(**) Недавнее развитіе скорострѣльныхъ пушекъ, съ большимъ увеличеніемъ ихъ калибра, дальнобойности и разрушительной силы ихъ снарядовъ, равносильно тому же шагу въ циклѣ прогресса.

Въ этомъ разсужденіи авторъ имѣетъ въ виду ту характерную особенность войны 1665 года, которая, помогая дѣйствію брандера, въ то же время даетъ послѣдней особенный интересъ въ исторіи морской тактики. Въ ней практикуется впервые тѣсно сомкнутая линія баталіи (close hauled line of battle), неоспоримо принятая, какъ боевой строй флотовъ. Довольно понятно, что при достиженіи этими флотами численности отъ восьмидесяти до ста кораблей, какъ то часто имѣло мѣсто, такія линіи, страдали большимъ несовершенствомъ, и по ломанности ихъ, и по неправильности промежутковъ между судами; но общая цѣль построенія очевидна при всѣхъ несовершенствахъ его исполненія. Обыкновенно приписываютъ честь улучшенія этого строя Герцогу Іоркскому (впослѣдствіи Іаковъ II); но вопросъ о томъ, кому обязано его усовершенствованіе, имѣетъ мало значенія для морскихъ офицеровъ нашего времени, по сравненію съ тѣмъ поучительнымъ фактомъ, что прошло такъ много времени между появленіемъ большаго паруснаго корабля, съ его бортовой батареей, и систематическимъ принятіемъ строя, который былъ наилучше приспособленъ для развитія полной силы флота при взаимной поддержкѣ кораблей его. Для насъ, имѣющихъ въ рукахъ всѣ элементы задачи, вмѣстѣ съ окончательно достигнутымъ результатомъ, этотъ послѣдній кажется довольно простымъ, почти очевиднымъ. Почему же достиженіе его потребовало такъ много времени отъ способныхъ людей той эпохи? Причина — и въ этомъ и заключается урокъ для офицеровъ нашего времени—была несомнѣнно та же, вслѣдствіе которой остается неизвѣстнымъ надлежащій боевой строй теперь; — дѣло въ томъ, что нужды войны не требовали отъ моряковъ тщательно обдуманнаго рѣшенія по этому предмету до тѣхъ поръ, пока Голландія не встрѣтила, наконецъ, въ Англіи равносильнаго себѣ соперника на морѣ. Логика принятія линіи баталіи для боеваго строя ясна и проста; и хотя она достаточно знакома морякамъ, тѣмъ не менѣе не лишнее будетъ привести здѣсь выдержку изъ вышецитированнаго уже автора, такъ какъ его разсужденія отличаются изяществомъ и точностью, всецѣло французскими: —

„Съ увеличеніемъ силы военнаго корабля и съ усовершенствованіемъ его мореходныхъ и боевыхъ качествъ проявился и равносильный успѣхъ въ

искусствѣ пользованія ими... По мѣрѣ того, какъ морскія эволюціи дѣлаются болѣе искусными, ихъ важность ростетъ день ото дня. Этимъ эволюціямъ нужна была база, — пунктъ, отъ котораго онѣ могли бы отправляться и къ которому могли бы возвращаться. Флотъ военныхъ кораблей долженъ быть всегда готовъ встрѣтить непріятеля; логично, поэтому, чтобы такой базой для морскихъ эволюцій былъ боевой строй. Далѣе, съ упраздненіемъ галеръ почти вся артиллерія перемѣстилась на борта корабля, почему и возникла необходимость держать корабль всегда въ такомъ положеніи, чтобы непріятель былъ у него на траверзѣ. Съ другой стороны необходимо, чтобы ни одинъ корабль своего флота не могъ помѣшать стрѣльбѣ по непріятельскимъ судамъ. Только одинъ строй позволяетъ удовлетворить вполнѣ этимъ требованіямъ, это — строй кильватера. Послѣдній, поэтому, избранъ, какъ единственный боевой строй, а слѣдовательно и какъ базисъ для всей тактики флота. Въ то же время сознали, что для того, чтобы боевой строй, эта длинная тонкая линія орудій, не могъ быть поврежденъ или разорванъ въ слабѣйшемъ его пунктѣ, необходимо вводить въ него только суда, если не равной силы, то, по крайней мѣрѣ, съ одинаково сильными бортами. Логически вытекаетъ отсюда, что одновременно съ тѣмъ, какъ кильватерная колонна дѣлается окончательно боевымъ строемъ, устанавливается различіе между *линейными кораблями*, которые одни только предназначены для него, и болѣе мелкими судами для другихъ цѣлей".

Если къ изложенному мы прибавимъ соображенія, которыя приводятъ къ тому, чтобы линія баталіи была тѣсно стянутой линіей, то задача явится вполнѣ разработанной. Но цѣпь разсужденій была и двѣсти пятьдесятъ лѣтъ назадъ такъ же ясна, какъ она ясна теперь; почему же она не приводила, практически, къ выводу такъ долго? Частью, безъ сомнѣнія, потому, что тогда старыя традиціи, — традиціи галерныхъ сраженій, — держались еще прочно и мѣшали правильному взгляду на новый порядокъ вещей; главнымъ же образомъ потому, что люди вообще безпечно относятся къ выясненію современнаго имъ положенія и къ принятію соотвѣтствующаго этому положенію образа дѣйствій. Нижеслѣдующія строки, написанныя адмираломъ французскаго флота Лабруссомъ (Labrousse) въ 1840 году, въ высшей степени поучительны, какъ рѣдкій примѣръ прозорливости, распознавшей своевременно фундаментальную перемѣну въ условіяхъ и предсказавшей результаты ея: «Благодаря пару», писалъ онъ, «суда будутъ способны двигаться во всѣхъ направленіяхъ съ такою скоростью, что послѣдствія столкновенія могутъ, и даже должны, какъ это было прежде, занять мѣсто метательнаго оружія и уничтожить расчеты искусно маневрирующаго. Таранъ будетъ бла-

воспрепятствовать скорости, безъ нарушенія мореходныхъ качествъ корабля. Какъ только одна какая нибудь держава приметъ это ужасное оружіе, должны будутъ принять его и всѣ другія державы, — подъ страхомъ, что въ противномъ случаѣ суда ихъ окажутся несомнѣнно слабѣе непріятельскихъ, — и такимъ образомъ сраженіе обратится въ борьбу тарана противъ тарана». Хотя и воздерживаясь отъ безусловнаго приписыванія тарану значенія главнаго боеваго оружія въ наше время, — а такое значеніе приписывается ему теперь во французскомъ флотѣ, — мы все-таки полагаемъ, что вышеприведенная короткая выдержка можетъ служить примѣромъ того пути, по какому должны идти изслѣдованія о боевомъ строѣ будущаго. Французскій писатель, комментирующій статью Лабрусса, говоритъ: —

„Для нашихъ отцовъ едва достаточны были двадцать семь лѣтъ, протекшія съ 1638 года — времени постройки *Courronne* — до 1665 года, для того, чтобы перейти отъ тактическаго строя фронта, — строя галернаго флота, къ строю кильватерной колонны. Намъ самимъ понадобилось двадцать девять лѣтъ — съ 1830 года, когда въ нашемъ флотѣ появилось первое паровое судно, до 1859 года, когда принятіе принципа тараннаго боя было закрѣплено закладкой *Solferino* и *Magenta*, — для преобразованій въ противоположномъ направленіи; настолько справедливо, что истина всегда медленно выходитъ на свѣтъ... Это преобразованіе совершилось не скоро, не только потому, что потребовалось время для постройки и вооруженія флота новаго матеріальнаго состава, но больше всего, — о чемъ грустно сказать, — потому, что необходимыя послѣдствія новой двужущей силы были большинствомъ упущены изъ виду“ (*).

Мы переходимъ теперь къ справедливо прославленному Четырехдневному сраженію въ іюнѣ мѣсяцѣ 1666 года, которое требуетъ особеннаго вниманія не только по причинѣ большаго числа кораблей, участвовавшихъ въ немъ съ обѣихъ сторонъ, и не только по необыкновенной физической выносливости людей, которые выдерживали жаркое морское сраженіе въ теченіе столькихъ дней сряду, но также и потому, что главнокомандующіе съ обѣихъ сторонъ, Монкъ и де Рюйтеръ, были самыми замѣчательными моряками или, скорѣе, флотоводцами изъ всѣхъ, какіе выдвинулись въ ихъ отечествахъ въ семнадцатомъ столѣтіи. Возможно еще, что Монкъ въ лѣтописяхъ ан-

(*) Gougeard: Marine de Guerre.

глійскаго флота стоитъ ниже Блэка (Blake), но всѣ согласны, что де Рюйтеръ представляетъ выдающуюся фигуру не только въ голландскомъ флотѣ, но и среди всѣхъ морскихъ офицеровъ того вѣка. Предлагаемое нами описаніе упомянутаго сраженія заимствовано, главнымъ образомъ, изъ журнала «Revue Maritime et Coloniale» (*), гдѣ оно напечатано, какъ недавно найденное письмо одного голландскаго дворянина, служившаго волонтеромъ на кораблѣ де Рюйтера, къ своему другу во Франціи. Разсказъ изложенъ въ немъ весьма ясно и правдоподобно, — качество, не всегда присущее описаніямъ столь давнопрошедшихъ сраженій; данныя, сообщаемыя имъ, пріобрѣли еще бо́льшую цѣнность послѣ того, какъ они подтвердились, въ главныхъ подробностяхъ, мемуарами графа де Гиша (de Guiche) (**), — также волонтера въ голландскомъ флотѣ, взятаго къ де Рюйтеру послѣ того, какъ корабль, на которомъ онъ находился сначала, былъ сожженъ брандеромъ. Однако упомянутыя описанія содержатъ нѣсколько одинаковыхъ фразъ, указывающихъ на то, что оба они заимствованы изъ общаго источника, и не могутъ приниматься за вполнѣ самостоятельныя изложенія; но такъ какъ они въ то же время характеризуются и существеннымъ внутреннимъ различіемъ, то можно предположить, что оба автора изложили событія, какъ очевидцы, сначала самостоятельно, но затѣмъ свѣрили и взаимно проредактировали свои описанія прежде, чѣмъ послали ихъ своимъ друзьямъ, или окончательно занесли ихъ въ свои дневники.

Со стороны англичанъ сражалось около восьмидесяти кораблей, а со стороны голландцевъ—около ста; но это неравенство въ числѣ въ значительной мѣрѣ уравновѣшивалось бо́льшею величиною многихъ изъ англійскихъ судовъ. Непосредственно передъ сраженіемъ англійское правительство сдѣлало большую стратегическую ошибку: король получилъ извѣщеніе, что французская эскадра была на пути изъ Атлантики для соединенія съ голландцами. Онъ сейчасъ же раздѣлилъ свой флотъ, по-

---

(*) Vol. LXXXII, p. 137.

(**) Mémoires du Comte de Guiche. A Londres, chez P. Changuion. 1743. pp. 234 – 264.

славъ двадцать кораблей, подъ начальствомъ принца Руперта, къ западу, для встрѣчи французовъ, а остальная часть флота, подъ командой Монка, должна была идти къ востоку, навстрѣчу голландцамъ.

Положеніе, подобное тому, въ какомъ находился англійскій флотъ, которому угрожало нападеніе съ двухъ сторонъ, представляетъ одно изъ сильнѣйшихъ искушеній для командующаго. Оно вызываетъ со стороны послѣдняго весьма сильное побужденіе встрѣтить обоихъ противниковъ и слѣдовательно раздѣлить свои силы, какъ сдѣлалъ это Карлъ; но уступка такому побужденію, за исключеніемъ случая подавляющаго превосходства надъ силами непріятеля, — ошибка, дающая врагу возможность разбить флотъ по частямъ, что, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ дѣйствительности и имѣло мѣсто въ разсматриваемомъ случаѣ. Результатъ сраженія въ первые два дня былъ бѣдственъ для бо̀льшей дивизіи англійскаго флота, которою командовалъ Монкъ, и она была тогда вынуждена отступить назадъ къ Руперту; и вѣроятно только счастливое возвращеніе послѣдняго спасло англійскій флотъ отъ весьма серьезныхъ потерь или, по крайней мѣрѣ, отъ опасности быть запертымъ въ его собственныхъ портахъ. Сто сорокъ лѣтъ спустя, въ возбужденной стратегической игрѣ, происходившей въ Бискайской бухтѣ передъ Трафальгарской битвой, англійскій адмиралъ Корнваллисъ сдѣлалъ совершенно такую же ошибку, раздѣливъ свой флотъ на двѣ равныя части дистанціей, которая исключала возможность взаимной поддержки и которую Наполеонъ характеризовалъ, какъ блестящій примѣръ глупости.... Урокъ, одинаково поучительный для всѣхъ вѣковъ.

Голландцы отплыли къ англійскому берегу съ попутнымъ восточнымъ вѣтромъ, который, однако, перемѣнился затѣмъ на юго-западный, пагналъ туманъ и засвѣжѣлъ, такъ что де Рюйтеръ, боясь быть отнесеннымъ слишкомъ далеко къ сѣверу, сталъ на якорь между Дюнкирхеномъ и Доунсомъ (*). Флотъ его легъ тогда на SSW, при чемъ авангардъ былъ съ правой стороны, а Тромпъ, который командовалъ арьергардомъ, — съ лѣвой. Этотъ послѣдній занималъ самое навѣтренное поло-

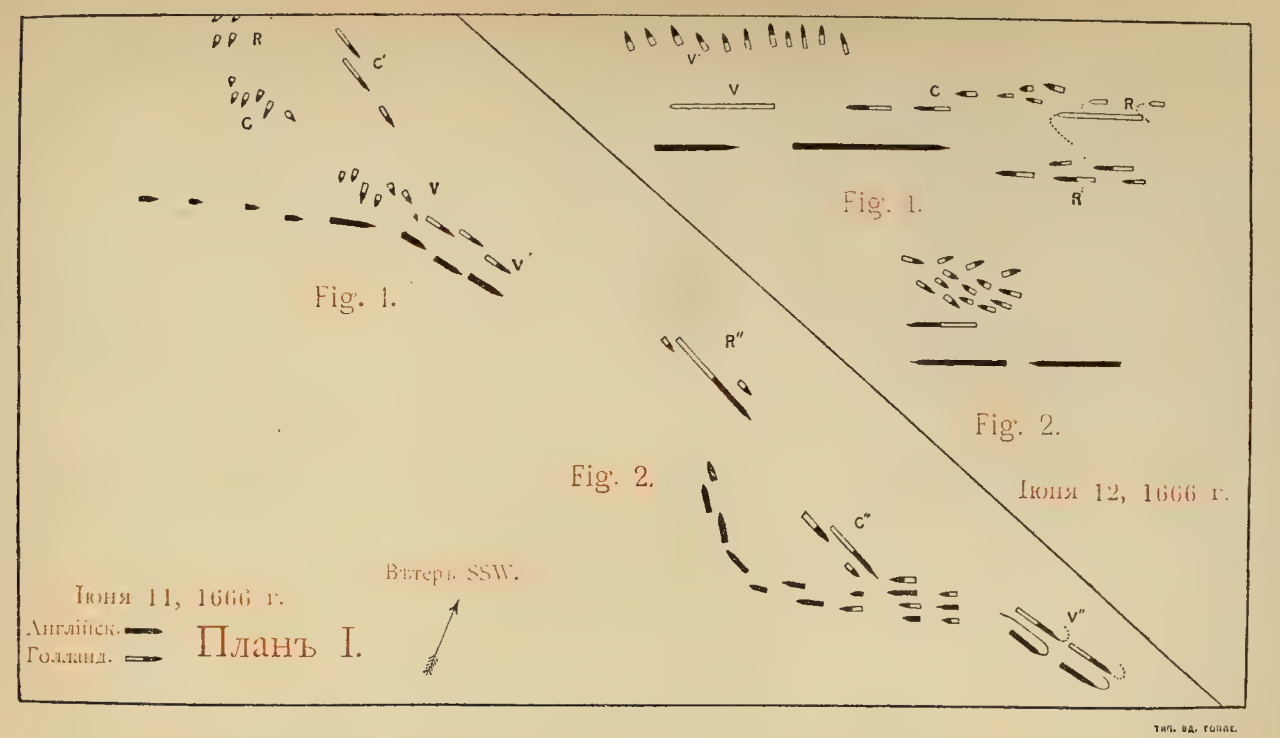
(*) См. карту Англійскаго Канала и Сѣвернаго моря, стр. 122.

женіе; центръ эскадры, подъ командой де Рюйтера, былъ подъ вѣтромъ у него и, наконецъ, авангардъ былъ подъ вѣтромъ у центра (*). Таково было положеніе голландскаго флота на разсвѣтѣ 11-го іюня 1666 г., и по тону вышеупомянутыхъ описаній можно думать, что онъ не былъ въ хорошемъ порядкѣ, хотя прямо объ этомъ и не говорится.

Въ то же утро Монкъ, также бывшій до того на якорѣ, увидалъ голландскій флотъ подъ вѣтромъ и, хотя такъ сильно уступая ему въ численности, рѣшился сейчасъ же атаковать его, въ надеждѣ, что при сохраненіи преимущества въ вѣтрѣ, онъ можетъ продолжать бой только пока это будетъ выгодно для него. Онъ, поэтому, легъ на правый галсъ вдоль линіи непріятеля, оставивъ правое крыло и центръ его внѣ пушечнаго выстрѣла, и пришелъ на траверзъ лѣвой эскадры Тромпа. Тридцать пять кораблей Монка держались соединенно, но арьергардъ растянулся и отсталъ, какъ это естественно должно случаться съ длинными колоннами. Съ этими тридцатью пятью кораблями Монкъ, положивъ руль на вѣтеръ, спустился на Тромпа, котораго эскадра обрубила якорные канаты и легла на тотъ же галсъ (V′); обѣ сражающіяся линіи шли такимъ образомъ къ французскому берегу, и вѣтеръ такъ крепилъ суда, что англичане не могли пользоваться орудіями своего нижняго дека (фиг. 2, V″). Центръ и арьергардъ голландскаго флота также обрубили канаты и послѣдовали движеніямъ Тромпа; но, будучи слишкомъ далеко подъ вѣтромъ, они въ теченіе нѣкотораго времени не могли вступить въ бой. Именно въ это время одинъ большой голландскій корабль, отдѣлившійся отъ своего флота, былъ зажженъ и сгорѣлъ, — безъ сомнѣнія корабль, на которомъ находился графъ де Гишъ.

(*) Планъ I, Іюня 11-го, 1666 года; фиг. 1. V — авангардъ; C — центръ; R — арьергардъ: Въ этой части сраженія порядокъ голландцевъ былъ обратный, такъ что часть, бывшая въ немъ авангардомъ, собственно назначалась въ арьергардъ. Большое число кораблей, участвовавшихъ въ морскихъ сраженіяхъ этихъ англо-голландскихъ войнъ, дѣлаютъ невозможнымъ изображеніе на планѣ каждаго корабля отдѣльно, при сохраненіи въ тоже время надлежащей ясности. Поэтому на нашихъ планахъ каждая фигура корабля представляетъ болѣе или менѣе многочисленную группу.

Четырехдневное сраженіе 1666 года.

Тип. Эд. Гоппе.

Приблизившись къ Дюнкирхену, суда англійскаго флота повернули на другой галсъ, вѣроятно всѣ вдругъ, потому что, при приведеніи къ весту, бывшіе сначала въ авангардѣ суда его свалились съ голландскимъ центромъ, которымъ командовалъ самъ де Рюйтеръ (фиг. 2, C″), и были сильно повреждены при этомъ. Это обстоятельство естественнѣе могло бы случиться съ арьергардомъ, а потому оно показываетъ, что одновременность маневра судовъ измѣнила порядокъ ихъ. Сражавшіеся корабли естественно увалились подъ вѣтеръ, что дало де Рюйтеру возможность соединиться съ Трампомъ. Два англійскіе флагманскіе корабля были выведены изъ строя и отрѣзаны; одинъ изъ нихъ, *Swiftsure*, спустилъ флагъ послѣ того, какъ былъ убитъ адмиралъ — молодой человѣкъ только двадцати семи лѣтъ. «Заслуживаетъ высокаго удивленія», говоритъ современный писатель, «рѣшимость вице-адмирала Беркелея (Berkeley), который, — несмотря на то, что былъ отрѣзанъ отъ линіи и окруженъ врагами, что большое число его людей были убиты, что его корабль былъ лишенъ возможности управляться и былъ абордированъ со всѣхъ сторонъ, — все-таки продолжалъ сражаться почти одинъ, убилъ нѣсколькихъ человѣкъ собственными руками и не сдавался ни на какія условія, пока, наконецъ, будучи пораженъ въ горло мушкетной пулей, онъ не удалился въ каюту капитана, гдѣ былъ найденъ мертвымъ, распростертымъ на столѣ и почти залитымъ собственною своею кровью». Совершенно столь же доблестно, но болѣе счастливо по своему исходу, было поведеніе другаго англійскаго адмирала, отрѣзаннаго такимъ же образомъ; и подробности его борьбы, хотя и не поучительныя въ какомъ либо другомъ отношеніи, заслуживаютъ описанія ихъ здѣсь словами очевидца, какъ дающія превосходную картину жаркихъ схватокъ тѣхъ дней и оживляющія нѣсколько сухія детали.

„Будучи весьма скоро лишенъ возможности управляться, онъ былъ настигнутъ однимъ изъ непріятельскихъ брандеровъ, сцѣпившимся съ нимъ съ праваго борта; однако онъ былъ спасенъ почти невѣроятными усиліями лейтенанта, который, отцѣпивъ крючья (grappling-irons) брандера посреди огня, спрыгнулъ назадъ на палубу корабля невредимымъ. Голландцы, настаивая на уничтоженіи этого несчастнаго корабля, послали второй брандеръ, который сцѣпился съ нимъ съ лѣваго борта и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ первый, ибо паруса мгновенно загорѣлись и экипажъ

былъ объятъ такой паникой, что почти пятьдесятъ человѣкъ его бросились за бортъ. Адмиралъ сэръ Джонъ Гарманъ (John Harman), видя такое смятеніе, вбѣжалъ со шпагой на голо въ толпу оставшихся и угрожалъ немедленной смертью первому, кто попытается покинуть корабль или кто не употребитъ всѣхъ усилій для потушенія огня. Экипажъ возвратился тогда къ своимъ обязанностямъ и потушилъ огонь, но все-таки такелажъ успѣлъ обгорѣть настолько, что одна изъ марса-рей упала и сломала адмиралу ногу. Посреди скопленія этихъ несчастій третій брандеръ приготовился сцѣпиться съ кораблемъ, но былъ потопленъ снарядами орудій прежде, чѣмъ успѣлъ достигнуть какого нибудь результата. Голландскій вице-адмиралъ Эвертценъ (Evertzen) подошелъ къ нему и предложилъ сдаться; но сэръ Джонъ отвѣчалъ: „нѣтъ нѣтъ, до этого еще не дошло", и далъ по противнику залпъ, которымъ, между прочимъ, былъ убитъ командиръ голландскаго судна; послѣ этого другіе противники удалились" (*).

Не удивительно, поэтому, что въ описаніи, которому мы слѣдовали, говорится о потерѣ англичанами двухъ флагманскихъ кораблей, изъ коихъ одинъ былъ уничтоженъ брандеромъ. «Англійскій главнокомандующій все еще лежалъ на лѣвомъ галсѣ и», говоритъ авторъ, «когда ночь наступила, мы могли видѣть его гордо проводящимъ свою линію мимо эскадръ Сѣверо-Голландской и Зеландской (оказавшихся въ арьергардѣ, но бывшихъ первоначально въ авангардѣ), которыя отъ полдня до этихъ поръ не могли вылавировать къ непріятелю (фиг. 2, R′) со своего подвѣтреннаго положенія». Заслуга атаки Монка, какъ примѣръ высшей тактики, очевидна и носитъ сильное сходство съ атакой Нельсона въ Абукирскомъ сраженіи. Быстро сообразивъ слабое мѣсто голландскаго строя, онъ атаковалъ силы, значительно превосходившія его эскадру, такимъ образомъ, что только одна часть ихъ могла принять участіе въ сраженіи; и хотя англичане, правда, понесли болѣе тяжелыя потери, но они сохранили блестящій престижъ и должны были произвести угнетающее впечатлѣніе на голландцевъ. Очевидецъ говоритъ далѣе: «Дѣло продолжалось до 10 часовъ вечера; друзья и недруги такъ перемѣшались въ общей свалкѣ, что каждый корабль могъ пострадать одинаково, какъ отъ своихъ, такъ и отъ чужихъ. Легко замѣтить, что нашъ успѣхъ дня и неудачи англичанъ произошли отъ того, что корабли послѣднихъ были слишкомъ разсѣяны, т. е. держались въ слишкомъ растянутомъ

(*) Campbell: Lives of the Admirals.

строѣ; не будь этого, мы не могли бы отрѣзать часть его, какъ сдѣлали это. Ошибка Монка состояла именно въ томъ, что онъ не держалъ своихъ кораблей болѣе соединенно». Самый фактъ указанъ правильно, но съ критикой его едва ли можно согласиться; разрывъ линіи въ такой длинной колоннѣ парусныхъ судовъ былъ почти неизбѣженъ и представлялъ одну изъ случайностей, возможность которыхъ Монкъ предвидѣлъ, когда предпринялъ атаку.

Англійскій флотъ удалился на лѣвомъ галсѣ на W или WNW, а на слѣдующій день возвратился для возобновленія боя. Голландцы были сначала на вѣтрѣ у нихъ, также на лѣвомъ галсѣ и въ своемъ нормальномъ строѣ, — правый флангъ впереди; но непріятельскія суда, обладая лучшей способностью къ лавировкѣ и имѣя болѣе дисциплинированныя команды, скоро выбрались на вѣтеръ и заняли болѣе выгодное положеніе. Со стороны англичанъ въ этотъ день участвовали въ сраженіи сорокъ четыре корабля, со стороны же голландцевъ — около восьмидесяти; многіе изъ англійскихъ кораблей, какъ было выше сказано, имѣли бо́льшіе размѣры, чѣмъ голландскіе. Враждебные флоты проходили теперь одинъ мимо другаго контръ-галсами; англійскій флотъ — на вѣтрѣ у голландскаго (*); но Тромпъ въ арьергардѣ, видя, что боевой строй голландцевъ невыгоденъ, такъ какъ суда ихъ, построенныя въ двѣ или въ три линіи, маскировали огонь другъ друга, повернулъ и затѣмъ вышелъ на прежнемъ галсѣ на вѣтеръ непріятельскаго авангарда (R′); онъ могъ это сдѣлать вслѣдствіе длины линіи и потому, что англичане, идя параллельно голландской колоннѣ, не держались круто къ вѣтру. «Въ этотъ самый моментъ два флагмана голландскаго авангарда спустились со своими эскадрами, подставивъ противнику кормы (V′). Рюйтеръ, сильно удивленный, пытался остановить ихъ, но тщетно, и поэтому счелъ себя вынужденнымъ подражать ихъ маневру, чтобы не отдѣлять отъ остальнаго флота своей эскадры; ему удалось сдѣлать это въ порядкѣ, держа соединенно свои корабли, къ которымъ присоединился одинъ изъ авангардныхъ кораблей, недовольный поведеніемъ своего

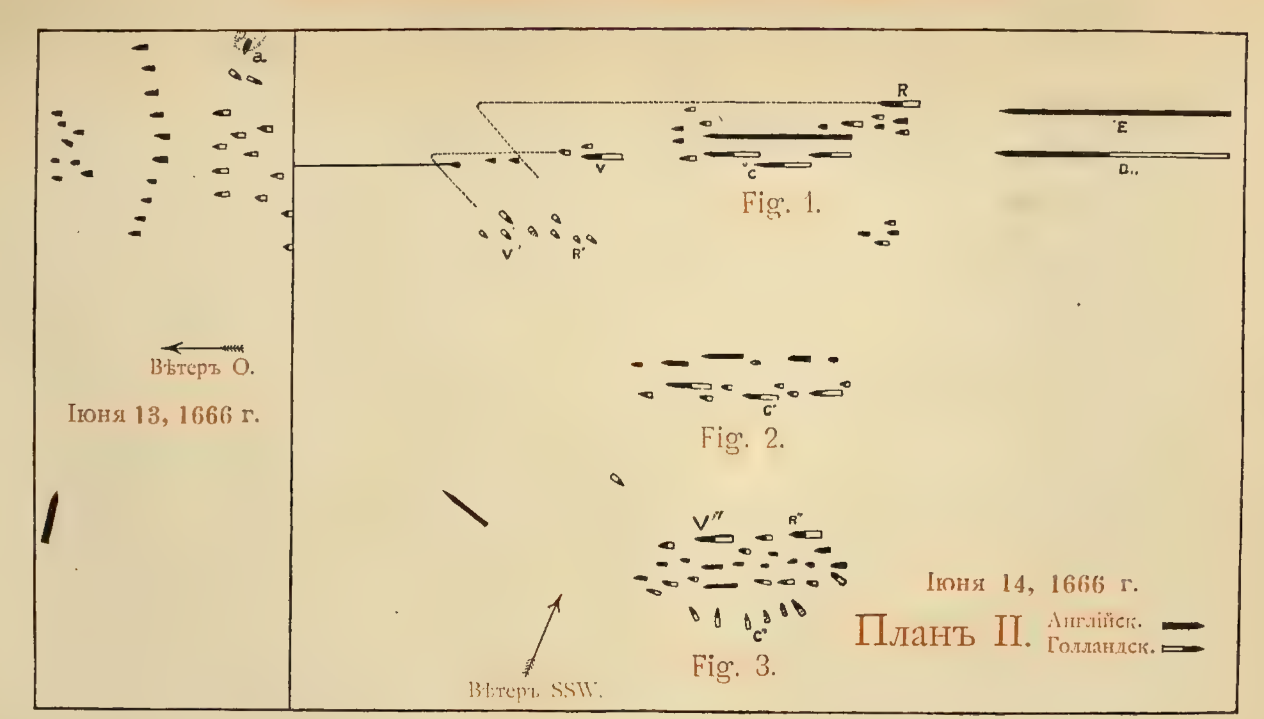
(*) Планъ I, Іюнь 12, фиг. 1, V, C, R.

непосредственнаго начальника. Тромпъ оказался теперь въ большой опасности, отдѣленный (сначала своимъ собственнымъ маневромъ, а потомъ и маневромъ авангарда) отъ своего флота англійскимъ, и былъ бы разбитъ, если бы не Рюйтеръ, который, видя крайность положенія его, поднялся къ нему»; такимъ образомъ авангардъ и центръ расположились сзади арьергарда, на галсѣ, противоположномъ тому, на которомъ вступили въ бой. Это помѣшало англичанамъ сосредоточить атаку на эскадрѣ Тромпа изъ опасенія, что тогда Рюйтеръ выйдетъ на вѣтеръ, чего они не могли допустить вслѣдствіе значительно меньшей численности ихъ. Какъ дѣйствія Тромпа, такъ и поведеніе младшихъ флагмановъ въ авангардѣ, хотя и показывая весьма различныя степени воинственнаго пыла, рѣзко обнаруживаютъ тотъ недостатокъ дисциплины и воинскаго духа среди голландскихъ офицеровъ, о которомъ уже говорилось выше... Никакихъ признаковъ подобнаго недостатка не замѣчается въ это время въ англійскомъ флотѣ.

Какъ живо чувствовалъ Рюйтеръ неудовлетворительность поведенія своихъ подчиненныхъ, видно изъ того, что когда «Тромпъ немедленно послѣ этого частнаго сраженія явился на флагманскій корабль, матросы шумно привѣтствовали его; но Рюйтеръ сказалъ: «Теперь не время для радости, скорѣе слѣдуетъ плакать». Дѣйствительно наше положеніе было дурно; каждая эскадра дѣйствовала различно, не въ линіи, и въ то же время всѣ корабли собрались въ кучу, подобно стаду барановъ, такъ тѣсно, что англичане могли окружить ихъ своими сорока кораблями (іюня 12-го, фиг. 2). Англійскій флотъ былъ въ удивительномъ порядкѣ, но по какой то причинѣ не воспользовался преимуществомъ своего положенія въ надлежащей мѣрѣ». Причина, безъ сомнѣнія, была та же, какая часто мѣшала дѣйствіямъ парусныхъ судамъ при всѣхъ выгодныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, это — неспособность къ свободному маневрированію при обитомъ такелажѣ и рангоутѣ, присоединившаяся въ данномъ случаѣ еще къ малочисленности англійскаго флота, при которой рискъ на рѣшительный бой былъ бы неумѣстенъ.

Рюйтеръ былъ такимъ образомъ въ состояніи снова по-

Четырехдневное сраженіе 1666 года.

Тип. Эд. Гоппе

строить свой флотъ въ прежній строй, хотя и при сильныхъ препятствіяхъ со стороны противника, и затѣмъ оба флота опять прошли другъ мимо друга контръ-галсами, — голландскій подъ вѣтромъ, при чемъ корабль Рюйтера былъ послѣднимъ въ его колоннѣ. Проходя мимо англійскаго арьергарда, онъ потерялъ гротъ-стеньгу и грота-рей. Послѣ другой частной стычки, англичане отступили на сѣверо-западъ, по направленію къ своимъ берегамъ; голландцы послѣдовали за ними; вѣтеръ все еще дулъ отъ юго-запада, но былъ слабый. Англійскій флотъ теперь уже открыто отступалъ, и преслѣдованіе его противникомъ продолжалось всю ночь; флагманскій корабль Рюйтера при этомъ такъ отсталъ вслѣдствіе понесенныхъ въ бою аварій, что совсѣмъ скрылся изъ виду у арьергарда.

На третій день Монкъ продолжалъ отступать къ западу. Согласно англійскимъ описаніямъ, онъ сжегъ три выведенные изъ строя корабля, послалъ впередъ наиболѣе подбитые, и самъ составилъ арьергардъ съ тѣми, которые были способны къ бою и число которыхъ опредѣляется, опять англійскими источниками, различно, — отъ шестнадцати до двадцати восьми (Планъ II, іюня 13-го). Одинъ изъ самыхъ большихъ и самыхъ лучшихъ кораблей англійскаго флота, *Royal Prince*, вооруженный девяноста орудіями, приткнулся къ Галлоперской мели и былъ взятъ въ плѣнъ Тромпомъ (Планъ II, а); но въ общемъ отступленіе Монка совершалось въ такомъ порядкѣ, что иныхъ аварій онъ не потерпѣлъ. Это показываетъ, что голландцы пострадали въ сраженіи весьма серьезно. Къ вечеру показалась эскадра Руперта, и всѣ корабли англійскаго флота, за исключеніемъ получившихъ поврежденія въ бою, наконецъ, соединились вмѣстѣ.

На слѣдующій день вѣтеръ опять сильно засвѣжѣлъ отъ юго-запада, почему голландцы оказались на вѣтрѣ. Англичане, вмѣсто того, чтобы попытаться лечь на другой галсъ, обошли противника съ кормы, полагаясь на скорость хода и хорошую управляемость своихъ кораблей. Послѣ этого сраженіе началось по всей линіи, на лѣвомъ галсѣ, при чемъ англійскій флотъ былъ подъ вѣтромъ (*). Голландскіе брандеры

(*) Планъ II, іюня 14-го, фиг. 1, E, D.

направлялись дурно и дѣйствовали безрезультатно, тогда какъ англійскіе сожгли два непріятельскія судна. Оба флота продолжали идти такимъ образомъ, обмѣниваясь залпами, въ теченіе двухъ часовъ, по истеченіи которыхъ англійскій флотъ прошелъ черезъ голландскую линію (*). Всякая правильность строя была послѣ того нарушена. «Въ этотъ моментъ», говоритъ очевидецъ, «представлялось необыкновенное зрѣлище: всѣ суда разсѣялись, какъ англійскія, такъ и наши. Но къ нашему счастью бо́льшая часть нашихъ кораблей, окружавшихъ адмирала, осталась на вѣтрѣ, а бо́льшая часть англійскихъ судовъ, также съ ихъ адмираломъ, оказалась подъ вѣтромъ (фиг. 1 и 2, C и C′). Это обстоятельство и было причиной нашей побѣды и ихъ пораженія. Кругомъ нашего адмирала собралось тридцать пять или сорокъ кораблей его и другихъ эскадръ, такъ какъ послѣднія совсѣмъ потеряли строй и разсѣялись. Остальныя голландскія суда отдѣлились отъ него. Командовавшій авангардомъ, ванъ Нэссъ (van Ness), пошелъ съ четырнадцатью кораблями въ погоню за тремя или четырьмя англійскими, которые, форсируя парусами, выбрались на вѣтеръ голландскаго авангарда (фиг. 1, V). ванъ Тромпъ, съ арьергардной эскадрой, увалившейся подъ вѣтеръ относительно де Рюйтера и главной части англійскаго флота (фиг. 1, R), долженъ былъ идти за ванъ Нэссомъ съ тѣмъ, чтобы потомъ присоединиться къ адмиралу, обойдя англійскій центръ». Де Рюйтеръ и главная часть англійскаго флота завязали жаркій бой, все время вылавировывая на вѣтеръ. Тромпъ, неся возможно большіе паруса, догналъ ванъ Нэсса и возвратился, уведя съ собою авангардъ (V′, R′); но, вслѣдствіе постоянной лавировки къ вѣтру главнаго флота противника, онъ оказался подъ вѣтромъ у него и не могъ присоединиться къ Рюйтеру, бывшему на вѣтрѣ (фиг. 3, V″, R″). Рюйтеръ, видя это, сдѣлалъ сигналъ собравшимся кругомъ него судамъ, и главная часть флота спустилась полнымъ вѣтромъ (фиг. 3, C″),

(*) Фиг. 1, V, C, R. Этотъ результатъ былъ, вѣроятно, слѣдствіемъ бо́льшей способности англійскихъ судовъ, сравнительно съ голландскими, держаться круто къ вѣтру. Было бы, можетъ быть, точнѣе сказать, что голландцы не могли хорошо держаться въ крутой бейдевиндъ и потому продрейфовали черезъ англійскую линію.

который былъ тогда очень крѣпокъ. «Такимъ образомъ почти мгновенно мы очутились посреди англичанъ, которые, атакованные съ обоихъ бортовъ, пришли въ смятеніе и не могли сохранить своего строя, нарушеннаго, какъ ходомъ сраженія, такъ и сильнымъ вѣтромъ. Бой былъ тогда въ самомъ разгарѣ (фиг. 3). Мы увидѣли, какъ командующій англійскій адмиралъ былъ отрѣзанъ отъ своихъ силъ, сопровождаемый однимъ только брандеромъ. Съ нимъ онъ выбрался на вѣтеръ и, пройдя черезъ Сѣверную Голландскую эскадру, опять занялъ мѣсто во главѣ пятнадцати или двадцати присоединившихся къ нему кораблей».

Такъ окончилось это большое морское сраженіе, замѣчательнѣйшее, въ нѣкоторыхъ чертахъ своихъ, изъ всѣхъ, когда-либо происходившихъ въ океанѣ. При взаимной противорѣчивости отчетовъ о немъ невозможно сдѣлать болѣе, какъ только оцѣнить результаты. Совершенно безпристрастное описаніе говоритъ: «Голландцы потеряли въ этихъ сраженіяхъ трехъ вице-адмираловъ, двѣ тысячи человѣкъ и четыре корабля. У англичанъ было убито пять тысячъ человѣкъ и взято въ плѣнъ три тысячи; кромѣ того, они потеряли семнадцать кораблей, изъ которыхъ девять остались въ рукахъ побѣдителей (*). Нѣтъ сомнѣнія, что пораженіе англичанъ было ужасно и что это случилось всецѣло вслѣдствіе той ошибки, что флотъ ихъ былъ ослабленъ отдѣленіемъ отъ него большаго отряда, посланнаго въ другомъ направленіи. Подобныя отдѣленія иногда—неизбѣжное зло; но въ данномъ случаѣ никакой необходимостью оно не вызывалось. Имѣя въ виду приближеніе французскаго флота, англичанамъ надлежало бы атаковать голландцевъ всѣми своими силами прежде, чѣмъ ихъ союзники могли бы соединиться съ ними. Урокъ этотъ приложимъ къ условіямъ нашихъ дней, какъ и къ условіямъ всякой эпохи. Второй урокъ, также цѣнный и для нашего времени, указываетъ на необходимость цѣлесообразныхъ военныхъ учрежденій для насажденія и возрощенія въ военной корпораціи надлежащаго воинскаго духа, гордости и дисциплины. Какъ ни велика была первоначальная ошибка

(*) Lefèvre Pontalis: Jean de Witt.

англичанъ и какъ ни серьезно было ихъ пораженіе, но все-таки нѣтъ сомнѣнія, что послѣдствія ихъ были бы много хуже, если бы не тотъ высокій духъ и искусство, съ какими подчиненные Монка приводили въ исполненіе его планы, и если бы у Рюйтера не было недостатка въ подобной поддержкѣ со стороны его подчиненныхъ. Въ описаніяхъ движеній англійскаго флота мы не читаемъ ничего похожаго на обращеніе тыломъ къ противнику двухъ младшихъ флагмановъ въ критическій моментъ или на то, что третій флагманъ, съ дурно направленнымъ пыломъ, занялъ неправильное положеніе относительно непріятеля. Выучка экипажа англійскихъ судовъ, стройность и точность ихъ маневрированія даже въ тѣхъ обстоятельствахъ были замѣчательны. Французъ де Гишъ, очевидецъ этого четырехдневнаго сраженія, писалъ: —

„Ничто не сравнится съ красивымъ строемъ англійскаго флота въ морѣ. Никогда линія не можетъ быть начерчена прямѣе, чѣмъ та, которая была образована ихъ кораблями; такимъ образомъ они сосредоточиваютъ огонь всѣхъ своихъ орудій на проходящемъ близъ нихъ противникѣ... Англійскіе корабли сражаются подобно линіи кавалеріи, маневрирующей стройно и по правиламъ и только для отбитія противника, тогда какъ голландскій флотъ движется подобно кавалеріи, которой эскадроны выходятъ изъ рядовъ и поодиночкѣ вступаютъ въ бой“ (*).

Голландское правительство, ненавидѣвшее расходы, не военное по своему духу и безпечное вслѣдствіе длиннаго ряда легкихъ побѣдъ надъ деморализованнымъ флотомъ Испаніи, допустило свой флотъ до обращенія въ собраніе вооруженныхъ купеческихъ судовъ. При Кромвелѣ ему пришлось особенно тяжело. Правда, наученныя суровыми уроками этой войны, Соединенныя Провинціи, подъ руководствомъ способнаго правителя, сдѣлали много для улучшенія своего положенія, но флотъ свой они еще не успѣли поставить на надлежащую высоту.

„Въ 1666-мъ году, какъ и въ 1653-мъ“, говоритъ французскій морской писатель, „фортуна войны, кажется, склонилась на сторону англичанъ. Изъ трехъ большихъ сраженій два увѣнчались для нихъ рѣшительными побѣдами, а третье, хотя и имѣло обратный результатъ, но тѣмъ не менѣе только увеличило славу ихъ моряковъ. Этимъ они обязаны разумной смѣлости Монка и Руперта, талантамъ нѣкоторыхъ адмираловъ и капитановъ и искусству своихъ матросовъ и солдатъ. Мудрыя и энергичныя усилія, сдѣланныя правительствомъ

(*) Mémoires, pp. 249, 251, 266, 267.

Соединенныхъ Провинцій, и неоспоримое превосходство Рюйтера, какъ въ опытности такъ и въ геніальности, надъ всѣми его противниками не могли уравновѣсить слабость или неспособность большинства голландскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, явно уступавшихъ экипажу англійскаго флота" (*).

Англія, какъ мы замѣтили выше, все еще чувствовала отпечатокъ желѣзной руки Кромвеля на своихъ военныхъ учрежденіяхъ; но отпечатокъ этотъ уже стушевывался. Еще до объявленія слѣдующей Голландской войны Монкъ умеръ и былъ неудачно замѣщенъ кавалеромъ Рупертомъ. Придворная расточительность, подобно скупости бургомистровъ въ Голландіи, вредно отразилась на надлежащемъ снабженіи флота, а придворный развратъ подрывалъ дисциплину такъ же неизбѣжно, какъ и коммерческій индифферентизмъ. Вліяніе всего этого съ очевидностью сказалось шесть лѣтъ спустя, когда флоты этихъ двухъ странъ встрѣтились снова между собою.

Одна хорошо извѣстная черта всѣхъ военныхъ флотовъ того времени заслуживаетъ здѣсь, между прочимъ, нашего вниманія, такъ какъ ея настоящій смыслъ и значеніе не всегда, быть можетъ, понимаются надлежащимъ образомъ. Командованіе флотомъ и отдѣльными судами часто ввѣрялось «солдатамъ», т. е. офицерамъ арміи, непривычнымъ къ морю и не знающимъ искусства управленія кораблемъ, которое возлагалось въ такомъ случаѣ на офицера другаго класса. Всматриваясь въ дѣло внимательно, легко видѣть, что это обстоятельство вело къ разладу между управленіемъ боемъ и управленіемъ движущей силой корабля. Въ этомъ сущность дѣла, которая не измѣняется съ измѣненіемъ рода двигательной силы. Неудобство и несостоятельность такой системы были такъ же очевидны тогда, какъ и въ настоящее время; логика фактовъ постепенно привела къ соединенію этихъ двухъ функцій въ рукахъ одного корпуса офицеровъ, и въ результатѣ получился современный *флотскій офицеръ*, какъ этотъ терминъ понимается вообще (**).

(*) Chabaud-Arnault: Revue Marit. et Colon. 1885.

(**) Истинное значеніе этой перемѣны часто понималось не надлежащимъ образомъ, откуда и явились неправильные выводы въ предсказаніяхъ будущаго положенія дѣлъ. Это не была замѣна стараго новымъ, но просто въ военной организаціи военный элементъ получилъ необходимое и неизбѣжное преобладаніе надъ всѣми другими функціями.

Къ несчастію въ этомъ процессѣ сліянія допущено было одержать верхъ менѣе важной функціи; флотскій офицеръ сталъ болѣе гордиться своею ловкостью въ управленіи двигательной силой судна, чѣмъ своимъ умѣньемъ развить боевую дѣйствительность его. Дурныя послѣдствія этого недостатка интереса къ военной наукѣ дѣлались особенно очевидны, когда офицеръ достигалъ чина, при которомъ ему ввѣрялось командованіе флотомъ, такъ какъ здѣсь именно знаніе военнаго дѣла наиболѣе цѣнно и предварительная подготовка въ немъ необходима; но и при командованіи отдѣльнымъ кораблемъ недостатокъ послѣдней давалъ себя знать. Отъ упомянутаго ложнаго направленія произошло то, особенно въ англійскомъ флотѣ, что гордость моряка заступила мѣсто гордости воина по профессіи. Англійскій морской офицеръ болѣе заботился о томъ, что уподобляло его коммерческому капитану, шкиперу, чѣмъ о томъ, что дѣлало бы его военнымъ въ профессіональномъ смыслѣ. Во французскомъ флотѣ результатъ этотъ не былъ столь общимъ, благодаря, вѣроятно, болѣе воинственному духу правительства, и особенно дворянства, которому офицерское званіе было исключительно предоставлено. Невозможно было, чтобы люди, которыхъ все сотоварищество было военное, всѣ друзья которыхъ смотрѣли на военную службу, какъ на единственную, достойную дворянина карьеру, — могли думать больше о парусахъ и снастяхъ, чѣмъ о пушкахъ или о флотѣ. Англійскій корпусъ офицеровъ былъ другаго происхожденія. Слѣдующее хорошо извѣстное выраженіе Маколея имѣетъ еще бо̀льшее значеніе, чѣмъ думалъ самъ авторъ его: «Были моряки и были джентльмены во флотѣ Карла II; но моряки не были джентльменами, а джентльмены не были моряками». Дѣло заключалось не въ отсутствіи или присутствіи джентльменовъ, какъ таковыхъ, а въ томъ, что по условіямъ того времени джентльмены составляли по преимуществу военный элементъ тогдашняго общества; и что моряки, послѣ голландскихъ войнъ, постепенно вытѣсняли изъ службы джентльменовъ, а съ ними и военный тонъ и духъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понятіе отличается отъ простаго мужества. «Даже люди такого хорошаго происхожденія, какъ Гербертъ (Herbert) и Руссель (Russel), адмиралы Вильгельма III», го-

ворить біографъ лорда Гауке (Hawke), «которые были настоящими моряками, могли удержать за собой такую репутацію, только принимая грубыя манеры морскихъ волковъ (hardy tarpaulin)». Тѣ самыя національныя черты, которыя дѣлали французовъ худшими моряками сравнительно съ англичанами, дѣлали ихъ лучшими воинами — не по мужеству, но по искусству. До настоящихъ дней это направленіе сохраняется; во флотахъ латинскихъ націй управленіе двигательной силой корабля не имѣетъ такого значенія, какъ военныя обязанности. Прилежаніе и систематичность, свойственныя національному характеру, заставляютъ серьезнаго французскаго офицера развивать и разбирать тактическіе вопросы логическимъ путемъ и готовить себя къ управленію флотами не только въ качествѣ моряка, но въ качествѣ воина. Результатъ показалъ, въ Американскую войну за независимость, что, несмотря на печальную безпечность правительства, люди, которые прежде всего были военными, хотя, какъ моряки, и уступали своимъ противникамъ, могли встрѣчаться съ послѣдними болѣе, чѣмъ на равныхъ условіяхъ въ отношеніи тактическаго искусства, а въ управленіи флотами превосходили ихъ. Мы уже указывали выше на ложную теорію, въ силу которой французскій флотъ избиралъ предметомъ своихъ дѣйствій не уничтоженіе своего врага, а какую-то другую конечную цѣль. Такимъ образомъ французы свое тактическое искусство примѣняли къ ошибочнымъ стратегическимъ цѣлямъ; но это не уничтожаетъ того факта, что въ этомъ искусствѣ они, какъ люди лучшаго военнаго образованія, были выше англичанъ, —болѣе моряковъ, чѣмъ военныхъ. Мы не знаемъ съ достовѣрностью, изъ какого класса происходили главнымъ образомъ голландскіе офицеры; такъ, съ одной стороны англійскій морской историкъ говоритъ въ 1666 году, что большая часть капитановъ голландскаго флота были сыновьями богатыхъ бургомистровъ и не имѣли никакого опыта, но получили это званіе ради политическихъ причинъ, по распоряженію президента генеральныхъ штатовъ (Grand Pensionary); съ другой же стороны Дюкенъ (Duqesne), способнѣйшій французскій адмиралъ того времени, восхваляетъ въ 1676 году точность и искусство тѣхъ же голландскихъ капитановъ, въ выраженіяхъ,

весьма нелестныхъ для своихъ офицеровъ. Судя по многимъ даннымъ, весьма вѣроятно, что голландскіе офицеры были, вообще говоря, коммерческими моряками, мало знакомыми съ духомъ военной службы. Но, благодаря строгости, съ какою государство и народный гнѣвъ наказывали виновныхъ, эти офицеры, далеко не лишенные блестящей личной храбрости, скоро усвоивали требованія долга и военной дисциплины. Вотъ почему въ 1672 году они вели себя иначе, чѣмъ въ 1666 году.

Прежде, чѣмъ оставить Четырехдневное сраженіе, умѣстно привести отзывъ о немъ еще другаго писателя: —

„Таково было кровавое сраженіе Четырехъ Дней, или Па де Калэ, достопамятнѣйшее изъ морскихъ сраженій новаго времени, — и не по результатамъ, а по развитію его различныхъ фазъ, по неистовому увлеченію сражавшихся, по смѣлости и искусству вождей флотовъ и по новому характеру, который оно дало морской войнѣ. Болѣе, чѣмъ всякое другое, это сраженіе ясно отмѣчаетъ переходъ отъ прежнихъ методовъ къ тактикѣ конца семнадцатаго столѣтія. Въ первый разъ мы можемъ здѣсь прослѣдить, какъ будто по начертанному плану, главныя движенія сражавшихся флотовъ. Кажется совершенно яснымъ, что и голландскому и британскому флотамъ дана была тактическая книга и сводъ сигналовъ, или, по крайней мѣрѣ, письменныя инструкціи, обширныя и точныя, имѣвшія значеніе такого кодекса. Чувствуется, что каждый адмиралъ держитъ свою эскадру въ рукахъ и что даже главнокомандующій располагаетъ по своему желанію во время сраженія различными подраздѣленіями своего флота. Сравните это сраженіе съ тѣмъ, которое было въ 1652 году, и вамъ бросится въ глаза одинъ ясный фактъ — это, что въ періодъ времени между ними морская тактика претерпѣла революцію.

Таковы перемѣны, отличающія войну 1665-го года отъ войны 1652-го года. Какъ и въ предшествовавшую войну, адмиралъ все еще думаетъ о навѣтренномъ положеніи, какъ о представляющемъ выгоды для его флота, но забота объ этомъ не является уже болѣе, съ тактической точки зрѣнія, главною, мы можемъ почти сказать, единственною, какъ это было прежде. Теперь онъ желаетъ прежде всего держать свой флотъ въ хорошемъ порядкѣ и соединенно такъ долго, какъ возможно, — такъ, чтобы удержать способность *комбинированія* въ теченіе сраженія движеній различныхъ эскадръ. Посмотрите на де Рюйтера въ концѣ Четырехдневнаго сраженія: съ большимъ трудомъ онъ удерживается на вѣтрѣ англійскаго флота, но тѣмъ не менѣе не колеблется пожертвовать этимъ преимуществомъ, чтобы соединить двѣ части флота, раздѣленныя непріятелемъ. Если въ позднѣйшемъ сраженіи подъ Нордъ-Форландомъ имѣютъ мѣсто большіе промежутки между голландскими эскадрами и арьергардъ постоянно удаляется отъ центра, то Рюйтеръ сѣтуетъ на такую ошибку, какъ на главную причину своего пораженія; онъ сожалѣетъ о ней въ офиціальномъ рапортѣ. Онъ даже обвиняетъ Тромпа (бывшаго его личнымъ врагомъ) въ измѣнѣ и трусости, — обвиненіе несправедливое, но тѣмъ не менѣе показывающее, какая огромная важность съ

тѣхъ поръ приписывается строгому и правильному сохраненію соединенности дѣйствій въ теченіе сраженія" (*).

Эта оцѣнка разсматриваемаго сраженія справедлива, поскольку оно указываетъ на господствовавшіе тогда взгляды и стремленія; но результаты его не были такъ полны, какъ можно было бы заключить изъ нея.

Англійскій флотъ, несмотря на тяжелыя потери, понесенныя имъ въ Четырехдневномъ сраженіи, былъ уже снова въ морѣ менѣе, чѣмъ черезъ два мѣсяца, къ крайнему удивленію голландцевъ; и 4-го Августа подъ Нордъ-Форландомъ состоялась другая жестокая битва, окончившаяся полнымъ пораженіемъ голландскаго флота, отступившаго къ своимъ берегамъ. Англичане послѣдовали за нимъ и вошли въ одну изъ голландскихъ гаваней, гдѣ уничтожили большое число коммерческихъ судовъ, а также разрушили городъ, имѣвшій довольно большое значеніе. Къ концу 1666-го года обѣ стороны утомились войною, которая причиняла много вреда ихъ торговлѣ и ослабляла ихъ флоты, — къ выгодѣ возраставшей тогда морской силы Франціи. Начались переговоры о мирѣ; но Карлъ II, дурно настроенный противъ Соединенныхъ Провинцій, увѣренный, что возрастающія претензіи Людовика XIV на переходъ подъ его скипетръ Испанскихъ Нидерландовъ нарушатъ существовавшій тогда союзъ между Франціей и Голландіей, и полагаясь также на серьезность пораженій голландцевъ на морѣ, былъ слишкомъ притязателенъ и надмененъ въ своихъ требованіяхъ. Но для того, чтобы поддержать и оправдать свой образъ дѣйствій, онъ долженъ былъ позаботиться о своемъ флотѣ, престижъ котораго такъ поднялся его побѣдами. Вмѣсто того бѣдность, — результатъ его нецѣлесообразныхъ тратъ и дурной внутренней политики, — привела его къ допущенію упадка этого флота. Корабли въ большомъ числѣ были разружены; и онъ съ готовностью принялъ мнѣніе, соотвѣтствовавшее его денежнымъ затрудненіямъ. Такъ какъ оно имѣло сторонниковъ во всѣ періоды морской исторіи, то мы при-

(*) Chabaud-Arnault: Revue Marit. et Colon. 1885.

ведемъ его здѣсь для того, чтобы осудить его. Вотъ это мнѣніе, горячо оспаривавшееся Монкомъ.

„Такъ какъ Голландія держится, главнымъ образомъ, торговлей, жизнь ея флота опирается на ея торговлю и такъ какъ, что показалъ опытъ, ничто не вредитъ столько государству, какъ разстройство его торговли, то силы Его Величества и надлежало бы направить къ этой цѣли, достиженіе которой приведетъ къ покорности нашихъ враговъ и при томъ съ меньшимъ истощеніемъ средствъ Англіи, чѣмъ вызываемое снаряженіемъ и содержаніемъ каждое лѣто въ морѣ могущественнаго флота, какъ это было до сихъ поръ... По этимъ мотивамъ король принялъ роковое рѣшеніе — разружить свои большіе корабли и оставить въ морѣ только нѣсколько фрегатовъ для крейсерства“ (*).

Слѣдствіемъ такой экономической теоріи веденія войны былъ тотъ фактъ, что президентъ генеральныхъ штатовъ, де Виттъ (De Witt), который заставилъ своихъ моряковъ за годъ передъ тѣмъ сдѣлать промѣръ Темзы, послалъ въ эту рѣку, подъ начальствомъ де Рюйтера, флотъ изъ шестидесяти или семидесяти линейныхъ кораблей. Послѣдній поднялся 14-го іюня 1667 года до Гравезенда, уничтожилъ корабли въ Чатамѣ и на Медвеѣ (Medway) и овладѣлъ Ширнессомъ (Sheerness). Огни зажженныхъ голландцами пожаровъ были видны изъ Лондона, и голландскій флотъ оставался въ обладаніи устьями рѣки до конца мѣсяца. Подъ давленіемъ этого бѣдствія, послѣдовавшаго за большой чумной эпидеміей и большимъ пожаромъ Лондона, Карлъ согласился на миръ, который былъ подписанъ 31-го іюля 1667 года, въ крѣпости Бреда (Pease of Breda). Самымъ серьезнымъ результатомъ войны былъ переходъ Нью-Іорка и Нью-Джерсея въ руки Англіи, соединившей, такимъ образомъ, свои сѣверныя и южныя колоніи въ Сѣверной Америкѣ.

Прежде, чѣмъ перейти опять къ изложенію общаго хода исторіи изучаемой нами эпохи, будетъ полезно остановиться на моментъ на обсужденіи теоріи, имѣвшей такія бѣдственныя послѣдствія для Англіи въ 1667 году, а именно на томъ способѣ веденія морской войны, въ которомъ главнымъ средствомъ вредить непріятелю служатъ попытки уничтожить или по крайней мѣрѣ разстроить его торговлю. Этотъ способъ, требующій

(*) Campbell: Lives of the Admirals.

содержанія только небольшаго числа быстроходныхъ крейсеровъ и опирающійся на духъ алчности націи къ наживѣ, который позволяетъ снаряженіе приватировъ безъ прямыхъ расходовъ со стороны государства, имѣетъ особую привлекательность, всегда представляемую экономіей. Большой вредъ, наносимый богатству и благосостоянію непріятеля такимъ путемъ, также неоспоримъ; и хотя его коммерческія суда могутъ до нѣкоторой степени укрываться въ теченіе войны — обманомъ, подъ иностраннымъ флагомъ, эта guerre de course (*), какъ называютъ такую войну французы, или это уничтоженіе непріятельской торговли, какъ можемъ назвать мы, если ведется успѣшно, должно сильно безпокоить правительство непріятельской страны и тревожить ея населеніе. Такая война, однако, не можетъ вестись самостоятельно; она должна быть *поддерживаема* (supported); не имѣя опоры въ самой себѣ, она не можетъ распространяться на театръ, удаленный отъ ея базы. Такою базою должны быть или отечественые порта, или какой-либо солидный аванпостъ національной силы на берегу или на морѣ, — отдаленная колонія или сильный флотъ. При отсутствіи такой поддержки крейсеръ можетъ отваживаться только на торопливые рейсы на небольшомъ разстояніи отъ своего порта, и его удары, хотя и болѣзненные для непріятеля, не могутъ быть тогда роковыми. Не политика 1667-го года, а сильные флоты линейныхъ кораблей Кромвеля заперли въ 1652 году голландскія коммерческія суда въ ихъ портахъ и были причиною того, что трава росла на улицахъ Амстердама. Когда, наученные страданіями, вынесенными за это время, голландцы снарядили и держали въ морѣ большіе флоты въ

(*) *Guerre de course* собственно означаетъ *каперство* или *приватирство*; но въ примѣненіи къ условіямъ нашего времени мы будемъ переводить это выраженіе терминомъ *крейсерская война*, такъ какъ: 1) оно говоритъ о такомъ способѣ веденія войны, который требуетъ для своего выполненія судовъ особаго типа — *крейсеровъ* и 2) по Парижскому трактату 1856 года *каперство*, т. е. вооруженіе частными лицами судовъ, съ разрѣшенія и утвержденія правительства, для дѣйствія противъ непріятельскихъ торговыхъ судовъ, признано уничтоженнымъ («la course est et demeure abolie»).

См. *«Стратегическіе уроки морской исторіи»*. Подполковникъ Р. Зотовъ.

Н. А.

теченіе двухъ разорительныхъ войнъ, то хотя ихъ торговля и сильно страдала, они все-таки выносили бремя борьбы съ соединенными силами Англіи и Франціи. Сорокъ лѣтъ спустя, Людовикъ XIV былъ вынужденъ, вслѣдствіе истощенія средствъ государства, на политику, принятую Карломъ II по скупости. Тогда настали дни великихъ французскихъ приватировъ: Жанъ-Бара (Jean Bart), Форбэна (Forbin), Дюге-Труэна (Dugauy-Trouin), Дю Касса (Du Casse) и другихъ. Регулярные же флоты Франціи почти не показывались въ океанѣ въ теченіе большой войны за Испанское Наслѣдство (1702 — 1712). Французскій морской историкъ говоритъ: —

„Не будучи въ состояніи возобновить вооруженіе линейнаго флота, Людовикъ XIV увеличилъ число крейсеровъ въ водахъ, наиболѣе посѣщавшихся торговыми судами, особенно въ Каналѣ и въ Нѣмецкомъ морѣ (недалеко отъ своихъ портовъ, слѣдуетъ замѣтить). Здѣсь крейсера всегда имѣли возможность препятствовать движенію перевозившихъ войска транспортовъ или перехватывать морскіе караваны съ припасами всякаго рода. Въ этихъ моряхъ, въ центрѣ коммерческаго и политическаго міра, всегда есть работа для крейсеровъ. Несмотря на затрудненія, которыя они встрѣчали, вслѣдствіе отсутствія большихъ дружественныхъ флотовъ, они сослужили славную службу дѣлу двухъ народовъ (французскаго и испанскаго). Передъ лицомъ англо-голландской силы крейсера нуждались въ удачѣ, смѣлости и искусствѣ. У нашихъ моряковъ не было недостатка въ этихъ трехъ условіяхъ; но при этомъ еще какихъ начальниковъ и капитановъ они имѣли!“ (*).

Англійскій историкъ, съ другой стороны, хотя и допуская, что населеніе и торговля Англіи жестоко страдали отъ крейсеровъ, и горько сѣтуя иногда на администрацію, въ результатѣ указываетъ на все болѣе и болѣе возраставшее благосостояніе страны и особенно ея коммерческихъ областей. Предшествовавшая война, напротивъ, съ 1689 года по 1697 годъ, когда Франція послала большіе флоты въ море и оспаривала обладаніе океаномъ, сопровождалась совсѣмъ инымъ результатомъ. Тотъ же самый англійскій писатель говоритъ объ этомъ времени: —

„По отношенію къ нашей торговлѣ, мы страдали безконечно болѣе, — не только, чѣмъ французы, чего и слѣдовало ожидать вслѣдствіе бо̀льшаго числа нашихъ коммерческихъ судовъ, но чѣмъ мы сами страдали въ какой бы то ни было изъ предшествовавшихъ войнъ... Это происходило, въ зна-

---

(*) Lapeyrouse-Bonfils: Hist. de la Marine Française.

чительной мѣрѣ, отъ бдительности французовъ, которые вели войну пиратскимъ способомъ. Взявъ все вмѣстѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, что наша торговля страдала чрезвычайно; многіе изъ нашихъ купцовъ были разорены" (*).

Маколей говоритъ объ этомъ же періодѣ: «Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ 1693-го года англійская торговля со Средиземноморскими странами была прервана почти всецѣло. Не было случая, чтобы коммерческое судно, шедшее изъ Лондона или Амстердама, если его не сопровождало прикрытіе, достигало Геркулесовыхъ Столповъ, не будучи абордировано французскимъ приватиромъ; а посылать прикрытія изъ вооруженныхъ судовъ было не легко». Почему? Потому, что суда англійскаго флота были заняты наблюденіемъ за флотомъ французскимъ, и это отвлеченіе ихъ отъ крейсеровъ и приватировъ составляло поддержку, которую всякая крейсерская война должна имѣть. Французскій историкъ пишетъ объ Англіи въ ту же эпоху (1696): «Состояніе финансовъ было плачевно; денегъ едва хватало; страховая морская премія поднялась до тридцати процентовъ; Навигаціонный Актъ, практически говоря, бездѣйствовалъ, и англійское мореходство было вынуждено прикрываться шведскимъ и датскимъ флагами» (**). Полстолѣтія спустя, французское правительство было опять приведено долгимъ пренебреженіемъ къ флоту къ крейсерской войнѣ. Съ какими результатами? Во-первыхъ, французскій историкъ говоритъ: «Отъ іюня 1756 года до іюня 1760 года французскіе приватиры захватили болѣе двадцати пяти сотенъ англійскихъ коммерческихъ судовъ. Въ 1761 году, хотя Франція не имѣла, собственно говоря, ни одного линейнаго корабля въ морѣ и хотя Англія захватила двѣсти сорокъ нашихъ приватировъ, сотоварищи послѣднихъ все-таки взяли восемьсотъ двѣнадцать англійскихъ судовъ. Но», продолжаетъ онъ, «поразительный ростъ англійскаго мореходства объясняетъ число этихъ призовъ» (***). Другими словами, лишенія, понесенныя Англіей въ такихъ многочисленныхъ захватахъ, которые должны были причинить большіе убытки

(*) Campbell: Lives of the Admirals.
(**) Martin: History of France.
(***) Ibid.

отдѣльнымъ лицамъ и возбудить ихъ недовольство, въ общемъ, не препятствовали росту благосостоянія государства и общества. О томъ же періодѣ у англійскаго историка читаемъ: «Въ то время, какъ торговля Франціи была почти уничтожена, торговые флоты Англіи покрывали моря. Съ каждымъ годомъ ея торговля увеличивалась; деньги, которыя война уносила, возвращались продуктами ея промышленности. Восемь тысячъ судовъ были зафрахтованы англійскими купцами». И затѣмъ, суммируя результаты войны и установивъ фактъ ввоза огромнаго количества монеты въ государство вслѣдствіе иностранныхъ завоеваній, авторъ продолжаетъ: «Торговля Англіи постепенно увеличивалась каждый годъ, и такая картина народнаго процвѣтанія въ процессѣ длинной, кровавой и расходной войны, никогда не представлялась ранѣе въ жизни какого бы то ни было народа въ мірѣ». Съ другой стороны, историкъ французскаго флота, разсматривая раннюю фазу тѣхъ же самыхъ войнъ, говоритъ: «Англійскіе флоты, не встрѣчая никакого себѣ сопротивленія, вымели моря. Наши приватиры и одиночные крейсера, не имѣя никакого флота для противодѣйствія обилію ихъ враговъ, скоро кончали свою карьеру. Двадцать тысячъ французскихъ моряковъ томились въ англійскихъ тюрьмахъ» (*). Когда же во время Американской войны за независимость Франція возвратилась къ политикѣ Кольбера и начала царствованія Людовика XIV и стала держать въ морѣ большіе боевые флоты, то послѣдовалъ тотъ же самый результатъ, какой былъ и въ дни Турвилля. «Въ первый разъ», говоритъ «Annual Register», забывая или игнорируя опытъ 1693 года и помня только славу послѣднихъ войнъ, «англійскія коммерческія суда вынуждены были прикрываться иностранными флагами» (**). Наконецъ, прежде чѣмъ покончить съ разсматриваемымъ вопросомъ, можно замѣтить еще, что на островѣ Мартиникъ у французовъ была сильная отдаленная колонія, избранная ими базой для крейсерской войны; и въ теченіе Семилѣтней войны, какъ потомъ во время Первой Имперіи, эта колонія, такъ же какъ и Гваделупа, представляла опору

(*) Lapeyrouse-Bonfils.
(**) Annual Register; vol. XXVII p. 10.

для многочисленныхъ приватировъ. «Лѣтописи англійскаго адмиралтейства оцѣниваютъ потери англичанъ въ Вестъ-Индіи въ теченіе первыхъ годовъ Семилѣтней войны до тысячи четырехсотъ коммерческихъ судовъ, которыя были взяты въ плѣнъ или уничтожены». Вслѣдствіе этого англійскій флотъ атаковалъ эти острова, и ему удалось принудить ихъ къ сдачѣ, чѣмъ торговлѣ Франціи нанесены были убытки, болѣе, чѣмъ отмстившіе за все зло, какое причинили Англіи дѣйствія французскихъ крейсеровъ; помимо того, уже самая система французскаго крейсерства была разстроена. Въ противоположность этому, въ войну 1778 года тѣмъ же самымъ островамъ непріятель даже и не угрожалъ ни разу, такъ какъ они защищались большими флотами.

До сихъ поръ мы разсматривали вліяніе дѣйствій крейсеровъ, не имѣющихъ опоры въ сильныхъ эскадрахъ, на ту часть силы непріятеля, противъ которой она теоретически направлена, т. е. на его торговлю и на его богатство вообще,—на «нервъ войны». Факты достаточно кажется свидѣтельствуютъ, что даже для своей спеціальной цѣли такой способъ войны не «заключителенъ», — изнурителенъ, но не смертеленъ; можно даже сказать, что онъ причиняетъ ненужныя страданія. Каково же, однако, вліяніе этой политики на общія цѣли войны, для достиженія которыхъ она является однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ? Какое, затѣмъ, воздѣйствіе оказываетъ она на народъ, къ ней прибѣгающій? Такъ какъ историческія свидѣтельства будутъ приводимы въ нашемъ изложеніи отъ времени до времени, то здѣсь мы ограничимся только общимъ выводомъ. Мы видѣли результатъ дѣла для Англіи въ дни Карла II; ея берега страдали отъ хищническихъ набѣговъ, ея флотъ былъ сожженъ почти въ виду столицы. Въ войнѣ за Испанское Наслѣдство, — цѣлью которой было достиженіе господства въ Испаніи, — вслѣдствіе того, что французы ограничивались только крейсерской войной противъ торговли, флоты Англіи и Голландіи, не встрѣчая препятствій, стерегли входы въ порта полуострова, блокировали портъ Тулонъ, принудили посылавшіяся изъ Франціи подкрѣпленія совершать трудный путь черезъ Пиринеи и, обезпечивъ себѣ морскіе пути, нейтрализо-

вали географическую близость Франціи къ театру войны; они овладѣли Гибралтаромъ, Барцелоной и Минюркой и, при совокупныхъ дѣйствіяхъ австрійской арміи, едва не взяли Тулона. Въ Семилѣтней войнѣ англійскіе флоты захватили, или помогли захватить, всѣ наиболѣе цѣнныя колоніи Франціи и Испаніи и высаживали частые десанты на французскій берегъ. Американская война за независимость не представляетъ уроковъ, такъ-какъ участвовавшіе въ ней враждебные флоты были почти равносильны между собою. Слѣдующимъ, по времени, примѣромъ, наиболѣе поразительнымъ для американцевъ, является война 1812 года. Всякій знаетъ, въ какомъ изобиліи наши приватиры крейсеровали въ морѣ, и что по незначительности нашего флота война была, главнымъ образомъ, если не всецѣло, крейсерскою войною. За исключеніемъ операцій на озерахъ, сомнительно, чтобы за все время болѣе, чѣмъ два изъ нашихъ кораблей дѣйствовали соединенно. Правда, слѣдуетъ признать, что англійская торговля, такимъ образомъ неожиданно атакованная отдаленнымъ врагомъ, силы котораго, по предварительной оцѣнкѣ, были слишкомъ умалены, пострадала отъ него значительно; но при этомъ надо имѣть въ виду во-первыхъ, что американскіе крейсера встрѣтили сильную поддержку во французскомъ флотѣ, суда котораго, сгруппировавшись въ бòльшіе или меньшіе отряды во многихъ подвластныхъ Императору портахъ, отъ Антверпена до Венеціи, связывали флоты Англіи необходимостью нести блокадную службу; а во-вторыхъ, что когда паденіе императора освободило эти флоты, наши берега подверглись набѣгамъ во всѣхъ частяхъ; непріятельскія суда вошли въ Чезапикскую бухту и опустошили ея побережье, поднялись по Потомаку и сожгли Вашингтонъ. Вся сѣверная граница была въ страхѣ, хотя тамъ эскадры,—абсолютно слабыя, но относительно сильныя,—помогали общей оборонѣ; въ то же время на Югѣ флотъ Англіи вошелъ безпрепятственно въ Миссисипи, и Новый Орлеанъ едва не былъ взятъ. И когда открылись переговоры о мирѣ, то отношенія англичанъ къ американскимъ посланникамъ не были отношеніями людей, которые чувствуютъ, что ихъ странѣ угрожаетъ непереносимое зло. Въ недавней Междоусобной войнѣ крейсера *Alabama* и *Sumter* и ихъ сотоварищи, оживили традицію

крейсерской войны противъ торговли непріятеля; и когда такая война служитъ однимъ изъ средствъ для достиженія общей цѣли и имѣетъ базою флотъ, сильный самъ по себѣ, то она хороша; но намъ не слѣдуетъ думать, что подвиги нашихъ крейсеровъ могутъ повториться при наличіи большой морской силы непріятеля. Во-первыхъ, крейсерства ихъ въ упомянутой войнѣ значительно облегчались рѣшимостью Соединенныхъ Штатовъ блокировать не только главные центры торговли Юга, но каждую бухту берега, отчего для преслѣдованія крейсеровъ у нихъ осталось слишкомъ мало судовъ; во-вторыхъ, если бы даже было десять крейсеровъ тамъ, гдѣ былъ въ дѣйствительности одинъ, то они не остановили бы нашествія въ Южныя воды федеральнаго флота, который проникъ къ каждому пункту, доступному съ моря; и, наконецъ, въ-третьихъ, — неоспоримый вредъ, прямой и косвенный, нанесенный отдѣльнымъ лицамъ и одной отрасли національной промышленности (а какъ высоко стоитъ эта отрасль промышленности—мореходство—во мнѣніи автора, — нѣтъ нужды повторять здѣсь) ни мало не повліялъ на ускореніе или замедленіе хода военныхъ событій. Такія вредоносныя дѣйствія, если они не сопровождаются другими, скорѣе раздражаютъ, чѣмъ ослабляютъ. Съ другой стороны, откажется ли кто-нибудь признать, что операціи большихъ федеральныхъ флотовъ значительно повліяли на ускореніе того исхода дѣла, который, по всей вѣроятности, былъ неизбѣженъ во всякомъ случаѣ. По отношенію къ морской силѣ Югъ занималъ тогда мѣсто, аналогичное съ мѣстомъ Франціи въ войнахъ, разсмотрѣнныхъ нами выше, тогда какъ положеніе Сѣвера походило на положеніе Англіи; и, какъ во Франціи, въ Конфедераціи пострадалъ не одинъ какой-нибудь классъ, а правительство и вообще народъ. Не захваты отдѣльныхъ кораблей и каравановъ, хотя бы и въ большомъ числѣ, подрываютъ финансовую силу страны, а то подавляющее превосходство непріятеля на морѣ, которое изгоняетъ съ его водъ ея флагъ или допускаетъ появленіе послѣдняго лишь въ роли бѣглеца и которое, дѣлая непріятеля хозяиномъ моря, позволяетъ ему запереть водные торговые пути, ведущіе къ берегамъ и отъ береговъ враждебной ему страны. Такое превосходство

можетъ быть достижимо только при посредствѣ большихъ флотовъ, — но и при нихъ (въ открытомъ морѣ) съ меньшимъ результатомъ теперь, чѣмъ это было возможно въ дни, когда нейтральный флагъ не пользовался льготами, присвоенными ему теперь. Вѣроятно, что въ случаѣ войны между морскими державами, та изъ нихъ, которая, обладая бо̀льшею морскою силою, пожелаетъ уничтожить торговлю непріятеля, сдѣлаетъ попытку истолковать терминъ «дѣйствительная блокада» въ такомъ смыслѣ, какой будетъ наиболѣе соотвѣтствовать ея интересамъ въ то время; она будетъ утверждать, что скорость хода и диспозиція ея судовъ дѣлаютъ блокаду дѣйствительною на гораздо бо̀льшихъ дистанціяхъ и при меньшемъ числѣ кораблей, чѣмъ прежде. Рѣшеніе такого вопроса будетъ зависѣть не отъ слабѣйшей изъ воюющихъ сторонъ, но отъ нейтральныхъ державъ, которыя должны будутъ вмѣшаться въ это дѣло, затрагивающее также и ихъ интересы; и если воюющая сторона будетъ имѣть флотъ, значительно превосходящій по своей силѣ другіе флоты, то она можетъ съ успѣхомъ настаивать на своихъ требованіяхъ, подобно тому, какъ Англія, когда господствовала на моряхъ, долго отказывалась принять доктрину о покрытіи груза нейтральнымъ флагомъ.

ГЛАВА III.

Война Англіи и Франціи въ союзѣ противъ Соединенныхъ Провинцій (1672 г. — 1674 г.), окончившаяся войною Франціи противъ Соединенной Европы, 1674 г. — 1678 г. — Морскія сраженія при Солебэѣ (Solebay), Тексelѣ (Texel) и Стромболи.

Незадолго передъ заключеніемъ Бредскаго мира (въ 1667 г.), Людовикъ XIV сдѣлалъ первый шагъ къ завоеванію части Испанскихъ Нидерландовъ и Франшъ-Конте. Въ то самое время, какъ его арміи двигались впередъ, онъ разослалъ правителямъ европейскихъ державъ ноту, излагавшую его притязанія на упомянутыя территоріи. Эта нота, свидѣтельствовавшая ясно о претенціозномъ характерѣ молодаго короля, возбудила безпокойство Европы и безъ сомнѣнія увеличила силу партіи мира въ Англіи. Подъ главнымъ руководствомъ Голландіи, но при горячемъ содѣйствіи министра Англіи, заключенъ былъ союзъ между этими двумя странами и Швеціею, до тѣхъ поръ бывшей другомъ Франціи. Цѣлью его было ограниченіе притязаній Людовика, пока его сила не сдѣлалась еще слишкомъ значительной. Нападенія сначала на Нидерланды въ 1667 году, а затѣмъ на Франшъ-Конте въ 1668 году, показали безнадежную слабость Испаніи въ дѣлѣ защиты своихъ владѣній: они пали подъ угрозой удара, почти не дождавшись нанесенія его.

Политика Соединенныхъ Провинцій относительно притязаній Людовика въ эту эпоху характеризовалась такъ: «Франція хороша, какъ другъ, но не какъ сосѣдъ». Голландія не хотѣла разорвать традиціонный союзъ съ Франціей, но еще менѣе хотѣла имѣть съ ней общую границу. Политика англійскаго народа, хотя не короля его, опять приняла благопріятное для Голландіи направленіе. Въ возраставшемъ величіи Людо-

вика Англія видѣла опасность для всей Европы, особенно для самой себя, въ случаѣ, если бы упроченіе преобладанія на континентѣ развязало ему руки для развитія морской силы Франціи. «Голландцы понимаютъ, что разъ Фландрія будетъ во власти Людовика XIV», писалъ англійскій посланникъ Темпль (Temple), «то Голландія будетъ только морскою провинціею Франціи»; и, раздѣляя это мнѣніе, онъ рекомендовалъ политику сопротивленія Франціи, считая, что господство ея въ Нидерландахъ угрожало бы подчиненіемъ ей всей Европы. Онъ никогда не переставалъ представлять своему правительству, какъ опасно было бы для Англіи завоеваніе морскихъ провинцій Франціей, и настойчиво указывалъ на необходимость скорѣйшаго соглашенія съ Голландіей. «Это было бы лучшей местью Франціи за то, что она вовлекла насъ въ послѣднюю войну съ Соединенными Провинціями», писалъ онъ. Эти соображенія привели обѣ страны, вмѣстѣ со Швеціей, къ тому Тройственному союзу, о которомъ было уже упомянуто выше и который задержалъ на время успѣхи Людовика. Но между двумя морскими державами еще слишкомъ недавно велись войны, униженіе Англіи на Темзѣ было слишкомъ горько, и соперничество, все еще очень живое, слишкомъ глубоко коренилось въ природѣ вещей для того, чтобы союзъ былъ продолжителенъ. Нужна была опасная сила Людовика и его настойчивость въ политикѣ, угрожавшей имъ обѣимъ, для того, чтобы состоялось соглашеніе между этими двумя естественными противниками. Оно не могло обойтись безъ другаго кроваваго столкновенія.

Людовикъ былъ глубоко раздраженъ противъ Тройственнаго союза, и его гнѣвъ обратился главнымъ образомъ на Голландію, въ которой, въ силу требованій ея положенія, онъ видѣлъ самаго упорнаго своего противника. На время однако же, онъ, казалось, уступилъ, и тѣмъ болѣе охотно, что, повидимому, приближалось прекращеніе испанской королевской династіи, а съ нимъ и осуществленіе его притязаній, не ограничившихся только желаніемъ пріобрѣсть территорію, лежавшую къ востоку отъ Франціи, когда тронъ сдѣлается вакантнымъ. Но, хотя и притворившись уступчивымъ, онъ съ этого времени задумалъ уничтоженіе Республики. Эта политика была прямо противо-

положна политикѣ, завѣщанной Ришельё и истинному благу Франціи. Было въ интересахъ Англіи, по крайней мѣрѣ тогда, чтобы Соединенныя Провинціи не были разгромлены Франціею; но было еще болѣе въ интересахъ Франціи, чтобы онѣ не подчинились Англіи. Послѣдняя, свободная отъ какихъ-либо затрудненій на континентѣ, могла вынести одна борьбу съ Франціей на моряхъ; Франція же, напротивъ, будучи связана своею континентальною политикою, не могла надѣяться вырвать безъ союзника обладаніе морями у Англіи. Этого-то союзника Людовикъ предполагалъ уничтожить и просилъ Англію помочь ему. Конечный результатъ борьбы намъ уже извѣстенъ, но теперь должно прослѣдить за ея ходомъ.

Прежде, чѣмъ король приступилъ къ исполненію своихъ плановъ и пока еще было время обратить энергію Франціи въ другое русло, ему были представлены соображенія объ иномъ образѣ дѣйствій — въ проектѣ Лейбница, о которомъ говорилось уже выше. Этотъ проектъ имѣетъ спеціальный интересъ для нашего предмета, такъ какъ, рекомендуя королю совершенно измѣнить политику, — т. е. смотрѣть на территоріальное расширеніе, какъ на вопросъ второстепенный для Франціи, а обратить главное вниманіе на развитіе ея владѣній за моремъ, — прямо выставлялъ, какъ основу величія страны, обладаніе моремъ и морскую торговлю. Непосредственной цѣлью для Франціи той эпохи проектъ выставлялъ завоеваніе Египта, на которомъ, однако, нельзя было бы остановиться. Омываемый и Средиземнымъ и восточнымъ морями, Египетъ давалъ господство надъ большимъ торговымъ путемъ, который въ наши дни дополненъ Суецкимъ каналомъ. Этотъ путь потерялъ много въ своемъ значеніи вслѣдствіе открытія прохода кругомъ мыса Доброй Надежды и еще болѣе вслѣдствіе неурегулированныхъ условій плаванія по изобиловавшимъ пиратами морямъ, черезъ которыя онъ пролегалъ; но съ занятіемъ ключа позиціи надлежащею морскою силою значеніе его могло быть въ сильной мѣрѣ возстановлено. Такая морская сила, расположенная въ Египтѣ, при томъ упадкѣ, въ состояніи какого уже находилась Оттоманская Имперія, имѣла бы въ своей власти торговлю не только Индіи и далекаго Востока, но также и Леванта;

однако этимъ только дѣло не могло бы ограничиться. Необходимость господства въ Средиземномъ морѣ и открытіе доступа въ Красное море, закрытое для христіанскихъ судовъ магометанскимъ религіознымъ фанатизмомъ, вынудило бы занятіе пунктовъ съ каждой стороны Египта, и Франція была бы приведена, шагъ за шагомъ, — подобно тому какъ это случилось съ Англіей по завладѣніи Индіей, — къ занятію позицій, подобныхъ Мальтѣ, Кипру, Адену, — короче говоря, къ созданію большаго морскаго могущества. Это ясно теперь; но интересно ознакомиться съ аргументами, которыми Лейбницъ старался убѣдить короля Франціи два столѣтія назадъ.

Указавъ на слабость Турецкой Имперіи и на легкость, съ какою можно было бы достигнуть дальнѣйшаго ея разстройства возстановленіемъ противъ нея Австріи и особенно Польши — традиціонной союзницы Франціи; указавъ, что Франція не имѣетъ вооруженнаго непріятеля въ Средиземномъ морѣ и что по другую сторону Египта она найдетъ португальскія колоніи, жаждущія покровительства для противодѣйствія голландцамъ въ Индіи, мемуаръ Лейбница продолжаетъ: —

„Завоеваніе Египта — этой Голландіи Востока, безконечно легче, чѣмъ завоеваніе Соединенныхъ Провинцій. Франціи нуженъ миръ на западѣ, война въ отдаленныхъ краяхъ. Война съ Голландіей, по всей вѣроятности, раззоритъ новыя Индійскія компаніи, такъ же какъ колоніи и торговлю, недавно оживившіяся во Франціи, и увеличитъ бремя налоговъ, въ то-же время уменьшивъ средства народа; голландцы соберутся въ свои морскіе города и расположатся тамъ въ совершенной безопасности, основавъ съ большими шансами на успѣхъ оборону на морскихъ силахъ. Если Франція не одержитъ полной побѣды надъ ними, то она потеряетъ все свое вліяніе въ Европѣ, а побѣдой она подвергнетъ это вліяніе опасности. Въ Египтѣ, напротивъ, пораженіе ея, почти невозможное, не будетъ имѣть большихъ послѣдствій; побѣда же дастъ обладаніе морями, торговлю съ Востокомъ и Индіей, преобладающее вліяніе въ христіанскомъ мірѣ и даже можетъ привести къ созданію имперіи на Востокѣ, на развалинахъ Оттоманской державы. Обладаніе Египтомъ открываетъ путь къ завоеваніямъ, достойнымъ Александра; крайняя слабость обитателей восточныхъ странъ уже не составляетъ болѣе тайны. Кто владѣетъ Египтомъ, тотъ будетъ владѣть также и всѣми берегами и островами Индѣйскаго океана. Именно въ Египтѣ Голландія будетъ завоевана; именно тамъ она будетъ лишена того, что одно только даетъ ей благосостояніе, — сокровищъ Востока. Она будетъ поражена, не будучи въ состояніи отразить ударъ. Если она пожелаетъ противодѣйствовать планамъ Франціи относительно Египта, она будетъ подавлена всемірной ненавистью христіанъ; атакованная же дома, она, напротивъ, не только можетъ отразить нападеніе, но и

можетъ еще отмстить за себя, поддерживаемая всеобщимъ общественнымъ мнѣніемъ, подозрѣвающимъ Францію въ притязательныхъ замыслахъ“ (*).

Мемуаръ Лейбница не имѣлъ послѣдствій. «Людовикъ XIV употребилъ теперь всѣ усилія, какія могли внушить ему властолюбіе и разумъ, чтобы подготовить раззореніе народа. Пущена была въ ходъ дипломатическая стратегія въ широкомъ масштабѣ для изолированія Голландіи отъ всякой помощи ей со стороны другихъ державъ. Людовикъ, который не могъ заставить Европу допустить завоеваніе Бельгіи Франціей, надѣялся теперь принудить ее смотрѣть безъ содроганія на паденіе Голландіи». Его усилія, бо̀льшею частью, имѣли успѣхъ. Тройственный союзъ былъ разорванъ; король Англіи, хотя и вопреки желаніямъ своего народа, заключилъ съ Людовикомъ наступательный союзъ; и Голландія, когда началась война, оказалась безъ союзниковъ въ Европѣ, за исключеніемъ истощенной Испаніи и Электорства Брандербургскаго, тогда никоимъ образомъ не первокласснаго государства. Но для того, чтобы заручиться помощью Карла II, Людовикъ обязался не только выплатить ему большую сумму денегъ, но и уступить Англіи изъ вырванной отъ Голландіи и Бельгіи добычи, Вальхеренъ (Walcheren), Слюисъ (Sluys) и Кадзандъ (Cadzand), и даже острова Горе (Goree) и Воорне (Voorn), т. е. ключи къ устьямъ большихъ торговыхъ рѣкъ Шельды и Мааса. По отношенію къ соединеннымъ флотамъ двухъ державъ было условлено, что англійскій адмиралъ будетъ главнымъ начальникомъ ихъ. Съ внѣшней стороны вопросъ морскаго первенства былъ обойденъ тѣмъ, что Франція не назначила своего адмирала въ кампанію, но практически это первенство было уступлено Англіи. Очевидно, что въ своемъ пылкомъ стремленіи къ уничтоженію Голландіи и къ континентальному самовозвеличенію Людовикъ «игралъ прямо въ руку» Англіи по отношенію къ задачамъ ея морской силы. Французскій историкъ правъ, говоря: «Объ этихъ договорахъ судили неправильно. Часто повторяли, что Карлъ продалъ Англію Людовику XIV.

(*) Martin: History of France.

Это справедливо только относительно внутренней политики: Карлъ на самомъ дѣлѣ замышлялъ политическое и религіозное порабощеніе Англіи съ помощью иностранной державы; но что касается внѣшнихъ интересовъ, то онъ не продалъ ихъ, такъ какъ большая часть выгоды отъ раззоренія Голландіи должна была прійтись на долю Англіи» (*).

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, предшествовавшихъ войнѣ, голландцы дѣлали всевозможныя дипломатическія усилія для предотвращенія ея; но ненависть мѣшала Карлу и Людовику принять какую-либо уступку Голландіи, какъ окончательную. Англійской королевской яхтѣ приказано было пройти мимо голландскихъ военныхъ кораблей въ Каналѣ и стрѣлять по нимъ, если они не спустятъ своихъ флаговъ. Въ январѣ 1672 года Англія послала Голландіи ультиматумъ, призывавшій признать права англійской короны на господство въ Британскихъ моряхъ и обязать голландскіе флоты спускать флаги передъ самымъ незначительнымъ англійскимъ военнымъ судномъ; и такія требованія поддерживались со стороны французскаго короля. Голландцы продолжали уступать, но, видя, наконецъ, что всѣ уступки безполезны, они, въ февралѣ, снарядили въ кампанію семьдесятъ пять линейныхъ кораблей, кромѣ судовъ меньшихъ размѣровъ. 23-го марта англичане, не объявляя войны, атаковали флотъ голландскихъ коммерческихъ судовъ; а 29-го король объявилъ войну. За нимъ послѣдовало 6-го апрѣля объявленіе войны Людовикомъ XIV; а 28-го числа того же мѣсяца онъ выступилъ въ походъ для принятія арміи подъ свою личную команду.

Война, которая началась теперь, — представляя третье и послѣднее изъ большихъ состязаній между Англіей и Голландіей на океанѣ, — не была, подобно предшествовавшимъ ей, чисто морской войной; и здѣсь необходимо будетъ нарисовать также и главныя черты военныхъ событій на сушѣ, не только для полноты изложенія, но и для выясненія отчаяннаго положенія, до какого была доведена Республика, и освобожденія ея изъ него морскою силою въ рукахъ великаго моряка, де Рюйтера.

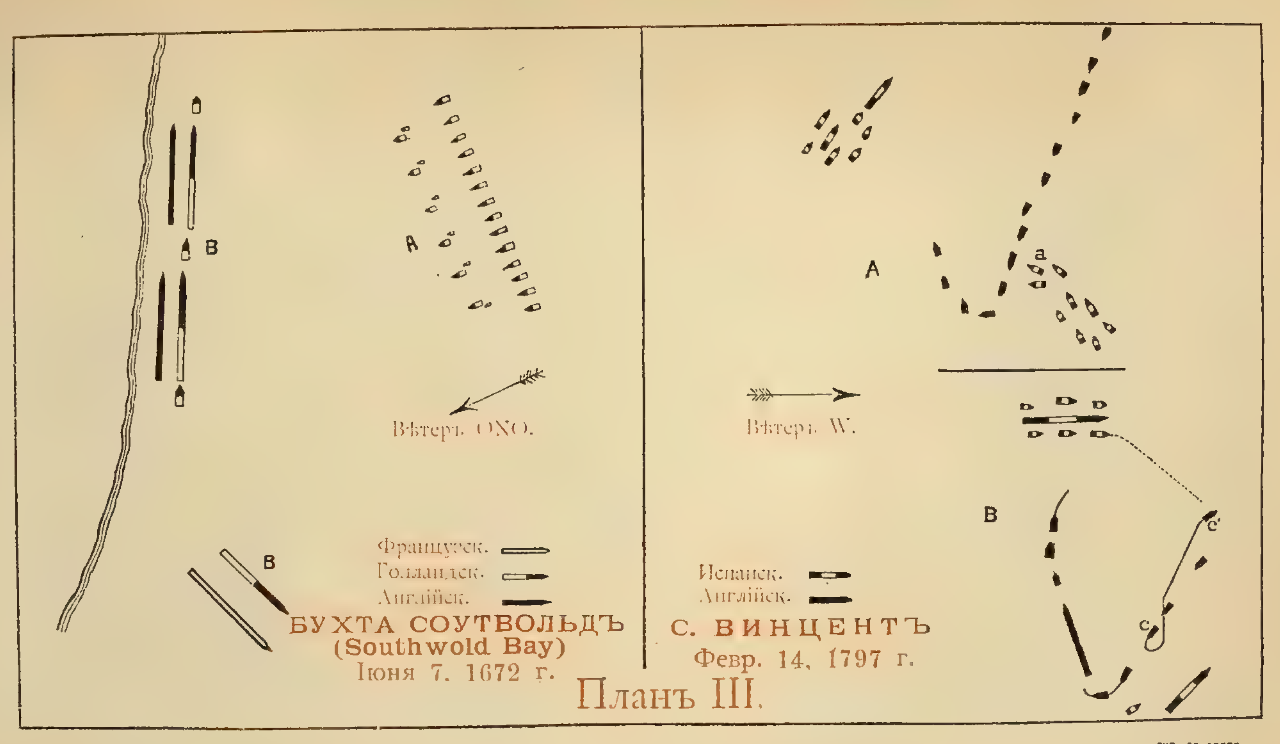
(*) Martin: History of France.

Морскія операціи этой войны во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ операцій предшествовавшихъ ей войнъ; но самая отличительная черта ихъ состоитъ въ томъ, что голландцы, за исключеніемъ одного случая въ самомъ началѣ, не посылали своего флота на встрѣчу непріятелю, а, можно сказать, стратегически пользовались своими опасными берегами и отмелями, избравъ ихъ операціонной базой. На этотъ образъ дѣйствій они были вынуждены огромнымъ превосходствомъ силъ противника; но они не пользовались своими мелями исключительно только для защиты: — война, которую они вели, была оборонительно-наступательною. Когда вѣтеръ позволялъ союзникамъ атаковать, Рюйтеръ держался подъ прикрытіемъ своихъ островов или по крайней мѣрѣ на мелкихъ мѣстахъ, куда непріятель не отваживался слѣдовать за нимъ; но когда вѣтеръ дулъ такъ, что Рюйтеръ могъ избрать желаемый методъ атаки, онъ поворачивалъ и нападалъ на враждебный флотъ. Въ дѣйствіяхъ его мы находимъ также ясныя указанія на тактическія комбинаціи болѣе высокаго порядка, чѣмъ тѣ, какія намъ встрѣчались до сихъ поръ; хотя возможно, что то, что мы имѣемъ здѣсь въ виду, — а именно частныя атаки противъ французскаго отряда союзниковъ, не переходившія за предѣлы демонстрацій, — внушены было политическими мотивами. Такое толкованіе несомнѣннаго факта, что голландцы нападали на французовъ преднамѣренно легко, нигдѣ не встрѣчалось авторомъ; но кажется возможно, что правители Соединенныхъ Провинцій не желали увеличивать раздраженіе своего самаго опаснаго врага униженіемъ его флота и такимъ образомъ надѣялись облегчить для его гордости принятіе ихъ предложеній. Есть, однако, одинаково удовлетворительное объясненіе, опирающееся на военные мотивы, а именно на предположеніе, что такъ какъ французскій флотъ былъ еще неопытнымъ противникомъ, то Рюйтеръ считалъ необходимымъ только удерживать его, пока нападалъ съ главными силами на англійскій флотъ. Послѣдній сражался со своею прежнею доблестью, но уже не съ прежнею дисциплиною, тогда какъ голландскій флотъ велъ атаки съ выдержкой и единодушіемъ, которыя показывали, что онъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ военномъ дѣлѣ. Поведеніе французовъ,

по временамъ, казалось подозрительнымъ; оно объяснялось, кажется, тѣмъ, что Людовикъ приказалъ своему адмиралу беречь флотъ; и есть достаточное основаніе предполагать, что до конца тѣхъ двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ Англія оставалась союзницею Франціи, онъ и поступалъ такъ.

Власти Соединенныхъ Провинцій, зная, что Брестскій французскій флотъ долженъ былъ соединиться съ англійскимъ флотомъ, стоявшимъ на Темзѣ, дѣлали большія усилія для изготовленія своего флота къ такому времени, чтобы онъ могъ атаковать англійскій прежде, чѣмъ упомянутое соединеніе состоится; но это не удалось имъ вслѣдствіе пагубнаго недостатка централизаціи въ ихъ морской администраціи. Провинція Зеландія такъ отстала, что ея отрядъ, представлявшій большую часть общихъ силъ, не былъ готовъ во-время; и ее обвиняли въ томъ, что замедленіе это было слѣдствіемъ не только дурнаго управленія, но и недоброжелательства къ партіи, стоявшей во главѣ правительства. Намѣреніе атаковать англійскій флотъ въ его собственныхъ водахъ превосходною силою прежде, чѣмъ прибылъ его союзникъ, было правильно съ военной точки зрѣнія; судя по исторіи этой войны, успѣхъ его оказалъ бы глубокое вліяніе на весь ходъ борьбы. Рюйтеръ, наконецъ, вышелъ въ море и встрѣтился съ союзными флотами; но, хотя и имѣвши твердое намѣреніе сразиться, отступилъ назадъ къ своимъ берегамъ. Союзники не послѣдовали, однако, за нимъ туда, а удалились, — очевидно въ полной безопасности, — въ Соутвольдскую бухту (Southwold Bay) на восточномъ берегу Англіи, около девяноста миль къ сѣверу отъ устьевъ Темзы. Тамъ они расположились на якорѣ въ трехъ дивизіяхъ: двѣ англійскія, составившія арьергардъ и центръ союзной линіи, и одна — французская, составившая авангардъ, къ югу отъ нихъ. Рюйтеръ послѣдовалъ за ними, и рано утромъ 7-го іюня 1672 года французскій сторожевой фрегатъ сдѣлалъ сигналъ о появленіи въ виду голландскихъ судовъ, по направленію къ сѣверо-востоку; послѣднія спускались съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ прямо къ союзному флоту, большое число шлюпокъ и команды котораго были на берегу для наливки водою. Голландскій флотъ былъ построенъ въ двѣ линіи, — передняя изъ восем-

Сраженіе при Солебэѣ 1672 года.

Планъ III.

Тип. Эд. Гоппе.

надцати судовъ, съ брандерами (планъ III, A). Весь голландскій флотъ состоялъ изъ девяноста одного линейнаго корабля, союзный же — изъ ста одного.

Вѣтеръ дулъ къ берегу, который здѣсь тянется почти съ сѣвера на югъ, и союзники были въ ужасномъ положеніи. Они должны были сперва сняться съ якоря, но не могли отступить назадъ, чтобы выиграть мѣсто и время для построенія въ боевой порядокъ. Большая часть кораблей обрубила якорные канаты, и англійскій флотъ вступилъ подъ паруса на правомъ галсѣ, держа къ нордъ-нордъ-весту — курсъ, который скоро заставилъ его повернуть на другой галсъ, тогда какъ французы легли сразу на лѣвый галсъ (планъ III, B). Сраженіе началось такимъ образомъ раздѣленіемъ союзнаго флота. Рюйтеръ послалъ одну дивизію атаковать французовъ или, скорѣе, задержать ихъ, потому что эти противники обмѣнялись только канонадой съ дальней дистанціи, хотя голландцы, будучи на вѣтрѣ, могли бы завязать бой на болѣе близкой дистанціи, если бы пожелали этого. И такъ какъ ихъ командиръ, Банкертъ, не осуждался потомъ за это, то надо думать, что онъ поступалъ согласно даннымъ ему приказаніямъ; и годъ спустя, онъ командовалъ въ сраженіи при Текселѣ, гдѣ дѣйствовалъ съ большимъ благоразуміемъ и храбростью. Между тѣмъ Рюйтеръ ожесточенно атаковалъ двѣ англійскія дивизіи и, видимо, съ превосходными силами, потому что англійскіе историки утверждають, что отношеніе послѣднихъ къ силамъ атакованныхъ было какъ три къ двумъ (*).

Этотъ фактъ, если онъ вѣренъ, даетъ замѣчательныя доказательства высокихъ качествъ Рюйтера, какъ флотоводца, которыя ставятъ его выше всѣхъ адмираловъ того вѣка.

Результаты сраженія, которое можно считать простой схваткой, были нерѣшительны; обѣ стороны понесли много тяжелыхъ потерь, но честь и существенныя преимущества остались за голландцами или, скорѣе, за Рюйтеромъ. Онъ превзошелъ союзниковъ въ дѣлѣ военной тактики, обманувъ ихъ ложнымъ

(*) Lediard, vol. II, p. 599. Campbell: Lives of the admirals. См. также письмо сэра Ричарда Гаддокъ (sir Richard Haddock), Naval Chronicle, vol. XVII, p. 121.

отступленіемъ и затѣмъ застигнувъ ихъ совсѣмъ врасплохъ. Ошибочный маневръ, при которомъ англичане, составляя двѣ трети союзнаго флота, взяли курсъ въ сѣверо-западную четверть, тогда какъ третья часть его, французы, — въ юго-восточную, раздѣлилъ этотъ флотъ. Рюйтеръ направилъ всѣ свои силы въ промежутокъ между флотами союзниковъ, отдѣливъ затѣмъ противъ французовъ дивизію, которая, вѣроятно, была малочисленнѣе своего противника, но которая, по ея положенію на вѣтрѣ, имѣла выборъ вступить или нѣтъ въ бой на близкой дистанціи; съ остальною, частью своихъ силъ, значительно превосходившей англійскій флотъ, онъ напалъ на послѣдній (планъ III, B). Павелъ Гостъ (*) говоритъ, что вице-адмиралъ д'Эстре (d'Estrées), командовавшій французами, принималъ мѣры для поворота на другой галсъ и для прорыва черезъ противопоставленную ему голландскую дивизію, чтобы соединиться съ герцогомъ Іоркскимъ, главнокомандующимъ союзниками. Это могло быть такъ, потому что д'Эстре былъ весьма храбрый человѣкъ и недостаточно свѣдущій морякъ, чтобы оцѣнить опасность такой попытки; но въ дѣйствительности французы не начинали такого маневра, и какъ англичане, такъ и Рюйтеръ думали, что они скорѣе избѣгали, чѣмъ добивались близкаго боя. Если бы однако, д'Эстре, повернулъ и попытался бы прорваться черезъ линію опытныхъ голландцевъ, бывшихъ на вѣтрѣ у него, то — при все еще плохой подготовкѣ французскихъ моряковъ — результатъ для нихъ получился бы столь же бѣдственный, какъ тотъ, какой сопровождалъ дѣйствія испанскаго адмирала въ сраженіи при Ст. Винцентѣ сто двадцать пять лѣтъ спустя, когда онъ пытался вновь соединить части своей разорванной линіи прорывомъ тѣснаго строя Джервиса и Нельсона (см. планъ III, a). Истина, постепенно выясняющаяся черезъ массу запутанныхъ извѣстій, заключается въ томъ, что герцогъ Іоркскій, хотя прекрасный морякъ и храбрый человѣкъ, не былъ способнымъ начальникомъ; что его флотъ не былъ въ хорошемъ порядкѣ и былъ такимъ образомъ захва-

(*) Hoste: Naval Tactics.

чёнъ врасплохъ; что его предварительныя приказанія не были настолько точны, чтобы можно было обвинять французскаго адмирала въ неповиновеніи за то, что онъ не легъ на одинъ галсъ съ главнокомандующимъ и этимъ раздѣлилъ эскадры; и что Рюйтеръ въ высшей степени талантливо воспользовался внезапностью своего нападенія, имъ самимъ подготовленнаго, и дальнѣйшими выгодными для него шансами, представившимися вслѣдствіе ошибокъ непріятеля. На сколько можно судить по выяснившимся обстоятельствамъ, избраніе французскимъ адмираломъ лѣваго галса, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, было правильно, такъ какъ онъ велъ въ море и давалъ мѣсто для маневрированія; сдѣлай герцогъ Іоркскій то же самое, союзный флотъ могъ бы выйти соединенно, хотя и при невыгодахъ подвѣтреннаго положенія и дурнаго строя. Въ такомъ случаѣ, однако, Рюйтеръ могъ бы сдѣлать и, вѣроятно, сдѣлалъ бы то же самое, что сдѣлалъ годъ спустя подъ Текселемъ, — т. е. задержалъ бы авангардъ французовъ малыми силами, а всею массою своего флота обрушился бы на центръ и на арьергардъ. Сходство его дѣйствій въ обоихъ случаяхъ, при различныхъ обстоятельствахъ, доказываетъ, что въ Соутвольдской бухтѣ онъ намѣревался только задерживать французовъ отъ вмѣшательства въ его нападеніе на англичанъ.

Въ этомъ сраженіи, называющемся Соутвольдскимъ или Солебэйскимъ (Southwold Bay or Solebay), Рюйтеръ выказалъ такую степень искусства, въ соединеніи съ энергіей, подобная которой не была никѣмъ проявлена на морѣ послѣ его смерти до дней Сюффрена и Нельсона. Его сраженія въ войну 1672 года не были согласны съ «политикой крайней осторожности», хотя онъ и дѣйствовалъ осмотрительно. Его цѣлью было совершенное пораженіе врага соединеніемъ цѣлесообразныхъ комбинацій съ энергіей атаки. При Солебэѣ его силы были слабѣе силъ непріятеля, хотя и не на много; впослѣдствіи неравенство не въ его пользу значительно увеличилось.

Практическіе результаты боя при Солебэѣ были всецѣло благопріятны для голландцевъ. Союзные флоты должны были помогать операціямъ французской арміи высадкой десанта на

берегъ Зеландіи. При атакѣ Рюйтера корабли упомянутыхъ флотовъ потерпѣли много аварій и израсходовали много боевыхъ припасовъ, что заставило ихъ отложить отплытіе на мѣсяцъ; это была диверсія не только важная, но чисто насущнаго характера, при томъ почти отчаянномъ положеніи, въ которое Соединенныя Провинціи были приведены сухопутными операціями. Можно прибавить, какъ поучительное замѣчаніе къ теоріи крейсерской войны, что послѣ нанесенія потрясающаго удара превосходнымъ силамъ непріятеля, Рюйтеръ конвоировалъ безпрепятственно до порта назначенія встрѣченный имъ флотъ голландскихъ коммерческихъ судовъ.

Мы должны теперь описать кратко ходъ сухопутной кампаніи (*). Въ началѣ мая мѣсяца французская армія изъ нѣсколькихъ корпусовъ двинулась въ походъ; пройдя черезъ границы Испанскихъ Нидерландовъ, она атаковала Голландію съ юго-востока. Республиканская партія послѣдней, стоявшая тогда во главѣ правленія въ Голландіи, пренебрежительно относилась къ арміи и теперь сдѣлала ошибку, разсѣявъ отряды между многими укрѣпленными городами, полагая, что каждый изъ нихъ сколько-нибудь задержитъ движеніе французовъ. Но Людовикъ, по совѣту Тюренна (Turenne), ограничился тѣмъ, что обложилъ наиболѣе важные стратегическіе пункты, тогда какъ второстепенные города сдавались почти немедленно послѣ того, какъ имъ предлагалось это; нидерландская армія, такъ же какъ и территорія, переходила такимъ образомъ быстро и по частямъ во власть непріятеля. До истеченія мѣсяца французы были уже въ сердцѣ страны, покоряя все передъ собою, и на ихъ пути не оставалось уже болѣе никакой организованной силы, которая могла бы оказать имъ сопротивленіе. Въ теченіе двухъ недѣль, послѣдовавшихъ за Солебэйскимъ сраженіемъ, терроръ и дезорганизація распространились въ Республикѣ. 15-го іюня президентъ генеральныхъ штатовъ получилъ разрѣшеніе послать депутацію къ Людовику XIV, прося его изложить условія, на которыхъ онъ согласился бы на миръ; всякая унизительная уступка иностранцу была для этого поли-

(*) См. карту, стр. 122.

тика легче перспективы увидѣть послѣ своего паденія утвержденіе оппозиціонной партіи — Дома Оранскаго. Пока шли переговоры, голландскіе города продолжали сдаваться, и 20-го іюня горсть французскихъ солдатъ вошла въ Мюйденъ (Muyden), ключъ къ Амстердаму; это были только мародеры, — хотя и главный отрядъ, къ которому они принадлежали, находился недалеко отъ города; и бюргеры, допустившіе ихъ подъ вліяніемъ паники, царившей въ странѣ, видя, что они были одни, скоро напоили ихъ до пьяна и выгнали вонъ. Болѣе благородный духъ, воодушевлявшій амстердамцевъ, почувствовался теперь и въ Мюйденѣ; изъ столицы поспѣшилъ отрядъ войскъ, и маленькій городокъ этотъ былъ спасенъ. «Расположенный на Зюйдеръ-Зее, въ двухъ часахъ пути отъ Амстердама, при соединеніи большаго числа рѣкъ и каналовъ, Мюйденъ не только владѣлъ ключемъ отъ плотинъ, открытіемъ которыхъ окрестности Амстердама могли наводниться для обороны, но также и ключемъ къ гавани этого большаго города, такъ какъ всѣ корабли, которые шли къ послѣднему изъ Сѣвернаго моря черезъ Зюйдеръ-Зее, были обязаны проходить подъ его орудіями. Разъ Мюйденъ былъ спасенъ и его плотины могли быть открыты, Амстердамъ имѣлъ время вздохнуть и могъ, прервавъ свои сообщенія сушей, сохранить ихъ моремъ» (*). Описанное событіе остановило успѣхъ вторженія непріятеля; но какъ упали бы духомъ голландцы, подавленные своимъ пораженіемъ и внутренними несогласіями, если бы въ теченіе роковыхъ двухъ недѣль, предшествовавшихъ этому событію, союзный флотъ атаковалъ ихъ берега? Отъ такой атаки они были спасены битвой при Солебэѣ.

Переговоры продолжались. Бургомистры, — партія, представлявшая капиталъ и торговлю, — побуждали къ подчиненію требованіямъ противника; они боялись за свое имущество и за торговлю. Были сдѣланы новыя уступки, но пока посланные еще находились въ лагерѣ Людовика XIV, народъ и Оранская партія возстали, а съ ними поднялся и духъ

(*) Martin: History of France.

сопротивленія. 25-го іюня Амстердамъ открылъ плотины, и его примѣру послѣдовали другіе города Голландіи; это повлекло за собою неизмѣримыя потери, но зато наводненные города, и деревни, стоя теперь какъ на островахъ, были безопасны въ этомъ потопѣ отъ сухопутныхъ атакъ до замерзанія водъ. Революція продолжалась. Вильгельмъ Оранскій, впослѣдствіи Вильгельмъ III Англійскій, былъ провозглашенъ 8-го іюля штадтгальтеромъ и главою арміи и флота; и оба де Витта, главы республиканской партіи, были умерщвлены чернью нѣсколько недѣль спустя.

Сопротивленіе, порожденное народнымъ энтузіазмомъ и патріотизмомъ, усилилось еще вслѣдствіе черезмѣрныхъ требованій Людовика XIV. Сдѣлалось яснымъ, что Соединенныя Провинціи должны или побѣдить, или погибнуть. Между тѣмъ и въ другихъ государствахъ Европы пробудилось, наконецъ, сознаніе опасности успѣховъ Франціи. Императоръ Германіи, электоръ Бранденбургскій и король Испаніи приняли сторону Голландіи; въ то же время Швеція, хотя будучи номинальной союзницей Франціи, не хотѣла видѣть уничтоженіе Провинцій, такъ какъ оно послужило бы къ увеличенію морской силы Англіи. Несмотря на то, начало слѣдующаго года, 1673-го, было еще полно обѣщаній для Франціи, и англійскій король приготовился исполнить на морѣ ту свою роль, на которую его обязывалъ договоръ съ Людовикомъ; но голландцы, подъ твердымъ руководствомъ Вильгельма Оранскаго и опираясь на сохраненную ими свободу дѣйствій на морѣ, отказались теперь принять условія мира, которыя были предложены ими самими годъ назадъ.

Въ 1673 году состоялись три морскія сраженія, всѣ близъ береговъ Соединенныхъ Провинцій; первыя два іюня 7-го и іюня 14-го, близъ Шоневельдта (Schoneveldt), — отъ котораго они и получили свое имя, и третье, извѣстное подъ именемъ Тексельскаго сраженія, — 21-го августа. Во всѣхъ трехъ Рюйтеръ атаковалъ, самъ выбирая для этого время, и отступалъ, когда ему это было выгодно, подъ защиту береговъ. Союзникамъ, для того, чтобы достигнуть своихъ цѣлей и сдѣлать какую нибудь диверсію на морской берегъ или, съ другой стороны,

чтобы поколебать морскіе рессурсы стѣсненныхъ Провинцій, было необходимо сначала покончить успѣшно съ флотомъ де Рюйтера. Великій адмиралъ и его правительство сознавали это и приняли рѣшеніе, что «флотъ долженъ расположиться въ Шоневельдтскомъ проходѣ или немного южнѣе къ Остенде, для наблюденія за непріятелемъ, и, въ случаѣ нападенія послѣдняго или попытокъ его высадить десантъ на берега Соединенныхъ Провинцій, оказать жестокое сопротивленіе, противодѣйствуя его планамъ и уничтожая корабли» (*). На этой позиціи, при хорошихъ развѣдочныхъ судахъ, всякое движеніе союзниковъ могло быть своевременно извѣстно.

Англійскій и французскій флоты вышли въ море около 1-го іюня, подъ командою принца Руперта, двоюроднаго брата короля, такъ какъ герцогъ Іоркскій былъ вынужденъ сложить съ себя обязанность главнокомандующаго, вслѣдствіе изданія акта (Test Act), которымъ запрещалось лицамъ римско-католическаго исповѣданія занимать какія бы то ни было общественныя должности. Французскимъ флотомъ командовалъ вице-адмиралъ д'Эстре, —тотъ самый, который командовалъ имъ и въ битвѣ при Солебэѣ. Въ случаѣ пораженія де Рюйтера, въ Ярмутѣ готовы были сѣсть на суда шесть тысячъ англійскихъ солдатъ. 7-го іюня увидали голландскій флотъ, державшійся близъ Шоневельдтскихъ банокъ. Для вызова его къ бою была послана отдѣльная эскадра; но Рюйтеръ не нуждался въ приглашеніи; вѣтеръ благопріятствовалъ ему, и онъ послѣдовалъ за отдѣленной эскадрой съ такою стремительностью, что атаковалъ ее прежде, чѣмъ линія союзниковъ была построена надлежащимъ образомъ. Въ этомъ случаѣ французы занимали центръ. Дѣло окончилось нерѣшительно, —если такъ можно выразиться о сраженіи, въ которомъ слабѣйшая сила атакуетъ сильнѣйшую, причиняетъ ей потери, равныя понесеннымъ ею самою, препятствуетъ достиженію главной ея цѣли. Недѣлю спустя, Рюйтеръ снова атаковалъ противника, и сраженіе это, хотя само по себѣ также нерѣшительное, заставило союзный флотъ возвратиться къ англійскому берегу для починокъ и пополне-

(*) Brandt: Life of De Ruyter.

нія припасовъ. Голландцы въ этихъ сраженіяхъ имѣли пятьдесятъ пять линейныхъ кораблей; союзники — восемьдесятъ одинъ, изъ которыхъ пятьдесятъ четыре были англійскіе.

Союзные флоты вышли въ море только въ концѣ іюля, и на этотъ разъ на судахъ ихъ были отряды войскъ, предназначенные для высадки. 20-го августа усмотрѣнъ былъ голландскій флотъ на ходу между Текселемъ и Маасомъ. Рупертъ немедленно приготовился къ бою, но такъ какъ сѣверо-западный вѣтеръ давалъ союзникамъ навѣтренное положеніе, а съ нимъ и выборъ метода атаки, то Рюйтеръ, воспользовавшись знаніемъ мѣстности, придержался такъ близко къ берегу, что непріятель не осмѣлился послѣдовать за нимъ, — тѣмъ болѣе, что время дня было уже позднее. Въ теченіе ночи вѣтеръ перемѣнился, задувъ съ берега отъ остъ-зюйдъ-оста, и съ разсвѣтомъ, — говоря словами офиціальнаго французскаго отчета, — «голландскій флотъ поставилъ всѣ паруса и смѣло ринулся въ бой».

Союзный флотъ былъ подъ вѣтромъ, на лѣвомъ галсѣ, держа почти къ югу — французы въ авангардѣ, Рупертъ въ центрѣ и сэръ Эдвардъ Спрагге (Spragge) командующимъ въ арьергардѣ. Де Рюйтеръ раздѣлилъ свой флотъ на три эскадры, переднюю изъ которыхъ, только изъ десяти или двѣнадцати кораблей, послалъ противъ французовъ, тогда какъ съ остальными своими силами атаковалъ англичанъ въ центрѣ и арьергардѣ (Планъ IV, A, A′, A″). У послѣднихъ, по англійскимъ источникамъ, было шестьдесятъ кораблей, у французовъ — тридцать, а у голландцевъ — семьдесятъ; и если принять эти данныя, то планъ атаки Рюйтера, — согласно которому французская эскадра только отвлекалась отъ возможности придти на помощь союзникамъ, какъ и при Солебэѣ, — далъ голландцамъ возможность сражаться съ англичанами на равныхъ условіяхъ. Сраженіе прошло черезъ нѣсколько опредѣленныхъ фазъ, за которыми поучительно прослѣдить. Де Мартель, командовавшій авангардомъ французовъ и слѣдовательно переднимъ отрядомъ (субдивизіей) союзниковъ, получилъ приказаніе выйти впередъ, повернуть на другой галсъ и затѣмъ пройти на вѣтеръ авангарда голландцевъ, чтобы поставить его та-

C″
B″
A″
A′
A
B′
C′
C
B
Dutch Coast
Camperd'n
Французск.
Голландск.
Англійск.
ТЕКСЕЛЬ
(Texel)
Авг., 21, 1673 г.
Вѣтеръ OSO.
Планъ IV.
Тип. Эд. Гоппе.

кимъ образомъ между двухъ огней. Такъ онъ и сдѣлалъ (B); но Банкертъ, — тотъ самый, который такъ разумно маневрировалъ при Солебэѣ годъ назадъ, — увидѣвъ опасность, положилъ руль на вѣтеръ и прорѣзалъ линію остальныхъ двадцати кораблей эскадры д'Эстре со своими двѣнадцатью (C), — маневръ, столько же дѣлающій честь ему, сколько не дѣлающій чести французамъ, — и затѣмъ, повернувъ черезъ фордевиндъ, снова соединился съ де Рюйтеромъ, который горячо сражался съ Рупертомъ (C′). Д'Эстре не преслѣдовалъ его, допустивъ такимъ образомъ безпрепятственно подкрѣпить главныя атакующія силы голландцевъ. Этимъ, въ сущности, и закончилось участіе французовъ въ сраженіи.

Рупертъ, въ теченіе боя съ де Рюйтеромъ, старался постоянно держаться мористѣе, съ цѣлью отвлечь голландцевъ дальше отъ ихъ береговъ, чтобы, въ случаѣ перемѣны вѣтра, они не были въ состояніи снова отступить подъ защиту послѣднихъ. Де Рюйтеръ слѣдовалъ за нимъ, и явившееся слѣдствіемъ этого отдѣленіе центра отъ авангарда (B, B′) было одною изъ причинъ, которыми д'Эстре оправдывалъ свое замедленіе. Однако то же обстоятельство не помѣшало Банкерту соединиться со своимъ начальникомъ.

Въ арьергардѣ странное поведеніе сэра Эдварда Спрагге увеличило смущеніе въ союзномъ флотѣ. По нѣкоторымъ причинамъ этотъ офицеръ считалъ Тромпа, который командовалъ голландскимъ арьергардомъ, своимъ личнымъ врагомъ; и для того, чтобы облегчить ему вступленіе въ бой, онъ, въ ожиданіи его, легъ въ дрейфъ со всѣмъ англійскимъ арьергардомъ. Этотъ неумѣстный маневръ былъ связанъ для Спрагге съ вопросомъ чести, такъ какъ, кажется, возникъ изъ обѣщанія, которое онъ далъ королю, привезти Тромпа живымъ или мертвымъ или же потерять свою жизнь. Остановка, напоминающая безтолковое и недисциплинарное поведеніе голландскихъ младшихъ флагмановъ въ предшествовавшую войну, конечно, отдѣлила арьергардъ (A″, B″, C″), который при этомъ началъ быстро дрейфовать подъ вѣтеръ, пока Спрагге и Тромпъ завязали между собою горячую частную схватку по своимъ личнымъ счетамъ. Эти два адмирала прямо искали другъ друга

и сражались между собою такъ ожесточенно, что Спрагге долженъ былъ дважды переносить свой флагъ на другіе корабли; при второй пересадкѣ шлюпка, на которую онъ сѣлъ, была потоплена попавшимъ въ нее ядромъ, и онъ самъ утонулъ.

Рупертъ, покинутый такимъ образомъ своимъ авангардомъ и арьергардомъ, оказался одинъ со своей эскадрой противъ Рюйтера (B′). Послѣдній, усиленный своимъ авангардомъ, имѣлъ еще затѣмъ ловкость отрѣзать задній отрядъ союзнаго центра и окружилъ остальные двадцать кораблей его тридцатью или сорока своими (C′). Не къ чести артиллеріи той эпохи слѣдуетъ отнести фактъ, что результаты сраженія были незначительны; но не слѣдуетъ также забывать, что все, что могло сдѣлать искусство Рюйтера, это — обезпечить, за исключеніемъ только весьма короткаго промежутка времени, бой съ противникомъ на равныхъ условіяхъ и не могло вполнѣ вознаградить меньшей численности его флота. Въ общемъ потери голландцевъ и англичанъ были велики и вѣроятно приблизительно равны.

Наконецъ Рупертъ освободился изъ своего критическаго положенія и, видя, что англійскій арьергардъ (C″) не отвѣчаетъ надлежащимъ образомъ своему непосредственному противнику, спустился къ нему; Рюйтеръ послѣдовалъ за нимъ. Оба враждебные центра шли теперь параллельными курсами и на разстояніи пушечнаго выстрѣла, но, по взаимному соглашенію, —вызванному, можетъ быть, почти полнымъ израсходованіемъ боевыхъ припасовъ, — воздерживаясь отъ огня. Въ четыре часа пополудни центръ и арьергардъ соединились, и къ пяти часамъ началось новое сраженіе, продолжавшееся до семи, когда Рюйтеръ отступилъ, —вѣроятно, вслѣдствіе приближенія французовъ, которые, по ихъ собственнымъ описаніямъ, присоединились къ Руперту около этого времени. Такъ окончилось это сраженіе. Подобно всѣмъ предшествовавшимъ ему сраженіямъ въ этой войнѣ, оно можетъ назваться нерѣшительнымъ, но слѣдующее сужденіе о немъ англійскаго историка должно считаться несомнѣнно правильнымъ: «выгоды, извлеченные голландцами изъ этого сраженія черезъ благоразуміе ихъ адмирала, были чрезвычайно велики; они открыли ихъ порта, доступъ въ которые до тѣхъ поръ былъ совсѣмъ пре-

гражденъ, и положили конецъ всѣмъ тревогамъ, сдѣлавъ вторженіе непріятеля невозможнымъ» (*).

Характерныя черты сраженія достаточно выяснены въ вышеприведенномъ описаніи: искусство де Рюйтера, твердость и быстрота дѣйствій Банкерта, обнаружившіяся въ задержкѣ французской дивизіи, а затѣмъ въ прохожденіи черезъ нее; видимая недобросовѣстность или, въ лучшемъ случаѣ, неумѣлость французовъ; недисциплинарность и безтолковость Спрагге, какъ военачальника и наконецъ кажущееся отсутствіе у Руперта всѣхъ требующихся отъ главнокомандующаго качествъ, кромѣ упорства въ бою. Союзники предались горячимъ взаимнымъ пререканіямъ. Рупертъ порицалъ и д'Эстре и Спрагге; д'Эстре находилъ, что Рупертъ виноватъ, увлившись подъ вѣтеръ; а помощникъ д'Эстре, Мартель, прямо назвалъ своего начальника трусомъ — въ письмѣ, за которое былъ заключенъ въ Бастилію. Французскій король приказалъ сдѣлать изслѣдованіе командиру порта въ Брестѣ, на отчетѣ котораго и основано, главнымъ образомъ, данное выше описаніе и который оставляетъ мало сомнѣнія въ безчестіи французскаго оружія въ этомъ сраженіи. «Д'Эстре далъ понять», говоритъ французскій морской историкъ Трудъ, «что король желалъ беречь свой флотъ и выразилъ убѣжденіе, что на англичанъ нельзя полагаться. Былъ ли онъ неправъ, не довѣряя искренности англійскаго союза, когда получалъ со всѣхъ сторонъ предостереженія, что народъ и дворянство роптали противъ этого союза, котораго Карлъ II былъ, быть можетъ, единственнымъ сторонникомъ?» Можетъ быть нѣтъ; но онъ былъ, навѣрное не правъ, если желалъ, чтобы какой либо офицеръ или военный отрядъ игралъ двусмысленную роль, какая приписывается французскому адмиралу въ этотъ день; потеря флота была бы меньшимъ бѣдствіемъ, чѣмъ такое поведеніе его начальника. Такъ явна была для очевидцевъ недобросовѣстность или трусость (а послѣднее предположеніе не допустимо) французовъ, что одинъ изъ голландскихъ моряковъ, въ бесѣдѣ съ товарищемъ о томъ, почему французскій флотъ не спускается, сказалъ: «какъ вы наивны! они наняли

(*) Campbell: Lives of the Admirals.

англійскій флотъ сражаться за себя и полагаютъ, что все ихъ дѣло заключается въ наблюденіи за тѣмъ, заслуживаетъ ли тотъ условленной платы». Болѣе обдуманное и значительное сужденіе высказано Брестскимъ командиромъ, такъ заканчивающимъ вышеупомянутый отчетъ свой: «кажется, что во всѣхъ этихъ морскихъ сраженіяхъ Рюйтеръ никогда не заботился о томъ, чтобы атаковать французскую эскадру, и что въ этомъ послѣднемъ бою онъ отдѣлилъ десять кораблей Зеландской эскадры для того только, чтобы отвлечь французовъ» (*). Не требуется болѣе сильнаго свидѣтельства о мнѣніи Рюйтера относительно неумѣлости или недобросовѣстности этого контингента союзныхъ силъ.

Другая глава въ исторіи морскихъ коалицій была закончена 21-го августа 1673 года сраженіемъ при Текселѣ. Въ ней, какъ и въ другихъ, широко оправдались слова, которыми современный намъ французскій морской офицеръ охарактеризовалъ эти коалиціи: «Соединенныя преходящими политическими интересами, но въ сущности раздѣленныя почти до ненависти; никогда не дѣйствуя согласно ни въ совѣтѣ, ни въ сраженіяхъ, онѣ никогда не давали хорошихъ результатовъ или, по крайней мѣрѣ, результатовъ, пропорціональныхъ усиліямъ державъ, заключившихъ союзъ противъ общаго врага. Флоты Франціи, Испаніи и Голландіи, кажется, соединялись въ различныя эпохи только для того, чтобы сдѣлать болѣе полнымъ тріумфъ британскаго оружія» (**). Если къ этой хорошо удостовѣренной несостоятельности коалицій прибавить также всѣмъ извѣстную ревность каждой страны къ росту силы сосѣда и соотвѣтствующее нежеланіе допустить такой ростъ на счетъ ослабленія или уничтоженія другаго члена семейства націй, то получится довольно точная мѣра морской силы, необходимой для государства. Нѣтъ надобности, чтобы эта сила была достаточна для борьбы со всѣми другими государствами вмѣстѣ, — какъ, кажется, думаютъ нѣкоторые англичане; необходимо только быть готовымъ ко встрѣчѣ сильнѣйшаго возможнаго врага на выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ можно быть увѣреннымъ, что другія

(*) Troude: Batailles Navales de la France, 1673.
(**) Chabaud-Arnault: Revue Marit. et Colon. juillet 1885.

государства не присоединятся къ нему для уничтоженія фактора политическаго равновѣсія, даже, если они держатся въ сторонѣ отъ этого фактора. Союзныя эскадры Англіи и Испаніи были въ Тулонѣ въ 1793 году, когда разнузданность революціонной Франціи, казалось, угрожала общественному строю Европы; и тогда испанскій адмиралъ прямо сказалъ англійскому, что не можетъ допустить полнаго уничтоженія французскаго флота, бо̀льшая часть котораго была въ ихъ рукахъ... И часть французскихъ кораблей была спасена его поведеніемъ, которое справедливо охарактеризовано не только какъ полное твердости, но также, какъ подсказанное политическими соображеніями высшаго порядка (*).

Въ сраженіи при Текселѣ, заключающемъ длинный рядъ войнъ, въ которыхъ голландцы и англичане состязались на равныхъ условіяхъ за обладаніе морями, голландскій флотъ проявилъ высшую степень своей силы, а его величайшее украшеніе, де Рюйтеръ, достигъ вершины своей славы. Давно уже старый годами, — потому что ему было теперь шестьдесятъ шесть лѣтъ, — онъ ни мало не утратилъ своей мужественной энергіи; его атака была такъ же горяча, какъ восемь лѣтъ назадъ, и его сужденія, видимо, еще созрѣли подъ вліяніемъ опыта послѣдней войны, ибо на этотъ разъ въ его дѣйствіяхъ видно еще гораздо больше планомѣрности и военной предусмотрительности, чѣмъ прежде. Ему, при управленіи президента генеральныхъ штатовъ де Витта, съ которымъ его связывала взаимная симпатія, было въ широкой степени обязано развитіе дисциплины и бодраго воинскаго духа, видимо проявившагося тогда въ голландскомъ флотѣ. Онъ выступилъ на эту конечную борьбу двухъ великихъ морскихъ народовъ, для спасенія своего отечества, въ полнотѣ своего генія, съ вооруженной силой, превосходно организованной его трудами, и при славномъ численномъ неравенствѣ. Онъ выполнилъ свою миссію не съ однимъ только мужествомъ, но и съ глубокою предусмотрительностью и искусствомъ. Атака при Текселѣ, въ общихъ чертахъ, была такою же какъ при Трафальгарѣ:

(*) Jurien de la Gravière: Guerres Maritimes.

авангардъ непріятеля былъ пренебреженъ для нападенія на центръ и арьергардъ, и этотъ авангардъ атакованныхъ, какъ и при Трафальгарѣ, неисполненіемъ своего долга болѣе, чѣмъ оправдалъ ожиданія атаковавшаго; но какъ превосходство силъ на сторонѣ противниковъ Рюйтера было больше, чѣмъ на сторонѣ противниковъ Нельсона, то первый имѣлъ меньшій успѣхъ. Роль Банкерта при Солебэѣ была, по существу, такая же, какую игралъ Нельсонъ при С. Винцентѣ, гдѣ онъ бросился на пересѣчку курса испанской дивизіи со своимъ единственнымъ кораблемъ (см. планъ III, с, с′); но Нельсонъ сдѣлалъ этотъ маневръ безъ приказаній со стороны Джервиса (Jervis), тогда какъ Банкертъ дѣйствовалъ по указанію Рюйтера. Въ изложеніи дальнѣйшихъ событій этотъ скромный человѣкъ и герой еще разъ появится передъ нами все тѣмъ же, но при грустно измѣнившихся обстоятельствахъ; и здѣсь, для контрастнаго сопоставленія его славы съ его скромностью, умѣстно привести маленькое описаніе его поведенія въ Четырехдневномъ сраженіи. Это описаніе сдѣлано графомъ де Гишемъ (comte de Guiche) (*) и рельефно обрисовываетъ и простыя и героическія стороны характера де Рюйтера.

„Я никогда не видѣлъ его (въ теченіе тѣхъ послѣднихъ трехъ дней) иначе, какъ въ ровномъ и спокойномъ расположеніи духа; когда побѣда была обезпечена, онъ всегда говорилъ, что это милосердый Богъ посылаетъ ее намъ. При безпорядкахъ въ эскадрахъ и при выясненіи потерь онъ, казалось, скорбѣлъ о несчастіяхъ своей страны, но всегда безропотно покорялся волѣ Бога. Наконецъ можно упомянуть, что онъ имѣлъ большую долю прямодушія и недостатокъ лоска нашихъ патріарховъ; и для заключенія того, что я долженъ сказать о немъ, я упомяну, что черезъ день послѣ побѣды я засталъ его подметающимъ свою каюту и кормящимъ своихъ цыплятъ“.

Черезъ девять дней послѣ сраженія при Текселѣ, 30-го августа 1673 года, былъ заключенъ формальный союзъ между Голландіей, съ одной стороны, и Испаніей, Лотарингіей и императоромъ Германіи съ другой стороны, тогда какъ французскій посланникъ въ Вѣнѣ былъ отозванъ. Людовикъ почти немедленно предложилъ Голландіи миръ, на сравнительно умѣренныхъ условіяхъ; но Соединенныя Провинціи упорно воспро-

(*) Mémoires.

тивились ему, усиленныя своими новыми союзниками и крѣпко опираясь на море, которое уже сослужило имъ добрую службу и поддерживало ихъ. Въ Англіи голосъ народа и парламента началъ раздаваться громче; возбужденіе протестантовъ и старая вражда къ Франціи росли съ каждымъ днемъ, такъ же какъ и недовѣріе націи къ королю. Карлъ, хотя лично не утратилъ и іоты своей ненависти къ Республикѣ, долженъ былъ уступить. Людовикъ, видя собиравшуюся бурю, помирился, по совѣту Тюренния, на томъ, что отступилъ со своей угрожающей позиціи, отозвавъ войска изъ Голландіи, и рѣшилъ попытаться заключить миръ съ Провинціями отдѣльно, продолжая въ то же время войну съ Австрійскимъ Домомъ въ Испаніи и Германіи. Такимъ образомъ онъ возвратился къ политикѣ Ришелье, и Голландія была спасена. Февраля 19-го, 1674-го года, подписанъ былъ миръ между Англіей и Провинціями, которыя признали абсолютное старшинство англійскаго флага отъ мыса Финистерре, въ Испаніи, до Норвегіи и заплатили военное вознагражденіе.

Уклоненіе отъ участія въ борьбѣ Англіи, которая въ теченіе остальныхъ четырехъ лѣтъ войны сохранила нейтралитетъ, необходимо сдѣлало послѣднюю менѣе морскою. Король Франціи не считалъ своего флота, ни по численности, ни по качествамъ, способнымъ состязаться безъ союзниковъ съ флотомъ Голландіи; онъ, поэтому, отозвалъ его съ океана и ограничилъ свои морскія предпріятія Средиземнымъ моремъ, да одной или двумя полу-приватирскими экспедиціями въ Вестъ-Индію. Что касается Соединенныхъ Провинцій, то онѣ, избавившись отъ опасности со стороны моря и остановившись только ненадолго на серьезной мысли объ операціяхъ противъ французскихъ береговъ, затѣмъ отказались отъ послѣдней и уменьшили свои флоты. Война дѣлалась все болѣе и болѣе континентальною, вовлекая и остальныя державы. Одно за другимъ германскія государства раздѣляли свой жребій съ Австріей, и 28-го мая 1674 года германскій союзный сеймъ объявилъ Франціи войну. Большая работа французской политики, совершенная въ теченіе послѣднихъ поколѣній, была разрушена; Австрія возстановила свое преобладаніе въ Германіи, и Голландія не была уничто-

жена. На Балтійскомъ морѣ Данія, видя, что Швеція тяготѣетъ къ союзу съ Франціей, поспѣшила на помощь Германской Имперіи, присоединивъ къ ея арміи пятнадцать тысячъ своихъ солдатъ. Въ Германіи остались все еще вѣрными французскому союзу только Баварія, Ганноверъ и Вюртембергъ. Такимъ образомъ, всѣ почти державы Европы были вовлечены въ сухопутную войну, и, по существу дѣла, главнымъ театромъ дѣйствій сдѣлалась мѣстность за восточными границами Франціи, по направленію къ Рейну, и въ Испанскихъ Нидерландахъ. Въ разгарѣ этой сухопутной войны случился морской эпизодъ, вызванный тѣмъ фактомъ, что Данія и Швеція примкнули къ противоположнымъ сторонамъ; о немъ, впрочемъ, достаточно сказать, что Голландія послала эскадру подъ начальствомъ Тромпа на помощь датчанамъ и что соединенные флоты одержали большую побѣду надъ шведской эскадрой въ 1676 году, взявъ въ плѣнъ десять кораблей ея. Очевидно такимъ образомъ, что морское превосходство Голландіи много уменьшило значеніе для Людовика XIV союза со Швеціей.

Другая морская борьба возникла въ Средиземномъ морѣ вслѣдствіе возмущенія сицилійцевъ противъ владычества Испаніи (*). Франція оказала имъ, по ихъ просьбѣ, поддержку, смотря на послѣднюю, какъ на диверсію противъ Испаніи. Но это сицилійское предпріятіе имѣетъ только второстепенное значеніе, и съ морской точки зрѣнія интересуетъ насъ лишь потому, что въ немъ еще разъ является на сцену де Рюйтеръ и при томъ, какъ противникъ Дюкена (Duquesne), равнаго Турвилю, а по мнѣнію нѣкоторыхъ даже превосходившаго послѣдняго, котораго имя всегда ставилось выше всѣхъ другихъ во французскомъ флотѣ той эпохи.

Мессина возмутилась въ іюлѣ 1674 года, и французскій король сейчасъ же принялъ ее подъ свое покровительство. Испанскій флотъ, кажется, все время дѣйствовалъ слабо и во всякомъ случаѣ безрезультатно; и въ началѣ 1675 года французы прочно утвердились въ городѣ. Въ теченіе года ихъ морская сила въ Средиземномъ морѣ значительно возросла,

---

(*) См. карту Средиземнаго моря, стр. 17.

и Испанія, не будучи въ состояніи сама защищать островъ, обратилась къ Соединеннымъ Провинціямъ за флотомъ, издержки по содержанію котораго взяла на свой счетъ.

Провинціи, «утомленныя войною, войдя въ долги, неся жестокіе убытки по своей торговлѣ, будучи разорены необходимостью платить императору и всѣмъ германскимъ князьямъ, не могли уже болѣе снарядить многочисленные флоты, какіе нѣкогда онѣ противопоставляли Англіи и Франціи». Онѣ, однако, отозвались на зовъ Испаніи и послали де Рюйтера съ эскадрою только изъ восемнадцати кораблей и четырехъ брандеровъ. Адмиралъ, которому былъ извѣстенъ ростъ французскаго флота, заявилъ, что сила, ввѣренная ему, слишкомъ мала, и отплылъ по назначенію съ угнетеннымъ духомъ, но со спокойною покорностью своему долгу, такъ ему свойственною. Онъ достигъ Кадикса въ септябрѣ мѣсяцѣ. Къ этому времени французы еще усилились, захвативъ Агосту (Agosta) — портъ, командующій надъ юго-восточной частью Сициліи. Де Рюйтеръ, задержанный испанскимъ правительствомъ, достигъ сѣвернаго берега острова только къ концу декабря, когда противные вѣтры не позволили ему войти въ Мессинскій проливъ. Онъ началъ тогда крейсеровать между Мессиной и Липарскими островами съ тѣмъ, чтобы встрѣтить ожидавшійся французскій флотъ, конвоировавшій подъ командою Дюкена войска и боевые и продовольственные припасы.

Голландцы увидѣли этотъ флотъ 7-го января 1676 года, въ составѣ двадцати линейныхъ кораблей и шести брандеровъ; флотъ де Рюйтера состоялъ только изъ девятнадцати кораблей, изъ которыхъ одинъ былъ испанскій, и четырехъ брандеровъ; и должно помнить, что голландскіе корабли, — хотя объ участвовавшихъ въ этомъ сраженіи мы и не имѣемъ подробныхъ данныхъ, — обыкновенно уступали въ силѣ и качествахъ англійскимъ, а тѣмъ болѣе французскимъ. Первый день прошелъ въ маневрированіи; голландцы были на вѣтрѣ; но въ теченіе ночи, — бурной и загнавшей испанскія галеры, сопровождавшія голландцевъ, подъ защиту Липарскихъ острововъ, — вѣтеръ перемѣнился и, перейдя къ WSW, далъ французамъ навѣтренное положеніе и возможность инціативы боя.

Дюкенъ рѣшился воспользоваться этимъ и, пославъ транспорты впередъ, построилъ линію на правомъ галсѣ, на курсѣ къ югу; голландцы сдѣлали то же самое и ожидали атаки (Планъ V, A, A, A).

Нельзя удержаться отъ чувства изумленія передъ фактомъ, что великій голландскій адмиралъ воздержался отъ атаки 7-го числа. На разсвѣтѣ этого дня онъ увидѣлъ непріятеля и направился на него. Въ 3 часа пополудни, говоритъ французское описаніе, онъ привелъ къ вѣтру, на томъ же галсѣ, какъ и непріятель, на вѣтрѣ у него, но внѣ пушечнаго выстрѣла. Какъ объяснить это явное нежеланіе завязать бой со стороны человѣка, который три года назадъ прославился отчаянными атаками при Солебэѣ и Текселѣ. Его мотивы не дошли до насъ; но можетъ быть, что этотъ глубокомыслившій морякъ имѣлъ въ виду оборонительныя преимущества подвѣтреннаго положенія, особенно при условіи, что непріятель обладаетъ превосходными силами и стремительною храбростью, но неопытенъ въ морскомъ дѣлѣ. Если такія соображенія управляли его дѣйствіями, то они были оправданы результатомъ. Въ сраженіи при Стромболи мы видимъ черты, которыя являются какъ бы предвѣстниками тактики, принятой французами и англичанами сто лѣтъ спустя; но въ этомъ случаѣ французы добиваются навѣтреннаго положенія и атакуютъ съ горячностью, тогда какъ голландцы довольствуются обороной. Результаты были въ значительной степени таковы, какъ указалъ англичанамъ Клеркъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ по морской тактикѣ; здѣсь мы изложимъ ходъ боя всецѣло по французскимъ источникамъ (*).

Оба враждебные флота были въ ордерѣ баталіи на правомъ галсѣ, на курсѣ къ югу, какъ было уже сказано, при чемъ де Рюйтеръ выжидалъ атаки, отъ почина которой наканунѣ онъ отказался; онъ понималъ, что его положеніе между портомъ французовъ и ихъ флотомъ должно вынудить послѣдній къ бою. Въ 9 часовъ утра корабли французской линіи спустились всѣ вдругъ и устремились на голландцевъ въ косвенномъ отно-

(*) Lapeyrouse, Bonfils: Hist. de la Marine Française.

СТРОМБОЛИ
Янв. 8, 1676 г.
Планъ V.
Вѣтеръ WSW.
Французск.
Голландск.
Испанск.
A
A'
A''
B
C
b
a
Вѣтеръ SO
Планъ Va.
ПОКОКЪ и Д'АШЕ
(Pocock & D'Aché)
1758 г.
Французск.
Англійск.

ТИП. ЭД. ГОППЕ.

сительно ихъ линіи направленія, — маневръ, который трудно исполнить въ порядкѣ и въ теченіе котораго огонь непріятеля крайне невыгоденъ для нападающаго (A′, A″, A‴). При этомъ два корабля во французскомъ авангардѣ потерпѣли серьезныя аваріи. «Де ла Файетъ, на *Prudente*, началъ сраженіе; но, опрометчиво врѣзавшись въ середину непріятельскаго авангарда, онъ подвергнулъ свой корабль перекрестнымъ выстрѣламъ, которые перебили на немъ рангоутъ и такелажъ и принудили его выйти изъ строя (a)». Трудность маневра внесла замѣшательство во французскую линію. «Вице-адмиралъ де Прельи (de Preuilli), командовавшій авангардомъ, спускаясь, имѣлъ слишкомъ мало мѣста, такъ что суда его, при приведеніи снова къ вѣтру, слишкомъ скучились и взаимно мѣшали огню своей артиллеріи (A′). Выходъ изъ линіи де ла Файета поставилъ въ опасность *Parfait*. Атакованный двумя кораблями, онъ потерялъ гротъ-мачту и также вышелъ изъ строя для приведенія себя въ порядокъ». Далѣе, французы вступали въ сраженіе послѣдовательно, вмѣсто того, чтобы всѣ вмѣстѣ, — обыкновенный, почти неизбѣжный результатъ маневра, о которомъ идетъ рѣчь. «*Среди* ужасной канонады», т. е. послѣ того, какъ часть кораблей уже завязала бой, «Дюкенъ, командовавшій центромъ, занялъ позицію на траверзѣ дивизіи де Рюйтера». Французскій арьергардъ вступилъ въ сраженіе еще позднѣе, послѣ центра (A″, A‴). «Ланжеронъ и Бетюнъ (Bethune), командовавшіе головными кораблями французскаго центра, были разбиты превосходными силами». Какъ могло это быть, когда мы знаемъ, что французскихъ кораблей было болѣе? Это было потому, какъ говоритъ намъ цитируемое описаніе, что «французы еще не оправились отъ безпорядка перваго движенія». Однако, наконецъ, всѣ корабли вступили въ бой, и Дюкенъ постепенно возстановилъ порядокъ. Голландцы, сражаясь теперь по всей своей линіи, вездѣ сопротивлялись непріятелю; у нихъ не было ни одного корабля, который не участвовалъ бы въ схваткѣ съ противникомъ; похвальнѣе этого ничего нельзя сказать объ адмиралѣ и капитанахъ слабѣйшей изъ сражающихся сторонъ. Остальная часть боя описана неясно. Рюйтеръ, читаемъ мы, по-

стоянно отступалъ съ двумя передовыми дивизіями; но не выяснено, было ли это слѣдствіемъ сознанія имъ своей слабости или же тактическимъ маневромъ. Арьергардъ отдѣлился отъ центра (C′), допущеніе чего было ошибкой или его непосредственнаго начальника, или самого Рюйтера, но попытки французовъ окружить и отдѣлить его еще больше не удались, вѣроятно вслѣдствіе поврежденій въ рангоутѣ ихъ судовъ, потому что одинъ французскій корабль обошелъ совсѣмъ кругомъ отдѣленной группы. Сраженіе окончилось въ 4 ч. 30 м. пополудни, за исключеніемъ арьергарда, и вскорѣ послѣ того пришли испанскія галеры и отбуксировали поврежденныя голландскія суда. Фактъ, что онѣ могли безнаказанно исполнить это, свидѣтельствуетъ о серьезности аварій самихъ французовъ. Позиціи C, C′ показываютъ, какъ далеко отдѣленъ былъ голландскій арьергардъ, а также и тотъ безпорядокъ, которымъ необходимо кончается сраженіе флота подъ парусами вслѣдствіе поврежденій въ рангоутѣ.

Знакомые съ трудомъ Клерка по морской тактикѣ, изданнымъ около 1780 года, узнаютъ въ этомъ описаніи сраженія при Стромболи всѣ черты, на которыя онъ обратилъ вниманіе англійскихъ моряковъ въ своихъ тезисахъ о методахъ сраженія, какимъ слѣдовали они и ихъ противники въ его время и до него. Тезисы Клерка исходятъ изъ положенія, что англійскіе матросы и офицеры превосходятъ французскихъ или въ искусствѣ и въ воинскомъ духѣ, или и въ томъ и въ другомъ, и что корабли ихъ, въ общемъ, также быстроходны, какъ французскіе; сознавая упомянутое превосходство, англичане смѣло рѣшались на атаки. Французы, наоборотъ, сознавая свою сравнительную слабость, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, не были склонны къ рѣшительнымъ сраженіямъ; зная, что можно положиться на смѣлую атаку англичанъ, они выработали хитрый планъ, который, обманывая противника только видимымъ желаніемъ завязать бой, на самомъ дѣлѣ имѣлъ цѣлью уклониться отъ послѣдняго, — и этимъ обманомъ непріятелю наносился большой вредъ.

Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы занять подвѣтренное положеніе, — характеризующееся, какъ указано было выше,

оборонительными свойствами, — и выжидать атаку. По словамъ Клерка, ошибка англичанъ, на которую французы, какъ они знали это по опыту, всегда могли разсчитывать, заключалась въ ихъ обыкновеніи строить флотъ въ линію, параллельную непріятельской, или почти такую, и затѣмъ, спустившись всею этою линіею вмѣстѣ, атаковать каждымъ своимъ кораблемъ соотвѣтствующій ему, по положенію, корабль противника. Поступая такимъ образомъ, нападающій терялъ возможность пользоваться бо̀льшей частью своей артиллеріи, подвергаясь самъ въ то же время полному огню непріятеля и неизбѣжно разстраивая свой порядокъ, сохранить который было почти невозможно въ дыму выстрѣловъ, при разорванныхъ парусахъ и перебитомъ рангоутѣ. Именно такая атака была исполнена Дюкеномъ при Стромболи, — въ точности съ послѣдствіями, указанными Клеркомъ, — т. е. съ разстройствомъ линіи, вступленіемъ въ бой авангарда первымъ и сосредоточеніемъ на него огня противника, безпорядкомъ, внесеннымъ въ арьергардъ потерпѣвшими кораблями авангарда и т. д. Клеркъ утверждаетъ далѣе, — и кажется, справедливо, — что по мѣрѣ разгара сраженія французы, спускаясь подъ вѣтеръ, въ свою очередь заставляли англичанъ повторять тотъ же способъ атаки (*). Въ сраженіи при Стромболи

(*) Французы, по описанію Клерка, дѣлали этотъ маневръ не всею линіею сразу, а гораздо болѣе разумно и цѣлесообразно съ военной точки зрѣнія. Группа изъ двухъ или трехъ кораблей выходила изъ линіи подъ прикрытіемъ дыма и продолжавшагося огня другихъ кораблей линіи; скоро сформировалась вторая линія, которая въ свою очередь, защищала корабли, оставшіеся въ первой линіи, когда они совершали такое же, до нѣкоторой степени рискованное, отступленіе. Въ планѣ V голландскіе корабли b, b, b иллюстрируютъ случай такого отступленія. Англійскіе официальные отчеты восемнадцатаго столѣтія часто говорятъ о поступавшихъ такимъ образомъ французскихъ корабляхъ; англійскіе офицеры приписывали своему превосходству этотъ маневръ, который Клеркъ болѣе правильно считаетъ искусной военной эволюціей, хорошо разсчитанной на то, чтобы дать обороняющемуся шансы вывести изъ строя нѣкоторые корабли нападающаго, когда они, спускаясь, не могутъ пользоваться своей артиллеріей. Въ 1812 году фрегатъ *United States*, подъ командою Декатура (Decatur), употребилъ ту же самую тактику въ сраженіи съ *Macedonian*; и конфедератскія канонерки при Мобилѣ такими же средствами причинили флагманскому кораблю Фаррагута бо̀льшую часть понесенныхъ имъ тяжелыхъ потерь. Въ существенныхъ чертахъ тотъ же самый способъ дѣйствій можетъ примѣняться теперь обороняющимся, имѣющимъ бо̀льшую скорость, когда увлеченіе атакой или условія положенія

мы видимъ подобное же отступленіе де Рюйтера; но мы не знаемъ руководившихъ имъ мотивовъ. Клеркъ указываетъ также, что для флота, занявшаго подвѣтренное положеніе по тактическимъ побужденіямъ, главною цѣлью должно быть поврежденіе рангоута нападающаго, его движущей силы, такъ, чтобы атака его не могла идти далѣе, чѣмъ позволитъ это обороняющійся; и въ разсматриваемомъ сраженіи печальное состояніе рангоута французскаго флота очевидно, такъ какъ, когда Рюйтеръ, увалившись подъ вѣтеръ, не могъ оказать поддержки отдѣлившемуся арьергарду, французы, въ сущности, оставили послѣдній въ покоѣ, между тѣмъ ни одинъ ихъ корабль не былъ потопленъ. Если, поэтому, нельзя съ увѣренностью приписать Рюйтеру намѣренный выборъ подвѣтреннаго положенія, выборъ, для котораго тогда еще не было прецедента, то во всякомъ случаѣ очевидно, что онъ воспользовался всѣми его выгодами и что свойства французскихъ офицеровъ его времени, — неопытныхъ, какъ моряковъ, но обладавшихъ беззавѣтной храбростью, — представляли какъ разъ тѣ условія, при которыхъ оборонительное положеніе слабѣйшей стороны является наивыгоднѣйшимъ. Качества, или характерныя свойства непріятеля, суть главнѣйшіе изъ тѣхъ факторовъ, съ которыми считается геніальный военачальникъ, и этой чертѣ своей, въ ряду многихъ другихъ, обязанъ Нельсонъ своимъ блестящимъ успѣхомъ. Въ противоположность искусной оборонѣ Рюйтера, французскій адмиралъ велъ атаку совершенно неумѣло, распредѣливъ свои корабли противъ кораблей противника поодиночкѣ, безъ попытки сосредоточить свою силу противъ слабой части непріятеля и даже не пробуя отвлечь его какой-либо диверсіей

побуждаютъ его къ прямому наступленію на противника. Существовала, впрочемъ, еще причина, которая могла косвеннымъ образомъ заставить обороняющуюся линію уклоняться все болѣе и болѣе подъ вѣтеръ; на нее, однако, нигдѣ не указывалось: когда корабль въ такой линіи (какъ напр. въ с), не имѣя противника на своемъ траверзѣ, видитъ, что передній мателотъ его сражается въ затруднительномъ положеніи, то у него естественно является побужденіе прійти къ товарищу на выручку, положивъ руль на бортъ такъ, чтобы можно было дать бортовой залпъ по его врагу. Это могло быть достигнуто только цѣною разстройства линіи; и если такой маневръ повторялся нѣсколькими кораблями, то строй могъ быть возстановленъ только послѣ спуска всей линіи подъ вѣтеръ.

въ ожиданіи прихода на помощь французской эскадры изъ восьми кораблей, стоявшей на якорѣ въ Мессинѣ, т. е. совсѣмъ близко. Такая тактика не заслуживала бы собственно вниманія рядомъ съ искусными маневрами при Солебэѣ и Текселѣ, если бы не фактъ, что Дюкенъ былъ лучшимъ изъ французскихъ адмираловъ въ томъ столѣтіи, за возможнымъ исключеніемъ только Турвиля; и только поэтому разсмотрѣнное нами сраженіе имѣетъ само по себѣ значеніе и не можетъ быть пропущено при изученіи исторіи тактики. Репутація главнокомандовавшаго этимъ сраженіемъ служитъ намъ гарантіей, что въ немъ проявлена высшая степень искусства въ дѣлѣ морской тактики, достигнутаго французскими моряками той эпохи. Прежде, чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, слѣдуетъ замѣтить, что способъ, рекомендованный Клеркомъ, состоитъ въ атакѣ арьергардныхъ кораблей непріятельскаго строя и, предпочтительно, подвѣтренныхъ; остальная часть флота противника должна тогда будетъ или оставить ихъ безъ поддержки, или же вступить въ общее сраженіе, что, — согласно его утвержденію, — составляло все, чего желали англійскіе моряки.

Послѣ сраженія де Рюйтеръ отплылъ въ Палермо, при чемъ одинъ изъ его кораблей утонулъ на пути. Къ Дюкену, подъ Мессиной, присоединилась стоявшая тамъ французская дивизія. Остальныя событія Сицилійской войны не важны для общаго предмета нашего труда. 22-го апрѣля де Рюйтеръ и Дюкенъ встрѣтились снова — подъ Агостой. У Дюкена было двадцать девять линейныхъ кораблей, у союзниковъ, — испанцевъ и голландцевъ, — двадцать семь, изъ которыхъ десять испанскихъ. Къ несчастью главнокомандующимъ соединеннымъ флотомъ былъ испанскій адмиралъ, и эскадра его заняла центръ линіи, вопреки совѣту Рюйтера, который, зная какъ ненадежны были его союзники, хотѣлъ, чтобы испанскія суда были распредѣлены по всей линіи, для возможности поддержки ихъ. Рюйтеръ принялъ командованіе авангардомъ, и союзники, будучи на вѣтрѣ, атаковали противника; но испанскій центръ держался почти на предѣлѣ дальности пушечнаго выстрѣла, предоставивъ голландскому авангарду самый жаркій огонь непріятеля. Арьергардъ, слѣдуя движеніямъ главнаго началь-

ника, также принималъ лишь малое участіе въ сраженіи. При этомъ печальномъ, хотя все-таки славномъ исполненіи безнадежнаго долга, де Рюйтеръ, который никогда до тѣхъ поръ въ теченіе своей долгой боевой карьеры не былъ пораженъ непріятельскимъ выстрѣломъ, получилъ смертельную рану. Онъ умеръ недѣлю спустя въ Сиракузахъ, и съ нимъ исчезла послѣдняя надежда союзниковъ на успѣшное сопротивленіе на морѣ. Мѣсяцъ спустя, испанскій и голландскій флоты были атакованы на якорѣ въ Палермо, и многіе изъ ихъ судовъ уничтожены; въ то же время дивизія, посланная изъ Голландіи для подкрѣпленія Средиземноморскаго флота, была встрѣчена французской эскадрой въ Гибралтарскомъ проливѣ и должна была искать убѣжища въ Кадиксѣ.

Сицилійское предпріятіе продолжало быть только диверсіей, и малая важность, приписывавшаяся ему Людовикомъ XIV, ясно указываетъ какъ всецѣло вниманіе послѣдняго было поглощено континентальной войной. Насколько иначе было бы понято имъ значеніе Сициліи, если бы взоры его были обращены на Египетъ и на расширеніе могущества Франціи на морѣ! Между тѣмъ годъ отъ году англійскій народъ приходилъ все въ бо̀льшее и бо̀льшее возбужденіе противъ Франціи; торговое соперничество ея съ Голландіей, казалось, потухло на время, и сдѣлалось вѣроятнымъ, что Англія, вступившая въ войну, какъ союзница Людовика, еще до окончанія ея подниметъ оружіе противъ него. Къ другимъ причинамъ присоединился еще фактъ, что французскій флотъ увеличился до превосходства надъ англійскимъ. Карлъ нѣкоторое время могъ сопротивляться давленію парламента; но въ январѣ 1678 года между двумя морскими державами былъ заключенъ оборонительно-наступательный, союзный договоръ; Король отозвалъ изъ Франціи свои войска, служившія до тѣхъ поръ частью арміи Людовика, и съ новымъ открытіемъ парламента въ февралѣ мѣсяцѣ испросилъ средства на снаряженіе девяноста кораблей и тридцати тысячъ солдатъ. Людовикъ, который ожидалъ этого результата, приказалъ немедленно же очистить отъ войскъ Сицилію. Онъ не боялся Англіи на сушѣ, но на морѣ онъ не могъ еще успѣшно сопротивляться соединеннымъ

усиліямъ двухъ морскихъ державъ. Въ то же самое время онъ еще съ большей энергіей повелъ свои атаки на Испанскіе Нидерланды. Пока была надежда удержать англійскіе корабли отъ сраженія, онъ избѣгалъ затрогивать щепетильность Англіи операціями противъ Бельгійскаго морскаго побережья; но разъ примиреніе сдѣлалось невозможнымъ, онъ разсчиталъ, что лучше испугать Голландію стремительностью нападенія на ту часть ея владѣнія, гдѣ она всего болѣе боялась его.

Соединенныя Провинціи были, по истинѣ, главною пружиною коалиціи. Будучи самой малой, по размѣрамъ территоріи, изъ странъ, поднявшихся на Людовика, Голландія въ то же время могла считаться сильнѣйшимъ противникомъ его; этому способствовали характеръ и задачи ея правителя, принца Оранскаго, и богатство, которое, поддерживая армію конфедератовъ, поддерживало также и надежность союза съ Принцемъ бѣдныхъ и жаждавшихъ помощи германскихъ князей. Благодаря своей морской силѣ, развитію торговли и судоходства, Соединенныя Провинціи, хотя уже шатаясь и жалуясь, все же выносили почти однѣ бремя войны. Какъ въ послѣдующія столѣтія Англія, такъ въ описываемое нами время Голландія, великая морская держава, поддерживала войну противъ притязаній Франціи; но ея страданія были велики. Ея торговля, служа добычею французскихъ приватировъ, несла тяжелыя потери; и къ этому присоединилась еще огромная косвенная потеря, происшедшая отъ необходимости отказаться вслѣдствіе войны отъ транспортированія иностранныхъ торговыхъ грузовъ между другими странами, а эта торговая операція всегда была для Голландіи источникомъ большихъ доходовъ. Когда флагъ Англіи сдѣлался нейтральнымъ, упомянутая выгодная операція перешла къ ея кораблямъ, пересѣкавшимъ моря еще съ большей безопасностью вслѣдствіе горячаго желанія Людовика пріобрѣсть симпатіи англійскаго народа. То же желаніе заставило его также сдѣлать весьма большія уступки требованіямъ Англіи, въ дѣлѣ коммерческихъ договоровъ, отказавшись въ значительной мѣрѣ отъ протекціонной системы, которою Кольберъ думалъ помочь развитію все еще слабой французской морской силы. Эти «подачки», однако, усыпили лишь на моментъ страсти, которыя воодуше-

вляли Англію; не личный интересъ, а болѣе сильные мотивы побуждали ее къ разрыву съ Франціей.

Еще менѣе интереса было для Голландіи продолжать войну послѣ того, какъ Людовикъ высказалъ желаніе мира. Континентальная война могла бы быть для нея, въ самомъ лучшемъ случаѣ, только необходимымъ зломъ и источникомъ слабости. Деньги, которыя она тратила на свою и союзныя арміи, были потеряны для ея флота, и источники ея благосостоянія на морѣ изсякали. Насколько оправдывалась стремленіями Людовика XIV непоколебимая и постоянная оппозиція ему принца Оранскаго, это — вопросъ спорный, и здѣсь нѣтъ необходимости обсуждать его; но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что борьба осуждала морскую силу Голландіи на прямое истощеніе и этимъ расшатывала положеніе, занятое послѣднею среди другихъ государствъ. «Расположенныя между Франціей и Англіей», говоритъ историкъ, «Соединенныя Провинціи, освободившись отъ ига Испаніи, были въ постоянной войнѣ то съ тою, то съ другою изъ нихъ, — въ войнѣ, истощавшей ихъ финансы, уничтожавшей ихъ флотъ и вызывавшей быстрый упадокъ ихъ торговли, мануфактуръ и промышленности; и въ концѣ концовъ миролюбивая нація увидѣла себя раздавленною ничѣмъ ею невызванными и продолжительными враждебными дѣйствіями сосѣдей. Часто также дружба Англіи была едва ли менѣе вредна для Голландіи, чѣмъ ея вражда; по мѣрѣ роста одной и приниженія другой эта дружба обращалась въ союзъ гиганта съ карликомъ» (*). До сихъ поръ мы видѣли Голландію или въ открытой враждѣ, или въ горячемъ соперничествѣ съ Англіей; ниже она появится передъ нами, какъ союзница послѣдней, и опять въ страдательномъ положеніи, — вслѣдствіе меньшей величины своей территоріи, меньшей численности своего народонаселенія и менѣе благопріятнаго географическаго положенія.

Истощеніе Соединенныхъ Провинцій и громкія жалобы ихъ купцовъ и мирной партіи, съ одной стороны, страданія Франціи, разстройство ея финансовъ и угрожающее присоединеніе

(*) Davies: History of Holland.

флота Англіи къ ея и безъ того уже многочисленнымъ врагамъ съ другой стороны, склонили къ миру двѣ главныя враждебныя стороны въ этой долгой войнѣ. Людовикъ давно желалъ заключить миръ съ одною Голландіею, но Штаты не соглашались на это — сначала изъ чувства долга по отношенію къ тѣмъ, которые оказали имъ помощь въ ихъ черные дни, а затѣмъ изъ твердаго стремленія къ своей цѣли принца Оранскаго. Но мало по-малу затрудненія были устранены взаимными уступками, и 11-го августа 1678 года между Соединенными Провинціями и Франціей былъ подписанъ Нимвегенскій миръ (Paece of Nimeguen), принятый вскорѣ и другими державами.

Естественно, что болѣе всѣхъ при этомъ потерпѣла огромная, но слабая монархія, — которой центромъ была Испанія, — уступившая Франціи Франшъ-Конте и многіе укрѣпленные города въ Испанскихъ Нидерландахъ, что раздвинуло границы Франціи на востокъ и сѣверо-востокъ. Голландія, ради уничтоженія которой Людовикъ началъ войну, не потеряла ни пяди земли въ Европѣ; за океаномъ же она потеряла только свои колоніи на западномъ берегу Африки и въ Гвіанѣ. Своимъ спасеніемъ сначала и успѣшнымъ исходомъ войны потомъ она обязана была своей морской силѣ. Эта сила спасла ее въ часъ крайней опасности и сдѣлала ее способной выдержать расходы въ общей войнѣ; и даже можно сказать, что эта сила была однимъ изъ главныхъ факторовъ, — и при томъ не уступавшимъ въ значеніи ни одному изъ послѣднихъ въ отдѣльности, — повліявшихъ на исходъ великой войны, которая формально закончилась Нимвегенскимъ миромъ.

Тѣмъ не менѣе чрезмѣрныя напряженія Голландіи подорвали ея силы и, продолжаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, разбили ихъ совсѣмъ. Но каковы же были послѣдствія раззорительныхъ войнъ этой эпохи для гораздо бо́льшаго государства, крайняя притязательность короля котораго и была главной причиной ихъ? Между многими отраслями дѣятельности, ознаменовавшей блестящее начало царствованія тогда еще молодаго короля Франціи, ни одна не имѣла такого значенія и не полна такъ интеллектуальнымъ направленіемъ, какъ дѣятельность Кольбера, которая имѣла цѣлью сначала воз-

становленіе финансовъ изъ ихъ разстроеннаго состоянія и затѣмъ обезпеченіе ихъ въ будущемъ на прочномъ основаніи національнаго богатства. Это богатство стояло въ то время на значительно низшей степени, чѣмъ было возможно для Франціи, и его надлежало развивать путемъ покровительства производительности, побужденіемъ торговли къ здоровой дѣятельности, расширеніемъ судоходства, созданіемъ большаго военнаго флота и развитіемъ колоній. Одни изъ перечисленныхъ элементовъ суть источники, а другіе — составляющія части морской силы, которая въ свою очередь должна считаться непремѣнной принадлежностью державы, прилегающей къ морю, если только не главнымъ источникомъ ея могущества. Въ теченіе двѣнадцати почти лѣтъ все шло хорошо; развитіе величія Франціи подвигалось во всѣхъ названныхъ направленіяхъ, быстро если и не одинаково, и доходы короля увеличивались поразительно. Затѣмъ пришелъ часъ, когда королю надлежало рѣшить, на какой изъ двухъ открывавшихся передъ нимъ путей направить силы его націи, вызванныя къ напряженной дѣятельности его честолюбіемъ естественно и можетъ быть цѣлесообразными средствами. Одинъ изъ этихъ путей, хотя и требуя громаднаго напряженія, совсѣмъ не помогалъ естественной дѣятельности его народа, а скорѣе затруднялъ ее и разрушалъ торговлю, оставляя обладаніе моремъ въ необезпеченномъ положеніи. Другой, хотя и обязывавшій къ большимъ расходамъ, обезпечивалъ миръ на границахъ государства, велъ къ обладанію моремъ и, давая побужденія къ развитію торговли и всего, отъ чего она зависитъ, приводилъ къ доходамъ, — почти, если не совершенно, — равнымъ тѣмъ расходамъ, которые государству пришлось бы произвести. Это не фантастическая картина: поведеніе Людовика XIV относительно Голландіи и его послѣдствія дали первый толчокъ Англіи на пути, приведшемъ ее, еще при его жизни, къ результатамъ, на которые Кольберъ и Лейбницъ надѣялись для Франціи. Именно своей политикой Людовикъ направилъ грузы различныхъ націй, перевозившіеся прежде голландцами, на корабли Англіи; допустилъ ее мирно колонизовать Пенсильванію и Каролину и занять Нью-Іоркъ и Джерсей; наконецъ онъ, для обезпеченія ея нейтрали-

тета, пожертвовалъ уже процвѣтавшею торговлею Франціи. Не сразу, но весьма быстро Англія заняла передовое мѣсто, какъ морская держава; и какъ ни бывало по временамъ тяжело ея положеніе или положеніе отдѣльныхъ ея гражданъ при международныхъ столкновеніяхъ, всегда можно было сказать, что даже во время войны ея благосостояніе было велико. Безъ сомнѣнія Франція не могла ни забыть своего континентальнаго положенія, ни всецѣло уклониться отъ континентальныхъ войнъ; но можно думать, что если бы она избрала путь морской державы, то могла бы и избѣжать многихъ осложненій и перенести съ бо̀льшею легкостью тѣ, которыя были неизбѣжны. Ущербъ, ею понесенный, не былъ неисправимымъ во время заключенія Нимвегенскаго мира, но «земледѣльческіе классы, торговля, мануфактуры и колоніи одинаково пострадали отъ войны; и условія мира, столь выгоднаго для территоріальной и военной силы Франціи, были гораздо менѣе выгодны для ея мануфактуръ, такъ какъ покровительственные тарифы были понижены въ пользу Англіи и Голландіи» (*), двухъ морскихъ державъ. Коммерческое судоходство было разстроено, и блестящій ростъ королевскаго флота, который возбуждалъ зависть Англіи, былъ подобенъ росту дерева безъ корней; это дерево скоро завяло въ палящемъ дыханіи войны.

Прежде, чѣмъ окончить разсмотрѣніе этой войны съ Голландіей, полезно сдѣлать краткое замѣчаніе о графѣ д'Эстре, которому Людовикъ поручилъ французскій контингентъ союзнаго флота и который командовалъ имъ при Солебэѣ и Текселѣ, — такъ какъ это замѣчаніе броситъ нѣкоторый свѣтъ на качества французскихъ морскихъ офицеровъ той эпохи, когда опытъ еще не сдѣлалъ многихъ изъ нихъ моряками. Д'Эстре вышелъ въ море въ первый разъ въ 1667 году, будучи тогда уже человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ; но въ 1672 году мы видимъ его главнокомандующимъ сильной эскадрой, въ которой Дюкенъ занималъ подчиненный постъ, хотя этотъ офицеръ былъ морякомъ уже въ теченіе почти сорока лѣтъ. Въ 1677 году д'Эстре получилъ отъ короля отрядъ изъ восьми

(*) Martin: History of France.

кораблей, который долженъ былъ содержать на свой счетъ, — при условіи полученія половинной стоимости призовъ, какіе удастся захватить ему. Съ этой эскадрой онъ атаковалъ тогда голландскій островъ Тобаго, съ рѣшимостью, которая показала, что не недостатокъ мужества вызвалъ его двусмысленное поведеніе при Текселѣ. Въ слѣдующемъ году онъ снова вышелъ въ море и ухитрился посадить на мель всю эскадру у Птичьихъ острововъ (Aves Jlands). Описаніе этого событія, сдѣланное капитаномъ флагманскаго корабля, столько же забавно, сколько и поучительно. Въ своемъ рапортѣ онъ говоритъ: —

„Въ тотъ день, когда эскадра погибла, штурмана, опредѣливъ мѣсто ся по высотѣ солнца, были созваны, какъ обыкновенно, въ каюту вице-адмирала. Спускаясь туда узнать что тамъ происходитъ, я встрѣтилъ третьяго штурмана, Бурдалу (Bourdaleoue), который выходилъ оттуда съ ворчаніемъ. На мой вопросъ, въ чемъ дѣло,—онъ отвѣтилъ: „За то, что я нашелъ бòльшій дрейфъ, чѣмъ другіе штурмана, адмиралъ обижаетъ меня угрозами, какъ обыкновенно; между тѣмъ я виноватъ лишь тѣмъ, что дѣлаю только лучшее, что могу". Когда я вошелъ въ каюту, адмиралъ, который былъ очень разсерженъ, сказалъ мнѣ: „Этотъ бездѣльникъ Бурдалу всегда является ко мнѣ съ разными безсмыслицами; я прогоню его съ корабля. Онъ заставляетъ насъ измѣнить курсъ, — куда, знаетъ чертъ, а не я". — Такъ какъ я не зналъ кто былъ правъ", говоритъ довольно наивно капитанъ корабля, „то я и не осмѣлился ничего отвѣтить адмиралу, чтобы не навлечь подобнаго же шторма на свою голову" (*).

Нѣсколько времени спустя послѣ этой сцены, которая, какъ говоритъ цитированный сейчасъ французскій офицеръ, «кажется теперь смѣшною, но которая есть только точное изображеніе морскихъ порядковъ того времени, вся эскадра разбилась на группѣ скалъ, извѣстныхъ подъ именемъ Птичьихъ острововъ. Таковы были офицеры». Капитанъ флагманскаго корабля въ другой части своего рапорта говоритъ: «Крушеніе было результатомъ общаго характера поведенія вице-адмирала д'Эстре. На эскадрѣ всегда господствовали мнѣнія его прислуги или всѣхъ другихъ, кромѣ компетентныхъ въ этихъ мнѣніяхъ офицеровъ корабля. Этотъ образъ дѣйствій не удивителенъ со стороны графа д'Эстре, который, не имѣя необходимыхъ свѣдѣній въ профессіи, избранной имъ такъ поздно,

(*) Gougeard: Marine de Guerre.

всегда былъ окруженъ темными совѣтчиками; присвоивая себѣ ихъ мнѣнія, онъ думалъ обмануть подчиненныхъ и скрыть отъ нихъ недостатокъ своихъ знаній» (*). Д'Эстре былъ сдѣланъ вице-адмираломъ черезъ два года послѣ того, какъ впервые ступилъ на палубу корабля.

(*) Troude: Batailles Navales.

ГЛАВА IV.

Англійская революція. — Война Аугсбургской лиги 1688 г. — 1697 г. — Морскія сраженія при Бичи-Хэдѣ (Beachy Head) и при Ла Хогѣ (La Hogue).

За Нимвегенскимъ миромъ послѣдовалъ десятилѣтній періодъ затишья, въ теченіе котораго не было ни одной большой войны, но который, однако, далеко не былъ періодомъ политическаго спокойствія. Людовикъ XIV стремился и въ мирное время расширять свои границы къ востоку такъ же горячо, какъ добивался этого въ войнѣ, и находилъ способы быстро присвоивать себѣ тѣ части территоріи, которыя не были уступлены ему по мирному договору. Въ притязаніяхъ на нихъ онъ то опирался на древнія феодальныя обязательства, то основывалъ свои права на томъ, что будто бы требовавшіяся имъ области неявно зависятъ отъ тѣхъ, которыя явно переданы ему статьями договора... Покупкою въ одномъ случаѣ, прямымъ насиліемъ въ другомъ и пуская въ ходъ такъ называемые мирные способы защиты своихъ правъ опорой на вооруженную силу, онъ продолжалъ процессъ расширенія своей территоріи между 1679 и 1682 годами. Болѣе всего встревожилъ Европу, и особенно Германскую Имперію, захватъ, тогда имперскаго, города Страсбурга, 30-го сентября 1681 года; а пріобрѣтеніе въ тотъ же день Казаля (Casale), въ Италіи, покупкою отъ герцога Мантуа, показало, что у Людовика были претензіи и въ этомъ направленіи такъ же, какъ на сѣверо-востокъ. И тотъ и другой пункты были позиціями большаго стратегическаго значенія, угрожавшими въ случаѣ войны, одна — Германіи, другая — Италіи.

Возбужденіе во всей Европѣ было весьма велико; Людо-

викъ, явно полагаясь на свою силу, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ создавалъ новыхъ враговъ и отталкивалъ прежнихъ друзей. Король Швеціи, прямо оскорбленный его дѣйствіями противъ герцогства Deux-Ponts, примкнулъ вмѣстѣ съ итальянскими государствами къ врагамъ Франціи. Самъ папа сдѣлался врагомъ Короля, который уже показалъ свою ревность въ вопросѣ обращенія протестантовъ и приготовлялся къ отмѣнѣ Нантскаго эдикта. Но неудовольствіе, хотя глубокое и общее, нуждалось въ болѣе организованномъ и опредѣленномъ выраженіи его, душою котораго опять явилась Голландія, въ лицѣ принца Оранскаго. Для зрѣлой подготовки дѣла нужно было, однако, время. «Никто не вооружался еще, но каждый говорилъ, писалъ, агитировалъ — отъ Стокгольма до Мадрида... Война перомъ предшествовала въ теченіе многихъ лѣтъ войнѣ мечемъ; неутомимые публицисты обращались съ постоянными воззваніями къ европейскому мнѣнію; подъ всѣми формами терроръ угрожалъ новой всемирной монархіи», которая стремилась занять мѣсто, нѣкогда принадлежавшее Австрійскому Дому. Было извѣстно, что Людовикъ старался или сдѣлаться самъ, или сдѣлать своего сына императоромъ Германіи. Но усложненія различнаго рода, частные интересы, недостатокъ денежныхъ средствъ, — все это мѣшало перейти отъ слова къ дѣлу. Соединенныя Провинціи, вопреки желаніямъ Вильгельма, все еще не хотѣли опять принять на себя роль банкира коалиціи, а императору Германіи настолько угрожало на его восточной границѣ возмущеніе венгровъ и турокъ, что онъ не рѣшался рискнуть на западную войну.

Между тѣмъ вооруженный флотъ Франціи ежедневно выросталъ въ силѣ и цѣлесообразности организаціи, подъ вліяніемъ заботъ Кольбера и пріучался къ войнѣ въ нападеніяхъ на Варварійскихъ пиратовъ и на ихъ порта. Рядомъ съ этимъ, въ теченіе того же времени, оба флота, англійскій и голландскій, уменьшались количественно и падали качественно въ бездѣйствіи. Уже было сказано выше, что въ 1688 году, когда Вильгельмъ нуждался въ голландскихъ корабляхъ, для своей экспедиціи въ Англію, было признано, что флотъ находился тогда совсѣмъ въ иномъ состояніи, чѣмъ въ 1672 году, «неисчислимо

ослабленный въ силѣ и лишенный его способнѣйшихъ командировъ». Въ Англіи, за упадкомъ дисциплины, послѣдовала политика экономіи матеріаловъ, сократившая численность флота и ухудшившая его состояніе; а послѣ вспышки, угрожавшей въ 1678 году войной съ Франціей, король ввѣрилъ попеченіе о флотѣ новой корпораціи людей, относительно которыхъ англійскій морской историкъ говоритъ: «Эта новая администрація продолжалась пять лѣтъ, и если бы она продолжалась еще пять лѣтъ, то по всей вѣроятности исправила бы даже то глубокое и многостороннее зло, какое сдѣлала флоту, — окончательнымъ уничтоженіемъ его, такъ какъ тогда бы не осталось уже мѣста для новыхъ ошибокъ. Однако именно этотъ результатъ и побудилъ короля въ 1684 году снова взять управленіе флотомъ въ свои руки, возвративъ бо́льшей части старыхъ офицеровъ ихъ прежнія должности; но его величество умеръ (въ 1685 году) прежде, чѣмъ процессъ возстановленія флота успѣлъ проявиться чѣмъ нибудь» (*). Перемѣна правителя не только имѣла въ высшей степени серьезное значеніе для англійскаго флота, но, вслѣдствіе вліяній ея на планы Людовика XIV, вліяла также и на судьбу общей войны, подготовлявшейся притязаніями послѣдняго. Іаковъ II особенно интересовался флотомъ; онъ былъ самъ морякомъ и даже главнокомандующимъ въ сраженіяхъ при Ловестофтѣ и Соутвольдской бухтѣ. Онъ зналъ печальное состояніе флота, и немедленно принятыя имъ мѣры для поднятія его, какъ въ численности, такъ и въ качествахъ, были глубоко обдуманы и цѣлесообразны. Въ теченіе трехъ лѣтъ его царствованія было сдѣлано дѣйствительно очень много для созданія оружія, которое впервые было испытано сначала въ борьбѣ противъ него и его лучшихъ друзей.

Восшествіе на престолъ Іакова II, сначала полное обѣщаній для Людовика XIV, ускорило начало враждебныхъ дѣйствій Европы противъ него. Домъ Стюарта, тѣсно связанный съ королемъ Франціи и симпатизировавшій абсолютизму его правленія, пользовался все еще большимъ вліяніемъ своего главы для умѣренія политической и религіозной вражды англійской націи

(*) Campbell. Lives of the admirals.

къ Франціи. Іаковъ II съ политическими симпатіями къ послѣдней соединялъ еще пылъ римско-католической ревности; это привело его къ поступкамъ, неизбѣжно вызвавшимъ взрывъ національныхъ чувствъ англійскаго народа, окончившійся низверженіемъ его съ англійскаго трона и призваніемъ на послѣдній, голосомъ парламента, его дочери Маріи, супруги Вильгельма Оранскаго.

Въ томъ самомъ году, какъ Іаковъ сдѣлался королемъ, начала организоваться обширная дипломатическая коалиція противъ Франціи. Движеніе это имѣло двѣ стороны, религіозную и политическую. Протестантскія государства были возмущены все возроставшими преслѣдованіями французскихъ протестантовъ, и ихъ раздраженіе усиливалось по мѣрѣ того, какъ въ политикѣ Іакова Англійскаго проявлялась все бо̀льшая и бо̀льшая склонность къ Риму. Сѣверныя протестантскія государства, — Голландія, Швеція и Бранденбургъ, — заключили между собою союзъ; они разсчитывали на поддержку императора Австріи и Германіи, на Испанію и другія римско-католическія государства, которыя руководствовались и политическими соображеніями и непріязнью къ Франціи. Руки Императора были теперь развязаны вслѣдствіе успѣшнаго окончанія борьбы съ турками. 9-го іюля 1686 года было подписано въ Аугсбургѣ секретное соглашеніе между нимъ, королями Испаніи и Швеціи и многими германскими князьями. Цѣлью этого соглашенія сначала была только оборона противъ Франціи, но его легко было обратить и въ наступательный союзъ, который сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Аугсбургской лиги; поэтому и война, послѣдовавшая черезъ два года послѣ его заключенія, получила названіе войны Аугсбургской лиги.

Слѣдующій, 1687, годъ ознаменовался для Имперіи еще бо̀льшими успѣхами въ борьбѣ съ турками и венграми. Было очевидно, что Франція не могла ничего больше ждать отъ диверсій въ этомъ направленіи. Въ то же самое время дѣлались все болѣе и болѣе явными недовольство англичанъ и претензіи принца Оранскаго, который надѣялся въ своемъ восшествіи на престолъ Англіи не на простое личное возвеличеніе, но и на осуществленіе своего сильнѣйшаго по-

литическаго желанія сломить навсегда могущество Людовика XIV. Но для экспедиціи въ Англію Вильгельму нужны были корабли, деньги и люди изъ Соединенныхъ Провинцій, которыя, однако, не сразу отважились на этотъ шагъ помощи ему, зная, что результатомъ его должна быть война съ французскимъ королемъ, провозгласившимъ Іакова своимъ союзникомъ. Скоро, впрочемъ, они сдѣлали этотъ шагъ, вслѣдствіе ошибочной политики Людовика, неудачно выбравшаго этотъ моментъ для отрѣченія отъ уступокъ, сдѣланныхъ по Нимвегенскому миру голландской торговлѣ. Серьезный вредъ, нанесенный такимъ образомъ матеріальнымъ интересамъ Голландіи, перетянулъ чашу политическихъ вѣсовъ на сторону разрыва. «Это нарушеніе Нимегенскихъ конвенцій», говоритъ французскій историкъ (*), «нанеся жестокій ударъ голландской торговлѣ, сокративъ ее въ одной Европѣ болѣе, чѣмъ на четвертую долю, устранило препятствіе, которое религіозныя страсти встрѣчали еще въ матеріальныхъ интересахъ и отдало въ распоряженіе Вильгельма всю Голландію, какъ не имѣвшую болѣе никакихъ основаній дорожить миромъ съ Франціей». Это было въ ноябрѣ 1687 года. Лѣтомъ слѣдующаго года рожденіе наслѣдника англійскаго престола ускорило исходъ. Англичане могли еще помириться съ царствованіемъ отца, теперь уже преклонныхъ лѣтъ, но не могли вынести перспективы цѣлой династіи королей римско-католическаго исповѣданія.

Дѣла достигли, наконецъ, кризиса, къ которому стремились въ теченіе многихъ лѣтъ. Людовикъ и Вильгельмъ Оранскій, исконные враги и, въ разсматриваемый моментъ, двѣ главныя фигуры въ европейской политикѣ, равносильныя, какъ по своимъ выдающимся личнымъ свойствамъ, такъ и по существу представлявшихся ими международныхъ интересовъ, стояли на краю великихъ событій, которыхъ вліяніе должно было дать себя почувствовать въ Европѣ въ теченіе многихъ поколѣній. Вильгельмъ, — деспотическій по своему темпераменту, — находился на берегахъ Голландіи, смотря съ полной надеждой на свобод-

(*) Martin: History of France.

ную Англію, отъ которой былъ отдѣленъ узкимъ поясомъ воды, составлявшимъ оборону островнаго королевства; однако этотъ же поясъ могъ сдѣлаться и непреодолимымъ барьеромъ для его цѣлей, ибо французскій король былъ тогда въ состояніи обезпечить за собою обладаніе моремъ, если бы захотѣлъ. Людовикъ, держа всю силу Франціи въ своей десницѣ и съ вожделѣніемъ устремивъ взоры, какъ и прежде, на востокъ, видѣлъ, что на континентѣ собирались противъ него тучи, а на флангѣ у него глубоко враждебная Англія томилась горячимъ желаніемъ вступить съ нимъ въ бой, ожидая только вождя. Королю Франціи предстояло еще рѣшить, слѣдовало ли оставить свободнымъ путь для присоединенія головы къ ожидавшему его тѣлу и для соединенія двухъ морскихъ державъ, Англіи и Голландіи, подъ однимъ скипетромъ. Если бы онъ атаковалъ Голландію съ суши и послалъ свой сильнѣйшій флотъ въ Каналъ, то могъ бы удержать Вильгельма въ его странѣ, тѣмъ болѣе, что англійскій флотъ, любимый и лелѣемый королемъ, по всей вѣроятности, питалъ къ послѣднему болѣе, чѣмъ обыкновенную преданность моряковъ своему начальнику. Вѣрный стремленіямъ своей жизни, быть можетъ даже неспособный освободиться отъ нихъ, онъ продолжалъ увлекаться континентальными интересами, и 24-го сентября 1688 года, объявивъ войну Германіи, двинулъ свои арміи къ Рейну. Вильгельмъ съ безмѣрной радостью увидѣлъ въ этомъ устраненіе послѣдняго препятствія къ осуществленію своихъ желаній. Задержанный на нѣсколько недѣль противными вѣтрами, онъ, наконецъ, отплылъ изъ Голландіи 30-го октября. Экспедиція состояла болѣе чѣмъ изъ пятисотъ транспортовъ, съ пятнадцатью тысячами солдатъ, прикрывавшаяся конвоемъ изъ пятидесяти военныхъ кораблей. Смѣшанный характеръ предпріятія, политическій и религіозный, указывался тѣмъ фактомъ, что бо̀льшую часть офицеровъ арміи составляли французскіе протестанты, которые были изгнаны изъ Франціи послѣ послѣдней войны, и главнымъ начальникомъ экспедиціи, непосредственно послѣ Вильгельма, былъ гугенотъ Шомбергъ, бывшій маршалъ Франціи. Первая съемка флота съ якоря была неудачна вслѣдствіе жестокаго шторма; но

послѣ вторичнаго выхода экспедиціи въ море, 10-го ноября, свѣжій попутный вѣтеръ способствовалъ быстрому плаванію ея черезъ проливы и Каналъ, и Вильгельмъ высадился 15-го числа въ Торбэй (Torbay). Ранѣе конца этого года Іаковъ бѣжалъ изъ своего королевства, а 21-го апрѣля слѣдующаго года Вильгельмъ и Марія были провозглашены правителями Великобританіи. Англія и Голландія соединились такимъ образомъ для войны, которую Людовикъ провозгласилъ противъ Соединенныхъ Провинцій, какъ только узналъ о вторженіи Вильгельма въ Англію. Въ теченіе всѣхъ недѣль, когда экспедиція снаряжалась и ожидала благопріятнаго для отплытія момента, французскій посланникъ въ Гагѣ и морской министръ просили короля помѣшать ей; это было бы вполнѣ возможно, благодаря большой морской силѣ Франціи, — столь большой, что французскій флотъ въ первые годы войны превышалъ численно соединенные флоты Голландіи и Англіи; но Людовикъ не захотѣлъ сдѣлать этого. Какъ будто слѣпота поразила королей какъ Англіи, такъ и Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, Іаковъ, посреди всѣхъ своихъ опасеній, настойчиво отказывался отъ всякой помощи французскаго флота, полагаясь на вѣрность англійскихъ моряковъ своей особѣ, хотя его попытки отслужить обѣдню на корабляхъ возбудили ропотъ и возмущеніе, окончившіеся тѣмъ, что экипажъ чуть не выбросилъ за бортъ священниковъ.

Франція такимъ образомъ вступила въ войну Аугсбургской Лиги одна, безъ союзниковъ. «То, чего она болѣе всего боялась, чему долго препятствовала ея политика, должно было, наконецъ, случиться. Англія и Голландія не только заключили между собою союзъ, но и соединились подъ главенствомъ одного вождя.... И Англія вступила въ коалицію со всемъ пыломъ страстей, долго сдерживавшихся политикою Стюарта». Морскія сраженія, состоявшіяся въ этой войнѣ, имѣютъ гораздо меньшее тактическое значеніе, чѣмъ сраженія де Рюйтера. Что же касается стратегическаго интереса ея, то онъ заключается въ неумѣніи Людовика, при рѣшительномъ превосходствѣ своей морской силы, поддержать Іакова II въ Ирландіи, которая оставалась вѣрна послѣднему, и въ совершен-

номъ исчезновеніи съ океана большихъ французскихъ флотовъ, которые Людовикъ XIV не могъ долѣе содержать, вслѣдствіе того, что континентальная политика, имъ самимъ избранная, поглощала всѣ доходы государства.

Упомянемъ еще объ одномъ фактѣ, хотя нѣсколько меньшаго интереса, это — объ особенномъ характерѣ и обширныхъ размѣрахъ, принятыхъ крейсерскою и приватирскою войною, къ которой обратилась Франція послѣ исчезновенія ея регулярныхъ флотовъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ со значительностью результатовъ крейсерскихъ операцій, покажется сначала противорѣчіемъ тому, что было сказано выше о малой результатности послѣднихъ, когда онѣ не поддерживаются военными флотами; но изслѣдованіе условій, которое мы сдѣлаемъ ниже, покажетъ, что противорѣчіе это скорѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное.

Наученный опытомъ предшествовавшей борьбы, король Франціи — въ этой общей войнѣ, которую самъ навлекъ на себя, долженъ бы былъ сосредоточить свои усилія противъ морскихъ державъ, или противъ Вильгельма Оранскаго и англо-голландскаго союза. Слабѣйшимъ пунктомъ въ положеніи Вильгельма была Ирландія; но и въ самой Англіи не только было много партизановъ изгнаннаго короля, а даже и тѣ, которые призвали Вильгельма, стѣснили его власть ревнивыми ограниченіями. Власть эта оставалась не обезпеченной, пока не усмирена была Ирландія. Іаковъ, бѣжавшій изъ Англіи въ январѣ 1689 года, въ мартѣ мѣсяцѣ, высадился на берегъ Ирландіи въ сопровожденіи французской эскадры и французскихъ войскъ, и былъ съ энтузіазмомъ привѣтствованъ вездѣ, кромѣ протестантскаго сѣвера. Онъ сдѣлалъ Дублинъ своею столицею и остался въ странѣ до іюля слѣдующаго года. Въ теченіе этихъ пятнадцати мѣсяцевъ французы имѣли большое превосходство на морѣ; они неоднократно высаживали войска въ Ирландію, и англичане, пытавшіеся воспрепятствовать этому, потерпѣли пораженіе въ морскомъ сраженіи при бухтѣ Бэнтри (Bantry Bay) (*). Но, несмотря на то, что Іаковъ занялъ удач-

(*) См. карту Англійскаго Канала, etc. стр. 122.

ное положеніе, что поддерживать его было крайне важно, что было одинаково важно не допустить Вильгельма высадиться въ Ирландіи, пока Іаковъ не усилился еще больше и не взялъ Лондондерри, — выносившаго тогда знаменитую осаду,— что, наконецъ, морская сила Франціи въ 1689 и 1690 годахъ была сильнѣе, чѣмъ у Англіи и Голландіи вмѣстѣ, — не смотря на все это, англійскій адмиралъ Рукъ (Rooke) успѣлъ безъ всякой помѣхи доставить подкрѣпленія и войска въ Лондондерри, а послѣ того высадилъ маршала Шомберга, съ маленькимъ отрядомъ, близъ Каррикфергуса (Carrickfergus). Рукъ прервалъ затѣмъ сообщеніе между Ирландіей и Шотландіей, гдѣ было много партизановъ Стюарта; прошелъ съ малой эскадрой вдоль восточнаго берега Ирландіи, пытавшись сжечь флотъ въ Дублинской гавани и не успѣвъ въ этомъ только по безвѣтрію, и наконецъ подошелъ къ Корку, занятому тогда Іаковомъ. Овладѣвъ тамъ островомъ въ самой бухтѣ, онъ возвратился безпрепятственно въ Доунсъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Эти операціи, имѣвшія результатомъ снятіе осады съ Лондондерри и открытіе сообщеній между Англіей и Ирландіей, продолжались въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ; и со стороны французовъ не было сдѣлано никакой попытки остановить ихъ. А между тѣмъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что надлежащее содѣйствіе французскимъ войскамъ со стороны флота лѣтомъ 1689 года подавило бы всякую оппозицію Іакову въ Ирландіи изолированіемъ этой страны отъ Англіи и нанесло бы непосредственный вредъ силамъ Вильгельма.

Въ слѣдующемъ году была сдѣлана та же стратегическая и политическая ошибка. Предпріятіе, опирающееся подобно предпріятію Іакова на слабѣйшее населеніе и на помощь извнѣ, по самой природѣ своей скоро разстраивается, если не имѣетъ быстраго успѣха. Но шансы все-таки были бы еще на его сторонѣ, если бы Франція содѣйствовала ему энергично и, главнымъ образомъ, при посредствѣ своего флота. Равнымъ образомъ, въ свойствѣ флота, чисто военнаго, подобнаго флоту Франціи, лежитъ неизбѣжность постепеннаго ослабленія послѣ начала враждебныхъ дѣйствій, тогда какъ флотъ союзныхъ морскихъ державъ крѣпъ съ каж-

дымъ днемъ, черпая силу изъ обширныхъ рессурсовъ ихъ коммерческаго мореходства и народнаго богатства. Такъ, въ 1690 году неравенство между морскими силами хотя и все еще склонялось въ пользу Франціи, но уже не въ такой мѣрѣ, какъ раньше. Предстояло рѣшить глубоко важный вопросъ: куда направить эти силы? Открывались два главные пути, отвѣчавшіе двумъ точкамъ зрѣнія морской стратегіи. Одинъ приводилъ къ прямымъ дѣйствіямъ противъ союзнаго флота, пораженіе котораго, если бы оно было достаточно серьезно, могло бы низвергнуть тронъ Вильгельма въ Англіи; при другомъ пути флотъ являлся только вспомогательной силой для Ирландской кампаніи. Французскій король рѣшился ступить на первый и, безъ сомнѣнія, правильный путь; но при этомъ онъ безъ всякой причины пренебрегъ настоятельной необходимостью перерѣзать сообщеніе между двумя островами. Уже въ мартѣ мѣсяцѣ онъ послалъ сильную эскадру, съ необходимыми военными припасами и шестью тысячами солдатъ, высадившихся безъ затрудненій въ южныхъ портахъ Ирландіи; но, исполнивъ эту миссію, эскадра возвратилась въ Брестъ и оставалась тамъ въ бездѣйствіи май и іюнь, пока снаряжался громадный флотъ подъ командою графа Турвиля. Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ англичане стягивали армію на своемъ западномъ берегу, и 21-го іюня послѣдняя отправилась изъ Честера, подъ личной командой Вильгельма, на 288 транспортахъ, подъ конвоемъ только шести военныхъ кораблей. 24-го Вильгельмъ высадился въ Каррикфергусѣ и отпустилъ эти корабли для соединенія съ большимъ англійскимъ флотомъ, которому, однако, помѣшалъ Турвиль, тѣмъ временемъ вышедшій въ море и занявшій восточную часть Канала. Нельзя себѣ представить ничего поразительнѣе безпечности, выказанной обѣими воюющими сторонами по отношенію къ сообщеніямъ съ островомъ, въ теченіе времени, когда онѣ оспаривали другъ у друга господство въ Ирландіи; и эта безпечность была особенно непонятна со стороны французовъ, такъ какъ они обладали бо́льшими силами и должны были получать весьма точныя извѣстія обо всемъ происходившемъ отъ лицъ, не мирившихся съ положеніемъ дѣлъ въ Англіи. Правда, кажется, что фран-

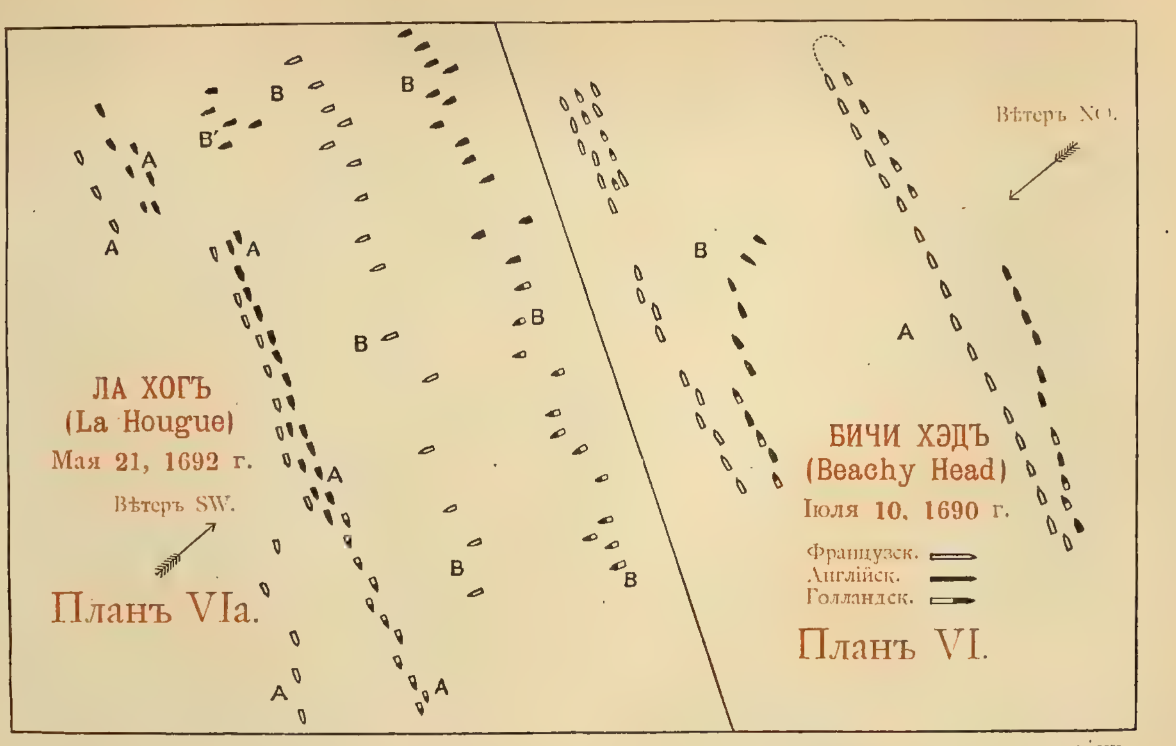
цузской эскадрѣ изъ двадцати пяти фрегатовъ и нѣсколькихъ линейныхъ кораблей было предписано крейсеровать въ каналѣ Св. Георгія; но она не дошла туда, и только десять ея фрегатовъ достигли Кинсаля (Kinsale) къ тому времени, когда Іаковъ потерялъ все въ сраженіи при Бойнѣ (Boyne). Англійскія сообщенія не были въ опасности ни на одинъ часъ.

Флотъ Турвиля, въ полномъ составѣ его изъ семидесяти восьми кораблей, изъ которыхъ семьдесятъ были линейные, съ двадцатью брандерами, вышелъ въ море 22-го іюня, черезъ день послѣ того, какъ Вильгельмъ сѣлъ на корабли со своими войсками. 30-го числа французы были близъ Лизарда, къ смущенію англійскаго адмирала, эскадра котораго стояла у острова Уайта (Wight) въ состояніи такой неготовности къ встрѣчѣ противника, что отъ нея не было даже отдѣлено сторожевыхъ судовъ къ западу. Онъ снялся съ якоря и, взявъ курсъ на юго-востокъ, удалялся отъ берега; въ теченіе десяти дней его плаванія къ нему постепенно присоединились нѣсколько англійскихъ и голландскихъ кораблей. Враждебные флоты продолжали затѣмъ двигаться къ востоку, сближаясь иногда на видъ другъ друга.

Политическое положеніе въ Англіи было критическимъ. Демонстраціи якобитовъ проявлялись болѣе и болѣе открыто; въ Ирландіи успѣшно поддерживалось возмущеніе уже болѣе года, и Вильгельмъ былъ теперь тамъ, оставивъ въ Лондонѣ только королеву. Положеніе дѣла было настолько серьезно, что совѣтъ постановилъ дать сраженіе французскому флоту и въ этомъ смыслѣ послалъ приказанія англійскому адмиралу Герберту (Herbert). Во исполненіе полученныхъ предписаній, послѣдній вышелъ въ море 10-го іюля, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ; построилъ свой флотъ въ линію баталіи и затѣмъ, будучи на вѣтрѣ французовъ, спустился для атаки своего противника, который ждалъ его съ обстененными марселями (*), на правомъ галсѣ, на курсѣ NW.

Послѣдовавшее при этомъ сраженіе извѣстно подъ именемъ сраженія при Бичи-Хэдѣ (Beachy Head). Со стороны францу-

(*) Т. е. почти неподвижно.

ЛА ХОГЪ
(La Hougue)
Мая 21, 1692 г.
Вѣтеръ SW.
Планъ VIa.
БИЧИ ХЭДЪ
(Beachy Head)
Іюля 10, 1690 г.
Французск.
Англійск.
Голландск.
Планъ VI.
Вѣтеръ NO.
A
B
B'

ТИП. ЕД. ГОППЕ

зовъ участвовали въ бою семьдесятъ кораблей, со стороны англичанъ и голландцевъ — пятьдесятъ шесть (по ихъ отчетамъ) или шестьдесятъ (по отчетамъ французовъ). Въ союзномъ боевомъ строѣ голландцы были въ авангардѣ, англійскіе корабли, — подъ личной командой Герберта, — занимали центръ, и арьергардъ былъ составленъ частью изъ англійскихъ, частью изъ голландскихъ кораблей. Вотъ главныя фазы сраженія: —

1) Союзники, будучи на вѣтрѣ, спустились всѣмъ флотомъ въ строѣ фронта. Какъ обыкновенно, маневръ былъ исполненъ дурно, и — такъ же, какъ это всегда случается, — авангардъ попалъ подъ огонь непріятеля раньше центра и арьергарда и потерпѣлъ самыя тяжелыя аваріи.

2) Адмиралъ Гербертъ, главнокомандующій, не атаковалъ противника съ надлежащей энергіей, удержавъ свой центръ на слишкомъ большомъ отъ него разстояніи. Союзные авангардъ и арьергардъ вступили съ непріятелемъ въ бой на близкой дистанціи (Планъ VI, A). Павелъ Гостъ (*) объясняетъ этотъ маневръ союзниковъ тѣмъ, что адмиралъ намѣревался напасть, главнымъ образомъ, на французскій арьергардъ. Для этой цѣли онъ приблизилъ центръ къ арьергарду и держался на вѣтрѣ, на разстояніи дальности пушечнаго выстрѣла такъ, чтобы помѣшать французамъ повернуть на другой галсъ и поставить арьергардъ между двухъ огней. Если это дѣйствительно такъ, то его планъ, хотя въ общемъ и довольно цѣлесообразный, былъ ошибоченъ въ деталяхъ, потому что при такомъ маневрѣ образовывалось большое разстояніе между центромъ и авангардомъ. Ему слѣдовало бы атаковать, какъ сдѣлалъ это Рюйтеръ подъ Текселемъ, такое число арьергардныхъ кораблей противника, съ какимъ можно было разсчитывать справиться, поручивъ въ то же время своему авангарду только отвлечь французскій авангардъ, не вступая въ близкій бой съ нимъ. Можно допустить, что адмиралъ, который, вслѣдствіе меньшей численности своего флота, не можетъ развернуть такой длинной и сомкнутой линіи, какъ непріятель, не долженъ позволять обойти концевыя части своего флота; но онъ долженъ

(*) Hoste: Naval Tactics.

стремиться къ этой цѣли не оставленіемъ большаго разрыва въ центрѣ, а увеличеніемъ промежутковъ между тѣми своими кораблями, которымъ предписано уклоняться отъ боя на близкой дистанціи. Союзный флотъ, такимъ образомъ, былъ поставленъ между двухъ огней въ двухъ своихъ частяхъ, — въ авангардѣ и въ центрѣ, и обѣ эти части были атакованы.

3) Командиръ французскаго авангарда, видя что голландская эскадра близко подошла къ нему и что вслѣдствіе аварій она находится въ худшемъ, чѣмъ его эскадра, состояніи, отдѣлилъ впередъ шесть своихъ головныхъ кораблей, которые обошли линію голландцевъ, поставивъ этимъ противника между двухъ огней (Планъ VI, В).

Въ то же самое время Турвиль, не имѣя противника послѣ того, какъ отбилъ головную дивизію непріятельскаго центра, приказалъ выйти впередъ своимъ головнымъ кораблямъ, которые диспозиція Герберта оставила свободными, и послалъ ихъ усилить атаку голландскаго авангарда (В).

Это повело къ свалкѣ (mêlée) въ головѣ линіи, въ которой голландцы, какъ слабѣйшіе изъ противниковъ, сильно пострадали. Къ счастью для союзниковъ вѣтеръ стихъ; и пока самъ Турвиль и другіе французскіе корабли спускали шлюпки, чтобы выбраться на буксирѣ въ надлежащую позицію, союзники догадались отдать якоря подъ парусами; а затѣмъ, прежде, чѣмъ Турвиль успѣлъ исполнить задуманный имъ маневръ, отливъ въ юго-западномъ направленіи отнесъ его на дистанцію, не допускавшую возможности сраженія. Затѣмъ онъ сталъ на якорь, въ одной лигѣ разстоянія отъ непріятеля.

Въ девять часовъ пополудни, когда приливное теченіе измѣнилось, союзники подняли якорь и легли на курсъ О. Такъ сильно поврежденъ былъ ихъ флотъ, что, согласно англійскимъ описаніямъ, рѣшено было скорѣе потопить корабли, потерпѣвшіе аваріи, чѣмъ рисковать на новый бой для спасенія ихъ.

Турвиль преслѣдовалъ ихъ; но вмѣсто того, чтобы предписать своимъ кораблямъ идти въ погоню по способности, онъ держалъ флотъ въ линіи баталіи, уменьшивъ скорость его въ зависимости отъ самаго медленнаго изъ кораблей. Между тѣмъ представлявшійся на этотъ разъ Турвилю случай при-

надлежалъ именно къ числу такихъ, въ которыхъ свалка позволительна или даже прямо обязательна. Разбитаго и бѣгущаго непріятеля должно преслѣдовать съ возможной энергіей, заботясь о сохраненіи строя лишь настолько, насколько необходимо для обезпеченія преслѣдующимъ кораблямъ взаимной поддержки; а это условіе никоимъ образомъ не требуетъ такихъ относительныхъ направленій и разстояній, какія необходимы въ началѣ или въ серединѣ боя съ дающимъ серьезный отпоръ противникомъ. Неумѣнье понять необходимость общаго преслѣдованія указываетъ на пробѣлъ въ качествахъ Турвиля, какъ воина, и этотъ пробѣлъ, какъ бываетъ обыкновенно, проявился въ самый рѣшительный моментъ его карьеры. Ему никогда уже не представлялось въ другой разъ такого случая, какъ это первое большое генеральное сраженіе, въ которомъ онъ былъ главнокомандующимъ и исходъ котораго Гостъ, бывшій на флагманскомъ кораблѣ, называетъ самой полной морской побѣдой, когда-либо выигранной. Въ то время она, дѣйствительно, была такою, — самою полною, но однако не самою рѣшительною, какою могла бы быть. Французы, согласно Госту, не потеряли ни одной шлюпки, не только ни одного корабля; и это обстоятельство, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто, дѣлаетъ еще болѣе непростительною вялость преслѣдованія Турвилемъ союзниковъ, которые, приткнувъ къ мели шестнадцать изъ своихъ кораблей, сожгли ихъ въ виду непріятеля, гнавшагося за ними до Доунса. Англійскіе писатели упоминаютъ, впрочемъ, о потерѣ союзниками только восьми кораблей — оцѣнка, быть можетъ, настолько же уклоняющаяся отъ истины въ одну сторону, насколько оцѣнка французовъ — въ другую. Гербертъ, введя свой флотъ въ Темзу, приказалъ снять фарватерные буйки и прекратилъ этимъ для непріятеля возможность преслѣдованія (*).

Имя Турвиля — единственное великое историческое имя въ этой войнѣ, если мы исключимъ прославленныхъ приватировъ, во главѣ которыхъ стоялъ Жанъ Баръ. Между англійскими моряками, командовавшими эскадрами, — хотя они

(*) Ледіардъ говоритъ, что приказаніе снять буйки не было исполнено (Naval History, vol. II, p. 636).

и были люди храбрые и предпріимчивые, — нѣтъ ни одного, за кѣмъ можно было бы признать исключительныя заслуги. Турвиль, прослужившій къ тому времени во флотѣ почти тридцать лѣтъ, былъ одновременно и морякомъ и воиномъ. Съ превосходнымъ мужествомъ, котораго поразительные примѣры онъ нерѣдко проявлялъ въ своей юности, онъ соединялъ опытъ, вынесенный изъ участія во всѣхъ сраженіяхъ его времени, гдѣ только появляется французскій флотъ: — въ Англо-Голландской войнѣ, въ Средиземномъ морѣ и въ борьбѣ съ Варварійскими пиратами. Достигнувъ чина адмирала, онъ командовалъ лично всѣми самыми большими флотами, посылавшимися въ море въ первые годы этой войны, и онъ внесъ въ командованіе научное знаніе тактики, основанное какъ на теоріи, такъ и на опытѣ и соединившееся съ тѣмъ практическимъ знакомствомъ моряка со своимъ дѣломъ, которое необходимо для умѣнья надлежащимъ образомъ примѣнять тактическіе принципы къ маневрированію флота въ океанѣ. Но при всѣхъ этихъ высокихъ качествахъ ему, кажется, недоставало того, въ чемъ нуждаются такъ многіе воины, а именно способности смѣло принимать на себя большую отвѣтственность (*). Осторожность, съ какою онъ преслѣдовалъ союзниковъ послѣ сраженія при Бичи-Хэдѣ, была слѣдствіемъ, — хотя это и не кажется такъ съ перваго взгляда, — той же черты его характера, которая заставила его, два года спустя, вести его флотъ почти на вѣрную гибель, потому что онъ не смѣлъ ослушаться лежавшаго у него въ карманѣ приказанія короля. Онъ былъ достаточно храбръ, чтобы исполнить все, что ему было поручено, но недостаточно силенъ, чтобы нести болѣе тяжелое бремя. Турвиль, въ дѣйствительности, былъ предтечей искусныхъ и глубокихъ тактиковъ наступавшей тогда эры, но все-таки съ оттѣнкомъ той пылкости и того упорства въ бою, которыя характеризовали морскихъ вождей семнадцатаго столѣтія. Безъ сомнѣнія послѣ сраженія при Бичи-Хэдѣ, онъ считалъ, что дѣйствовалъ очень хорошо, и былъ удовлетворенъ; но онъ не поступилъ бы такъ, если бы проникся чувствами Нельсона, когда тотъ гово-

(*) Seignelay, французскій морской министръ того времени, назвалъ его «poltron de tête, mais pas de coeur».

рилъ: «если бы мы взяли десять кораблей непріятеля, и одиннадцатый упустили, хотя могли бы взять и его, то я никогда не сказалъ бы, что мы провели день хорошо».

Черезъ день послѣ морскаго сраженія при Бичи-Хэдѣ, съ его большими, но все-таки частными результатами, дѣло Іакова II было проиграно въ Ирландіи на сушѣ. Армія, которую Вильгельму удалось переправить на островъ безпрепятственно, оказалась и количественно и качественно сильнѣе арміи его соперника, подобно тому, какъ и самъ Вильгельмъ превосходилъ эксъ-короля, какъ вождь. Людовикъ XIV совѣтовалъ Іакову уклоняться отъ рѣшительнаго сраженія, отступивъ, если это будетъ необходимо, въ Шаннонъ, въ глубь страны, всецѣло ему преданной. Но противъ такого образа дѣйствій говорило опасеніе за моральныя послѣдствія впечатлѣнія, какое произвело бы оставленіе столицы послѣ годоваго почти занятія ея. Гораздо больше данныхъ было за попытку остановить высадку Вильгельма. Іаковъ рѣшился защищать Дублинъ, занявъ долину рѣки Бойны (Boyne); здѣсь именно и произошла 11-го іюля встрѣча двухъ враждебныхъ армій, окончившаяся полнымъ пораженіемъ Іакова. Самъ король бѣжалъ въ Кинсаль, гдѣ нашелъ десять изъ фрегатовъ, предназначавшихся для наблюденія за врагомъ въ каналѣ Св. Георгія. Подъ прикрытіемъ этой эскадры онъ отплылъ въ Европу и опять искалъ убѣжища во Франціи. Тамъ онъ просилъ Людовика воспользоваться побѣдой при Бичи-Хэдѣ и отправить съ нимъ эскадру съ другой французской арміей въ самую Англію. Людовикъ сурово отказалъ и распорядился о немедленномъ отозваніи изъ Ирландіи все еще остававшихся тамъ войскъ.

Шансы возстанія въ пользу Іакова II, по крайней мѣрѣ на берегахъ Канала, если и существовали, то во всякомъ случаѣ были сильно преувеличены его собственнымъ воображеніемъ. Послѣ отступленія союзнаго флота на Темзу, Турвиль, согласно даннымъ ему инструкціямъ, сдѣлалъ нѣсколько демонстрацій въ южной Англіи; но онѣ были совершенно безплодны для вызова какого-либо проявленія приверженности дѣлу Стюартовъ.

Въ Ирландіи обстоятельства сложились иначе. Ирландская

армія, съ французскимъ контингентомъ ея, отступила послѣ сраженія при Бойнѣ къ Шаннону и здѣсь опять расположилась лагеремъ; между тѣмъ Людовикъ, вопреки своему первому суровому рѣшенію, продолжалъ посылать туда подкрѣпленія, боевые припасы и провіантъ. Но возраставшія требованія континентальной войны не позволили ему продолжать оказывать такую поддержку Ирландіи въ надлежащей степени, и война тамъ, немного болѣе года спустя, закончилась пораженіемъ подъ Агримомъ (Aghrim) и капитуляціей Лимерика (Limerick). Сраженіе при Бойнѣ, которое, вслѣдствіе особенной религіозной окраски его, пріобрѣло нѣсколько раздутую извѣстность, можетъ считаться моментомъ, когда англійская корона прочно утвердилась на головѣ Вильгельма. Тѣмъ не менѣе будетъ точнѣе сказать, что успѣхъ Вильгельма, а съ нимъ и успѣхъ борьбы Европы противъ Людовика XIV въ войнѣ Аугсбургской Лиги, былъ слѣдствіемъ ошибокъ и неудачъ французской морской кампаніи 1690 года, несмотря на то, что въ этой кампаніи французы одержали надъ англичанами самую видную побѣду на морѣ изъ всѣхъ, когда-либо достававшихся на ихъ долю. Что касается главнѣйшихъ военныхъ операцій, то по поводу ихъ любопытно замѣтить, что Турвиль вышелъ въ море черезъ день послѣ того, какъ Вильгельмъ оставилъ Честеръ и одержалъ побѣду при Бичи-Хэдѣ за день до сраженія при Бойнѣ; но самая главная ошибка состояла въ томъ, что Вильгельму было дозволено перевезти въ Ирландію безпрепятственно такой большой отрядъ войскъ. Можетъ быть для французской политики и было выгодно, чтобы новый король перешелъ въ Ирландію, —но не во главѣ такихъ значительныхъ силъ. Результатомъ Ирландской кампаніи было надежное утвержденіе Вильгельма на англійскомъ тронѣ и упроченіе англо-голландскаго союза. И это соединеніе двухъ морскихъ народовъ подъ одною короною было, — вслѣдствіе ихъ коммерческихъ и мореходныхъ способностей, а также богатствъ, извлекавшихся ими изъ моря, — залогомъ успѣшнаго веденія войны ихъ союзниками на континентѣ.

1691 годъ ознаменовался только однимъ большимъ морскимъ событіемъ, которое впослѣдствіи сдѣлалось извѣстно во Фран-

ціи подъ именемъ «campagne du large de Tourville»; и память о немъ, какъ о блестящемъ проявленіи тактическихъ и стратегическихъ соображеній, остается во французскомъ флотѣ и до нашихъ дней. Та резервная сила, о которой выше говорилось, какъ объ отличительномъ свойствѣ націй, коихъ морское могущество основано не только на военныхъ учрежденіяхъ, но и на характерѣ и занятіяхъ народа, выступила теперь на сцену въ дѣйствіяхъ союзниковъ. Несмотря на пораженіе и потери при Бичи-Хэдѣ, соединенные флоты вышли въ море въ 1691 году въ числѣ ста линейныхъ кораблей, подъ командой адмирала Русселя (Russel). Турвиль могъ снарядить только семьдесятъ два корабля, т. е. то же число, что и за годъ передъ тѣмъ. «Съ этими силами онъ вышелъ изъ Бреста 25-го іюня. Такъ какъ непріятель не показывался еще у береговъ Канала, то онъ остался крейсеровать у входа, пославъ развѣдочныя суда по всѣмъ направленіямъ. Извѣщенный, что союзники расположились у острововъ Сцилли, для прикрытія флота, ожидавшагося изъ Леванта, Турвиль не замедлилъ направиться къ англійскимъ берегамъ, гдѣ также ожидалось прибытіе другаго торговаго флота — изъ Ямайки. Обманувъ англійскіе крейсера ложными курсами, онъ застигъ упомянутый сейчасъ флотъ, захватилъ нѣсколько кораблей его и разсѣялъ остальные прежде, чѣмъ Руссель успѣлъ подойти для сраженія съ нимъ. Когда же наконецъ союзный флотъ показался, то Турвиль началъ уходить отъ него, всегда удерживая за собою навѣтренный галсъ съ такимъ искусствомъ, что непріятель, увлеченный такимъ образомъ въ океанъ, потерялъ пятьдесятъ дней, не добившись возможности атаковать его. Въ теченіе этого времени французскіе приватиры, разсѣянные по Каналу, грабили торговыя суда непріятеля и прикрывали французскія торговыя суда, посланныя въ Ирландію. Утомленный безплодными усиліями, Руссель направился къ ирландскому берегу, а Турвиль, послѣ конвоированія французскихъ купцовъ, возвращавшихся въ отечественныя воды, опять сталъ на якорь на Брестскомъ рейдѣ».

Призы, захваченные собственно эскадрой Турвиля, были незначительны, но заслуга его въ отвлеченіи союзниковъ отъ

борьбы съ приватирами, расхищавшими морскую торговлю непріятеля, очевидна. Несмотря на то, потери англійской торговли въ этомъ году были не такъ велики, какъ въ слѣдующемъ. Главные убытки союзниковъ пали на долю голландской торговли въ Сѣверномъ морѣ.

Войны континентальная и морская, хотя и веденныя одновременно, были независимы одна отъ другой до эпохи, до которой доведено наше изложеніе. Цѣль настоящаго труда не требуетъ упоминанія объ операціяхъ первой войны. 1692 годъ памятенъ для французскаго флота большимъ бѣдствіемъ, которое извѣстно подъ именемъ сраженія при мысѣ Ла Хогъ. Само по себѣ, въ тактическомъ смыслѣ, оно имѣетъ мало значенія, и непосредственные результаты его были сильно преувеличены; но народная молва сдѣлала его однимъ изъ знаменитѣйшихъ морскихъ сраженій въ свѣтѣ, а потому его и нельзя совсѣмъ пройти молчаніемъ.

Введенный въ заблужденіе донесеніями изъ Англіи, а еще болѣе настояніями Іакова, — который любовно лелѣялъ мечту, что приверженность многихъ англійскихъ морскихъ офицеровъ къ его особѣ была больше, чѣмъ ихъ любовь къ отечеству или преданность своему долгу,—Людовикъ XIV рѣшился попытаться на вторженіе въ Англію съ южнаго берега, подъ личнымъ руководствомъ Іакова. Для подготовки къ этому возложено было на Турвиля, — во главѣ пятидесяти или шестидесяти линейныхъ кораблей, тринадцать изъ которыхъ должны были выйти изъ Тулона, — дать сраженіе англійскому флоту; французы, полагая почему-то, что въ послѣднемъ явится такъ много дезертеровъ, что безпорядокъ и деморализація будутъ неизбѣжны въ немъ, разсчитывали на легкую и полную побѣду. Но на первыхъ же порахъ они потерпѣли неудачу въ задержкѣ Тулонскаго флота противными вѣтрами, и Турвиль вышелъ въ море только съ сорока четырьмя кораблями, но съ рѣшительнымъ приказаніемъ Короля сразиться съ враждебнымъ флотомъ при первой же съ нимъ встрѣчѣ, во что бы то ни стало, независимо отъ того, будетъ ли онъ малочисленъ или многочисленъ.

29-го мая Турвиль увидѣлъ по направленію къ сѣверовостоку девяносто девять линейныхъ кораблей союзниковъ.

Вѣтеръ дулъ отъ юго-запада, а потому французамъ предоставлялся починъ сраженія; но Турвиль сначала созвалъ на свой корабль флагмановъ и предложилъ имъ на обсужденіе вопросъ, — долженъ ли онъ вступить въ бой? Всѣ они отвѣтили отрицательно, и тогда онъ развернулъ передъ ними приказаніе короля (*). Никто не осмѣлился оспаривать послѣднее, хотя какъ разъ въ это время (если бы они могли знать это!) флотъ Турвиля уже разыскивался легкими крейсерами, спѣшившими извѣстить его объ отмѣнѣ упомянутаго приказанія. Бывшіе на совѣтѣ офицеры возвратились тогда на свои суда, и затѣмъ весь французскій флотъ спустился на союзниковъ, которые ждали его на правомъ галсѣ, лежа на SSO; голландская эскадра занимала авангардъ, а англійскія — центръ и арьергардъ. Подойдя къ непріятелю на близкую дистанцію, французы привели къ вѣтру на томъ же галсѣ, сохраняя навѣтренное положеніе. Турвиль, вслѣдствіе значительно меньшей численности своего флота сравнительно съ флотомъ противника, не могъ совсѣмъ избѣжать того, чтобы линія послѣдняго не подошла къ его арьергарду, который былъ слабъ по вынужденной крайней растянутости его; но онъ избѣжалъ ошибки Герберта при Бичи-Хэдѣ, сумѣвъ отвлечь авангардъ непріятеля своимъ авангардомъ, державшимся нѣсколько въ сторонѣ, съ большими интервалами между судами, и затѣмъ вступилъ въ жаркій бой на

(*) Авторъ слѣдовалъ въ своемъ изложеніи традиціонному и общепринятому описанію распоряженій Турвиля и мотивовъ его дѣйствій. Французскій писатель, M. de Crisenoy, въ весьма интересной статьѣ о тайной исторіи обстоятельствъ, предшествовавшихъ событію и сопровождавшихъ его, опровергаетъ многія изъ указаній этого традиціоннаго описанія. Согласно упомянутой статьѣ, Людовикъ XIV вовсе не обманывался иллюзіями относительно преданности англійскихъ офицеровъ своему флагу, и инструкціи, данныя Турвилю, хотя и рѣшительныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, не обязывали его сражаться съ непріятелемъ при условіяхъ, столь невыгодныхъ для него, какими они сложились 29-го мая. Тонъ инструкцій, однако, выражалъ недовольство дѣйствіями адмирала въ предшествовавшихъ крейсерствахъ, — вѣроятно по отношенію къ преслѣдованію непріятеля послѣ сраженія при Бичи-Хэдѣ, и основанное на этомъ нѣкоторое сомнѣніе въ энергичномъ поведеніи его въ только что начинавшейся кампаніи. Поэтому обида или огорченіе побудили Турвиля къ отчаянной атакѣ союзнаго флота; и, согласно г. de Crisenoy, ни военный совѣтъ въ каютѣ адмирала, ни драматическое обращеніе къ приказаніямъ короля, заставившее будто бы замолчать флагмановъ, въ дѣйствительности не имѣли мѣста.

близкой дистанціи съ центромъ и арьергардомъ (Планъ VI а, A, A, A). Нѣтъ необходимости слѣдить за всѣми фазами этой неравной битвы; необыкновеннымъ результатомъ ея надо считать тотъ фактъ, что когда ночью, вслѣдствіе густаго тумана и штиля, огонь орудій прекратился, то оказалось, что ни одинъ изъ французскихъ кораблей не только не былъ потопленъ, но и не спустилъ своего флага. Лучшаго доказательства силы воинскаго духа и высокихъ достоинствъ своихъ не могъ бы проявить ни одинъ военный флотъ; и разумѣется искусство Турвиля, какъ моряка, и его тактическія способности играли большую роль въ такомъ результатѣ, служащемъ, надо сознаться, не къ чести союзниковъ. Оба флота стали на якорь съ наступленіемъ ночи (B, B, B), при чемъ отрядъ англійскихъ кораблей (B′) расположился къ юго-западу отъ французскаго. Позднѣе эти корабли обрубили якорные канаты и сдрейфовались черезъ французскую линію для соединенія со своимъ главнымъ флотомъ; при исполненіи этого маневра они серьезно потерпѣли отъ непріятеля.

Поддержавъ въ высокой степени честь своего флага и видя безполезность продолжать сраженіе, Турвиль рѣшился теперь на отступленіе, которое началъ въ полночь, съ легкимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, и продолжалъ весь слѣдующій день. Союзники преслѣдовали его; движенія французскаго флота сильно затруднялись разстроеннымъ состояніемъ флагманскаго корабля *Soleil Royal*, лучшаго изъ судовъ французскаго флота, потопить которое адмиралъ однако не имѣлъ рѣшимости. Отступленіе направлялось къ Нормандскимъ островамъ, при чемъ съ адмираломъ было тридцать пять кораблей; изъ нихъ двадцать прошли съ приливнымъ теченіемъ черезъ опасный проходъ, извѣстный подъ именемъ Альдернейскаго (Race of Alderney), между островомъ того же имени и материкомъ, и безпрепятственно достигли С. Мало. Но прежде, чѣмъ остальные пятнадцать кораблей успѣли послѣдовать за ними, приливъ смѣнился отливомъ; и, несмотря на отданные якоря, эти корабли были сдрейфованы къ востоку, подъ вѣтеръ непріятеля. Три изъ нихъ укрылись въ Шербургѣ, не имѣвшемъ тогда ни порта ни брекватера, а остальные двѣнадцать прошли къ мысу Ла Хогъ,

гдѣ и были сожжены или своими экипажами или союзниками. Французы потеряли такимъ образомъ пятнадцать лучшихъ кораблей своего флота, самый малый изъ которыхъ носилъ шестьдесятъ орудій; но эта потеря была только немногимъ болѣе понесенной союзниками при Бичи-Хэдѣ. Впечатлѣніе этого событія на общество, привыкшее къ славѣ и успѣхамъ Людовика XIV, было несоотвѣтственно результатамъ и затмило память о блестящемъ самоотверженіи Турвиля и его подчиненныхъ. Сраженіе при мысѣ Ла Хогъ было также и послѣднимъ большимъ сраженіемъ французскаго флота того времени, который въ слѣдующіе годы началъ быстро падать, такъ что это бѣдствіе, казалось, было смертельнымъ для него ударомъ. Однако надо сказать, что Турвиль въ слѣдующемъ году вышелъ въ море съ семьюдесятью кораблями, и слѣдовательно тогда потери французскаго флота были уже исправлены. Такимъ образомъ паденіе этого флота слѣдуетъ приписать не одному только пораженію его, но истощенію Франціи издержками по веденію континентальной войны; а эта война поддерживалась главнымъ образомъ двумя морскими націями, которыхъ союзъ былъ обезпеченъ успѣхомъ Вильгельма въ Ирландской кампаніи. Не утверждая, что результатъ былъ бы иной, если бы морскія операціи Франціи въ 1690 году имѣли другое направленіе, въ то же время можно безошибочно сказать, что нецѣлесообразность послѣднихъ была непосредственной причиной сложившагося хода дѣла и первой причиной упадка французскаго флота.

Остальныя пять лѣтъ войны Аугсбургской Лиги, въ теченіе которыхъ Европа боролась оружіемъ противъ Франціи, не отмѣчаются ни однимъ большимъ морскимъ сраженіемъ, ни даже какимъ-либо морскимъ событіемъ первостепенной важности. Для оцѣнки вліянія морской силы союзниковъ необходимо суммировать всѣ данныя и изобразить картину спокойнаго, но настойчиваго давленія ея на Францію во всѣхъ отрасляхъ жизни послѣдней. Именно такимъ образомъ морская сила обыкновенно дѣйствуетъ и именно вслѣдствіе такого спокойствія ея работа часто остается незамѣченной; необходимо, поэтому, выяснить ее особенно тщательно.

Главой оппозиціи Людовика XIV былъ Вильгельмъ III, и его

наклонности, — обрисовывая въ немъ скорѣе солдата, чѣмъ моряка, — вмѣстѣ съ направленіемъ политики Людовика способствовали приданію войнѣ характера скорѣе континентальнаго, чѣмъ морскаго; въ томъ же направленіи вліяло и постепенное исчезновеніе большихъ французскихъ флотовъ съ театра военныхъ дѣйствій, вслѣдствіе чего союзные флоты остались безъ противниковъ. Далѣе, боевыя качества англійскаго флота, превосходившаго численно голландскій флотъ въ два раза, стояли въ то время на низкой ступени; деморализующія послѣдствія царствованія Карла II не могли быть всецѣло уничтожены въ теченіе трехъ лѣтъ правленія его преемника, а политическое положеніе Англіи породило еще новые элементы безпорядковъ. Мы упоминали выше, что Іаковъ II вѣрилъ въ приверженность къ его особѣ морскихъ офицеровъ и экипажа; и, основательно или нѣтъ, но эта вѣра раздѣлялась и новыми правителями, возбуждая въ нихъ недовѣріе къ преданности долгу службы многихъ офицеровъ и тѣмъ внося раздоръ и разстройство въ морскую администрацію. Исторія говоритъ намъ, что «жалобы купцовъ были весьма основательны и показывали легкомысліе, съ какимъ управленіе морскими дѣлами Англіи было ввѣренно кружку лицъ некомпетентныхъ, а между тѣмъ это зло не могло быть исправлено, потому что болѣе опытные люди, бывшіе долго на службѣ, считались неблагонадежными, и правительству казалось, что врачеваніе можетъ повести къ худшимъ результатамъ, чѣмъ самая болѣзнь» (*). Подозрительность царила въ правительствѣ и въ обществѣ; рознь и нерѣшительность характеризовали дѣйствія офицеровъ, такъ какъ каждый боялся, что какая-либо неудача или простое неумѣнье его можетъ обрушить на него тяжелое обвиненіе въ государственной измѣнѣ.

Послѣ сраженія при мысѣ Ла Хогъ прямая военная дѣятельность союзныхъ флотовъ выразилась въ трехъ главныхъ видахъ. Во-первыхъ въ атакѣ французскихъ портовъ, особенно лежавшихъ въ Каналѣ и близъ Бреста. Эти атаки рѣдко имѣли въ виду болѣе, чѣмъ нанесеніе мѣстнаго вреда и уничтоженіе портовыхъ магазиновъ и снабженій, по преимуществу въ портахъ, изъ которыхъ выходили французскіе приватиры; и, хотя

(*) Campbell: Lives of the Admirals.

въ нѣкоторыхъ случаяхъ отряды, доставлявшіеся на судахъ для этихъ операцій, были многочисленны, Вильгельмъ смотрѣлъ на нихъ немного серьезнѣе, чѣмъ на диверсіи, которыми предполагалъ отвлекать войска Людовика отъ центральныхъ армій къ защитѣ береговъ. Однако обо всѣхъ предпріятіяхъ противъ французскаго побережья въ этой и слѣдующихъ войнахъ можно сказать, что они не имѣли серьезныхъ результатовъ и даже какъ диверсіи не ослабляли французскихъ армій въ серьезной степени. Если бы французскіе порта были плохо защищены или если бы французскіе водные пути открывали доступъ въ сердце страны, подобно нашимъ Чезапикской и Делавэрской бухтамъ и большимъ южнымъ проливамъ, то результатъ могъ бы получиться иной.

Второй видъ дѣятельности союзныхъ флотовъ, хотя и не сопровождаясь никакими сраженіями, имѣлъ въ военномъ отношеніи большое и прямое вліяніе на событія, когда Людовикъ XIV рѣшился въ 1694 году сдѣлать свою войну съ Испаніей наступательною. Испанія, хотя и слабая сама по себѣ, все-таки представляла источникъ безпокойства для Франціи, вслѣдствіе положенія ея въ тылу у послѣдней, и Людовикъ наконецъ рѣшился принудить ее къ миру, перенеся войну въ Каталонію, на сѣверо-восточный берегъ. Сухопутныя операціи арміи его поддерживались совмѣстными дѣйствіями флота подъ командой Турвиля. Усмиреніе этой безпокойной провинціи шло быстро до приближенія союзныхъ флотовъ въ значительно сильнѣйшемъ составѣ, чѣмъ флотъ Турвиля, который долженъ былъ отступить въ Тулонъ. Это спасло Барцелону; и съ этого времени двѣ морскія націи, до тѣхъ поръ, пока не рѣшились заключить миръ, держали свои флоты у береговъ Испаніи и останавливали успѣхи французовъ. Когда же въ 1697 году Вильгельмъ склонился къ миру, а Испанія отказалась отъ него, и войска Людовика опять вторгнулись въ эту страну, то союзные флоты уже не пришли къ ней на помощь, и Барцелона пала. Въ то же время французская морская экспедиція, дѣйствовавшая противъ Картагены въ Южной Америкѣ, увѣнчалась успѣхомъ, — и Испанія уступила подъ этими ударами, въ нанесеніи которыхъ противники ея опирались на обладаніе моремъ.

Третья функція союзныхъ флотовъ состояла въ защитѣ морской торговли; и на этомъ поприщѣ, если вѣрить исторіи, они дѣйствовали вполнѣ неуспѣшно. Никогда морская война противъ торговли не велась въ большемъ масштабѣ и съ большими результатами, чѣмъ въ теченіе этого періода; и при этомъ крейсерскія операціи расширились и сдѣлались наиболѣе раззорительными для непріятеля именно въ то время, когда большіе французскіе флоты перестали держаться въ морѣ, т. е. въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за пораженіемъ при Ла Хогѣ. Повидимому это противорѣчитъ положенію, что крейсерская война должна находить поддержку въ сильныхъ флотахъ или въ сосѣднихъ съ райономъ ея операцій морскихъ портахъ. Необходимо однако войти здѣсь въ обстоятельное обсужденіе событій, такъ какъ бѣдствія, причинявшіяся торговлѣ союзныхъ державъ хищничествомъ приватировъ, были важнымъ факторомъ въ числѣ тѣхъ, которые побуждали эти державы желать мира съ Франціей; тѣмъ болѣе, что для послѣднихъ главныя средства продолжать войну съ ней до принужденія ея къ принятію предлагавшихся ей условій доставлялись торговлей, доходы отъ которой и оплачивали содержаніе ихъ собственныхъ армій и давали возможность платить субсидіи континентальнымъ арміямъ. Война противъ торговли и охрана ея представляетъ еще и въ настоящее время вопросъ насущной важности.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что упадокъ французскаго флота наступилъ не сразу, а совершался постепенно, и что моральное вліяніе крейсерства этого флота въ Каналѣ, его побѣды при Бичи-Хэдѣ и доблестнаго поведенія при Ла Хогѣ было продолжительно. Оно заставляло союзниковъ держать ихъ эскадры соединенно вмѣсто того, чтобы разсѣивать ихъ для преслѣдованія непріятельскихъ крейсеровъ, и слѣдовательно помогало послѣднимъ почти въ такой же мѣрѣ, какъ помогали бы имъ отечественные флоты веденіемъ морской войны. Далѣе, англійскій флотъ, а еще болѣе его администрація, были тогда, какъ уже сказано выше, въ очень плохомъ состояніи, — при чемъ расколъ въ самой Англіи позволялъ французамъ, черезъ измѣнническія донесенія оттуда, получать болѣе

своевременныя и болѣе вѣрныя извѣстія о военныхъ и коммерческихъ флотахъ въ морѣ, чѣмъ получали союзники. Такъ, въ теченіе года послѣ битвы при Ла Хогѣ французы, получивъ точныя свѣдѣнія объ отправленіи большой торговой флотиліи въ Смирну, послали Турвиля, въ маѣ мѣсяцѣ, въ море прежде, чѣмъ союзники успѣли исполнить свое намѣреніе блокировать его въ Брестѣ. Это замедленіе союзниковъ, — такъ же, какъ и несчастный для англійскаго правительства фактъ, что оно не узнало своевременно объ отправленіи Турвиля и послало свой торговый флотъ чуть не навстрѣчу ему,—было слѣдствіемъ дурной англійской администраціи. Французскій адмиралъ неожиданно напалъ на этотъ флотъ близъ Гибралтарскаго пролива, уничтожилъ или взялъ въ плѣнъ сто изъ четырехсотъ кораблей и разсѣялъ остальные. Этотъ случай не относится прямо къ крейсерской войнѣ, такъ какъ французскій флотъ состоялъ изъ семидесяти одного корабля, но онъ показываетъ несостоятельность англійской администраціи. Дѣйствія французскихъ крейсеровъ, какъ мы уже сказали, были наиболѣе успѣшны непосредственно послѣ Ла Хогской битвы, и это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, союзный флотъ держался соединенно въ Спитхэдѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и болѣе, въ ожиданіи посадки на суда войскъ для ихъ перевозки и высадки на континентъ, предоставляя такимъ образомъ непріятельскимъ крейсерамъ полную свободу дѣйствій; и во-вторыхъ, французы, не будучи въ состояніи послать въ море снова свой флотъ тѣмъ лѣтомъ, позволяли своимъ матросамъ и офицерамъ поступать на службу на приватиры, отчего число послѣднихъ чрезвычайно увеличилось. Эти двѣ причины, въ совокупности, способствовали крейсерской войнѣ противъ союзниковъ достигнуть такой степени безнаказанности и такихъ размѣровъ, что въ Англіи раздался испуганный крикъ, чуть не вопль отчаянія. «Слѣдуетъ сознаться», говоритъ одинъ англійскій морской хроникеръ, «что наша торговля страдала гораздо меньше годъ тому назадъ, когда французы были обладателями моря, чѣмъ теперь, когда ихъ большой флотъ блокированъ въ порту». Это объясняется тѣмъ, что во Франціи матросы, служившіе въ военномъ флотѣ, по мѣрѣ разруженія судовъ его, дѣлались свободными; число

*

ихъ, по отношенію къ требованіямъ мало развитой морской торговли страны, было велико, и потому правительство разрѣшало имъ поступать на крейсера, получившіе такимъ образомъ превосходный контингентъ команды. Вотъ почему, когда по мѣрѣ увеличенія расходовъ по континентальной войнѣ, Людовикъ долженъ былъ сокращать число кораблей въ кампаніи, число крейсеровъ-приватировъ все увеличивалось. «Корабли и офицеры королевскаго флота нанимались на извѣстныхъ условіяхъ частными фирмами или компаніями, желавшими принять на себя приватирскія предпріятія, войти въ долю которыхъ не брезгали даже сами министры»; въ дѣйствительности послѣдніе даже принуждались къ этому желаніемъ или необходимостью сдѣлать пріятное королю.

Обыкновенно ставилось въ условіе, чтобы извѣстная часть добычи приватировъ отдѣлялась королю въ уплату за пользованіе кораблями. Наемъ въ такую службу не могъ, конечно, не деморализовать офицеровъ, но деморализація эта проявилась не сразу; и съ другой стороны, упомянутыя условія сообщили приватирству такой духъ и такую энергію, на какія невозможно разсчитывать въ иномъ случаѣ. Выходило, что государственная казна, не будучи въ состояніи содержать флотъ, входила въ сдѣлку съ частнымъ капиталомъ, рискуя только матеріальнымъ имуществомъ, безполезнымъ безъ такого приложенія, и надѣясь окупить этотъ рискъ на счетъ ограбленія непріятеля. Прибавимъ еще, что уничтоженіе торговли непріятеля въ этой войнѣ не было всегда дѣломъ только одиночныхъ крейсеровъ; эскадры изъ трехъ, четырехъ и даже полдюжины кораблей дѣйствовали вмѣстѣ, подъ командой одного начальника, — и надо признать, что подъ командой такихъ моряковъ, какъ Жанъ Баръ, Форбэнъ и Дюгэ Труенъ, эти эскадры были даже болѣе готовы сражаться, чѣмъ грабить. Самая большая изъ этихъ частныхъ экспедицій — и единственная, районъ дѣйствій которой былъ далеко отъ французскихъ береговъ — была направлена въ 1697 году противъ испанской Картагены на Южно-Американскомъ материкѣ. Она состояла изъ семи линейныхъ кораблей и шести фрегатовъ, не считая меньшихъ судовъ, и на нихъ было, кромѣ матросовъ, двѣ

тысячи восемьсотъ солдатъ. Главной цѣлью экспедиціи была попытка обложенія города Картагены контрибуціей; но она имѣла серьезное вліяніе и на политику Испаніи и привела къ миру. Настойчивость и согласіе дѣйствій приватировъ въ значительной мѣрѣ вознаграждали для нихъ отсутствіе поддержки со стороны военнаго флота, но все-таки не могли замѣнить ее вполнѣ; и впослѣдствіи, когда англійская морская администрація улучшилась, успѣхи крейсерской войны французовъ сильно ограничились, несмотря на то, что союзныя эскадры продолжали попрежнему держаться соединенно. Для доказательства того, какъ сильно страдали крейсера именно вслѣдствіе отсутствія упомянутой поддержки, можно указать на фактъ, что, согласно англійскимъ отчетамъ, союзники взяли въ плѣнъ пятьдесятъ девять военныхъ кораблей, тогда какъ французы считаютъ, что въ руки союзниковъ попало ихъ только восемнадцать. Одинъ французскій морской историкъ такое несогласіе данныхъ, съ большою вѣроятностью, приписываетъ тому, что англичане не отличали военныхъ кораблей, въ строгомъ смыслѣ этого слова, отъ тѣхъ, которые нанимались частными фирмами. Въ отчетѣ, о которомъ мы говорили, дѣйствительно не упоминается о захватѣ приватировъ. «Хищническое уничтоженіе торговли въ эту войну было отмѣчено той особенностью, что крейсера дѣйствовали вмѣстѣ, въ эскадрѣ, недалеко отъ своей базы, тогда какъ непріятель считалъ за лучшее держаться соединенными флотами въ другомъ мѣстѣ; несмотря на то, а также и на дурную администрацію англійскаго флота, дѣйствія крейсеровъ стѣснялись болѣе и болѣе по мѣрѣ исчезновенія большихъ французскихъ эскадръ». Результаты войны 1689 — 1697 годовъ не противорѣчатъ, поэтому, тому общему заключенію, что «для успѣха крейсерской войны, или хищническихъ дѣйствій противъ непріятельской торговли, надо, чтобы одновременно велась война эскадренная, цѣлыми флотами линейныхъ кораблей, ибо эта послѣдняя война, заставляя непріятельскіе корабли держаться соединенно, позволяетъ крейсерамъ искать и находить добычу безнаказанно. Безъ этой же поддержки результатомъ дѣйствій крейсеровъ будетъ только захватъ ихъ непрі-

ятелемъ». Сказанное въ этихъ строкахъ начало уже очевидно оправдываться къ концу описанной войны и оправдалось еще очевиднѣе въ слѣдующей войнѣ, когда французскій флотъ сдѣлался еще слабѣе.

Морскія націи, несмотря на понесенныя ими потери, восторжествовали. Французы, занимавшіе въ началѣ войны наступательное положеніе, въ концѣ ея должны были занять положеніе оборонительное на всѣхъ пунктахъ. Людовикъ XIV вынужденъ былъ поступиться своими сильнѣйшими предубѣжденіями и своими въ высшей степени основательными политическими желаніями и признать королемъ Англіи того, на котораго смотрѣлъ, какъ на узурпатора и какъ на своего личнаго закоренѣлаго врага. Съ внѣшней стороны и разсматриваемая въ общемъ, эта война можетъ показаться всецѣло континентальною борьбою, которой театръ простирался отъ Испанскихъ Нидерландовъ, внизъ по теченію Рейна, къ Савойѣ въ Италіи и Каталоніи въ Испаніи включительно. Морскія сраженія въ Каналѣ и ирландскія военныя операціи, удаленныя отъ континента, представляются лишь отдѣльными эпизодами ея. Тѣмъ не менѣе торговля и мореходство морскихъ націй за время этой войны не только несло тяжелыя потери, но и оплачивало большую часть расходовъ по содержанію континентальныхъ армій, сражавшихся съ Франціей; и этотъ поворотъ золотаго потока изъ кассъ морской торговли упомянутыхъ націй въ казну ихъ континентальныхъ союзниковъ былъ, мо-можетъ быть, обусловленъ, и во всякомъ случаѣ ускоренъ, неудачнымъ направленіемъ того морскаго превосходства, съ которымъ Франція начала войну. Именно въ началѣ войны было возможно, — какъ, вообще говоря, будетъ возможно и впредь для хорошо организованнаго военнаго флота превосходной силы, — нанести подавляющій ударъ менѣе подготовленному сопернику; но случай былъ упущенъ, и морская сила союзниковъ, по существу болѣе выносливая и стоявшая на болѣе прочныхъ основаніяхъ, чѣмъ такая же сила Франціи, имѣла время окрѣпнуть и проявила успѣшное сопротивленіе.

Миръ, подписанный въ Рисвикѣ (Ryswick) въ 1697 году,

былъ весьма невыгоденъ для Франціи; она потеряла все, что пріобрѣла со времени Нимвэгенскаго мира за девятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, — за единственнымъ, правда весьма важнымъ, исключеніемъ Страсбурга. Все, что Людовикъ XIV пріобрѣлъ хитростью или силой въ годы мира, было у него отнято. Германіи и Испаніи были сдѣланы огромные возвраты. Возстановленіе владѣній послѣдней въ предѣлахъ Нидерландовъ было выгодно не только для нея самой, а также и для Соединенныхъ Провинцій и, въ сущности, для всей Европы. Условія договора дали обѣимъ морскимъ державамъ коммерческія выгоды, которыя были направлены къ увеличенію ихъ морской силы и слѣдовательно ко вреду морской силы Франціи.

Франція вынесла гигантскую борьбу; стоять одной, какъ она стояла тогда и неоднократно потомъ, противъ всей Европы, это — большой подвигъ. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что подобно тому, какъ Соединенныя Провинціи показали невозможность успѣшной борьбы для націи, хотя бы дѣятельной и предпріимчивой, но малочисленной и бѣдной по размѣрамъ территоріи, если она опирается только на внѣшніе рессурсы, такъ и Франція показала, что нація не можетъ безконечно опираться только на себя, какъ бы ни велика была она численно и какъ бы ни были сильны ея внутренніе рессурсы.

Говорятъ, что однажды другъ Кольбера засталъ его задумчиво смотрящимъ въ окно; и на вопросъ свой о причинѣ этой задумчивости, получилъ такой отвѣтъ: «Созерцая плодородныя поля, раскинувшіяся передъ моими глазами, я вспоминаю тѣ, которыя видѣлъ въ другихъ мѣстахъ. Что за богатая страна Франція»! Это убѣжденіе поддерживало его среди многихъ неудачъ его оффиціальной дѣятельности, въ борьбѣ съ финансовыми затрудненіями, возникавшими изъ-за расточительности и войнъ короля; и оно оправдывалось всѣмъ ходомъ національной исторіи съ его времени. Франція богата и по естественнымъ своимъ рессурсамъ и по промышленности и бережливости своего народа. Но ни націи, ни люди не могутъ развиваться, когда уклоняются отъ естественныхъ сношеній съ себѣ подобными; какіе бы здоровые элементы ни были при-

сущи націи самой по себѣ, она требуетъ еще здоровой обстановки и свободы извлекать отовсюду все, что можетъ способствовать ея росту, силѣ и общему благосостоянію. Не только внутренній организмъ долженъ работать удовлетворительно, не только должны совершаться свободно процессы разрушенія и возстановленія, движенія и кровообращенія, но необходимо еще, чтобы духъ и тѣло получали постоянно здоровую и разнообразную пищу изъ внѣшнихъ источниковъ. При всѣхъ своихъ естественныхъ дарахъ Франція истощилась по недостатку жизненнаго обмѣна между различными частями ея тѣла и постояннаго обмѣна съ другими народами, — обмѣна, извѣстнаго подъ названіемъ торговли внутренней и внѣшней. Сказать, что война была причиной этого истощенія, значитъ сказать по крайней мѣрѣ частную истину, которая однако не исчерпываетъ вопроса. Война, со многими сопровождающими ее страданіями, болѣе всего вредоносна тогда, когда она отрѣзываетъ націю отъ другихъ и заставляетъ ее черпать силы только въ самой себѣ. Правда, могутъ быть такіе періоды, когда подобныя тяжелыя испытанія благотворны; но эти періоды исключительны, коротки и не опровергаютъ нашихъ доводовъ въ общемъ ихъ приложеніи. Подобное отчужденіе пришлось испытать Франціи въ теченіе послѣднихъ войнъ Людовика XIV, и оно чуть не разорило ея; а между тѣмъ спасеніе ея отъ возможности такого раззоренія было великой цѣлью жизни Кольбера.

Одна война не могла бы довести страну до такого упадка, если бы только была отсрочена до того времени, когда уже прочно установились процессы круговорота внутренней и внѣшней жизни королевства. Такого круговорота не было, когда Кольберъ принялъ министерскій портфель; ему предстояло и создать правильные процессы и упрочить ихъ настолько, чтобы они выдержали разрушительные порывы войны. Онъ не имѣлъ времени довершить эту великую работу; не довершилъ ея и Людовикъ XIV, не осуществивъ плановъ своего министра и ничего не сдѣлавъ для направленія разцвѣтавшей энергіи своихъ послушныхъ и преданныхъ подданныхъ на пути, благопріятные для нея. Такъ, когда обстоятельства потребовали

крайняго напряженія силъ націи, то вмѣсто того, чтобы черпать свѣжія подкрѣпленія для нихъ изъ всевозможныхъ источниковъ, через многіе каналы, и, такъ сказать, обложить данью весь внѣшній міръ при посредствѣ энергіи купцовъ и мореходовъ, какъ дѣлала это Англія въ подобныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, Францiя была замкнута въ самой себѣ, отрѣзанная отъ міра флотами Англіи и Голландіи и поясомъ враговъ, окружавшихъ ее на континентѣ. Единственнымъ средствомъ спастись отъ постепеннаго истощенія было достиженіе обладанія моремъ, созданіе могучей морской силы, которая бы обезпечила утилизацію богатствъ страны и развитіе промышленности народа. Францiя могла бы достигнуть этой цѣли, обладая весьма выгодными для того естественными условіями въ своемъ положеніи, пограничномъ съ Каналомъ, Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ; при этомъ и политически она имѣла прекрасный случай присоединить къ своей морской силѣ морскую силу Голландіи и въ дружескомъ союзѣ съ нею занять по отношенію къ Англіи положеніе, если не прямо враждебное, то угрожающее. Но ослѣпленный своей силой и увѣренный въ безусловномъ значеніи своей воли въ королевствѣ, Людовикъ пренебрегъ этой серьезною возможностью подкрѣпить свое могущество и продолжалъ возстановлять Европу противъ себя рядомъ вызывающихъ и притязательныхъ дѣйствій. Въ періодъ, который мы только что разсмотрѣли, Францiя оправдала его довѣріе блестящимъ и, въ общемъ, успѣшнымъ сопротивленіемъ всей Европѣ; она не подвинулась впередъ, но и не отступила много. Однако это напряженіе силъ истощило ее; оно подтачивало жизнь націи, потому что питалось лишь внутренними рессурсами, а не источниками внѣшняго по отношенію къ ней міра, съ которымъ она могла бы быть въ общеніи черезъ посредство моря. Въ слѣдующей затѣмъ войнѣ Францiя проявила такую же энергію, но уже не такую жизненность. На всѣхъ пунктахъ она была отбита и почти доведена до раззоренія. Урокъ обѣихъ этихъ войнъ одинаковъ: націи, подобно людямъ, какъ бы ни были сильны, падаютъ, если обособляются отъ внѣшней дѣятельности и внѣшнихъ рессурсовъ, которые одновременно

и вызываютъ къ жизни ихъ внутреннія силы и питаютъ ихъ. Нація, какъ мы уже показали, не можетъ жить безконечно въ самой себѣ, и самый легкій путь для сообщенія ея съ другими народами и для возобновленія ея силъ представляетъ море.

ГЛАВА V.

Война за Испанское Наслѣдство, 1702 г. — 1713 г. — Морское сраженіе при Малагѣ.

Въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ семнадцатаго столѣтія, посреди всѣхъ состязаній оружія и дипломатіи, ясно предвидѣлось наступленіе событія, которое предвѣщало новыя и важныя послѣдствія. Мы говоримъ объ ожидавшемся прекращеніи прямой королевской линіи въ той вѣтви Австрійскаго Дома, которая царствовала тогда въ Испаніи. Предстояло рѣшить послѣ смерти короля ея, слабаго духомъ и тѣломъ, изъ какой линіи слѣдуетъ избирать новаго монарха, — изъ Дома ли Бурбоновъ, или изъ Австрійской линіи въ Германіи, — и долженъ ли будетъ въ томъ или другомъ случаѣ избранный правитель получить въ наслѣдство всѣ испанскія владѣнія, или же должно состояться какое либо раздѣленіе этого обширнаго наслѣдства въ интересахъ равновѣсія европейскихъ силъ. Но равновѣсіе это уже не понималось болѣе въ узкомъ смыслѣ, и забота о немъ не ограничивалась вопросомъ только о континентальныхъ владѣніяхъ; напротивъ, глубоко обдумывалось и то, какое вліяніе окажетъ тотъ или другой возможный порядокъ вещей на торговлю, мореходство и на господство на обоихъ океанахъ и на Средиземномъ морѣ. Вліяніе двухъ морскихъ державъ и сущность ихъ интересовъ становились все болѣе и болѣе очевидными.

Для того, чтобы понять предстоявшіе къ разрѣшенію вопросы, — стратегическіе, какъ ихъ прилично назвать, — необходимо припомнить, какія страны соединялись тогда подъ скипетромъ Испаніи. Въ Европѣ это были: Нидерланды (нынѣ Бельгія), Неаполь и Южная Италія, Миланъ и другія провин-

ціи въ Сѣверной Италіи; Сицилія, Сардинія и Балеарскіе острова. (Корсика въ то время принадлежала Генуѣ). Въ Новомъ Свѣтѣ Испаніи принадлежала тогда, кромѣ Кубы и Порто-Рико, еще часть континента, которая раздѣлена теперь между испанскими государствами въ Америкѣ и возможность широкаго коммерческаго будущаго которой начали уже тогда понимать. Наконецъ, въ Азіатскомъ архипелагѣ у Испаніи были обширныя владѣнія, не имѣвшія, однако, большаго значенія въ разсматриваемомъ нами вопросѣ. Крайняя слабость этихъ владѣній, явившаяся слѣдствіемъ упадка центральнаго королевства, была причиною того, что другія державы, занятыя болѣе непосредственными интересами, относились индифферентно къ ихъ громаднымъ размѣрамъ. Этотъ индифферентизмъ не могъ, однако, продолжаться долѣе передъ перспективой болѣе сильной администраціи съ возможной опорой ея на союзъ съ одною изъ великихъ державъ Европы.

Было бы несовмѣстнымъ съ задачей нашего труда изложеніе въ деталяхъ дѣйствій дипломатіи, которая передачей народовъ и территорій отъ одного правителя къ другому старалась достигнуть политическаго равновѣсія мирнымъ путемъ. Достаточно указать только на главныя черты политики каждой націи. Правительство и народъ въ Испаніи сопротивлялись всякому рѣшенію, которое нарушило цѣлость испанскихъ владѣній. Англичане и голландцы возражали противъ всякаго посягательства Франціи на Испанскіе Нидерланды и противъ захвата ею монополіи торговли съ Испанской Америкой, опасаясь и того и другаго, какъ возможнаго результата утвержденія Бурбона на испанскомъ тронѣ. Людовикъ XIV, въ случаѣ раздѣленія имперіи, требовалъ Неаполь и Сицилію для одного изъ своихъ сыновей; эта уступка дала бы Франціи положеніе въ Средиземномъ морѣ, хотя и сильное, но открытое произволу морскихъ державъ, что и побуждало Вильгельма III не противорѣчить осуществленію ея. Императоръ австрійскій настойчиво возражалъ противъ отнятія отъ его династіи упомянутыхъ Средиземноморскихъ владѣній и отказывался входить въ какіе бы то ни было переговоры о раздѣленіи. Прежде, чѣмъ состоялось какое-либо соглашеніе между европей-

скими дипломатами, король Испаніи умеръ; но передъ смертью онъ, по настоянію своихъ министровъ, подписалъ завѣщаніе, передававшее всѣ его владѣнія внуку Людовика XIV, тогда герцогу Анжуйскому, извѣстному впослѣдствіи подъ именемъ Филиппа V, Испанскаго. Это завѣщаніе было составлено въ надеждѣ сохранить испанскія владѣнія отъ раздробленія, обезпечивъ имъ защиту со стороны одного изъ ближайшихъ и могущественнѣйшихъ государствъ Европы, — ближайшихъ, если исключить державы, обладавшія моремъ, всегда близкія къ странѣ, которой порта открыты ихъ кораблямъ.

Людовикъ XIV принялъ завѣщаніе и, поступивъ такъ, считалъ уже затѣмъ долгомъ своей чести противодѣйствовать всѣмъ попыткамъ раздѣленія. Соединеніе двухъ королевствъ подъ короной одной династіи обѣщало важныя выгоды Франціи, освобождавшейся такимъ образомъ отъ стараго непріятеля въ тылу, такъ много мѣшавшаго ея усиліямъ распространить границы на востокъ. Дѣйствительно, съ этого времени, съ рѣдкими перерывами, въ силу фамильныхъ связей, оба королевства дѣйствовали между собою въ союзѣ, опасности котораго для остальной Европы мѣшала только слабость Испаніи. Другія государства сразу же отнеслись враждебно къ этому положенію дѣлъ и ничто не могло бы предотвратить войну, кромѣ нѣкоторыхъ уступокъ со стороны французскаго короля. Государственные люди Англіи и Голландіи — двухъ державъ, богатствами которыхъ должны были обезпечиваться расходы по веденію угрожавшей войны, предлагали, чтобы итальянскія государства были отданы сыну Австрійскаго императора, а Бельгія занята упомянутыми державами и чтобы новый король Испаніи не давалъ Франціи никакихъ преимуществъ передъ другими державами въ торговыхъ сношеніяхъ съ Индіей. Къ чести авторовъ этого предложенія слѣдуетъ сказать, что такое именно соглашеніе было признано, въ общемъ, послѣ десяти лѣтъ войны, наилучшимъ; и въ этомъ проявляется развитіе пониманія значенія морскаго могущества. Однако же Людовикъ не уступилъ; напротивъ, благодаря потворству испанскихъ правителей, онъ занялъ нидерландскіе города, въ которыхъ, по договору съ Испаніей, должны были стоять голландскія

войска. Вскорѣ послѣ того, въ февралѣ 1701 года, былъ собранъ англійскій парламентъ, который отвергнулъ всякій договоръ, обѣщавшій Франціи господство въ Средиземномъ морѣ. Голландія начала вооружаться, и австрійскій императоръ двинулъ свои войска въ сѣверную Италію, гдѣ кампанія приняла весьма невыгодный для Людовика оборотъ.

Въ сентябрѣ того же 1701 года обѣ морскія державы и Австрійскій императоръ подписали секретный договоръ, излагавшій главныя основанія угрожавшей войны, за исключеніемъ тѣхъ ея операцій, которыя уже начались на самомъ Пиринейскомъ полуостровѣ. Союзники предполагали: завоевать Испанскіе Нидерланды, чтобы поставить барьеръ между Франціей и Соединенными Провинціями; завоевать Миланъ, въ залогъ обезпеченія другихъ императорскихъ провинцій; завоевать Неаполь и Сицилію для той же цѣли, а также и для обезпеченія навигаціи и торговли для подданныхъ его британскаго величества и Соединенныхъ Провинцій. Морскимъ державамъ договоръ предоставлялъ право завоевывать, для блага вышеупомянутыхъ навигаціи и торговли, страны и города Испанскихъ Индій; и все, что онѣ будутъ въ состояніи захватить тамъ, должно будетъ поступить въ ихъ владѣніе. Послѣ начала войны ни одинъ изъ союзниковъ не могъ заключить договора съ противникомъ безъ другихъ и безъ принятія мѣръ: во-первыхъ, къ воспрепятствованію королевствамъ Франціи и Испаніи соединяться когда либо подъ скипетромъ одного короля; во-вторыхъ, къ недопущенію господства самой Франціи надъ Испанскими Индіями или къ воспрепятствованію отправленія туда судовъ для прямого или не прямого участія въ торговлѣ; въ-третьихъ, — къ обезпеченію подданнымъ его британскаго величества и Соединенныхъ Провинцій торговыхъ привилегій, которыми они пользовались во всѣхъ испанскихъ государствахъ при покойномъ королѣ.

Какъ видно, въ этихъ условіяхъ нѣтъ и намека на какое-либо намѣреніе помѣшать восшествію на престолъ короля династіи Бурбоновъ, который былъ призванъ на тронъ испанскимъ правительствомъ и сначала признанъ Англіей и Голландіей; но съ другой стороны, Австрійскій императоръ не

отказывался отъ тѣхъ притязаній, которыя сосредоточились въ его особѣ. Голосъ морскихъ державъ былъ главнымъ въ коалиціи, — какъ показываютъ условія договора, обезпечивающія ихъ коммерческие интересы, — хотя онѣ должны были считаться и съ требованіями Германіи, потому что имъ приходилось пользоваться ея арміями для веденія войны на континентѣ. Какъ указываетъ французскій историкъ: —

„Въ дѣйствительности это былъ новый договоръ о раздѣленіи... Вильгельмъ III, который руководилъ всѣмъ дѣломъ, заботился не о томъ, чтобы на счетъ истощенія Англіи и Голландіи возстановить испанскую монархію нетронутою для императора; его конечная цѣль состояла въ томъ, чтобы заставить новаго короля, Филиппа V, ограничиться только собственно Испаніей и обезпечить за Англіей и Голландіей одновременно и коммерческія выгоды сношеній со странами, входившими въ составъ испанскихъ владѣній, и важныя морскія и военныя позиціи противъ Франціи“ (*).

Но, хотя война была неизбѣжна, страны, которыя должны были вести ее, медлили. Голландія не хотѣла тронуться безъ Англіи и, вопреки чувствамъ сильной вражды послѣдней къ Франціи, фабриканты и купцы ея еще живо помнили ужасныя страданія, причиненныя имъ прошлою войною. Какъ разъ тогда, когда чаши вѣсовъ колебались, Іаковъ II умеръ. Людовикъ, уступая чувству личной симпатіи и побуждаемый ближайшими своими родственниками, формально призналъ сына Іакова королемъ Англіи... И англійскій народъ, раздраженный этимъ актомъ, на который, онъ взглянулъ какъ на угрозу и на обиду, заглушилъ въ себѣ всѣ доводы разума. Палата лордовъ объявила, что «безопасность не можетъ быть обезпечена, пока узурпаторъ испанской монархіи не будетъ поставленъ въ должныя границы»; и палата общинъ вотировала снаряженіе пятидесяти тысячъ солдатъ и тридцати пяти тысячъ матросовъ, кромѣ денежныхъ субсидій Германіи и Даніи за ихъ помощь. Вильгельмъ III вскорѣ послѣ того умеръ въ мартѣ 1702 года; но королева Анна продолжала его политику, которая сдѣлалась также и политикой англійскаго и голландскаго народовъ.

Людовикъ XIV попытался остановить часть надвигавшейся бури образованіемъ нейтральной лиги между германскими государствами, не вошедшими въ коалицію; но Императоръ

(*) Martin. History of France.

сумѣлъ ловко воспользоваться національнымъ германскимъ чувствомъ и привлекъ на свою сторону электора Бранденбургскаго, признавъ его королемъ Пруссіи и создавъ такимъ образомъ Сѣверо-Германскую Протестантскую Королевскую династію, кругомъ которой естественно группировались другія протестантскія государства и который, въ будущемъ, обѣщалъ сдѣлаться грознымъ противникомъ Австріи. Непосредственнымъ результатомъ было то, что Франція и Испанія, — которыхъ дѣло съ тѣхъ поръ стало извѣстнымъ, какъ борьба двухъ коронъ, — начали войну безъ всякихъ союзниковъ, кромѣ Баваріи. Эта война была объявлена въ маѣ мѣсяцѣ: Голландіей — королю Франціи и Испаніи, а Англіей — противъ Франціи и Испаніи, такъ какъ Анна отказалась признать Филиппа V даже при объявленіи войны, потому что онъ призналъ Іакова III королемъ Англіи; наконецъ императоръ провозгласилъ войну въ еще болѣе категоричной формѣ, объявивъ ее королю Франціи и герцогу Анжуйскому. Такъ началась большая война за Испанское Наслѣдство.

Далеко не легко, имѣя дѣло съ войною такихъ размѣровъ, продолжавшейся болѣе десяти лѣтъ, выдѣлить въ повѣствованіи ту часть ея, которая спеціально касается нашего предмета, не теряя въ то же время изъ виду отношенія этой части къ цѣлому. А опущеніе этого отношенія было бы не согласно съ конечною нашей цѣлью, которая преслѣдуетъ не простую только хронику морскихъ событій, ни даже тактическое или стратегическое обсужденіе извѣстныхъ морскихъ проблеммъ, независимо отъ ихъ причинъ и слѣдствій въ общей исторіи, но оцѣнку вліянія морской силы на общій результатъ войны и на благосостояніе націй. Для большей ясности укажемъ еще разъ, что цѣлью Вильгельма III было не оспариваніе притязаній Филиппа V на тронъ, — дѣло, сравнительно безразличное для морскихъ державъ, — но захватъ, для блага ихъ торговли и колоніальнаго развитія, возможно большей части испанско-американскихъ владѣній, и въ то же время обязательство новой монархіи такими условіями, которыя не допустили бы отнятія у Англіи и Голландіи торговыхъ привилегій, уступленныхъ имъ правителями изъ австрійской линіи. Такая политика на-

правляла главныя усилія морскихъ націй не на Пиринейскій полуостровъ, но на Америку; и союзные флоты могли и не войти въ Гибралтаръ. Сицилія и Неаполь должны были перейти не къ Англіи, а къ Австріи. Послѣдовавшія событія повели къ полной перемѣнѣ въ этомъ общемъ планѣ. Въ 1703 году коалиціей былъ выставленъ новый кандидатъ, — сынъ Германскаго императора, подъ именемъ Карлоса III, — и полуостровъ сдѣлался сценой кровавой войны, удержавшей англо-голландскіе флоты въ крейсерствѣ у береговъ его. Въ Испанской Америкѣ морскія державы не достигли никакого рѣшительнаго результата, но Англія вышла изъ борьбы съ Портъ-Магономъ и Гибралтаромъ въ своихъ рукахъ, сдѣлавшись такимъ образомъ съ этихъ поръ средиземноморской державой. Въ то самое время, какъ Карлосъ III былъ провозглашенъ королемъ, Англія заключила съ Португаліей такъ называемый Метуенскій трактатъ, который далъ ей, практически, монополію португальской торговли и направилъ золото Бразиліи черезъ Лиссабонъ въ Лондонъ, — выгода столь большая, что она оказала существенную поддержку, какъ для веденія войны на континентѣ, такъ и для содержанія флота. Въ то же самое время сила послѣдняго такъ возросла, что убытки, которые терпѣла торговля союзниковъ отъ нападеній французскихъ крейсеровъ, хотя все еще тяжелые, не были уже никоимъ образомъ невыносимыми.

Когда возгорѣлась война, то въ преслѣдованіе первоначальной политики, сэръ Георгъ Рукъ (Sir George Rooke), съ флотомъ изъ пятидесяти линейныхъ кораблей и съ транспортами, на которые былъ посаженъ четырнадцатитысячный отрядъ войскъ, былъ посланъ въ Кадиксъ, представлявшій тогда большой европейскій центръ испанско-американской торговли; туда стекались деньги и продукты съ Запада и оттуда разсѣивались они по Европѣ. Вильгельмъ III поставилъ себѣ также цѣлью и захватъ Картагены, — одного изъ главныхъ центровъ той же торговли въ другомъ полушаріи; и для этого онъ, въ сентябрѣ 1701 года, за шесть мѣсяцевъ до своей смерти, послалъ туда эскадру подъ начальствомъ типичнаго моряка стараго времени, Бенбоу (Benbow). Бенбоу встрѣ-

тился съ французской эскадрой, посланной для подвоза припасовъ и для усиленія Картагены, и вступилъ съ нею въ бой къ сѣверу отъ послѣдней; но, хотя и имѣя перевѣсъ въ силѣ, онъ, — вслѣдствіе измѣны нѣсколькихъ капитановъ, воздержавшихся отъ участія въ сраженіи, — не выполнилъ своей задачи; когда корабль его потерпѣлъ въ бою сильныя аваріи и самъ онъ получилъ смертельную рану, французамъ удалось уйти, и Картагена была спасена. Передъ смертью Бенбоу получилъ письмо отъ французскаго коммодора со слѣдующими строками: «Вчера утромъ мнѣ оставалась только одна надежда, — ужинъ въ вашей каютѣ. Что же касается вашихъ трусливыхъ капитановъ, то повѣсьте ихъ, такъ какъ, клянусь Богомъ, они заслуживаютъ этого!» И дѣйствительно, двое изъ нихъ были повѣшены. Экспедиція Рука противъ Кадикса также не удалась, какъ это почти навѣрно и можно было предсказать, такъ какъ данныя ему инструкціи рекомендовали дѣйствовать въ духѣ примиренія населенія съ Англіей и возбужденія его противъ короля изъ династіи Бурбоновъ. Такія щекотливыя порученія связали ему руки; но, потерпѣвъ неудачу тамъ, онъ узналъ, что въ бухту Виго вошли галіоны изъ Вестъ-Индіи, нагруженные серебромъ и товарами, подъ конвоемъ французскихъ военныхъ кораблей. Онъ немедленно отправился туда и нашелъ непріятеля въ гавани, которой входъ, всего три четверти мили шириною, былъ защищенъ укрѣпленіями и сильнымъ бономъ; но Рукъ подъ жаркимъ огнемъ форсировалъ проходъ, занялъ гавань, и частью взялъ въ плѣнъ, частью потопилъ всѣ суда, съ большимъ количествомъ монеты на нихъ. Это дѣло, извѣстное въ исторіи какъ дѣло галіоновъ въ Виго, было блестящей и интересной удачей; но съ военной точки зрѣнія оно не представляетъ ничего, достойнаго разсмотрѣнія, и потому мы упомянемъ только, что имъ нанесенъ былъ ударъ финансамъ и престижу двухъ коронъ. Однако оно имѣло важное политическое значеніе и помогло той перемѣнѣ общаго плана дѣйствій морскихъ державъ, о которой было сказано выше. Король Португаліи, побуждаемый боязнью Франціи, сначала призналъ Филиппа V; но это было не искренно, такъ какъ въ глубинѣ

души онъ опасался французскаго вліянія и силы въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ его маленькимъ и изолированнымъ королевствомъ. Отвлеченіе его отъ союза съ двумя коронами составляло часть миссіи Рука; и дѣло въ Виго, разыгравшееся такъ близко отъ его границъ, произвело на него впечатлѣніе, какъ доказательство могущества союзныхъ флотовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Португалія ближе къ морю, чѣмъ къ Испаніи, и естественно должна была подпасть подъ вліяніе державы, владѣвшей моремъ. Короля Португаліи старались привлечь на свою сторону и императоръ Австріи,— уступкой на испанской территоріи, и морскія державы — субсидіями; но онъ не поддавался на это, отказываясь перемѣнить свое рѣшеніе, пока австрійскій претендентъ не прибудетъ въ Лиссабонъ, открыто приглашая этимъ коалицію къ войнѣ на полуостровѣ и континентѣ. Императоръ передалъ свои притязанія второму сыну своему—Карлу, и послѣдній, будучи провозглашенъ въ Вѣнѣ королемъ Испаніи и признанный Англіею и Голландіею, былъ перевезенъ подъ конвоемъ союзныхъ флотовъ въ Лиссабонъ, гдѣ и высадился въ мартѣ 1704 года. Это необходимо повело къ большимъ перемѣнамъ въ планахъ морскихъ державъ. Принявъ на себя обязанность поддерживать Карлоса, ихъ флоты съ тѣхъ поръ были заняты крейсерствомъ близъ береговъ полуострова и защитой торговли, тогда какъ война въ Вестъ-Индіи, сдѣлавшись второстепенной операціей и веденная при томъ въ маломъ масштабѣ, не дала никакихъ результатовъ. Съ этого времени Португалія была вѣрной союзницей Англіи, которой морская сила дала въ теченіе войны огромный перевѣсъ надъ соперниками. Ея порта служили убѣжищемъ и поддержкой для англійскихъ флотовъ, и позднѣе Португалія же была базой Испано-Португальской войны съ Наполеономъ. Въ результатѣ всего, Португаліи въ теченіе столѣтія пришлось и болѣе выиграть черезъ Англію и болѣе бояться ея же, чѣмъ какой либо другой державы.

Какъ ни велики были послѣдствія преобладанія на морѣ двухъ морскихъ державъ для общаго результата войны и особенно для неоспоримаго владычества на океанѣ, которое Англія захватила столѣтіе спустя, разсматриваемая борьба не

ознаменовалась ни однимъ морскимъ сраженіемъ, интереснымъ съ военной точки зрѣнія. Большіе враждебные флоты встрѣтились только разъ, и то съ результатами нерѣшительными, и послѣ того французы отказались отъ регулярной борьбы на морѣ, ограничиваясь только крейсерскими операціями противъ торговли союзниковъ. Эта черта войны за Испанское Наслѣдство характеризуетъ и почти все восемнадцатое столѣтіе, за исключеніемъ Американской войны за независимость. Безшумное, упорное, истощающее противника дѣйствіе морской силы, — разстраивающей рессурсы непріятеля, но оберегающей ихъ въ своей странѣ, поддерживающей войну на театрахъ, гдѣ сама она не показывается или показывается на заднемъ планѣ, и наносящей открытые удары только черезъ большіе промежутки времени, но съ рѣшительными результатами, — особенно рѣзко обнаруживается для внимательнаго читателя въ ходѣ событій этой войны и слѣдующаго за ней полстолѣтія. Подавляющая морская сила Англіи была въ теченіе вышеупомянутаго періода руководящимъ факторомъ въ европейской исторіи, поддерживая войну за предѣлами Британскаго королевства, сохраняя благосостояніе народа внутри его и созидая то великое государство, которое мы видимъ теперь; но дѣятельность ея, избѣгая противодѣйствія по самому величію своему, не обращаетъ на себя и должнаго вниманія. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда англійскій флотъ вызывался на бой, его превосходство надъ противникомъ было такъ велико, что столкновенія съ нимъ едва ли могутъ назваться сраженіями; за возможными исключеніями дѣлъ Бинга (Byng), при Миноркѣ, и Гауке (Hawke) — при Квиберонѣ, послѣднее изъ которыхъ представляетъ одну изъ блестящихъ страницъ морской исторіи, между 1700 годомъ и 1778 годомъ не было, какъ уже сказано выше, ни одного такого рѣшительнаго столкновенія между равными силами, которое представляло бы интересъ съ военной точки зрѣнія.

Сообразно такому характеру своему, война за Испанское Наслѣдство, съ точки зрѣнія нашего предмета, должна быть изложена только въ общихъ чертахъ, безъ подробностей и лишь съ указаніемъ общаго вліянія, особенно по отношенію къ дѣятельности флотовъ. Эта дѣятельность естественно не

имѣла прямаго отношенія къ войнѣ во Фландріи, Германіи и Италіи; доля участія здѣсь флотовъ опредѣлялась лишь защитою торговли союзниковъ настолько, чтобы потокъ субсидій, на который опиралась континентальная война, не прерывался. Другое дѣло на Пиринейскомъ полуостровѣ. Непосредственно послѣ высадки Карлоса III въ Лиссабонѣ, сэръ Георгъ Рукъ отплылъ въ Барцелону; разсчитывали, что она сдастся при первомъ появленіи флотовъ на ея рейдѣ; но губернаторъ ея былъ вѣренъ королю и взялъ верхъ надъ австрійской партіей. Рукъ отплылъ тогда въ Тулонъ, гдѣ стояла на якорѣ французская эскадра. На пути онъ увидѣлъ другую французскую эскадру, шедшую изъ Бреста; онъ погнался за нею, но безуспѣшно, такъ что она присоединилась къ тулонской. Умѣстно замѣтить здѣсь, что тогда англійскій флотъ еще не пытался блокировать французскіе порта зимою, какъ онъ дѣлалъ это въ позднѣйшее время; тогда флоты, подобно арміямъ, уходили «на зимнія квартиры». Другой англійскій адмиралъ, сэръ Клоудеслей Шовель (Cloudesley Shovel), былъ посланъ весною блокировать Брестъ; но, прибывъ туда слишкомъ поздно, онъ нашелъ рейдъ уже опустѣвшимъ и сейчасъ же отправился въ Средиземное море. Рукъ, не считая себя достаточно сильнымъ для сопротивленія соединеннымъ французскимъ эскадрамъ, отступилъ къ Гибралтарскому проливу, такъ какъ въ то время Англія не имѣла въ Средиземномъ морѣ ни портовъ, ни базы, ни даже серьезнаго союзника. Ближайшимъ оттуда убѣжищемъ для ея флота былъ Лиссабонъ. Рукъ и Шовель встрѣтились близъ Лагоса и здѣсь собрали военный совѣтъ, на которомъ первый, бывшій старшимъ, заявилъ, что полученныя имъ инструкціи запрещали ему предпринять что-либо безъ согласія королей Испаніи и Португаліи. Въ сущности этимъ запрещеніемъ связывались руки морскихъ державъ. Но въ концѣ концовъ Рукъ, раздраженный унизительнымъ бездѣйствіемъ и стыдясь возвратиться домой ничего не сдѣлавъ, рѣшился атаковать Гибралтаръ по тремъ причинамъ: во-первыхъ потому, что онъ слышалъ о слабости его гарнизона; во-вторыхъ потому, что портъ этотъ былъ безконечно важенъ для настоящей войны, и въ-третьихъ потому,

что занятіе его сдѣлало бы честь оружію королевы. Гибралтаръ былъ атакованъ, бомбардированъ и затѣмъ взятъ при помощи десанта со шлюпокъ. Онъ, такимъ образомъ, сдѣлался англійскимъ владѣніемъ съ 4-го августа 1704 года, и это дѣло справедливо увѣковѣчиваетъ имя Рука, котораго сообразительность и безбоязненное принятіе на себя отвѣтственности дали Англіи этотъ ключъ отъ Средиземнаго моря.

Филиппъ V сейчасъ же предпринялъ попытку отбить этотъ важный стратегическій пунктъ и обратился за помощью къ французскому флоту, стоявшему въ Тулонѣ. Турвиль умеръ еще въ 1701 году, и теперь флотомъ командовалъ графъ Тулузскій, побочный сынъ Людовика XIV, только двадцати шести лѣтъ отъ роду. Рукъ также отплылъ къ востоку, и враждебные флоты встрѣтились 24-го августа, близъ Велецъ-Малаги (Velez Malaga). Союзники были на вѣтрѣ, дувшемъ отъ сѣверо-востока, и оба ихъ флота шли лѣвымъ галсомъ, на курсѣ SO. Относительно численности противниковъ нѣтъ достовѣрныхъ указаній, но кажется, что со стороны французовъ было пятьдесятъ два линейные корабля; у непріятеля — вѣроятно, полдюжиною больше. Союзные корабли спустились всѣ вмѣстѣ, — каждый къ находившемуся противъ него противнику; повидимому со стороны Рука не было сдѣлано никакой попытки къ какой-либо тактической комбинаціи. Сраженіе при Малагѣ не имѣетъ много военнаго интереса, кромѣ того, что въ немъ англичане впервые примѣнили въ полной мѣрѣ тотъ совершенно не научный методъ атаки, который былъ осужденъ Клеркомъ и господствовалъ въ теченіе цѣлаго столѣтія. Поучительно замѣтить, что результатъ его былъ совершенно тотъ же, что и во всѣхъ другихъ бояхъ, веденныхъ на основаніи того же принципа: авангардъ отдѣлился отъ центра, оставивъ между послѣднимъ и собою промежутокъ. Попытка отрѣзать авангардъ, воспользовавшись этимъ промежуткомъ, была единственнымъ тактическимъ маневромъ французовъ. Мы не находимъ въ дѣйствіяхъ ихъ при Малагѣ никакого слѣда осторожной, искусной тактики, которую Клеркъ справедливо признавалъ у нихъ въ позднѣйшее время. Переходъ отъ искусныхъ тактическихъ комбинацій

Монка, Рюйтера и Турвиля къ эпохѣ чисто морской практики ясно отмѣчается сраженіемъ при Малагѣ, что одно только и даетъ послѣднему историческое значеніе. Въ немъ былъ осуществленъ первобытный способъ сраженія, который воспѣтъ Маколеемъ и въ теченіе многихъ лѣтъ оставался идеаломъ англійскаго флота (*).

Движеніе человѣчества не всегда направлено впередъ; и въ морской періодической литературѣ нашихъ дней мы находимъ слѣды подобнаго идеала.

Бой при Малагѣ продолжался ожесточенно отъ десяти часовъ утра до пяти часовъ пополудни, но окончился безъ рѣшительныхъ результатовъ. На слѣдующій день вѣтеръ перемѣнился, давъ французамъ навѣтренное положеніе; но они не воспользовались этимъ случаемъ для атаки; за это ихъ слѣдуетъ сильно порицать, если только достовѣрны ихъ заявленія о томъ, что въ бою накапунѣ они взяли верхъ. Рукъ не могъ бы сражаться: почти половина его флота,—двадцать пять кораблей,—израсходовали всѣ боевые припасы. Даже въ теченіе самаго сраженія нѣкоторые изъ союзныхъ кораблей были отбуксированы за линію, потому что у нихъ не осталось ни пороху ни снарядовъ ни на одинъ залпъ. Безъ сомнѣнія это было слѣдствіемъ атаки Гибралтара, при которой было сдѣлано пятнадцать тысячъ выстрѣловъ, и отсутствія какого-либо порта, откуда можно бы было пополнить израсходованные запасы—недостатокъ, на будущее время уже устранявшійся съ пріобрѣтеніемъ новаго владѣнія. Рукъ, рѣшившись на атаку Гибралтара, имѣлъ въ виду ту же самую цѣль, какая побудила Соединенные Штаты захватить Портъ-Рояль въ началѣ Междоусобной войны и какая заставила герцога Пармскаго настаивать, чтобы король Филиппъ II,

(*) «Then on both sides the leaders
Gave signal for the charge;
And on both sides the footmen
Strode forth with lance and targe;
And on both sides the horsemen
Struck their spurs deep in gore,
And *front to front* the armies
Met with a mighty roar».

Тогда съ обѣихъ сторонъ вожди
Дали сигналъ къ нападенію;
И съ обѣихъ сторонъ пѣхотинцы
Устремились впередъ съ копьемъ и щитомъ;
И съ обѣихъ сторонъ всадники
Вонзили глубоко, до крови, свои шпоры,
И *лицомъ къ лицу* арміи
Сошлись съ великимъ шумомъ.

прежде посылки Непобѣдимой Армады, захватить Флиссингенъ на берегу Голландіи, —мысль, осуществленіе которой избавило бы отъ необходимости этого ужаснаго и бѣдственнаго путешествія на сѣверъ Англіи. Тѣ же самыя причины побудили бы, безъ сомнѣнія, какую-либо націю, — въ случаѣ серьезныхъ операцій противъ нашего побережья, — захватить, какъ базы для своихъ флотовъ, такіе отдаленные отъ большихъ центровъ и удобо-обороняемые пункты (въ родѣ бухты Гардинера (Gardiner's Bay) или Портъ-Рояля), которые она могла бы занять и удержать за собою при недостаточной силѣ нашего флота.

Рукъ отступилъ безъ препятствій въ Лиссабонъ, выгрузивъ, по пути, въ Гибралтарѣ часть боевыхъ припасовъ и провіанта со своихъ кораблей. Графъ Тулузскій, вмѣсто того, чтобы настаивать на эксплоатаціи своей побѣды, — если только признать, что онъ дѣйствительно одержалъ таковую,— возвратился въ Тулонъ, пославъ лишь десять линейныхъ кораблей для поддержки атаки Гибралтара. Всѣ попытки французовъ отбить послѣдній были, однако, тщетны; осадившая эскадра была окончательно уничтожена, а сухопутная атака обращена въ блокаду. «Съ этимъ несчастіемъ», говоритъ французскій морской офицеръ, «во французскомъ народѣ началась печальная реакція противъ флота. Чудеса, совершенныя имъ, его огромныя заслуги были забыты. Въ его значеніе уже не вѣрили больше. Армія, находясь въ болѣе близкомъ общеніи съ націей, привлекла на свою сторону все ея расположеніе, всѣ симпатіи. Господствовавшее ошибочное убѣжденіе, что величіе или паденіе Франціи зависѣло отъ нѣкоторыхъ позицій на Рейнѣ, могло только благопріятствовать этому нерасположенію къ флоту, которое создало силу Англіи и нашу слабость» (*).

Въ 1704 году состоялась Бленгеймская (Blenheim) битва, въ которой французскія и баварскія войска были совершенно разбиты англійскими и германскими, подъ предводительствомъ Мальборо (Marlborough) и принца Евгенія. Результатомъ этой битвы было то, что Баварія отложилась отъ союза съ Фран-

(*) Lapeyrouse-Bonfils: Hist. de la Marine Française.

ціей, и Германія сдѣлалась второстепеннымъ театромъ общей войны, которая велась послѣ того главнымъ образомъ въ Нидерландахъ, въ Италіи и на Пиринейскомъ полуостровѣ.

Въ слѣдующемъ, 1705 году, союзники двинулись противъ Филиппа V двумя путями: — изъ Лиссабона на Мадридъ и черезъ Барцелону. Первая атака, хотя и опиралась на море, была, главнымъ образомъ, сухопутная и не дала никакого результата. Мѣстное населеніе этихъ провинцій ясно высказало, что не встрѣтитъ гостепріимно короля, возведеннаго на тронъ иностранными державами. Не такъ было въ Каталоніи. Карлосъ III явился туда лично съ союзнымъ флотомъ. Французскій флотъ, будучи слабѣе послѣдняго, остался въ порту; французская армія также не показывалась. Союзныя войска, подкрѣпленныя тремя тысячами матросовъ, обложили городъ; при этомъ флотъ, который служилъ для нихъ одновременно и продовольственною базою и коммуникаціонною линіею, обезпечивалъ имъ продовольствіе и боевые припасы. Барцелона сдалась 9-го октября; вся Каталонія привѣтствовала Карлоса, и когда это движеніе въ его пользу распространилось до Арагона и Валенціи, то и столица послѣдней провинціи открыто стала на сторону Карлоса.

Въ 1706 году французы въ Испаніи перешли въ наступленіе на границахъ Каталоніи и заняли оборонительное положеніе въ горныхъ проходахъ къ Португаліи. При отсутствіи союзнаго флота и той помощи, которую онъ доставлялъ и обезпечивалъ, сопротивленіе страны было слабо, и Барцелона была снова осаждена, — на этотъ разъ французскимъ отрядомъ, поддерживавшимся французскимъ флотомъ изъ тридцати линейныхъ кораблей и многочисленныхъ транспортовъ съ необходимыми припасами изъ сосѣдняго порта — Тулона. Осада, начавшаяся 5-го апрѣля, подавала большія надежды; самъ австрійскій претендентъ находился за осажденными стѣнами и былъ бы призомъ въ случаѣ успѣха; но 10-го мая показались союзные флоты, французскіе корабли отступили, и осада была поспѣшно снята. Претендентъ Бурбоновъ не осмѣлился отступить въ Арагонъ и поэтому прошелъ черезъ Руссильонъ (Roussillon) во Францію, оставивъ

Испанію своему сопернику. Въ то же самое время шла изъ Португаліи, — этой другой базы, которую морская сила Англіи и Голландіи одновременно и охраняла и утилизировала, — другая армія, содержавшаяся на субсидіи, дававшіяся океаномъ. На этотъ разъ атака съ запада была болѣе успѣшна; многіе города въ Эстремадурѣ и Леонѣ пали, и предводители союзныхъ войскъ, едва узнавъ о снятіи осады Барцелоны, быстро направились черезъ Саламанку въ Мадридъ. Филиппъ V, послѣ бѣгства во Францію, возвратился въ Испанію черезъ западные Пиринеи; но при приближеніи союзниковъ онъ долженъ былъ снова бѣжать, оставивъ имъ свою столицу. Португальскія и союзныя войска вошли въ Мадридъ 26-го іюня 1706 года. Союзный же флотъ, послѣ паденія Барцелоны, захватилъ Аликанте и Картагену.

До сихъ поръ союзники имѣли успѣхъ; но они судили ошибочно о наклонностяхъ испанскаго народа и еще не понимали того упорства въ преслѣдованіи имъ цѣли и той гордости его, которыя поддерживались самою природою страны. Теперь выступили на сцену національная ненависть къ Португаліи и религіозная антипатія къ еретикамъ, — тѣмъ болѣе, что англійскій генералъ самъ былъ гугенотскій выходецъ. Мадридъ и окрестныя области приняли побѣдителей враждебно, а южныя провинціи послали королю изъ династіи Бурбоновъ увѣренія въ своей вѣрности. Союзники не могли оставаться во враждебной столицѣ, особенно потому, что окрестности ея не имѣли никакихъ средствъ для продовольствія и были полны партизанами. Они отступили къ востоку, предполагая соединиться съ австрійскимъ претендентомъ въ Арагонѣ. Неудача слѣдовала за неудачей, и 25-го апрѣля 1707 года союзная армія была разбита на голову при Алмансѣ (Almansa), потерявъ пятнадцать тысячъ человѣкъ. Вся Испанія попала опять во власть Филиппа V, за исключеніемъ провинціи Каталоніи, въ которой имъ была покорена только часть. Въ 1708 году французы сдѣлали еще нѣкоторыя завоеванія въ этой области, но атаковать Барцелону не могли; Валенція и Аликанте были, однако, покорены ими.

1707 годъ не ознаменовался никакимъ важнымъ морскимъ

событіемъ. Въ теченіе лѣта союзные флоты въ Средиземномъ морѣ были отвлечены отъ береговъ Испаніи для содѣйствія атакѣ Тулона, предпринятой австрійцами и пьемонтцами. Послѣдніе шли изъ Италіи вдоль берега Средиземнаго моря, и флотъ прикрывалъ ихъ флангъ со стороны этого моря и обезпечивалъ имъ продовольствіе. Осада, однако, не удалась, и кампанія окончилась безъ результатовъ. Возвращаясь въ Англію, адмиралъ сэръ Клоудеслей Шовель, съ нѣсколькими линейными кораблями, погибъ у острововъ Сцилли въ одномъ изъ тѣхъ крушеній, которыя сдѣлались историческими.

Въ 1708 году союзные флоты овладѣли Сардиніей, которая, по плодородію и близости къ Барцелонѣ, сдѣлалась богатой житницей для австрійскаго претендента, до тѣхъ поръ, пока помощью союзнаго флота обладаніе моремъ оставалось за нимъ. Въ томъ же году была взята и Минорка, съ ея превосходной гаванью Портъ-Магономъ, и съ этого времени въ теченіе пятидесяти лѣтъ оставалась въ рукахъ Англіи. Блокируя Кадиксъ и Картагену изъ Гибралтара и смотря угрожающимъ окомъ на Тулонъ изъ Портъ-Магона, Великобританія основалась теперь на Средиземномъ морѣ такъ же твердо, какъ Франція и Испанія; при этомъ, опираясь на союзъ съ Португаліей, она вполнѣ владѣла двумя станціями, Гибралтаромъ и Лиссабономъ, черезъ которыя и сторожила оба торговые пути — океанскій и средиземноморскій. Къ концу 1708 года пораженія Франціи на сушѣ и на морѣ, ужасныя страданія королевства и почти полная безнадежность достиженія какихъ-либо результатовъ въ борьбѣ, столь раззорительной для Франціи и столь легко поддерживавшейся Англіей, заставили Людовика XIV просить мира цѣною въ высшей степени унизительныхъ для него уступокъ. Онъ отказывался отъ притязаній на всю испанскую монархію, прося удержать за Бурбономъ только Неаполь. Союзники не удовлетворялись этимъ; они требовали, чтобы герцогъ Анжуйскій, котораго они не хотѣли называть королемъ, отказался отъ притязаній на всѣ испанскія владѣнія, безъ исключенія, и прибавляли еще къ этому раззорительныя условія для самой Франціи. Людовикъ, въ свою очередь, не согласился на это, и война продолжалась.

Въ теченіе остальныхъ годовъ войны неустанная дѣятельность морской силы союзниковъ,—которая свелась къ этому времени къ силѣ одной только Великобританіи съ малою лишь помощью со стороны Голландіи, — съ внѣшней стороны отличалась менѣе, чѣмъ когда-либо, наступательнымъ характеромъ; но вліяніе ея оставалось попрежнему дѣйствительнымъ. Австрійскій претендентъ, почти запертый въ Каталоніи, сохранялъ сообщенія съ Сардиніей и итальянскими провинціями Германіи черезъ посредство англійскаго флота; но полное исчезновеніе французскаго флота и вообще очевидное намѣреніе Людовика не держать эскадръ въ морѣ позволили союзникамъ нѣсколько уменьшить средиземноморскій флотъ, усиливъ на счетъ этого охрану торговли. Кромѣ того, въ 1710 и 1711 годахъ сдѣлалась возможной посылка экспедицій противъ французскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ. Новая Шотландія была взята англичанами, но попытка ихъ занять Квебекъ не удалась.

Въ теченіе зимы 1709 — 1710 годовъ Людовикъ отозвалъ всѣ французскія войска изъ Испаніи, отказавшись такимъ образомъ отъ защиты дѣла своего внука. Но когда шансы Франціи на успѣхъ уже совсѣмъ упали и когда казалось, что она должна быть вынуждена на уступки, которыя низвели бы ее на степень второстепенной державы, существованіе коалиціи, гдѣ представителемъ Англіи былъ Мальборо, пошатнулось. Потеря послѣднимъ расположенія королевы усилила партію, враждебную войнѣ, или, скорѣе, ея дальнѣйшему продолженію. Эта перемѣна случилась лѣтомъ 1710 года, и стремленіе къ миру усилилось еще тѣмъ благопріятнымъ для отступленія положеніемъ, въ которомъ находилась тогда Англія, а также тяжестью издержекъ, кои предстояло ей нести въ случаѣ продолженія борьбы, въ перспективѣ которой не предвидѣлось выгодъ, соразмѣрныхъ съ затратами. Болѣе слабая союзница, Голландія, постепенно перестала участвовать условленной долей въ содержаніи морскихъ силъ; и хотя дальновидные англичане могли смотрѣть съ чувствомъ удовольствія на исчезновеніе соперничавшей съ ихъ отечествомъ морской державы, но опасеніе непосредственнаго увеличенія издержекъ ощущалось населеніемъ сильнѣе. Расходы по

веденію континентальной и испанской войнъ также въ значительной мѣрѣ оплачивались субсидіями Англіи; и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ первая война не могла обѣщать ей дальнѣйшихъ выгодъ, было видно, что вторая не обратитъ симпатій испанскаго народа въ пользу Карлоса III безъ новыхъ затратъ, превышающихъ «стоимость игры».... Скоро начались между Франціей и Англіей тайные переговоры, которые получили еще новый импульсъ съ неожиданной смертью Германскаго императора, брата австрійскаго претендента на испанскій тронъ. За неимѣніемъ другаго наслѣдника мужескаго пола, Карлосъ сдѣлался сразу австрійскимъ императоромъ и скоро затѣмъ былъ избранъ и императоромъ Германіи. Англія не имѣла большаго желанія видѣть двѣ короны на головѣ представителя Австрійскаго Дома, чѣмъ на головѣ представителя Дома Бурбоновъ.

Требованія, поставленныя Англіей какъ условія мира въ 1711 году, показали, что сдѣлалась морскою державою въ самомъ чистомъ значеніи этого термина, не только въ дѣйствительности, но и въ ея собственномъ сознаніи. Она требовала: чтобы одно и то же лицо никогда впредь не было одновременно королемъ Франціи и Испаніи; чтобы рядъ укрѣпленныхъ городовъ былъ уступленъ ея союзникамъ, Голландіи и Германіи, какъ оборонительная линія противъ Франціи; чтобы союзникамъ ея были возвращены французскія завоеванія. Для себя же она требовала: формальной уступки Гибралтара и Портъ-Магона, — которыхъ стратегическое значеніе было указано выше; уничтоженія Дюнкирхенскаго порта, служившаго гнѣздомъ для приватировъ, охотившихся на англійскую торговлю; уступки французскихъ колоній Ньюфаундленда, Гудсонова залива и Новой Шотландіи (послѣднюю она уже занимала въ то время) и наконецъ, торговыхъ договоровъ съ Франціей и Испаніей и монополіи торговли невольниками съ Испанской Америкой, — торговли, извѣстной подъ именемъ Asiento, — которую Испанія дала Франціи въ 1701 году.

Переговоры продолжались, хотя враждебныя дѣйствія и не прекращались; и въ іюнѣ 1712 года четырехмѣсячное пере-

миріе между Великобританіей и Франціей отозвало отъ союзныхъ армій на континентѣ англійскія войска, великій вождь которыхъ, Мальборо, былъ отставленъ отъ командованія за годъ передъ тѣмъ. Кампанія 1712 года была благопріятна еще для Франціи; но и во всякомъ случаѣ удаленіе Великобританіи съ театра войны дѣлало окончаніе послѣдней лишь вопросомъ непродолжительнаго времени. На увѣщанія Голландіи Англія отвѣчала, что съ 1707 года голландцы снарядили для участія въ войнѣ не болѣе трети условленнаго числа кораблей, а въ теченіе всей войны — не болѣе половины. Палата общинъ, въ адресѣ, поданномъ королю въ 1712 году, жаловалась: —

„Служба на морѣ была несена въ теченіе всей войны на условіяхъ, крайне невыгодныхъ для королевства вашего величества, ибо необходимость требовала, чтобы ежегодно снаряжались большіе флоты для сохраненія превосходства въ Средиземномъ морѣ и для сопротивленія силѣ, которую непріятель могъ организовать или въ Дюнкирхенѣ, или въ портахъ западной Франціи; готовности вашего величества снаряжать вашу долю флота для всѣхъ отраслей его службы нисколько не вторила Голландія, которая ежегодно посылала въ море корабли совсѣмъ не въ достаточномъ числѣ по отношенію къ снаряжавшимся вами. Поэтому ваше величество были обязаны пополнять ея недочеты своими кораблями. И флотъ вашего величества долженъ былъ плавать изъ-за этого въ ненормально многочисленномъ составѣ и, къ великому вреду для себя, оставаться въ отдаленныхъ моряхъ въ неудобное для кампаніи время года. Это обстоятельство также ограничило конвои для торговыхъ судовъ; за недостаткомъ крейсеровъ, берега были открыты для нападенія, и вы были не въ состояніи вредить непріятелю въ самой выгодной для него торговлѣ съ Вестъ-Индіей, откуда онъ получалъ огромныя подкрѣпленія для своей казны, безъ которыхъ не могъ бы нести расходы по веденію войны“.

Дѣйствительно, между 1701 и 1716 годами торговля съ Испанской Америкой дала Франціи сорокъ милліоновъ долларовъ наличными деньгами. На эти жалобы голландскій посланникъ въ Англіи могъ возразить только, что Голландія прямо не была въ состояніи выполнить свои обязательства. Неудачи 1712 года, присоединившись къ настойчивому желанію Англіи заключить миръ, заставили и Голландію рѣшиться на послѣдній; и Англія, несмотря на неудовольствія свои на союзниковъ, была еще такъ проникнута старою ненавистью къ Франціи, что поддерживала всѣ сколько-нибудь основательныя требованія Голландіи. 11-го апрѣля 1713 года былъ наконецъ заключенъ почти общій миръ, — между Франціею съ

одной стороны и Англіею, Голландіею, Пруссіею, Португаліею и Савойей съ другой стороны, — миръ, извѣстный подъ именемъ Утрехтскаго и составляющій одну изъ эпохъ въ исторіи. Императоръ все еще воздерживался отъ мира; но потеря британскихъ субсидій сковала движенія его армій, и съ прекращеніемъ участія морскихъ державъ континентальная война могла бы прекратиться; однако Франція, съ развязанными теперь руками, совершила въ 1713 году блестящую и успѣшную кампанію въ Германію. 7-го марта 1714 года былъ подписанъ миръ между Франціей и Австріей. Слабыя искры войны продолжали еще тлѣть въ Каталоніи и на Балеарскихъ островахъ, которые настаивали на своемъ нежеланіи признать Филиппа V; но возмущеніе ихъ было подавлено, какъ только оружіе Франціи обратилось противъ нихъ. Барцелона была взята штурмомъ въ сентябрѣ 1714 года, а острова сдались слѣдующимъ лѣтомъ.

Перемѣны, явившіяся слѣдствіемъ этой долгой войны и санкціонированныя миромъ, — если опустить детали меньшей или преходящей важности, — можно резюмировать коротко слѣдующимъ образомъ: 1. Домъ Бурбоновъ былъ утвержденъ на испанскомъ тронѣ, и Испанская монархія сохраняла свои владѣнія въ Вестъ-Индіи и въ Америкѣ; планъ Вильгельма III уничтожить ея господство тамъ рушился въ тотъ моментъ, какъ Англія рѣшилась оказывать поддержку австрійскому принцу и такимъ образомъ приковала большую часть своей морской силы къ Средиземному морю. — 2. Испанская монархія потеряла большую часть своихъ владѣній въ Нидерландахъ, такъ какъ Гельдерландъ перешелъ къ новому королевству Пруссіи, а Бельгія—къ Императору; Испанскіе Нидерланды сдѣлались, такимъ образомъ, Австрійскими. — 3. Испанія потеряла также главные острова въ Средиземномъ морѣ: Сардинія отдана была Австріи; Минорка, съ ея великолѣпной гаванью,—Великобританіи, а Сицилія — герцогу Савойскому. — 4. Наконецъ Испанія потеряла еще и свои Итальянскія владѣнія, такъ какъ Миланъ и Неаполь перешли къ Императору.... Таковы, въ главныхъ чертахъ, были для Испаніи результаты борьбы за наслѣдство ея трона.

Франція, оказывавшая поддержку успѣшному претенденту, вышла изъ борьбы истощенная и съ значительными территоріальными потерями. Она добилась утвержденія короля своего собственнаго королевскаго дома на сосѣднемъ тронѣ, но ея морская сила была истощена, ея населеніе уменьшилось и финансовое состояніе пришло въ упадокъ. Отнятая отъ нея въ Европѣ территорія была на ея сѣверо-восточной границѣ; и она вынуждена была отказаться отъ пользованія Дюнкирхенскимъ портомъ—центромъ крейсерской войны, такъ устрашавшей англійскихъ купцовъ. Въ Америкѣ уступка ею Новой Шотландіи и Ньюфаундленда была первымъ шагомъ къ полной потерѣ Канады полстолѣтія спустя. Но на этотъ разъ она удержала островъ Капъ-Бретонъ, съ его портомъ Луисбургъ—ключемъ къ заливу и рѣкѣ Св. Лаврентія.

Пріобрѣтенія Англіи, военными дѣйствіями и по трактату, весьма близко соотвѣтствовали потерямъ Франціи и Испаніи и всѣ способствовали развитію и упроченію ея морскаго могущества. Гибралтаръ и Портъ-Магонъ въ Средиземномъ морѣ и вышеупомянутыя колоніи въ Сѣверной Америкѣ дали новыя базы для этого могущества, способствуя расширенію и улучшенію національной торговли и большему обезпеченію защиты ея. Ослабленіе морскихъ силъ Франціи и Голландіи, расшатанныхъ упадкомъ ихъ флотовъ, который явился слѣдствіемъ неимовѣрныхъ издержекъ по веденію сухопутной войны, послужило только къ выгодѣ Англіи; дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ упадкѣ будутъ даны ниже. Самая невозможность для Голландіи снарядить условленное число кораблей во время войны и дурное состояніе снаряженныхъ, хотя и накладывали лишнее бремя на Англію, послужили, можно сказать, къ ея благу, побуждая ея флотъ къ большему развитію и къ большимъ усиліямъ. Несоотвѣтствіе между морскими силами увеличилось еще уничтоженіемъ порта въ Дюнкирхенѣ; такъ какъ, не будучи самъ по себѣ первоклассным портомъ и не имѣя глубокой гавани, онъ въ то же время обладалъ большими искусственными укрѣпленіями, и его положеніе было особенно пригодно для того, чтобы безпокоить англійскую торговлю. Онъ отстоитъ только на сорокъ миль отъ южнаго Форланда и отъ Доунса, и кратчайшее разстояніе

отъ него до англійскаго берега Канала равно только двадцати милямъ. Дюнкирхенъ былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ пріобрѣтеній Людовика XIV, который заботился о немъ, какъ о своемъ дѣтищѣ; срытіе укрѣпленій и засыпка порта показываютъ какъ велико было униженіе короля Франціи въ эту эпоху. Но Англія всегда держалась мудрой системы не основывать своей морской силы единственно только на военныхъ позиціяхъ, ни даже только на боевыхъ корабляхъ, и потому коммерческія выгоды, которыя она обезпечила себѣ теперь во время войны и по мирному договору, были весьма велики. Торговля невольниками съ Испанской Америкой, уже и сама по себѣ прибыльная, сдѣлалась для Англіи еще болѣе такою, какъ средство для огромныхъ контрабандныхъ сношеній съ этими странами, что вознаградило неуспѣхъ попытокъ англичанъ къ завоеваніямъ тамъ; въ то же время уступки, сдѣланныя Португаліи Франціей въ Южной Америкѣ, служили, главнымъ образомъ, къ выгодѣ Англіи, которая по трактату 1703 года пріобрѣла первенство въ португальской торговлѣ. Уступленныя Англіи Сѣверо-Американскія колоніи были весьма цѣнны, не только, и даже не главнымъ образомъ, какъ военныя станціи, но и въ коммерческомъ отношеніи... И кромѣ всего этого Англіею заключены были, на выгодныхъ условіяхъ, торговые договоры съ Франціею и Испаніею. Англійскій министръ, защищая мирный договоръ въ парламентѣ, сказалъ: «Выгоды для насъ этого мира проявляются: въ увеличеніи нашего богатства; въ большомъ количествѣ слитковъ металла, недавно перечеканеннаго въ нашу монету; въ огромномъ увеличеніи со времени мира числа нашихъ судовъ, какъ рыбопромышленныхъ, такъ и вообще торговыхъ; въ замѣчательномъ ростѣ пошлинъ на предметы ввоза, и въ нашей фабричной дѣятельности и въ ростѣ нашего вывоза», — однимъ словомъ въ оживленіи торговли во всѣхъ ея отрасляхъ.

Въ то время, какъ Англія оказалась такимъ образомъ послѣ войны въ столь выгодныхъ условіяхъ и явно стала въ то положеніе морскаго превосходства, которое такъ долго сохраняла, ея старая соперница въ торговлѣ и въ бояхъ осталась безнадежно позади. Въ результатѣ войны Голландія ничего не прі-

обрѣла на морѣ, — ни колоніи, ни станціи. Въ торговомъ договорѣ она поставлена была относительно Франціи въ тѣ же условія, какъ и Англія; но она не получила никакихъ уступокъ, которыя давали бы ей возможность поставить ногу въ Испанской Америкѣ, какъ могла сдѣлать это ея союзница. Надо сказать, что за нѣсколько лѣтъ до мира, когда коалиція еще поддерживала Карлоса, британскимъ министромъ заключенъ былъ съ послѣднимъ, тайно отъ Голландіи, трактатъ, — практически дававшій Англіи монополію испанской торговли въ Америкѣ, допуская къ участію въ ней еще только самихъ испанцевъ, т. е. все равно, что не допуская никого, кромѣ англичанъ. Этотъ договоръ случайно сдѣлался извѣстнымъ голландцамъ и произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе; но Англія была тогда такъ необходима для коалиціи, что совершенно не рисковала быть исключенной изъ нея другими ея членами. Пріобрѣтеніе Голландіи на сушѣ состояло только въ правѣ военной оккупаціи въ Австрійскихъ Нидерландахъ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, извѣстныхъ въ исторіи, какъ «барьерные города» (barrier towns); ничего не прибавилось ни къ ея доходамъ, ни къ населенію, или къ средствамъ производительности; ничего — къ той національной силѣ, которая необходима для поддержки военныхъ учрежденій.

Голландія сошла, быть можетъ неизбѣжно, съ того пути, по которому двигалась сначала къ богатству и главенству между державами. Настоятельныя нужды ея континентальнаго положенія привели ее къ пренебреженію своимъ флотомъ, что, въ тѣ дни войнъ и приватирства, влекло за собою потери въ транспортной дѣятельности ея на морѣ и въ морской торговлѣ; и хотя она высоко держала свою голову во время войны, но симптомы слабости уже проявлялись въ недостаткѣ вооруженныхъ силъ ея. Поэтому, хотя Соединенныя Провинціи и достигли важной цѣли, для которой начали войну и спасли Испанскіе Нидерланды отъ рукъ Франціи, но успѣхъ не стоилъ цѣны его достиженія. Съ тѣхъ поръ онѣ отклонялись въ теченіе долгаго періода отъ участія въ войнахъ и въ дипломатическихъ сношеніяхъ Европы, — частью быть можетъ потому, что видѣли какъ мало онѣ выиграли, но еще болѣе вслѣдствіе дѣй-

ствительной слабости и несостоятельности. Послѣ напряженныхъ усилій, вызванныхъ войною, наступила реакція, безпощадно показавшая неизбѣжную слабость государства, котораго территорія мала и народонаселеніе малочисленно. Видимый упадокъ Провинцій начинается съ Утрехтскаго мира; дѣйствительный—начался ранѣе. Голландія перестала входить въ семью великихъ державъ Европы, ея флотъ не былъ уже болѣе военнымъ факторомъ въ дипломатіи, ея торговля также раздѣлила участь общаго упадка государства.

Остается еще только кратко указать на общій результатъ войны для Австріи и вообще для Германіи. Франція уступила имъ Рейнскую границу, съ укрѣпленными пунктами на восточномъ берегу рѣки. Австрія получила, какъ было уже упомянуто выше, Бельгію, Сардинію, Неаполь и испанскія владѣнія въ сѣверной Италіи; неудовлетворенная и въ другихъ отношеніяхъ, Австрія была особенно недовольна тѣмъ, что не пріобрѣла Сициліи и не прекратила затѣмъ переговоровъ до тѣхъ поръ, пока ей не достался этотъ островъ. Болѣе важнымъ обстоятельствомъ для Германіи да и для всей Европы, чѣмъ это преходящее пріобрѣтеніе Австріею отдаленныхъ и чуждыхъ ей странъ, было возвышеніе Пруссіи, которая со времени этой войны сдѣлалась протестантскимъ и военнымъ королевствомъ, предназначеннымъ быть противовѣсомъ вліянію Австріи.

Таковы были главные результаты войны за Испанское Наслѣдство, «самой большой изъ войнъ, когда-либо видѣнныхъ Европой со временъ Крестовыхъ походовъ». Это была война, главный военный интересъ которой сосредоточивался на сушѣ; война, въ которой сражались два изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ, Мальборо и принцъ Евгеній; о битвахъ между ними, — Бленгеймской, Рамильесской, Мальплакетской и Туринской, — знаютъ даже случайные читатели исторіи; въ то же время много еще другихъ способныхъ людей отличились на разныхъ театрахъ войны, — во Фландріи, Германіи, Италіи и Испаніи. На морѣ же состоялось только одно большое сраженіе, и то едва достойное упоминанія. Тѣмъ не менѣе, взглянувъ на непосредственные и очевидные результаты войны, развѣ не дѣлается яснымъ для кого жатва ея была благодѣтельной.

*

Для Франціи ли, единственнымъ выигрышемъ которой было утвержденіе Бурбона на тронѣ Испаніи? Для Испаніи ли, которая увидѣла на своемъ тронѣ короля изъ Дома Бурбоновъ, вмѣсто короля Дома Австрійскаго, вслѣдствіе чего союзъ ея съ Франціей сдѣлался тѣснѣе? Для Голландіи ли, купившей линію укрѣпленныхъ городовъ цѣною разрушенія своего флота и раззоренія народа? Наконецъ, для Австріи ли, которая сражалась на деньги морскихъ державъ и пріобрѣла такія морскія государства, какъ Нидерланды и Неаполь?... Однимъ словомъ, дала ли жатва войны лучшіе плоды тѣмъ, которые вели ее болѣе исключительно на сушѣ, добиваясь территоріальныхъ пріобрѣтеній, или же Англіи, которая, въ сущности, платила за эту континентальную войну и даже поддерживала ее своими войсками, но которая въ то же время расширяла свой флотъ, усиливая, распространяя и оберегая свою торговлю, захватывая морскія позиціи, — короче сказать, созидая и развивая свое морское могущество на развалинахъ своихъ соперниковъ — друга и недруга, безразлично? Не для того, чтобы умалять значеніе выгодъ, доставшихся на долю другихъ державъ, останавливаемъ мы вниманіе на развитіи морской силы Англіи; эти выгоды только рѣзче выдѣляютъ громадность тѣхъ, которыя достались на ея долю. Была выгодна для Франціи замѣна недруга другомъ въ тылу, хотя ея военный и коммерческій флоты и были уничтожены. Было выгодно для Испаніи установленіе близкихъ сношеній съ такою жизненною страною, какъ Франція, послѣ столѣтія политической смерти, и спасеніе большей части ея подвергавшихся опасности владѣній. Было выгодно для Голландіи окончательное освобожденіе отъ наступательныхъ дѣйствій французовъ и переходъ Бельгіи въ руки сильнаго государства изъ рукъ государства слабаго. И безъ сомнѣнія было благомъ для Австріи не только остановить, главнымъ образомъ на чужой счетъ, успѣхи своего наслѣдственнаго врага, но также и получить такія провинціи, какъ Сицилію и Неаполь, которыя при мудромъ правительствѣ могли сдѣлаться основаніемъ внушительной морской силы. Но ни одна изъ этихъ выгодъ отдѣльно, ни всѣ вмѣстѣ, не могли сравниться количественно, и тѣмъ

болѣе по прочности, съ выгодою для Англіи той безпримѣрной морской силы, которая возникла въ теченіе войны Аугсбургской лиги и получила свою полноту и законченность въ войнѣ за Испанское Наслѣдство. Эта сила дала Англіи господство въ океанской торговлѣ, опиравшееся на военный флотъ, который не имѣлъ соперника, да и не могъ его имѣть при истощенномъ состояніи другихъ націй, и для котораго теперь были базы въ сильныхъ позиціяхъ во всѣхъ оспаривавшихся областяхъ свѣта. Хотя у Англіи тогда еще и не было владѣній въ Индіи, но огромное превосходство флота ея уже давало ей возможность сдѣлаться хозяйкой сообщеній другихъ націй съ этой богатой и отдаленной страной и настаивать на своей волѣ во всѣхъ спорахъ, возникавшихъ между торговыми станціями различныхъ національностей. Торговля, поддерживавшая ея процвѣтаніе и военную силу ея союзниковъ въ теченіе войны, хотя и терпѣвшая отъ крейсеровъ непріятеля (которымъ Англія могла удѣлить только второстепенное вниманіе посреди множества предъявлявшихся къ ней требованій), вступила со стремительной быстротою въ новую жизнь, когда война была окончена. Народы всего цивилизованнаго міра, истощенные своимъ участіемъ въ общихъ страданіяхъ, жаждали возвращенія мирнаго процвѣтанія и мирной торговли; но ни одна страна не была подготовлена такъ, какъ Англія, — по богатству, по капиталамъ и по развитію мореходства, — къ тому, чтобы организовать и пожать выгоды всякаго предпріятія, содѣйствовавшаго обмѣну товаровъ и законными и незаконными путями. Въ войнѣ за Испанское Наслѣдство мудрая политика Англіи и истощеніе другихъ державъ способствовали постоянному развитію не только ея флота, но и ея торговли: въ самомъ дѣлѣ, при опасномъ состояніи морей, пересѣкавшихся самыми смѣлыми и неутомимыми крейсерами, когда-либо посылавшимися Франціей, только сильнѣйшій военный флотъ обезпечивалъ и большее торговое мореходство. Поэтому британскія коммерческія суда, будучи лучше защищаемы, чѣмъ голландскія, пріобрѣли репутацію болѣе надежныхъ, и такимъ образомъ транспортное дѣло мало по малу переходило въ руки Англіи; а уже разъ предпо-

чтеніе ея судовъ установилось, то вѣроятно было ожидать, что оно сохранится и на будущее время.

„Сводя все вмѣстѣ", говоритъ историкъ британскаго флота, „я сомнѣваюсь, чтобы престижъ Англіи или духъ ея народа стояли когда-либо выше, чѣмъ въ этотъ періодъ. Успѣхъ нашего оружія на морѣ, необходимость защиты нашей торговли и популярность каждаго шага, предпринимавшагося для увеличенія нашей морской силы, вызывали такія мѣры, которыя ежегодно увеличивали послѣднюю. Отсюда и произошла огромная разница, по сравненію съ прошлымъ, обнаружившаяся въ королевскомъ флотѣ около 1706 года, когда корабли стали много лучше и число ихъ сильно увеличилось противъ того, какъ было во времена Революціи или даже ранѣе. Такимъ образомъ и случилось, что наша торговля скорѣе увеличилась, чѣмъ уменьшилась въ теченіе прошлой войны и что мы выиграли такъ знаменательно много нашими тѣсными сношеніями съ Португаліей" (*)

Морская сила Англіи такимъ образомъ не заключалась единственно лишь въ большомъ военномъ флотѣ, съ которымъ мы обыкновенно слишкомъ исключительно связываемъ ее; Франція имѣла такой флотъ въ 1688 году, и онъ «высохъ и исчезъ», подобно листу въ огнѣ. Не основывалась также морская сила Англіи и на одной только процвѣтавшей торговлѣ ея; въ началѣ эпохи, слѣдовавшей за разсматриваемой нами теперь, торговля Франціи приняла почтенные размѣры, но первое дуновеніе войны смело съ морей ея торговый флотъ, подобно тому, какъ нѣкогда флотъ Кромвеля смелъ съ морей флотъ Голландіи. Но лишь соединеніемъ тщательно взлелѣянныхъ названныхъ двухъ элементовъ достигла Англія морской силы, несравненно превосходившей силу другихъ государствъ; и это превосходство прочно устанавливается и рѣзко выдѣляется со времени войны за Испанское Наслѣдство. До этой войны Англія была одною изъ морскихъ державъ; послѣ нея она сдѣлалась морскою державою, не имѣющею соперника. И своей силой она владѣла одна, не раздѣляя ея съ другомъ и не стѣсняемая врагомъ. Она сама была богата, и при своемъ обладаніи моремъ и при обширномъ мореходствѣ она такъ хорошо держала въ рукахъ источники благосостоянія, что ей не представлялась опасность чьего-либо соперничества на океанѣ. Такимъ образомъ пріобрѣтенія морской силы и

(*) Campbell: Lives of the Admirals.

богатства были не только велики, но и прочны, такъ какъ источники ихъ всецѣло находились въ ея рукахъ; тогда какъ пріобрѣтенія другихъ государствъ были не только ниже по степени, но и слабѣе по роду, потому что они зависѣли болѣе или менѣе отъ доброй воли другихъ народовъ.

Но можетъ быть подумаютъ, что мы приписываемъ одной только морской силѣ величіе и богатство какого бы то ни было государства; конечно нѣтъ. Надлежащее пользованіе моремъ и господство на немъ составляютъ вмѣстѣ только одно звено цѣпи обмѣна, которымъ накопляется богатство. Но это звено— центральное, и владѣющій имъ какъ бы налагаетъ контрибуцію па другія націи въ свою пользу; оно, какъ исторія, кажется, ясно показываетъ, вѣрнѣе всѣхъ другихъ собираетъ къ себѣ богатства. Въ Англіи господство на морѣ и пользованіе имъ, кажется, возникли естественно, изъ стеченія многихъ обстоятельствъ; кромѣ того, годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ за Испанское Наслѣдство, ознаменовались рядомъ финансовыхъ мѣръ, характеризованныхъ Маколеемъ, какъ «глубокія и прочныя основанія, на которыхъ должно было воздвигнуться самое гигантское зданіе коммерческаго благосостоянія, какое только видѣлъ когда-либо міръ». Могутъ спросить, однако, развѣ духъ народа, склонный къ торговлѣ и развитый ею, не облегчаетъ принятія такихъ мѣръ; развѣ эти послѣднія, по крайней мѣрѣ частью, не возникаютъ изъ морской силы націи такъ же, какъ и помогаютъ ей? Какъ бы то ни было, но не будемъ отворачиваться отъ факта, что на противоположномъ берегу Канала существуетъ нація, стоявшая впереди англійской; нація, особенно хорошо обставленная, по своему положенію и рессурсамъ, для обезпеченія военнаго и коммерческаго господства на морѣ. Положеніе Франціи имѣетъ ту особенность, что изъ всѣхъ великихъ державъ она одна только имѣла свободный выборъ: другія державы въ вопросѣ расширенія своихъ границъ были болѣе или менѣе привязаны или главнымъ образомъ къ землѣ, или главнымъ образомъ къ морю; Франція же, при обширной сухопутной границѣ, имѣла еще берегъ, омываемый тремя морями. Въ 1672 году она рѣшительно ступила на путь территоріаль-

наго распространенія раздвиженіемъ сухопутныхъ границъ. Въ то время минуло уже двѣнадцать лѣтъ, какъ Кольберъ управлялъ финансами страны, и изъ состоянія ужаснаго разстройства такъ поправилъ ихъ, что доходъ короля Франціи болѣе чѣмъ вдвое превышалъ доходъ короля Англіи. Въ тѣ дни Франція давала субсидіи Европѣ; но планы и надежды Кольбера на будущее Франціи основывались на созданіи ея могущества на морѣ. Война съ Голландіей задержала выполненіе этихъ плановъ; поступательное движеніе по пути къ благосостоянію прекратилось, и нація, отрѣзанная отъ внѣшняго міра, какъ бы замкнулась въ самой себѣ. Безъ сомнѣнія, многія причины работали вмѣстѣ для бѣдственнаго результата, отмѣтившаго конецъ царствованія Людовика XIV: непрерывныя войны, дурная администрація въ послѣднюю половину этого періода, постоянная чрезмѣрная расточительность... Но собственно во Францію ни разу не было сдѣлано вторженія; война, за немногими исключеніями, велась за ея предѣлами; ея внутренняя промышленность мало страдала отъ прямыхъ враждебныхъ дѣйствій. Въ этихъ отношеніяхъ обстоятельства благопріятствовали ей почти такъ же, какъ Англіи и болѣе, чѣмъ другимъ ея непріятелямъ. Что же сдѣлало такую разницу въ результатахъ? Почему Франція была угнетена и истощена, тогда какъ Англія ликовала и процвѣтала? Почему Англія продиктовала, а Франція приняла условія мира? Причина очевидно заключалась въ различіи богатства и кредита. Франція сопротивлялась одна противъ многихъ враговъ, поднятыхъ и ободрявшихся англійскими субсидіями. Лордъ-казначей Англіи, въ письмѣ своемъ къ Мальборо въ 1706 году, говоритъ: —

„Хотя и земледѣліе и промышленность, какъ Англіи, такъ и Голландіи, несутъ чрезвычайное бремя, тѣмъ не менѣе кредитъ обѣихъ продолжаетъ быть хорошимъ; тогда какъ финансы Франціи настолько истощены, что она принуждена давать двадцать и двадцать пять процентовъ на стоимость каждаго пенни, посылаемаго ею за предѣлы королевства, если только она не посылаетъ его прямо въ монетѣ“.

Въ 1712 году издержки Франціи равнялись 240 000 000 франковъ, тогда какъ налоги давали только 113 000 000 валового дохода, изъ которыхъ, за вычетомъ убытковъ и необходимыхъ расходовъ, поступило въ казначейство только

37 000 000; дефицитъ старались покрыть займомъ въ счетъ будущихъ годовъ и рядомъ необыкновенныхъ операцій, которыя не легко назвать или даже понять.

„Лѣтомъ 1715 года (черезъ два года послѣ заключенія мира) казалось, что положеніе не можетъ сдѣлаться хуже: — не было ни общественнаго, ни частнаго кредита; государство не имѣло болѣе дохода; не заложенныя еще статьи дохода должны были идти на покрытіе займовъ; ни трудъ, ни потребленіе не оживлялись за недостаткомъ денежнаго обращенія; на развалинахъ общества царило ростовщичество. Попеременныя повышенія и пониженія цѣнъ на съѣстные припасы окончательно истощили народъ. Въ средѣ его и даже въ средѣ арміи вспыхивали „голодные" бунты; фабрики раззорялись или прекращали работы, нищіе осаждали города. Поля были покинуты и оставались невоздѣланными за недостаткомъ инструментовъ, удобренія и живаго инвентаря; дома разрушались... Монархическая Франція, казалось, была готова испустить послѣдній духъ, вмѣстѣ со своимъ престарѣлымъ королемъ" (*).

Такъ обстояли дѣла во Франціи, при ея населеніи въ девятнадцать милліоновъ, — въ то время, какъ на всѣхъ Британскихъ островахъ насчитывалось только восемь милліоновъ, — съ землею, гораздо болѣе плодородною и производительною, чѣмъ въ Англіи; и это было еще до великой эпохи угля и желѣза. «Въ противоположность этому, огромныя суммы, вотированныя парламентомъ въ Англіи въ 1710 году, глубоко поразили Францію; потому что, въ то время, какъ ея кредитъ былъ низокъ, или даже потерянъ совсѣмъ, нашъ достигъ своего зенита». Въ теченіе той же войны «проявился тотъ мощный духъ предпріимчивости между нашими коммерсантами, который сдѣлалъ ихъ способными исполнять всѣ планы, съ энергіею, поддерживавшею постоянное обращеніе денегъ въ королевствѣ и такъ ободрявшею всѣ мануфактуры, что о тѣхъ временахъ остается благодарное воспоминаніе въ менѣе счастливые дни».

„Изъ договора съ Португаліей мы извлекли огромныя выгоды... Португальцы начали чувствовать благодѣтельное вліяніе своихъ бразильскихъ золотыхъ пріисковъ, и громадныя торговыя сношенія, которыя завязались у нихъ съ нами, передали ихъ богатство, въ значительной мѣрѣ, намъ. И это такъ и оставалось всегда съ тѣхъ поръ; не будь этого, я не знаю какъ выносили бы мы военныя издержки... Денежное обращеніе въ государствѣ возросло весьма значительно, что также должно быть приписано, въ большой мѣрѣ, нашей португальской торговлѣ; а этою торговлею, какъ я уже пока-

(*) Martin: History of France.

залъ, мы обязаны были всецѣло нашей морской силѣ (которая вырвала Португалію изъ союза съ двумя коронами и отдала ее подъ покровительство морскихъ державъ). Наша торговля съ испанскими владѣніями въ Вестъ-Индіи, черезъ Кадиксъ, конечно была прервана въ началѣ войны; но потомъ она была въ значительной мѣрѣ возстановлена и чрезъ Кадиксъ и прямымъ сообщеніемъ съ нѣсколькими провинціями, признавшими Эрцъ-Герцога, такъ же, какъ и черезъ Португалію, черезъ которую велась большая, хотя и контрабандная, торговля. Въ то же время намъ приносила весьма большія выгоды торговля съ испанцами въ Вестъ-Индіи (также контрабандная)... Наши колоніи, хотя и жаловавшіяся на пренебреженіе ими, становились богаче, населеннѣе и распространяли свои торговыя операціи дальше, чѣмъ прежде... Національная цѣль, преслѣдовавшаяся Англіею въ этой войнѣ, была въ значительной мѣрѣ достигнута: — я подразумѣваю уничтоженіе французской морской силы, потому что послѣ сраженія при Малагѣ мы не слышимъ ничего болѣе о большихъ флотахъ Франціи; и хотя вслѣдствіе этого число ея приватировъ значительно увеличилось, но тѣмъ не менѣе потери нашихъ купцовъ были гораздо менѣе тяжелыя въ послѣднемъ, чѣмъ въ предшествовавшемъ царствованіи... Конечно чувствуешь большое удовлетвореніе въ томъ, что несмотря на такую большую враждебную намъ морскую силу, какъ собранная королемъ Франціи въ 1688 году, и на тѣ затрудненія, при которыхъ намъ пришлось вести борьбу, а также несмотря на то, что мы вышли изъ тяжелой войны въ 1697 году обремененными долгомъ, слишкомъ значительнымъ для погашенія его въ теченіе кратковременнаго мира, — мы все таки уже около 1706 года, вмѣсто того, чтобы видѣть флотъ Франціи у нашихъ береговъ, ежегодно посылали сами сильный флотъ для наступательныхъ дѣйствій противъ непріятельскаго, превосходящій его не только въ океанѣ, но и въ Средиземномъ морѣ, изъ котораго всецѣло вытѣсняемъ его однимъ появленіемъ нашего флага... Этимъ мы не только обезпечили свою торговлю съ Левантомъ и увеличили свои выгоды въ сношеніяхъ со всѣми итальянскими принцами, но еще нагнали страхъ на государства Варваріи и отвратили Султана отъ выслушиванія какихъ бы то ни было предложеній со стороны Франціи. Таковы были плоды увеличенія нашей морской силы и способа пользованія ею... Такіе флоты были необходимы; они одновременно защищали и нашъ флагъ и нашихъ союзниковъ и привязывали ихъ къ нашимъ интересамъ; наконецъ, что имѣетъ еще бо́льшую важность, чѣмъ все остальное, такъ это то, что упомянутые флоты наши установили репутацію нашей морской силы такъ прочно, что мы чувствуемъ даже до этихъ дней (1740 г.) счастливыя послѣдствія пріобрѣтенной такимъ образомъ славы“ (*).

Нѣтъ необходимости прибавлять къ этому еще что-нибудь. Таково было положеніе «Державы Морей» въ теченіе тѣхъ лѣтъ, въ которыя, по сказаніямъ французскихъ историковъ, ея торговля расхищалась французскими крейсерами. Англійскій писатель допускаетъ серьезныя потери. Въ 1707 году, т. е. по про-

(*) Campbell: Lives of the Admirals.

шествіи пяти лѣтъ отъ начала войны, отчеты, согласно рапорту комитета палаты лордовъ, «показываютъ, что съ начала войны Англія потеряла 30 военныхъ кораблей и 1146 коммерческихъ, изъ которыхъ 300 были отбиты; тогда какъ мы взяли отъ французовъ 80 военныхъ кораблей и 1346 коммерческихъ; было также взято 175 приватировъ». Большая часть военныхъ кораблей, какъ было объяснено выше, вѣроятно, дѣйствовала, какъ приватиры — на условіяхъ, заключенныхъ съ правительствомъ частными лицами. Но каковы бы ни были относительныя числа, нѣтъ надобности прибавлять еще какой-либо аргументъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были уже изложены, чтобы показать невозможность сломить большую морскую силу операціями одной только крейсерской войны, не основанной на большихъ флотахъ. Жанъ Баръ умеръ въ 1702 году; но въ Форбэнѣ, Дю Кассѣ, и другихъ, а болѣе всего въ Дюге-Труэнѣ, онъ оставилъ достойныхъ преемниковъ, равносильныхъ самымъ жестокимъ уничтожателямъ непріятельской торговли, какихъ когда-либо видѣлъ міръ.

Имя Дюге-Труэна заставляетъ насъ, прежде чѣмъ проститься окончательно съ войною за Испанское Наслѣдство, упомянуть объ его величайшей приватирской экспедиціи, на такомъ разстояніи отъ отечества, какое рѣдко проходилось моряками его профессіи, и иллюстрирующей весьма интересно духъ такихъ предпріятій того времени, а также и тѣ сдѣлки, до какихъ дошло французское правительство. Небольшая французская эскадра атаковала Ріо-Жанейро въ 1710 году; но, будучи отбита, потеряла нѣсколько человѣкъ плѣнными, которые, какъ говорили, были подвергнуты смертной казни. Дюге-Труэнъ просилъ позволенія отомстить за это оскорбленіе, нанесенное Франціи. Король согласился и отдалъ въ его распоряженію корабли съ экипажемъ; между Королемъ, съ одной стороны, и компаніей Дюге-Труэна, съ другой стороны, заключенъ былъ формальный контрактъ, точно опредѣлявшій матеріальное участіе въ экспедиціи каждой стороны; въ этомъ контрактѣ мы находимъ, между прочимъ, странное условіе, чисто торговаго характера, требовавшее отъ компаніи уплаты тридцати франковъ штрафа за каждаго солдата или матроса, который или умретъ,

или будетъ убитъ, или дезертируетъ во время крейсерства. Король долженъ былъ получить одну пятую часть чистой прибыли и принять на свой счетъ убытки отъ крушенія судна или отъ поврежденій его въ сраженіи. По этимъ условіямъ, исчисленнымъ въ подробномъ и длинномъ контрактѣ, Дюге-Труэнъ получилъ шесть линейныхъ кораблей, семь фрегатовъ и болѣе двухъ тысячъ солдатъ, съ которыми и отплылъ въ 1711 году въ Ріо-Жанейро; овладѣвъ послѣднимъ послѣ ряда операцій, онъ позволилъ выкупить его цѣною около четырехсотъ тысячъ долларовъ, — сумма, которая по масштабу нашего времени, вѣроятно, соотвѣтствуетъ милліону, — и еще сверхъ того потребовалъ пятьсотъ ящиковъ сахару. Приватирской компаніи очистилось отъ этого предпріятія около девяноста двухъ процентовъ на затраченный капиталъ. Такъ какъ два линейные корабля этой экспедиціи при обратномъ путешествіи пропали безъ вѣсти, то выгоды короля, вѣроятно, были малы.

Въ то время, какъ война за Испанское Наслѣдство охватила всю Западную Европу, на востокѣ послѣдней происходила борьба, которая могла имѣть глубокое вліяніе на исходъ упомянутой войны. Швеція и Россія завязали между собою военныя дѣйствія; венгры возмутились противъ Австріи, и къ участію въ этомъ дѣлѣ привлечена была и Турція, хотя не ранѣе какъ къ концу 1710 года. Если бы Турція помогла венграмъ, то она сдѣлала бы сильную диверсію, не впервые въ исторіи, въ пользу Франціи. Англійскій историкъ полагаетъ, что она была удержана отъ этого страхомъ передъ англійскимъ флотомъ. Во всякомъ случаѣ она не помогла Венгріи, и послѣдняя была покорена. Война между Швеціей и Россіей имѣла результатомъ русское преобладаніе на Балтійскомъ морѣ, низведеніе Швеціи, — старой союзницы Франціи, — на степень второстепеннаго государства и рѣшительное вступленіе Россіи съ этого времени въ сферу европейской политики.

ГЛАВА VI.

Регентство во Франціи. — Альберони въ Испаніи. — Политика Вальполя (Walpole) и Флёри. — Война за Польское Наслѣдство. — Англійская кантрабандная торговля въ Испанской Америкѣ. — Великобританія объявляетъ войну Испаніи. — 1715 г. — 1739 г.

Вскорѣ послѣ Утрехтскаго мира послѣдовала смерть правителей двухъ странъ, которыя играли выдающуюся роль въ войнѣ за Испанское Наслѣдство. Королева Анна умерла 1-го августа 1714 года, Людовикъ XIV — 1-го сентября 1715 года.

Возведенный на англійскій тронъ германецъ, Георгъ I, хотя и несомнѣнно избранный англійскимъ народомъ, далеко не былъ его любимцемъ, а скорѣе былъ терпимъ имъ, какъ необходимое зло, такъ какъ въ немъ Англія получала короля-протестанта, вмѣсто короля римско-католическаго исповѣданія. Рядомъ съ холодностью и даже нелюбовью своихъ приверженцевъ онъ нашелъ и весьма значительную партію людей недовольныхъ, которые желали видѣть на тронѣ сына Іакова II. Въ его положеніи былъ, такимъ образомъ, недостатокъ прочности, — быть можетъ болѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный, но все-таки и дѣйствительный. Во Франціи, напротивъ, наслѣдство трона не оспаривалось; но наслѣдникъ былъ дитя, пяти лѣтъ, и около него разыгрались страсти приближенныхъ лицъ, ревниво желавшихъ овладѣть регентствомъ, которое давало власть болѣе абсолютную, чѣмъ власть короля Англіи. Регентство было ввѣрено слѣдующему въ порядкѣ престолонаслѣдія, Филиппу, герцогу Орлеанскому; но онъ долженъ былъ встрѣтиться не только съ сопершіческими попытками пошатнуть

его положеніе въ самой Франціи, но и съ дѣятельной враждой короля Испаніи, Филиппа V, Бурбона, — враждой, которая, кажется, началась интригами Орлеанскихъ въ теченіе послѣдней войны, стремившихся свергнуть Филиппа съ испанскаго трона. Такимъ образомъ въ правительствахъ Англіи и Франціи было чувство неустойчивости и опасенія, которое вліяло на политику ихъ обоихъ. Что касается отношеній между Франціей и Испаніей, то взаимная ненависть тогдашнихъ правителей поставила временное препятствіе дружескому согласію, на которое надѣялся Людовикъ XIV въ силу семейныхъ узъ ихъ, и вредила истиннымъ интересамъ обѣихъ державъ.

Регентъ Орлеанскій, по совѣту способнѣйшаго и знаменитаго французскаго государственнаго дѣятеля той эпохи, аббата Дюбуа (Dubois), сдѣлалъ предложенія королю Великобританіи о заключеніи союза. Онъ началъ сначала съ коммерческихъ уступокъ, обыкновенно искушавшихъ Англію, а именно, запретилъ французамъ торговое мореходство въ южныхъ моряхъ, подъ страхомъ смертной казни, и понизилъ ввозныя пошлины на англійскій уголь. Англія сначала приняла эти авансы съ холодной сдержанностью; но Регентъ не упалъ духомъ и предложилъ затѣмъ принудить претендента, Іакова III, удалиться за Альпы. Онъ остановилъ также работы по устройству порта въ Мардикѣ (Mardyck), которымъ французское правительство пыталось вознаградить себя за потерю Дюнкирхена. Эти уступки, — надо замѣтить, направленныя всѣ, кромѣ одной, въ ущербъ морской силѣ и коммерческимъ интересамъ Франціи, — побудили Англію подписать договоръ, которымъ она и Франція взаимно гарантировали исполненіе условій Утрехтскаго мира, поскольку они касались ихъ интересовъ, особенно же условія, что Домъ Орлеанскихъ долженъ былъ унаслѣдовать французскій тронъ, если бы Людовикъ XIV умеръ бездѣтнымъ. Въ Англіи же протестантская династія также было гарантировано. Голландія, истощенная войною, не хотѣла сначала входить въ новыя обязательства, но была въ концѣ концевъ склонена къ этому уменьшеніемъ нѣкоторыхъ пошлинъ на ввозимые ею во Францію товары. Договоръ, подписанный

въ январѣ 1717 года, положилъ основаніе такъ называемому Тройственному союзу и связалъ Францію съ Англіей на нѣсколько лѣтъ.

Пока Франція вела переговоры о союзѣ съ Англіей, Испанія, подъ руководствомъ другаго духовнаго лица, — человѣка большихъ способностей, — искала того же самаго союза и въ то же время развивала всѣ свои силы въ надеждѣ возвратить потерянныя ею итальянскія государства. Новый министръ ея, кардиналъ Алеберони, обѣщалъ Филиппу V дать возможность отвоевать Сицилію и Неаполь, если странѣ будетъ гарантированъ, въ теченіе пяти лѣтъ, миръ. Онъ сильно работалъ надъ увеличеніемъ доходовъ, возстановленіемъ флота и реорганизаціей арміи, поощряя въ то же время мануфактуры, торговлю и мореходство. Успѣхи, достигнутые имъ во всемъ этомъ, были замѣчательны; но законная претензія Испаніи — возвратить свои потерянныя владѣнія и, опираясь на нихъ, основать въ Средиземномъ морѣ свою морскую силу, такъ потрясенную отнятіемъ у нея Гибралтара, встрѣтила помѣху въ несвоевременномъ желаніи Филиппа низвергнуть регентство Орлеанскаго Дома во Франціи. Альберони былъ принужденъ отстраниться отъ Франціи, въ интересахъ морской силы которой, такъ же, какъ и Испаніи, было желательно видѣть Сицилію въ дружескихъ рукахъ; и, не добившись этого естественнаго союза, онъ долженъ былъ заискивать у морскихъ державъ — Англіи и Голландіи Онъ пытался привлечь ихъ на свою сторону также коммерческими уступками, обѣщая сейчасъ же дать Англіи тѣ привилегіи, которыя были обусловлены Утрехтскимъ миромъ и относительно которыхъ Испанія до тѣхъ поръ ставила затрудненія. Въ вознагражденіе за это онъ просилъ содѣйствія Англіи въ Италіи. Георгъ I, германецъ въ душѣ, холодно принялъ эти заискиванія, вызванныя желаніями, недружелюбными по отношенію къ германскому императору въ его итальянскихъ владѣніяхъ; и Альберони, обиженный, взялъ свои предложенія назадъ. Тройственный союзъ, гарантируя престолонаслѣдіе во Франціи Дому Орлеанскому, нанесъ новую обиду Филиппу V, который мечталъ объ осуществленіи своихъ претензій. Результатомъ всѣхъ этихъ переговоровъ былъ союзъ

Англіи и Франціи противъ Испаніи, — слѣпая политика со стороны обоихъ королевствъ Бурбоновъ.

Сущность положенія, созданнаго этими различными цѣлями и страстями, состояла въ томъ, что императоръ Австрійскій и король Испанскій — оба хотѣли владѣть Сициліей, которая, по Утрехтскому договору, была отдана герцогу Савойскому; Франція и Англія обѣ желали сохраненія мира въ западной Европѣ, потому что война дала бы случай для успѣшнаго дѣйствія недовольныхъ въ томъ и другомъ королевствахъ. Такъ какъ положеніе Георга было болѣе обезпечено, чѣмъ положеніе герцога Орлеанскаго, то политика послѣдняго подчинялась первому, и это стремленіе увеличилось еще дѣятельнымъ недоброжелательствомъ короля Испаніи. Георгъ, какъ германецъ, желалъ успѣха Императору; и англійскіе государственные дѣятели естественно желали видѣть Сицилію скорѣе въ рукахъ ихъ стараго союзника и хорошо испытаннаго друга, чѣмъ въ рукахъ Испаніи. Франція, вопреки своей истинной политикѣ, но подъ давленіемъ положенія Регента, раздѣляла этотъ взглядъ, — и въ концѣ концевъ было предложено измѣнить Утрехтскій договоръ передачей Сициліи изъ рукъ Савойи въ руки Австріи, отдавъ вмѣсто того первой — Сардинію. Было, однако, необходимо считаться и съ Испаніей, которая, подъ руководствомъ Альберони, достигла военной силы, изумительной для тѣхъ, кто зналъ ея слабость въ теченіе послѣдней войны. Она не была готова къ борьбѣ, потому что прошла еще только половина пятилѣтняго срока, испрошеннаго кардиналомъ; но еще менѣе была она готова отказаться отъ своихъ претензій. Ничтожный случай вызвалъ разрывъ. Одинъ испанскій сановникъ, совершая путешествіе изъ Рима въ Испанію сушей и такимъ образомъ проѣзжая черезъ итальянскія владѣнія Императора, который все еще именовалъ себя королемъ Испанскимъ былъ, по приказанію его, арестованъ, какъ возмутившійся подданный. При этомъ оскорбленіи Альберони не могъ сдержать Филиппа. Экспедиція изъ двѣнадцати военныхъ кораблей, съ отрядомъ изъ 8600 солдатъ, была послана противъ Сардиніи, передача которой Савойѣ еще не

совершилась, и островъ былъ покоренъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Это случилось въ 1717 году.

Безъ сомнѣнія испанцы желали сейчасъ же начать военныя дѣйствія противъ Сициліи; но Франція и Англія вмѣшались теперь болѣе дѣятельно для предотвращенія угрожавшей общей войны. Англія послала въ Средиземное море флотъ, и одновременно начались дипломатическіе переговоры между Парижемъ, Вѣной и Мадридомъ. Результатомъ ихъ было соглашеніе между Англіей и Франціей совершить вышеупомянутый обмѣнъ Сардиніи и Сициліи, вознаградивъ Испанію передачей ей Пармы и Тосканы въ сѣверной Италіи и потребовавъ, чтобы Императоръ отрекся навсегда отъ своего неосновательнаго, но вносившаго раздраженіе въ международныя отношенія, притязанія на испанскую корону. Въ случаѣ необходимости эти предположенія должны были быть приведены въ исполненіе силою оружія. Императоръ сначала не согласился на это; но возраставшіе размѣры военныхъ приготовленій Альберони заставили его принять предложеніе, въ сущности такое выгодное, а затѣмъ присоединилась къ договору и Голландія, вслѣдствіе чего онъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Четвернаго союза. Испанія, однако, упорствовала; и можно судить объ успѣхахъ, достигнутыхъ Альберони въ дѣлѣ развитія ея силъ, а также о томъ серьезномъ, чтобы не сказать тревожномъ впечатлѣніи, какое произвели эти успѣхи на Георга I, по тому факту, что онъ сдѣлалъ предложеніе купить согласіе Испаніи уступкой Гибралтара. Если регентъ Орлеанскій зналъ это, то его старанія ускорить переговоры отчасти оправдываются.

Альберони пытался подкрѣпить свою военную силу дипломатическими мѣрами во всей Европѣ. Россія и Швеція были привлечены имъ къ участію въ проектѣ вторженія въ Англію въ интересахъ Стюартовъ; подписаніе Голландіею Четвернаго союза было замедлено черезъ его агентовъ; во Франціи былъ организованъ заговоръ противъ Регента; турки были возмущены противъ Императора; по всей Великобританіи поддерживалось недовольство; и была сдѣлана попытка привлечь на сторону Испаніи герцога Савойскаго, обиженнаго отнятіемъ у него Сициліи. 1-го іюля 1718 года испанская 30

тысячная армія, конвоируемая двадцатью двумя линейными кораблями, появилась у Палермо. Савойскія войска очистили городъ и почти весь островъ, сосредоточивъ сопротивленіе въ Мессинской цитадели. Тревога распространилась до самого Неаполя, пока англійскій адмиралъ Бингъ (Byng) (*) не сталъ здѣсь на якорь со своею эскадрою, черезъ день послѣ осады Мессины. Такъ какъ король Сициліи согласился теперь на условія Четвернаго союза, то Бингъ принялъ на свои корабли двѣ тысячи австрійскихъ солдатъ для высадки ихъ въ Мессину. Когда, появившись передъ послѣднею, онъ нашелъ ее осажденной, то потребовалъ письменно отъ испанскаго генерала прекращенія военныхъ дѣйствій на два мѣсяца. Въ этомъ, конечно, ему было отказано; тогда австрійскія войска были снова высажены на берегъ въ Реджіо (Reggio), въ Италіи, и Бингъ прошелъ черезъ Мессинскій проливъ, съ цѣлью нагнать испанскій флотъ, ушедшій къ югу.

Столкновеніе, происшедшее затѣмъ между двумя флотами, едва ли можетъ назваться сраженіемъ; и, — какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда война, уже готовая возгорѣться, все-таки еще не объявлена, — является, нѣкоторое сомнѣніе относительно того, насколько оправдывалось нападеніе англичанъ на испанцевъ. Кажется достовѣрно, что Бингу было дано предписаніе взять въ плѣнъ или уничтожить испанскій флотъ и какъ офицеръ, онъ долженъ быть оправданъ въ своихъ дѣйствіяхъ данными ему приказаніями. Испанскіе морскіе офицеры растерялись, не зная что дѣлать; число ихъ судовъ было значительно меньше, чѣмъ у противника и, какъ это и понятно, наскоро оживленный флотъ Альберони не могъ достигнуть такой степени боевой силы, какой достигла за тотъ же періодъ его армія. Когда англійская эскадра подошла такъ близко, что во враждебномъ намѣреніи ея уже нельзя было сомнѣваться, то нѣкоторые испанскіе корабли открыли огонь, послѣ чего англичане, будучи на вѣтрѣ, спустились и покончили съ непріятелемъ; только нѣсколько атакованныхъ ими судовъ спаслись въ портѣ ла-Валетта. Ис-

(*) Впослѣдствіи лордъ Торрингтонъ, отецъ адмирала Джона Бинга, разстрѣляннаго въ 1757 году.

панскій флотъ былъ, въ сущности, уничтоженъ. Трудно понять, почему нѣкоторыми писателями приписывается значеніе тому факту, что Бингъ атаковалъ противника, не построивъ флота въ линію баталіи. Этотъ противникъ представлялъ безпорядочную силу, значительно уступавшую, и численно и по дисциплинѣ, той, которою командовалъ Бингъ. Его заслуга, кажется, заключалась скорѣе въ готовности принять на себя отвѣтственность, отъ которой менѣе рѣшительный человѣкъ постарался бы уклониться. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ теченіе всей кампаніи, онъ сослужилъ добрую службу Англіи, морское могущество которой еще усилилось уничтоженіемъ, — если еще недѣйствительнаго, то возможнаго, — соперника; и заслуги Бинга были награждены перствомъ. По поводу описанныхъ событій у мыса Пассаро было написано донесеніе, которое пользуется большою популярностью у англійскихъ историковъ. Одинъ изъ старшихъ капитановъ былъ отряженъ съ дивизіей въ погоню за ушедшими непріятельскими кораблями. Его рапортъ адмиралу былъ таковъ: «мы захватили или уничтожили всѣ испанскіе корабли подъ берегомъ, числомъ, какъ показано на поляхъ. Съ почтеніемъ и т. д. G. Walton». Одинъ англійскій писатель дѣлаетъ, а другой повторяетъ, замѣчаніе, — заслуживающее вниманіе лишь какъ характерная насмѣшка надъ французами, — что корабли, записанные такимъ образомъ на поляхъ англійскаго рапорта, наполнили бы цѣлыя страницы французскаго донесенія (*). Можно, однако, допустить, что такъ называемое «сраженіе» при мысѣ Пассаро не заслуживаетъ длиннаго описанія и возможно, что капитанъ Вальтонъ сознавалъ это; но если бы въ Англіи всѣ отчеты о морскихъ дѣяніяхъ составлялись по этому образцу, то пишущему морскую исторію не пришлось бы полагаться на офиціальные документы.

Такимъ образомъ испанскій флотъ былъ уничтоженъ 11-го августа 1718 года, близъ мыса Пассаро. Это рѣшило судьбу Сициліи, если до того еще можно было считать ее сомнительною. Англійскій флотъ крейсеровалъ кругомъ острова, поддерживая австрійцевъ, отрѣзавъ пути сообщенія испанцевъ съ ихъ

(*) Campbell: Lives of the Admirals; цитировано лордомъ Магономъ (Lord Mahon) въ его Исторіи Англіи.

*

базами и не позволяя имъ отступить до заключенія мира. Дипломатическіе проекты Альберони роковымъ образомъ терпѣли одинъ за другимъ неудачи. Въ слѣдующемъ году французы, исполняя условія союза, вторглись въ сѣверную часть Испаніи и уничтожили адмиралтейства; девять большихъ кораблей на стапеляхъ, и матеріалы, заготовленные для семи другихъ, были сожжены по подстрекательству англійскаго *attaché*, сопровождавшаго французскую главную квартиру. Такимъ образомъ было завершено уничтоженіе испанскаго флота, которое, говоритъ одинъ англійскій историкъ, было приписано морской ревности Англіи. «Это было сдѣлано», писалъ французскій военачальникъ, герцогъ Бервикскій, побочный отпрыскъ Дома Стюартовъ, «для того, чтобы англійское правительство могло показать въ слѣдующей сессіи парламента, что ничто не было пренебрежено для уменьшенія флота Испаніи». Поведеніе сэра Георга Бинга, какъ его описываетъ англійскій морской историкъ, еще болѣе выясняетъ задачи Англіи въ то время. Когда городъ и Мессинская цитадель были осаждены австрійцами, англичанами и сардинцами, возникъ споръ относительно того, кому должны принадлежать испанскіе военные корабли, стоявшіе за моломъ. Бингъ, «соображая возможность того, что гарнизонъ пожелаетъ поставить въ условіе своей сдачи возвращеніе этихъ кораблей въ Испанію, — чего онъ рѣшился не допустить, — и что, съ другой стороны, вопросъ о правѣ обладанія кораблями можетъ возбудить неудобныя пререканія въ критическій моментъ между заинтересованными принцами, пререканія, которыя могутъ рѣшиться и не въ пользу Англіи, нашелъ, что будетъ лучше, если корабли не будутъ принадлежать никому, и предложилъ графу де Мерси, военачальнику австрійцевъ, построить батарею и уничтожить корабли на мѣстѣ ихъ стоянки» (*). Послѣ нѣкоторыхъ колебаній со стороны другихъ начальниковъ, это предложеніе было принято. Если постоянная заботливость и бдительность заслуживаютъ успѣха, то Англія, конечно, заслужила свою морскую силу; но что должно сказать о легкомысліи Франціи въ ту эпоху и въ такомъ союзѣ?

(*) Lives of the Admirals.

Непрерывный рядъ неудачъ и безнадежность борьбы за отдаленныя морскія владѣнія, при неимѣніи флота, сломили наконецъ сопротивленіе Испаніи. Англія и Франція настаивали на отставкѣ Альберони, и Филиппъ V уступилъ требованіямъ Четвернаго союза. Австрійская держава, необходимо дружественная Англіи, такимъ образомъ крѣпко утвердилась въ центральной части Средиземнаго моря, въ Неаполѣ и Сициліи, тогда какъ сама Англія завладѣла Гибралтаромъ и Портъ-Магономъ. Сэръ Робертъ Вальполь, тогда новый министръ Англіи, не сумѣлъ впослѣдствіи поддержать этотъ благопріятный союзъ и тѣмъ измѣнилъ традиціонной политикѣ своей страны. Начавшееся тогда господство Савойскаго Дома въ Сардиніи продолжалось долго, и только въ наши дни титулъ короля Сардиніи исчезъ въ болѣе значительномъ титулѣ короля Италіи.

Одновременно съ короткимъ эпизодомъ министерства Альберони и притязаній Испаніи, и въ теченіе нѣкотораго времени послѣ того, происходила борьба на берегахъ Балтійскаго моря; о ней слѣдуетъ упомянуть, потому, что она даетъ другую характерную иллюстрацію морской силы Англіи, проявлявшейся какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, съ непринужденностью усилія, которая напоминаетъ сказку о легкихъ ударахъ лапы тигра. Долгое состязаніе между Швеціей и Россіей было на время прервано въ 1718 году переговорами, клонившимися къ миру и къ союзу между названными государствами для улаженія спора за престолонаслѣдіе въ Польшѣ и для возстановленія Стюартовъ въ Англіи. Развитіе этого проекта, на которомъ покоились многія надежды Альберони, было остановлено смертью шведскаго короля, погибшаго въ сраженіи. Война продолжалась; и Царь, видя истощеніе Швеціи, помышлялъ о совершенномъ ея покореніи. Это нарушеніе равновѣсія силы въ Балтійскомъ морѣ, угрожавшее сдѣлать послѣднее русскимъ озеромъ, не было желательно ни для Англіи, ни для Франціи,—особенно для первой, которой морская сила какъ во время мира, такъ и во время войны, нуждалась въ матеріалахъ, вывозившихся главнымъ образомъ изъ Прибалтійскихъ странъ. Оба западныя королевства вмѣшались въ дѣла Сѣверныхъ державъ дипломатическимъ путемъ,

а Англія при этомъ еще послала въ Балтійское море свой флотъ. Данія, которая также участвовала въ войнѣ противъ своего традиціоннаго врага—Швеціи, сейчасъ же уступила; но Петръ Великій былъ сильно раздраженъ на оказанное на него давленіе и сначала не уступалъ, пока, наконецъ, не были посланы англійскому адмиралу приказанія соединить свой флотъ съ флотомъ шведовъ и повторить въ Балтійскомъ морѣ исторію инцидента при мысѣ Пассаро. Царь, въ испугѣ, отозвалъ свой флотъ. Это случилось въ 1719 году; однако Петръ, хотя и уступилъ, но не вполнѣ. Въ слѣдующемъ году вмѣшательство Англіи повторилось съ бо̀льшимъ результатомъ: хотя оно и не было достаточно своевременно для спасенія шведскихъ береговъ отъ опустошительныхъ нападеній со стороны русскихъ силъ, но все-таки Царь, понявъ настойчивость плановъ, съ которою ему приходилось считаться, и зная изъ личнаго наблюденія и практической опытности, на что способна морская сила Англіи, окончательно согласился на миръ. Французы много приписываютъ вліянію своей дипломатіи въ этомъ счастливомъ результатѣ и говорятъ, что Англія поддерживала Швецію слабо, желая, чтобы она лишилась своихъ провинцій на восточномъ берегу Балтійскаго моря, потому что Россія, сдѣлавшись такимъ образомъ пограничной съ моремъ, могла бы легче открыть англійской торговлѣ доступъ къ своимъ обширнымъ внутреннимъ рессурсамъ. Очень вѣроятно, что это такъ, и конечно британскіе интересы, особенно по отношенію къ торговлѣ и морской силѣ, имѣлись въ виду; но характеръ Петра Великаго служитъ гарантіей, что самымъ сильнымъ аргументомъ въ его глазахъ была боевая сила британскаго флота и способность послѣдняго дойти до самыхъ дверей его имперіи. По Ништадтскому миру, заключенному 30-го августа 1721 года, Швеція принуждена была очистить Лифляндію, Эстляндію и другія провинціи на восточномъ берегу Балтійскаго моря. Такой результатъ былъ неизбѣженъ: для маленькихъ государствъ съ каждымъ годомъ становилось труднѣе сохранить цѣлость своей территоріи.

Легко можно понять, что Испанія была крайне недовольна условіями, на которыя ее обязалъ Четверной союзъ. Послѣ-

довавшія затѣмъ двѣнадцать лѣтъ назывались годами мира; но миръ этотъ былъ весьма непроченъ и изобиловалъ элементами будущихъ войнъ. Три большія обиды заставляли страдать Испанію: захватъ Австріи въ свои руки Сициліи и Неаполя; занятіе Англіею Гибралтара и Магона и, наконецъ, обширная контрабандная торговля, практиковавшаяся англійскими купцами и при посредствѣ англійскихъ кораблей въ Испанской Америкѣ. Мы увидимъ, что Англія была главнымъ дѣятелемъ всѣхъ этихъ обидъ, и поэтому она была и главнымъ врагомъ Испаніи; но Испанія была не единственнымъ врагомъ Англіи.

Спокойствіе, наступившее послѣ паденія Альберони, каково бы оно ни было, являлось главнымъ образомъ слѣдствіемъ характеровъ и политики двухъ министровъ Франціи и Англіи, которые сошлись въ желаніи общаго мира. Политика французскаго регента и ея основанія намъ уже извѣстны. Движимый тѣми же побужденіями, а также желая загладить случайную обиду, нанесенную Англіи, Дюбуа добился для нея еще одной уступки отъ Испаніи, вдобавокъ къ коммерческимъ привилегіямъ, даннымъ ей по Утрехтскому миру, а именно, — права ежегодной посылки корабля для торговли въ Вестъ-Индію. Говорятъ, что этотъ корабль, стоя всегда на якорѣ, непрерывно снабжался товаромъ съ другихъ судовъ, такъ что новый грузъ поступалъ на него съ одного борта сейчасъ же, какъ старый свозился на берегъ съ другаго. Дюбуа и регентъ оба умерли во второй половинѣ 1723 года, послѣ восьмилѣтняго управленія страною, въ которомъ они измѣнили политикѣ Ришельё союзомъ съ Англіею и Австріею и пожертвованіемъ въ ихъ пользу интересовъ Франціи.

Регентство и номинальное управленіе Франціею перешло къ другому члену королевской фамиліи; но дѣйствительнымъ правителемъ былъ кардиналъ Флёри, наставникъ молодаго Короля, которому было теперь тринадцать лѣтъ. Усилія приближенныхъ Короля смѣстить Флёри имѣли результатомъ только дарованіе послѣднему званія, а также и власти министра въ 1726 году. Въ это время сэръ Робертъ Вальполь сдѣлался первымъ министромъ въ Англіи, съ вліяніемъ и властью, которыя дали ему, практически, полное руководительство политикою

государства. Главнымъ желаніемъ обоихъ, Вальполя и Флёри, былъ миръ, особенно въ Западной Европѣ. Франція и Англія, поэтому, продолжали дѣйствовать сообща для достиженія этой цѣли, и хотя имъ не удалось совершенно заглушить всякій ропотъ, тѣмъ не менѣе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они успѣшно предотвращали возмущеніе. Но если цѣли двухъ министровъ такимъ образомъ согласовались, то мотивы, побуждавшіе ихъ къ одинаковому образу дѣйствій, были различны. Вальполь желалъ мира по причинѣ все еще не рѣшеннаго вопроса объ англійскомъ престолонаслѣдіи и для мирнаго роста англійской торговли, которая, такъ сказать, всегда была передъ его глазами, а вѣроятно также и потому, что изъ-за своего властнаго характера онъ не терпѣлъ равныхъ себѣ въ правительствѣ и боялся войны, которая могла бы поставить рядомъ съ нимъ болѣе сильныхъ людей. Флёри, которому нечего было безпокоиться ни за тронъ, ни за свою собственную власть, желалъ, подобно Вальполю, мирнаго развитія своей страны и уклонялся отъ войны, вслѣдствіе любви къ покою, естественной въ его преклонномъ возрастѣ, — ибо ему было семьдесятъ три года, когда онъ принялъ министерскій портфель, и девяносто, когда смерть взяла отъ него этотъ портфель. При его мирной администраціи благосостояніе Франціи усилилось. Даже туристъ могъ замѣтить перемѣну въ физіономіи страны и народа; тѣмъ не менѣе можетъ явиться сомнѣніе, была ли эта перемѣна обязана правленію спокойнаго старца или только естественной жизненности народа, не истощавшагося болѣе войною и не изолированнаго отъ остальнаго міра. Французскіе авторитеты говорятъ, впрочемъ, что земледѣліе не оживилось въ странѣ. Несомнѣнно, однако, что морское процвѣтаніе Франціи оказало удивительные успѣхи, благодаря главнымъ образомъ отмѣнѣ торговыхъ стѣсненій въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за смертью Людовика XIV. Вестъ-Индскіе острова особенно разбогатѣли, и ихъ процвѣтаніе естественно раздѣлялось и тѣми портами метрополіи, которые вели съ ними торговлю. Тропическій климатъ Мартиники, Гваделупы и Луизіаны и обработка полей тамъ невольниками хорошо гармонировали съ отеческимъ полу-военнымъ управленіемъ,

которое свойственно всѣмъ французскимъ колоніямъ, но которое дало менѣе счастливые результаты въ болѣе суровомъ климатѣ Канады. Въ Вестъ-Индіи Франція въ это время добилась рѣшительнаго преобладанія надъ Англіей; доходность одной только французской половины Гаити была равна доходности всѣхъ англійскихъ Вестъ-Индскихъ владѣній, и французскіе кофе и сахаръ вытѣсняли англійскіе съ европейскихъ рынковъ. Французскіе историки говорятъ также о подобномъ же превосходствѣ французовъ надъ англичанами въ средиземноморской и левантской торговляхъ. Въ то же самое время Остъ-Индская компанія оживилась, и ея складочный пунктъ во Франціи, — котораго самое названіе Лоріенъ (L'Orient) говоритъ о сношеніяхъ съ Востокомъ, — быстро сдѣлался блестящимъ городомъ. Пондишери на Коромандельскомъ берегу и Чандернагоръ на Гангѣ, главныя основы французской силы и торговли въ Индіи, быстро развивались; Бурбонъ (нынѣ о. Соединенія) и Иль де Франсъ (теперь о. Маврикія), котораго положеніе такъ удобно для господства на Индійскомъ океанѣ, сдѣлались — одинъ богатой земледѣльческой колоніей, а другой — сильной морской станціей. Монополія большой компаніи была ограничена торговлей только между отечественными портами и главными станціями въ Индіи; торговое мореходство по индійскимъ морямъ было открыто частной предпріимчивости и развивалось еще быстрѣе. Это большое движеніе, — всецѣло дѣло частной предпріимчивости и даже встрѣчавшееся съ недовѣріемъ правительства, — олицетворялось двумя дѣятелями, Дюплексомъ (Dupleix) и ла Бурдоннэ (La Bourdonnais), которые, — первый въ Чандернагорѣ, а второй въ Иль де Франсѣ, — вызывали къ жизни и направляли всѣ предпріятія, создавшія силу и славу Франціи въ восточныхъ моряхъ. Начавшемуся движенію, сдѣлавшему Францію соперницей Англіи на Индостанскомъ полуостровѣ и открывшему ей, на моментъ, перспективу великаго владычества тамъ, — которое, однако, украсило новымъ титуломъ королеву Великобританіи, — было суждено въ концѣ концевъ сократиться и свестись къ нулю передъ морской силой Англіи. О развитіи французской торговли въ разсматриваемую

эпоху, явившемся слѣдствіемъ мира и отмѣны ограниченій и не обязаннаго ни въ какомъ смыслѣ правительственному покровительству, свидѣтельствовалъ ростъ французскаго коммерческаго флота: число судовъ въ немъ возросло, — въ теченіе двадцати лѣтъ, послѣдовавшихъ за смертью Людовика XIV, когда оно не превосходило трехсотъ,—до тысячи восьмисотъ. Это, говоритъ французскій историкъ, опровергаетъ «порожденныя нашими несчастіями печальныя предубѣжденія, будто Франція неспособна къ морской торговлѣ, — единственной торговлѣ, которая безконечно расширяетъ силу націи вмѣстѣ со сферою ея дѣятельности» (*).

Это свободное и счастливое проявленіе дѣятельности народа далеко не вызывало одобренія со стороны Флёри, который, казалось, смотрѣлъ на него съ недовѣріемъ курицы, высидѣвшей утятъ. Онъ и Вальполь сходились въ желаніи мира; но Вальполь былъ обязанъ считаться съ англійскимъ народомъ, который чутко относился ко всякаго рода соперничеству на морѣ и въ торговлѣ. Сверхъ того, Флёри унаслѣдовалъ несчастную политику Людовика XIV: его взоры были обращены на континентъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не желалъ слѣдовать политикѣ регентства и ссориться съ Испаніей, а скорѣе склонялся къ сближенію съ нею; и хотя, вслѣдствіе непрерывной вражды Испаніи къ Англіи, онъ не былъ въ состояніи достигнуть этого безъ пожертвованія своею мирною политикою, тѣмъ не менѣе его заботила главнымъ образомъ мысль объ усиленіи положенія Франціи на сушѣ черезъ утвержденіе принцевъ Дома Бурбоновъ, гдѣ только можно, и установленіемъ связи между ними фамильными союзами. Что же касается военнаго флота, то при Флёри онъ все болѣе и болѣе падалъ. «Французское правительство отвернулось отъ моря въ тотъ самый моментъ, какъ нація, дѣятельностью частныхъ предпринимателей, дѣлала усилія опереться на него». Число судовъ упало до пятидесяти четырехъ линейныхъ кораблей и фрегатовъ, бывшихъ бо̀льшею частью въ плохомъ состояніи; и даже, когда война съ Англіею угрожала Франціи въ теченіе пяти лѣтъ, — по-

(*) Martin: History of France.

слѣдняя и тогда имѣла только сорокъ пять линейныхъ кораблей на девяносто англійскихъ. Разница эта предсказала результаты послѣдовавшихъ затѣмъ войнъ, длившихся четверть вѣка.

Въ теченіе разсматриваемаго періода Вальполь, полагаясь на содѣйствіе Флёри, рѣшительно возсталъ противъ открытой войны между Англіей и Испаніей. На затрудненія, причинявшіяся раздражавшими и угрожавшими дѣйствіями послѣдней страны и тѣхъ союзниковъ, какихъ отъ времени до времени ей удавалось привлекать на свою сторону, Англія отвѣчала, и въ теченіе нѣкотораго времени успѣшно, морскими демонстраціями, напоминавшими о той морской силѣ, которую признавала и передъ которой склонялась одна нація за другой. Въ 1725 году Испанскій король и Императоръ согласились прекратить свою продолжительную распрю и подписали въ Вѣнѣ трактатъ, который секретно обязывалъ Императора поддерживать притязаніе Испаніи на Гибралтаръ и на Портъ-Магонъ силою оружія, если это будетъ необходимо. Россія также выказала желаніе присоединиться къ этой конфедераціи. Между Англіей, Франціей и Пруссіей былъ заключенъ контръ-союзъ; и англійскіе флоты были посланы: одинъ въ Балтійское море, для устрашенія Царицы, второй — къ берегу Испаніи, въ угрозу ея правительству и для защиты Гибралтара; и третій — въ Порто-Белло, въ Караибское море, для блокады флота собравшихся тамъ галіоновъ и для того, чтобы прекращеніемъ сообщеній напомнить Испанскому королю одновременно и объ его зависимости отъ американской монеты и объ англійскомъ господствѣ на океанскомъ пути, черезъ который она доставлялась ему.

Отвращеніе Вальполя къ войнѣ было ясно выражено даннымъ имъ адмиралу приказаніемъ не сражаться при Порто-Белло, а только блокировать его; это повело къ долгому пребыванію эскадры въ нездоровой мѣстности, почему на ней открылись болѣзни со смертными исходами, что произвело крайне непріятное впечатлѣніе на націю и способствовало, кромѣ другихъ причинъ, къ низложенію министра съ его поста много лѣтъ спустя. Тамъ умерло отъ трехъ до четырехъ тысячъ

человѣкъ,—матросовъ и офицеровъ, включая самого адмирала Гозье (Hosier). Цѣль Вальполя была, однако же, достигнута: хотя Испанія и сдѣлала безразсудное нападеніе на Гибралтаръ съ суши, но присутствіе тамъ англійскаго флота обезпечило ему снабженіе провизіей и боевыми припасами и предотвратило формальное объявленіе войны. Императоръ разорвалъ союзъ съ Испаніей и подъ англійскимъ давленіемъ отнялъ привилегіи у той Остъ-Индской компаніи, учрежденіе которой онъ самъ санкціонировалъ въ Австрійскихъ Нидерландахъ и которая получила свое имя отъ порта Остенде. Англійскіе купцы потребовали уничтоженія этой компаніи, такъ же, какъ и другой, организованной въ Даніи; и въ обѣихъ странахъ удовлетвореніе этого требованія было достигнуто англійскимъ министерствомъ при поддержкѣ Голландіи. До тѣхъ поръ, пока англійская торговля не была серьезно затронута, мирная политика Вальполя, сопровождавшаяся, какъ это и весьма естественно, годами достатка и общаго довольства, легко поддерживалась, несмотря на то, что Испанія продолжала свои настойчивыя и даже угрожавшія требованія по вопросу о Гибралтарѣ. Но къ несчастью испанцы зашли слишкомъ далеко въ своихъ стараніяхъ ставить затрудненія англійской торговлѣ. Объ уступкѣ Англіи asiento, или права торговли невольками, а также и о дозволеніи ей ежегодной посылки корабля въ Южную Америку, мы уже упоминали; но эти привилегіи были только частью тѣхъ, какими тамъ уже пользовалась англійская торговля. Система, которой держалась Испанія по отношенію къ торговлѣ со своими колоніями, была крайне узкаго и въ высшей степени исключительнаго характера; стараясь запереть эти колоніи для иностраннаго доступа, она сама пренебрегала заботою объ ихъ нуждахъ. Послѣдствіемъ была та громадная тайная или контрабандная торговля, которая возникла во всѣхъ ея американскихъ владѣніяхъ,—главнымъ образомъ при посредствѣ англичанъ, пользовавшихся законными asiento и упомянутою посылкою корабля для веденія торговли незаконной, или по крайней мѣрѣ недозволенной ей. Такой образъ дѣйствій Англіи, безъ сомнѣнія, былъ выгоденъ для большинства испанскихъ колонистовъ и поощрялся ими; тогда

какъ колоніальные правители смотрѣли на него сквозь пальцы, частью ради денежныхъ выгодъ, а частью поддаваясь мѣстному общественному мнѣнію и уступая собственному признанію трудности положенія колоній. Но для нѣкоторыхъ испанскихъ подданныхъ привилегіи англичанъ и злоупотребленія ими наносили ущербъ ихъ интересамъ, и національное правительство, платившееся карманомъ и страдавшее въ своемъ самолюбіи отъ такихъ хищеній въ области государственныхъ доходовъ, начало, наконецъ, прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ; забытыя постановленія были подтверждены и усилены. Слѣдующая характеристика дѣятельности Испаніи въ этой старой борьбѣ, странно сказать, приложима къ извѣстнымъ спорамъ недавняго времени, въ которыхъ Соединенные Штаты принимали участіе. «Буквѣ трактата слѣдовали, но духъ, продиктовавшій его, игнорировался. Хотя англійскіе корабли все еще пользовались свободою входа въ испанскіе порты для исправленій и для снабженій необходимыми припасами, тѣмъ не менѣе они уже далеко не баловались выгодами дружественныхъ и торговыхъ сношеній. За ними наблюдали теперь съ мелочною ревностью; они строго посѣщались и осматривались таможенною стражею, и были приняты всевозможныя мѣры для помѣхи какимъ бы то ни было торговымъ сношеніямъ ихъ съ колоніями, кромѣ тѣхъ, которыя были дозволены черезъ посредство ежегодно приходившаго корабля». Если бы Испанія могла ограничиться только бо̀льшей бдительностью и усиленіемъ въ своихъ собственныхъ водахъ стѣснительныхъ таможенныхъ мѣръ, отличавшихся не существенно отъ тѣхъ, какія оправдывались общими коммерческими взглядами того времени, то можетъ быть не послѣдовало бы никакихъ вредныхъ результатовъ; но положеніе вещей и характеръ правительства Испаніи не позволили ей остановиться на этомъ. Было невозможно ограничить и успѣшно контролировать торговлю вдоль береговой линіи, простирающейся на сотни миль, съ безчисленными бухтами; нельзя было также удержать моряковъ и купцовъ, ни страхомъ наказанія, ни разсужденіями объ уязвленномъ самолюбіи испанскаго правительства, отъ торговыхъ операцій, доставлявшихъ имъ барыши, которые они считали своимъ правомъ.

Сила Испаніи не была достаточно велика для того, чтобы принудить англійское министерство, вопреки разыгравшимся страстямъ купцовъ, къ соотвѣтствующимъ постановленіямъ по отношенію къ англійскому мореходству и къ ограниченію злоупотребленій; и такимъ образомъ слабѣйшее государство, оскорбленное и раззоренное, вступило на путь совершенно незаконныхъ мѣръ. Военнымъ кораблямъ и таможенной стражѣ было предписано, или по крайней мѣрѣ дозволено, останавливать и обыскивать англійскіе корабли въ открытомъ морѣ, за предѣлами испанской юрисдикціи... И надменный испанскій темпераментъ, не сдерживаемый слабымъ центральнымъ правительствомъ, сдѣлалъ многіе изъ этихъ обысковъ, какъ законныхъ такъ и незаконныхъ, сценами оскорбленія и даже насилія. До нѣкоторой степени подобные результаты, возникшіе изъ причинъ, не вполнѣ отличныхъ отъ вышеописанныхъ, имѣли мѣсто въ отношеніяхъ испанскихъ чиновниковъ къ Соединеннымъ Штатамъ и къ американскимъ коммерческимъ кораблямъ въ наши дни. Разсказы объ этихъ актахъ насилія, доходя до Англіи, а также какъ и убытки купцовъ ея вслѣдствіе конфискаціи и задержки товаровъ, конечно раздражали народъ. Въ 1737 году вестъ-индскіе купцы внесли въ палату общинъ петицію, въ которой говорили,

„что въ теченіе уже многихъ лѣтъ ихъ корабли не только часто были останавливаемы и обыскиваемы, но также насильно и произвольно захватываемы въ открытомъ морѣ испанскими кораблями, снаряженными въ крейсерство подъ благовиднымъ предлогомъ охраны своихъ береговъ; что командиры и экипажи англійскихъ судовъ подвергались безчеловѣчному обхожденію и что эти суда уводились въ нѣкоторые изъ испанскихъ портовъ, гдѣ и конфисковались вмѣстѣ съ грузами, въ явное нарушеніе договоровъ, существующихъ между двумя коронами; что заявленія объ этомъ посланниковъ его величества въ Мадридѣ оставлены безъ вниманія и что оскорбленія и убытки, или даже грабежи, скоро совсѣмъ разстроютъ ихъ торговлю“.

Вальполь въ теченіе десяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за 1729 годомъ, сильно боролся за предотвращеніе войны. Въ упомянутомъ году былъ подписанъ въ Севильѣ трактатъ, имѣвшій цѣлью уладить дѣла и возвратить условія торговли къ тѣмъ, какими они были четыре года назадъ, а также уполномочившій Испанію немедленно же занять территорію Тосканы и Пармы шеститысячнымъ войскомъ. Вальполь доказывалъ своему

народу, что война лишитъ его коммерческихъ привилегій, которыми онъ уже пользуется въ испанскихъ владѣніяхъ, и въ то же время велъ постоянные переговоры съ Испаніей, добиваясь уступокъ и вознагражденій, которыя могли бы успокоить ропотъ недовольныхъ. Въ серединѣ этого періода возгорѣлась война за престолонаслѣдіе въ Польшѣ. Тесть французскаго короля былъ однимъ изъ претендентовъ, а Австрія поддерживала его оппонента. Враждебное отношеніе къ Австріи еще разъ соединило Францію и Испанію и къ нимъ примкнулъ еще и король Сардиніи, который надѣялся черезъ этотъ союзъ вырвать Миланъ изъ рукъ Австріи и присоединить его къ своей Пьемонтской территоріи. Нейтралитетъ Англіи и Голландіи былъ обезпеченъ обѣщаніемъ не атаковать Австрійскихъ Нидерландовъ, переходъ какой-либо части которыхъ во владѣніе Франціи Англія считала опаснымъ для своей морской силы. Союзныя государства объявили Австріи войну въ октябрѣ 1733 года, и ихъ арміи вмѣстѣ вступили въ Италію; но испанцы, увлеченные своимъ долго лелѣяннымъ проектомъ возвратить Неаполь и Сицилію, оставили союзниковъ и направились къ югу. Оба названныя королевства были легко и быстро завоеваны, такъ какъ на сторонѣ нападавшихъ было и обладаніе моремъ и расположеніе населенія. Второй сынъ короля Испаніи былъ провозглашенъ королемъ, подъ именемъ Карлоса III, и такъ возникло Бурбонское Королевство Обѣихъ Сицилій. Отвращеніе Вальполя къ войнѣ, заставившее его покинуть давнишняго союзника, имѣло, такимъ образомъ, результатомъ переходъ господства на средней части Средиземнаго моря въ руки державы, по необходимости враждебной Великобританіи.

Но въ то время, какъ Вальполь покинулъ Императора, онъ самъ былъ преданъ своимъ другомъ Флёри. Заключивъ открыто союзъ съ Испаніею противъ Австріи, французское правительство вошло въ то же время въ секретное соглашеніе, враждебное Англіи; это соглашеніе формулировалось слѣдующимъ образомъ: «Въ моментъ, который обѣ державы признаютъ удобнымъ, злоупотребленія, вкравшіяся въ торговлю особенно черезъ англичанъ, должны быть искоренены; и если Англія

будетъ ставить къ тому препятствія, то Франція будетъ стараться преодолѣть ея сопротивленіе всѣми своими силами на сушѣ и на морѣ». — «И это соглашеніе состоялось», какъ указываетъ біографъ лорда Гауке, «въ эпоху интимнаго и тщеславнаго союза Франціи съ самою Англіею» (*). «Такимъ образомъ политика, противъ которой Вильгельмъ III призвалъ Англію и Европу къ оружію, наконецъ вызвана была къ существованію». Если бы Вальполь зналъ объ этомъ секретномъ соглашеніи, то оно могло бы показаться ему новымъ аргументомъ въ пользу мира, потому что острая политическая проницательность и раньше предостерегала его о существованіи опасности, которой онъ еще не могъ видѣть; онъ говорилъ уже палатѣ общинъ, что «если бы Испанія не имѣла тайнаго поощренія со стороны державъ, болѣе значительныхъ, чѣмъ она сама, то она никогда бы не осмѣлилась наносить намъ обиды и оскорбленія, въ которыхъ вы удостовѣрились въ засѣданіи»; и онъ выразилъ мнѣніе, что «Англія не достаточно сильна для борьбы съ Франціей и Испаніей вмѣстѣ».

Въ самомъ дѣлѣ Флёри весьма недобросовѣстно рылъ яму для своего стараго друга и товарища по государственной дѣятельности. Частный вопросъ, возбудившій двухлѣтнюю войну за польское наслѣдство,—выборъ правителя для распадавшагося королевства, которому скоро было суждено исчезнуть изъ списка европейскихъ государствъ,—самъ по себѣ кажется имѣющимъ малое значеніе; но направленіе, данное европейской политикѣ поведеніемъ участвовавшихъ въ этой войнѣ державъ, сообщаетъ ей иное значеніе. Франція и Австрія пришли къ соглашенію въ октябрѣ 1735 года, на условіяхъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединились Сардинія и Испанія и главные пункты которыхъ заключаются въ слѣдующемъ: французскій претендентъ отказался отъ притязаній на польскій тронъ и получилъ вмѣсто того герцогства Баръ и Лотарингское на востокѣ Франціи, съ условіемъ, что послѣ его смерти они должны перейти въ полное владѣніе его зятя, короля Франціи; оба королевства,

(*) Burrows: Life of Lord Hawke.

Сицилія и Неаполь, были утверждены за испанскимъ принцемъ Дома Бурбоновъ, донъ Карлосомъ; и Австрія получила назадъ Парму. Сардинская монархія также получила приращеніе своей итальянской территоріи. Такимъ образомъ Франція, при управленіи миролюбиваго Флёри, получала въ герцогствахъ Баръ и Лотарингскомъ увеличеніе силы, котораго тщетно домогались болѣе воинственные правители ея, и въ то же самое время ея внѣшнее положеніе усилилось на счетъ Англіи передачей командующихъ позицій въ центральной части Средиземнаго моря ея союзнику. Тѣмъ не менѣе сердце Флёри не могло быть спокойно, когда онъ задумывался надъ тайнымъ соглашеніемъ противъ торговли Англіи и мысленно сопоставлялъ мощную морскую силу этой державы съ пришедшимъ въ упадокъ военнымъ флотомъ Франціи. Это сближеніе между Франціей и Испаніей, къ которымъ впослѣдствіи присоединились и Обѣ Сициліи, носило въ натянутыхъ тогда отношеніяхъ между Испаніею и Англіею зародышъ большихъ войнъ между послѣднею и Домомъ Бурбоновъ, — войнъ, имѣвшихъ результатомъ созданіе Британской Имперіи и независимость Соединенныхъ Штатовъ.

Въ Англіи жалобы на насилія Испаніи продолжались и заботливо поддерживались оппозиціею Вальполю. Министру теперь было уже болѣе шестидесяти лѣтъ, и онъ едва ли былъ способенъ измѣнить убѣжденіямъ и политикѣ, усвоеннымъ имъ въ цвѣтущую пору жизни. Онъ стоялъ теперь лицомъ къ лицу съ однимъ изъ тѣхъ неудержимыхъ столковеній между державами и расами, къ которымъ политика репрессій и компромиссовъ могла быть приложима только на короткое время. Англія настаивала на открытіи ей доступа въ Вестъ-Индію и Испанскую Америку; испанское правительство такъ же настойчиво старалось помѣшать ей. Къ несчастью для политики сопротивленія испанцевъ, незаконные обыски англійскихъ кораблей въ открытомъ морѣ, а возможно также, что и оскорбленія, наносившіяся англійскимъ морякамъ, усиливали недоброжелатей Вальполя. Нѣкоторые изъ моряковъ призывались въ засѣданія палаты общинъ и свидѣтельствовали тамъ, что ихъ не только ограбили, но и подвергали мученіямъ, запирали въ тюрьмы и принуждали

жить и работать въ унизительныхъ условіяхъ. Самымъ замѣчательнымъ былъ случай съ Дженкинсомъ, — шкиперомъ коммерческаго брига; онъ разсказывалъ, что одинъ испанскій офицеръ оторвалъ у него ухо, приказавъ отнести его къ королю Англіи и сказать, что если бы послѣдній былъ тутъ, то испыталъ бы такую же участь. На вопросъ, что онъ чувствовалъ въ моментъ опасности и страданій, Дженкинсъ, говорятъ, отвѣчалъ: «я предалъ свою душу Богу, а свое дѣло — отечеству». Этотъ слишкомъ изысканный драматическій оборотъ въ устахъ человѣка его класса возбуждаетъ подозрѣніе о большихъ прикрасахъ этой исторіи; но тѣмъ не менѣе легко представить себѣ, какимъ прекраснымъ боевымъ кличемъ могла послужить она въ пылу народнаго волненія. Волна народнаго негодованія смыла кропотливую работу компромиссовъ Вальполя, и 19-го октября 1739 года Великобританія объявила Испаніи войну. Англійскій ультиматумъ настаивалъ на формальномъ отреченіи отъ права обыска британскихъ судовъ въ томъ видѣ, какъ онъ практиковался испанцами, и на немедленномъ признаніи притязаній Великобританіи въ Сѣверной Америкѣ. Между этими требованіями было одно, касавшееся границъ Георгіи — колоніи, тогда еще недавно организованной и соприкасавшейся съ испанской территоріей Флориды.

Вопросъ о томъ, насколько нравственно оправдывается война, такимъ образомъ вызванная и начатая Англіею вопреки убѣжденію ея способнаго министра, горячо обсуждался и за и противъ англійскими писателями. Законы Испаніи по отношенію къ торговлѣ ея колоній не отличались по духу отъ законовъ самой Англіи, о чемъ свидѣтельствуетъ ея Навигаціонный актъ, и испанскіе морскіе офицеры сами были въ положеніи, почти тождественномъ съ тѣмъ, въ какомъ оказался Нельсонъ, будучи капитаномъ фрегата въ Вестъ-Индіи полстолѣтія спустя. Американскіе купцы тогда, послѣ отдѣленія отъ метрополіи, продолжали въ Индіи морскую торговлю — такую же, какую вели, бывши колонистами Англіи; Нельсонъ, радѣя о коммерческихъ выгодахъ Англіи, какъ онѣ тогда понимались, рѣшился настоять на соблюденіи упомянутаго акта и, поступая такъ, возбудилъ противъ себя негодованіе вестъ-индцевъ и

колоніальныхъ властей. Кажется, что ни онъ самъ, ни тѣ, которые поддерживали его, не производили незаконныхъ обысковъ, потому что сила Англіи была достаточно велика для того, чтобы защищать интересы ея мореходства, не прибѣгая къ неправильнымъ мѣрамъ; тогда какъ Испанія, въ эпоху между 1730 и 1740 годами, будучи слаба, подвергалась искушенію, какъ это случалось съ нею и впослѣдствіи, захватывать тѣхъ лицъ, которыя завѣдомо наносили вредъ ей, гдѣ бы она ни находила ихъ, даже и за предѣлами своей законной юрисдикціи.

Прочтя доводы оппонентовъ Вальполя, настаивавшихъ на войнѣ, — въ весьма симпатичномъ изложеніи ихъ профессоромъ Бурроузъ (Burrows), въ его біографіи лорда Гауке, — человѣкъ, незнакомый съ предметомъ, едва ли можетъ не придти къ заключенію, что испанцы были серьезно оскорблены съ точки зрѣнія правъ метрополіи надъ колоніями, какъ они понимались въ то время; хотя конечно ни одна нація не могла бы признать за Испаніей права такого обыска, на которомъ она настаивала. Для нашего предмета главнымъ образомъ слѣдуетъ замѣтить, что разсматриваемое столкновеніе было чисто морскимъ вопросомъ и что оно возникло изъ-за неудержимаго стремленія англійскаго народа расширить свою торговлю и колоніальные интересы. Возможно, что Франція дѣйствовала подъ вліяніемъ того же побужденія, какъ это утверждали нѣкоторые англійскіе писатели, но характеръ и общая политика Флёри, такъ же какъ и духъ французскаго народа, заставляютъ считать это мало вѣроятнымъ. Въ то время во Франціи не было никакого парламента и никакой оппозиціи, изъ которыхъ можно было бы узнать общественное мнѣніе въ ней, и съ тѣхъ поръ существуетъ много весьма различныхъ оцѣнокъ характера и администраціи Флёри. Англійскіе писатели обращаютъ главное вниманіе на его способности, проявившіяся въ пріобрѣтеніи имъ Лотарингіи для Франціи и Сициліи для Дома Бурбоновъ, и порицаютъ Вальполя за то, что онъ позволилъ обойти себя. Французы же говорятъ о Флёри, что «онъ жилъ изо дня въ день, ища только спокойствія въ своей старости; что онъ усыпилъ Францію наркотическими средствами,

*

вмѣсто того, чтобы стараться излѣчить ее, и что онъ не могъ даже продлить этотъ молчаливый сонъ до своей смерти» (*). Когда возгорѣлась война между Англіей и Испаніей, «послѣдняя потребовала отъ Франціи исполненія обязательствъ оборонительнаго союза. Флёри, совершенно противъ своего желанія, былъ вынужденъ снарядить эскадру; но онъ сдѣлалъ это скупо.» Эта эскадра, изъ двадцати двухъ кораблей, конвоировала изъ Ферроля въ Америку испанскій флотъ, что и удержало англичанъ отъ нападенія на него (**). «Тѣмъ не менѣе Флёри далъ объясненія своего поступка Вальполю и надѣялся на соглашеніе, — мало основательная надежда, которая привела къ бѣдственнымъ результатамъ для нашихъ морскихъ интересовъ и помѣшала принятію такихъ мѣръ, какія могли бы дать Франціи съ начала войны превосходство въ восточныхъ моряхъ.» Но, «по низложеніи Вальполя,» говоритъ другой французскій писатель, «Флёри замѣтилъ ошибку, которую сдѣлалъ, допустивъ упадокъ военнаго флота Франціи. Значеніе послѣдняго недавно выяснилось для него: онъ узналъ, что короли Неаполя и Сардиніи отложились отъ французскаго союза единственно потому, что англійская эскадра угрожала

(*) Martin: History of France.

(**) Особенныя политическія отношенія Франціи къ Англіи, между 1739 и 1744 годами, въ то время, какъ послѣдняя воевала съ Испаніей, требуютъ объясненія, такъ какъ они опирались на такія воззрѣнія на международныя обязательства, какія теперь, практически, уже устарѣли. Своимъ оборонительнымъ союзомъ съ Испаніей Франція обязалась доставить контингентъ подробно обозначенной силы для флота Испаніи, когда послѣдняя будетъ вовлечена въ войну извѣстнаго рода. Она настаивала однако же на томъ, что посылка ею подкрѣпленій для непріятеля Англіи не была по отношенію къ этой державѣ такимъ враждебнымъ актомъ, какой предполагалъ бы нарушеніе мира, существовавшаго между ними. Французскіе военные корабли, служа такимъ образомъ для усиленія испанскаго флота по условіямъ договора, были непріятелями Англіи; но французская нація и всѣ другія вооруженныя силы Франціи на морѣ и на сушѣ были нейтральны, со всѣми привилегіями нейтралитета. Конечно Англія не была обязана принять эту точку зрѣнія и могла бы посмотрѣть на поступокъ Франціи, какъ на *casus belli*; но Франція считала такой взглядъ несправедливымъ, и Англія практически уступила ей, хотя взаимныя отношенія ихъ дѣлали вѣроятной возникновеніе формальной войны между ними, которая дѣйствительно и была объявлена въ 1744 году. Нѣсколько лѣтъ спустя, какъ мы увидимъ это, голландцы требовали такой же привилегіи нейтралитета отъ Франціи, снабжая въ то же время дѣйствовавшую противъ нея австрійскую армію большимъ подкрѣпленіемъ.

бомбардированіемъ Неаполя и Генуи и высадкой арміи въ Италію. За недостаткомъ этого элемента величія, Франція молчаливо глотала величайшія оскорбленія и могла только жаловаться на насилія англійскихъ крейсеровъ, которые грабили нашу торговлю, нарушая международные законы» (*), въ годы номинальнаго мира, протекшіе между моментомъ посылки Франціею флота на помощь Испаніи противъ Англіи и объявленіемъ послѣднею формальной войны. Объясненіе этихъ различныхъ воззрѣній кажется не очень труднымъ. Оба министра молча согласились слѣдовать по такимъ политическимъ путямъ, которые очевидно не могли встрѣтиться. Франціи было предоставлено свободно расширять свои территоріальныя владѣнія, лишь бы она не возбуждала ревности англійскаго народа соперничествомъ съ нимъ на морѣ и не шла въ разрѣзъ взглядамъ самого Вальполя на англійскіе интересы. Такое положеніе дѣлъ отвѣчало воззрѣніямъ и желаніямъ Флёри. Одинъ добивался силы на морѣ, другой — на сушѣ. Что было болѣе мудро, — должна была показать война, — такъ какъ, разъ Испанія дѣлалась союзницей одной изъ сторонъ, война была неизбѣжна, и при томъ война на морѣ. Ни тотъ, ни другой изъ министровъ не дожили до результатовъ своей политики. Вальполь былъ лишенъ власти въ 1742 году и умеръ въ мартѣ 1745 года. Флёри умеръ на своемъ посту 29-го января, 1743 года.

(*) Lapeyrouse-Bonfils: Hist. de la Marine Française.

ГЛАВА VII.

Война между Великобританіей и Испаніей, 1739 г. — Война за Австрійское Наслѣдство, 1740 г. — Франція соединяется съ Испаніей противъ Великобританіи, 1744 г. — Морскія сраженія Маттьюса (Matthews), Ансона (Anson) и Гауке. Аахенскій миръ, 1748 г.

Мы дошли теперь до ряда великихъ войнъ, которымъ суждено было продолжаться, съ короткими промежутками мира, въ теченіе почти полстолѣтія, и которыя, при многихъ сбивчивыхъ деталяхъ, имѣютъ одну широкую характеристическую черту, отличающую ихъ отъ предшествовавшихъ имъ войнъ и отъ многихъ послѣдовавшихъ за ними. Эта борьба обнимала четыре части свѣта, сопровождаясь во всѣхъ нихъ не второстепенными только операціями, центръ которыхъ однако же былъ въ Европѣ; великіе вопросы, какіе ей предстояло рѣшить, касались міровой исторіи, такъ какъ имѣли предметомъ обладаніе моремъ и господство въ отдаленныхъ странахъ, обладаніе колоніями и обезпеченіе связаннаго съ нимъ увеличенія богатства. Кажется довольно страннымъ, что не ранѣе, какъ только почти въ концѣ этого продолжительнаго состязанія, выступили на сцену большіе флоты, и борьба была перенесена на ея настоящую арену, на море. Дѣятельность, представлявшаяся морской силѣ, довольно очевидна и исходъ борьбы былъ ясно опредѣленъ съ самого начала; но въ теченіе долгаго времени она не сопровождалась никакою сколько-нибудь значительною морскою войною, потому что французское правительство не понимало истиннаго положенія дѣла. Движеніе въ пользу колоніальнаго расширенія Франціи было чисто народное, хотя въ немъ фигурировали лишь немногія великія имена; отношеніе къ нему правителей было холодно и недовѣрчиво.

Отсюда произошло пренебреженіе Франціи къ военному флоту, предуготовленное пораженіе ея по главному вопросу и уничтоженіе на время ея морской силы.

Въ виду такого характера предстоявшихъ тогда войнъ, важно уяснить положеніе трехъ великихъ державъ въ тѣхъ частяхъ свѣта, внѣ Европы, гдѣ должна была разыграться борьба.

Въ Сѣверной Америкѣ Англія владѣла теперь тринадцатью колоніями, — первоначальными Соединенными Штатами, отъ Мэна до Георгіи. Въ этихъ колоніяхъ должно было проявиться высшее развитіе той формы колонизаціи, которая свойственна Англіи и характеризуется корпораціями свободныхъ людей — въ сущности независимыхъ, самоуправляющихся, но все-таки до энтузіазма лояльныхъ и занимающихся одновременно и земледѣліемъ, и торговлей, и мореходствомъ. Англійскіе колонисты, въ характерѣ своей страны и ея продуктовъ, въ ея длинной береговой линіи и въ защищенныхъ портахъ и, наконецъ, въ своемъ собственномъ характерѣ имѣли всѣ элементы морской силы, которая тогда получила уже широкое развитіе. На такую страну и на такой народъ прочно опирались королевскій флотъ и королевская армія въ западномъ полушаріи. Къ французамъ и канадцамъ англійскіе колонисты относились крайне ревниво.

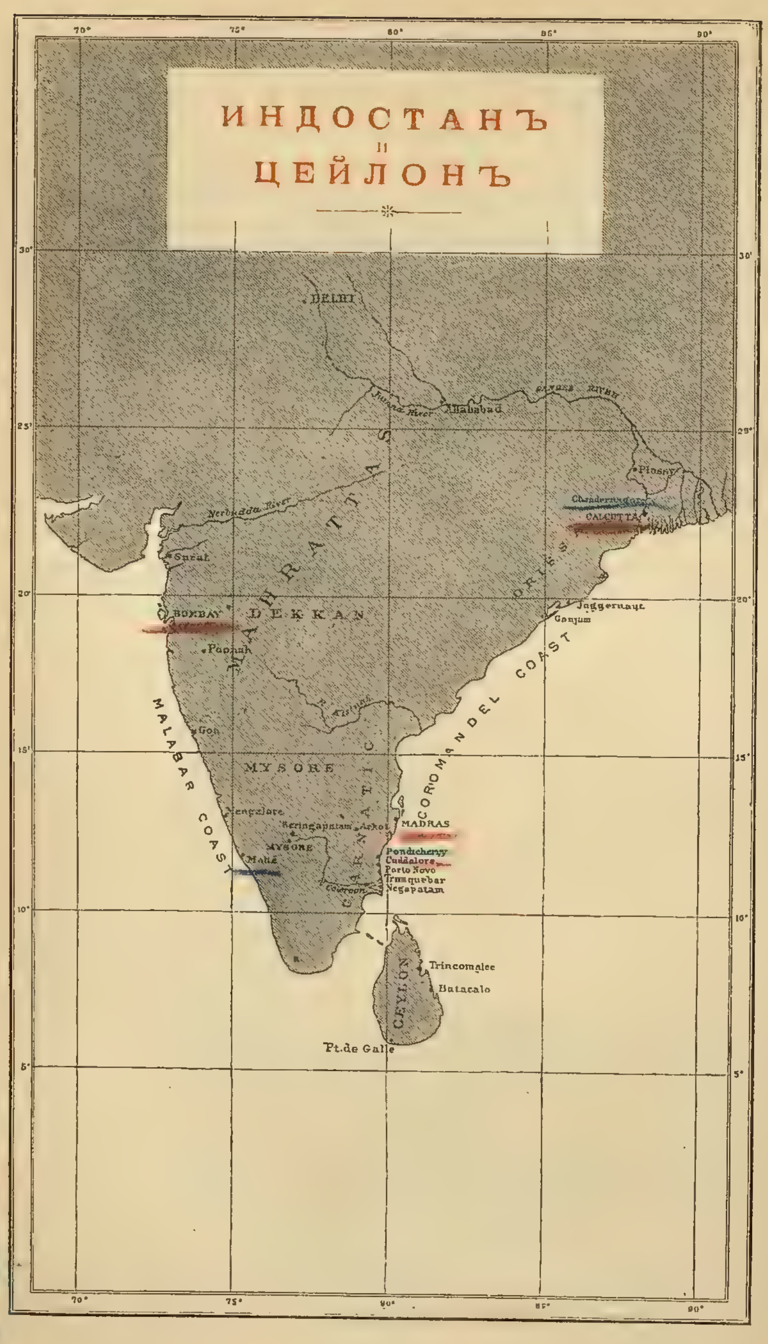
Франція владѣла въ то время Канадой и Луизіаной, подъ именемъ которой подразумѣвалась тогда гораздо бо́льшая территорія, чѣмъ теперь, и заявляла притязанія на всю долину Огайо и Миссисиппи, по праву первооткрытія, а также и потому, что считала ее необходимымъ звеномъ между заливами Св. Лаврентія и Мексиканскимъ. Тогда еще ни одна нація не занимала надлежащимъ образомъ этой промежуточной страны, и упомянутыя притязанія французовъ не признавались Англіею, колонисты которой настаивали на своемъ правѣ распространять свои владѣнія безгранично къ западу. Сила французской позиціи была въ Канадѣ; рѣка Св. Лаврентія давала имъ доступъ въ сердце страны, и если Ньюфаундлэндъ и Новая Шотландія и были потеряны ими, то въ островѣ Капъ Бретонъ, они имѣли все-таки ключъ и къ заливу и

къ рѣкѣ. Канада характеризовалась свойствами французской колоніальной системы, практиковавшейся въ климатѣ, наименѣе пригодномъ для нея. Отеческое, военное и монашеское управленіе тормозило развитіе индивидуальной предпріимчивости и свободной коопераціи для общихъ цѣлей. Колонисты отвернулись отъ торговли и земледѣлія и, довольствуясь только удовлетвореніемъ непосредственныхъ нуждъ пропитанія, предавались военнымъ упражненіямъ и охотѣ. Главнымъ предметомъ ихъ торговли были мѣха. Промышленность была такъ мало развита у нихъ, что часть судовъ даже для внутренней навигаціи они покупали въ англійскихъ колоніяхъ. Главнымъ элементомъ силы былъ воинственный гордый духъ населенія; тамъ каждый мужчина былъ солдатомъ.

Кромѣ вражды, унаслѣдованной отъ метрополій, въ Канадѣ существовалъ еще неизбѣжный антагонизмъ между двумя соціальными и политическими системами, такъ прямо между собою противоположными и практиковавшимися рядомъ. Отдаленность Канады отъ Вестъ-Индіи и негостепріимный климатъ ея зимою дѣлалъ ее, съ морской точки зрѣнія, менѣе важной для Франціи, чѣмъ были англійскія колоніи для Англіи; притомъ же и рессурсы страны и численность населенія ея были значительно ниже, чѣмъ въ англійскихъ колоніяхъ. Въ 1750 году въ Канадѣ было восемьдесятъ тысячъ жителей, а въ англійскихъ колоніяхъ — милліонъ двѣсти тысячъ. При такомъ неравенствѣ въ силѣ и рессурсахъ единственнымъ средствомъ для Франціи удержать за собою Канаду была бы поддержка ея морскою силою или черезъ посредство прямаго господства на сосѣднихъ моряхъ, или такою сильною диверсіею гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, которая освободила бы Канаду отъ давленія англичанъ.

Испанія на континентѣ Сѣверной Америки, въ придачу къ Мексикѣ и странамъ, лежащимъ къ югу отъ нея, владѣла еще и Флоридой; подъ этимъ именемъ подразумѣвался не только полуостровъ, но и лежащія за нимъ обширныя области, не точно разграниченныя и имѣвшія малое значеніе во все время этихъ длинныхъ войнъ.

Въ Вестъ-Индіи и въ Южной Америкѣ Испанія владѣла

ИНДОСТАНЪ
И
ЦЕЙЛОНЪ
70°
75°
80°
85°
90°
30°
25°
20°
15°
10°
5°
DELHI
Jumna River
Allahabad
Nerbudda River
MAHRATTAS
Plassy
Chandernagore
CALCUTTA
Surat
ORIES
BOMBAY
DEKKAN
Jaggernaut
Ganjum
Poonah
COROMANDEL COAST
MALABAR COAST
Goa
MYSORE
CARNATIC
Mangalore
Seringapatam
Arkot
MADRAS
MYSORE
Mahé
Pondicherry
Cuddalore
Porto Novo
Tranquebar
Negapatam
Trincomalee
Batacalo
CEYLON
Pt.de Galle

ТИП. ЭД. ГОППЕ

главнымъ образомъ тѣми странами, которыя и теперь извѣстны подъ именемъ Испанско-Американскихъ странъ, и кромѣ того Кубой, Порто-Рико и частью Гаити. Франція владѣла Гваделупой, Мартиникой и западной половиной Гаити; Англія—Ямайкой, Барбадосомъ и нѣкоторыми изъ меньшихъ острововъ. Плодородіе почвы, цѣнные въ торговомъ обмѣнѣ продукты и менѣе суровый климатъ, казалось бы, должны были сдѣлать эти острова предметомъ особенныхъ притязаній въ колоніальной войнѣ; но въ дѣйствительности не было сдѣлано никакой попытки, ни даже выражено намѣренія завоеванія какого-либо изъ упомянутыхъ большихъ острововъ, за исключеніемъ Ямайки, которую Испанія желала возвратить себѣ. Причина, вѣроятно, заключалась въ томъ, что Англія, которой морская сила дала главную роль въ наступательныхъ дѣйствіяхъ, въ направленіи своей дѣятельности находилась подъ вліяніемъ желаній многочисленнаго англійскаго населенія на Сѣверо-Американскомъ континентѣ. Меньшіе Вестъ-Индскіе острова настолько малы въ отдѣльности, что ими можетъ владѣть надежно только та держава, которая господствуетъ на морѣ. Они имѣли двоякое значеніе въ войнѣ: одно, — какъ военныя позиціи такой державы, другое — коммерческое, или усиливая средства метрополіи, или уменьшая средства непріятеля. Военныя дѣйствія противъ нихъ можно сравнить съ войною противъ торговли непріятеля, а самые острова — съ кораблями, нагруженными товарами послѣдняго. Поэтому разсматриваемые острова и переходили отъ одной воюющей стороны къ другой, смотря по тому которая имѣла успѣхъ, и обыкновенно возвращались къ прежнимъ владѣльцамъ, когда наступалъ миръ; хотя въ концѣ концевъ бо̀льшей части изъ нихъ пришлось остаться въ рукахъ англичанъ. Несмотря на то, фактъ, что каждая изъ великихъ державъ, имѣла участіе въ этомъ средоточіи торговли, объясняетъ посылку въ Вестъ-Индію какъ большихъ флотовъ, такъ и малыхъ эскадръ, чему способствовалъ также и неблагопріятное время года для военныхъ операцій на континентѣ; близъ этихъ острововъ и имѣло мѣсто бо̀льшее число изъ тѣхъ морскихъ сраженій, которыя иллюстрируютъ длинный рядъ изучаемыхъ нами теперь войнъ.

Борьба между Англіей и Франціей должна была завязаться еще и въ другой отдаленной странѣ, и тамъ, какъ и въ Сѣверной Америкѣ, окончательно рѣшиться этими войнами. Въ Индіи соперничавшія націи представительствовали черезъ свои Остъ-Индскія компаніи, которыя непосредственно исполняли и административныя и торговыя функціи. Конечно эти компаніи опирались на свои метрополіи, но непосредственныя сношенія ихъ съ туземными правителями велись черезъ ихъ президентовъ и чиновниковъ, которыхъ назначали они сами. Въ то время главными поселеніями англичанъ были: на западномъ берегу — Бомбей; на восточномъ — Калькутта на Гангѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, и Мадрасъ; тогда какъ немного къ югу отъ Мадраса, другой городъ и станція, — обыкновенно извѣстный у англичанъ подъ именемъ форта Св. Давида, хотя иногда и называвшійся Куддаломъ (Cuddalore), — былъ основанъ позднѣе. Три президенства — Бомбейское, Калькуттское и Мадрасское — были въ то время взаимно независимыми и отвѣтственными только передъ «Правленіемъ Директоровъ» въ Англіи.

Франція утвердилась: въ Чандернагорѣ на Гангѣ, выше Калькутты; въ Пондишери, на восточномъ берегу, въ восьмидесяти миляхъ южнѣе Мадраса; и еще на западномъ берегу, далеко къ югу отъ Бомбея, она имѣла третью станцію, менѣе важнаго значенія, называвшуюся Махе (Mahé). Однако Франція имѣла большое преимущество въ обладаніи промежуточною, уже упоминавшеюся нами выше, станціею въ Индійскомъ океанѣ, а именно — сосѣдними островами Иль де Франсъ и Бурбонъ. Она была еще болѣе счастлива въ личныхъ свойствахъ двухъ дѣятелей, которые руководили ея операціями на Индостанѣ и на островахъ; это были — Дюплексъ и ла Бурдоннэ, — люди, равныхъ которымъ, по способностямъ и по силѣ характера, до тѣхъ поръ не появлялось между англійскими чиновниками въ Индіи. Тѣмъ не менѣе въ дѣятельности этихъ двухъ лицъ, согласная, товарищеская работа которыхъ могла бы вырвать корни англійскихъ поселеній въ Индіи, также проявилось то странное столкновеніе идей, то колебаніе между сушей и моремъ, какъ опорами силы, которыя были предначер-

таны, кажется, уже въ географическомъ положеніи самой Франціи. Помыслы Дюплекса, хотя и не безучастнаго къ коммерческимъ интересамъ, были главнымъ образомъ сосредоточены на созданіи великой имперіи, въ которой Франція царила бы надъ множествомъ вассальныхъ туземныхъ раджей. Въ преслѣдованіи этой цѣли онъ обнаружилъ большой тактъ и неутомимую дѣятельность, — въ соединеніи, можетъ быть, съ нѣсколько отвленнымъ и фантастическимъ воображеніемъ; но когда онъ встрѣтился съ ла Бурдоннэ, по болѣе простымъ и болѣе здравымъ воззрѣніямъ котораго цѣлью Франціи являлось достиженіе морскаго превосходства, господства въ Индіи, основаннаго на свободномъ и обезпеченномъ сообщеніи съ метрополіей, а не на зыбкихъ пескахъ интригъ и союзовъ Востока, то между ними сразу возникло несогласіе. «Сравнительная слабость морскихъ силъ», говоритъ французскій историкъ, считающій, что Дюплексъ преслѣдовалъ болѣе высокія цѣли, «была главной причиной, остановившей его успѣхъ» (*).... Но морское превосходство было именно тою цѣлью, къ которой стремился ла Бурдоннэ, самъ морякъ и правитель острова. Можетъ быть, что при слабости Канады сравнительно съ англійскими колоніями, морская сила не могла бы измѣнить тамъ дѣйствительный исходъ борьбы; но въ условіяхъ соперничества націй въ Индіи все зависѣло отъ обладанія моремъ.

Таковы были относительныя положенія трехъ странъ на главныхъ заграничныхъ театрахъ войны. Мы вовсе не упоминали о колоніяхъ на западномъ берегу Африки, потому что онѣ были только торговыми станціями, безъ всякаго военнаго значенія. Мысомъ Доброй Надежды владѣла Голландія, которая не принимала дѣятельнаго участія въ первомъ періодѣ войнъ, но хранила благопріятный для Англіи нейтралитетъ, какъ бы вытекшій изъ союза ея съ послѣднею въ предшествовавшихъ войнахъ того столѣтія. Необходимо упомянуть кратко и о состояніи военныхъ флотовъ, которые должны были имѣть значеніе, до тѣхъ поръ еще не сознававшееся. Ни точной численности, ни точнаго описанія состоянія кораблей дать

(*) Martin: History of France.

нельзя, но относительная сила флотовъ можетъ быть опредѣлена съ удовлетворительной точностью. Кэмпбель (Campbell), современный англійскій морской историкъ, говоритъ, что въ 1727 году англійскій флотъ имѣлъ восемьдесятъ четыре линейные корабля — 60-пушечные и выше, сорокъ 50-пушечныхъ кораблей, пятьдесятъ четыре фрегата и суда меньшихъ размѣровъ. Въ 1734 году это число упало до семидесяти линейныхъ кораблей и девятнадцати кораблей 50-пушечныхъ. Въ 1744 году, послѣ четырехъ лѣтъ войны съ одной только Испаніей, численность флота опредѣлялась девяноста линейными кораблями и восьмидесятью четырьмя фрегатами. Тотъ же историкъ насчитываетъ во французскомъ флотѣ около этого времени сорокъ пять линейныхъ кораблей и шестьдесятъ семь фрегатовъ. Онъ же говоритъ, что въ 1747 году, въ концѣ первой войны, королевскій флотъ Испаніи уменьшился до двадцати двухъ линейныхъ кораблей, Франціи — до тридцати одного, тогда какъ флотъ Англіи увеличился до ста двадцати шести линейныхъ кораблей. Французскіе писатели, съ которыми справлялся авторъ, менѣе точны въ своихъ числахъ, но согласны въ томъ мнѣніи, что не только флотъ ихъ уменьшился до печально малаго числа кораблей, но и что послѣдніе были въ дурномъ состояніи, а адмиралтейства не имѣли необходимыхъ матеріаловъ. Такое пренебреженіе къ флоту во Франціи продолжалось, болѣе или менѣе, въ теченіе всѣхъ этихъ войнъ, до 1760 года, когда сознаніе важности возстановленія его пробудилось въ націи, — но уже слишкомъ поздно для того, чтобы предупредить самыя серьезныя потери ея. Въ Англіи, такъ же какъ и во Франціи, дисциплина и администрація пошатнулись вслѣдствіе долгаго мира; слабость вооруженія посланныхъ на мѣсто дѣйствій кораблей была замѣчательна и напоминаетъ скандалы, которыми ознаменовалось начало Крымской войны; тогда какъ во Франціи самая потеря французскихъ кораблей привела, вслѣдствіе необходимости замѣны ихъ, къ спуску на воду судовъ, болѣе современныхъ по вооруженію и потому превосходившихъ старые англійскіе корабли того же класса. Нужно, однако, остерегаться слишкомъ довѣрчиваго отношенія къ жалобамъ отдѣльныхъ писателей; французскіе ав-

торы утверждаютъ, что англійскіе корабли быстроходнѣе, тогда какъ въ ту же самую эпоху англичане жалуются, что ихъ корабли движутся медленнѣе французскихъ. Можно принять, однако, что, въ общемъ, французскіе корабли, построенные между 1740 и 1800 годами, были бо́льшихъ размѣровъ и построены по лучшимъ чертежамъ, чѣмъ корабли англійскіе соотвѣтствующихъ классовъ. Но зато англійскій флотъ несомнѣнно имѣлъ преимущество и по численности и по качествамъ матросовъ и офицеровъ. Въ Англіи флотъ всегда плавалъ, въ худшихъ или лучшихъ условіяхъ, а потому офицеры и не могли совершенно забывать свою профессію; тогда какъ во Франціи, въ 1744 году, не было въ кампаніи и одной пятой всего числа офицеровъ. Это превосходство Англіи поддерживалось и увеличивалось имѣвшею съ того времени мѣсто практикою блокады военныхъ французскихъ портовъ превосходными силами; французскія эскадры, выходя въ море, сейчасъ же видѣли сравнительную невыгоду своего положенія, въ отношеніи практическаго искусства. Съ другой стороны, требованія торговаго мореходства въ Англіи были такъ велики, что какъ ни значительно было число ея матросовъ, война застигала ихъ разсѣянными по всему міру, и часть военнаго флота всегда была парализована за недостаткомъ команды. Постоянная практика матросовъ обезпечивала выработку въ нихъ хорошихъ морскихъ качествъ; но отсутствіе необходимаго числа людей въ данномъ мѣстѣ, въ требуемый моментъ, должно было возмѣщаться неразборчивымъ экстреннымъ наборомъ, черезъ который въ военный флотъ попадали слабые, больные люди, печально понижая качества цѣлаго состава. Для того, чтобы ясно представить себѣ свойства личнаго корабельнаго состава въ тѣ дни, надо только прочитать описанія экипажа, посланнаго къ Ансону, отправлявшемуся въ кругосвѣтное плаваніе, и къ Гауке, готовившемуся къ военной кампаніи; свѣдѣнія, приведенныя въ этихъ описаніяхъ, кажутся теперь почти невѣроятными, и результаты — въ высшей степени печальными. И это не только въ зависимости отъ санитарныхъ условій: упомянутые экипажи состояли изъ людей, совершенно не пригодныхъ къ условіямъ морской жизни, даже и при са-

мыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Какъ во французскомъ, такъ и въ англійскомъ флотахъ было необходимо очистить личный составъ офицеровъ. То были зотые дни для придворнаго и политическаго вліянія; и кромѣ того, невозможно было послѣ долгаго мира сразу выбрать изъ состава людей, казавшихся наилучшими моряками, такихъ, которые бы и наилучше выдержали испытанія военнаго времени и отвѣтственнаго положенія. Въ обѣихъ націяхъ проявилась наклонность полагаться на офицеровъ, которыхъ разцвѣтъ силъ былъ достояніемъ предшествовавшаго поколѣнія, — и результаты не были удачны.

Когда въ октябрѣ 1739 года была объявлена война Англіею Испаніи, то попытки первой державы естественно были направлены прежде всего на Испанско-Американскія колоніи, — какъ на причину спора, — въ которыхъ она ожидала найти легкую и богатую добычу. Первая экспедиція отплыла подъ начальствомъ адмирала Вернона, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, и взяла Порто-Белло внезапнымъ и смѣлымъ нападеніемъ; но она нашла тамъ только незначительную сумму, въ десять тысячъ долларовъ, такъ какъ галіоны съ казною отплыли оттуда уже ранѣе. Возвратившись на Ямайку, Верновъ получилъ подкрѣпленіе изъ большаго числа кораблей, и къ нему присоединился еще двѣнадцати тысячный отрядъ сухопутныхъ войскъ. Съ этими увеличенными силами имъ были сдѣланы попытки взятія Картагены и Сантъ-Яго де Куба, въ 1741 и 1742 годахъ, но обѣ онѣ окончились злополучными результатами: адмиралъ и генералъ поссорились, что не было рѣдкостью въ тѣ дни, когда ни тотъ, ни другой не обладали разумнымъ пониманіемъ дѣла другъ друга. Маріэттъ, характеризуя такія недоразумѣнія юмористичными преувеличеніями, кажется, имѣлъ въ виду это дѣло при Картагенѣ: «Армія думала, что флотъ можетъ разбить каменные валы десяти футовой толщины; а флотъ удивлялся, почему армія не взобралась на эти же самые валы, подпимавшіеся отвѣсно, на тридцать футовъ высоты».

Другая экспедиція, справедливо прославленная за терпѣніе и настойчивость, выказанныя ея начальникомъ, и знаменитая также по перенесеннымъ трудностямъ и по единствен-

ному въ своемъ родѣ конечному успѣху, была послана въ 1740 году, подъ начальствомъ Ансона. Ея миссія состояла въ томъ, чтобы обойти кругомъ мыса Горна и атаковать испанскія колоніи на западномъ берегу Южной Америки. Послѣ многихъ проволочекъ, бывшихъ очевидно слѣдствіемъ дурной администраціи, эскадра, наконецъ, вышла въ море въ концѣ упомянутаго года. Огибая мысъ въ самое неблагопріятное время года, корабли встрѣтили рядъ жесточайшихъ штормовъ; эскадра была разсѣяна и уже не могла собраться затѣмъ въ полномъ составѣ; но все-таки Ансонъ, послѣ безконечныхъ опасностей, успѣлъ собрать часть ея въ Хуанъ-Фернандецѣ. Два корабля пришли назадъ въ Англію, а третій погибъ къ югу отъ Чилое. Съ тремя остальными Ансонъ крейсеровалъ вдоль южно-американскаго берега, взявъ нѣсколько призовъ, разграбивъ городъ Паита (Payta) и намѣреваясь, высадившись близъ Панамы, соединиться съ Вернономъ, для занятія этого мѣста и для овладѣнія перешейкомъ, если это окажется возможнымъ. Узнавъ о бѣдствіи при Картагенѣ, онъ рѣшился пересѣчь Тихій океанъ и подстеречь два галіона, которые ежегодно совершали плаваніе отъ Акапулько къ Маниллѣ. При переходѣ черезъ океанъ одинъ изъ двухъ оставшихся теперь при немъ кораблей оказался въ такомъ дурномъ состояніи, что его пришлось потопить. Съ другимъ онъ успѣлъ въ задуманномъ предпріятіи, захвативъ большой галіонъ съ полутора милліонами долларовъ монетой. Экспедиція, по ея многимъ несчастіямъ, не достигла никакого военнаго результата, кромѣ того, что возбудила испугъ въ испанскихъ колоніяхъ и причинила имъ вслѣдствіе этого нѣкоторыя затрудненія; но самыя несчастія ея и спокойная настойчивость, увѣнчавшаяся въ концѣ концевъ большимъ успѣхомъ, дали ей совершенно заслуженную славу.

Въ теченіе 1740 года случились два событія, которыя привели къ общеевропейской войнѣ, такъ сказать ворвавшейся въ войну между Англіею и Испаніею. Въ маѣ этого года Фридрихъ Великій сдѣлался королемъ Пруссіи, а въ октябрѣ императоръ Карлъ VI, — бывшій сначала австрійскимъ претендентомъ на испанскій тронъ, — умеръ. Онъ не имѣлъ сына

и оставилъ, по завѣщанію, управленіе своими владѣніями своей старшей дочери, знаменитой Маріи Терезіи, къ обезпеченію наслѣдства которой въ теченіе многихъ уже лѣтъ были направлены всевозможныя усилія его дипломатіи. Это наслѣдство было гарантировано европейскими державами; но очевидная слабость положенія Маріи Терезіи возбудила притязанія другихъ правителей. Электоръ Баварскій заявилъ претензію на все наслѣдство, въ чемъ его поддерживала и Франція; тогда какъ Прусскій король требовалъ и захватилъ провинцію Силезію. Другія державы, большія и малыя, раздѣлились, примкнувъ къ той или другой сторонѣ; положеніе же Англіи усложнялось тѣмъ, что ея король былъ также и электоромъ Ганноверскимъ, и въ качествѣ таковаго поспѣшилъ обезпечить договоромъ выгодный для электората нейтралитетъ Англіи, хотя симпатіи послѣдней сильно склонялись въ пользу Австріи. Между тѣмъ неудача испанско-американскихъ экспедицій и жестокія потери англійской торговли увеличили общее негодованіе противъ Вальполя, который и долженъ былъ, поэтому, сложить съ себя званіе министра въ началѣ 1742 года. При новомъ министерствѣ Англія сдѣлалась открытой союзницей Австріи; и парламентъ не только вотировалъ субсидію императрицѣ-королевѣ, но также и посылку отряда войскъ на помощь ей въ Австрійскіе Нидерланды. Въ то же самое время Голландія, подъ вліяніемъ Англіи и связанная подобно ей прежними трактатами, сочла себя обязанною поддержать права наслѣдства Маріи Терезіи и также вотировала ей субсидію. Здѣсь встрѣчается опять тотъ странный взглядъ на международныя отношенія, о которомъ упоминалось уже выше. Обѣ эти державы такимъ образомъ вступили въ войну съ Франціей, но только какъ помощницы императрицы, а не какъ самостоятельныя участницы; ограничившись пока только посылкой войскъ на театръ войны, онѣ считались все еще въ мирныхъ съ Франціею отношеніяхъ. Такое двусмысленное положеніе могло имѣть въ концѣ концевъ только одинъ результатъ. На морѣ Франція уже заняла точно такое же положеніе помощницы Испаніи, въ силу оборонительнаго союза между двумя королевствами, въ то же время добиваясь, чтобы

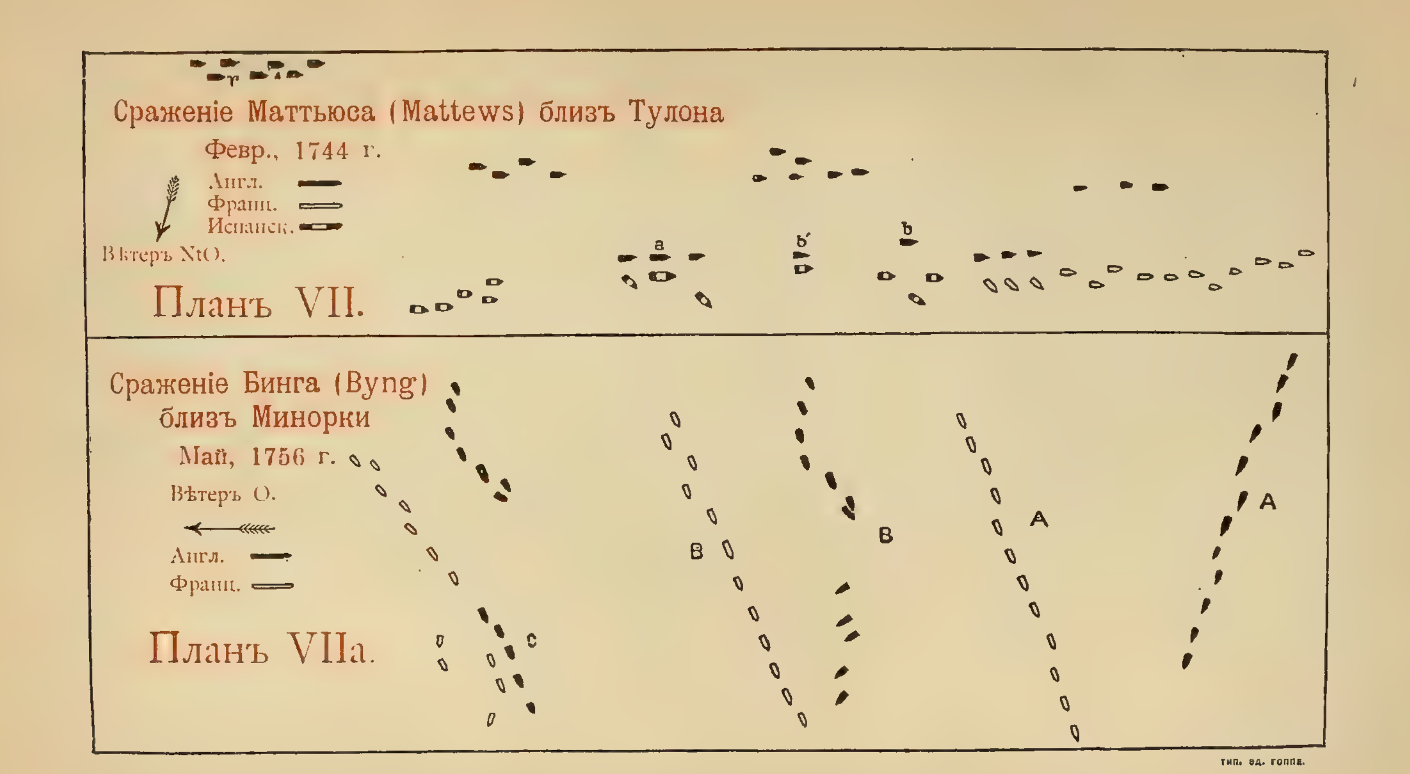
ее считали въ мирѣ съ Англіей; и интересна серьезность, съ какою французскіе писатели жалуются на нападеніе судовъ Англіи на суда Франціи, опираясь на то, что между этими двумя государствами открытая война еще не была объявлена. Выше было упомянуто, что въ 1740 году французская эскадра прикрывала дивизію испанскихъ кораблей на пути въ Америку. Въ 1741 году Испанія, втянутая уже въ континентальную войну, какъ врагъ Австріи, послала пятнадцатитысячный отрядъ войскъ изъ Барцелоны для нападенія на австрійскія владѣнія въ Италіи. Англійскій адмиралъ Гаддокъ (Haddock), въ Средиземномъ морѣ, старался встрѣтить и встрѣтилъ испанскій флотъ; но съ послѣднимъ была дивизія изъ двѣнадцати французскихъ кораблей, начальникъ которой извѣстилъ Гаддока, что принимаетъ участіе въ той же экспедиціи и имѣетъ приказаніе вступить въ бой съ англичанами, въ случаѣ нападенія ихъ на испанцевъ; надо помнить при этомъ, что Испанія вела формально войну съ Англіей. Такъ какъ силы союзниковъ превосходили почти вдвое силы англійскаго адмирала, то онъ долженъ былъ возвратиться назадъ въ Портъ-Магонъ. Онъ былъ скоро послѣ того смѣненъ; и новый адмиралъ, Маттьюсъ, занялъ сразу два мѣста, — главнокомандующаго морскими силами въ Средиземномъ морѣ и англійскаго посланника въ Туринѣ, столицѣ короля Сардиніи. Въ теченіе 1742 года одинъ англійскій капитанъ его флота, преслѣдуя испанскія галлеры, загналъ ихъ во французскій портъ С. Тропецъ (St. Tropez) и, послѣдовавъ за ними даже на рейдъ, сжегъ ихъ, несмотря на такъ называвшійся нейтралитетъ Франціи. Въ томъ же самомъ году Маттьюсъ послалъ дивизію кораблей, подъ начальствомъ коммодора Мартина, въ Неаполь, чтобы принудить короля династіи Бурбоновъ отозвать его двадцатитысячный отрядъ войскъ съ мѣста военныхъ дѣйствій въ сѣверной Италіи, гдѣ онъ помогалъ испанской арміи противъ австрійцевъ. На попытки переговоровъ Мартинъ отвѣчалъ только, посмотрѣвъ на свои карманные часы, что даетъ правительству на размышленіе о принятіи его требованій лишь одинъ часъ времени. Неаполитанцамъ оставалось только покориться, и англійскій флотъ оставилъ гавань послѣ двадцати

четырехчасовой стоянки тамъ, освободивъ Императрицу отъ опаснаго непріятеля. Послѣ этого было очевидно, что испанская война въ Италіи могла поддерживаться только посылкою туда войскъ черезъ Францію: Англія властвовала надъ моремъ и надъ дѣйствіями неаполитанскаго правительства. Эти два инцидента, въ С. Тропецѣ и Неаполѣ, произвели глубокое впечатлѣніе на престарѣлаго Флёри, который понялъ слишкомъ поздно могущество и значеніе надежно организованной морской силы. Причины къ неудовольствіямъ увеличивались съ обѣихъ сторонъ, и быстро приближался тотъ моментъ, когда и Франція и Англія, обѣ, должны были отказаться отъ притязаній считаться только вспомогательными дѣятелями въ войнѣ. Прежде, однако, чѣмъ дѣло дошло до этого, господствовавшая морская сила и богатство Англіи опять дали себя знать привлеченіемъ на сторону Австріи короля Сардиніи. Колебанія этого короля, между опасностями и выгодами отъ французскаго или англійскаго союза, разрѣшились въ пользу послѣдняго, вслѣдствіе ассигнованія Англіею субсидіи и обѣщанія помощи сильнаго флота въ Средиземномъ морѣ; въ свою очередь онъ обязался за это участвовать въ войнѣ снаряженіемъ сорока пяти-тысячной арміи. Это соглашеніе было подписано въ сентябрѣ 1743 года. Въ октябрѣ, когда Флёри уже умеръ, Людовикъ XV заключилъ съ Испаніей договоръ, которымъ обязывался объявить войну противъ Англіи и Сардиніи и поддерживать притязанія Испаніи какъ въ Италіи, такъ и по отношенію къ Гибралтару, Магону и Георгіи. Открытая война, такимъ образомъ, была уже у порога; но объявленіе ея все еще откладывалось. Самое большое морское сраженіе въ эту войну состоялось въ то время, когда миръ номинально еще существовалъ.

Въ концѣ 1743 года инфантъ Филиппъ Испанскій пытался высадиться на берегъ Генуэзской республики, которая относилась недружелюбно къ австрійцамъ; но осуществленію этой попытки его помѣшалъ англійскій флотъ, и испанскіе корабли принуждены были отступить въ Тулонъ. Они простояли тамъ четыре мѣсяца, не будучи въ состояніи выйти въ море вслѣдствіе превосходства англійскаго флота. Въ этой дилеммѣ

испанскій дворъ обратился къ Людовику XV и добился того, что послѣдній приказалъ французскому флоту, подъ командой адмирала де Кура (de Court), — старика восьмидесяти лѣтъ, ветерана временъ Людовика XIV, — конвоировать испанцевъ или къ Генуэзскому заливу, или въ собственные порта, — не ясно куда именно. Французскому адмиралу дана была инструкція не стрѣлять, пока онъ не будетъ атакованъ. Для того, чтобы обезпечить лучше содѣйствіе испанцевъ, которымъ онъ, вѣроятно, не довѣрялъ, де Куръ предложилъ разсѣять, — какъ сдѣлалъ это де Рюйтеръ въ давнопрошедшіе дни, — ихъ корабли между своими; но такъ какъ испанскій адмиралъ Наварро отказался исполнить это, то построена была линія баталіи изъ девяти французскихъ кораблей въ авангардѣ, изъ шести французскихъ и трехъ испанскихъ въ центрѣ, и изъ девяти испанскихъ въ арьергадѣ, — всего изъ двадцати семи кораблей. Въ такомъ строѣ соединенные флоты отплыли изъ Тулона 19-го февраля 1744 года. Англійскій флотъ, который крейсеровалъ близъ Гіерскихъ острововъ для наблюденія за противникомъ, погнался за нимъ, и 22-го числа его авангардъ и центръ встрѣтились съ союзниками; но арьергардная дивизія была тогда на нѣсколько миль на вѣтрѣ и сзади, на разстояніи, не позволявшемъ ей поддерживать въ бою переднія суда (планъ VII, г.). Вѣтеръ былъ сѣверный, и оба флота лежали къ югу, при чемъ англійскій былъ на вѣтрѣ. Противники были почти равночисленны; у англичанъ было двадцать девять кораблей, противъ двадцати семи у союзниковъ; но это преимущество первыхъ было уничтожено отсталостью ихъ арьергарда. Поведеніе контръ-адмирала, командовавшаго арьергардомъ, обыкновенно приписывается злонамѣренности его по отношенію къ Маттьюсу; ибо, хотя онъ и доказалъ, что поставилъ всѣ паруса для соединенія съ адмираломъ, все-таки остается фактъ, что онъ не принялъ участія въ атакѣ позднѣе, когда могъ уже сдѣлать это, — подъ предлогомъ, что сигналъ построиться въ линію баталіи былъ поднятъ въ то же самое время, какъ сигналъ о вступленіи въ бой; онъ объяснялъ, что не могъ выйти изъ линіи для боя, не ослушавшись приказанія построиться въ линію. Это «техническое» извиненіе

было, однако, принято состоявшимся надъ нимъ впослѣдствіи морскимъ судомъ. Маттьюсъ, огорченный и встревоженный бездѣятельностью своего втораго флагмана и опасаясь, что непріятель уйдетъ отъ него, если онъ будетъ медлить дольше, сдѣлалъ сигналъ вступить въ бой, когда его авангардъ былъ на траверзѣ непріятельскаго центра, и сейчасъ же вышелъ самъ изъ линіи и атаковалъ на своемъ флагманскомъ девяностапушечномъ кораблѣ самый большой корабль въ непріятельскомъ строѣ, *Royal Philip*, — сто десяти пушечный, подъ флагомъ испанскаго адмирала (a). Въ этомъ маневрѣ его энергично поддержали передній и задній его мателоты. Моментъ атаки, кажется, былъ избранъ весьма удачно; пять арьергардныхъ испанскихъ кораблей далеко отстали, оставивъ своего адмирала только съ двумя, тогда какъ три другіе испанскіе корабля продолжали держаться съ французскими. Англійскій авангардъ вступилъ въ бой съ союзнымъ центромъ, союзный же авангардъ остался безъ противниковъ. Будучи такимъ образомъ незанятъ, этотъ послѣдній намѣревался выбраться лавировкой на вѣтеръ англійской линіи, чтобы этимъ поставить ее между двухъ огней; но онъ встрѣтилъ препятствіе въ разумномъ образѣ дѣйствій трехъ передовыхъ англійскихъ командировъ, которые, вопреки сигналу спуститься, сохранили свое командующее положеніе и такимъ образомъ остановили вышеупомянутую попытку непріятеля. За это они были отставлены отъ командованія, по постановленію морскаго суда, но потомъ это наказаніе было снято съ нихъ. Ихъ достойному оправданія пренебреженію сигналами подражали, уже безъ всякаго оправданія, всѣ англійскіе командиры центра, за исключеніемъ командировъ вышеупомянутыхъ двухъ сосѣднихъ съ адмираломъ судовъ, такъ же, какъ и нѣкоторые въ авангардѣ, который поддерживалъ канонаду на дальней дистанціи, тогда какъ ихъ главнокомандующій сражался съ противникомъ въ близкой и даже ожесточенной схваткѣ. Одно замѣчательное исключеніе составилъ капитанъ Гауке, впослѣдствіи знаменитый адмиралъ, который послѣдовалъ примѣру своего начальника и, выведя изъ строя своего перваго противника, покинулъ свое мѣсто въ авангардѣ (b), сдался на близкую дистанцію къ другому испанскому ко-

Сраженіе Маттьюса (Mattews) близъ Тулона
Февр., 1744 г.
Англ.
Франц.
Испанск.
Вѣтеръ NtO.
Планъ VII.
a
b'
b
Сраженіе Бинга (Byng) близъ Минорки
Май, 1756 г.
Вѣтеръ O.
Англ.
Франц.
Планъ VIIa.
c
B
B
A
A
тип. эд. гоппе.

раблю (b′), не подпускавшему близко пять англійскихъ кораблей, и взялъ его — единственный призъ этого дня. Командиръ англійскаго авангарда, съ двумя своими мателотами, велъ себя также достойно и сражался на близкой дистанціи. Нѣтъ необходимости описывать сраженіе дальше; какъ военное дѣло, оно не заслуживаетъ никакого вниманія, и самымъ важнымъ его результатомъ было то, что оно выдвинуло достоинства Гауке, котораго участіе въ немъ Король и правительство всегда помнили. Общая несостоятельность и во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительное поведеніе англійскихъ командировъ, тѣмъ менѣе простительное, что послѣ объявленія войны прошло уже пять лѣтъ, частью объясняютъ, почему Англія не извлекла, при своемъ несомнѣнномъ морскомъ превосходствѣ, такихъ результатовъ, какіе она могла бы ожидать въ этой войнѣ — первомъ актѣ сорокалѣтней драмы; и они даютъ офицерамъ урокъ о необходимости приготовлять свои умственныя силы и пріобрѣтать необходимыя знанія изученіемъ условій войны въ ихъ время, если они не хотятъ оказаться неподготовленными и можетъ быть даже обезчещенными въ часъ сраженія (*). Не слѣдуетъ думать, что столь многіе англійскіе моряки страдали такимъ неблагопріятнымъ и рѣдкимъ въ

(*) Въ новой морской исторіи нѣтъ болѣе поразительнаго предостереженія для офицеровъ какой бы то ни было эры, чѣмъ сраженіе при Тулонѣ. Состоявшись послѣ того, какъ цѣлое поколѣніе прожило въ сравнительной морской бездѣятельности, оно, можно сказать, сдѣлало испытаніе репутаціи людей огнемъ. Урокъ, по мнѣнію автора, указываетъ на опасность постыдной неудачи для тѣхъ, которые пренебрегаютъ постоянной поддержкой въ себѣ не только знанія своей профессіи, но и сознанія того, что требуетъ война. Средній человѣкъ не трусъ, но и не одаренъ онъ отъ природы только рѣдкой способностью вести себя надлежащимъ образомъ въ критическій моментъ. Онъ пріобрѣтаетъ ее, — одинъ больше, другой меньше, — опытомъ или размышленіемъ. Если у него не хватаетъ ни того ни другаго, то въ критическій моментъ онъ выкажетъ нерѣшительность, или отъ незнанія того, что надо дѣлать, или отъ неумѣнья понять, что отъ него и его подчиненныхъ требуется крайнее самоотверженіе. Объ одномъ изъ отставленныхъ командировъ мы читаемъ: «Едва ли кто-либо проявилъ въ жизни болѣе прямой и честный характеръ до несчастнаго случая, который нанесъ такой неисправимый вредъ его репутаціи. Многіе изъ его современниковъ, — люди, пользовавшіеся высокой ретапуціей, — хорошо его знавшіе, едва могли вѣрить фактамъ, — которые, однако, неоспоримо были установлены, — и объявили, съ крайнимъ удивленіемъ, что они всегда полагали почти невозможнымъ, чтобы капитанъ Бэрришъ (Burrish) могъ вести себя иначе, какъ человѣкъ доблестный и неустрашимый. Онъ

ихъ корпораціи порокомъ, какъ трусость: флотъ ихъ потерпѣлъ фіаско отъ неподготовленности командировъ и отъ недостатка воинскихъ качествъ у нихъ, отъ дурныхъ свойствъ адмирала, какъ начальника, а также возможно, что и отъ нѣкотораго оттѣнка недоброжелательнаго отношенія къ нему подчиненныхъ, какъ къ человѣку грубому и дерзкому. Здѣсь умѣстно обратить вниманіе на значеніе сердечности и доброжелательности со стороны начальника къ подчиненнымъ. Онѣ, можетъ быть, несущественны для военнаго успѣха, но несомнѣнно придаютъ другимъ элементамъ этого успѣха душу, дыханіе жизни, которое дѣлаетъ возможнымъ то, что при другихъ условіяхъ было бы невозможнымъ; оно вызываетъ со стороны подчиненныхъ высочайшую преданность долгу и готовность къ подвигамъ, недостижимыя путемъ строжайшей дисциплины, если она не одушевлена участливымъ отношеніемъ начальника. Безъ сомнѣнія способность къ такому отношенію — природный даръ. Высокимъ примѣромъ обладанія имъ, — можетъ быть самымъ высокимъ среди моряковъ, — былъ Нельсонъ. Когда онъ прибылъ къ флоту, передъ Трафальгаромъ, то командиры, собравшіеся на флагманскомъ кораблѣ, казалось, забыли служебный этикетъ въ выраженіи своихъ желаній засвидѣтельствовать адмиралу свою радость. «Этотъ Нельсонъ», писалъ капитанъ Дэффъ (Duff), который палъ въ битвѣ, «такой всѣми любимый и превосходный человѣкъ, такой доброжелательный начальникъ, что мы всѣ стараемся превзойти его желанія и предупредить его приказанія». Онъ самъ сознавалъ это свое обаяніе и его значеніе, когда въ письмѣ объ Абукирскомъ сраженіи къ лорду Гоу (Howe) говорилъ, «я имѣлъ счастіе командовать семьею братьевъ».

Извѣстность, пріобрѣтенная сраженіемъ Маттьюса при Тулонѣ, — конечно обязанная не искусству, съ какимъ оно велось, а также и не его результатамъ, — возникла изъ взрыва негодованія, возбужденнаго имъ въ Англіи и, главнымъ обра-

---

состоялъ на службѣ уже двадцать пять лѣтъ, изъ которыхъ одиннадцать плавалъ въ качествѣ командира» (Charnock's Biographia Navalis). Другіе изъ осужденныхъ также были люди достойные, и даже Ричардъ Норрисъ (Norris), который скрылся, чтобы избѣжать суда, пользовался почетной репутаціей.

зомъ, вслѣдствіе большаго числа послѣдовавшихъ за нимъ судебныхъ дѣлъ и характера приговоровъ по нимъ. Какъ противъ адмирала, такъ и противъ слѣдовавшаго за нимъ въ порядкѣ командованія, а также и противъ одиннадцати командировъ изъ двадцати девяти возбуждены были судебныя преслѣдованія. Адмиралъ былъ разжалованъ потому, что разорвалъ линію; т. е. потому, что его командиры не послѣдовали за нимъ, когда онъ вышелъ изъ нея для атаки непріятеля, — рѣшеніе, которое отзывается болѣе ирландскою логикою, чѣмъ ирландскою любовью къ дракѣ. Второй въ порядкѣ командованія былъ оправданъ на упомянутыхъ уже выше техническихъ основаніяхъ: онъ избѣжалъ ошибки и не разорвалъ линіи, держась довольно далеко въ сторонѣ. Изъ одиннадцати командировъ одинъ умеръ, одинъ дезертировалъ, семь исключены изъ службы или были отрѣшены отъ должности и только два были оправданы. У французовъ и испанцевъ дѣло обстояло не лучше; между ними произошли взаимныя пререканія. Адмиралъ де Куръ былъ лишенъ командованія, тогда какъ испанскій адмиралъ былъ награжденъ своимъ правительствомъ титуломъ маркиза де ла Викторія, — награда, въ высшей степени необыкновенная за дѣло, которое, по снисходительнѣйшей для союзниковъ оцѣнкѣ, можетъ считаться только нерѣшительнымъ сраженіемъ. Французы, съ другой стороны, еще утверждаютъ, что испанскій адмиралъ сошелъ внизъ съ палубы, подъ предлогомъ весьма легкой раны, и что въ дѣйствительности бой велся французскимъ капитаномъ, которому случилось быть на кораблѣ.

Это первое генеральное сраженіе со времени боя при Малагѣ, бывшаго сорокъ лѣтъ назадъ, — говоря общепринятымъ языкомъ, — «разбудило» англійскій народъ и вызвало здоровую реакцію. Сортировка офицеровъ, начавшаяся, такъ сказать, самымъ сраженіемъ, продолжалась; но результатъ былъ достигнутъ слишкомъ поздно для того, чтобы онъ могъ оказать надлежащее вліяніе на ходъ войны. И именно этою несостоятельностью дѣятельности въ разсматриваемую эпоху, — скорѣе, чѣмъ видными успѣхами предшествовавшихъ и позднѣйшихъ временъ, — выяснилось общее значеніе англійской морской силы; подобно тому, какъ какая-нибудь драгоцѣнная способность,

которою владѣетъ человѣкъ, не цѣнится имъ, пока она у него есть, но живо имъ чувствуется, когда онъ почему-нибудь ее теряетъ. Все еще владычица морей, но скорѣе по слабости своихъ противниковъ, чѣмъ по абсолютнымъ достоинствамъ своей силы, Англія не извлекла на этотъ разъ изъ своего господства надлежащихъ результатовъ; самый серьезный успѣхъ, — взятіе острова Капъ-Бретонъ въ 1745 году, — былъ достигнутъ колоніальными силами Новой Англіи, которымъ королевскій флотъ, правда, оказалъ цѣнную помощь, такъ какъ для расположенныхъ такимъ образомъ войскъ флотъ служитъ единственной линіей сообщенія. Такъ же не хорошо, какъ участники Тулонскаго сраженія вели себя и офицеры, стоявшіе во главѣ флота въ Вестъ- и Остъ-Индіяхъ, и въ послѣднемъ случаѣ это имѣло результатомъ потерю Мадраса. Съ неблагопріятными условіями, лежавшими, такъ сказать, въ самихъ морскихъ офицерахъ Англіи, соединялись еще и другія причины, мѣшавшія успѣхамъ морской силы ея такъ далеко отъ отечества. Положеніе самой Англіи было не спокойное; дѣло Стюартовъ все еще было живо, и хотя грозное вторженіе въ королевство пятнадцати тысячъ войскъ, подъ начальствомъ маршала Сакса (Saxe), въ 1744 году, не удалось, — вслѣдствіе разсѣянія послѣднихъ частью флотомъ Англійскаго Канала, а частью штормомъ, который разбилъ нѣсколько транспортовъ, собравшихся въ Дюнкирхенѣ, потопивъ въ морѣ много людей, — серьезность опасности проявилась въ слѣдующемъ году, когда Претендентъ высадился въ Шотландію только съ нѣсколькими сторонниками своими, но опираясь на возстаніе за него сѣвернаго королевства. Онъ успѣшно вторгся внутрь самой Англіи, и безпристрастные историки полагаютъ, что одно время шансы окончательнаго успѣха скорѣе были за, чѣмъ противъ него. Другимъ серьезнымъ препятствіемъ для Англіи къ полному пользованію ея силой было направленіе, данное французскимъ операціямъ на сушѣ, и ошибочныя средства, употребленныя для противодѣйствія имъ. Пренебрегая Германіей, Франція обратилась противъ Австрійскихъ Нидерландовъ, — страны, которую Англія, исходя изъ своихъ морскихъ интересовъ, не желала видѣть завоеванною.

Ея коммерческое преобладаніе прямо подверглось бы опасности переходомъ Антверпена, Остенде и Шельды въ руки ея великой соперницы; и хотя лучшимъ способомъ воспрепятствовать этому былъ бы захватъ какихъ-нибудь цѣнныхъ французскихъ владѣній въ другомъ мѣстѣ и удержаніе ихъ въ качествѣ залога, но слабость правительства Англіи тогда и несостоятельность флота ея мѣшали поступить такъ. Далѣе, положеніе Ганновера вліяло на дѣйствія Англіи; потому что, хотя единственной связью между ними былъ общій правитель,— любовь этого послѣдняго къ его континентальному владѣнію, бывшему для него отечествомъ, сильно чувствовалась въ совѣтахъ слабаго и угодливаго министерства. Именно пренебреженіе къ Ганноверу, выказанное первымъ Вильямомъ Питтомъ, какъ слѣдствіе его сильнаго патріотизма, раздражило короля и заставило его такъ долго сопротивляться требованіямъ націи, чтобы Питтъ былъ поставленъ во главѣ ея дѣлъ. Эти различныя причины — раздоръ въ самомъ королевствѣ, интересы въ Нидерландахъ, заботы о Ганноверѣ — соединились для того, чтобы помѣшать слишкомъ услужливому и неспособному министерству, страдавшему къ тому же рознью въ самой средѣ своей, дать надлежащее направленіе морской войнѣ и сообщить ей надлежащій духъ; но, однако, лучшее состояніе самого военнаго флота и болѣе удовлетворительные результаты его дѣятельности могли бы сами измѣнить даже вліяніе упомянутыхъ причинъ. Въ дѣйствительности исходъ войны не привелъ почти ни къ чему по отношенію къ спорамъ между Англіею и ея спеціальными врагами. На континентѣ всѣ вопросы послѣ 1745 года свелись къ двумъ: какая часть австрійскихъ владѣній должна быть отдана Пруссіи, Испаніи и Сардиніи, и какимъ образомъ Франція должна добиться мира съ Англіей и Голландіей. Морскія державы все еще, какъ и встарину, несли издержки войны, которыя теперь однако падали главнымъ образомъ на Англію. Маршалъ Саксъ, командовавшій французами во Фландріи въ теченіе этой войны, охарактеризовалъ своему королю положеніе въ шести словахъ: «Государь», сказалъ онъ, «миръ прячется за стѣнами Маастрихта». Этотъ сильный городъ, стоя

на теченіи рѣки Мааса, открывалъ путь для французской арміи въ Соединенныя Провинціи съ тылу; атакѣ же съ моря препятствовалъ англійскій флотъ въ соединеніи съ голландскимъ. Къ концу 1746 года, вопреки усиліямъ союзниковъ, почти вся Бельгія была въ рукахъ французовъ; но до тѣхъ поръ еще, — хотя голландскія субсидіи и поддерживали австрійское правительство и голландскія войска въ Нидерландахъ сражались за него, — между Франціею и Соединенными Провинціями существовалъ номинальный миръ. Въ апрѣлѣ 1747 года «король Франціи вторгся въ Голландскую Фландрію, объявивъ, что онъ былъ обязанъ послать свою армію на территорію Республики для того, чтобы положить конецъ покровительству, оказывавшемуся Генеральными Штатами австрійкимъ и англійскимъ войскамъ, но что онъ не имѣетъ никакихъ завоевательныхъ намѣреній и что занятыя имъ мѣстности Соединенныхъ Провинцій будутъ очищены немедленно, какъ только онѣ дадутъ доказательства, что перестали помогать врагамъ Франціи». Это была дѣйствительная, а не формальная война. Многіе пункты въ теченіе года сдались французамъ, успѣхи которыхъ склонили Голландію и Англію начать переговоры; они тянулись въ теченіе цѣлой зимы; но въ апрѣлѣ 1748 года Саксъ обложилъ Маастрихтъ, и это повело къ заключенію мира.

Между тѣмъ морская война, хотя и шла вяло, но все же ознаменовалась нѣкоторыми событіями. Въ теченіе 1747 года имѣли мѣсто двѣ схватки между англійской и французской эскадрами, довершившія уничтоженіе боевого французскаго флота. Въ обоихъ случаяхъ за англичанами было рѣшительное превосходство въ силахъ; и хотя здѣсь представилась возможность для нѣкоторыхъ блестящихъ боевыхъ подвиговъ командировъ отдѣльныхъ кораблей и для обнаруженія геройской выносливости со стороны французовъ, сопротивлявшихся, несмотря на громадное численное превосходство врага, до послѣдней возможности, изъ этихъ схватокъ можно вывести только одинъ тактическій урокъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: если одна сторона — вслѣдствіе ли результата боя, или по начальному составу своихъ силъ, — настолько слабѣе другой,

что обращается въ бѣгство, не настаивая на сохраненіи строя, то слѣдуетъ предпринять общую погоню за ней, также отбросивъ заботу о строѣ, — совсѣмъ или въ извѣстной мѣрѣ, — заботу, при другихъ условіяхъ обязательную. О сдѣланной въ этомъ отношеніи ошибкѣ Турвиля послѣ сраженія при Бичи Хэдъ было уже говорено выше. Въ первомъ изъ разсматриваемыхъ теперь случаевъ англійскій адмиралъ Ансонъ имѣлъ четырнадцать кораблей, противъ восьми французскихъ, слабѣйшихъ и въ отдѣльности, такъ же, какъ въ общей численности, сравнительно съ кораблями англійской эскадры; во второмъ — сэръ Эдуардъ Гауке имѣлъ четырнадцать кораблей противъ девяти французскихъ, при чемъ послѣдніе были нѣсколько сильнѣе соотвѣтственныхъ англійскихъ кораблей. Въ обоихъ случаяхъ англійскіе начальники сдѣлали сигналъ общей погони, и въ результатѣ сраженіе обратилось въ свалку. Ни для чего другаго и не представлялось возможности; необходимо было только догнать бѣгущаго непріятеля, что конечно могло быть сдѣлано, лишь пустивъ впередъ быстрѣйшіе или ближайшіе къ противнику корабли, въ увѣренности, что скорость быстрѣйшаго изъ преслѣдующихъ больше скорости медленнѣйшаго изъ преслѣдуемыхъ и что, поэтому, послѣднимъ придется или покинуть отсталые корабли на произволъ непріятеля или попасть всѣмъ въ критическое положеніе. Во второмъ случаѣ французскаго командира, коммодора л'Этендюера (l'Etenduère), не пришлось преслѣдовать далеко. Подъ конвоемъ его эскадры было двѣсти пятьдесятъ коммерческихъ судовъ; отрядивъ одинъ изъ линейныхъ кораблей для продолженія плаванія съ этимъ коммерческимъ флотомъ, онъ расположилъ свои другіе восемь кораблей между послѣднимъ и непріятелемъ, ожидая атаки подъ марселями. Англійскіе корабли, подходя къ мѣсту одинъ за другимъ, становились по обѣ стороны французской колонны, которая была поставлена такимъ образомъ между двухъ огней. Послѣ упорнаго сопротивленія шесть французскихъ кораблей были взяты, но коммерческій флотъ былъ спасенъ. Англійская эскадра потерпѣла въ бою такія аваріи, что два остальные французскіе военные корабля достигли благополучно Франціи. Такимъ образомъ, если несомнѣнно, что сэръ Эдуардъ Гауке

показалъ въ своей атакѣ благоразуміе и быстроту дѣйствій, всегда отличавшія этого замѣчательнаго офицера, то надо сказать и о коммодорѣ л'Этендюерѣ, что судьба, сведя его съ непріятелемъ, который во много разъ превосходилъ его численно, дала ему также и главную роль въ драмѣ и что онъ исполнилъ эту роль благородно. Французскій писатель справедливо замѣчаетъ, что «онъ защищалъ ввѣренный ему коммерческій флотъ такъ, какъ на берегу защищается позиція, съ цѣлью спасти армейскій корпусъ или обезпечить какое-либо движеніе его; онъ прямо пожертвовалъ собой. Этимъ сраженіемъ, продолжавшимся отъ полдня до восьми часовъ вечера, упомянутый флотъ былъ спасенъ, благодаря упорству обороны; двѣсти пятьдесятъ кораблей были сохранены для ихъ владѣльцевъ самоотверженіемъ л'Этендюера и командировъ подъ его начальствомъ. Относительно самоотверженія не можетъ быть вопроса, потому что мало было вѣроятности для восьми кораблей не погибнуть въ бою съ четырнадцатью.... И не только командиръ восьми принялъ сраженіе, котораго могъ избѣжать, но сумѣлъ еще вдохновить своихъ помощниковъ вѣрою въ себя, такъ какъ всѣ выдерживали борьбу съ честью и уступили наконецъ, давъ въ высшей степени неоспоримыя доказательства своей превосходной и энергичной защиты. У четырехъ кораблей были совершенно сбиты мачты, и два остались только съ фокъ-мачтами» (*). Все дѣло, какъ оно велось съ обѣихъ сторонъ, представляетъ поучительный, прекрасный примѣръ того, какъ можно воспользоваться преимуществомъ, начальнымъ или пріобрѣтеннымъ, и какіе результаты могутъ быть достигнуты доблестной, хотя бы и безнадежной самой по себѣ обороной для достиженія частной цѣли. Къ этому можно прибавить еще, что Гауке, не будучи въ состояніи самъ къ дальнѣйшему преслѣдованію непріятеля, вслѣдствіе аварій, послалъ немедленно въ Вестъ-Индію военный шлюпъ, съ извѣщеніемъ о приближеніи коммерческаго флота, — мѣра, которая повела къ захвату части послѣдняго и придала законченность всему дѣлу. Это не можетъ не быть пріятно для изучающаго

(*) Troude: Batailles Navales de la France.

военное искусство, заинтересованнаго видѣть историческихъ дѣятелей въ роли, важнѣйшія задачи которой они исполняютъ въ высшей степени энергично и законченно.

Прежде, чѣмъ закончить исторію этой войны и изложить условія мира, надо дать очеркъ событій въ Индіи, гдѣ Франція и Англія были тогда почти въ одинаковомъ положеніи. Было уже сказано, что тамъ дѣла обѣихъ державъ велись ихъ Остъ-Индскими компаніями и что представителемъ Франціи были: на полуостровѣ — Дюплексъ, а на островахъ — ла Бурдоннэ. Послѣдній былъ назначенъ на свой постъ въ 1735 году, и его неутомимый геній чувствовался во всѣхъ деталяхъ администраціи, — особенно же въ обращеніи острова Иль де Франса въ большую морскую станцію, — работа, которую надо было начать съ самыхъ основаній. До него не было ничего; все было организовано имъ въ бóльшей или меньшей мѣрѣ, — магазины, адмиралтейства, укрѣпленія, кадръ матросовъ. Въ 1740 году, когда сдѣлалась вѣроятною война между Франціей и Англіей, онъ получилъ отъ Остъ-Индской компаніи эскадру, — хотя меньшую, чѣмъ просилъ, — съ которою предполагалъ уничтожить торговлю и мореходство Англіи въ Остъ-Индскихъ водахъ; но когда война дѣйствительно началась въ 1744 году, онъ получилъ приказаніе не атаковать англичанъ, такъ какъ французская компанія надѣялась, что между ею и англійской компаніей возможенъ нейтралитетъ въ этой отдаленной странѣ, несмотря на войну между ихъ метрополіями. Предположеніе это не кажется нелѣпымъ въ виду странныхъ отношеній Голландіи къ Франціи, изъ которыхъ первая, при номинальномъ мирѣ со второю, посылала войска на помощь дѣйствовавшей противъ французовъ австрійской арміи; но оно было весьма выгодно для англичанъ, которые были слабѣе французовъ въ индійскихъ моряхъ. Ихъ компанія приняла предложеніе, сказавъ, однако, что упомянутый нейтралитетъ, конечно, не можетъ связать ни ихъ отечественное правительство, ни королевскій флотъ. Такимъ образомъ преимущество положенія французовъ, пріобрѣтенное предусмотрительностью ла Бурдоннэ, было потеряно; хотя первый, и долгое время одинъ, на полѣ дѣятельности онъ былъ скованъ въ ней. Между

тѣмъ англійское адмиралтейство послало въ океанъ эскадру и начало захватывать французскіе корабли между Индіей и Китаемъ; не ранѣе какъ только тогда компанія отрезвилась отъ своихъ иллюзій. Совершивъ эту часть своей работы, англійская эскадра отплыла къ берегамъ Индіи, и въ іюлѣ 1745 года появилась близъ Пондишери, — политической столицы французской Индіи, готовая поддерживать атаку, которую губернаторъ Мадраса намѣревался предпринять съ суши... Теперь пришло время для ла Бурдоннэ.

Между тѣмъ на Индостанѣ Дюплексъ осуществлялъ свои широкіе планы и закладывалъ широкія основанія для утвержденія французскаго владычества. Поступивъ на службу компаніи въ качествѣ подчиненнаго клерка, онъ, благодаря своимъ способностямъ, поднялся быстрыми шагами до главенства въ коммерческихъ учрежденіяхъ Чандернагора, огромному расширенію которыхъ онъ такъ содѣйствовалъ, серьезно пошатнувъ и даже, говорятъ, уничтоживъ нѣкоторыя отрасли англійской торговли. Въ 1742 году онъ былъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ и въ качествѣ таковаго перемѣщенъ въ Пондишери. Здѣсь онъ началъ развивать свою политику, которая имѣла цѣлью привести Индію въ подчиненіе Франціи. Онъ видѣлъ, что вслѣдствіе прогресса европейскихъ расъ и распространенія ихъ по морямъ всего свѣта пришло время, когда восточные народы должны стать все въ болѣе и болѣе близкое соприкосновеніе съ ними; и онъ разсудилъ, что Индія, такъ часто завоевывавшаяся раньше, должна быть теперь завоевана европейцами. Онъ полагалъ, что Франція должна «выиграть этотъ призъ», и видѣлъ единственнаго ей соперника въ Англіи. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы вмѣшаться въ индійскую политику: во-первыхъ, какъ глава иностранной и независимой колоніи, какимъ онъ дѣйствительно и былъ; и во-вторыхъ, какъ вассалъ Великаго Могола, какимъ онъ намѣревался сдѣлаться. Раздѣлять и завоевывать; усиливать французское вліяніе разумными союзами; перетягивать колеблющіяся чаши вѣсовъ въ пользу Франціи, бросая на нихъ своевременно вѣсъ французскаго мужества и искусства, — таковы были его цѣли. Пондишери хотя и бѣдный портъ, былъ

всего пригоднѣе для его политическихъ плановъ; находясь тамъ въ отдаленіи отъ Дели, столицы Могола, Дюплексъ могъ скрывать свои завоевательныя стремленія до тѣхъ поръ, пока будетъ безопасно вывести его на свѣтъ. Ближайшей цѣлью его было, поэтому, основаніе большаго французскаго княжества въ юго-восточной Индіи, кругомъ Пондишери, при сохраненіи въ то же время настоящихъ позицій въ Бенгаліи.

Слѣдуетъ замѣтить, однако,—и это замѣчаніе необходимо для того, чтобы оправдать связь упомянутыхъ плановъ съ нашимъ предметомъ, связь, быть можетъ не очевидную съ перваго взгляда, — что сущностью вопроса, представшаго теперь передъ Дюплексомъ, было не то, какъ основать французское владычество надъ индѣйскими провинціями и племенами, а какъ навсегда освободиться отъ англичанъ; объ упомянутомъ же владычествѣ предстояло позаботиться потомъ. Самыя горячія мечты о власти, какія онъ только могъ лелѣять, не могли превзойти того, что осуществила Англія нѣсколько лѣтъ спустя. Качества однихъ европейцевъ должны были вступить въ борьбу съ качествами другихъ европейцевъ, и исходъ этой борьбы, въ пользу той или другой стороны, обусловливался обладаніемъ моря. Въ климатѣ, столь смертельномъ для бѣлой расы, малыя группы, — которыхъ героизмъ велъ войну съ врагомъ, непомѣрно болѣе многочисленнымъ, и на многихъ поляхъ дѣйствій, — должны были постоянно возобновляться. Какъ вездѣ и всегда, морская сила дѣйствовала здѣсь спокойно и незамѣтно; но не будетъ никакой необходимости умалять качества и успѣхи Кляйва (Clive), — англійскаго героя того времени и основателя англійскаго владычества, — чтобы показать рѣшительное вліяніе этой силы на событія, несмотря на несостоятельность дѣйствовавшихъ въ первое время въ этихъ странахъ англійскихъ морскихъ офицеровъ и на недостатокъ рѣшительныхъ результатовъ состоявшихся здѣсь морскихъ сраженій (*). Если бы въ теченіе двадцати лѣтъ послѣ 1743 года фран-

(*) «Несмотря на необыкновенныя усилія, сдѣланныя французами при посылкѣ Г. Лалли (M. Lally) съ значительными силами въ прошломъ году, я увѣренъ, что до конца этого года (1759) они будутъ почти въ полномъ истощеніи въ Карна-

цузскіе флоты вмѣсто англійскихъ господствовали на побережьѣ полуострова и на океанѣ между нимъ и Европой, то можно ли бы было думать, что планы Дюплекса потерпятъ окончательную неудачу? «Слабость нашихъ морскихъ силъ сравнительно съ англійскими», справедливо говоритъ одинъ французскій историкъ, «была главною причиною, остановившею успѣхъ Дюплекса. Французскій королевскій флотъ не появлялся въ Остъ-Индіи» въ его дни. Остается теперь коротко изложить исторію дѣла.

Англичане въ 1745 году дѣлали приготовленія къ осадѣ Пондишери, въ которой королевскій флотъ долженъ былъ поддерживать сухопутныя силы; но послѣдствія политическихъ плановъ Дюплекса обнаружились сейчасъ же: набобъ Карнатика началъ угрожать атакою Мадраса, и англичане отступили. Въ слѣдующемъ году появился на сцену ла Бурдоннэ, и состоялось сраженіе между эскадрами его и коммодора Пейтона (Peyton); несмотря на то, что это сраженіе было нерѣшительнымъ, оно все-таки заставило англичанъ удалиться отъ береговъ Индостана; они отступили къ Цейлону, оставивъ обладаніе моремъ за французами. Ла Бурдоннэ сталъ на якорь въ Пондишери, гдѣ скоро возникли ссоры между нимъ и Дюплексомъ, усложнившіяся сбивчивымъ тономъ данныхъ имъ изъ отечества инструкцій. Въ сентябрѣ онъ отправился въ Мадрасъ, атаковалъ его съ суши и съ моря и взялъ его; но заключилъ съ губернаторомъ условіе, по которому городъ могъ быть выкупленъ англичанами; это и было сдѣлано послѣдними уплатою двухъ милліоновъ долларовъ. Когда Дюп-

тикѣ (Carnatic), если только какое-либо совершенно непредвидѣнное событіе не совершится въ ихъ пользу. *Превосходство нашей эскадры* и обиліе денегъ и припасовъ всякаго рода, которыми друзья наши на томъ берегу будутъ снабжены изъ этой провинціи (Бенгаліи), — тогда какъ непріятель нуждается рѣшительно во всемъ, не имѣя въ виду облегченія въ будущемъ, — представляютъ для насъ такія преимущества, что если правильно воспользоваться ими, то намъ не можетъ не удаться полное уничтоженіе его здѣсь какъ и во всякой другой части Индіи». (Письмо Кляйва къ Питту; Калькутта, 7-го января, 1759 г. Gleig's Life ol Lord Clive).

Слѣдуетъ помнить, что господство въ Бенгаліи и возможность пользоваться ея рессурсами, о которыхъ говоритъ здѣсь Кляйвъ, были пріобрѣтены англичанами тогда только недавно; въ дни Дюплекса они еще не владѣли ими. Какъ будетъ видно ниже, предсказанія этого письма Кляйва всецѣло исполнились.

лексъ, узналъ объ этомъ, то пришелъ въ сильное негодованіе и потребовалъ уничтоженія условій капитуляціи, — на томъ основаніи, что городъ съ момента завоеванія уже долженъ былъ поступить въ его вѣдѣніе. Ла Бурдоннэ отказался исполнить это требованіе, какъ противное данному имъ обѣщанію и потому затрогивавшее его честь. Пока тянулся между ними споръ, сильный ураганъ разбилъ два французскіе корабля и снесъ мачты у остальныхъ. Вскорѣ послѣ того ла Бурдоннэ возвратился во Францію, гдѣ его дѣятельность и рвеніе были «награждены» трехлѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, вслѣдствіе возведенныхъ на него обвиненій; подъ тяжестью такого обхожденія съ нимъ онъ скоро умеръ. Между тѣмъ послѣ его отъѣзда изъ Индіи Дюплексъ нарушилъ капитуляцію, захватилъ и занялъ Мадрасъ, изгналъ оттуда англійскихъ колонистовъ и началъ усиливать укрѣпленія. Изъ Мадраса онъ двинулъ войска къ форту Св. Давида и осадилъ его, но приближеніе англійской эскадры принудило его снять осаду въ мартѣ 1747 года.

Въ теченіе этого года вышеупомянутыя бѣдствія французскаго флота въ Атлантическомъ океанѣ оставили за англичанами безпрепятственное обладаніе моремъ. Въ слѣдующую зиму англичане послали въ Индію самый большой европейскій флотъ, какой когда-либо появлялся на Востокѣ, подъ командою адмирала Боскауена (Boscawen), который соединялъ съ этимъ морскимъ званіемъ также и званіе начальника сухопутныхъ силъ. Флотъ появился близъ Коромандельскаго берега въ августѣ 1748 года. Пондишери былъ атакованъ съ суши и съ моря, но Дюплексъ успѣшно сопротивлялся. Англійскій флотъ при этомъ, въ свою очередь, пострадалъ отъ урагана, и осада была снята въ октябрѣ мѣсяцѣ. Вскорѣ послѣ того пришли вѣсти объ Ааxенскомъ мирѣ, которымъ закончилась европейская война. Дюплексъ, съ возстановленіемъ сообщеній съ метрополіей, могъ теперь возобновить свои происки и настойчивыя усилія для обезпеченія территоріальной базы, чѣмъ думалъ по возможности защитить себя отъ случайностей морской войны. Жаль, что такъ много ума и терпѣнія было затрачено на усилія, совершенно тщетныя;

ничто не могло защитить противъ нападеній морской силы, кромѣ морской же силы, которой, однако, французское правительство не могло дать. Однимъ изъ условій мира было возвращеніе Мадраса англичанамъ, въ обмѣнъ на Луисбургъ, захваченный сѣверо-американскими колонистами и возвращенный ими такъ же неохотно, какъ и Мадрасъ Дюплексомъ. Этотъ обмѣнъ хорошо иллюстрируетъ самонадѣяное замѣчаніе Наполеона, что онъ отвоевалъ бы Пондишери на берегахъ Вислы; но, хотя морское превосходство Англіи дѣлало Луисбургъ въ ея рукахъ болѣе значительнымъ пунктомъ, чѣмъ былъ Мадрасъ или всякая другая позиція въ Индіи въ рукахъ французовъ, выгода обмѣна была рѣшительно на сторонѣ Великобританіи. Англійскіе колонисты не такіе были люди, которые могли бы удовольствоваться этимъ образомъ дѣйствій; но они знали морскую силу Англіи и вѣрили, что могли снова сдѣлать то, что разъ уже было сдѣлано ею въ мѣстѣ, отстоящемъ недалеко отъ ихъ береговъ. Они поняли положеніе дѣлъ. Не то было въ Индіи: какъ глубоко должно было быть удивленіе туземныхъ раджей при обратной передачѣ Мадраса англичанамъ и какъ обидно было для Дюплекса, при томъ вліяніи, какое онъ пріобрѣлъ между ними, видѣть себя въ самый часъ побѣды вынужденнымъ покинуть добычу подъ давленіемъ силы, значеніе которой туземные владыки не могли понять! Они были совершенно правы; эта таинственная сила, дававшая имъ знать о себѣ по результату своего дѣйствія, оставаясь невидимой для нихъ, была не въ томъ или другомъ человѣкѣ, — королѣ, или государственномъ дѣятелѣ, — а въ томъ господствѣ на моряхъ, которое, какъ знало французское правительство, исключало надежду уберечь эту отдаленную колонію отъ флотовъ Англіи. Дюплексъ и самъ не видѣлъ этого; въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ онъ продолжалъ строить на пескѣ восточныхъ интригъ и связей эфемерное зданіе, тщетно надѣясь на сопротивленіе его бурямъ, которыя должны были обрушиться на него.

Аахенскій договоръ, окончившій эту общую войну, былъ подписанъ сперва Англіею, Франціею и Голландіею, 30-го апрѣля 1748 года, а въ октябрѣ того же года и всѣми дер-

жавами. За исключеніемъ того, что нѣкоторыя части были отрѣзаны отъ Австрійской Имперіи, — Силезія для Пруссіи, Парма для инфанта Филиппа Испанскаго и часть итальянской территоріи, къ востоку отъ Пьемонта, для короля Сардиніи, — общими результатами мира было возвращеніе къ положенію дѣлъ до войны. «Можетъ быть ни одна война, послѣ столь многихъ великихъ событій, послѣ такого кровопролитія и такихъ денежныхъ затратъ, не кончалась возвращеніемъ воевавшихъ державъ въ положеніе, почти тождественное съ тѣмъ, при какомъ онѣ начали борьбу». Дѣйствительно, что касается Франціи, Англіи и Испаніи, то дѣло объ австрійскомъ наслѣдствѣ, случившееся такъ скоро послѣ разрыва между двумя послѣдними державами, совершено уклонило враждебныя дѣйствія отъ ихъ истиннаго направленія, и разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ, которые касались ихъ гораздо ближе, чѣмъ восшествіе на престолъ Маріи Терезіи, было отсрочено на цѣлыя пятнадцать лѣтъ. Франція, при несчастіи своего стараго врага — Дома Австрійскаго, легко поддалась искушенію возобновить нападенія на него, а Англія въ свою очередь также легко увлеклась противодѣйствіемъ попыткамъ Франціи пріобрѣсть вліяніе или диктатуру въ германскихъ дѣлахъ. Такому образу дѣйствій Англіи способствовали и германскіе интересы англійскаго короля. Могутъ спросить, что соотвѣтствовало истинной политикѣ Франціи: — направленіе ли военныхъ операцій въ сердце Австрійской Имперіи, черезъ Рейнъ и Германію, или, какъ она сдѣлала въ концѣ концевъ, на отдаленныя владѣнія — Нидерланды? Въ первомъ случаѣ она опиралась на дружественную территорію въ Баваріи и давала руку Пруссіи, военная сила которой впервые тогда почувствовалась. Таковъ былъ первый театръ войны. Съ другой стороны, въ Нидерландахъ, куда позднѣе перемѣстился главный театръ враждебныхъ операцій, Франція наносила пораженіе не только Австріи, но также и морскимъ державамъ, всегда ревниво относившимся къ ея вторженію туда. Эти державы были душою войны противъ нея, поддерживая субсидіями ея другихъ враговъ и причиняя убытки ея торговлѣ и торговлѣ Испаніи. Бѣдствія Франціи выставлялись Людовикомъ XV королю Испаніи, какъ при-

*

чина, заставившая его заключить миръ; и очевидно, что велики были эти бѣдствія, если они вынудили его согласиться на такія легкія для противниковъ условія мира, въ то время, когда онъ уже держалъ въ рукахъ Нидерланды и части самой Голландіи силою своего оружія. Но при такомъ успѣхѣ его на континентѣ, флотъ его былъ уничтоженъ, и сообщенія съ колоніями были такимъ образомъ пресѣчены; и если еще можно сомнѣваться, что французское правительство того времени задавалось такими колоніальными претензіями, какія приписывались ему нѣкоторыми историками, то уже несомнѣнно, что французская торговля терпѣла чрезмѣрные убытки.

Если главнымъ побужденіемъ Франціи къ миру было ея критическое положеніе, то и Англія въ 1747 году оказалась, вслѣдствіе споровъ о торговлѣ въ Испанской Америкѣ и слабыхъ дѣйствій ея флота, вовлеченной въ континентальную войну, въ которой она потерпѣла бѣдствія, заставившія ее войти въ долги, простиравшіеся до 80 000 000 фунтовъ стерлинговъ, и увидѣла теперь свою союзницу Голландію на краю опасности непріятельскаго вторженія въ ея владѣнія. Самый миръ былъ подписанъ подъ угрозой со стороны французскаго посланника, что малѣйшее промедленіе послужитъ для Франціи сигналомъ разрушить укрѣпленія занятыхъ ею городовъ и сейчасъ же начать вторженіе. Въ то же самое время и средства Англіи были разстроены, а между тѣмъ истощенная Голландія искала возможности сдѣлать у нея заемъ. «Деньги», читаемъ мы, «никогда не были такъ дороги въ городѣ, и ихъ нельзя было занять даже и за двѣнадцать процентовъ». Если бы, поэтому, Франція въ то время имѣла флотъ, способный считаться съ англійскимъ, хотя бы нѣсколько и уступавшій ему въ силѣ, то она могла бы, утвердившись въ Нидерландахъ и Маастрихтѣ, настоять на предложенныхъ ею условіяхъ. Англія, съ другой стороны, хотя и припертая къ стѣнѣ на континентѣ, могла добиться мира на условіяхъ, не обидныхъ для себя, только вслѣдствіе господства въ морѣ ея флота.

Торговля всѣхъ трехъ странъ пострадала ужасно, но балансъ призовъ оцѣнивался въ пользу Великобританіи суммою 2 000 000 фунтовъ стерлинговъ. По другому способу оцѣнки,

можно сказать, что совокупныя потери французской и испанской торговли, въ теченіе войны, опредѣлялись 3434-мя судами, а англійской — 3238-мя судами; но при обсужденіи этихъ данныхъ не должно забывать отношеній ихъ къ соотвѣтствующимъ торговымъ флотамъ. Тысяча судовъ составляли значительно бо̀льшую часть французскаго флота, чѣмъ англійскаго, и потеря ихъ была гораздо болѣе тяжелой для перваго, чѣмъ для втораго.

„Послѣ бѣдствія эскадры Этендюера", говоритъ французскій писатель, „французскій флагъ не появлялся на морѣ. Двадцать два линейные корабля составляли весь флотъ Франціи, который шестьдесятъ лѣтъ назадъ имѣлъ ихъ сто двадцать. Приватиры захватывали мало призовъ; преслѣдуемые вездѣ, беззащитные, они почти всѣ сдѣлались добычей англичанъ. Британскія морскія силы, не имѣя соперника, безпрепятственно бороздили моря. Говорятъ, что въ одинъ годъ англичане хищническими операціями противъ французскаго торговаго мореходства захватили добычу на сумму 7 000 000 фунтовъ стерлинговъ. Тѣмъ не менѣе эта морская сила, которая могла бы захватить французскія и испанскія колоніи, сдѣлала мало завоеваній, за недостаткомъ настойчивости и единства въ данномъ ей направленіи" (*).

Резюмируя все изложенное, можно сказать, что Франція принуждена была отказаться отъ своихъ завоеваній за недостаткомъ флота, а Англія спасла свое положеніе своею морскою силою, хотя и не сумѣла воспользоваться ею наивыгоднѣйшимъ образомъ.

(*) Lapeyrouse-Bonfils: Hist. de la Marine Française

ГЛАВА VIII.

Семилѣтняя война, 1756 г. — 1763 г. — Подавляющая сила Англіи и завоеванія ея на моряхъ, въ Сѣверной Америкѣ, Европѣ и въ Остъ- и Вестъ-Индіяхъ. — Морскія сраженія: Бинга (Byng) при Миноркѣ; Гауке и Конфланса (Conflans); Покока и д'Аше (Pocock and d'Aché) въ Остъ-Индіи.

О настойчивости, съ какою добивались заключенія мира главные участники войны за Австрійское Наслѣдство, можно судить потому, что многіе изъ вопросовъ, возникшихъ передъ ними, и особенно касавшіеся самыхъ споровъ, изъ-за которыхъ началась война между Англіей и Испаніей, не были поставлены опредѣленно. Кажется, какъ будто бы державы боялись обсуждать какъ слѣдуетъ дѣла, которыя заключали зародыши будущихъ ссоръ, чтобы это обсужденіе не продлило войны. Англія заключила миръ потому, что иначе паденіе Голландіи было бы неизбѣжно, а не потому, что она настояла на своихъ притязаніяхъ по отношенію къ Испаніи, заявленныхъ ею въ 1739 году, или отказалась отъ нихъ. Вопросъ о правѣ безпрепятственной навигаціи въ остъ-индскихъ моряхъ, свободной отъ всякихъ обысковъ, остался неразрѣшеннымъ, такъ же какъ и другіе связанные съ этимъ вопросы. И не только это, но и границы между англійскими и французскими колоніями, въ долинѣ Огайо (Ohio) близъ Канады и на материковой сторонѣ Ново-Шотландскаго полуострова, остались столь же неопредѣленными, какъ были и раньше. Было ясно, что этотъ фиктивный миръ не могъ быть долговѣчнымъ; и если Англія и спасла имъ Голландію, то поступилась пріобрѣтеннымъ ею господствомъ на морѣ. Истинный характеръ борьбы, скрытый на время континентальной войной, былъ раскрытъ такъ называемымъ миромъ;

хотя формально и погашенное, состязаніе въ сущности продолжалось во всѣхъ частяхъ свѣта.

Въ Индіи Дюплексъ, не будучи больше въ состояніи атаковать англичанъ открыто, старался подорвать ихъ вліяніе вышеописанною уже своею политикою. Ловко вмѣшивая въ распри сосѣднихъ владѣтельныхъ раджей и расширяя при этомъ свое собственное вліяніе, онъ къ 1751 году достигъ быстрыми шагами политическаго господства въ южной части Индіи, — странѣ, почти столь же обширной, какъ и сама Франція. Получивъ титулъ набоба, онъ занялъ теперь мѣсто между туземными владѣтельными раджами. «Политика, носившая только коммерческій характеръ, была въ его глазахъ заблужденіемъ; для него не было средняго пути между завоеваніемъ и оставленіемъ страны». Въ теченіе того же года дальнѣйшія уступки туземцевъ въ пользу Франціи распространили владычество ея на обширныя области къ сѣверу и востоку, обнимавшія весь берегъ Ориссы, и сдѣлали Дюплекса правителемъ трети Индіи. Для прославленія своихъ тріумфовъ, а также, можетъ быть, въ согласіи со своею политикою производить впечатлѣніе на умы туземцевъ, онъ основалъ теперь городъ и воздвигъ тамъ колонну для увѣковѣченія своихъ успѣховъ. Но такая дѣятельность его внушила директорамъ компаній только безпокойство, и вмѣсто посылки подкрѣпленій, которыхъ онъ просилъ у нихъ, они побуждали его къ мирному образу дѣйствій... Около этого то времени Робертъ Кляйвъ, тогда еще только двадцати шести-лѣтній молодой человѣкъ, началъ проявлять свой геній. Успѣхи Дюплекса и его союзниковъ начали чередоваться съ неудачами: англичане, подъ главнымъ руководствомъ Кляйва, стали поддерживать туземныхъ противниковъ Франціи. Индійская компанія въ Парижѣ слишкомъ мало интересовалась политическими планами Дюплекса и встревожилась при уменьшеніи дивидендовъ; начались переговоры съ Лондономъ, окончившіеся отозваніемъ Дюплекса въ Европу; англійское правительство, говорили тогда, поставило это отозваніе непремѣннымъ условіемъ сохраненія мира. Черезъ два дня послѣ отъѣзда Дюплекса, въ 1754 году, его преемникъ подписалъ договоръ съ англійскимъ губернаторомъ, всецѣло поправшій

его политику и поставившій условіемъ, чтобы ни та, ни другая компаніи не вмѣшивались во внутреннюю политику Индіи и чтобы всѣ владѣнія, пріобрѣтенныя въ теченіе войны въ Карнатикѣ, были возвращены Великому Моголу. То, что Франція уступила по этому договору, составляло, по размѣрамъ территоріи и по населенію, цѣлую имперію, и французскіе историки съ огорченіемъ заклеймили эту уступку эпитетомъ позорной... Но какъ могли удержать французы въ своей власти страну, когда англійскій флотъ отрѣзалъ доступъ къ ней такъ горячо желавшихся ими подкрѣпленій?

Въ Сѣверной Америкѣ за объявленіемъ мира послѣдовало возобновленіе агитаціи, которая показывала глубину чувства и тонкость пониманія положенія дѣлъ со стороны колонистовъ и мѣстныхъ властей обѣихъ сторонъ. Американцы стремились къ своимъ цѣлямъ съ упорствомъ ихъ расы. «Нѣтъ покоя для нашихъ тринадцати колоній», писалъ Франклинъ, «пока французы владѣютъ Канадой». Соперническія притязанія на центральную незаселенную страну, которую съ достаточною точностью можно назвать долиною Огайо, влекли за собою, въ случаѣ успѣха англичанъ, военное отдѣленіе Канады отъ Луизіаны; тогда какъ съ другой стороны, занятіе Франціею области, лежавшей между двумя окраинами ихъ признанныхъ владѣній, заперло бы англійскихъ колонистовъ между Аллеганскими горами и моремъ. Такія послѣдствія были очевидны для передовыхъ американцевъ того времени, хотя все-таки могли зайти еще гораздо дальше, чѣмъ мудрѣйшіе изъ граждан могли предвидѣть. Здѣсь сами собою напрашиваются интересныя соображенія о томъ, какое вліяніе имѣло бы не только на Америку, но и на весь свѣтъ, проявленіе французскимъ правительствомъ достаточнаго желанія, а французскимъ народомъ — достаточнаго генія для прочнаго утвержденія ихъ въ тѣхъ сѣверныхъ и западныхъ странахъ, на которыя они тогда заявляли притязанія. Но въ то время, какъ французы на мѣстѣ видѣли довольно ясно приближеніе борьбы и огромное превосходство непріятеля въ численности и силахъ флота, съ которымъ Канадѣ пришлось бы считаться, ихъ отечественное правительство не понимало ни значенія этой колоніи, ни факта,

что за нее надо сражаться; свойства же и привычки французскихъ колонистовъ, неискусныхъ въ политической дѣятельности и непривычныхъ къ инiціативѣ и къ проведенiю мѣръ для защиты своихъ собственныхъ интересовъ, не вознаграждали пренебреженія къ нимъ метрополіи. Отеческая, централизующая система французскаго управленія слишкомъ пріучила колонистовъ полагаться на метрополію, и они не умѣли заботиться сами о себѣ. Правители Канады въ ту эпоху дѣйствовали какъ заботливые и способные военные администраторы, дѣлая, что могли, для борьбы съ неудовлетворительнымъ состояніемъ и слабостью колоніи; возможно даже, что ихъ дѣятельность была болѣе состоятельна и цѣлесообразна, чѣмъ дѣятельность англійскихъ правителей; но при безпечности обоихъ отечественныхъ правительствъ ничто, въ концѣ концевъ, не могло возмѣстить способности англійскихъ колонистовъ заботиться о себѣ самосостоятельно. Странно и забавно читать противорѣчивыя сообщенія англійскихъ и французскихъ историковъ о цѣляхъ и намѣреніяхъ государственныхъ дѣятелей противоположныхъ лагерей въ тѣ дни, когда послышались первыя завыванія бури; простая истина кажется заключается въ томъ, что одно изъ тѣхъ столкновеній, которыя мы признаемъ теперь неустранимыми, было близко, и что оба правительства были бы рады избѣжать его. Границы могли быть неопредѣленными, но англійскіе колонисты не были такими.

Французскіе правители учредили посты тамъ, гдѣ могли, на спорной территоріи, и именно въ теченіе спора объ одномъ изъ нихъ, въ 1754 году, впервые появляется въ исторіи имя Вашингтона. Другія затрудненія возникли въ Новой Шотландіи, и обѣ метрополіи начали тогда пробуждаться. Въ 1755 году состоялась бѣдственная экспедиція Браддока (Braddock) противъ форта Дюкенъ (Duqusene), — нынѣ Питтсбургъ, — гдѣ Вашингтонъ сдался годъ назадъ. Позднѣе въ томъ же году случилось другое столкновеніе между англійскими и французскими колонистами, близъ озера Георгія. Хотя экспедиція Браддока должна была отправиться первая, французское правительство также не бездѣйствовало. Въ маѣ того же года большая эскадра военныхъ кораблей, вооружен-

ныхъ большею частью *en flûte* (*), отплыла изъ Бреста въ Канаду съ трехтысячнымъ отрядомъ войскъ и съ новымъ губернаторомъ де Водрейлемъ (de Vaudreuil). Адмиралъ Боскауенъ уже предупредилъ эту эскадру и ожидалъ ее близъ устьевъ рѣки Св. Лаврентія. Открытой войны тогда еще не было, и французы были конечно въ правѣ послать гарнизонъ въ свои собственныя колоніи; но Боскауену было приказано остановить ихъ. Туманъ, разсѣявшій французскую эскадру, прикрылъ также и ея прохожденіе; однако два ея корабля были замѣчены и захвачены англійскимъ флотомъ 8-го іюня 1755 года. Какъ только вѣсть объ этомъ достигла Европы, такъ французскій посланникъ въ Лондонѣ былъ отозванъ; но все-таки за этимъ еще не послѣдовало объявленія войны. Въ іюлѣ сэръ Эдуардъ Гауке былъ посланъ въ море съ приказаніемъ крейсеровать между Уэшантомъ (Ushant) и мысомъ Финистерре и стараться захватывать всякій французскій линейный корабль, какой только онъ увидитъ на морѣ; къ этому были прибавлены въ августѣ мѣсяцѣ еще дальнѣйшія инструкціи: захватывать при каждомъ возможномъ случаѣ французскіе корабли всякаго рода, — военные, приватиры и коммерческіе, — и отсылать ихъ въ англійскіе порта. До конца года было захвачено триста коммерческихъ судовъ, на сумму шесть милліоновъ долларовъ, и шесть тысячъ французскихъ матросовъ были въ плѣну въ Англіи — число, почти достаточное для комплектаціи десяти военныхъ кораблей. Все это произошло, пока еще сохранялся номинальный миръ. Война была объявлена не ранѣе, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того.

Франція все еще, казалось, подчинялась противнику, но на самомъ дѣлѣ она не теряла даромъ времени и тщательно готовилась къ нанесенію ему жестокаго удара, для чего имѣла теперь сильныя побужденія. Она продолжала посылать въ Вестъ-Индію и Канаду небольшія эскадры или отряды ко-

---

(*) То есть съ орудіями, по большей части не поставленными на станки, чтобы доставить болѣе удобствъ помѣщенія для войскъ. Послѣ высадки послѣднихъ на берегъ орудія устанавливались на станки.

раблей, тогда какъ въ Брестскомъ адмиралтействѣ дѣлались шумныя приготовленія, и на берегахъ Канала стягивались войска. Англія увидѣла, что ей угрожаетъ вторженіе, — угроза, къ которой населеніе ея было особенно чувствительно. Тогдашнее правительство, по меньшей мѣрѣ слабое, было особенно неспособно къ веденію войны и легко дало ввести себя въ заблужденіе въ вопросѣ о грозившей опасности. Кромѣ того, Англія была озабочена, какъ всегда въ началѣ войны, не только многочисленностью пунктовъ, которые должна была защищать вдобавокъ къ своей торговлѣ, но также и отсутствіемъ большаго числа матросовъ, разсѣянныхъ на торговыхъ судахъ по всему свѣту. Средиземноморскіе интересы, поэтому, были пренебрежены ею; и Франція, сдѣлавъ шумныя демонстраціи на Каналѣ, тихо снарядила въ Тулонѣ двѣнадцать линейныхъ кораблей, которые отплыли 10-го апрѣля 1756 года, подъ командой адмирала ла Галиссоньера (la Galissonière), конвоируя сто пятьдесятъ транспортовъ съ пятнадцатитысячнымъ отрядомъ войскъ, подъ начальствомъ герцога Ришельё. Недѣлю спустя, армія была благополучно высажена на Минорке, и Портъ-Магонъ былъ обложенъ французскими войсками; флотъ же расположился передъ портомъ для блокады его.

Въ сущности все это было совершеннымъ сюрпризомъ для Англіи; ибо, хотя у ея правительства и возникли наконецъ подозрѣнія о приготовленіяхъ французовъ въ Тулонѣ, но было уже слишкомъ поздно помѣшать имъ. Гарнизонъ не получилъ подкрѣпленій и насчитывалъ едва три тысячи человѣкъ, изъ которыхъ тридцать пять офицеровъ отсутствовали, находясь въ отпуску, и между ними губернаторъ и командиры всѣхъ полковъ. Адмиралъ Бингъ (Byng) отплылъ изъ Портсмута съ десятью линейными кораблями только за три дня до выхода французовъ изъ Тулона. Шесть недѣль спустя, когда онъ былъ уже близъ Портъ-Магона, его флотъ былъ увеличенъ до тринадцати линейныхъ кораблей, и съ нимъ было четыре тысячи солдатъ. Но, какъ сказано, было уже поздно: серьезная брешь была пробита въ стѣнахъ крѣпости за недѣлю до того. Когда англійскій флотъ появился въ виду ея, ла Галиссоньеръ вышелъ навстрѣчу ему и загородилъ входъ въ гавань.

Послѣдовавшее за тѣмъ сраженіе обязано своей исторической славой всецѣло единственному въ своемъ родѣ трагическому событію, явившемуся его слѣдствіемъ. Въ противоположность сраженію Маттьюса при Тулонѣ, оно даетъ и нѣкоторыя тактическія указанія, хотя главнымъ образомъ приложимыя лишь къ устарѣлымъ условіямъ войны подъ парусами; но оно особенно связано съ Тулонскимъ сраженіемъ тѣмъ вліяніемъ, которое оказалъ на несчастнаго Бинга приговоръ суда надъ Маттьюсомъ. Въ теченіе сраженія онъ неоднократно намекалъ на осужденіе адмирала за выходъ изъ линіи и кажется считалъ, что упомянутый приговоръ, оправдываетъ, если не опредѣляетъ, его поведеніе. Излагая дѣло кратко, достаточно сказать, что враждебные флоты, завидѣвъ другъ друга утромъ 20-го мая, оказались, послѣ ряда маневровъ, оба на лѣвомъ галсѣ, при восточномъ вѣтрѣ, лежа къ югу, — французскій флотъ подъ вѣтромъ, между англійскимъ и портомъ. Бингъ началъ держать полнѣе, оставаясь въ строѣ кильватера, а французы предполагали лежать въ бейдевиндъ; такъ что, когда первый сдѣлалъ сигналъ начать бой, то линіи флотовъ были не параллельны, а сходились между собою подъ угломъ отъ 30 до 40 градусовъ (планъ VIIa, A, A). Атака, которую Бингъ, по его собственному объясненію, разсчитывалъ исполнить, — корабль противъ противоположнаго корабля въ непріятельской линіи, — трудно выполнимая и при всякихъ обстоятельствахъ, была теперь еще особенно затруднена тѣмъ, что разстояніе между враждебными арьергардами было значительно больше, чѣмъ между авангардами, такъ что вся его линія не могла вступить въ сраженіе въ одинъ и тотъ же моментъ. Когда сигналъ былъ сдѣланъ, то во исполненіе его авангардные корабли англичанъ спустились и близко подошли къ французскимъ, обратившись къ ихъ бортамъ почти носомъ (B, B) и слѣдовательно жертвуя въ значительной степени огнемъ своей артиллеріи. Они получили три продольные залпа, серьезно повредившіе рангоутъ ихъ. Шестой англійскій корабль въ авангардѣ, потерялъ подъ огнемъ противника свою форъ-стеньгу, вышелъ на вѣтеръ и сдался назадъ, задержавъ арьергардъ линіи и свалившись съ переднимъ ко-

раблемъ его. Теперь, безъ сомнѣнія, было время для Бинга, начавшаго бой, подать примѣръ и спуститься на непріятеля точно такъ, какъ сдѣлалъ это Фаррагутъ при Мобилѣ, когда его линія была разстроена остановкой передняго его мателота; но, согласно свидѣтельству флагъ-капитана, приговоръ надъ Маттьюсомъ устрашалъ его. «Вы видите, капитанъ Гардинеръ, что сигналъ держаться въ линіи спущенъ и что я впереди кораблей *Louisa* и *Trident* (которые въ строѣ должны были быть впереди его). Вы не должны требовать отъ меня, чтобы я, адмиралъ флота, спустился, какъ бы вступая въ одиночный бой съ однимъ только своимъ кораблемъ. Я долженъ стараться избѣжать несчастья г. Маттьюса, пострадавшаго отъ того, что онъ не удержалъ своихъ силъ вмѣстѣ. Сраженіе такимъ образомъ сдѣлалось совершенно нерѣшительнымъ; англійскій авангардъ былъ отдѣленъ отъ арьергарда и вынесъ всю тяжесть атаки (С). Одинъ французскій авторитетъ порицаетъ Галиссоньера за то, что онъ не повернулъ оверштагъ, чтобы выйти на вѣтеръ непріятельскаго авангарда и уничтожить его. Другой говоритъ, что Галиссоньеръ отдалъ приказаніе объ этомъ маневрѣ, но что послѣдній не могъ быть исполненъ вслѣдствіе поврежденій такелажа; это однако кажется невѣроятнымъ, такъ какъ единственное поврежденіе въ рангоутѣ, понесенное французской эскадрой, состояло въ потерѣ одного марса-рея, тогда какъ англичане пострадали весьма сильно. Истинная причина, вѣроятно, та, которая приведена однимъ изъ французскихъ авторитетовъ въ вопросахъ морской войны, полагающимъ что Галиссоньеръ считалъ поддержку сухопутной атаки Магона болѣе важнымъ дѣломъ, нежели уничтоженіе англійскаго флота, если въ попыткѣ этого уничтоженія приходилось рисковать своимъ собственнымъ. «Французскій флотъ всегда предпочиталъ славу обезпеченія территоріальнаго завоеванія, или сохраненія его, можетъ быть и болѣе блестящей, но менѣе существенной славѣ взятія нѣсколькихъ непріятельскихъ кораблей, и черезъ это болѣе приближался къ истинной цѣли, поставленной войною» (*). Правильность этого заключенія зависитъ отъ взгляда

(*) Ramatuelle: Tactique Navale.

на истинную цѣль морской войны. Если эта цѣль состоитъ единственно въ обезпеченіи одной или нѣсколькихъ позицій на берегу, то флотъ дѣлается лишь частью силъ арміи, имѣющею частное назначеніе и, согласно этому, подчиняетъ свои дѣйствія послѣдней; но если истинная цѣль морской войны заключается въ достиженіи преобладанія надъ флотомъ непріятеля,—а черезъ это и обладанія моремъ,—то тогда враждебные корабли и флоты являются истинными предметами нападенія во всѣхъ случаяхъ. Проблескъ этого взгляда, кажется, освѣщалъ разсужденія Морога, когда онъ писалъ, что въ морѣ нѣтъ поля сраженія, подлежащаго удержанію, и нѣтъ пунктовъ, объ обезпеченіи которыхъ за собою слѣдовало бы заботиться. Если морская война есть война за посты, то дѣйствія флота должны быть подчинены атакѣ и оборонѣ постовъ; если же ея цѣль состоитъ въ томъ, чтобы сломить силу непріятеля на морѣ, отрѣзывая ему пути сообщенія съ остальными его владѣніями, истощая источники его богатства пораженіемъ его торговли и добиваясь возможности запереть его порта, тогда предметомъ атаки должны быть его организованныя силы на водѣ, — коротко говоря, — его военный флотъ. Именно слѣдованію этому послѣднему направленію въ своей дѣятельности, по какой бы причинѣ оно ни было принято, обязана Англія пріобрѣтеніемъ на морѣ господства, заставившаго непріятеля возвратить ей Минорку въ концѣ разсматриваемой войны. Франція же, съ другой стороны, вслѣдствіе усвоенія перваго взгляда на морскую войну страдала недостаткомъ престижа своего военнаго флота. Возьмемъ, для примѣра, хоть сраженіе при Миноркѣ: если бы Галиссоньеръ былъ разбитъ, то Ришельё и пятнадцать тысячъ его солдатъ были бы потеряны для Франціи, запертые въ Миноркѣ, подобно тому, какъ испанцы въ 1718 году были прикованы къ Сициліи. Французскій флотъ, поэтому, обезпечилъ взятіе острова; но министерство и общество такъ мало сознавали это, что французскій морской офицеръ говоритъ намъ: «Невѣроятнымъ можетъ показаться, что морской министръ, послѣ славнаго дѣла при Магонѣ, вмѣсто того, чтобы уступить настоятельнымъ требованіямъ просвѣщеннаго патріотизма и воспользоваться импуль-

сомъ, который эта побѣда дала Франціи для возстановленія флота, нашелъ умѣстнымъ продать корабли и такелажъ, которые еще оставались въ нашихъ портахъ. Мы должны будемъ скоро увидѣть печальныя послѣдствія этого постыднаго поведенія со стороны нашихъ государственныхъ людей» (*). Ни слава ни побѣда не очень явны; но совершенно понятно, что если бы французскій адмиралъ меньше думалъ о Магонѣ и воспользовался бы большимъ преимуществомъ, даннымъ ему счастливымъ случаемъ, для взятія или потопленія четырехъ или пяти непріятельскихъ кораблей, то тогда французскій народъ раньше бы проникся такимъ энтузіазмомъ къ флоту, какой проявилъ слишкомъ поздно въ 1760 году. Въ теченіе остальной части этой войны французскіе флоты, за исключеніемъ дѣйствовавшихъ въ Остъ-Индіи, появляются только какъ предметъ погони непріятеля.

Образъ дѣйствій французскихъ флотовъ былъ, однако; согласенъ съ общей политикой французскаго правительства, и Джонъ Клеркъ былъ вѣроятно правъ, говоря что въ этомъ сраженіи при Минорке проявилась тактика, слишкомъ опредѣленная для того, чтобы можно было считать ее случайной: — тактика, оборонительная по самой сущности своей и по своимъ цѣлямъ (**). Занявъ подвѣтренное положеніе, французскій адмиралъ не только прикрылъ Магонъ, но избралъ хорошую оборонительную позицію, необходимо вызывая своего противника къ атакѣ со всѣми рискованными послѣдствіями ея. Клеркъ даетъ, кажется, довольно ясное доказательство, что французскіе головные корабли, послѣ причиненія сильныхъ аварій нападавшимъ на нихъ, коварно сдались подъ вѣтеръ (с), чтобы этимъ заставить послѣднихъ снова атаковать съ подобными же результатами. Та же самая тактика постоянно повторялась въ теченіе американской войны двадцать лѣтъ спустя, и всегда съ совершенно одинаковымъ успѣхомъ; и это въ такой мѣрѣ такъ, что, хотя и не имѣя формальнаго признанія тактики француз-

(*) Lapeyrouse-Bonfils: Hist. de la Marine.

(**) Clerk: Naval Tactics.

скаго флота, мы все-таки можемъ заключить, что осторожность, экономія, оборонительная война оставались постоянною цѣлью французскихъ властей, основывавшихся, безъ сомнѣнія, на доводахъ, высказанныхъ адмираломъ этого флота — Гривелемъ (Grivel): —

„Въ войнѣ между двумя морскими державами, та, которая имѣетъ меньшее число кораблей, должна всегда избѣгать сомнительныхъ сраженій; ея флотъ долженъ подвергать себя только такимъ рискамъ, какіе прямо необходимы для исполненія его непосредственнаго назначенія; онъ долженъ или избѣгать сраженія маневрированіемъ или, — въ худшемъ случаѣ, если будетъ вынужденъ сражаться, — обезпечить себя благопріятными условіями. Положеніе, которое надлежитъ занять, зависитъ всецѣло отъ силы противника. Да не устанемъ повторять, что смотря по тому, будетъ ли Франція слабѣе или сильнѣе враждебной державы, она должна слѣдовать соотвѣтственно одной изъ двухъ стратегій, радикально противоположныхъ между собою и по средствамъ и по цѣлямъ: — стратегіи большой войны (Grand War) или стратегіи крейсерской войны“.

Къ такому точному опредѣленію, данному офицеромъ высокаго чина, должно отнестись со вниманіемъ, — тѣмъ болѣе, что оно выражаетъ твердую политику, преслѣдовавшуюся великою и воинственною націею; тѣмъ не менѣе позволительно спросить, можетъ ли быть такимъ образомъ обезпечена морская сила, достойная этого имени? Логически изъ принятаго положенія вытекаетъ, что оно не рекомендуетъ флоту сраженія между равными силами, потому что данная потеря для флота слабѣйшей морской державы была бы чувствительнѣе, чѣмъ такая же потеря для ея противника. «Дѣйствительно», говоритъ Раматюель, защищая французскую политику, «что значитъ для Англіи потеря нѣсколькихъ кораблей»? Но слѣдующимъ неизбѣжнымъ шагомъ въ этой аргументаціи является выводъ, что лучше не встрѣчать непріятеля. Какъ говоритъ другой французскій морякъ (*), уже цитированный выше, французы считали несчастіемъ встрѣчу своихъ кораблей съ непріятельскою силою; когда же эта встрѣча случалась, то они считали своимъ долгомъ избѣгать боя, если возможно было сдѣлать это съ честью. Они имѣли конечныя цѣли большей важности, чѣмъ бой съ флотомъ непріятеля. По такому пути нельзя слѣ-

(*) Jurien de la Gravière: Guerres Maritimes.

довать неуклонно годами, безъ того, чтобы это не отразилось на духѣ морскихъ офицеровъ; и этотъ путь прямо привелъ къ тому, что адмиралъ, графъ де Грассъ (Compte de Grasse), не уступавшій въ храбрости никому изъ флотоводцевъ, упустилъ представлявшійся ему въ 1782 году случай разбить англійскую эскадру, подъ командой Роднея (Rodney). 9-го апрѣля этого года, когда де Грассъ уходилъ отъ преслѣдовавшаго его англійскаго флота между Навѣтренными островами, случилось такъ, что шестнадцать кораблей противника оказались у него подъ вѣтромъ, тогда какъ главный флотъ заштилѣлъ у Доминики. Хотя и будучи значительно сильнѣе этой отдѣлившейся группы кораблей въ теченіе тѣхъ трехъ часовъ, когда продолжалось такое положеніе дѣлъ, де Грассъ не атаковалъ ихъ и ограничивался только обстрѣливаніемъ ихъ издали изъ орудій судовъ своего авангарда; и его дѣйствія были оправданы разбиравшимъ ихъ морскимъ судомъ,—въ которомъ было много офицеровъ высокихъ чиновъ и безъ сомнѣнія выдающихся,—«какъ актъ благоразумія со стороны адмирала, вызванный конечными задачами его крейсерства». Три дня спустя, онъ потерпѣлъ сильнѣйшее пораженіе отъ того самого флота, котораго не атаковалъ, не когда условія тому благопріятствовали, и вмѣстѣ съ этимъ потерпѣли неудачу и всѣ конечныя цѣли его крейсерства.

Но возвратимся теперь къ Миноркѣ. Послѣ сраженія 20-го мая Бингъ созвалъ военный совѣтъ, который рѣшилъ, что ничего нельзя было сдѣлать болѣе и что англійскій флотъ долженъ идти къ Гибралтару, для защиты его отъ атаки. У Гибралтара Бингъ былъ смѣненъ адмираломъ Гауке и отозванъ въ Англію, для судебнаго надъ нимъ слѣдствія. Морской судъ, хотя и совершенно очистилъ его отъ обвиненія въ трусости или въ бездѣйствіи власти, призналъ его однако же виновнымъ въ томъ, что онъ не сдѣлалъ всего, что было въ его силахъ, для пораженія французскаго флота, или для выручки гарнизона въ Магонѣ; и такъ какъ военный уставъ предписывалъ за такое преступленіе смертную казнь, безъ замѣны ея какимъ-либо другимъ наказаніемъ, то судъ и счелъ себя обязаннымъ приговорить его къ ней. Король отказалъ въ прощеніи, и Бингъ былъ разстрѣлянъ.

Экспедиціонный отрядъ противъ Минорки вышелъ изъ Тулона, пока номинально еще существовалъ миръ. 17-го мая, за три дня до сраженія Бинга, Англія объявила войну, и Франція отвѣтила на это 20-го іюня. 28-го сдался Портъ-Магонъ, и Минорка перешла въ руки Франціи.

Сущность раздоровъ между двумя державами и сцены, на которыхъ они возникли, довольно ясно указывали на надлежащій театръ борьбы. Естественно было, чтобы тогда возгорѣлась морская война, иллюстрированная большими морскими сраженіями и сопровождавшаяся большими измѣненіями въ колоніальныхъ и заграничныхъ владѣніяхъ обѣихъ державъ. Но изъ нихъ только одна Англія поняла истинное положеніе дѣлъ; Франція же опять отвернулась отъ моря, по причинамъ, которыя будутъ кратко изложены. Ея флоты едва появлялись въ морѣ, и, теряя обладаніе имъ, она сдавала противнику одну за другой свои колоніи, а съ ними и всѣ свои надежды въ Индіи. Въ позднѣйшемъ періодѣ этой борьбы она привлекла къ союзу съ собою Испанію, но только для того, чтобы помочь разрушенію внѣшнихъ владѣній этой страны. Англія, съ другой стороны, оборонявшаяся и питавшаяся черезъ посредство моря, держалась на немъ вездѣ съ тріумфомъ. Обезпечивъ безопасность и благосостояніе у себя дома, она поддерживала своими деньгами враговъ Франціи. Въ концѣ седьмаго года войны королевство Великобританія сдѣлалось Британской Имперіей.

Далеко нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, чтобы Франція могла безъ союзника успѣшно состязаться на морѣ съ Англіею. Въ 1756 году французскій флотъ имѣлъ шестьдесятъ три линейные корабля, изъ которыхъ сорокъ пять были сами по себѣ въ хорошемъ состояніи; но въ артиллеріи ихъ и въ другихъ элементахъ вооруженія ощущался недостатокъ. У Испаніи было сорокъ шесть военныхъ кораблей, но на основаніи предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ дѣяній испанскаго флота позволительно сомнѣваться, чтобы боевыя достоинства его отвѣчали этому числу. Англія въ это время имѣла сто тридцать линейныхъ кораблей, и четыре года спустя, сто двадцать изъ нихъ дѣйствительно были въ кампаніи. Конечно, когда дер-

жава допускаетъ, чтобы слабость ея сравнительно съ непріятелемъ, на сушѣ или же на морѣ, сдѣлалась такъ велика, какъ это имѣло мѣсто въ разсматриваемомъ случаѣ относительно Франціи, то она не можетъ надѣяться на успѣхъ.

Несмотря на то, сначала дѣла Франціи шли хорошо. За завоеваніемъ Миноркп послѣдовало, въ ноябрѣ того же года, завоеваніе Корсики. Генуэзская республика сдала Франціи всѣ укрѣпленныя гавани острова. Владѣя Тулономъ, Корсикою и Портъ-Магономъ, французы занимали теперь сильную позицію въ Средиземномъ морѣ. Въ Канадѣ, въ 1756 году, операціи французовъ подъ начальствомъ Монкальма (Montcalm), были успѣшны, несмотря на меньшую численность его войскъ сравнительно съ непріятельскими. Въ то же самое время удачная атака туземнаго владѣтеля въ Индіи отняла отъ Англіи Калькутту, что, конечно, было благопріятно для французовъ.

Еще и другой инцидентъ далъ лишній шансъ дипломатамъ Франціи для усиленія ея положенія на океанѣ. Голландія обѣщала ей не возобновлять своего союза съ Англіею, но оставаться нейтральной. Англія, въ отместку за это, объявила «блокаду всѣхъ портовъ Франціи и всѣ суда, направлявшіяся въ эти порта, подлежащими захвату, какъ законный призъ». Такое насиліе надъ правами нейтральныхъ сторонъ можетъ быть предпринято только державою, которая чувствуетъ, что ей нечего бояться ихъ противодѣйствія своему поступку. Вызывающимъ образомъ дѣйствій Англіи, возникшимъ изъ сознанія силы и свойственнымъ этой державѣ, Франція могла воспользоваться для вовлеченія Испаніи и можетъ быть нѣкоторыхъ другихъ государствъ въ союзъ съ собою.

Но вмѣсто того, чтобы сосредоточиться противъ Англіи, Франція начала другую континентальную войну, — на этотъ разъ съ новымъ и необычнымъ для нея союзникомъ. Императрица Австріи, играя на религіозныхъ предубѣжденіяхъ Короля и на раздраженіи его фаворитки, которая была обижена насмѣшками надъ нею Фридриха Великаго, втянула Францію въ союзъ съ Австріею противъ Пруссіи. Къ этому союзу впослѣдствіи присоединились Россія, Швеція и Польша. Императрица настаивала на томъ, что обѣ римско-католическія

*

державы должны соединиться для отнятія Силезіи отъ короля-протестанта и выразила свою готовность уступить Франціи часть своихъ владѣній въ Нидерландахъ, согласно ея всегдашнему желанію.

Фридрихъ Великій, узнавъ объ этой комбинаціи, вмѣсто того, чтобы ждать ея развитія, двинулъ свои арміи и вторгнулся въ Саксонію, правитель которой былъ также и королемъ Польши. Этимъ маршемъ-маневромъ въ октябрѣ 1756 года началась Семилѣтняя война, отвлекшая, — подобно войнѣ за Австрійское наслѣдство, но не въ такой степени, — нѣкоторыхъ изъ участниковъ ея отъ начальной причины разногласій. Но въ то время, какъ Франція, уже обремененная большими распрями съ своей сосѣдкой по ту сторону Канала, впутывалась, такимъ образомъ, безъ всякой необходимости въ другую борьбу, съ завѣдомою цѣлью возвышенія того австрійскаго вліянія, которое болѣе мудрая политика долго стремилась унизить, — въ то время, говоримъ мы, Англія ясно видѣла, гдѣ лежатъ ея истинные интересы. Считая континентальную войну только вспомогательною, она обратила свои усилія на море и на колоніи, поддерживая въ то же время Фридриха и деньгами и сердечной симпатіей въ войнѣ за оборону его королевства, которая такъ серьезно отвлекала и раздѣляла силы Франціи. Англія такимъ образомъ, въ сущности, имѣла на рукахъ только одну войну. Въ томъ же самомъ году веденіе борьбы было передано изъ рукъ слабаго министерства въ руки смѣлаго и энергичнаго Вилльяма Питта, который удерживался на своемъ посту до 1761 года, когда достиженіе Англіею цѣлей войны было практически уже обезпечено.

Въ планѣ нападенія на Канаду былъ выборъ между двумя главными операціонными линіями, — черезъ озеро Чамплэйнъ или черезъ заливъ Св. Лаврентія. Первая была исключительно внутреннею и, какъ таковая, не касается нашего предмета далѣе упоминанія, что она была открыта для англичанъ не ранѣе, какъ послѣ паденія Квебека въ 1759 году. Въ 1757 году попытка противъ Луисбурга потерпѣла неудачу, такъ какъ англійскій адмиралъ не захотѣлъ вступить въ бой съ шестнадцатью линейными кораблями, которые онъ нашелъ тамъ, имѣя подъ

своей командой только пятнадцать, бывшихъ при томъ, судя по его словамъ, слабѣйшаго качества. Былъ онъ правъ въ своемъ рѣшеніи или нѣтъ, но негодованіе, возбужденное имъ въ Англіи, ясно указываетъ на различіе политикъ, лежавшихъ въ основаніи дѣйствій французскаго и англійскаго правительствъ. Въ слѣдующемъ году былъ посланъ туда болѣе смѣлый адмиралъ, Боскауэнъ, съ двѣнадцатитысячнымъ отрядомъ войскъ на его судахъ, и справедливость требуетъ сказать, что онъ нашелъ въ порту только пять непріятельскихъ кораблей. Войска были высажены на берегъ, а флотъ прикрывалъ осаду со стороны моря, съ которой только она и могла бояться затрудненій, и отрѣзалъ единственно возможный путь для подвоза припасовъ осажденнымъ. Островъ сдался въ 1758 году, чѣмъ и открылся доступъ черезъ рѣку Св. Лаврентія къ сердцу Канады, давъ англичанамъ новую базу для флота и для арміи.

Въ слѣдующемъ году была снаряжена экспедиція противъ Квебека, подъ начальствомъ Вольфа (Wolfe). Всѣ его операціи базировались на флотѣ, который не только доставилъ его армію къ мѣсту, но и служилъ для передвиженій ея вверхъ и внизъ по рѣкѣ, вызывавшихся желаніемъ ввести непріятеля въ заблужденіе. Высадка, приведшая къ рѣшительному сраженію, была сдѣлана прямо съ кораблей. Монкальмъ, искусство и рѣшительность котораго предотвращали нападенія черезъ озеро Чамплэйнъ въ теченіе двухъ предшествовавшихъ лѣтъ, настойчиво требовалъ подкрѣпленій, но въ посылкѣ ихъ было отказано военнымъ министромъ, который, кромѣ другихъ причинъ отказа, приводилъ также и вѣроятность того, что англичане перехватятъ подкрѣпленія на пути, и что чѣмъ больше войскъ пошлетъ въ Канаду Франція, тѣмъ больше для Англіи будетъ побужденій увеличить свои силы тамъ. Однимъ словомъ, обладаніе Канадой зависѣло отъ морской силы.

Поэтому Монкальмъ, въ виду большой вѣроятности нападенія на Квебекъ съ рѣки, былъ вынужденъ ослабить свое сопротивленіе на Чамплэйнской линіи; несмотря на то, англичане не пошли на этотъ разъ далѣе, какъ до берега озера,— и ихъ операціи, хотя и дѣлавшія имъ честь, не имѣли въ этомъ году вліянія на результатъ ихъ дѣйствій противъ Квебека.

Въ 1760 году Англія, владѣя рѣкою Св. Лаврентія, съ Луисбургомъ на одномъ концѣ и Квебекомъ на другомъ, казалось, утвердилась тамъ прочно. Но французскій губернаторъ де Водрейль все еще держался въ Монреалѣ (Montreal), и колонисты еще надѣялись на помощь Франціи. Англійскій гарнизонъ въ Квебекѣ, хотя и уступая численно силамъ канадцевъ, имѣлъ неблагоразуміе выйти изъ города и сразиться съ противникомъ въ открытомъ полѣ. Послѣдній разбилъ его здѣсь, преслѣдовалъ его при отступленіи, при чемъ едва не вошелъ въ Квебекъ на плечахъ англійскихъ солдатъ, и затѣмъ заложилъ линію осадныхъ траншей. Однако нѣсколько дней спустя показалась въ виду англійская эскадра, и городъ былъ освобожденъ отъ осады. «Такимъ образомъ», говоритъ одинъ старинный англійскій хроникеръ флота, «непріятель увидѣлъ, что значитъ быть слабѣе въ морѣ; такъ какъ, имѣй французы эскадру для воспрепятствованія англійскому флоту подняться вверхъ по рѣкѣ, Квебекъ долженъ былъ бы пасть». Маленькій отрядъ французовъ, остававшійся въ Монреалѣ, совершенно теперь отрѣзанный, былъ окруженъ тремя англійскими арміями, подходившими, одна черезъ озеро Чамплэйнъ, а другія — черезъ Освего и отъ Квебека. Сдача Монреаля 8-го сентября 1760 года положила навсегда конецъ французскому владычеству въ Канадѣ.

Послѣ того, какъ Питтъ взялъ въ свои руки бразды правленія, счастье во всѣхъ частяхъ свѣта одинаково сопутствовало англійскимъ военнымъ дѣйствіямъ, потерпѣвшимъ только съ самаго начала мелкія неудачи. Не такъ было на континентѣ, гдѣ героизмъ и искусство Фридриха Великаго съ трудомъ выдерживали блестящую борьбу противъ Франціи, Австріи и Россіи. Изученіе трудныхъ условій его положенія съ ихъ военными и политическими комбинаціями не принадлежитъ къ нашему предмету. Морская сила не проявляется здѣсь прямо въ ея воздѣйствіяхъ на борьбу, но косвенно она сказывалась двояко: во-первыхъ, субсидіями, которыя Англія, благодаря своему значительному богатству и широкому кредиту, имѣла возможность давать Фридриху и которыя въ экономныхъ и искусныхъ рукахъ послѣдняго значили такъ много; и во-вторыхъ, тѣми

затрудненіями, которыя Англія причиняла Франціи, нападая на ея колоніи и ея морское побережье, раззоряя ея морскую торговлю и вынуждая ее на денежныя затраты, — производившіяся, правда, скупо и нехотя, — для поддержки ея военнаго флота. Страдая постоянно отъ болѣзненныхъ ударовъ, наносившихся морскою державою, Франція, несмотря на слѣпоту и нерадѣніе своихъ правителей, была все-таки вынуждена, наконецъ, предпринять что-либо противъ нея. При флотѣ, значительно слабѣйшемъ сравнительно съ флотомъ непріятельскимъ, неспособномъ на борьбу съ послѣднимъ во всѣхъ частяхъ свѣта, Франція правильно рѣшила сосредоточиться на одномъ какомъ-нибудь объектѣ, и такимъ объектомъ была избрана сама Великобританія: Франція задумала вторженіе въ нее. Это рѣшеніе, вскорѣ же вызвавшее опасенія среди англичанъ, было причиною того, что морскія операціи сосредоточивались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ около береговъ Франціи и въ Каналѣ. Прежде описанія ихъ полезно будетъ изложить общій планъ, коимъ руководствовалась Англія въ пользованіи своею подавляющею морскою силою.

Кромѣ уже описанныхъ операцій на Сѣверо-Американскомъ континентѣ, этотъ планъ былъ четырехсторонній.

1) Французскіе порта Атлантическаго побережья, особенно Брестъ, находились подъ постояннымъ наблюденіемъ, чтобы не позволять ни большимъ флотамъ, ни малымъ эскадрамъ выходить изъ нихъ безъ боя.

2) Берега Атлантическаго океана и Канала подвергались нападеніямъ летучихъ эскадръ, сопровождавшимся повременамъ высадками малыхъ отрядовъ войскъ. Эти нападенія, предметы которыхъ непріятель не могъ предвидѣть, имѣли главною цѣлью принудить его держать наготовѣ силы во многихъ пунктахъ и тѣмъ ослабить армію, дѣйствовавшую противъ короля Пруссіи. Но хотя цѣль была несомнѣнно такова, можно сомнѣваться, чтобы диверсія въ пользу Фридриха имѣла большія послѣдствія. Ниже мы не будемъ упоминать объ этихъ операціяхъ, которыя видимо имѣли только слабое вліяніе на общій ходъ войны.

3) Въ Средиземномъ морѣ и близъ Гибралтара постоянно держался флотъ для воспрепятствованія Тулонскому флоту французовъ пройти въ Атлантику. Не видно, чтобы была сдѣлана серіозная попытка остановить сообщенія между Франціею и Минорокою. Дѣйствія Средиземноморскаго флота, хотя и подъ независимымъ начальствомъ, были вспомогательными для дѣйствій флота Атлантическаго.

4) Дальнія экспедиціи снаряжались противъ французскихъ колоній на Вестъ-Индскихъ островахъ и на берегу Африки, а въ Остъ-Индіи держалась эскадра для обезпеченія обладанія мѣстными морями, поддерживая такимъ образомъ англичанъ, утвердившихся на Индостанѣ, и отрѣзавъ пути сообщенія французовъ. Эти операціи въ отдаленныхъ водахъ, никогда не прерывавшіяся, приняли бо̀льшіе размѣры и велись съ бо̀льшей дѣятельностью послѣ того, какъ уничтоженіе французскаго флота освободило Англію отъ опасенія, что непріятелю удастся вторженіе въ нее, и когда злополучное участіе Испаніи въ войнѣ, съ 1762 года, дало Англіи еще болѣе богатые призы, а съ ними и средства для предпріятій.

Строгая блокада непріятельскаго флота въ Брестѣ, блокада, впервые выполненная систематически во время этой войны, можетъ разсматриваться скорѣе, какъ оборонительная, чѣмъ какъ наступательная операція; такъ какъ, хотя со стороны англичанъ и было, конечно, намѣреніе сражаться, когда къ тому представится случай, но главною цѣлью этой блокады была нейтрализація наступательнаго оружія въ рукахъ непріятеля; уничтоженіе же этого оружія въ этомъ случаѣ было вопросомъ второстепеннымъ. Вѣрность этого замѣчанія доказывается взрывомъ опасенія и гнѣва, охватившимъ Англію, когда вызванное необходимостью удаленіе съ мѣста блокады ея флота въ 1759 году позволило французскому флоту выйти изъ Бреста. Постоянныя блокады въ этой войнѣ и въ слѣдовавшихъ за нею войнахъ лишали французовъ надлежащей практики въ управленіи кораблями, отчего ихъ флотъ всегда уступалъ англійскому, какъ бы ни приближался онъ къ послѣднему по численности и какъ ни блестящъ былъ его внѣшній видъ. Расположеніе Брестскаго порта было таково, что блокированный

флотъ не могъ выйти въ море при сильныхъ западныхъ штормахъ, которые были опасны для блокировавшихъ; англичане, поэтому, обыкновенно уходили тогда въ Торбэй или Плимутъ, въ увѣренности, что при надлежащей бдительности успѣютъ съ восточнымъ вѣтромъ возвратиться къ мѣсту блокады прежде, чѣмъ большой и дурно управлявшійся французскій флотъ выйдетъ въ море.

Въ концѣ 1758 года Франція, удрученная сознаніемъ неудачъ на континентѣ, тревожимая и раззоряемая англійскими десантами на ея берега, особенно частыми въ этомъ году, увидѣвъ при этомъ, что денежныя средства не позволяютъ ей вести одновременно и континентальную и морскую войны, рѣшилась нанести прямой ударъ самой Англіи. Ея торговля была уничтожена, тогда какъ непріятельская процвѣтала. Лондонскіе купцы хвастались, что при управленіи Питта торговыя операціи слились съ военными и обогащались войною (*); и эта процвѣтавшая торговля давала душу и континентальной борьбѣ черезъ посредство денегъ, которыми она щедро надѣляла врага Франціи.

Въ это время Людовикомъ XV былъ призванъ къ власти новый министръ, Шуазель (Choiseul), человѣкъ дѣятельный и энергичный. Съ начала 1759 года шли приготовленія въ портахъ Океана и Канала. Въ Гаврѣ, Дюнкирхенѣ, Брестѣ и Рошфорѣ были построены плоскодонные бота для перевозки войскъ. Намѣревались посадить на нихъ до пятидесяти тысячъ человѣкъ для вторженія въ Англію, предназначая еще кромѣ того двѣнадцать тысячъ для высадки въ Шотландію. Снаряжены были двѣ эскадры, каждая почтенной силы, одна въ Тулонѣ, другая въ Брестѣ. Соединеніе обѣихъ эскадръ въ Брестѣ должно было быть первымъ шагомъ великаго предпріятія. Но послѣднее рушилось именно въ этой операціи, вслѣдствіе морскаго превосходства англичанъ, а также и вслѣдствіе того, что они владѣли Гибралтаромъ. Кажется невѣроятнымъ, что даже непреклонный и самоувѣренный Вилльямъ Питтъ, уже въ 1757 году, предлагалъ отдать Испаніи, въ вознагражденіе за помощь ея къ отвоева-

(*) Mahon: History of England.

нію у французовъ Минорки, «сторожевую башню», съ которой Англія наблюдаетъ за воднымъ путемъ между Средиземнымъ моремъ и Атлантикой. Къ счастью для Англіи Испанія отказалась. Въ 1759 году адмиралъ Боскауэнъ командовалъ англійскимъ Средиземноморскимъ флотомъ. При атакѣ французскихъ фрегатовъ на Тулонскомъ рейдѣ, нѣкоторые изъ его кораблей были такъ повреждены, что онъ отплылъ со всею эскадрою въ Гибралтаръ, для необходимыхъ исправленій; однако изъ предосторожности онъ разставилъ сторожевые фрегаты черезъ извѣстныя дистанціи и условился, чтобы они пушечными сигналами извѣстили его заблаговременно о приближеніи врага. Воспользовавшись его отсутствіемъ и во исполненіе полученныхъ приказаній, французскій коммодоръ Де ла Клю (De la Clue) вышелъ изъ Тулона съ двѣнадцатью линейными кораблями 5-го августа; и 17-го августа онъ былъ уже въ Гибралтарскомъ проливѣ, при свѣжемъ восточномъ вѣтрѣ, съ которымъ корабли его быстро вышли въ Атлантику. Все, казалось, благопріятствовало французамъ, такъ какъ густой туманъ и наступившая ночь скрывали ихъ корабли отъ береговыхъ наблюдателей, не препятствуя имъ въ то же время видѣть другъ друга; какъ вдругъ въ близкомъ отъ нихъ разстояніи вырисовался неожиданно англійскій фрегатъ. Какъ только послѣдній завидѣлъ флотъ, такъ, зная, что это долженъ быть непріятель, онъ направился къ берегу и началъ сигнальную стрѣльбу изъ орудій. Преслѣдованіе его было бы безполезнымъ, оставалось одно только бѣгство. Надѣясь избѣжать погони, которая, какъ онъ зналъ, должна была послѣдовать, французскій коммодоръ взялъ курсъ на вестъ-нордъ-вестъ въ открытое море, погасивъ всѣ огни; но по безпечности ли, или по злонамѣренности, — а на послѣднее намекаетъ одинъ французскій морской офицеръ, — пять изъ двѣнадцати кораблей взяли курсъ на сѣверъ и вошли въ Кадиксъ на другое утро, когда потеряли коммодора изъ виду. Де ла Клю былъ сильно смущенъ, когда увидѣлъ на разсвѣтѣ, что силы его уменьшились такимъ образомъ. Въ восемь часовъ вдали показались паруса, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ надѣялся, что это были его недостававшіе корабли. Но это были развѣдочные фрегаты флота Боскауэна,

который, въ числѣ четырнадцати линейныхъ кораблей, спѣшилъ въ погоню за непріятелемъ. Французы, построившись въ линію и держась въ крутой бейдевиндъ, обратились въ бѣгство; но конечно ихъ эскадренная скорость была менѣе, чѣмъ скорость быстрѣйшихъ англійскихъ кораблей. Въ ту эпоху въ англійскомъ флотѣ хорошо было усвоено общее правило для всѣхъ тѣхъ случаевъ погони, въ которыхъ преслѣдующій рѣшительно сильнѣе преслѣдуемаго; согласно этому правилу, строй долженъ былъ соблюдаться лишь настолько, чтобы отсталые корабли могли подойти своевременно на помощь; свалка въ такихъ случаяхъ конечно вполнѣ цѣлесообразна. Боскауэнъ и руководствовался этимъ правиломъ. Арьергардный корабль французовъ, съ другой стороны, благородно послѣдовалъ примѣру д'Этендюера, когда тотъ спасъ конвоировавшійся имъ караванъ коммерческихъ судовъ. Настигнутый въ два часа головнымъ англійскимъ кораблемъ и окруженный послѣ того четырьмя другими, онъ оказывалъ имъ въ теченіе пяти часовъ отчаянное сопротивленіе, которымъ могъ надѣяться не спасти себя, но задержать непріятеля достаточно долго для того, чтобы лучшіе ходоки французскаго флота успѣли уйти. Онъ настолько успѣлъ въ этомъ, что упомянутые французскіе корабли, благодаря поврежденіямъ, нанесеннымъ имъ непріятелю, и большей скорости своей, избѣжали въ этотъ день сраженія на близкой дистанціи, которое могло бы окончиться только плѣненіемъ ихъ. Когда арьергардный французскій корабль спустилъ свой флагъ, у него уже были сбиты всѣ три стеньги, бизань-мачта упала немедленно послѣ того, и корпусъ его былъ до такой степени полонъ водою, что онъ съ трудомъ держался на поверхности. Де Сабранъ (de Sabran), — таково достойное памяти имя командира этого корабля, — получилъ одиннадцать ранъ въ этомъ доблестномъ сопротивленіи, которымъ онъ такъ знаменательно иллюстрировалъ долгъ и службу арьергарда въ дѣлѣ задержки преслѣдующаго противника. Въ ту ночь два изъ французскихъ кораблей успѣли отойти далеко къ западу и такимъ образомъ ушли отъ непріятеля, и другіе четыре по прежнему продолжали бѣгство; но на слѣдующее утро коммодоръ, отчаявшись въ спасеніи, направился на португаль-

скій берегъ и приткнулся къ мели со всѣми кораблями, между Лагосомъ и мысомъ С. Винцентомъ. Англійскій адмиралъ послѣдовалъ за ними и атаковалъ ихъ, взявъ два и сжегши остальные, несмотря на нейтралитетъ Португаліи. За это оскорбленіе Англія не поплатилась ни чѣмъ, кромѣ формальнаго извиненія: Португалія была въ слишкомъ большой зависимости отъ Англіи, чтобы послѣдняя стала считаться съ нею. Питтъ, сносясь по этому поводу съ англійскимъ посланникомъ въ Лиссабонѣ, писалъ, что, успокоивая затронутое самолюбіе португальскаго правительства, не слѣдуетъ позволять ему думать, что взятые корабли будутъ возвращены французамъ или что отличившійся адмиралъ подвергнется взысканію.

Уничтоженіе, или разсѣяніе Тулонскаго флота остановило вторженіе въ Англію, хотя пять кораблей, прошедшихъ въ Кадиксъ, оставались предметомъ безпокойства для сэра Эдуарда Гауке, который крейсеровалъ передъ Брестомъ. Шуазель, лишенный возможности достигнуть своей главной цѣли, все еще держался мысли о вторженіи въ Шотландію. Французскій флотъ въ Брестѣ, подъ командою маршала де Конфланса, — морскаго офицера, несмотря на такой его титулъ, — состоялъ изъ двадцати линейныхъ кораблей, кромѣ фрегатовъ. Численность войскъ, предполагавшихся къ посадкѣ на суда, опредѣляется различно, отъ 15 до 20 тысячъ. Первоначально намѣревались конвоировать транспорты только пятью линейными кораблями и мелкими судами. Конфлансъ настаивалъ на томъ, что весь флотъ долженъ выйти въ море. Морской же министръ полагалъ, что адмиралъ недостаточно искусный тактикъ для того, чтобы сумѣть задержать движеніе непріятеля и тѣмъ обезпечить благополучное прибытіе транспортовъ къ мѣсту ихъ назначенія, близъ Кляйда, безъ риска рѣшительнаго столкновенія. Ожидая, поэтому, что должно состояться генеральное сраженіе, онъ считалъ, что лучше, чтобы оно имѣло мѣсто до отплытія войскъ, въ расчетѣ, что въ случаѣ бѣдственнаго для французовъ исхода, эти войска по крайней мѣрѣ не погибнутъ его жертвой, а въ случаѣ же исхода побѣдоноснаго, путь для нихъ будетъ очищенъ. Транспорты были собраны не въ Брестѣ, но въ портахъ, лежа-

щихъ къ югу отъ него, до устьевъ Луары. Такимъ образомъ французскій флотъ вышелъ въ море съ ожиданіемъ, и даже съ цѣлью, сразиться съ непріятелемъ; но не легко согласить его послѣдующее поведеніе ни съ этою цѣлью, ни съ тщательно обработанными боевыми инструкціями (*), данными адмираломъ до отплытія.

Около 5-го или 6-го ноября задулъ сильнѣйшій западный штормъ. Продержавшись противъ него въ теченіе трехъ дней, Гауке спустился и вошелъ въ Торбэй, гдѣ пережидалъ перемѣны вѣтра, держа свой флотъ наготовѣ къ отплытію при первой возможности. Тотъ же самый штормъ задерживалъ въ Брестѣ французскій флотъ, уже бывшій тамъ, и далъ въ то же время случай небольшой эскадрѣ, подъ начальствомъ Бомпара (Bompart), которая ожидалась тогда изъ Вестъ-Индіи, проскользнуть благополучно туда же, во время отсутствія Гауке. Конфлансъ приготовлялся дѣятельно; команду Бомпара онъ распредѣлилъ между своими кораблями, на которыхъ не было полнаго комплекта людей, и вышелъ въ море съ восточнымъ вѣтромъ, 14-го числа. Онъ сейчасъ же легъ на курсъ къ югу, льстя себя надеждою, что ушелъ отъ Гауке. Послѣдній, однако же, отплылъ изъ Торбэя 12-го; и хотя опять былъ отогнанъ вѣтромъ назадъ, вышелъ въ море во второй разъ 14-го, въ тотъ самый день, какъ Конфлансъ оставилъ Брестъ. Онъ скоро достигъ своей станціи и узналъ, что непріятель былъ усмотрѣнъ къ югу, идущимъ на востокъ, откуда легко заключилъ, что Конфлансъ направляется въ Квиберонскую бухту, и сообразно этому взялъ курсъ туда же, форсируя парусами. Около 11 часовъ вечера, 19-го, французскій адмиралъ опредѣлилъ свое счислимое мѣсто, въ семидесяти миляхъ къ SWtW отъ Белль-Иля (**); и такъ какъ снова задулъ свѣжій вѣтеръ отъ запада, то онъ направился на этотъ островъ, убавивъ паруса; вѣтеръ между тѣмъ продолжалъ крѣпчать и заходить къ вестъ-нордъ-весту. На разсвѣтѣ впереди показались нѣсколько кораблей, въ которыхъ признали англійскую эскадру коммодора Дэффа (Duff), блокировавшаго Квиберонъ. Сдѣланъ былъ сигналъ къ погонѣ, и англичане обратились въ бѣгство, раздѣлившись на двѣ дивизіи: одна спустилась

(*) Troude: Batailles Navales.

(**) См. планъ VIII.

по вѣтру, а другая придержалась къ югу. Большая часть французскаго флота осталась на своемъ прежнемъ курсѣ, идя за первою дивизіею, т. е. къ берегу; но одинъ корабль поднялся вслѣдъ за второю. Непосредственно послѣ этого арьергардные французскіе корабли сдѣлали сигналъ о томъ, что на вѣтрѣ показались паруса, которые были усмотрѣны также и съ салинга флагманскаго корабля. Это должно быть было около того же самаго момента, когда развѣдочный фрегатъ впереди англійскаго флота извѣстилъ своего адмирала о появленіи парусовъ подъ вѣтромъ. Бдительность Гауке привела его къ встрѣчѣ съ Конфлансомъ, который въ своихъ официальныхъ рапортахъ говоритъ, что считалъ невозможнымъ, чтобы въ сосѣдствѣ его могъ находиться непріятель съ силами, превосходящими его или даже лишь равными. Конфлансъ теперь приказалъ своей арьергардной дивизіи придержаться къ вѣтру для поддержки отдѣлившагося корабля. Еще нѣсколько моментовъ спустя, открыли, что флотъ на вѣтрѣ состоялъ изъ двадцати трехъ линейныхъ кораблей (противъ двадцати одного французскаго), изъ которыхъ нѣкоторые были трехдечные. Конфлансъ тогда отозвалъ назадъ шедшіе въ погоню корабли и изготовился къ бою. Ему надлежало опредѣлить свой образъ дѣйствій при обстоятельствахъ, которыхъ онъ не предвидѣлъ. Дулъ сильный вѣтеръ отъ вестъ-нордъ-веста, со всѣми признаками, что будетъ еще свѣжѣть; французскій флотъ былъ между недалекимъ отъ него подвѣтреннымъ берегомъ и непріятелемъ, значительно превосходившимъ его численно, такъ какъ кромѣ двадцати трехъ линейныхъ кораблей Гауке приходилось еще считаться съ четырьмя пятидесятипушечными кораблями Дэффа. Конфлансъ, поэтому, рѣшился вести свою эскадру въ Квиберонскую бухту, думая и надѣясь, что Гауке не осмѣлится послѣдовать за нимъ, при наличныхъ тогда условіяхъ погоды, въ бухту, описываемую французскими авторитетами, какъ содержащую банки и мели и опоясанную рифами, которые мореплаватель рѣдко видитъ безъ страха и никогда не проходитъ безъ волненія... И вотъ, посреди такихъ страшныхъ опасностей, сорокъ четыре большіе корабля были уже близки къ тому, чтобы сразиться въ свалкѣ (pell mell), такъ какъ

Планъ VIII.

Гауке (Hawke) и Конфлансъ, 1759 г.

Тип. Эд. Гоппе.

было слишкомъ мало мѣста для маневрированія флотовъ. Конфлансъ утѣшалъ себя надеждой, что войдетъ въ бухту первымъ и будетъ въ состояніи подняться близко подъ западный берегъ ея, заставивъ непріятеля, если тотъ послѣдуетъ за нимъ, занять позицію между нимъ и восточнымъ берегомъ, въ шести миляхъ подъ вѣтромъ. Ни одно изъ этихъ ожиданій не сбылось. При отступленіи онъ занялъ мѣсто впереди своего флота, — шагъ не неправильный, — такъ какъ только при такомъ положеніи своемъ могъ онъ точно показать, что̀ хотѣлъ дѣлать, но весьма невыгодный для его репутаціи въ глазахъ общества, какъ поставившій адмирала впереди бѣгущаго флота. Гауке ни мало и ни на одинъ моментъ не былъ смущенъ предстоявшими ему опасностями, серьезность которыхъ онъ, какъ искусный морякъ, вполнѣ понималъ; но онъ обладалъ темпераментомъ, столько же спокойнымъ и твердымъ, сколько отважнымъ, и взвѣшивалъ рискъ безъ увлеченія въ ту или другую сторону, не умаляя и не преувеличивая его. Онъ не оставилъ намъ своихъ соображеній, но онъ безъ сомнѣнія разсчитывалъ, что французы, идя впереди, отчасти послужатъ для него лоцманами и если приткнутся къ мели, то раньше его; онъ вѣрилъ, что по духу и по опытности его офицеры, испытанные въ суровой школѣ блокады, выше офицеровъ французскихъ; и онъ зналъ, что правительство и страна его требовали, чтобы флотъ непріятеля не достигъ благополучно другаго дружественнаго порта. Въ тотъ самый день, когда онъ такимъ образомъ преслѣдовалъ французовъ посреди опасностей и при условіяхъ, которыя сдѣлали это сраженіе однимъ изъ самыхъ драматическихъ морскихъ сраженій, его изображеніе сжигалось въ Англіи за то, что будто бы онъ позволилъ непріятелю уйти. Когда Конфлансъ, во главѣ своего флота, огибалъ Кардиналы (Cardinaux), — такъ называются самыя южныя скалы входа въ Квиберонскую бухту, — головные англійскіе корабли заставили французскій арьергардъ вступить въ бой. Это былъ другой случай общей погони, кончающійся обыкновенно свалкой, но при условіяхъ исключительнаго интереса и грандіозности, вслѣдствіе стеченія слѣдующихъ обстоятельствъ: штормоваго вѣтра, сильнаго волненія, близости подвѣтреннаго берега,

стремительной скорости подъ малыми парусами и большаго числа сражающихся кораблей. Одинъ французскій семидесяти четырехъ-пушечный корабль, близко тѣснимый нѣсколькими противниками, рѣшился открыть порты нижняго дека,— и вкатившимися туда волнами былъ потопленъ со всѣми на немъ людьми, кромѣ двадцати человѣкъ. Другой корабль былъ потопленъ выстрѣлами съ флагманскаго корабля Гауке. Еще два корабля, одинъ изъ нихъ подъ вымпеломъ коммодора, спустили флаги. Остальные были разсѣяны. Семь кораблей бѣжали по направленію къ сѣверо-востоку и стали на якорь въ устьѣ маленькой рѣки Вилэны (Vilaine), въ которую успѣли войти въ высокую воду двухъ приливовъ, — подвигъ, никогда до тѣхъ поръ не совершавшійся. Семь другихъ кораблей укрылись въ Рошфорѣ, къ юго-востоку. Одинъ изъ нихъ, будучи сильно поврежденъ, сталъ на мель и погибъ близъ устьевъ Луары. Флагманскій корабль, носившій то же самое имя, *Royal Sun*, какъ и корабль Турвиля, сгорѣвшій при Ла-Хогѣ, сталъ на якорь, при наступленіи ночи, у Круазика (Croisic), немного къ сѣверу отъ Луары, гдѣ и простоялъ благополучно до утра. Съ разсвѣтомъ адмиралъ увидѣлъ себя одинокимъ и, — что можетъ показаться слишкомъ поспѣшнымъ, — выбросился на мель для того, чтобы не отдаться въ руки англичанъ. Этотъ поступокъ порицался французами, но напрасно, такъ какъ Гауке никогда бы не позволилъ ему уйти. Большой французскій флотъ былъ уничтоженъ, такъ какъ четырнадцать кораблей, не взятыхъ непріятелемъ или не разбившихся, раздѣлились, какъ мы видѣли, на двѣ группы; и тѣ, которые вошли въ Вилэну, должны были оставаться тамъ отъ пятнадцати мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ, выходя оттуда не болѣе, какъ по два одновременно. Англичане потеряли два корабля, которые сѣли на мель (a) и были совершенно разбиты; потери же ихъ собственно въ сраженіи были очень незначительны. Съ наступленіемъ ночи Гауке расположился со своимъ флотомъ и боевыми призами въ положеніе, показанное на планѣ буквой (b).

Съ истребленіемъ Брестскаго флота для Франціи исчезла всякая возможность вторженія въ Англію. Описанная битва 20-го ноября 1759 года была Трафальгаромъ этой войны; и хотя

блокада остатковъ французскаго флота, стоявшихъ въ Вилэнѣ и Рошфорѣ, еще и поддерживалась, англійскіе флоты были теперь свободны для дѣйствій противъ колоній Франціи, а позднѣе и противъ колоній Испаніи, болѣе энергично, чѣмъ когда-либо прежде. Тотъ же самый годъ, который видѣлъ эту большую морскую битву и паденіе Квебека, былъ также свидѣтелемъ взятія англичанами Гваделупы въ Вестъ-Индіи и Гори (Goree) на западномъ берегу Африки, а также исчезновеніе съ остъ-индскихъ морей французскаго флага послѣ трехъ нерѣшительныхъ сраженій между коммодоромъ Д'Аше (D'Aché) и адмираломъ Пококомъ (Pocock), — исчезновеніе, которое необходимо привело къ паденію французскаго вліянія въ Индіи, съ тѣмъ, чтобы оно никогда затѣмъ уже не поднималось. Въ этомъ же году умеръ король Испаніи и ему наслѣдовалъ братъ его, подъ именемъ Карла III. Этотъ Карлъ былъ Неаполитанскимъ королемъ въ то самое время, когда англійскій коммодоръ далъ правительству его только одинъ часъ на размышленіе въ вопросѣ объ отозваніи неаполитанскихъ войскъ изъ испанской арміи. Онъ никогда не забывалъ этого униженія и принесъ съ собою и на тронъ Испаніи недружелюбное отношеніе къ Англіи. При такихъ чувствахъ съ его стороны Франція и Испанія дѣйствовали заодно болѣе охотно. Первымъ шагомъ Карла было предложеніе посредничества, но Питтъ былъ противъ этого. Смотря на Францію, какъ на главнаго врага Англіи, а на море и на колоніи, какъ на главный источникъ силы и богатства, онъ желалъ теперь, разъ что взялъ уже надъ нею верхъ, ослабить ее совершенно на будущее время, такъ же, какъ и въ настоящемъ, и на развалинахъ ея прочнѣе утвердить величіе Англіи. Позднѣе онъ предложилъ ей нѣкоторыя условія, но вліяніе фаворитки Людовика, привязанной къ императрицѣ Австріи, заставило послѣдняго настаивать на исключеніи участія Пруссіи въ переговорахъ, а Англія не хотѣла допустить это исключеніе. Да Питтъ, въ дѣйствительности, и не былъ еще готовъ къ миру. Годъ спустя, 25-го октября 1760 года, Георгъ II умеръ, и вліяніе Питта начало тогда падать, такъ какъ новый король былъ менѣе склоненъ къ войнѣ. Въ теченіе 1759 и 1760 годовъ Фридрихъ Великій все еще продол-

жалъ смертоносную и раззорительную войну своего маленькаго королевства противъ великихъ государствъ, ополчившихся на него соединенными силами. Былъ моментъ, когда дѣло его казалось такъ безнадежно, что онъ готовъ былъ на самоубійство; но продолженіе имъ войны отвлекало вниманіе Франціи отъ Англіи и отъ моря.

Быстро приближался часъ тѣхъ большихъ колоніальныхъ экспедицій, которыя ознаменовали послѣдній годъ войны торжествомъ морской силы Англіи надъ Франціей и надъ Испаніей вмѣстѣ. Но сперва необходимо ознакомиться съ совершенно однородной исторіей вліянія этой морской силы на событія въ Индостанѣ.

Выше уже говорилось объ отозваніи Дюплекса и о совершенномъ отреченіи Франціи отъ его политики, результатомъ которой было то, что обѣ Остъ-Индскія компаніи стали въ равныя условія. Однако условія договора 1754 года не исполнялись въ точности. Маркизъ де Бюсси (de Bussy), храбрый и способный солдатъ, бывшій помощникомъ Дюплекса и всецѣло согласный съ его политикой и его притязаніями, оставался въ Деканѣ, — большой странѣ, на югѣ центральной части полуострова, надъ которой Дюплексъ былъ нѣкогда правителемъ. Въ 1756 году возникли недоразумѣнія между англичанами и туземнымъ раджей въ Бенгаліи. Набобъ этой провинціи умеръ, и его преемникъ, молодой человѣкъ девятнадцати лѣтъ, атаковалъ Калькутту. Городъ сдался послѣ недѣли сопротивленія, въ іюнѣ мѣсяцѣ, и за покореніемъ его послѣдовала знаменитая трагедія, извѣстная подъ именемъ трагедіи Калькуттской темницы (Black Hole of Calcutta). Вѣсти объ этомъ достигли Мадраса въ августѣ мѣсяцѣ, и Кляйвъ, котораго имя уже упоминалось выше, отплылъ туда съ флотомъ адмирала Ватсона, послѣ долгой и пагубной проволочки. Флотъ вошелъ въ рѣку въ декабрѣ мѣсяцѣ и появился передъ Калькуттою въ январѣ, когда она опять попала въ руки англичанъ, такъ же легко, какъ легко была сдана ими противнику.

Набобъ сильно разгнѣвался и двинулся противъ англичанъ, пославъ въ то же время, приглашеніе къ французамъ, бывшимъ

въ Чандернагорѣ, присоединиться къ нему. Хотя было извѣстно о войнѣ между Англіею и Франціею, но французская компанія, вопреки опыту 1744 года, еще слабо надѣялась, что между сю и англійскою компаніею можетъ быть сохраненъ миръ; поэтому она отвѣтила на приглашеніе Набоба отказомъ и предложила англійской компаніи соблюдать нейтралитетъ. Кляйвъ высадилъ войска на берегъ, встрѣтилъ силы туземцевъ и разбилъ ихъ; Набобъ сразу просилъ мира и даже союза съ Англіею, отказавшись отъ всѣхъ своихъ притязаній, въ силу которыхъ сначала сдѣлалъ нападеніе на Калькутту. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній его предложенія были приняты. Кляйвъ и Ватсонъ обратились тогда противъ Чандернагора и принудили французское поселеніе къ сдачѣ.

Набобъ, который не думалъ позволить это, почувствовалъ себя оскорбленнымъ и вошелъ въ сношенія съ Бюсси въ Деканѣ. Кляйвъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о различныхъ его интригахъ, — которыя велись съ колебаніями, присущими характеру столько же слабому, сколько и вѣроломному, — и, видя, что при правленіи этого человѣка не можетъ быть надежды на устойчивый миръ или спокойную торговлю, составилъ обширный заговоръ, — въ детали котораго здѣсь нѣтъ нужды входить, — съ цѣлью сверженія Набоба съ трона. Результатомъ было то, что война снова разразилась и что Кляйвъ, съ тремя тысячами человѣкъ, треть которыхъ были англичане, встрѣтилъ Набоба во главѣ пятнадцати тысячъ всадниковъ и тридцати пяти тысячъ пѣхотинцевъ. Перевѣсъ непріятеля въ артиллеріи былъ почти такъ же великъ. И вотъ, при такихъ то неравныхъ шансахъ было дано и выиграно Кляйвомъ сраженіе при Пляссп (Plassey), 23-го іюня 1757 года, — день, съ котораго общепринято считать начало британскаго владычества въ Индіи. За сверженіемъ Набоба съ трона послѣдовало возведеніе на послѣдній одного изъ заговорщиковъ противъ него, который былъ креатурой Англіи и опирался на нее, какъ на поддержку. Бенгалія такимъ образомъ перешла подъ контроль Великобританіи, сдѣлавшись первымъ плодомъ ея дѣятельности въ Индіи. «Кляйвъ», говоритъ одинъ французскій историкъ, «понялъ и приложилъ къ дѣлу систему Дюплекса».

Это правда; но можно также сказать и то, что основаніе, такимъ образомъ заложенное, никогда не было бы ни сохранено, ни увѣнчано зданіемъ развитія англійскаго господства, если бы Англія не владѣла моремъ. Условія Индіи были таковы, что горсть европейцевъ, руководимыхъ людьми энергичными и проницательными, — раздѣляя то, что задумывала завоевать, и помогая своимъ успѣхамъ разумными союзами, — была способна удержать за собою свое, и даже болѣе, несмотря на подавляющее численное превосходство туземцевъ; но было необходимо, чтобы этимъ европейцамъ не могли противодѣйствовать люди одинаковаго съ ними свойства, горсть которыхъ могла бы перетянуть чашу вѣсовъ на другую сторону. Въ то самое время, какъ Кляйвъ дѣйствовалъ въ Бенгаліи, Бюсси вторгся въ Ориссу, захватилъ англійскія факторіи и подчинилъ себѣ значительную часть побережья странъ между Мадрасомъ и Калькуттой; въ то же время французская эскадра изъ девяти кораблей, бо́льшая часть которыхъ, впрочемъ, принадлежала Остъ-Индской компаніи и не представляла первоклассныхъ военныхъ кораблей, была на пути къ Пондишери съ двѣнадцатью сотнями регулярныхъ войскъ, — огромная европейская армія для операцій въ Индіи въ тѣ дни. Англійская морская сила, стоявшая у береговъ Индіи, хотя численно и меньшая приближавшейся французской эскадры, могла, однако, считаться почти равной ей по боевымъ даннымъ. Едва ли слишкомъ много сказать, что будущее Индіи было еще неизвѣстно, и первыя операціи показали это.

Французская дивизія появилась близъ Коромандельскаго берега, къ югу отъ Пондишери, 26-го апрѣля 1758 года, и стала на якорь 28-го, передъ англійской станціей, называвшейся фортомъ Св. Давида. Два корабля направились къ Пондишери, съ новымъ губернаторомъ, графомъ де Лалли (Lally), который желалъ сейчасъ же основаться въ своей резиденціи. Между тѣмъ англійскій адмиралъ Пококъ, получивъ свѣдѣнія о приходѣ непріятеля и боясь особенно за этотъ постъ, былъ на пути къ нему и показался 29-го апрѣля — прежде, чѣмъ два упомянутые корабля скрылись изъ виду. Французы сейчасъ же снялись съ якоря и направились въ море на правомъ галсѣ

(планъ V а), по курсу на сѣверо-востокъ, — при юго-восточномъ вѣтрѣ, — сдѣлавъ сигналы, отзывавшіе назадъ корабль и фрегатъ (а), которые сопровождали Лалли. Но, по приказанію послѣдняго, на сигналъ не было обращено вниманія, — поступокъ, который долженъ былъ увеличить, если не породилъ, дурныя отношенія между губернаторомъ и коммодоромъ Д'Аше, бывшія причиной неудачи французской кампаніи въ Индіи. Англійскій флотъ, построившись въ линію на вѣтрѣ, на томъ же галсѣ, какъ французскій, атаковалъ его обычнымъ въ то время способомъ и съ обычными же результатами. По сигналу, семь англійскихъ кораблей должны были спуститься одновременно для атаки восьми французскихъ; и четыре головные корабля, въ томъ числѣ адмиральскій, вступили въ бой въ полномъ согласіи; послѣдніе же три, — по собственной ли ошибкѣ или нѣтъ, — запоздали выполнить маневръ; но надо помнить, что въ такихъ атакахъ подобное запаздываніе почти всегда имѣетъ мѣсто. Французскій коммодоръ, видя образовавшійся такимъ образомъ промежутокъ между авангардомъ и арьергардомъ противника, составилъ планъ раздѣленія ихъ и сдѣлалъ своимъ кораблямъ сигналъ повернуть черезъ фордевиндъ всѣмъ вмѣстѣ, но въ нетерпѣливой горячности не дождался отвѣта. Положивъ руль на вѣтеръ, онъ повернулъ черезъ фордевиндъ, и этому движенію его вторили послѣдовательно арьергардные корабли, тогда какъ авангардъ остался на томъ же курсѣ. Англійскій адмиралъ, который имѣлъ данныя знать обстоятельства, отзывается о Д'Аше благопріятнѣе, чѣмъ французскіе писатели, такъ какъ описываетъ этотъ маневръ слѣдующимъ образомъ: —

„Въ $4^{1}/_{2}$ часа пополудни арьергардъ французской линіи стянулся весьма близко къ флагманскому кораблю. Нашимъ тремъ арьергарднымъ кораблямъ былъ данъ сигналъ сражаться, приблизившись къ непріятелю. Вскорѣ послѣ того Д'Аше разорвалъ линію и спустился на фордевиндъ; слѣдующій за нимъ корабль, который держался большую часть сраженія на раковинѣ *Yarmouth'а* (англійскій флагманскій корабль), тогда прошелъ по борту его, обстрѣливая его при этомъ, и затѣмъ спустился на фордевиндъ; а черезъ нѣсколько минутъ спустился также на фордевиндъ и непріятельскій авангардъ“.

По этому описанію, которое никоимъ образомъ не противорѣчитъ описаніямъ французовъ, послѣдніе исполнили маневръ со-

средоточенія огня на флагманскій англійскій корабль, дефилируя мимо него. Французы направились теперь къ своимъ двумъ отдѣлившимся кораблямъ, тогда какъ англійскія суда, участвовавшія въ бою, потерпѣли слишкомъ серьезныя аваріи, чтобы слѣдовать за ними. Этотъ бой помѣшалъ англійскому флоту освободить фортъ Св. Давида, который сдался 2-го іюня.

Послѣ этого обѣ эскадры противниковъ, сдѣлавъ необходимыя исправленія въ соотвѣтствующихъ портахъ, встрѣтились снова въ августѣ мѣсяцѣ, при чемъ произошло второе сраженіе, почти при такихъ же обстоятельствахъ, какъ первое, и во многихъ отношеніяхъ сходное съ нимъ. Французскій флагманскій корабль встрѣтился съ рядомъ непредвидѣнныхъ случайностей, которыя заставили коммодора прекратить бой; но объясненіе основаній его дальнѣйшаго поведенія въ высшей степени поучительно, какъ указывающее на неизбѣжность пораженія французовъ въ Индіи. «Благоразуміе», говоритъ одинъ его соотечественникъ, «предписывало ему не продолжать болѣе сраженія, изъ котораго его корабли могли выйти не иначе, какъ съ поврежденіями, весьма трудно исправимыми въ странѣ, гдѣ было невозможно пополнить недостатокъ почти во всѣхъ запасныхъ матеріалахъ». Этотъ недостатокъ матеріаловъ, абсолютно необходимыхъ для надежности флота, выставляетъ въ яркомъ свѣтѣ ту роковую наклонность къ экономіи, которая всегда характеризовала французскія операціи въ морѣ и была столько же знаменательна, сколько и пагубна для нихъ.

Возвратившись въ Пондишери, Д'Аше нашелъ, что хотя поврежденія въ рангоутѣ и такелажѣ и можно было на этотъ разъ исправить, но что оказался недостатокъ въ провіантѣ и что корабли необходимо проконопатить. Несмотря на то, что ему даны были приказанія оставаться у этихъ береговъ до 15-го октября, онъ заручился мнѣніемъ военнаго совѣта, который рѣшилъ, что корабли не могутъ оставаться тамъ дольше, потому что, въ случаѣ третьяго сраженія, въ Пондишери не останется больше ни такелажа, ни другихъ корабельныхъ припасовъ, и, вопреки протестамъ губернатора Лалли, отплылъ 2-го сентября въ Иль де Франсъ. Извѣстно, что скры-

тымъ побужденіемъ къ такому поступку Д'Аше была вражда его съ губернаторомъ, съ которымъ онъ ссорился постоянно. Лалли, лишенный помощи эскадры, обратилъ свое оружіе внутрь страны, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ Мадраса.

Прибывъ на острова, Д'Аше нашелъ тамъ положеніе дѣлъ, которое также рельефно характеризуетъ немощность и близорукость общей морской политики Франціи въ ту эпоху. Его прибытіе туда было такъ же нежелательно, какъ нежелателенъ былъ для Лалли его уходъ изъ Индіи. Острова были тогда въ состояніи крайней нужды. Морская дивизія, увеличенная еще прибытіемъ трехъ линейныхъ кораблей изъ Франціи, такъ истощила ихъ, что коммодора настоятельно просили о немедленномъ отплытіи. Съ исправленіями поспѣшили, какъ только возможно, и въ ноябрѣ нѣсколько кораблей отплыли за провизіей къ мысу Доброй Надежды, — тогда голландской колоніи; но и эта провизія, скоро по полученіи ея, иссякла, и настоянія объ отплытіи эскадры возобновились. Положеніе кораблей было не менѣе критическимъ, чѣмъ положеніе колоніи, и согласно этому коммодоръ возражалъ противъ требованія ея, ссылаясь на полный недостатокъ провіанта и другихъ припасовъ для плаванія. Обстоятельства въ самомъ дѣлѣ были таковы, что нѣсколько времени спустя пришлось изготовлять бѣгучій такелажъ изъ распущенныхъ якорныхъ канатовъ и совсѣмъ разружить нѣкоторые корабли для того, чтобы снятый съ нихъ матеріалъ пошелъ на другіе корабли. Прежде возвращенія въ Индію Д'Аше написалъ морскому министру, что «готовится къ отплытію только для того, чтобы спасти экипажъ отъ голодной смерти и что ничего нельзя ожидать отъ эскадры, если не будутъ присланы необходимые припасы, такъ какъ люди и матеріальная часть кораблей находятся въ плачевномъ состояніи».

При такихъ обстоятельствахъ, Д'Аше отплылъ съ острововъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1759 года и прибылъ къ Коромандельскому берегу въ сентябрѣ. Въ теченіе года его отсутствія Лалли два мѣсяца держалъ Мадрасъ въ осадѣ, во время сѣверо-восточнаго муссона. Обѣихъ эскадръ тогда не было здѣсь, такъ какъ

время года не благопріятствовало морскимъ операціямъ у этого берега; но англійская эскадра съ наступленіемъ новаго сезона возвратилась первая и, по словамъ французскихъ писателей, заставила снять осаду, а по словамъ англійскихъ только ускорила это снятіе. Д'Аше возвратился въ Индію съ флотомъ, превосходящимъ англійскій и по числу и по величинѣ кораблей; но когда противники встрѣтились, то Пококъ не задумался атаковать одиннадцать французскихъ кораблей со своими девятью; это сраженіе, состоявшееся 10-го сентября 1759 года, было такимъ же нерѣшительнымъ, какъ и два первыя, но Д'Аше все-таки отступилъ послѣ кровавой схватки. По поводу этого Кэмпбелль, въ своемъ трудѣ «Lives of the Admirals», дѣлаетъ комическое, но серьезное по тону, замѣчаніе: «Пококъ привелъ французскіе корабли въ весьма печальное состояніе и погубилъ много команды на нихъ; но что указываетъ на особенные таланты обоихъ адмираловъ, такъ это то, что они сходились три раза въ жаркихъ бояхъ въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ, не потерявъ ни одного корабля ни съ той, ни другой стороны». Плоды побѣды, однако, достались слабѣйшему флоту; такъ какъ Д'Аше возвратился въ Пондишери и оттуда отплылъ 1-го числа слѣдующаго мѣсяца на острова, предоставивъ Индію ея судьбѣ. Съ этого времени результатъ опредѣлился. Англичане продолжали получать подкрѣпленія изъ Европы, тогда какъ французы не получали таковыхъ; люди, съ которыми приходилось бороться Лалли, превосходили его по способностямъ; одинъ постъ за другимъ сдавался англійскому оружію, и въ январѣ 1761 года сдался и самый Пондишери, окруженный съ суши и отрѣзанный съ моря. Это событіе довершило паденіе французскаго вліянія въ Индіи, такъ какъ хотя Пондишери и другія владѣнія и были возвращены затѣмъ Франціи по мирному договору, но первенство Англіи тамъ уже никогда послѣ того не было потрясено, — даже атаками искуснаго и смѣлаго Сюффрена (Suffren), который двадцать лѣтъ спустя встрѣтилъ такія же затрудненія, какъ и Д'Аше, но съ энергіей и находчивостью, не выказанными послѣднимъ и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Такъ какъ Франція, такимъ образомъ, потеряла Канаду и

Индію вслѣдствіе очевидной неспособности къ операціямъ на дальнихъ моряхъ, то казалось едва возможнымъ, что Испанія, при ея слабомъ флотѣ и широко разбросанныхъ владѣніяхъ, изберетъ именно этотъ моментъ для принятія участія въ войнѣ. Тѣмъ не менѣе это было такъ. Морское истощеніе Франціи было ясно всѣмъ и обильно засвидѣтельствовано ея морскими историками. «Средства Франціи были истощены», говоритъ одинъ изъ нихъ; «въ 1761 году только нѣсколько единичныхъ кораблей вышли изъ портовъ, и всѣ были взяты въ плѣнъ. Союзъ съ Испаніею состоялся слишкомъ поздно. Случайные корабли, которые выходили въ море въ 1762 году, попадали въ руки врага, и колоніи, какія еще оставались у Франціи, не могли быть спасены» (*). Даже еще въ 1758 году другой французскій писатель говорилъ: «Недостатокъ денегъ, угнетеніе торговли англійскими крейсерами, недостатокъ хорошихъ кораблей, недостатокъ припасовъ и т. д. принудили французское министерство, бывшее не въ состояніи снарядить большія силы, прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и избрать вмѣсто единственной раціональной системы войны, Большой Войны (Grand War), мельчайшую изъ мелкихъ войнъ—родъ игры, въ которой серьезная цѣль не можетъ быть достигнута. Даже тогда на прибытіе въ Луисбургъ четырехъ линейныхъ кораблей, избѣжавшихъ встрѣчи съ непріятелемъ, смотрѣли какъ на очень счастливое событіе... Въ 1759 году благополучное прибытіе вестъ-индскаго каравана коммерческихъ судовъ было столько же радостно, сколько и неожиданно для купцовъ. Мы видимъ отсюда, какъ рѣдки были такія удачи для французовъ на моряхъ, гдѣ господствовали эскадры Англіи» (**). Это было до бѣдствій де Ла Клю и Конфланса. Уничтоженіе французской торговли, начавшееся захватомъ судовъ ея, было завершено отнятіемъ у нея многихъ колоній. Едва ли, поэтому, можно допустить, что семейный договоръ, — состоявшійся теперь между двумя дворами и не только обязавшій ихъ ко взаимной поддержкѣ во всякой будущей войнѣ, но и тайно вынуждавшій Испанію объявить войну Англіи до исте-

(*) Troude: Batailles Navales de la France. (**) Lapeyrouse-Bonfils.

ченія года, если миръ не будетъ заключенъ, «дѣлалъ честь мудрости обоихъ правительствъ». Трудно извинить не только испанское правительство, но даже и Францію, за вовлеченіе родственнаго народа въ такую плохую для него сдѣлку. Надѣялись, однако, оживить французскій флотъ и побудить къ участію въ союзѣ нѣкоторыя нейтральныя державы, изъ которыхъ многія и кромѣ Испаніи имѣли причины жаловаться на Англію. «Въ теченіе войны съ Франціей», признается англійскій историкъ, «испанскій флагъ не всегда встрѣчалъ уваженіе со стороны великобританскихъ крейсеровъ» (*). «Въ теченіе 1758 года», говоритъ другой, «не менѣе ста семидесяти шести нейтральныхъ судовъ, нагруженныхъ богатыми произведеніями французскихъ колоній или военными и морскими припасами, попали въ руки Англіи» (**). Очевидно тогда уже дѣйствовали тѣ причины, которыя двадцать лѣтъ спустя привели къ «вооруженному нейтралитету» прибалтійскихъ державъ, направленному противъ притязаній Англіи на морѣ. Обладаніе силою неограниченною, какою морская сила Англіи тогда и была въ дѣйствительности, рѣдко уживается съ глубокимъ уваженіемъ къ правамъ другихъ. Англіи, при отсутствіи соперника въ океанѣ, было выгодно, чтобы грузъ непріятеля на нейтральныхъ судахъ подлежалъ захвату, отчего торговля нейтральныхъ державъ не только сильно усложнялась, но и несла значительныя потери; совершенно по такой же причинѣ было для нея выгодно раньше установить на бумагѣ блокаду французскихъ портовъ. Нейтральныя державы, конечно, возмутились противъ такихъ требованій, но 1761 годъ былъ неудачно избранъ для вооруженнаго протеста, и изъ всѣхъ державъ Испанія наиболѣе рисковала въ войнѣ. Англія имѣла тогда сто двадцать линейныхъ кораблей въ кампаніи, кромѣ состоявшихъ въ резервѣ, при экипажѣ въ семьдесятъ тысячъ матросовъ, обученныхъ и закаленныхъ пятью годами постоянной войны на морѣ и возбужденныхъ побѣдами. Флотъ Франціи, который насчитывалъ семьдесятъ семь линейныхъ кораблей въ 1758 году, потерялъ, вслѣдствіе захватовъ Англіи въ 1759 году,

(*) Mahon: History of England. (**) Campbell: Lives of the Admirals.

двадцать семь изъ нихъ, кромѣ восьми уничтоженныхъ непріятелемъ и многихъ погибшихъ фрегатовъ; въ самомъ дѣлѣ, какъ мы уже видѣли, сами французскіе писатели признавали, что флотъ ихъ былъ разрушенъ въ конецъ. Испанскій флотъ насчитывалъ около пятидесяти кораблей; но личный составъ его, если только онъ не отличался весьма сильно отъ того, какимъ онъ былъ до и послѣ разсматриваемой эпохи, долженъ былъ очень уступать англійскому. Слабость Испанскаго государства, при отсутствіи сильнаго флота, была уже указана выше. Нейтралитетъ, хотя по временамъ и нарушаемый, былъ для нея весьма выгоденъ, позволяя ей возстановлять ея финансы и торговлю и поправлять внутренніе рессурсы; но ей нужно было еще продлить его. Несмотря на то, король, подъ вліяніемъ семейныхъ чувствъ и затаенной обиды противъ Англіи, дозволилъ хитрому Шуазелю увлечь себя, и семейный договоръ между двумя коронами былъ подписанъ 15-го августа 1761 года. Этотъ договоръ, въ которомъ долженъ былъ также участвовать Неаполитанскій король, гарантировалъ ихъ взаимныя владѣнія всею силою обоихъ королевствъ. Это было само по себѣ серьезное предпріятіе; но затѣмъ тайная статья договора обязывала Испанію объявить войну Англіи 1-го мая 1762 года, если къ тому времени послѣднею не будетъ заключенъ миръ съ Франціей. Переговоры такого характера не могли держаться совершенно въ тайнѣ, и Питтъ узналъ достаточно для того, чтобы убѣдиться во враждебности намѣреній Испаніи по отношенію къ Англіи. Со своею обычною надменною рѣшимостью онъ задумалъ предупредить ее объявленіемъ войны, но вліяніе противъ него въ совѣтахъ новаго короля было слишкомъ сильно. Не успѣвъ склонить на свою сторону министерство, онъ отказался отъ своего поста 5-го октября 1761 года. Его предвидѣнія скоро оправдались: Испанія горячо показывала свою доброжелательность до тѣхъ поръ, пока не пришли изъ Америки корабли съ звонкою монетою, столь необходимою для веденія войны. 21-го сентября флотъ галіоновъ сталъ на якорь въ Кадиксѣ; и 2-го ноября британскій посланникъ извѣстилъ свое правительство, что «два корабля благополучно прибыли съ весьма цѣнными грузами изъ Вестъ-Индіи,

такъ что всѣ сокровища, которыя ожидались изъ Испанской Америки, находятся теперь въ безопасности въ старой Испаніи», и въ той же самой депешѣ упомянулъ объ удивительной перемѣнѣ въ отношеніяхъ къ нему испанскаго министра, сдѣлавшагося теперь весьма надменнымъ (*). Жалобы и притязанія Испаніи высказывались рѣшительно, и поводы къ ссорѣ росли такъ быстро, что даже новое англійское министерство, хотя и горячо желавшее мира, отозвало своего посланника до конца года и объявило войну 4-го января 1762 года; политика Питта была такимъ образомъ принята, но слишкомъ поздно для того, чтобы собрать ту выгодную жатву, на которую онъ разсчитывалъ.

Однако никакая медлительность со стороны Англіи не могла измѣнить существенное неравенство въ силѣ и подготовкѣ къ войнѣ между двумя державами. Планы, составленные Питтомъ, были въ главныхъ чертахъ приняты его преемникомъ и приводились въ исполненіе съ быстротою, какую позволяла готовность англійскаго флота. 5-го марта Пококъ, возвратившійся изъ Остъ-Индіи, отплылъ изъ Портсмута, конвоируя отрядъ транспортовъ для дѣйствій противъ Гаванны; въ Вестъ-Индіи онъ взялъ еще подкрѣпленія изъ стоявшихъ тамъ силъ, такъ что подъ его командой было теперь девятнадцать линейныхъ кораблей, кромѣ меньшихъ судовъ, и десять тысячъ солдатъ.

Въ январѣ предшествовавшаго года вестъ-индскій флотъ, подъ командою хорошо извѣстнаго Роднея, участвовалъ съ сухопутными силами въ покореніи Мартиники, жемчужины и оплота среди французскихъ островов, а также гавани обширной приватирской системы. Мы читаемъ, что тысяча четыреста англійскихъ коммерческихъ судовъ были захвачены въ теченіе войны въ вестъ-индскихъ моряхъ крейсерами, которыхъ главнымъ портомъ былъ Фортъ-Рояль (Fort Royal) на Мартиникѣ. Съ паденіемъ этого порта необходимо должна была пасть и приватирская система, опиравшаяся на него, какъ на базу. Мартиника была покорена 12-го февраля, и за потерею Франціею этого главнаго коммерческаго и военнаго центра немедленно послѣдовала и потеря меньшихъ острововъ, Гре-

(*) Mahon: History of England.

нады, С. Лючіи и С. Винцента. Этими завоеваніями англійскія колоніи на Антигуѣ, С. Киттсѣ (St. Kitts) и Невисѣ (Nevis), такъ же, какъ и корабли, имѣвшіе торговыя сношенія съ этими островами, были обезпечены отъ посягательствъ непріятеля; англійская торговля получила большія пріобрѣтенія, и всѣ Малые Антильскіе, или Навѣтренные, острова сдѣлались британскими владѣніями.

Вестъ-Индское подкрѣпленіе присоединилось къ адмиралу Пококу у мыса Св. Николая 27-го мая, и такъ какъ время было уже позднее, то онъ повелъ свой большой флотъ черезъ старый Багамскій каналъ, вмѣсто того, чтобы идти обыкновеннымъ путемъ, кругомъ южнаго берега Кубы. Это плаваніе правильно считалось большимъ подвигомъ въ тѣ дни скудныхъ гидрографическихъ изслѣдованій и было совершено безъ случайностей. Развѣдочныя и промѣрныя суда были посланы впередъ, за ними слѣдовали фрегаты, и на отмеляхъ были поставлены на якоряхъ шлюпки, при тщательной организаціи дневныхъ и ночныхъ сигналовъ. При благопріятной погодѣ флотъ прошелъ черезъ каналъ благополучно въ одну недѣлю и появился передъ Гаванной. Послѣдовавшія операціи не будутъ здѣсь описаны въ деталяхъ. Послѣ сорокадневной осады фортъ Моро (Moro Castle) былъ взятъ 30-го іюля, и городъ сдался 10-го августа. Испанцы потеряли не только городъ и портъ, но и двѣнадцать линейныхъ кораблей, кромѣ 3 000 000 фунтовъ стерлинговъ деньгами и цѣнными предметами, принадлежавшими испанскому королю. Значеніе Гаванны не должно было измѣряться только ея величиною или ея центральнымъ положеніемъ посреди большой и хорошо воздѣланной области; это былъ также портъ, командовавшій единственнымъ путемъ, черезъ который въ тѣ дни могли совершать плаваніе отъ Мексиканскаго залива до Европы испанскія суда, нагруженныя золотомъ и другими товарами. При переходѣ Гаванны въ руки непріятеля, эти суда необходимо должны были собираться въ Картагенѣ и оттуда лавировать противъ пассатныхъ вѣтровъ, — операція всегда трудная и удерживавшая суда долго въ тѣхъ водахъ, гдѣ они подвергались риску захвата англійскими крейсерами. Даже нападеніе на берега перешейка не

было бы такимъ серьезнымъ ударомъ для Испаніи. Такой важный результатъ могъ быть достигнутъ только державою, увѣренною въ обезпеченіи ея сообщеній черезъ посредство морской силы, которой счастливый исходъ дѣла долженъ быть всецѣло приписанъ и которой значеніе знаменательно иллюстрируется еще своевременной перевозкой четырехъ тысячъ американскихъ солдатъ для подкрѣпленія англійскихъ рядовъ, весьма сильно опустошенныхъ сраженіемъ и лихорадкой. Говорятъ, что къ тому времени, когда городъ палъ, у осаждавшихъ оставалось на ногахъ только двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ, годныхъ къ службѣ.

Въ то время, какъ энергія и широкая сфера дѣятельности морской силы Англіи сказалась такимъ образомъ въ Вестъ-Индіи, эта сила заявила о себѣ еще въ Португаліи и на дальнемъ Востокѣ. Союзныя державы въ началѣ войны приглашали Португалію присоединиться къ ихъ союзу противъ тѣхъ, кого онѣ называли «тиранами морей», выставляя ей на видъ, что захватъ англичанами монополіи торговли высасываетъ золото изъ страны, а также и напомнивъ о насиліи, совершенномъ надъ ея нейтралитетомъ флотомъ Боскауэна. Португальскій министръ хорошо зналъ все это и горячо чувствовалъ; но, хотя это приглашеніе сопровождалось откровеннымъ заявленіемъ, что Португаліи не позволятъ продолжать нейтралитета, сохранить который насильно она не сможетъ, онъ вѣрно разсудилъ, что страна должна больше бояться Англіи и ея флота, чѣмъ испанской арміи. Союзники объявили Португаліи войну и вторглись въ нее. Въ теченіе нѣкотораго времени они имѣли успѣхъ, но «тираны морей» отвѣтили на призывъ Португаліи, послали туда флотъ и высадили въ Лиссабонѣ восемь тысячъ солдатъ, которые прогнали испанцевъ за границу и даже перенесли войну въ самую Испанію.

Одновременно съ этими знаменательными событіями англичане атаковали Манилу, не потребовавъ для этого войскъ или кораблей изъ Англіи, посылка которыхъ была найдена невозможной при сложности обстоятельствъ, въ какія эта держава была тогда поставлена. Успѣхи въ Индіи и безусловная обезпеченность поселеній тамъ, при обладаніи моремъ, позволили

мѣстнымъ властямъ самимъ предпринять упомянутую колоніальную экспедицію. Экспедиціонный отрядъ отплылъ въ августѣ 1762 года и, достигнувъ Малакки 19-го, былъ снабженъ въ этомъ нейтральномъ порту всѣмъ, что было необходимо для предполагавшейся осады; голландцы, хотя и ревниво относившіеся къ успѣхамъ англичанъ, не осмѣлились однако же отказать ихъ требованіямъ. Экспедиція, которая опиралась всецѣло на флотъ, имѣла результатомъ покореніе всей группы Филиппинскихъ острововъ, сдавшихся въ октябрѣ и заплатившихъ затѣмъ выкупъ въ четыре милліона долларовъ. Около того же времени англійскій флотъ захватилъ Акапулькскій галіонъ, на которомъ было три милліона долларовъ, и англійская эскадра въ Атлантикѣ взяла корабль, шедшій изъ Лимы (Lima), съ четырьмя милліонами долларовъ, въ серебряныхъ слиткахъ, для испанскаго правительства.

„Никогда колоніальныя владѣнія Испаніи не получали такихъ ударовъ. Испанія, своевременное вмѣшательство которой могло бы измѣнить исходъ войны, приняла въ ней участіе слишкомъ поздно для того, чтобы помочь Франціи, но вó-время для того, чтобы раздѣлить съ нею ея несчастія. Была причина бояться еще бóльшаго. Панама и Санъ-Доминго находились въ опасности, а англо-американцы приготовлялись для вторженія во Флориду и въ Луизіану... Завоеваніе Гаванны помѣшало въ значительной мѣрѣ сообщеніямъ между богатыми американскими колоніями Испаніи и Европой. Покореніе Филиппинскихъ острововъ изгнало теперь Испанію изъ Азіи. Оба эти обстоятельства вмѣстѣ раздѣлили торговые пути Испаніи и отрѣзали сообщеніе между частями ея обширныхъ, но несвязанныхъ владѣній“ (*).

Выборъ пунктовъ атаки, намѣченный министерствомъ Питта, былъ стратегически цѣлесообразенъ, такъ какъ онъ перерѣзывалъ артеріи непріятельской силы, и если бы планы Питта были осуществлены вполнѣ и Панама была бы также взята, то успѣхъ былъ бы еще болѣе рѣшительнымъ. Англія потеряла также преимущество внезапности своихъ дѣйствій для противника, которое имѣла бы, предупредивъ Испанію въ объявленіи ей войны; но ея оружіе торжествовало въ теченіе этой короткой борьбы вслѣдствіе быстроты, съ какою приводились въ исполненіе ея проекты, благодаря той высотѣ, на какую были подняты ея морскія силы и администрація.

(*) Martin: History of France.

Съ завоеваніемъ Манилы военныя операціи окончились. Девять мѣсяцевъ, протекшіе отъ формальнаго объявленія войны Англіею въ январѣ, были достаточны для того, чтобы разбить послѣднюю надежду Франціи и принудить Испанію къ миру, заставивъ ее при этомъ уступить по каждому пункту, на которомъ она основывала свое враждебное поведеніе и свои требованія. Едва ли необходимо, даже послѣ краткаго изложенія вышеописанныхъ событій, указывать, что быстрота и законченность, съ которыми Англія совершила свое дѣло, были всецѣло слѣдствіемъ ея морской силы, позволявшей ей дѣйствовать въ далекихъ краяхъ, въ отдаленныхъ одинъ отъ другаго пунктахъ, какъ напримѣръ въ Кубѣ, Португаліи, Индіи и на Филиппинскихъ островахъ одновременно, безъ опасенія серьезнаго перерыва ея путей сообщенія.

Прежде, чѣмъ изложить условія мира,—которыя должны бы суммировать результаты войны, но въ дѣйствительности дѣлаютъ это несовершенно, вслѣдствіе отсутствія энергіи со стороны англійскаго министерства при заключеніи этого мира,—необходимо прослѣдить въ краткомъ очеркѣ вліяніе войны на торговлю, на основанія морской силы и національнаго благосостоянія.

Одна выдающаяся черта этой войны можетъ показаться наиболѣе поразительной, по парадоксальности ея, это — фактъ, что благосостояніе Англіи выказалось величиною ея потерь.

„Съ 1756 по 1760 годъ", говоритъ французскій историкъ, „французскіе приватиры захватили у англичанъ болѣе двухъ тысячъ пятисотъ коммерческихъ судовъ. Въ 1761 году, хотя Франція не имѣла, можно сказать, ни одного линейнаго корабля въ морѣ и хотя англичане захватили двѣсти сорокъ нашихъ приватировъ, сотоварищи послѣднихъ все-таки взяли восемьсотъ двѣнадцать англійскихъ судовъ. Объясненіе такого большаго числа призовъ кроется въ чудовищномъ ростѣ англійскаго мореходства. Утверждаютъ, что въ 1760 году Англія имѣла въ морѣ восемь тысячъ кораблей; изъ нихъ французы захватили почти одну десятую часть, несмотря на охранявшія ихъ конвои и крейсера. Въ четыре года, съ 1756 по 1760, французы потеряли только девятьсотъ пятьдесятъ судовъ" (*).

Такое кажущееся противорѣчіе англійскій писатель правильно приписываетъ «упадку французской торговли и боязни

(*) Martin: History of France.

попасть въ руки непріятеля, удерживавшей многія изъ французскихъ торговыхъ судовъ отъ выхода въ море». И далѣе онъ указываетъ, что захватъ непріятельскихъ судовъ не былъ для Англіи главнымъ благомъ, являвшимся слѣдствіемъ силы ея флотовъ. «Взятіе такихъ пунктовъ, какъ Дюкенъ, Луисбургъ, островъ Принца Эдуарда, а такъ же покореніе Сенегала и, позднѣе, Гваделупы и Мартиники, были событіями, не менѣе пагубными для торговли и колоній Франціи, чѣмъ выгодными для торговли и колоній Англіи» (*). Увеличеніе числа французскихъ приватировъ было на самомъ дѣлѣ грустнымъ знаменіемъ въ глазахъ людей, понимающихъ дѣло, такъ какъ оно свидѣтельствовало, что торговый флотъ страны вынужденъ къ праздности и что экипажъ и владѣльцы судовъ его должны были прибѣгнуть къ авантюристскому грабежу для добыванія пропитанія. Не былъ, правда, этотъ рискъ совершенно безплоднымъ. Тотъ же самый англійскій авторъ признаетъ, что въ 1759 году убытки англійскихъ коммерческихъ судовъ превысили прибыль отъ призовъ, взятыхъ военными кораблями. Одновременно съ тѣмъ, какъ французы старались возстановить равновѣсіе силъ на морѣ и возместить свои потери, — но тщетно и безцѣльно, такъ какъ «строя и вооружая суда, они работали только для англійскаго флота, — французскіе приватиры, несмотря на энергію и бдительность англійскихъ крейсеровъ, были такъ многочисленны, что въ этомъ году ими было захвачено двѣсти сорокъ британскихъ судовъ, главнымъ образомъ мелкихъ и прибрежнаго плаванія». По исчисленіямъ того же автора, въ 1760 году, англичане потеряли триста торговыхъ судовъ, а въ 1761 году — свыше восьмисотъ, — т. е. трижды столько, сколько потеряли французы; но онъ прибавляетъ: «не было бы удивительнымъ, если бы французы захватили еще бо̀льшее число болѣе богатыхъ кораблей. Въ то время, какъ ихъ торговля была уничтожена, и они посылали въ море мало коммерческихъ судовъ, торговые флоты Англіи покрывали моря. Каждый годъ ея торговля увеличивалась; деньги, которыя война уносила у нея, возвращались продуктами ея промышленности. Восемь тысячъ

(*) Campbell: Lives of the Admirals.

судовъ были заняты товарами купцовъ Великобританіи». Значительность ея потерь приписывается тремъ причинамъ, изъ которыхъ только первая была предотвратима: 1) невниманію коммерческихъ судовъ къ распоряженіямъ конвоировъ; 2) крайней многочисленности англійскихъ судовъ во всѣхъ моряхъ; и 3) сосредоточенію въ приватирствѣ всего остатка силы противника. Въ теченіе того же 1761 года военный флотъ потерялъ одинъ линейный корабль, который былъ отбитъ обратно, и одинъ тендеръ. Въ то же самое время, несмотря на различные обмѣны, англичане все еще держали у себя въ плѣну двадцать пять тысячъ французовъ, тогда какъ плѣнныхъ англичанъ во Франціи было только тысяча двѣсти человѣкъ. Таковы были результаты морской войны.

Наконецъ, резюмируя коммерческое состояніе королевства въ концѣ войны, послѣ упоминанія объ огромныхъ суммахъ денегъ, отнятыхъ у Испаніи въ монетѣ, тотъ же писатель говоритъ: —

„Все это усиливало торговлю и питало промышленность. Переводъ денегъ за иностранныя субсидіи былъ большею частью оплачиваемъ чеками на купцовъ, поселившихся за границею, имѣвшими значеніе векселей въ британскихъ мануфактурахъ. Торговля Англіи постепенно возрастала съ каждымъ годомъ, и такая картина національнаго благосостоянія страны во время веденія ею долгой, дорогой и кровавой войны, никогда до тѣхъ поръ не раскрывалась ни одною державою въ мірѣ“.

При такихъ результатахъ по отношенію къ торговлѣ Англіи и при такомъ неизмѣнномъ успѣхѣ ея оружія, а также и принимая во вниманіе практическое уничтоженіе французскаго военнаго флота, не кажется удивительнымъ, что союзъ Франціи и Испаніи, который сначала угрожалъ будущему Англіи и возбудилъ нѣкогда опасенія всей Европы, былъ теперь вынесенъ на плечахъ одной только Великобританіи, и при томъ безъ малѣйшаго страха или тревоги. Испанія, по своей организаціи и по раздробленности своихъ владѣній, была особенно подвержена нападенію со стороны великаго морскаго народа; и каковы бы ни были воззрѣнія правительства того времени, Питтъ и нація видѣли, что пришелъ часъ, котораго тщетно ждали въ 1739 году, потому что тогда годы мира и упорство великаго министра

ослабили мускулы ея флота. Теперь она только протянула свою руку и схватила то, что желала; но и здѣсь не могло бы быть предѣла ея добычи, если бы отношеніе министерства къ интересамъ страны не ступило опять на ложную дорогу.

О положеніи Португаліи по отношенію къ Великобританіи, между прочимъ, уже говорилось, но оно заслуживаетъ и спеціальнаго вниманія, какъ дающее примѣръ такого случая, когда одинъ изъ элементовъ морской силы пріобрѣтенъ не колоніями, а союзомъ, — необходимымъ ли, или только благоразумнымъ. Вышеуказанная коммерческая связь между упомянутыми державами «была усилена крѣпчайшими политическими узами. Относительное географическое положеніе ихъ было таково, что онѣ имѣли мало причинъ бояться другъ друга и много данныхъ къ доставленію взаимныхъ выгодъ. Гавани Португаліи давали убѣжище англійскимъ флотамъ и снабжали ихъ припасами, тогда какъ эти флоты въ свою очередь защищали богатую торговлю Португаліи съ Бразиліей. Антипатія между Португаліей и Испаніей сдѣлала необходимымъ для первой имѣть союзника сильнаго, хотя бы и отдаленнаго. Ни одна держава не представляла болѣе выгодъ для этой цѣли, чѣмъ Англія, которая, въ свою очередь, могла извлекать, и всегда извлекала, великія выгоды изъ дружбы съ Португаліей въ войнѣ съ какой бы то ни было южной державой Европы».

Такова англійская точка зрѣнія на этотъ союзъ, который нѣкоторымъ кажется похожимъ на союзъ льва съ ягненкомъ. Назвать страну съ такимъ флотомъ, какъ англійскій, «отдаленной» отъ маленькой морской державы, подобной Португаліи, было бы абсурдомъ. Англія находится, и еще болѣе находилась въ тѣ дни, вездѣ, гдѣ только способенъ появиться ея флотъ. Противоположная точка зрѣнія, показывающая, равнымъ образомъ, значеніе союза, была хорошо выяснена въ нотѣ, которою, — подъ вѣжливымъ терминомъ «приглашеніе», — Франція и Испанія предписывали Португаліи высказаться противъ Англіи.

Основанія этой ноты, а именно несоразмѣрность благъ, получаемыхъ Португаліей отъ союза съ Англіей, и пренебреженіе, оказываемое послѣднею къ нейтралитету ея, уже при-

водились выше. Король Португаліи отказался разорвать этотъ союзъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ имѣлъ за собою большую давность и былъ всецѣло оборонительнымъ. На это державы возражали: —

„Оборонительный союзъ этотъ — въ дѣйствительности наступательный, по положенію португальскихъ владѣній и по сущности англійской силы. Англійскія эскадры не могутъ во всякое время года держаться въ морѣ или крейсеровать у главныхъ береговъ Франціи и Испаніи для разстройства судоходства этихъ странъ, не опираясь на порта и помощь Португаліи. И эти островитяне не могли бы оскорблять всю морскую Европу, если бы все богатство Португаліи не проходило черезъ ихъ руки; это даетъ имъ средства вести войну и дѣлаетъ союзъ, по истинѣ, наступательнымъ“.

Между двумя аргументами логика положенія и сила взяли верхъ. Португалія нашла, что Англія ближе къ ней и болѣе опасна, чѣмъ Испанія, и оставалась въ теченіе поколѣній, при всѣхъ испытаніяхъ, вѣрною союзу съ нею. Эта связь приносила такую же пользу Англіи, какъ любое изъ ея колоніальныхъ владѣній, всегда опирающуюся, конечно, на театръ главныхъ операцій въ данный моментъ.

Предварительныя условія мира были подписаны въ Фонтенебло 3-го ноября 1762 года; а окончательный договоръ — 10-го слѣдующаго февраля въ Парижѣ, почему этотъ миръ и называется Парижскимъ.

По его условіямъ Франція отказалась отъ всякихъ притязаній на Канаду, Новую Шотландію и всѣ острова залива Св. Лаврентія; вмѣстѣ съ Канадою она уступила долину Огайо и всю свою территорію на восточномъ берегу Миссисипи, за исключеніемъ города Новаго Орлеана. Въ то же самое время Испанія, въ обмѣнъ на Гаванну, которую Англія возвратила ей, уступила Флориду, каковымъ именемъ обнимались всѣ ея континентальныя владѣнія къ востоку отъ Миссисипи. Такимъ образомъ, Англія пріобрѣла колоніальное государство, заключавшее Канаду, отъ Гудсонова залива, и всѣ теперешніе Соединенные Штаты къ востоку отъ Миссисипи. Возможныя выгоды обладанія этою обширною областью предвидѣлись тогда только частью, и тогда еще ничто не предсказывало возмущенія тринадцати колоній.

Въ Вестъ-Индіи Англія отдала назадъ Франціи важные острова, Мартинику и Гваделупу. Четыре острова изъ группы

Малыхъ Антильскихъ, называвшіеся нейтральными, были раздѣлены между двумя державами: С. Лючіа перешла къ Франціи, а С. Винцетъ, Тобаго и Доминика — къ Англіи, которая также удержала и Гренаду.

Минорка была возвращена Англіи; и какъ возвращеніе этого острова Испаніи было однимъ изъ условій союза ея съ Франціею, то послѣдняя, не будучи въ состояніи выполнить теперь это условіе, уступила Испаніи Луизіану, къ западу отъ Миссисипи.

Въ Индіи Франція возстановила владѣнія, которыя имѣла прежде, чѣмъ Дюплексъ началъ строить свои планы возвеличенія ея здѣсь; но она потеряла право воздвигать укрѣпленія или держать войска въ Бенгаліи и такимъ образомъ оставила станцію въ Чандернагорѣ беззащитной. Однимъ словомъ Франція снова получила возможность торговли въ Индіи, но, практически, отказалась отъ своихъ претензій на политическое вліяніе тамъ. При этомъ подразумѣвалось, что англійская компанія сохранила всѣ свои завоеванія.

Право рыболовства у береговъ Ньюфаундлэнда и въ заливѣ Св. Лаврентія, которымъ пользовалась прежде Франція, было оставлено за нею по трактату; но оно не было дано Испаніи, требовавшей его для своихъ рыболововъ. Эта уступка была въ числѣ тѣхъ, на которыя въ Англіи болѣе всего нападала оппозиція.

Большая часть населенія и Питтъ, фаворитъ народа, сильно возражали противъ условій трактата. «Франція», говорилъ Питтъ, «главнымъ образомъ грозна для насъ, какъ морская и торговая держава. То, что мы выигрываемъ въ этомъ отношеніи, цѣнно для насъ болѣе всего потому, что это вредно для нея. А вы оставляете Франціи возможность возродить ея флотъ». Въ дѣйствительности, съ точки зрѣнія морской державы и національнаго соревнованія, которое санкціонировалъ духъ того вѣка, это мнѣніе, хотя и неудовлетворяющее требованіямъ просвѣщенія, было строго вѣрно. Возвращеніе Франціи ея колоній въ Вестъ-Индіи и ея станцій въ Остъ-Индіи, вмѣстѣ съ цѣннымъ правомъ рыболовства въ ея прежнихъ американскихъ владѣніяхъ, давало ей возможность и побуждало ее къ воз-

становленію судоходства, торговли и военнаго флота и такимъ образомъ способствовало отвлеченію ея съ пути континентальныхъ притязаній, который былъ такъ пагубенъ для ея интересовъ и въ той же мѣрѣ благопріятенъ для безпримѣрнаго роста силы Англіи на океанѣ. Оппозиція, да даже и нѣкоторые члены министерства, считали также, что такая командующая и важная позиція, какъ Гаванна, была слишкомъ скупо оплачена уступкой Флориды, — страны, тогда еще пустынной и непроизводительной. Настаивали на уступкѣ Порто-Рико, а приняли Флориду. Были еще и другіе пункты разногласія, меньшей важности, но входить въ ихъ разсмотрѣніе здѣсь нѣтъ необходимости. Едва ли можно отрицать, что Англія, — при своемъ безспорномъ военномъ господствѣ на морѣ, захвативъ теперь такъ много важныхъ позицій, обладая военнымъ флотомъ подавляющей численности сравнительно съ противникомъ и, наконецъ, при процвѣтаніи своей торговли и при внутреннемъ благосостояніи, — могла бы легко настоять на болѣе суровыхъ для непріятеля условіяхъ мира, и это было бы благоразумно. Министерство защищало свою поспѣшность и духъ уступчивости, ссылаясь на огромный ростъ долга, который тогда дошелъ до 122 000 000 фунтовъ стерлинговъ — суммы, со всякой точки зрѣнія значительно бо̀льшей тогда, чѣмъ она значила бы теперь; но такъ какъ этотъ вексель на будущее время вполнѣ оправдывался успѣхомъ войны, то онъ также настоятельно требовалъ, чтобы изъ военнаго положенія тогда были извлечены рѣшительно всѣ выгоды, какія возможно. Это-то именно и было упущено министерствомъ. Что касается долга, то, — какъ хорошо замѣчено однимъ французскимъ писателемъ, — «въ этой войнѣ и въ послѣдующіе годы Англія имѣла въ виду отнюдь не менѣе, какъ завоеваніе Америки и прогрессивное развитіе своей компаніи въ Остъ-Индіи. Въ этихъ двухъ странахъ предметы ея торговли и мануфактуръ пріобрѣтали болѣе, чѣмъ достаточный сбытъ, что вознаграждало ее за многочисленныя жертвы, какія она сдѣлала. Видя морской упадокъ Европы, — паденіе ея торговли, малый успѣхъ ея мануфактуръ, — какъ могла англійская нація чувствовать страхъ передъ будущимъ, которое открывало ей такія широкія перспективы?» Къ несчастью

націи не доставало представителя въ правительствѣ, а ея избранный ораторъ, быть можетъ единственный человѣкъ, способный подняться до уровня серьезности тогдашняго положенія, былъ не въ милости при дворѣ.

Несмотря на вышеизложенное, пріобрѣтенія Англіи были весьма велики, не только въ расширеніи ея территоріи, даже не только въ морскомъ господствѣ, но и въ престижѣ и въ положеніи, занятомъ ею въ глазахъ другихъ державъ, теперь вполнѣ постигшихъ ея огромные рессурсы и могучую силу. Рядомъ съ этими результатами, добытыми чрезъ посредство моря, исходъ континентальной войны представлялъ характерный и поучительный контрастъ. Франція уже отстранилась, вмѣстѣ съ Англіей, отъ всякаго участія въ этой борьбѣ, и миръ между другими воюющими сторонами былъ подписанъ пять дней спустя послѣ Парижскаго мира. Условія его были просто *status quo ante bellum*. По оцѣнкѣ короля Пруссіи, сто восемьдесятъ тысячъ его солдатъ, изъ пяти милліоннаго населенія королевства, пали жертвою боевъ или болѣзней въ этой войнѣ, потери же Россіи, Австріи и Франціи вмѣстѣ составляли четыреста шестьдесятъ тысячъ человѣкъ. Результатъ же былъ, какъ уже сказано, таковъ, что дѣла остались въ ихъ прежнемъ положеніи (*). Приписывать это только различію между тѣмъ, чего можетъ достигнуть береговая и чего — морская война, было бы, конечно, абсурдомъ. Геній Фридриха, поддерживавшійся деньгами Англіи, оказался достойнымъ соперникомъ коалиціи, хотя и имѣвшей огромное численное превосходство, но дурно направлявшей свои усилія, не всегда при томъ согласныя. Представляется вѣрнымъ заключеніе, что государства, имѣющія хорошее морское побережье, или даже свободный доступъ къ океану черезъ одинъ или два пути, найдутъ для себя болѣе выгоднымъ искать благосостоянія и расширенія черезъ посредство моря и морской торговли, чѣмъ въ попыткахъ разстраивать и измѣнять существующую политическую организацію въ странахъ, гдѣ болѣе или менѣе продолжительное господство власти установило признанныя права и создало національныя

(*) См. Annual Register, 1762, p. 63.

традиціи или политическія связи. Со времени Парижскаго трактата 1763 года, обширныя области земнаго шара быстро заселились; свидѣтелемъ тому нашъ собственный континентъ, Австралія и даже Южная Америка. Номинальное и болѣе или менѣе ясно опредѣленное политическое владычество теперь, вообще говоря, существуетъ и въ наиболѣе одинокихъ странахъ, хотя имѣются нѣкоторыя замѣчательныя исключенія изъ этого общаго положенія; но во многихъ мѣстностяхъ это политическое владычество немного болѣе, чѣмъ только номинальное, и въ иныхъ такого слабаго характера, что не можетъ полагаться только само на себя. Всѣмъ извѣстное положеніе Турецкой Имперіи, — держащейся только силами, давящими на нее съ противоположныхъ сторонъ, взаимною ревностью державъ, не имѣющихъ къ ней никакихъ симпатій, — представляетъ образецъ такой слабой политической власти; и хотя вопросъ о ней всецѣло европейскій, но, какъ это всѣ знаютъ достаточно, интересы и вліяніе *морскихъ державъ* суть одни изъ главныхъ, если не главнѣйшіе, элементы, среди тѣхъ, которые опредѣляютъ теперь положеніе; и эти державы, если только будутъ дѣйствовать разумно, опредѣлятъ направленіе будущихъ неизбѣжныхъ перемѣнъ. На западныхъ континентахъ политическое положеніе центрально-американскихъ и тропическихъ южныхъ государствъ такъ неустойчиво, что заставляетъ постоянно безпокоиться о сохраненіи тамъ внутренняго порядка и серьезно мѣшаетъ торговлѣ и мирному развитію ихъ рессурсовъ. До тѣхъ поръ, пока, — говоря избитымъ выраженіемъ, — они бьютъ только самихъ себя, это можетъ идти такъ; но уже давно граждане странъ съ болѣе устойчивыми правительствами искали возможности эксплоатировать ихъ рессурсы и несли потери, явившіяся слѣдствіемъ неспокойнаго состоянія упомянутыхъ неуравновѣшенныхъ странъ. Сѣверная Америка и Австралія все еще раскрываютъ широкія ворота для переселенія и предпріимчивости, но онѣ заселяются быстро; и по мѣрѣ того, какъ благопріятныя условія тамъ уменьшаются, должны возникать требованія на болѣе устойчивое правительство въ этихъ неорганизованныхъ государствахъ, на обезпеченіе жизни и прочности учрежденій, которыя дали бы возможность

коммерсантамъ и другимъ предпринимателямъ разсчитывать на будущее. Въ настоящее время конечно нѣтъ надежды, чтобы такія требованія могли быть выполнены наличными туземными средствами; если это будетъ такъ и тогда, когда эти требованія въ самомъ дѣлѣ возникнутъ, то никакія теоретическія положенія, подобныя доктринѣ Монрое, не удержатъ заинтересованныхъ державъ отъ попытокъ исправить зло какими-либо мѣрами, которыя, — какъ ихъ ни называть, — будутъ политическимъ вмѣшательствомъ. Такія вмѣшательства должны повести къ столкновеніямъ, для разрѣшенія которыхъ иногда достаточно будетъ третейскаго суда, но иногда придется прибѣгать и къ войнѣ. Даже при мирномъ рѣшеніи та держава будетъ имѣть бо̀льшій вѣсъ, которая будетъ обладать бо̀льшей организованной силой. Едва ли нужно говорить, что успѣшное прорытіе Центрально-Американскаго перешейка, въ какомъ угодно пунктѣ, можетъ ускорить наступленіе момента, который навѣрное придетъ раньше или позже. Коренное измѣненіе коммерческихъ путей, ожидающееся отъ этого предпріятія, и политическая важность для Соединенныхъ Штатовъ такого пути сообщенія между ихъ Атлантическими и Тихоокеанскими берегами не составляютъ, однако же, всей или даже главной части вопроса. Насколько можно провидѣть будущее, надо думать, что придетъ время, когда существующія теперь сильныя и устойчивыя государства Америки или Европы должны будутъ обезпечить устойчивыя правительства и для тропическихъ государствъ Америки. Географическое положеніе послѣднихъ и климатическія ихъ условія дѣлаютъ сразу ясными, что морская сила здѣсь, — еще даже болѣе, чѣмъ по отношенію къ Турціи, — рѣшитъ, какое иностранное государство будетъ здѣсь господствовать, если не прямымъ пріобрѣтеніемъ владѣній, то своимъ вліяніемъ на туземныя правительства. Географическое положеніе Соединенныхъ Штатовъ и ихъ внутренняя сила даютъ имъ неоспоримое преимущество; но это преимущество не будетъ имѣть цѣны, если они будутъ много уступать своимъ соперникамъ въ организованной матеріальной силѣ (brute-force), которая все еще остается послѣднимъ аргументомъ и республикъ и королей. Въ этомъ выводѣ заключается великій и все

еще живой интересъ для насъ Семилѣтней войны. Въ ней мы слѣдили за тѣмъ, какъ Англія, съ арміей маленькой по сравненію съ другими государствами, — что имѣетъ мѣсто еще и теперь, — сперва успѣшно защищала свои берега, затѣмъ раскинула сѣть своихъ военныхъ дѣйствій по всѣмъ направленіямъ, распространяя свою власть и вліяніе на отдаленныя страны и не только обязывая ихъ повиновеніемъ себѣ, но и дѣлая ихъ данницами своего богатства, своей силы и репутаціи. Въ томъ, какъ она вырывала власть изъ рукъ Франціи и Испаніи и нейтрализовала ихъ вліяніе въ заморскихъ странахъ, слѣдуетъ, можетъ быть, видѣть пророчество, что въ дни, еще грядущіе, выступитъ на сцену какая-либо другая великая держава, которая перетянетъ на свою сторону чашу вѣсовъ силы въ одной изъ будущихъ морскихъ войнъ и за которой, впослѣдствіи, если не современниками, признается главенство въ устройствѣ политическаго будущаго и экономическаго развитія странъ, до тѣхъ поръ терявшихся для цивилизаціи; но такою державою не будутъ Соединенные Штаты, если моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, застигнетъ ихъ индифферентными, какъ теперь, къ вопросу о господствѣ на моряхъ.

Направленіе, данное тогда усиліямъ Англіи инстинктомъ націи и пылкимъ геніемъ Питта, продолжалось и послѣ войны и глубоко повліяло на послѣдующую политику этой державы. Господствуя теперь въ Сѣверной Америкѣ, разыгрывая въ Индіи, — черезъ посредство компаніи, которой территоріальныя завоеванія были утверждены туземными раджами, — роль господина надъ двадцатью милліонами жителей, т. е. надъ населеніемъ, превышавшимъ населеніе самой Великобританіи и дававшимъ доходъ, почтенный даже рядомъ съ доходомъ послѣдней, Англія, еще и при другихъ богатыхъ владѣніяхъ своихъ, разсѣянныхъ широко и далеко по лицу земнаго шара, имѣла всегда передъ своими глазами, какъ спасительный урокъ, суровое наказаніе, которому она сама могла подвергнуть Испанію, вслѣдствіе слабости этой огромной расчлененной монархіи. Слова англійскаго морскаго историка этой войны, относящіяся къ Испаніи, приложимы, съ малыми измѣненіями, и къ современной намъ Англіи: —

„Испанія именно такая держава, съ которою Англія можетъ всегда состязаться съ самыми основательными надеждами на выгоды и на почести. Эта обширная монархія истощена совершенно; источники ея доходовъ значительно удалены отъ нея, и всякая держава, господствующая на моряхъ, можетъ завладѣть богатствомъ и торговлей Испаніи. Отдаленность владѣній, изъ которыхъ она черпаетъ свои рессурсы, какъ отъ столицы такъ и другъ отъ друга, дѣлаетъ болѣе необходимымъ для нея, чѣмъ для всякаго другаго государства, выжидать пока она не вдохнетъ дѣятельность во всѣ части своего гигантскаго, но нестройнаго организма“ (*).

Было бы невѣрнымъ сказать, что «Англія совершенно истощена»; но ея зависимость отъ внѣшняго, по отношенію къ ней, міра такова, что вышеприведенныя слова должны звучать для нея внушительно.

Эта аналогія положеній не оставлена Англіей безъ вниманія. Съ того времени до нашихъ дней владѣнія, пріобрѣтенныя ею черезъ посредство морской силы, вліяли заодно съ этою силою въ вопросѣ направленія ея политики; путь въ Индію, — въ дни Кляйва, дальній и опасный, за неимѣніемъ собственной промежуточной станціи, — былъ облегченъ, когда случай представился, пріобрѣтеніемъ ею острова Св. Елены, мыса Доброй Надежды и острова Маврикія. Когда паръ сдѣлалъ удобопроходимыми Красное море и Средиземноморскій путь, Англія пріобрѣла Аденъ, а еще позднѣе утвердилась на Сокоторѣ. Мальта уже попала въ ея руки въ теченіе войнъ Французской Революціи; и господствующее положеніе ея, служившее краеугольнымъ камнемъ, на который опирались коалиціи противъ Наполеона, позволило Англіи потребовать въ числѣ условій мира въ 1815 году окончательной уступки этого острова. Вслѣдствіе близости послѣдняго къ Гибралтару, отъ котораго онъ отстоитъ на какую-нибудь тысячу миль, сферы военнаго вліянія этихъ двухъ пунктовъ взаимно пересѣкаются. На нашихъ глазахъ господство Англіи распространилось отъ Мальты къ Суецкому перешейку, — сначала безъ станціи, обезпеченной затѣмъ уступкою ей Кипра. Египетъ, вопреки ревности Франціи, попалъ подъ контроль Англіи. Важность этой позиціи, по отношенію къ Индіи, понимавшаяся Наполеономъ и Нельсономъ, заставила нѣкогда послѣдняго послать офицера сухимъ

(*) Campbell: Lives of Admirals.

путемъ въ Бомбей съ вѣстями объ Абукирскомъ сраженіи и о паденіи надеждъ Бонапарта. Даже теперь ревность, съ которою Англія смотритъ на успѣхи Россіи въ центральной Азіи, является результатомъ тѣхъ дней, когда ея морская сила и средства восторжествовали надъ слабостью Д'Аше и геніемъ Сюффрена и вырвали Индостанъ у французовъ, заявлявшихъ тогда притязанія на него.

„Въ первый разъ со времени Среднихъ Вѣковъ", говоритъ Мартинъ о Семилѣтней войнѣ, „Англія побѣдила Францію одна, почти безъ союзниковъ, тогда какъ Франція имѣла сильныхъ помощниковъ. Она побѣдила единственно превосходствомъ своего правительства".

Да! Но превосходствомъ правительства, пользовавшагося ужаснымъ оружіемъ — морскою силою. Это оружіе сдѣлало Англію богатой и, въ свою очередь, защищало торговлю, помощью которой ея богатство составилось. Своими деньгами она поддерживала своихъ немногихъ помощниковъ, главнымъ образомъ Пруссію и Ганноверъ, въ ихъ отчаянной борьбѣ. Ея вліяніе было вездѣ, куда ея корабли могли проникнуть; и не было никого, кто могъ бы оспаривать у нея море. Куда она хотѣла идти, туда и шла, — и съ нею шли ея войска и пушки. Этою подвижностью ея силы умножались, а силы враговъ — разсѣивались. Обладая морями, она вездѣ заграждала врагу главные пути. Флоты ея противниковъ не могли соединяться; ни одинъ большой флотъ не могъ выйдти въ море, если она не хотѣла, а если и выходилъ, то только затѣмъ, чтобы сейчасъ же встрѣтить, — со своими непривычными офицерами и командами, — тѣхъ, которые были ветеранами въ войнѣ и въ борьбѣ со штормами. За исключеніемъ Минорки, Англія тщательно оберегала свои собственныя морскія базы и энергично захватывала морскія базы непріятеля. Какимъ сторожевымъ львомъ былъ Гибралтаръ для французскихъ эскадръ на пути ихъ между Тулономъ и Брестомъ! Какова могла быть для Франціи надежда оказать, въ случаѣ надобности, помощь Канадѣ, когда англійскій флотъ имѣлъ Луисбургъ у себя подъ вѣтромъ?

Единственная держава, выигравшая въ разсмотрѣнной выше войнѣ, была та, которая пользовалась моремъ въ мирное время для стяжанія своихъ богатствъ и господствовала на немъ во

время войны громадностью своего флота, многочисленностью своихъ подданныхъ, жившихъ на морѣ или моремъ, и многочисленностью своихъ операціонныхъ базъ, разсѣянныхъ по земному шару. Однако должно замѣтить, что эти базы сами по себѣ потеряли бы свою цѣну, если бы сообщенія между ними были нарушены. Вслѣдствіе такого нарушенія Франція потеряла Луисбургъ, Мартинику, Пондишери; по такой же причинѣ и Англія потеряла Минорку. Базы и подвижная сила, порта и флоты оказываютъ другъ другу взаимную поддержку (*). Въ этомъ отношеніи флотъ представляетъ собою летучій корпусъ; онъ поддерживаетъ свободу сообщеній между своими портами и онъ же мѣшаетъ сообщеніямъ непріятеля; но онъ также пробѣгаетъ моря для потребностей живущихъ на сушѣ; онъ господствуетъ надъ водной пустыней, чтобы человѣкъ могъ жить и благоденствовать въ удобо-обитаемыхъ странахъ земнаго шара.

(*) Эти замѣчанія, всегда вѣрныя, сдѣлались вдвойнѣ такими со времени введенія пара. Возобновленіе запаса угля на современномъ кораблѣ составляетъ потребность болѣе частую, болѣе настоятельную и необходимую, чѣмъ какая бы то ни было изъ потребностей парусиаго корабля. Тщетна надежда на энергичныя морскія операціи, отдаленныя отъ угольныхъ станцій. Равнымъ образомъ безполезно пріобрѣтать вдали угольныя станціи безъ обладанія сильнымъ флотомъ: онѣ неизбѣжно попадутъ въ руки непріятеля. Но самое сильное изъ заблужденій, это — ожиданіе сломить врага одною только крейсерскою войною, безъ угольныхъ станцій за національными границами.

ГЛАВА IX.

Ходъ событій отъ Парижскаго Мира до 1778 года. — Морская война во время Американской Революціи. — Морское сраженіе при Уэшантѣ (Ushant).

Если Англія имѣла основаніе жаловаться на то, что не пожала отъ Парижскаго трактата всѣхъ выгодъ, ожидать которыя дали ей право ея положеніе и ея военныя пріобрѣтенія, то Франція тѣмъ болѣе имѣла всѣ данныя къ неудовольствію на положеніе, въ какомъ оставила ее война. Пріобрѣтенія Англіи почти измѣрялись потерями Франціи; даже уступка Флориды, сдѣланная побѣдительницѣ Испаніею, была куплена Франціею цѣною Луизіаны. Естественно, что мысли французскихъ государственныхъ людей и французскаго народа, склонившихся передъ необходимостью нести бремя побѣжденныхъ въ настоящемъ, обратились къ будущему, съ надеждами на возможность отмстить врагу и вознаградить себя. Герцогъ де Шуазель, способный, хотя и деспотическій, оставался въ теченіе многихъ еще лѣтъ во главѣ дѣлъ и работалъ настойчиво для возстановленія силы Франціи, подавленной послѣдствіями трактата. Австрійскій союзъ не былъ дѣломъ его стараній, такъ какъ былъ уже заключенъ и дѣйствовалъ, когда Шуазель вступилъ въ должность въ 1758 году; но Шуазель съ самаго начала понялъ, что главнымъ врагомъ была Англія, и пытался, насколько возможно, направить силы націи противъ нея. Послѣ того, какъ пораженіе Конфланса разрушило его планы вторженія въ Англію, онъ старался, дѣйствуя въ полномъ согласіи со своею главною цѣлью, возбудить противъ того же врага Испанію и заручиться ея союзомъ. Соединенныя усилія двухъ королевствъ, при ихъ прекрасномъ побережьѣ, могли бы, — при хорошей администраціи и при

достаточномъ времени для подготовки,—привести къ снаряженію флота, который былъ бы надлежащимъ противовѣсомъ флоту Англіи. Также несомнѣнно вѣрно, что и слабѣйшія морскія государства, если бы они видѣли успѣшные плоды дѣятельности такого союза, набрались бы смѣлости возстать противъ правительства, котораго величіе возбуждало зависть и страхъ и которое дѣйствовало съ присущимъ всякой безконтрольной силѣ пренебреженіемъ къ правамъ и благосостоянію другихъ. Къ несчастью и для Франціи и для Испаніи, союзъ ихъ слишкомъ запоздалъ. За уничтоженіемъ французскаго флота въ 1759 году послѣдовалъ взрывъ національнаго энтузіазма въ пользу возстановленія его, энтузіазма, искусно поддерживавшагося и направлявшагося Шуазелемъ. «Народное чувство выразилось съ одного конца Франціи до другаго крикомъ: «флотъ долженъ быть возстановленъ». Пожертвованія городовъ, корпорацій и частныхъ лицъ образовали значительные фонды. Гигантская дѣятельность закипѣла въ недавно молчаливыхъ портахъ. Вездѣ корабли строились и исправлялись». Министръ понялъ также необходимость возстановленія, вмѣстѣ съ матеріальною частью флота, духа и дисциплины въ личномъ составѣ его. Часъ, однако, былъ слишкомъ поздній: разгаръ большой и неуспѣшной войны—не время для начала приготовленій. «Лучше поздно, чѣмъ никогда»—поговорка не столь надежная, какъ «во время мира готовься къ войнѣ». Условія Испаніи были лучше. Одинъ англійскій морской историкъ насчитываетъ у нея, при объявленіи войны, сто судовъ различной величины; изъ нихъ, вѣроятно, шестьдесятъ были линейными кораблями. Тѣмъ не менѣе, хотя положеніе Англіи, при присоединеніи Испаніи къ многочисленнымъ врагамъ ея, могло, казалось бы, сдѣлаться критическимъ, сочетаніе въ ея пользу численнаго превосходства, искусства, опытности и престижа не было поколеблено. Съ семьюдесятью тысячами моряковъ-ветерановъ, ей надо было только сохранить уже пріобрѣтенную позицію. Результаты мы знаемъ.

Послѣ мира Шуазель мудро остался вѣренъ своимъ прежнимъ идеямъ. Возстановленіе флота продолжалось, сопровождаясь и усиливаясь возбужденіемъ среди офицеров профессіональнаго честолюбія и желанія отличиться, о чемъ было

уже упомянуто выше и что, при современномъ состояніи флота Соединенныхъ Штатовъ, можетъ быть рекомендовано ему, какъ образецъ. Постройка военныхъ кораблей продолжалась весьма дѣятельно и въ широкихъ размѣрахъ. Въ концѣ войны, благодаря движенію, начавшемуся въ 1761 году, уже было въ наличіи сорокъ линейныхъ кораблей въ хорошемъ состояніи. Въ 1770 году, когда Шуазель вышелъ въ отставку, королевскій флотъ насчитывалъ шестьдесятъ четыре линейные корабля и пятьдесятъ фрегатовъ въ плаваніи. Адмиралтейства и магазины были наполнены и организованъ былъ складъ корабельнаго лѣса. Въ то же самое время министръ пытался улучшить личный составъ офицеровъ, сдерживая заносчивость тѣхъ изъ нихъ, которые были знатнаго происхожденія; эта заносчивость непріятно проявлялась по отношенію какъ къ старшимъ, такъ и къ товарищамъ не дворянскаго происхожденія, коихъ способности дѣлали желательной ихъ службу во флотѣ. Такой кастовый духъ имѣлъ послѣдствіемъ ненормальное панибратство между офицерами весьма различныхъ чиновъ, которое вредно отражалось на дисциплинѣ. Будучи всѣ членами привилегированнаго слоя общества, они сознавали равенство между собою въ этомъ отношеніи болѣе ясно, чѣмъ неравенство между положеніями старшаго и младшаго. Комичный разсказъ Марріэтта о мичманѣ, который возражалъ своему капитану, что извѣстный фактъ былъ сообщенъ ему по секрету, кажется осуществлялся на французскихъ шканцахъ того времени. «Секретъ»! вскричалъ капитанъ; «кто когда-либо слышалъ о секретѣ между командиромъ корабля и мичманомъ!» «Нѣтъ, сэръ», возразилъ младшій, «не между командиромъ и мичманомъ, а между двумя джентльменами». Споры, доказательства, намеки между двумя «джентльменами», забывшими о разности своихъ чиновъ, могли разражаться и въ критическіе моменты, и духу общаго равенства, который дикія демократическія воззрѣнія распространили во флотѣ Республики, странно предшествовалъ этотъ кастовый духъ равенства, царившій между членами въ высшей степени надменной аристократіи. «Я видѣлъ по его лицу», говоритъ одинъ изъ героевъ Марріэтта, «что первый лейтенантъ не соглашался съ капитаномъ; но онъ былъ

слишкомъ хорошимъ офицеромъ для того, чтобы сказать это въ такой моментъ». Строки эти свидѣтельствуютъ объ одномъ изъ коренныхъ достоинствъ англійской организаціи морской службы — о дисциплинѣ, недостатокъ которой во Франціи сознается ея отечественными писателями: —

„При Людовикѣ XVI интимныя отношенія и товарищество между начальникомъ и подчиненными привели послѣднихъ къ привычкѣ разсуждать при отдачѣ имъ приказаній.. Ослабленіе дисциплины и духъ независимости были слѣдствіемъ еще другой причины: они могутъ быть частью приписаны условіямъ жизни офицеровъ на кораблѣ. Адмиралъ, командиръ, офицеры, мичмана столовались вмѣстѣ; все было общее. Они говорили другъ другу *ты*, какъ однокашники. При управленіи кораблемъ младшій подавалъ свое мнѣніе, защищалъ его; и начальникъ, разсерженный, часто предпочиталъ уступить скорѣе, чѣмъ поссориться. Факты этого рода подтверждаются свидѣтельствами, достовѣрность которыхъ выше подозрѣній" (*).

Недисциплинарность такого рода, передъ которою отступили болѣе слабые люди, разбивалась о рѣшительный и горячій правъ Сюффрена; но духъ недовольства противъ него выросъ почти до степени мятежа, заставивъ его, послѣ четвертаго сраженія, въ депешахъ морскому министру сказать: «я сердечно огорченъ безпрестанными нарушеніями долга въ нашемъ флотѣ. Ужасно подумать, что я могъ бы четыре раза уничтожить англійскій флотъ, а онъ все еще существуетъ». Реформы Шуазеля разбивались объ эту скалу, которую разрушило, наконецъ, только возстаніе противъ нея всего народа; но все-таки въ личномъ составѣ флота онъ достигъ значительнаго улучшенія. Въ 1767 году онъ реорганизовалъ морскую артиллерію, образовавъ корпусъ изъ десяти тысячъ артиллеристовъ, систематически обучавшихся практикѣ своего дѣла, разъ въ недѣлю, въ теченіе десяти лѣтъ, протекшихъ до слѣдующей войны съ Англіей.

Не теряя изъ виду ни одной изъ сторонъ своихъ плановъ, Шуазель, заботясь о морской и сухопутной силѣ Франціи, обращалъ особенное вниманіе на союзъ съ Испаніей и разумно ободрялъ усилія этой страны на пути прогресса, подъ управленіемъ Карла III, лучшаго изъ ея королей династіи Бурбоновъ. Австрійскій союзъ все еще существовалъ, но надежды

(*) Troude: Batailles Navales.

Шуазеля главнымъ образомъ опирались на Испанію. Благодаря своей мудрости и полному пониманію дѣла, онъ сразу увидѣлъ въ Англіи центръ непріязни къ Франціи, и справедливость его соображеній оправдалась и еще болѣе выяснилась всѣмъ ходомъ Семилѣтней войны. Испанія была самымъ вѣрнымъ и, при хорошей администраціи, самымъ сильнымъ союзникомъ Франціи. Взаимная географическая близость этихъ двухъ странъ и относительное расположеніе ихъ портовъ дѣлали морское положеніе ихъ особенно сильнымъ; и союзъ, который подсказывался здравой политикой, фамильными связями и совершенно основательной боязнью англійской морской силы, еще болѣе обезпечивался для Франціи недавними, еще болѣвшими тогда, обидами со стороны англичанъ, которыя должны были продолжать растравлять Испанію. Гибралтаръ, Минорка и Флорида все еще были въ рукахъ Англіи; ни одинъ испанецъ не считалъ тогда возможнымъ успокоиться, пока этотъ позоръ не былъ смытъ.

Легко повѣрить, какъ это утверждается французскими историками, что Англія смотрѣла съ безпокойствомъ на ростъ французскаго флота и была бы рада остановить его заблаговременно; но еще сомнительно, чтобы она желала войны для этой цѣли. Въ теченіе годовъ, послѣдовавшихъ за Парижскимъ миромъ, рядъ недолговѣчныхъ министерствъ, обратившихся главнымъ образомъ къ вопросамъ внутренней политики или къ несерьезнымъ партійнымъ интересамъ, былъ причиною того, что иностранная политика Англіи представляла рѣзкій контрастъ съ энергичнымъ, властолюбивымъ, но прямолинейнымъ образомъ дѣйствій Питта. Внутреннія смуты и неурядицы, которыя обыкновенно присущи времени, слѣдующему за большими войнами, и болѣе всего споры съ Сѣверо-Американскими колоніями, начавшіеся еще въ 1765 году хорошо извѣстнымъ закономъ о гербовомъ сборѣ (Stamp Act), соединились съ другими причинами, чтобы связать руки Англіи. Дважды, по крайней мѣрѣ, въ годы министерства Шаузеля представлялись случаи, которые рѣшительное, находчивое и не слишкомъ разборчивое министерство Англіи могло бы легко обратить въ поводы войны, — тѣмъ болѣе, что эти случаи касались морской

силы, бывшей для Англіи, болѣе чѣмъ для всѣхъ другихъ державъ, предметомъ основательныхъ и ревнивыхъ заботъ. Въ 1764 году генуэзцы, утомленные безуспѣшными попытками управлять Корсикой, опять просили Францію возобновить оккупацію портовъ, которые разъ были уже заняты ея гарнизонами въ 1756 году. Корсиканцы также отправили посланника во Францію съ тѣмъ, чтобы ходатайствовать о признаніи ихъ независимости цѣною дани, равной той, какую они платили прежде Генуѣ. Послѣдняя, чувствуя, что ей не подъ силу опять подчинить Корсику, наконецъ рѣшилась, практически, отказаться отъ нея. Дѣло приняло видъ формальнаго дозволенія королю Франціи пользоваться всѣми правами верховной власти надъ всѣми городами и гаванями Корсики, какъ бы въ обезпеченіе долговъ, какими обязалась ему Республика. Эта уступка, скрытая подъ видомъ гарантіи, чтобы замаскировать усиленіе Франціи въ глазахъ Австріи и Англіи, напоминаетъ условную и тонко замаскированную передачу острова Кипра Англіи девять лѣтъ назадъ,— передачу, которой вѣроятно суждено быть такой же окончательной и многозначительной, какъ передача Корсики Франціи. Англія тогда взволновалась и заговорила сердито; но хотя Бэркъ (Burke) заявилъ: «Корсика, какъ провинція Франціи, страшна мнѣ»,— только одинъ членъ палаты общинъ, ветеранъ адмиралъ сэръ Чарльсъ Саундерсъ (Charles Saunders), рѣшился замѣтить на это, что «было бы лучше вступить въ войну съ Франціей, чѣмъ согласиться отдать ей во владѣніе Корсику» (*). Если принять во вниманіе хорошо тогда сознававшіеся интересы Англіи въ Средиземномъ морѣ, то сдѣлается очевиднымъ, что переходъ острова,— такъ выгодно расположеннаго для вліянія на берегахъ Италіи и для стѣсненія дѣятельности морской станціи на Миноркѣ,— въ руки сильнаго владѣльца не могъ бы быть допущенъ Англіею, если бы она чувствовала себя готовой къ войнѣ и желала бы ее.

Далѣе, въ 1770 году возникъ споръ между Англіею и Испаніею изъ-за владѣній на Фалкландскихъ островахъ. Не-

(*) Mahon: History of England.

*

вдаваясь здѣсь въ сущность притязаній той и другой державы на эту группу скудныхъ въ то время островомъ, не богатыхъ ни военными, ни естественными выгодами, замѣтимъ только, что обѣ, и Англія и Испанія, имѣли тамъ поселенія, на которыхъ развѣвались ихъ національные флаги, и на англійской станціи начальникомъ былъ капитанъ флота. Передъ этимъ поселеніемъ, называвшимся Портъ-Эгмонтъ (Port Egmont), внезапно появилась, въ іюнѣ 1770 года, испанская экспедиція, снаряженная въ Буэносъ-Айресѣ, изъ пяти фрегатовъ, съ шестнадцатью сотнями солдатъ. Такой силѣ горсть англичанъ не могла оказать серьезнаго сопротивленія, такъ что, обмѣнявшись съ противникомъ нѣсколькими выстрѣлами, ради поддержанія чести флага, портъ сдался на капитуляцію.

Вѣсти объ этомъ дѣлѣ достигли до Англіи въ слѣдующемъ октябрѣ мѣсяцѣ, — и то, какъ онѣ были приняты тамъ, показываетъ, насколько оскорбленіе серьезнѣе, чѣмъ матеріальный вредъ и насколько живѣе оно чувствуется. Передача Корсики едва лишь возбудила волненіе за стѣнами государственныхъ учрежденій, а нападеніе на Портъ-Эгмонтъ подняло и народъ и парламентъ. Англійскому посланнику въ Мадридѣ было приказано потребовать немедленнаго возстановленія прежняго порядка на островахъ и объявленія незаконнымъ образа дѣйствій офицера, по приказанію котораго было сдѣлано нападеніе. Не дожидаясь отвѣта, были сдѣланы распоряженія о снаряженіи кораблей въ кампанію; отряды для вербовки матросовъ сновали по улицамъ, и въ короткое время сильный флотъ былъ готовъ въ Спитгэдѣ для отмщенія за оскорбленіе. Испанія, полагаясь на Семейный Договоръ Бурбоновъ и на поддержку Франціи, была склонна твердо настаивать на своемъ; но старый король Людовикъ XV былъ противъ войны, и Шуазель, между врагами котораго при дворѣ была послѣдняя фаворитка короля, получилъ отставку. Съ его паденіемъ исчезли надежды Испаніи, которая сейчасъ же согласилась на требованія Англіи, сохранивъ, однако, за собою право верховнаго владычества на островахъ. Такое заключеніе дѣла показываетъ ясно, что Англія, хотя все еще обладавшая значительной морской силой, способной сдерживать Испанію,

не горѣла уже желаніемъ войны единственно для того только, чтобы уничтожить соперничавшіе съ нею флоты.

Не будетъ вполнѣ чуждымъ вопросу о морской силѣ краткое замѣчаніе о крупномъ событіи, которое случилось въ то время, какъ будто бы совершенно внѣ всякаго отношенія къ морскимъ интересамъ. Первый раздѣлъ Польши между Пруссіей, Россіей и Австріей, состоявшійся въ 1762 году, былъ облегченъ увлеченіемъ Шуазеля морскою политикою и союзомъ съ Испаніей. Дружба съ Польшей и Турціей и поддержка ихъ, какъ державъ, противодѣйствовавшихъ Австрійскому Дому, были частью традицій, завѣщанныхъ Франціи Генрихомъ IV и Ришелье; уничтоженіе первой державы было прямымъ ударомъ для гордости и интересовъ Франціи. Что сдѣлалъ бы Шуазель, если бы онъ владѣлъ еще тогда министерскимъ портфелемъ, — знать нельзя, но если бы результатъ Семилѣтней войны былъ иной, то Франція могла бы вмѣшаться въ это дѣло съ тою или другою цѣлью.

10-го мая 1774 года Людовикъ XV умеръ; это было какъ разъ то время, когда волненія въ Сѣверо-Американскихъ колоніяхъ быстро приближались къ своему апогею. При его юномъ преемникѣ, Людовикѣ XVI, политика мира на континентѣ, дружескаго союза съ Испаніею и количественнаго и качественнаго возсозданія флота продолжалась. Это была внѣшняя политика Шуазеля, направленная противъ морской силы Англіи, какъ противъ главнаго врага Франціи, и въ пользу морской силы послѣдней, — какъ главной опоры ея. Инструкціи, данныя, согласно французскому морскому писателю, новымъ Королемъ своимъ министрамъ, показываютъ духъ, которымъ его царствованіе характеризовалось вплоть до революціи, были ли онѣ плодомъ его самостоятельныхъ убѣжденій или нѣтъ, — безразлично: —

„Слѣдить за всѣми признаками приближающейся опасности; наблюдать, при посредствѣ крейсеровъ, за подходными путями къ нашимъ островамъ и за входомъ въ Мексиканскій заливъ; слѣдить постоянно за тѣмъ, что происходитъ на Ньюфаундлэндскихъ банкахъ, и за стремленіями англійской торговли; наблюдать за состояніемъ вооруженныхъ силъ и общественнаго кредита въ Англіи; слѣдить за дѣятельностью ея министерства; вмѣшиваться искусно въ дѣла британскихъ колоній; давать колонистамъ-инсургентамъ средства добывать военные припасы, сохраняя однако при этомъ

строжайшій нейтралитетъ; расширять флотъ дѣятельно, но безшумно; исправлять наши военные корабли; снабдить всѣмъ необходимымъ магазины и постоянно имѣть наготовѣ средства для быстраго снаряженія флотовъ въ Брестѣ и Тулонѣ, тогда какъ Испаніи слѣдовало бы готовить свой флотъ въ Ферролѣ; наконецъ, при первомъ серьезномъ опасеніи разрыва собрать многочисленныя войска на берегахъ Бретани и Нормандіи и все приготовить для вторженія въ Англію, чтобы принудить ее сосредоточить свои силы и такимъ образомъ ослабить средства ея сопротивленія на окраинахъ ея владѣній" (*).

Такія инструкціи, — были ли онѣ даны сразу, какъ выраженіе симметрическаго, хорошо обдуманнаго плана, или давались отъ времени до времени, когда представлялся случай, — показываютъ, что положеніе было обдумано тщательно, и дышатъ убѣжденіемъ, которое, если бы Франція прониклась имъ раньше, сильно измѣнило бы исторію ея и Англіи. Но исполненіе плана было менѣе совершенно, чѣмъ замыселъ его.

Въ дѣлѣ развитія французскаго флота, однако, пятнадцать лѣтъ мира и настойчивой работы принесли хорошіе результаты. Когда война возгорѣлась въ 1778 году, Франція имѣла восемьдесятъ линейныхъ кораблей въ хорошемъ состояніи, и шестьдесятъ семь тысячъ матросовъ числились въ морской записи. Въ портахъ Испаніи, когда она приняла участіе въ войнѣ въ качествѣ союзницы Франціи, т. е. въ 1779 году, было почти шестьдесятъ линейныхъ кораблей. Совокупности этихъ силъ Англія противопоставила двѣсти двадцать восемь кораблей всѣхъ классовъ, изъ которыхъ около ста пятидесяти были линейные. Кажущееся по этимъ численнымъ даннымъ равенство матеріальныхъ силъ противниковъ нарушалось, къ невыгодѣ Англіи, большей величиной французскихъ и испанскихъ судовъ и лучшей артиллеріей на нихъ; но съ другой стороны, ея сила, какъ принадлежавшая одной державѣ, имѣла за собою превосходство въ единствѣ цѣли. Союзникамъ же суждено было испытать общеизвѣстную слабость морскихъ коалицій, такъ же какъ и послѣдствія деморализованной администраціи Испаніи и недостатокъ привычки къ морю, — можно даже сказать, не боясь ошибки, недостатокъ способности къ морскому дѣлу, — обѣихъ націй. Морская политика, при которой Людовикъ XVI началъ свое

(*) Lapeyrouse-Bonfils, vol. III, p. 5.

царствованіе, была доведена до конца; въ 1791 году, два года спустя послѣ собранія Генеральныхъ Штатовъ, во французскомъ флотѣ числилось восемьдесятъ шесть линейныхъ кораблей, въ общемъ, превосходившихъ, — какъ по размѣрамъ, такъ и по цѣлесообразности типа, — англійскіе корабли того же класса.

Мы пришли, такимъ образомъ, къ возникновенію истинно морской войны, которая, — какъ съ этимъ согласятся прочитавшіе предшествующія страницы, — не имѣла мѣста со дней Рюйтера и Турвиля. Величіе морской силы и ея значеніе можетъ быть болѣе ясно выказывалось безконтрольнымъ господствомъ и вытекавшимъ изъ него возвеличеніемъ одной воюющей стороны; но урокъ, такимъ образомъ преподанный, если и болѣе поразительный, обладаетъ менѣе живымъ интересомъ, чѣмъ зрѣлище, представляемое морской державой, которая встрѣчаетъ врага, достойнаго ея по оружію, и напряженіе силъ которой вызвано борьбою, угрожавшею не только ея самымъ цѣннымъ колоніямъ, но и ея собственнымъ берегамъ. Вслѣдствіе обширнаго и разбросаннаго состава Британской монархіи борьба эта велась во всѣхъ частяхъ свѣта, и вниманіе изучающаго ее привлекается то къ Остъ-Индіи, то къ Вестъ-Индіи, то къ берегамъ Соединенныхъ Штатовъ, то къ берегамъ самой Англіи; отъ Нью-Іорка и Чезапикской бухты къ Гибралтару и Миноркѣ, къ островамъ Зеленаго мыса, къ мысу Доброй Надежды и Цейлону. Война эта характеризуется главнымъ образомъ тѣмъ, что сталкивающіеся въ ней враждебные флоты — одинаковы по величинѣ, и общая погоня и свалки, которыя характеризовали сраженія Гауке, Боскауэна и Ансона, хотя по временамъ имѣютъ мѣсто и въ ней, смѣнились большей частью осторожными и сложными маневрами, слишкомъ часто бѣдными рѣшительными результатами. Превосходство французовъ въ тактическомъ искусствѣ содѣйствовало тому, что въ этомъ столкновеніи рѣзко выразилось особенное свойство ихъ морской политики, которая не старалась достигнуть обладанія моремъ черезъ уничтоженіе флотовъ непріятеля, его организованной силы, а гналась за успѣхомъ частныхъ операцій, за захватомъ частныхъ пунктовъ, и преслѣдовала частныя стратегическія цѣли, какъ цѣли конечныя. Нѣтъ необходимости стараться навязы-

вать другимъ убѣжденія автора этого труда, что такая политика, — хотя и пригодная въ исключительныхъ случаяхъ, — ошибочна, какъ правило; но въ высшей степени желательно, чтобы всѣ лица, отвѣтственныя за результаты веденія морскихъ дѣлъ, признали, что существуютъ два направленія политики, прямо противоположныя другъ другу. Въ одномъ есть тѣсная аналогія съ войною за обладаніе постами; тогда какъ въ другомъ предметомъ дѣйствій, или объектомъ операцій, является та сила, уничтоженіе которой дѣлаетъ посты беззащитными и поэтому необходимо отдаетъ ихъ со временемъ въ руки непріятеля. Установивъ различіе между этими двумя противоположными направленіями, надлежитъ разсмотрѣть результаты обоихъ ихъ, какъ они опредѣляются примѣрами, представляемыми исторіей Англіи и Франціи.

Однако не такія осторожныя воззрѣнія хотѣлъ сначала внушить своимъ адмираламъ новый король Франціи. Въ инструкціяхъ, адресованныхъ къ графу д'Орвилье (d'Orvilliers), командовавшему первымъ флотомъ, посланнымъ изъ Бреста, морской министръ говоритъ отъ имени короля: —

„Ваша обязанность состоитъ теперь въ томъ, чтобы возвратить французскому флагу тотъ блескъ, какимъ онъ нѣкогда сіялъ; прошедшія несчастія и ошибки должны быть заглажены; только блестящими сраженіями флотъ можетъ надѣяться достигнуть этого. Его величество имѣетъ право ожидать величайшихъ усилій отъ своихъ офицеровъ.... Въ какія бы обстоятельства флотъ короля ни былъ поставленъ, распоряженія его величества, которыя онъ настоятельно обязалъ меня внушить вамъ, такъ же какъ и всѣмъ командирамъ, требуютъ, чтобы его корабли атаковали непріятеля съ величайшей энергіей и защищались во всѣхъ случаяхъ до послѣдней крайности“.

Далѣе инструкція продолжается въ томъ же духѣ. Французскій офицеръ, воззрѣній котораго на эту фазу французской морской политики мы еще не приводили, говоритъ: —

„Какъ отличенъ этотъ языкъ отъ того, на какомъ обращались къ нашимъ адмираламъ въ теченіе послѣдней войны; ибо было бы ошибкой думать, что они слѣдовали добровольно и естественно робкой и оборонительной системѣ, которая преобладала въ тактикѣ флота. Правительство, всегда находившее издержки, вызывавшіяся содержаніемъ флота, чрезвычайными, слишкомъ часто предписывало адмираламъ держаться въ морѣ такъ долго, какъ это возможно, не вступая въ правильныя сраженія или даже въ легкія столкновенія съ противникомъ, которыя всегда очень дороги, такъ-какъ слѣдствіемъ

ихъ можетъ явиться потеря кораблей трудно замѣнимыхъ. Часто имъ предписывалось, чтобы они, если уже приняли бой по необходимости, тщательно избѣгали искушать судьбу своихъ эскадръ слишкомъ рѣшительными стычками. Они считали себя, поэтому, обязанными отступать, какъ только бой принималъ серьезный оборотъ. Такимъ образомъ они пріобрѣтали несчастную привычку добровольно уступать поле сраженія, какъ только непріятель, даже слабѣйшій, смѣло оспаривалъ его у нихъ. Выходило, слѣдовательно, что флоты наши посылались встрѣтить непріятеля только затѣмъ, чтобы отступать постыдно въ его присутствіи; принимать бой вмѣсто того, чтобы предлагать его; начинать сраженіе только затѣмъ, чтобы конецъ его имѣлъ видъ ихъ пораженія; разрушать моральную силу съ тѣмъ, чтобы спасти силу матеріальную.. Таковъ былъ духъ, который, какъ было справедливо сказано Шарлемъ Дюпэнъ (Charles Dupin), руководилъ французскимъ министерствомъ той эпохи. Результаты извѣстны" (¹).

За смѣлыми рѣчами Людовика XVI послѣдовали почти немедленно другія, — инаго, уступчиваго тона, обращенныя также къ адмиралу д'Орвилье передъ его отплытіемъ. Его извѣстили, что Король, узнавъ о силѣ англійскаго флота, полагается на его благоразуміе по отношенію къ поведенію, какого слѣдуетъ держаться въ моментъ, когда подъ его командой состоятъ всѣ морскія силы, какими Франція могла располагать. Въ сущности оба враждебные флота были почти равны; было бы невозможно рѣшить который сильнѣе, безъ детальныхъ свѣдѣній о вооруженіи каждаго отдѣльнаго корабля. Д'Орвилье оказался, подобно тому, какъ оказывались многія отвѣтственныя лица до него, между двумя различными требованіями; въ случаѣ неудачнаго исполненія того или другаго изъ послѣднихъ онъ могъ быть увѣренъ, что его жестоко осудятъ, тогда какъ правительство во всякомъ случаѣ было обезпечено козломъ отпущенія.

Обсужденіе относительныхъ силъ двухъ флотовъ, матеріальной и моральной, необходимо увлекло насъ за эпоху начала Американской войны за независимость. До начала описанія ея будетъ умѣстно дополнить грубую оцѣнку всей морской силы Англіи, хотя бы, — за недостаткомъ болѣе точныхъ свѣдѣній, — по докладу перваго лорда Адмиралтейства, сдѣланному въ палатѣ лордовъ, въ ноябрѣ 1777 года, за нѣ-

(¹) Troude, vol. II, p.p. 3 – 5. Другія цитаты французскихъ авторовъ по этому предмету см. раньше: стр. 88, 92, 93.

сколько только мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ началась война съ Франціей. Возражая на жалобы оппозиціи о слабости флота Канала, онъ сказалъ: —

„Мы имѣемъ теперь сорокъ два линейные корабля въ кампаніи въ Великобританіи (не считая находящихся за границею), тридцать пять изъ которыхъ вполнѣ укомплектованы командой и готовы выйти въ море во всякій моментъ, когда это потребуется... Я не думаю, чтобы Франція и Испанія питали какую-либо вражду къ намъ; но во всякомъ случаѣ то, что сейчасъ мною сказано, даетъ мнѣ право утверждать, что нашъ флотъ — болѣе, чѣмъ равный соперникъ флоту всего Дома Бурбоновъ“ (*).

Должно, однако, сказать, что адмиралъ Кеппель не увидѣлъ столь радужной перспективы, когда онъ, будучи назначенъ въ слѣдующемъ мартѣ мѣсяцѣ начальникомъ флота, посмотрѣлъ на послѣдній (употребляя его собственное выраженіе) «глазомъ моряка» (**); и въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ вышелъ въ море только съ двадцатью кораблями.

Въ изслѣдованіи такого характера, какъ наше, было бы совершенно неумѣстнымъ останавливаться на какомъ-либо разсмотрѣніи политическихъ вопросовъ, приведшихъ къ отложенію Соединенныхъ Штатовъ отъ Британской монархіи. Уже было замѣчено, что это отложеніе послѣдовало за рядомъ ошибокъ англійскаго министерства, — не неестественныхъ, въ виду господствовавшихъ въ то время взглядовъ на отношенія колоній къ метрополіи. Нуженъ былъ человѣкъ выдающагося генія, чтобы признать не только существенную справедливость притязаній американцевъ, — что сдѣлали многіе, — но также и военную силу ихъ положенія, какъ это выше было указано. Эта сила заключалась въ отдаленности колоній отъ метрополіи, въ ихъ взаимной близости, независимо отъ обладанія моремъ, въ характерѣ колонистовъ, — главнымъ образомъ англійскаго и голландскаго происхожденія, — и вѣроятной враждебности къ Англіи Франціи и Испаніи. Къ несчастью для Англіи, люди, наиболѣе способные считаться съ такимъ положеніемъ, были въ меньшинствѣ и не у дѣлъ.

(*) Mahon: History of England; Gentleman's Magazine, 1777, p. 553.
(**) Keppel's Defence.

Выше уже сказано, что будь эти тринадцать колоній островами, морская сила Великобританіи такъ изолировала бы ихъ другъ отъ друга, что послѣдовательное паденіе ихъ сдѣлалось бы въ то время неизбѣжнымъ. Къ этому можно прибавить, что узость полосы, занимавшейся тамъ цивилизованнымъ человѣкомъ, и характеръ пересѣченія ея глубоко вдающимися бухтами и судоходными рѣками, практически, ставилъ, по отношенію къ вопросу взаимной поддержки, въ условія острововъ большія отдѣльныя области возставшей страны, которыя были, однако, недостаточно велики для самостоятельнаго существованія, но въ то же время слишкомъ велики для того, чтобы паденіе какой-нибудь изъ нихъ не было роковымъ ударомъ для общаго дѣла. Для подтвержденія сошлемся на наиболѣе знакомое дѣло, — операціи на рѣкѣ Гудсонъ, гдѣ бухта Нью-Іоркъ была съ самаго же начала занята британцами, которые взяли также и городъ въ сентябрѣ 1776 года, два мѣсяца спустя послѣ «Деклараціи о Независимости». Затрудненія въ передвиженіяхъ вверхъ и внизъ по такой рѣкѣ были, безъ сомнѣнія, значительно больше для парусныхъ судовъ, чѣмъ представляющіяся теперь для паровыхъ; тѣмъ не менѣе, кажется невозможно сомнѣваться, что если бы морскою силою Англіи управляли тогда дѣятельные и способные люди, можно было бы настолько овладѣть рѣкою и озеромъ Чамплэйнъ, — при посредствѣ военныхъ кораблей, разставленныхъ черезъ извѣстные промежутки, и при достаточномъ числѣ сопровождающихъ ихъ галеръ, — чтобы поддерживать передвиженіе надлежащей арміи между верховьями Гудсона и озеромъ, препятствуя въ то же время всякому сообщенію водою между Новою Англіею и штатами къ западу отъ рѣки. Эта операція сильно напоминала бы ту, при посредствѣ которой, во время Междоусобной войны Соединенныхъ Штатовъ, флоты и арміи постепенно раздѣлили на двѣ части Южную Конфедерацію, овладѣвъ сообщеніемъ по Миссисипи; и политическіе результаты ея были бы даже еще болѣе важными, чѣмъ военные, такъ какъ въ тотъ ранній періодъ войны духъ независимости обнаруживался гораздо дружнѣе и рѣзче въ области, которая была бы такимъ образомъ отрѣзана, — т. е. въ Новой Англіи, —

чѣмъ въ Нью-Іоркѣ и Нью-Джерсеѣ, и даже можетъ быть чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ, за исключеніемъ Южной Каролины (*).

Въ 1777 году британцы пытались достигнуть этой цѣли посылкой генерала Бэргойна (Burgoyn) изъ Канады, для проложенія пути черезъ озеро Чамплэйнъ къ Гудсону. Въ то же самое время сэръ Генри Клинтонъ двинулся къ сѣверу отъ Нью-Іорка, съ тремя тысячами человѣкъ, и достигъ Западнаго мыса (West Point), гдѣ посадилъ часть своихъ силъ на суда и послалъ ихъ вверхъ по рѣкѣ до пункта, отстоящаго на сорокъ миль отъ Албани (Albany). Здѣсь офицеръ, стоявшій во главѣ отряда, узналъ о сдачѣ Бэргойна въ Саратогѣ и возвратился; но то, что онъ сдѣлалъ съ отрядомъ, выдѣленнымъ только изъ трехтысячнаго войска, показываетъ, что могло бы быть сдѣлано при лучшей системѣ. Въ то время, какъ это происходило на Гудсонѣ, главнокомандующій англійскими войсками, дѣйствовавшими въ Америкѣ, воспользовался довольно интересно морскою силою своей страны, перевезя главную часть арміи, въ четырнадцать тысячъ человѣкъ, изъ Нью-Іорка въ глубину Чезапикской бухты, для обхода Филадельфіи съ тыла. Это эксцентрическое движеніе было успѣшно по отношенію къ предмету его дѣйствій — Филадельфіи; но оно было подсказано политическими соображеніями, потому что городъ этотъ былъ мѣстомъ собраній Конгресса, и было противно стратегическимъ требованіямъ. Поэтому Филадельфія и была скоро опять потеряна, и, что еще важнѣе, упомянутое времен-

(*) «Откровенный обзоръ нашихъ дѣлъ, который я намѣренъ представить теперь, сдѣлаетъ васъ судьей затрудненій, сопровождающихъ нашу работу. Почти всѣ наши запасы муки и не незначительная часть мяса получаются изъ штатовъ, лежащихъ къ западу отъ рѣки Гудсонъ. Это дѣлаетъ обезпеченное сообщеніе черезъ послѣднюю безусловно необходимымъ, какъ для поддержки вашей эскадры, такъ и для арміи. Овладѣвъ навигаціей по этой рѣкѣ, непріятель прерветъ это существенное сообщеніе между штатами. Онъ понялъ выгоды для себя успѣха въ этомъ ... Если бы онъ сумѣлъ какою-либо демонстраціею въ другомъ мѣстѣ отвлечь наше вниманіе и силы отъ этого важнаго пункта и, предупредивъ наше возвращеніе, овладѣть имъ, то послѣдствія для насъ были бы роковыми. Наши диспозиціи должны, поэтому, сообразоваться и съ совмѣстными дѣйствіями съ вами (въ Бостонѣ) въ оборонительномъ планѣ и съ обезпеченіемъ Сѣверной рѣки, исполненіе чего, за отдаленностью другъ отъ друга названныхъ предметовъ дѣйствій, особенно затруднительно». Washington to d'Estaing, Sept. 11, 1778.

ное занятіе ея обошлось очень дорого, такъ какъ этой диверсіей британскихъ силъ различные корпуса ихъ были поставлены внѣ взаимной поддержки, и господство на коммуникаціонной линіи по рѣкѣ Гудсонъ было утрачено. Въ то время, какъ Бэргойнъ, съ семитысячнымъ регулярнымъ войскомъ, не считая вспомогательныхъ отрядовъ, подвигался для занятія истоковъ рѣки, четырнадцать тысячъ человѣкъ были двинуты отъ ея устьевъ къ Чезапику. Восемь тысячъ, оставшихся въ Нью-Іоркѣ, или близъ него, были вслѣдствіе этого привязаны къ городу присутствіемъ американской арміи въ Нью-Джерсеѣ. Этотъ бѣдственный шагъ былъ сдѣланъ въ августѣ мѣсяцѣ; а въ октябрѣ Бэргойнъ, отрѣзанный отъ своихъ и окруженный непріятелемъ, сдался. Въ слѣдующемъ маѣ мѣсяцѣ англичане очистили Филадельфію и послѣ труднаго и опаснаго похода черезъ Нью-Джерсей, близко преслѣдуемые арміею Вашингтона, отняли обратно Нью-Іоркъ.

Это проникновеніе британскаго флота въ глубину Чезапикской бухты, вмѣстѣ съ поднятіемъ вверхъ по Потомаку въ 1814 году англійскихъ парусныхъ фрегатовъ, показываетъ другую слабую линію въ цѣпи американскихъ колоній. Но все-таки она была сильнѣе линіи между Гудсономъ и Чамплэйномъ, оба конца которой оставались во власти непріятеля, — въ Канадѣ съ одной стороны и на морѣ — съ другой.

Что касается морской войны вообще, то нѣтъ нужды распространяться о фактѣ, что колонисты не могли имѣть никакой вооруженной силы, способной сопротивляться флотамъ Великобританіи, и были, вслѣдствіе этого, вынуждены оставить море за нею, прибѣгнувъ только къ крейсерской войнѣ, — главнымъ образомъ при посредствѣ приватировъ, — къ которой они были вполнѣ способны, благодаря своему искусству въ мореходствѣ и предпріимчивости, и которою они нанесли много вреда англійской торговлѣ. Къ концу 1778 года, по оцѣнкѣ одного англійскаго морскаго историка, американскіе приватиры захватили почти тысячу коммерческихъ судовъ, стоимостью около 2 000 000 фунтовъ стерлинговъ; онъ утверждаетъ, однако, что потери американцевъ были тяжелѣе. Это такъ и должно было быть, такъ какъ англійскіе крейсера и лучше поддерживались

линейными флотами и были сильнѣе американскихъ, а между тѣмъ развитіе американской торговли служило предметомъ удивленія для государственныхъ людей Англіи; когда возгорѣлась война, то упомянутая торговля была такъ же велика, какъ торговля самой Англіи въ началѣ столѣтія.

Интересное указаніе на численность мореходнаго населенія Сѣверной Америки въ то время находимъ въ парламентскомъ сообщеніи перваго лорда Адмиралтейства о томъ, «что флотъ потерялъ восемнадцать тысячъ матросовъ, участвовавшихъ въ послѣдней войнѣ, отъ неимѣнія на своей сторонѣ Америки», — не незначительная потеря для морской силы Англіи, особенно при условіи, что ряды непріятеля настолько же усилились.

Ходъ войны на морѣ повелъ, какъ всегда, къ жалобамъ нейтральныхъ сторонъ на англичанъ за захваты ихъ кораблей, участвовавшихъ въ американской торговлѣ. Такія жалобы, однако, не были необходимы для возбужденія вражды и надеждъ Франціи въ тогдашнемъ затруднительномъ положеніи британскаго правительства. Часъ мести и сведенія счетовъ, на который разсчитывала политика Шуазеля, казалось, теперь пришелъ, и уже давно въ Парижѣ обсуждался вопросъ, какое положеніе слѣдуетъ занять и какія выгоды можно извлечь изъ возмущенія колоній. Было рѣшено, что послѣднія должны получить всевозможную поддержку Франціи, лишь бы это не повело къ разрыву ея съ Англіею; и съ этою цѣлью французскому агенту, Бомарше, были даны деньги для учрежденія торговаго дома, который долженъ былъ снабжать колонистовъ боевыми припасами. Франція дала милліонъ франковъ, къ которымъ Испанія прибавила такую же сумму, и Бомарше получилъ позволеніе покупать предметы вооруженія изъ правительственныхъ арсеналовъ. Между тѣмъ изъ Соединенныхъ Штатовъ прибыли агенты, по приглашенію которыхъ французскіе офицеры переходили на американскую службу, въ сущности почти безъ препятствій къ этому со стороны своего правительства. Домъ Бомарше былъ открытъ въ 1776 году; въ декабрѣ этого года Веньяминъ Франклинъ высадился во Францію, и въ маѣ 1777 года Лафайетъ (Lafayette) прибылъ въ Америку. Между тѣмъ, приготовленія Франціи къ войнѣ,

особенно къ морской, шли дѣятельно; флотъ постоянно увеличивался, и организовалось все необходимое для угрозы вторженіемъ въ Англію со стороны Канала, тогда какъ дѣйствительный театръ войны долженъ былъ быть въ колоніяхъ. Тамъ Франція была въ положеніи человѣка, которому было почти нечего терять. Уже лишенная Канады, она имѣла всѣ причины думать, что возобновленіе войны, — при нейтралитетѣ Европы и при условіи, что американцы были ея друзьями, а не недругами, какъ прежде,—не отниметъ у нея острововъ. Сознавая, что американцы, которые не далѣе какъ двадцать лѣтъ назадъ, настаивали на завоеваніи Канады, не согласились бы возвратить ей послѣднюю, Франція открыто утверждала, что и не имѣетъ никакихъ надеждъ на это, но заявила, что будетъ требовать оставленія за собою англійскихъ вестъ-индскихъ владѣній, какія будетъ въ состояніи захватить въ наступающей войнѣ. Положеніе Испаніи было иное. Ненавидя Англію, нуждаясь въ возвращеніи Гибралтара, Минорки и Ямайки, — бывшихъ не только жемчужинами въ ея коронѣ, но и краеугольными камнями ея морской силы,—она, несмотря на то, видѣла, что успѣшное возмущеніе англійскихъ колонистовъ противъ морской силы ихъ метрополіи, не имѣвшей до тѣхъ поръ соперника, было бы опаснымъ примѣромъ для огромной системы ея собственныхъ колоній, изъ которыхъ она ежегодно извлекала такія большія выгоды. Если бы Англія съ ея флотомъ потерпѣла неудачу, то на что могла разсчитывать Испанія? Во введеніи къ настоящему изслѣдованію было уже указано, что доходъ испанскаго правительства черпался не изъ легкаго налога на богатую морскую силу, построенную на промышленности и торговлѣ королевства, но изъ узкаго потока золота и серебра, поддерживавшагося немногими кораблями, нагружавшимися добычей колоній, которыя управлялись по самой односторонней административной системѣ.... Испанія могла и много потерять и много пріобрѣсть. При томъ и теперь еще, какъ и въ 1760 году, она была державою, съ которою Англія могла воевать къ наибольшей для себя выгодѣ. Несмотря на то, обиды на Англію и династическая симпатія взяли верхъ. Испанія ступила на тайный враждебный путь, по которому уже слѣдовала Франція.

При такомъ напряженномъ положеніи дѣлъ, вѣсти о сдачѣ Бэргойна подѣйствовали, какъ искра. Опытъ прежнихъ войнъ познакомилъ Францію со свойствами американцевъ, какъ недруговъ, и она ожидала найти въ нихъ цѣнныхъ помощниковъ для исполненія своихъ плановъ мести; теперь казалось, что они были бы въ состояніи позаботиться о самихъ себѣ даже одни, отказавшись отъ всякаго союза. Рѣшительныя извѣстія изъ Америки дошли до Европы 2-го декабря 1777 года, а 16-го французскій министръ иностранныхъ дѣлъ извѣстилъ комиссіонеровъ Конгресса, что Король былъ готовъ признать независимость Соединенныхъ Штатовъ и заключить съ ними торговый договоръ и соотвѣтствующій оборонительный союзъ. Быстрота, съ какою шло дѣло, показываетъ, что Франція была подготовлена къ нему ранѣе, и договоръ, столь важный по своимъ необходимымъ послѣдствіямъ, былъ подписанъ 6-го февраля 1778 года.

Нѣтъ необходимости приводить подробно условія договора, но важно замѣтить, во-первыхъ, что открытое отреченіе Франціи отъ Канады и Новой Шотландіи предзнаменовали ту политическую теорію, которая извѣстна теперь, какъ доктрина Монрое, и проведеніе которой едва ли могло бы быть успѣшно безъ надлежащей морской силы; и, во-вторыхъ, что союзъ съ Франціей, а затѣмъ и съ Испаніей, далъ американцамъ то, въ чемъ они больше всего нуждались, — морскую силу для противодѣйствія такой же силѣ Англіи. Будетъ ли слишкомъ много для гордости американцевъ допустить, что если бы Франція отказалась оспаривать обладаніе моремъ у Англіи, то послѣдняя была бы въ состояніи подчинить себѣ все Атлантическое побережье Америки?.... Не будемъ же отталкивать лѣстницу, по которой мы взошли на высоту настоящаго положенія, и отказываться отъ признанія того, что наши отцы чувствовали въ часъ испытанія.

Прежде, чѣмъ начать исторію этой морской войны, надлежитъ дать очеркъ военнаго положенія въ то время въ различныхъ частяхъ свѣта.

Три обстоятельства рѣзко отличали его отъ того, какимъ оно было въ 1756 году, а именно: 1) враждебное отношеніе

Америки къ Англіи; 2) раннее появленіе Испаніи на театрѣ дѣйствій въ качествѣ союзницы Франціи; и 3) нейтралитетъ другихъ континентальныхъ государствъ, который позволилъ Франціи избавиться отъ заботъ со стороны ея сухопутныхъ границъ.

На Сѣверо-Американскомъ континентѣ американцы владѣли Бостономъ въ теченіе уже двухъ лѣтъ. Наррагансеттская бухта (Narragansett Bay) и Родъ-Айлэндъ (Rhode Island) были заняты англичанами, которые владѣли также Нью-Іоркомъ и Филадельфіей. Чезапикская бухта и входъ въ нее, не имѣвшіе сильныхъ постовъ, были во власти всякаго флота, который появлялся тамъ. На югѣ, со времени неуспѣшной атаки Чарльстона въ 1776 году, никакого серьезнаго движенія не предпринималось англичанами; до объявленія войны Франціею главныя военныя событія совершались къ сѣверу отъ Чезапика (Балтиморы). Въ Канадѣ, съ другой стороны, американцы терпѣли неудачи, и страна эта оставалась до конца надежной базой для англійской силы.

Въ Европѣ самымъ знаменательнымъ элементомъ, на который слѣдуетъ указать, была бóльшая готовность къ войнѣ французскаго флота и до нѣкоторой степени испанскаго, — по сравненію съ прежними войнами. Англія заняла исключительно оборонительное положеніе и не имѣла союзниковъ, тогда какъ короли династіи Бурбоновъ имѣли цѣлью завоеваніе Гибралтара и Портъ-Магона и вторженіе въ Англію. Первые два, однако, были дорогими объектами войны для Испаніи, послѣднее — предметомъ операцій Франціи; и такое расхожденіе цѣлей было роковымъ для успѣха этой морской коалиціи. Во введеніи мы коснулись уже стратегическаго вопроса, возникающаго изъ такого несогласія въ политикѣ.

Въ Вестъ-Индіи положенія двухъ сражавшихся сторонъ на сушѣ, въ дѣйствительности, были равносильны, хотя это и не должно было бы быть такъ. Обѣ, и Франція и Англія, имѣли сильные посты на Навѣтренныхъ островахъ, — одна на Мартиникѣ, другая — на Барбадосѣ. Должно замѣтить, что положеніе послѣдняго, на вѣтрѣ у всѣхъ другихъ острововъ этой группы, было рѣшительнымъ стратегическимъ преимуще-

ствомъ въ парусную эпоху. Въ разсматриваемой войнѣ борьба здѣсь сосредоточилась почти исключительно въ сосѣдствѣ Малыхъ Антильскихъ острововъ. Съ самаго начала войны англійскій островъ Доминика, лежащій между французскими Мартиникой и Гваделупой, былъ предметомъ домоганій французовъ и взятъ ими. Ближайшимъ отъ Мартиники къ югу лежитъ островъ С. Лючіа, французская колонія. Ея сильно укрѣпленная гавань на подвѣтренномъ берегу (Gros Hot Bay) была превосходнымъ пункттомъ для наблюденія за движеніемъ французскаго флота, имѣвшаго базу въ Фортъ-Ройялѣ, на Мартиникѣ. Англичане захватили островъ, и съ этой безопасной якорной стоянки Родней сначала стерегъ и затѣмъ преслѣдовалъ французскій флотъ передъ славнымъ сраженіемъ въ 1782 году. Острова къ югу имѣли меньшее военное значеніе. На бо́льшихъ островахъ Испанія должна бы была пересилить Англію, владѣя Кубой, Порто-Рико и, — вмѣстѣ съ Франціею,—Гаити; тогда какъ Англіи принадлежала только Ямайка. Для Испаніи, однако, они были лишь мертвымъ грузомъ, а Англія вездѣ въ другихъ мѣстахъ имѣла слишкомъ много заботъ на рукахъ, чтобы атаковать ее здѣсь. Единственный пунктъ въ Америкѣ, гдѣ испанское оружіе дало себя почувствовать, былъ въ обширной странѣ, къ востоку отъ Миссисипи, извѣстной тогда подъ именемъ Флориды, которая, хотя и была въ то время во владѣніи англичанъ, не присоединилась къ возмутившимся колоніямъ.

Въ Остъ-Индіи, какъ читатели помнятъ, Франція получила назадъ свои станціи по условіямъ мира 1763 года; но политическое преобладаніе Англіи въ Бенгаліи не уравновѣшивалось соотвѣтствующимъ вліяніемъ Франціи въ какой-либо части полуострова. Въ теченіе послѣдующихъ годовъ англичане распространяли и усиливали свою власть, чему благопріятствовалъ характеръ ихъ главныхъ представителей, Клайва и Уарренъ Гастингса (Warren Hastings). Сильные туземные враги возстали однако же противъ нихъ въ южной части полуострова,—какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, — представивъ для Франціи превосходный случай возобновить свое вліяніе съ началомъ войны; но ея правительство и народъ не замѣтили тѣхъ

выгодъ, которыя могли бы извлечь для себя въ этой обширной странѣ. Не такъ вела себя Англія. Въ тотъ самый день, когда вѣсть объ объявленіи войны достигла Калькутты, 7-го іюля, 1778 года, Гастингсъ послалъ приказанія губернатору Мадраса атаковать Пондишери и далъ примѣръ захватомъ Чандернагора. Морскія силы обѣихъ державъ тамъ были незначительны; но французскій коммодоръ послѣ короткаго сраженія оставилъ Пондишери, который и сдался послѣ семидесятидневной осады его съ суши и съ моря. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1779 года послѣднее французское поселеніе, Махе (Mahé), пало, и французскій флагъ опять исчезъ; тогда какъ въ то же время прибыла сильная англійская эскадра изъ шести линейныхъ кораблей, подъ начальствомъ адмирала Юза (Hughes). Отсутствіе французской силы, сколько-нибудь способной считаться съ нею, дало англичанамъ полное обладаніе моремъ, до прибытія Сюффрена, почти три года спустя. Между тѣмъ вовлечены были въ войну и голландцы, и ихъ станціи,—Негапатамъ, на Коромандельскомъ берегу, и очень важная гавань Тринкомале, на Цейлонѣ, были захвачены англичанами,—послѣдняя въ январѣ 1782 года,—соединенными силами арміи и флота. Успѣхъ этихъ двухъ предпріятій опредѣлилъ военное положеніе въ Индостанѣ въ то время, когда прибытіе Сюффрена, какъ разъ мѣсяцемъ позже, обратило номинальную войну въ отчаянное и кровавое состязаніе. Эскадра Сюффрена была рѣшительно сильнѣе непріятельской, но для нея не было порта,—ни французскаго ни союзнаго,—который онъ могъ бы избрать базою своихъ операцій противъ англичанъ.

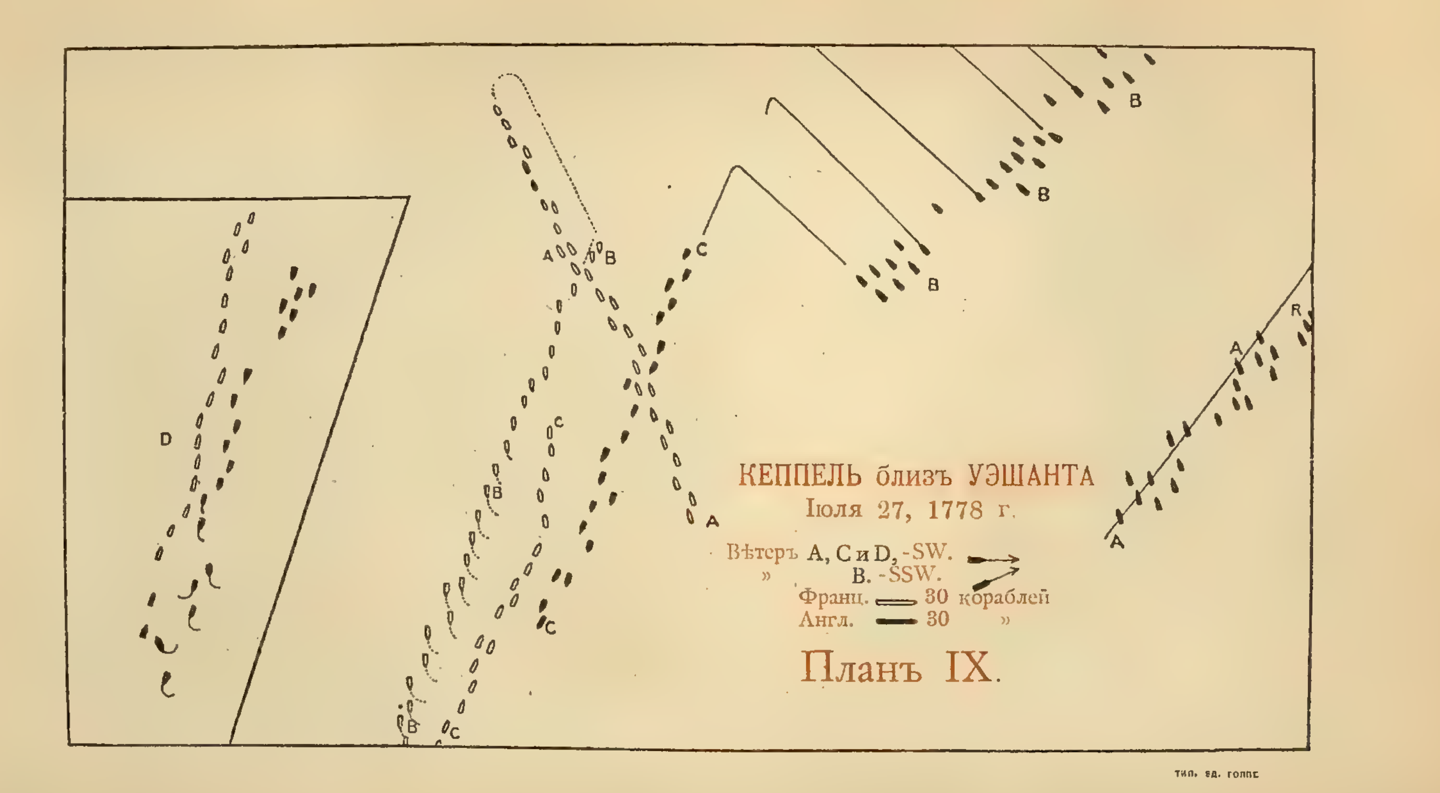
Изъ этихъ четырехъ главныхъ театровъ войны, два—сѣверо-американскій и вестъ-индскій,—какъ можно было ожидать вслѣдствіе ихъ взаимной близости,—прямо вліяли другъ на друга. Не такъ, очевидно это по отношенію къ театрамъ европейскимъ и въ Индіи. Наше повѣствованіе, поэтому, естественно распадается на три главные отдѣла, изъ которыхъ каждый можетъ разсматриваться до нѣкоторой степени отдѣльно. Послѣ такого отдѣльнаго разсмотрѣнія будетъ указано и взаимное вліяніе событій, вмѣстѣ съ весьма полезными уроками, которые надлежитъ вывести изъ достоинствъ и недостатковъ,

*

изъ успѣховъ и неудачъ этихъ большихъ комбинацій и изъ разсмотрѣнія той роли, какую играла морская сила.

13-го марта 1778 года французскій посланникъ въ Лондонѣ извѣстилъ англійское правительство, что Франція признала независимость Соединенныхъ Штатовъ и заключила съ ними торговый договоръ и оборонительный союзъ. Англія сейчасъ же отозвала изъ Парижа своего посланника. Но, хотя война была неизбѣжна и Англія была въ невыгодномъ положеніи, Испанскій король предложилъ посредничество, и Франція неблагоразумно медлила нанести противнику первый ударъ. Въ іюнѣ адмиралъ Кеппель отплылъ въ крейсерство изъ Портсмута съ двадцатью кораблями, и встрѣча его съ двумя французскими фрегатами, по которымъ онъ разрядилъ пушки, чтобы заставить ихъ лечь въ дрейфъ, открыла войну. Узнавъ изъ ихъ бумагъ, что тридцать два французскіе корабля стоятъ въ Брестѣ, онъ сейчасъ же возвратился за подкрѣпленіями. Выйдя опять въ море, уже съ тридцатью кораблями, онъ встрѣтился съ французскимъ флотомъ, шедшимъ подъ командой д'Орвилье къ западу отъ Уэшанта и на вѣтрѣ, при западномъ вѣтрѣ. 27-го іюля состоялось первое морское сраженіе этой войны, извѣстное какъ сраженіе при Уэшантѣ; въ немъ участвовало, съ каждой стороны по тридцати линейныхъ кораблей; по результатамъ оно было совершенно нерѣшительнымъ. Ни одинъ корабль не былъ взятъ или потопленъ; оба флота, послѣ сраженія, возвратились въ свои порта. Несмотря на это, разсматриваемое сраженіе пріобрѣло большую извѣстность въ Англіи, вслѣдствіе негодованія, возбужденнаго въ обществѣ его безрезультатностью, и цѣлой бури морскихъ и политическихъ пререканій, какую оно вызвало. Адмиралъ и третій въ порядкѣ командованія офицеръ принадлежали къ различнымъ политическимъ партіямъ; они возводили обвиненія другъ на друга, и въ послѣдовавшихъ за тѣмъ судебныхъ разбирательствахъ вся Англія раздѣлилась, сообразно главнымъ образомъ партійнымъ интересамъ. Общественное мнѣніе и мнѣнія моряковъ, въ общемъ, сочувственнѣе относились къ адмиралу Кеппелю.

Въ тактическомъ отношеніи сраженіе представляетъ нѣкоторыя интересныя черты и даетъ одинъ выводъ, который

Планъ IX.

тип. эд. гоппе

имѣетъ живой интересъ еще и въ наши дни. Кеппель былъ подъ вѣтромъ и желалъ принудить противника къ бою; съ этою цѣлью онъ сдѣлалъ сигналъ общей погони, чтобы лавировкой его быстроходнѣйшіе корабли могли догнать самые медленные корабли непріятеля. Если допустить, что эскадренныя скорости противниковъ были равны, то такой маневръ надо признать совершенно правильнымъ. Д'Орвилье, будучи на вѣтрѣ, не имѣлъ намѣренія сражаться иначе, какъ на условіяхъ, какія самъ найдетъ выгодными. Какъ обыкновенно бываетъ, флотъ, дѣйствовавшій наступательно, достигъ своей цѣли. На разсвѣтѣ 27-го числа оба флота были на лѣвомъ галсѣ, лежа на вестъ-нордъ-вестъ, при ровномъ вѣтрѣ отъ зюйдъ-веста (планъ IX, A, A, A) (*). Англійскій арьергардъ (R) упалъ подъ вѣтеръ (**), и Кеппель поэтому сдѣлалъ сигналъ шести своимъ кораблямъ выбраться на вѣтеръ такъ, чтобы они могли занять лучшее положеніе для поддержки главной части флота, на случай, если бы онъ смогъ добиться боя. Д'Орвилье замѣтилъ это движеніе и истолковалъ его, какъ намѣреніе атаковать его арьергардъ превосходными силами. Такъ какъ тогда враждебные флоты были въ разстояніи отъ 6 до 8 миль другъ отъ друга, то онъ повернулъ всѣмъ своимъ флотомъ черезъ фордевиндъ, послѣдовательно (французы отъ A до B), вслѣдствіе чего упалъ подъ вѣтеръ, но приблизился къ непріятелю и могъ теперь лучше видѣть его (позиціи B, B, B). Пока онъ исполнялъ эту эволюцію, вѣтеръ отошелъ къ югу, благопріятствуя англичанамъ; тогда Кеппель, вмѣсто того, чтобы повернуть на другой галсъ, остался на прежнемъ курсѣ еще

(*) Въ этомъ планѣ, вмѣсто употреблявшагося во всѣхъ другихъ случаяхъ способа обозначенія только характерныхъ фазъ сраженія, — въ послѣдовательности, но безъ связи, — сдѣлана попытка указывать *непрерывно* рядъ маневровъ и курсы, которыми флоты пришли, наконецъ, въ столкновеніе (отъ A до C). Такъ какъ *сраженіе* состояло единственно въ прохожденіи враждебныхъ флотовъ другъ мимо друга контръ-галсами, — маневръ, всегда нерѣшительный и безплодный, — то предшествовавшіе ему маневры представляютъ главный интересъ въ дѣлѣ, которое историческимъ своимъ значеніемъ обязано причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тактикой.

(**) Линія, проведенная черезъ центръ англійскаго флота въ A, указываетъ соотвѣтствующій строгому тактическому требованію румбъ равненія для его кораблей.

полчаса (англичане отъ B до C) и затѣмъ повернулъ всѣмъ флотомъ вдругъ и легъ на одинаковый съ французами курсъ. Это укрѣпило подозрѣнія д'Орвилье, и такъ какъ вѣтеръ, безспорно благопріятствовавшій въ это утро англичанамъ, теперь опять отошелъ къ западу, позволивъ имъ нагнать французскій арьергардъ, то онъ повернулъ черезъ фордевиндъ, также всѣмъ флотомъ вмѣстѣ (отъ B къ C), приведя такимъ образомъ остальныя суда на помощь арьергарду, теперь сдѣлавшемуся авангардомъ, и помѣшавъ Кеппелю сосредоточить нападеніе на немъ или прорвать его. Враждебные флоты прошли другъ мимо друга контръ-галсами (*), обмѣнявшись безрезультатными залпами,—французы на вѣтрѣ и имѣя возможность атаковать, но не воспользовавшись ею. Д'Орвилье тогда сдѣлалъ сигналъ своему авангарду (прежнему арьергарду), повернуть черезъ фордевиндъ, пройдя подъ вѣтеръ англійскаго арьергарда, — который былъ подъ вѣтромъ же у главной части своего флота, — намѣреваясь самъ остаться на вѣтрѣ и такимъ образомъ атаковать упомянутый арьергардъ съ двухъ сторонъ; но командовавшій французскою дивизіею, принцъ королевской крови, не послушался, и возможное преимущество было потеряно. Англичане пытались сдѣлать такой же маневръ. Адмиралъ авангарда и нѣкоторые изъ его кораблей повернули оверштагъ, какъ только вышли изъ сферы огня (D) (**), и послѣдовали за французскимъ арьергардомъ; но бо̀льшей части кораблей поврежденіе такелажа воспрепятствовало поворотить оверштагъ, а поворотъ черезъ фордевиндъ былъ невозможенъ по причинѣ приближенія къ нимъ другихъ кораблей съ кормы. Французы спустились затѣмъ подъ вѣтеръ и снова построили линію, но англичане были уже не въ такихъ условіяхъ, чтобы рѣшиться на атаку. Этимъ и окончилось сраженіе.

Было уже упомянуто, что это безрезультатное сраженіе пред-

(*) Головные корабли враждебныхъ флотовъ разошлись (C), что французы приписывали тому, что англійскій авангардъ уклонился подъ вѣтеръ; англичане же утверждали, что французскій авангардъ придержался слишкомъ круто къ вѣтру. Діаграммы наши согласны съ этимъ послѣднимъ объясненіемъ.

(**) Позиція D, отдѣленная отъ остальныхъ на планѣ, показываетъ конецъ прохожденія флотовъ, начавшагося въ C. Ее нельзя было показать въ связи съ другими курсами, безъ запутыванія другихъ подробностей плана.

ставляетъ нѣкоторыя интересныя черты. Одна изъ нихъ, это — полное одобреніе поведенія Кеппеля показаніями, данными подъ присягой передъ морскимъ судомъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ англійскихъ адмираловъ, сэромъ Джономъ Джервисомъ (John Jervis), который командовалъ кораблемъ въ разсматриваемомъ сраженіи. Едва ли, въ самомъ дѣлѣ, Кеппель могъ сдѣлать болѣе, чѣмъ сдѣлалъ; но недостатокъ пониманія имъ тактики выказался любопытнымъ замѣчаніемъ въ его защитѣ. «Если бы французскій адмиралъ дѣйствительно думалъ вступить въ бой», сказалъ онъ, «то, я полагаю, онъ никогда не расположилъ бы своего флота на галсѣ, противномъ тому, которымъ приближался британскій флотъ». Это замѣчаніе могло только происходить отъ невѣдѣнія или отъ непониманія опасности, которой подвергался бы въ такомъ случаѣ арьергардъ французскаго флота, и еще болѣе интересно потому, что Кеппель самъ сказалъ, что его флотъ приближался къ противнику. Кеппель, кажется, полагалъ, что французы должны были ждать его въ линіи фронта и затѣмъ вступить въ бой, корабль противъ корабля, что по его мнѣнію предписывали традиціи добраго стараго времени; но д'Орвилье былъ слишкомъ хорошо образованъ, какъ морякъ, чтобы быть способнымъ на такой образъ дѣйствій.

Неисполненіе герцогомъ Шартрскимъ (*), — командовавшимъ французскимъ авангардомъ во время боя, — приказанія повернуть черезъ фордевиндъ, произошло ли это отъ недоразумѣнія или намѣренно, возбуждаетъ вопросъ, до сихъ поръ еще спорный, относительно того, какое мѣсто долженъ занимать въ строю главнокомандующій флотомъ въ сраженіи. Если бы д'Орвилье былъ въ авангардѣ, то могъ бы обезпечить желавшуюся имъ эволюцію. Изъ центра адмиралъ или одинаково видитъ концы линіи своего флота или одинаково не видитъ ихъ. Съ головнаго же корабля онъ подтверждаетъ свои приказанія собственнымъ примѣромъ. Французы въ концѣ этой войны рѣшили вопросъ тѣмъ, что опредѣлили мѣсто адмирала внѣ линіи, на фрегатѣ, — подъ тѣмъ предлогомъ, что

(*) Впослѣдствіи герцогъ Орлеанскій; Philippe Egalité Французской Революціи и отецъ Людовика Филиппа.

будто бы со стороны онъ можетъ такимъ образомъ лучше видѣть движенія сражающихся флотовъ, не ослѣпляемый дымомъ и не развлекаемый случайностями на своемъ кораблѣ и, наконецъ, что сигналы, дѣлающіеся имъ съ фрегата, будутъ лучше видны его флоту (*). Такое мѣсто адмирала, напоминающее мѣсто начальника въ сухопутномъ сраженіи, которое избавляетъ его отъ личнаго риска, занималось также лордомъ Гоу (Howe) въ 1778 году; но какъ онъ, такъ и французы, отказались впослѣдствіи отъ такого образа дѣйствій. Нельсонъ при Трафальгарѣ, закончившемъ его карьеру, былъ въ головѣ своей колонны; но можно сомнѣваться, что побужденіемъ къ этому было что-либо другое, кромѣ его горячаго увлеченія боемъ. Двѣ другія большія атаки, въ которыхъ онъ былъ главнокомандующимъ, имѣли предметомъ нападенія корабли на якорѣ, и ни въ одной изъ нихъ онъ не занималъ мѣста головнаго въ колоннѣ, — по той основательной причинѣ, что онъ не зналъ хорошо фарватера, а головной корабль болѣе всѣхъ рисковалъ стать на мель. Обычное мѣсто адмиральскаго корабля въ дни парусныхъ судовъ, за исключеніемъ случаевъ общей погони флота за непріятелемъ, было въ линіи, въ центрѣ ея. Отступленіе отъ этого обычая со стороны Нельсона и Колингвуда (Collingwood), изъ которыхъ каждый велъ свои колонны подъ Трафальгаромъ, могло имѣть нѣкоторыя основанія, и обыкновенный человѣкъ естественно воздержится отъ критики поведенія столь выдающихся офицеровъ. Опасность, какой подвергались два старшіе офицера флота, отъ которыхъ такъ много зависѣло, очевидна; и если бы съ ними самими или съ головными кораблями ихъ колоннъ случилась серьезная бѣда, то отсутствіе ихъ вліянія почувствовалось бы сильно. Въ дѣйствительности они скоро стушевались, какъ адмиралы, въ дыму сраженія, не оставивъ для слѣдовавшихъ за ними никакого руководительства, за исключеніемъ блеска своей храбрости и примѣра. Одинъ французскій адмиралъ указалъ, что практическимъ слѣдствіемъ способа атаки при Трафаль-

(*) Плѣненіе главнокомандовавшаго французскимъ флотомъ въ сраженіи 12-го апрѣля 1782 года на его флагманскомъ кораблѣ послужило также побужденіемъ для этого новаго порядка.

гарѣ, состоявшаго въ томъ, что колонны спустились на непріятеля подъ прямымъ угломъ къ линіи баталіи его, было принесеніе въ жертву головы колоннъ для образованія разрыва въ линіи непріятеля. На этотъ разъ цѣль была достигнута, и жертва стоила результата; въ разрывы линіи устремились задніе корабли каждой колонны, почти свѣжіе, составляя въ дѣйствительности *резервъ*, который напалъ на разстроенные корабли непріятеля съ каждой стороны разрыва. Но эта идея о резервѣ наводитъ на мысль о мѣстѣ главнокомандующаго. Въ разсматриваемомъ случаѣ величина его корабля была такова, что исключала возможность для него быть внѣ строя; но не было ли бы хорошо, если бы адмиралъ каждой колонны оставался съ этимъ резервомъ, не выпуская возможности управлять боемъ, сообразно случайностямъ его, и сохраняя возможно дольше свое назначеніе не только по имени, но и по своимъ дѣйствіямъ, и при томъ для весьма полезной цѣли? Трудность организаціи какой-либо системы сигналовъ или легкихъ посыльныхъ шлюпокъ, которыя могли бы играть роль адъютантовъ, или ординарцевъ генерала, — усиливаемая тѣмъ фактомъ, что корабли не могутъ стоять неподвижно, какъ дивизіи людей, въ ожиданіи приказаній, но что они должны постоянно поддерживать необходимый для управленія рулемъ ходъ, — исключаетъ идею о мѣстѣ адмирала флота въ сраженіи на ходу на легкомъ суднѣ. При такомъ положеніи онъ сдѣлался бы простымъ зрителемъ; тогда какъ, будучи на сильнѣйшемъ кораблѣ флота, онъ удерживаетъ наибольшее возможное вліяніе, какъ только бой начался, и если этотъ корабль въ резервѣ, то адмиралъ сохраняетъ до послѣдняго возможнаго момента способность управлять боемъ. «Имѣть полхлѣба лучше, чѣмъ не имѣть хлѣба совсѣмъ»; если адмиралъ не можетъ, по условіямъ морскаго боя, занимать спокойное наблюдательное мѣсто своего собрата генерала на берегу, то пусть по крайней мѣрѣ безопасность его обезпечена хоть насколько возможно. Фаррагутъ послѣ Новаго Орлеана и Виксбурга,—т. е. въ послѣдній періодъ своей карьеры, когда, надо думать, его воззрѣнія опредѣлились опытомъ,—держался правила вести свой флотъ въ бой лично. Извѣстно, что въ дѣлѣ при Мобилѣ онъ весьма неохотно и лишь по крайнимъ

настояніямъ многихъ офицеровъ поступился своими убѣжденіями въ этомъ вопросѣ настолько, что занялъ второе мѣсто, и впослѣдствіи часто выражалъ свои сожалѣнія о томъ, что сдѣлалъ это Могутъ, однако, возразить, что всѣ тѣ операціи флотовъ, въ которыхъ командовалъ Фаррагутъ, имѣли особенный характеръ, отличающій ихъ отъ сраженій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. При Новомъ Орлеанѣ, при Виксбургѣ, при портѣ Гудсонѣ и при Мобилѣ, задача была не сражаться, а пройти мимо укрѣпленій, которымъ флотъ, завѣдомо, не могъ противостоять; и успѣхъ этого прохожденія зависѣлъ главнымъ образомъ отъ проводки эскадры по фарватеру, о которомъ Фаррагутъ, въ противоположность Нельсону, имѣлъ хорошія свѣдѣнія. Здѣсь, такимъ образомъ, на главнокомандующаго была возложена обязанность предводительства въ буквальномъ, такъ же, какъ и въ военномъ значеніи этого термина. Идя въ головѣ, онъ не только указывалъ флоту безопасный путь, но и, держась постоянно впереди дыма, былъ въ состояніи видѣть и обсуждать путь впереди и принимать на себя отвѣтственность за образъ дѣйствій, который избралъ совершенно увѣренно, но отъ котораго его подчиненный можетъ отклониться. Можетъ быть не всѣмъ извѣстно, что при Мобилѣ командиры головныхъ кораблей не только одной, но обѣихъ колоннъ, въ критической точкѣ пути колебались и недоумѣвали относительно цѣли адмирала; не то, чтобы они получили неясныя о ней указанія, но обстоятельства показались имъ отличными отъ тѣхъ, какія онъ предполагалъ. Не только Алденъ (Alden) на *Brooklyn*'ѣ, но также и Крэвенъ (Craven) на *Tecumseh*, отступили отъ приказаній адмирала и уклонились отъ предписаннаго имъ пути, съ бѣдственными результатами. Нѣтъ необходимости обвинять того или другаго изъ названныхъ командировъ; но случай съ ними указываетъ неопровержимо вѣрность мнѣнія Фаррагута, что при условіяхъ, какими сопровождались его операціи на морѣ, тотъ, на кого исключительно возложена высшая отвѣтственность, долженъ быть впереди. Должно замѣтить еще, что въ такіе критическіе моменты сомнѣній, всякій, кромѣ человѣка исключительно высокаго духа, стремится сложить съ себя отвѣтственность рѣшенія на стар-

шаго, хотя бы послѣдствія колебанія и медлительности и были пагубны. Офицеръ, который въ качествѣ уполномоченнаго начальника дѣйствовалъ бы разумно, — какъ подчиненный, можетъ дѣйствовать ошибочно. Поступку Нельсона въ С. Винцентскомъ сраженіи будутъ подражать немногіе,—истина, рѣзко доказывающаяся тѣмъ фактомъ, что даже Колингвудъ, мѣсто котораго въ строѣ было непосредственно въ кильватерѣ Нельсона, не рѣшился послѣдовать за послѣднимъ до сигналовъ главнокомандовавшаго; послѣ же полученія полномочія по сигналу онъ особенно отличился сообразительностью и смѣлостью своихъ дѣйствій (*). Слѣдуетъ припомнить также,—въ связи съ этимъ вопросомъ объ операціяхъ, въ которыхъ маневрированіе эскадръ стѣсняется фарватеромъ, — что при Новомъ Орлеанѣ избраніе главнокомандующимъ мѣста въ центрѣ строя почти погубило флагманскій корабль, вслѣдствіе темноты и дыма предшествовавшихъ судовъ; флотъ Соединенныхъ Штатовъ, послѣ прохожденія

(*) Слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто во время погони Роднея за де Грассомъ, въ апрѣлѣ 1782 года, показываетъ, какъ далеко можетъ идти дисциплинированная подчиненность. Гудъ (Hood) былъ однимъ изъ лучшихъ британскихъ офицеровъ, и авторъ не думаетъ критиковать его дѣйствія въ настоящей замѣткѣ. Онъ былъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Роднея, когда «отдѣлившійся на NW французскій корабль, попавъ въ полосу бриза въ то же самое время, какъ и наша авангардная дивизія, смѣло лавировалъ, стараясь выбраться па вѣтеръ относительно опередившихъ британскихъ кораблей; это было единственнымъ способомъ присоединиться снова къ своему флоту, бывшему тогда па вѣтрѣ. До такой степени простиралъ онъ свою смѣлость, что побудилъ корабль *Alfred*, — передовое судно дивизіи сэра Самуила Гуда, — спуститься для того, чтобы позволить ему пройти. Глаза всѣхъ были устремлены на смѣлаго француза, за исключеніемъ тѣхъ, которые возбужденно смотрѣли, въ ожиданіи сигнала о боѣ, на корабль главнокомандующаго; но послѣдній, по всей вѣроятности не предполагая, что это могъ быть непріятель, не поднялъ такъ горячо желавшагося сигнала и поэтому по противнику не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Этотъ фактъ приведенъ здѣсь съ тѣмъ, чтобы указать па состояніе дисциплины на корабляхъ дивизіи сэра Самуила Гуда и на то, что онъ самъ, хотя второй въ порядкѣ командованія, не сдѣлалъ ни одного выстрѣла до тѣхъ поръ, пока это не было указано ему главнокомандующимъ. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что основаніемъ для рѣшенія сэра Гуда не стрѣлять до сигнала о боѣ было предположеніе, что если бы онъ своимъ выстрѣломъ далъ поводъ къ преждевременному началу боя при вышеописанныхъ обстоятельствахъ, то онъ былъ бы отвѣтственъ за результаты». (White's Naval Researches, p. 97).

Гудъ могъ находиться подъ вліяніемъ строгаго отношенія Роднея къ своимъ подчиненнымъ, къ инипіативѣ которыхъ послѣдній относился неодобрительно. Къ тому же взаимныя отношенія этихъ двухъ флагмановъ, кажется, были довольно натянутыми.

мимо фортовъ, оказался безъ вождя. Далѣе, подобно тому, какъ упоминаніе о резервѣ вызвало цѣлый рядъ соображеній, такъ и выраженіе «проводка эскадры въ бою по фарватеру» внушаетъ нѣкоторыя идеи, болѣе широкія, чѣмъ непосредственный смыслъ его, которыя измѣняютъ то, что было сказано о нахожденіи адмирала въ резервѣ. Легкость и быстрота, съ какою паровой флотъ можетъ измѣнять свой строй, дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что флоту, идущему въ атаку, будетъ угрожать опасность отъ какихъ-либо непредусмотрѣнныхъ имъ комбинацій со стороны противника почти въ самый моментъ столкновенія... Какое мѣсто адмирала въ строю въ такомъ случаѣ будетъ наиболѣе удачнымъ? Безъ сомнѣнія въ той части его строя, гдѣ онъ можетъ оказаться наиболѣе готовымъ указать своимъ кораблямъ новую диспозицію или направить ихъ по новому курсу, соотвѣтственно требованіямъ новыхъ обстоятельствъ,—т. е. въ головѣ флота. Кажется можно сказать, что во всякомъ морскомъ боѣ существуютъ два важнѣйшіе момента: одинъ, — опредѣляющій методъ главной атаки, и другой,—вызывающій и направляющій дѣйствія резерва. Если первый болѣе важенъ, то второй можетъ быть требуетъ высшаго искусства; такъ какъ первый моментъ можетъ и долженъ быть предусмотрѣнъ заранѣе составленнымъ планомъ, тогда какъ второй можетъ, и часто долженъ, сообразоваться съ непредвидѣнными требованіями. Условія морскихъ сраженій будущаго заключаютъ одинъ элементъ, котораго сухопутныя сраженія не имѣютъ, это — чрезвычайную быстроту, съ какою могутъ совершаться столкновенія сторонъ и перемѣны строя. Хотя войска и могутъ передвигаться къ полю сраженія при посредствѣ пара, но на этомъ полѣ они будутъ или пѣшими, или на лошадяхъ,—въ условіяхъ необходимости постепеннаго развитія своего плана, при чемъ главнокомандующій будетъ имѣть время ознакомить кого нужно со своими новыми намѣреніями (въ общемъ случаѣ, конечно), если непредвидѣнное ранѣе развитіе атаки непріятеля ихъ потребуетъ. Съ другой стороны, флотъ, сравнительно малочисленный и съ ясно опредѣленными составляющими единицами, можетъ задумать серьезную перемѣну начатаго плана атаки, не выдавая своего намѣренія ни малѣйшимъ признакомъ

до начала его исполненія, которое можетъ потребовать лишь нѣсколько минутъ. Поскольку эти замѣчанія вѣрны, они показываютъ необходимость для втораго въ порядкѣ командованія полнаго знакомства не только съ планами, но съ руководящими принципами дѣйствій своего начальника, — необходимость, довольно явную изъ факта, что два крайніе пункта боеваго строя могутъ быть неизбѣжно отдалены другъ отъ друга, а между тѣмъ на ихъ обоихъ нуженъ духъ главнаго начальника. Такъ какъ послѣдній не можетъ быть и тутъ и тамъ лично, то самое лучшее, чтобы на одномъ концѣ строя былъ его непосредственный помощникъ (второй флагманъ), подготовленный къ полному согласію дѣйствій съ нимъ. Что касается мѣста Нельсона въ Трафальгарской битвѣ, о которомъ было упомянуто въ началѣ этого разсужденія, то слѣдуетъ замѣтить, что *Victory* (корабль его) не дѣлалъ ничего такого, чего другой корабль не могъ бы сдѣлать такъ же хорошо, и что слабость вѣтра не позволяла ожидать внезапной перемѣны строя непріятеля. Огромный рискъ, какому подвергался адмиралъ, когда на корабль его былъ сосредоточенъ огонь непріятельской линіи, — что и заставило нѣсколькихъ командировъ упрашивать, чтобы онъ перемѣнилъ мѣсто, — былъ осужденъ задолго до того самимъ Нельсономъ, въ одномъ изъ его писемъ, послѣ Абукирскаго сраженія.

„Я думаю, что если бы Богу было угодно, чтобы я не былъ раненъ, то ни одна шлюпка не ускользнула бы отъ насъ, чтобы сообщить о дѣлѣ; но не думайте, что слѣдуетъ порицать кого-либо изъ офицеровъ... Я только хочу сказать, что если бы моя опытность могла лично руководить ими, то, судя по всѣмъ даннымъ, Всемогущій Богъ продолжалъ бы благословлять мои старанія“, и т. д. (*).

Тѣмъ не менѣе, несмотря на такое выраженіе своего мнѣнія, основаннаго на опытѣ, Нельсонъ занялъ самое рискованное положеніе при Трафальгарѣ, и при потерѣ вождя послѣдовало интересное поясненіе примѣромъ послѣдствій этого. Колингвудъ сейчасъ же, — правильно или неправильно, неизбѣжно или нѣтъ, — измѣнилъ планы, на исполненіи которыхъ Нель-

---

(*) Sir N. H. Nicholas: Despatches and Letters of Lord Nelson.

сонъ настаивалъ съ послѣднимъ дыханіемъ. «Становитесь на якорь, Гарди (Hardy), становитесь»! сказалъ умирающій начальникъ. «Становиться на якорь»? воскликнулъ Колингвудъ. «Это послѣдняя вещь, о которой я бы подумалъ».

ГЛАВА X.

Морская война въ Сѣверной Америкѣ и Вестъ-Индіи, 1778 г.—1781 г —Ея вліяніе на ходъ Американской Революціи. — Сраженія флотовъ при Гренадѣ, Доминикѣ и Чезапикской бухтѣ.

15-го апрѣля 1778 года адмиралъ графъ д'Эстэнгъ отплылъ изъ Тулона въ Америку, имѣя подъ командою двѣнадцать линейныхъ кораблей и пять фрегатовъ. Съ нимъ былъ, въ качествѣ пассажира, посланникъ, командированный на Конгрессъ съ инструкціями отклонять всѣ просьбы о субсидіяхъ и избѣгать опредѣленныхъ обязательствъ по вопросу о завоеваніи Канады и другихъ британскихъ владѣній. «Версальскій Кабинетъ», говоритъ французскій историкъ, «не печалился о томъ, что Соединенные Штаты должны были имѣть близъ себя причину безпокойства, которая заставляла бы ихъ больше чувствовать цѣну французскаго союза» (*). Американцы, признавая великодушныя симпатіи къ ихъ борьбѣ многихъ французовъ, въ то же время не должны были закрывать глазъ на корыстныя побужденія французскаго правительства. Да и не должны были они ставить ему эти побужденія въ вину, такъ какъ долгъ требовалъ отъ него постановки французскихъ интересовъ на первомъ планѣ.

Д'Эстэнгъ совершалъ свое плаваніе весьма медленно. Говорятъ, что онъ тратилъ много времени на ученья, и даже безполезно. Какъ бы то ни было, но онъ достигъ своего назначенія, мыса Делавэра, не ранѣе 8-го іюля, употребивъ на весь переходъ двѣнадцать недѣль, изъ нихъ четыре до выхода въ Атлантику. Англійское правительство имѣло свѣдѣнія о задачахъ его плаванія еще до выхода его изъ Тулона, и какъ только отозвало своего

(*) Martin: History of France.

посланника изъ Парижа, такъ сейчасъ же послало въ Америку приказанія очистить Филадельфію и сосредоточиться въ Нью-Іоркѣ. Къ счастью для англичанъ, движенія лорда Гоу отличались энергіей и системой, иными чѣмъ у д'Эстэнга. Сначала собравъ свой флотъ и транспорты въ Делавэрской бухтѣ и затѣмъ поспѣшивъ съ погрузкой необходимыхъ матеріаловъ и припасовъ, онъ оставилъ Филадельфію, какъ только армія выступила оттуда къ Нью-Іорку. Десять дней понадобились для достиженія устья бухты (*); но онъ отплылъ оттуда 28-го іюня, за десять дней до прибытія д'Эстэнга, хотя болѣе, чѣмъ черезъ десять недѣль послѣ его отплытія. По выходѣ въ море, флотъ дошелъ попутнымъ вѣтромъ въ два дня до Сэнди Гука (Sandy Hook). Война неумолима; добыча, которую д'Эстэнгъ упустилъ изъ-за своей медлительности, разрушила его попытки нападенія на Нью-Іоркъ и Родъ-Айлэндъ.

Черезъ день послѣ прибытія Гоу въ Сэнди Гукъ, англійская армія достигла высотъ Навезинка (Navesink), послѣ труднаго перехода черезъ Нью-Джерсей при преслѣдованіи ея по пятамъ войсками Вашингтона. При энергичномъ содѣйствіи флота она вошла въ Нью-Іоркъ 5-го іюля, и тогда Гоу отправился обратно для загражденія входа въ портъ французскому флоту. Такъ какъ никакого сраженія не послѣдовало, то мы и не будемъ приводить подробностей его работъ; но весьма интересное описаніе ихъ однимъ офицеромъ флота можно найти въ сочиненіи: Ekins's «Naval Battles». Должно, однако, обратить вниманіе на сочетаніе энергіи, мысли, искусства и рѣшительности, выказанныхъ адмираломъ. Задача, предстоявшая ему, состояла въ защитѣ удобнаго прохода шестью шестидесяти четырехъ-пушечными кораблями и тремя пятидесяти-пушечными, противъ восьми семидесяти четырехъ-пушечныхъ или болѣе, трехъ шестидесяти четырехъ-пушечныхъ и одного пятидесяти пушечнаго, — т. е., можно сказать, противъ силы, вдвое превосходившей его собственную.

Д'Эстэнгъ сталъ на якорь внѣ бухты, къ югу отъ Сэнди Гука, 11-го іюля, и оставался тамъ до 22-го, занятый промѣ-

(*) Эта медленность была слѣдствіемъ штилей. Howe's Despatch, Gentleman's Magazine, 1778.

ромъ бара и явно рѣшившись пройти его. 22-го сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, совпавшій съ сизигійнымъ приливомъ, поднялъ воду на барѣ до тридцати футъ. Французскій флотъ снялся съ якоря и началъ выбираться на вѣтеръ, къ пункту, удобному для перехода черезъ баръ. Но затѣмъ храбрость оставила д'Эстэнга подъ вліяніемъ предостереженій лоцмановъ; онъ отказался отъ атаки и спустился къ югу.

Морскіе офицеры могутъ только сочувствовать этой нерѣшимости моряка подъ вліяніемъ совѣтовъ лоцмановъ, особенно у незнакомаго ему берега; но такое сочувствіе не должно закрывать ихъ глаза на проявленія характера высшаго типа. Каждому, кто сравнитъ дѣйствія д'Эстэнга при Нью-Іоркѣ съ дѣйствіями Нельсона подъ Копенгагеномъ и подъ Абукиромъ, или съ дѣйствіями Фаррагута при Мобилѣ и портѣ Гудсонѣ, сравнительная слабость французскаго начальника, — какъ военнаго вождя, руководимаго только военными соображеніями, — живо выяснится. Нью-Іоркъ былъ самымъ центромъ британскаго вліянія; паденіе его необходимо должно было бы сократить войну. Въ оправданіе д'Эстэнга, однако, должно припомнить, что кромѣ военныхъ на него вліяли, еще и другія соображенія. Французскій адмиралъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ инструкціи, подобныя тѣмъ, какія были даны французскому посланнику, и онъ, вѣроятно, разсудилъ, что Франція ничего не выигрываетъ съ паденіемъ Нью-Іорка, которое могло бы привести къ миру между Америкой и Англіей и дать послѣдней возможность обратить всю ея силу противъ его отечества.... При его нерѣшительномъ характерѣ и не столь важная причина была бы достаточна для того, чтобы остановить его отъ риска проведенія флота черезъ баръ.

Гоу былъ счастливѣе д'Эстэнга, такъ какъ не имѣлъ двойственности цѣли. Ему, послѣ того, какъ онъ успѣлъ выйти изъ Филадельфіи и спасти Нью-Іоркъ своею неутомимостью, предстояла еще и другая почетная задача — спасеніе Родъ-Айлэнда подобною же быстротою движеній. Военные корабли флота, посланнаго изъ Англіи, но разсѣяннаго на пути, начали теперь присоединяться къ нему. 28-го іюля онъ получилъ извѣстіе, что французскій флотъ, ушедшій сначала къ югу,

теперь направляется къ Родъ-Айлэнду. Черезъ четыре дня послѣ этого Гоу былъ уже готовъ выйти въ море, но вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ только къ 9-му августа достигъ мыса Юдифь, гдѣ и сталъ на якорь. Онъ узналъ здѣсь, что д'Эстэнгъ прошелъ батареи днемъ раньше и тоже сталъ на якорь между Гульдскими и Каноникутскими островами (Gould and Canonicut Islands) (*); Сиконнетскій (Seakonnet) и Западный проходы также были заняты французскими кораблями, и непріятельскій флотъ былъ готовъ поддержать нападеніе американской арміи на британскія укрѣпленія.

Прибытіе адмирала Гоу, — хотя и съ его эскадрой силы англійскаго флота не сдѣлались болѣе двухъ третей силы французскаго флота, — разрушили планы д'Эстэнга. Вслѣдствіе господствовавшихъ тогда (лѣтомъ) юго-западныхъ вѣтровъ, дувшихъ прямо въ бухту, положеніе его было невыгодно, давая противнику возможность широкой иниціативы. Поэтому, когда въ эту ночь вѣтеръ неожиданно перемѣнился на сѣверный, д'Эстэнгъ сейчасъ же снялся съ якоря и вышелъ въ море. Гоу, хотя удивленный этимъ непредвидѣннымъ поступкомъ его, — такъ какъ не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для атаки, — также вступилъ подъ паруса, чтобы занять навѣтренное положеніе. Слѣдующія сутки прошли въ маневрированіи противниковъ для занятія выгоднѣйшей позиціи; но ночью 11-го августа сильный штормъ разсѣялъ флоты. Суда обѣихъ сторонъ потерпѣли большія аваріи, и, между прочимъ, французскій флагманскій корабль *Languedoc*, девяносто-пушечный, потерялъ всѣ мачты и руль. Немедленно послѣ шторма два англійскіе пятидесяти-пушечные корабля, на которыхъ все было въ боевомъ порядкѣ, завязали бой — одинъ съ *Languedoc*, а другой

(*) Согласно большей части описаній — между островами Goat и Canonicut; но данная нами позиція кажется болѣе вѣроятной. Имена «Goat» и «Gould» (часто пишется «Gold») легко смѣшиваются. Когда настоящій трудъ былъ уже написанъ, автору посчастливилось видѣть современную рукописную карту, найденную въ Парижѣ, на которой якорная стоянка обозначена близъ Каноникутскихъ островов и на траверзѣ гавани острова Коастеръ (Coaster's Harbor Island); послѣдній отмѣченъ, какъ «L'Isle d'Or ou Golde Isle». Эскизъ карты, хотя и точный въ ея главныхъ деталяхъ, кажется болѣе свидѣтельствуетъ о своей подлинности ошибками ея, естественными для автора-иностранца, составлявшаго ее торопливо во время неспокойной двадцати четырехъ-часовой стоянки.

съ *Tonnant*, восьмидесяти-пушечнымъ, на которомъ изъ трехъ мачтъ уцѣлѣла только одна. При такихъ условіяхъ оба англійскіе корабля атаковали противниковъ; по наступленіи ночи они, однако, прекратили бой, намѣреваясь возобновить его утромъ. Но когда утро наступило, пришли и другіе французскіе корабли, и случай былъ уже пропущенъ. Поучительно замѣтить, что командиромъ одного изъ упомянутыхъ англійскихъ кораблей былъ Годамъ (Hotham), который въ званіи флагмана средиземноморскаго флота, семнадцать лѣтъ спустя, такъ надоѣдалъ Нельсону въ своемъ хладнокровномъ удовлетвореніи взятіемъ двухъ только кораблей: «Мы должны быть довольны; мы сдѣлали очень хорошо». Этотъ именно фактъ и вызвалъ характерное замѣчаніе Нельсона, что: «Если бы мы взяли десять кораблей и позволили бы уйти отъ насъ одиннадцатому, будучи въ состояніи взять и его, то я никогда бы не сказалъ, что мы сдѣлали дѣло хорошо».

Англичане ушли опять въ Нью-Іоркъ. Французы снова собрались близъ входа въ Наррагансеттскую бухту; но д'Эстэнгъ рѣшилъ, что не можетъ оставаться тамъ по причинѣ аварій на его эскадрѣ и, согласно этому, отплылъ въ Бостонъ 21-го августа. Родъ-Айлэндъ былъ такимъ образомъ оставленъ за англичанами, которые удерживали его еще въ теченіе года, очистивъ его затѣмъ по стратегическимъ причинамъ. Гоу, съ своей стороны, дѣятельно исправлялъ поврежденія своихъ кораблей и отплылъ снова къ Родъ-Айлэнду, когда услышалъ, что французы были тамъ; но, встрѣтивъ на пути судно съ вѣстью, что они идутъ въ Бостонъ, онъ послѣдовалъ за ними въ эту гавань, въ которой, однако, нашелъ ихъ позицію слишкомъ сильной для того, чтобы атаковать ихъ. Взявъ въ соображеніе его вынужденное возвращеніе въ Нью-Іоркъ, необходимыя исправленія тамъ и фактъ, что онъ только четырьмя днями позже французовъ пришелъ къ Бостону, можно повѣрить, что Гоу обнаружилъ до конца ту дѣятельность, которая характеризовала начало его операцій.

Едва ли и однимъ выстрѣломъ обмѣнялись враждебные флоты, и тѣмъ не менѣе результаты ясно показали, что слабѣйшій пре-

взошелъ въ дѣлѣ военнаго искусства сильнѣйшаго. За исключеніемъ маневровъ съ цѣлью занять навѣтренное положеніе послѣ того, какъ д'Эстэнгъ оставилъ Ньюпортъ, — маневровъ, подробности которыхъ не дошли до насъ, — и диспозицій адмирала Гоу для принятія имъ атаки, ожидавшейся въ Нью-Іоркской бухтѣ, разсмотрѣнныя операціи даютъ уроки не тактическіе, а стратегическіе и приложимые къ условіямъ нашихъ дней. Главный между ними, это, безъ сомнѣнія, — выясненіе значенія быстроты дѣйствій и бдительности, въ соединеніи съ знаніемъ своей профессіи. Гоу узналъ объ опасности по извѣстіямъ изъ Англіи три недѣли спустя послѣ того, какъ д'Эстэнгъ отплылъ изъ Тулона. Онъ долженъ былъ собрать свои крейсера изъ Чезапика и изъ другихъ мѣстъ, привести свои линейные корабли изъ Нью-Іорка и Родъ-Айлэнда, погрузить припасы, необходимые для арміи въ десять тысячъ человѣкъ, спуститься по Делавэру, — что неизбѣжно заняло десять дней, — и возвратиться опять въ Нью-Іоркъ. Д'Эстэнгъ запоздалъ на десять дней противъ него въ Делавэрѣ, на двѣнадцать дней въ Сэнди-Гукѣ и только на одинъ день опередилъ его входомъ въ Ньюпортъ, гдѣ простоялъ десять дней передъ гаванью прежде, чѣмъ вошелъ въ нее. Одинъ изъ англійскихъ офицеровъ, разсказывая о неутомимыхъ трудахъ адмирала между 30-мъ іюня, когда англійская армія достигла Навезинка, и прибытіемъ французскаго флота 11-го іюля, говоритъ: «Лордъ Гоу, какъ обыкновенно, присутствовалъ вездѣ лично и этимъ воодушевлялъ рвеніе и ускорялъ работы офицеровъ и команды». Въ этомъ онъ представлялъ рѣзкій контрастъ со своимъ братомъ, генераломъ Гоу, — человѣкомъ пріятнымъ, но безпечнымъ.

Такими же трудолюбіемъ и бдительностью характеризовались и остальныя операціи адмирала Гоу. Какъ только французскіе корабли вышли въ море, направившись къ югу, такъ онъ послалъ за ними развѣдочныя суда, а тѣмъ временемъ продолжалъ приготовленія (главнымъ образомъ брандеровъ) для преслѣдованія ихъ. Послѣдній корабль эскадры, посланной изъ Англіи, перешелъ черезъ баръ въ Нью-Іоркѣ и присоединился къ нему 30-го іюля. 1-го августа флотъ былъ готовъ для выхода въ море съ четырьмя брандерами. Перемѣнность вѣтра замедлила

его дальнѣйшія движенія, но, какъ было уже сказано, онъ пришелъ къ Ньюпорту все-таки только черезъ день послѣ входа туда непріятеля, которому во всякомъ случаѣ не могъ бы помѣшать сдѣлать это, будучи слабѣе его. Но не будучи въ состояніи прямо помѣряться силами съ противникомъ, Гоу, однако же, разстроилъ усилія его достигнуть намѣченной цѣли: едва д'Эстэнгъ вошелъ въ Ньюпортъ, какъ уже пожелалъ самъ выйти оттуда. Позиція Гоу была стратегически превосходна. При ея навѣтренномъ положеніи во время господствующихъ тамъ вѣтровъ, трудность для французскаго флота лавировки черезъ узкій входъ въ гавань подвергнула бы французскія суда, рѣшившіяся на такую лавировку, нападенію по частямъ; тогда какъ, если бы вѣтеръ, по несчастью, сдѣлался попутнымъ, то спасеніе эскадры зависѣло бы всецѣло отъ искусства адмирала.

Куперъ въ романѣ, «Два Адмирала», заставляетъ своего героя говорить придирчивому другу, что если бы онъ не встрѣтился съ удачей, то не могъ бы воспользоваться ею. Выходъ французовъ, послѣдовавшій за тѣмъ штормъ и причиненныя имъ аваріи, — все это составляло для адмирала Гоу то, что обыкновенно называютъ удачей; но если бы его флотъ не стоялъ у мыса Юдифь и не угрожалъ оттуда французамъ, то послѣдніе отстоялись бы во время шторма на якоряхъ въ гавани. Энергія Гоу и его вѣра въ себя, какъ моряка, привели его на путь удачи, и несправедливо было бы отрицать его дѣятельное участіе въ подготовкѣ послѣдней. Безъ него штормъ не спасъ бы британскихъ силъ въ Ньюпортѣ (*).

(*) «Прибытіе французскаго флота къ берегамъ Америки представляетъ крупное и поразительное событіе; но операціямъ его вредили многія непредвидѣнныя и неблагопріятныя обстоятельства, которыя, хотя и не должны исключать заслугъ и добрыхъ намѣреній нашего великаго союзника, тѣмъ не менѣе въ значительной степени уменьшаютъ важность его участія. Прежде всего продолжительность перехода д'Эстэнга была серьезнымъ несчастіемъ; такъ какъ, если бы на этотъ переходъ было потрачено даже такое время, какое требовалось тогда въ самыхъ обычныхъ условіяхъ плаванія, то и тогда лордъ Гоу, съ британскими военными кораблями и со всѣми транспортами въ рѣкѣ Делавэръ, долженъ былъ бы неизбѣжно потерпѣть неудачу; и надо считать, что сэру Генри Клинтону счастье покровительствовало болѣе, чѣмъ это бываетъ съ людьми его профессіи при такихъ обстоятельствахъ, если онъ и его войска не раздѣлили, по крайней мѣрѣ, судьбы Бэргойна. За медлительностью графа д'Эстэнга послѣдовали неблагопріятныя для

Д'Эстэнгъ, исправивъ свои корабли, отплылъ со всѣми силами къ Мартиникѣ 4-го ноября; въ тотъ же самый день коммодоръ Годамъ вышелъ изъ Нью-Іорка на Барбадосъ съ пятью шестидесяти четырехъ- и пятидесяти-пушечными кораблями, а также съ караваномъ транспортовъ, на которыхъ былъ пятитысячный отрядъ солдатъ, предназначавшійся для завоеванія острова С. Лючіа. На пути сильный штормъ причинилъ французскому флоту аваріи, бо̀льшія, чѣмъ англійскому, при чемъ французскій флагманскій корабль потерялъ свои гротъ- и бизань- стеньги. Потеря этого рангоута и фактъ, что двѣнадцать не нагруженныхъ военныхъ кораблей достигли Мартиники только днемъ раньше, чѣмъ караванъ изъ пятидесяти девяти англійскихъ транспортовъ достигъ Барбадоса, лежащаго на сто миль дальше, говоритъ не въ пользу искусства французскихъ моряковъ въ ихъ профессіи, которое иной разъ служитъ рѣшающимъ факторомъ въ морской войнѣ.

Адмиралъ Баррингтонъ, бывшій начальникомъ силъ на Барбадосѣ, выказалъ такую же энергію, какъ и Гоу. Транспорты прибыли 10-го; войска были оставлены на нихъ; отплыли утромъ 12-го въ С. Лючіа и стали тамъ на якорь въ три часа пополудни 13-го. Въ тотъ же вечеръ была высажена на берегъ одна половина войскъ, а другая — на слѣдующее утро. Они захватили сейчасъ же лучшій портъ, къ которому адмиралъ былъ готовъ двинуть транспорты, когда появленіе д'Эстэнга помѣшало ему. Всю эту ночь транспорты верповались за военные корабли, и послѣдніе стали на якорь поперекъ входа въ бухту,

---

насъ обстоятельства при Сэнди-Гукѣ, которыя повредили намъ въ двухъ отношеніяхъ, — во-первыхъ, разстроивъ наше предпріятіе противъ Нью-Іорка и кораблей и войскъ тамъ, и во-вторыхъ, задержавъ д'Эстэнга вслѣдствіе производства имъ промѣра на барѣ, что было существенно необходимо для входа его въ Нью-Іоркскую гавань. И сверхъ того, вслѣдъ затѣмъ, какъ составленъ былъ планъ нападенія на Родъ-Айлэндъ, и въ тотъ самый моментъ, какъ оно готово было осуществиться, опять случилась неудача: лордъ Гоу долженъ былъ своимъ появленіемъ съ британскими кораблями единственно только произвести диверсію и отвлечь французскій флотъ отъ упомянутаго острова, а между тѣмъ графъ не возвратился къ послѣднему и 17-го числа, хотя былъ отвлеченъ отъ него 10-го; вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ береговыя операціи замедлились, и все предпріятіе подвергалось неудачѣ въ случаѣ прибытія эскадры Байрона». — Washington's Letter, Aug. 20, 1778.

при чемъ особенныя заботы были положены на то, чтобы усилить фланги линіи и помѣшать непріятелю пройти по внутреннюю сторону навѣтреннаго фланга, какъ сдѣлали это англійскіе корабли впослѣдствіи, въ Абукирскомъ сраженіи. Французскій флотъ болѣе, чѣмъ вдвое превосходилъ англійскій, и если бы послѣдній былъ уничтоженъ, то транспорты и войска попались бы какъ въ ловушку.

Д'Эстенгъ спускался два раза вдоль англійскаго строя съ сѣвера на югъ, производя пальбу съ дальней дистанціи, но не сталъ на якорь. Отказавшись затѣмъ отъ своихъ намѣреній противъ флота, онъ прошелъ къ другой бухтѣ и напалъ на позицію, занятую англійскими войсками. Потерпѣвъ здѣсь также неудачу, онъ удалился къ Мартиникѣ, и французскій гарнизонъ, который былъ вынужденъ отступить внутрь острова, сдался.

Едва ли необходимо доказывать энергію дѣйствій адмирала Баррингтона, которой, такъ же какъ и своимъ искусснымъ диспозиціямъ, онъ былъ обязанъ цѣннымъ стратегическимъ успѣхомъ. А успѣхъ этотъ въ самомъ дѣлѣ былъ таковъ: С. Лючіа — островъ, слѣдующій къ югу отъ Мартиники; гавань Гросъ-Айлотъ (Gros Ilot), на сѣверной оконечности его, была особенно удобна для наблюденій за французскимъ депо въ Фортъ-Ройялѣ, главной станціи французовъ въ Вестъ-Индіи. Отсюда Родней преслѣдовалъ ихъ передъ своимъ большимъ сраженіемъ въ 1782 году.

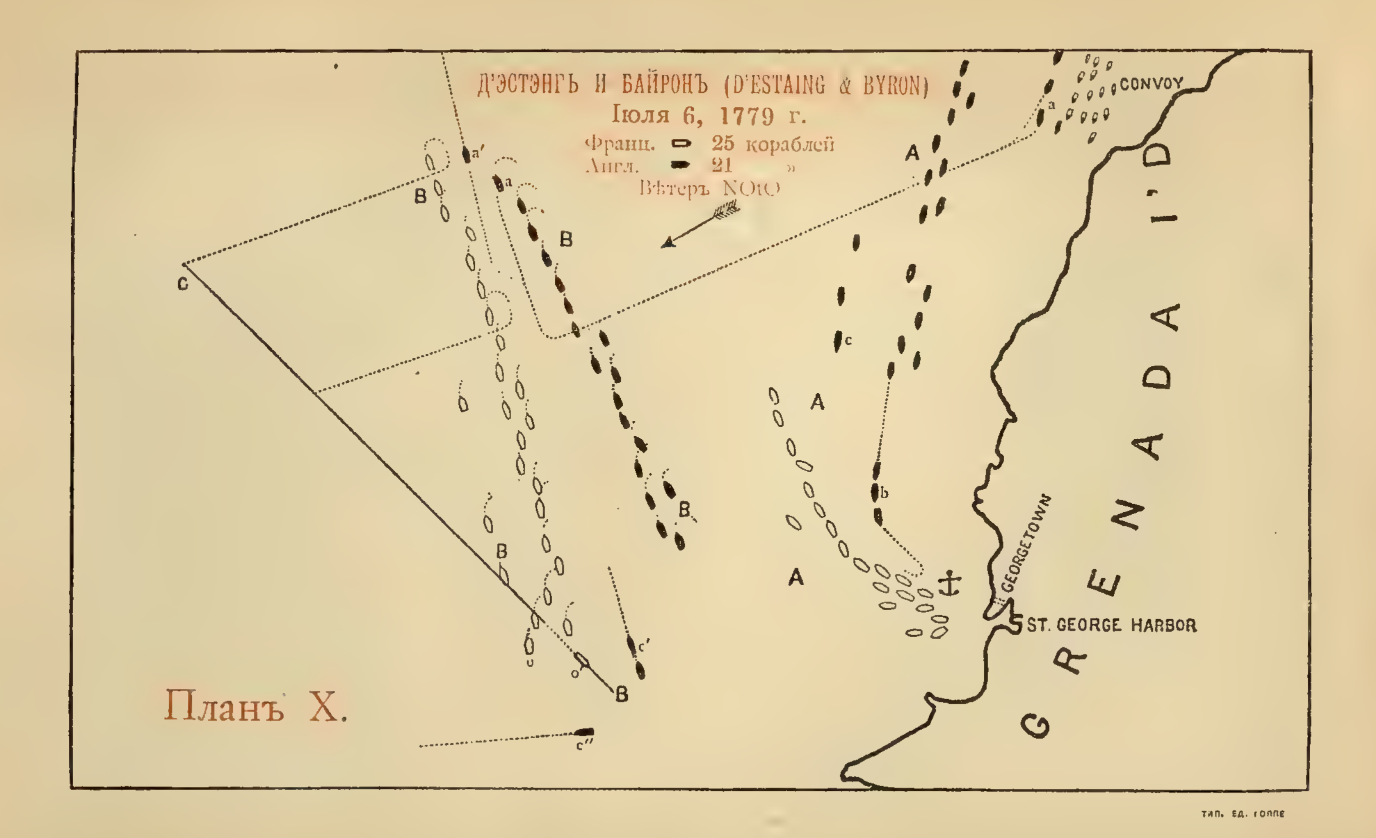
Отсутствіе точныхъ свѣдѣній заставляетъ колебаться въ осужденіи д'Эстенга за эту обидную для французовъ неудачу. Его отвѣтственность за нее обусловливается вѣтромъ, — который могъ быть слабъ подъ берегомъ, — и тѣмъ, въ какой мѣрѣ ему было возможно стать на якорь. Остается, однако, тотъ фактъ, что, пройдя дважды вдоль линіи непріятеля, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, онъ не вызвалъ его все-таки на рѣшительный бой. Его поведеніе критиковалось не въ пользу его великимъ Сюффреномъ, тогда однимъ изъ командировъ въ его эскадрѣ.

Англичане такимъ образомъ вознаградили себя за взятіе Доминики, которое состоялось 8-го сентября, подъ предво-

дительствомъ французскаго губернатора Вестъ-Индскихъ островов. Такъ какъ тамъ не было англійской эскадры, то послѣдній и не встрѣтилъ никакихъ затрудненій. Значеніе Доминики для французовъ было уже указано нами; и необходимо здѣсь воспользоваться примѣрами судьбы его и С. Лючіи для подтвержденія сказаннаго выше о томъ, что обладаніе этими малыми островами опиралось единственно на морское превосходство. Отъ степени усвоенія этого принципа зависитъ правильность критическаго отношенія къ дальнѣйшей дѣятельности д'Эстэнга, которую мы сейчасъ опишемъ.

Послѣ дѣла при С. Лючіи послѣдовали шесть мѣсяцевъ почти полнаго спокойствія. Англичане были усилены флотомъ Байрона, который принялъ главное командованіе. Но численный перевѣсъ остался все-таки за французскимъ флотомъ, такъ какъ къ нему присоединились еще десять военныхъ кораблей. Около середины іюня Байронъ отплылъ со своимъ флотомъ для конвоированія большаго каравана коммерческихъ судовъ, направлявшихся въ Англію, пока они не отойдутъ отъ острововъ. Д'Эстэнгъ снарядилъ тѣмъ временемъ очень небольшую экспедицію, которая безъ затрудненія захватила С. Винцентъ, 16-го іюня 1779 года; и 30-го іюня онъ отплылъ со всѣмъ своимъ флотомъ, для нападенія на Гренаду. Ставъ на якорь у Джорджтоуна (Georgetown) 2-го іюля, онъ высадилъ своихъ солдатъ, и 4-го гарнизонъ изъ семисотъ человѣкъ сдалъ островъ. Между тѣмъ Байронъ, услышавъ о потерѣ С. Винцента и вѣроятной атакѣ Гренады, отплылъ съ большимъ караваномъ транспортовъ съ войсками и съ двадцать однимъ линейнымъ кораблемъ — для отнятія у непріятеля перваго острова и на выручку второму. Получивъ на пути опредѣленныя извѣстія о томъ, что французы были уже передъ Гренадой, онъ направился туда, обойдя сѣверо-западный мысъ острова на разсвѣтѣ 6-го іюля. Объ его приближеніи уже за день передъ тѣмъ дали знать д'Эстэнгу, который однако остался на якорѣ (*), боясь что въ противномъ случаѣ теченіе и слабые вѣтры слишкомъ отнесутъ его подъ вѣтеръ. Когда англичане показа-

(*) Позиція д'Эстэнга на якорѣ отмѣчена на планѣ X якоремъ.

Д'ЭСТЭНГЪ И БАЙРОНЪ (D'ESTAING & BYRON)
Іюля 6, 1779 г.
Франц. 25 кораблей
Англ. 21 »
Вѣтеръ NONO
CONVOY
GRENADA I'D
GEORGETOWN
ST. GEORGE HARBOR
Планъ X.

ТИП. ЕД. ГОППЕ

лись въ виду, французы снялись съ якоря, и скучившаяся масса ихъ кораблей помѣшала Байрону замѣтить сразу численное неравенство не въ его пользу: у французовъ было двадцать пять линейныхъ кораблей. Онъ сдѣлалъ сигналъ общей погони, и такъ какъ французскій флотъ, по безпорядочности маневрированія, долженъ былъ построиться по самому подвѣтренному кораблю, то англичане легко удержали преимущество навѣтреннаго положенія, при которомъ они приближались къ противнику. Когда сраженіе началось, то французы были западнѣе, въ только частью построенной линіи, на правомъ галсѣ, лежа къ сѣверу, при чемъ арьергардъ ихъ былъ въ безпорядкѣ и на вѣтрѣ отъ авангарда и центра (планъ X, A). Англичане спускались полнымъ вѣтромъ, держа на StW, на лѣвомъ галсѣ (A), между островомъ и непріятелемъ, при чемъ ихъ головные корабли приближались подъ малымъ угломъ, — все увеличивая его, однако, — къ арьергарду противника, все еще непостроившемуся; между тѣмъ караванъ англійскихъ транспортовъ находился между свомъ флотомъ и островомъ, подъ спеціальной охраной трехъ кораблей (A, a), которымъ теперь было приказано присоединиться къ эскадрѣ. Такъ какъ сигналомъ Байрона предписывалась общая погоня, то три быстрѣйшіе изъ англійскихъ кораблей, — одинъ изъ нихъ подъ флагомъ втораго флагмана, адмирала Баррингтона, — вступили въ сферу огня французскихъ центра и арьергарда, видимо не поддерживаемые (b) и сильно страдая отъ естественнаго сосредоточенія на нихъ выстрѣловъ. Поровнявшись съ самыми задними кораблями противника, они повернули черезъ фордевиндъ на одинъ галсъ съ ними и легли на сѣверъ, сзади ихъ и на вѣтрѣ; и около того же времени Байронъ, который не зналъ до тѣхъ поръ о сдачѣ острова, увидѣлъ французскій флагъ развѣвающимся на фортахъ его. Немедленно послѣдовали сигналы повернуть черезъ фордевиндъ послѣдовательно, а опередившимъ кораблямъ, — занять въ строѣ мѣсто, способствующее взаимной поддержкѣ, прекративъ общую погоню, къ которой собственно сводилось до тѣхъ поръ сраженіе. Пока главная часть флота все еще лежала къ югу, на лѣвомъ галсѣ, три корабля, *Cornwall*, *Crafton* и *Lion* (c), — послушавшись

буквально сигнала о боѣ на близкомъ разстояніи, — сильно увалились подъ вѣтеръ относительно другихъ, привлекши на себя этимъ большую часть огня непріятельской линіи. Люди и рангоутъ на нихъ, такимъ образомъ, жестоко пострадали; и хотя въ концѣ концовъ къ нимъ пришли на выручку передовые корабли ихъ флота, подойдя съ юга на правомъ галсѣ, они были уже неспособны, послѣ поворота черезъ фордевиндъ (B, c′, c″), держаться со своими и отстали, приблизившись къ французамъ. Главная часть поврежденій въ англійскомъ флотѣ пала на эти три корабля, на три передовые корабля, подъ командою Баррингтона и на два другіе, въ арьергардѣ (A, a), которые, видя авангардъ въ такой тяжелой для него схваткѣ, не исполнили послѣдовательнаго движенія, но спустились, прямо выйдя изъ строя, и заняли мѣста въ головѣ кильватерной линіи (B, a, a′), — маневръ, сильно напоминающій тотъ, который далъ Нельсону такую высокую славу при мысѣ С. Винцентъ, хотя и не столь отвѣтственный (*).

До сихъ поръ Байронъ руководилъ своей атакой, пользуясь возможностью инициативы, благодаря преимуществу своего навѣтреннаго положенія и безпорядку французскаго арьергарда. Надо замѣтить, что хотя и было желательно не терять времени въ нападеніи на упомянутый арьергардъ, пока онъ былъ еще въ безпорядкѣ, тѣмъ не менѣе является вопросъ, — слѣдовало ли позволять тремъ кораблямъ Баррингтона отдѣляться отъ остальнаго флота такъ далеко, какъ они, кажется, это сдѣлали. Общая погоня позволительна и умѣстна, когда вслѣдствіе численнаго перевѣса, — начальнаго, или пріобрѣтеннаго, — или вслѣдствіе

(*) По поводу одного изъ этихъ кораблей, *Monmouth*, шестидесяти четырехъ-пушечнаго (a′), разсказывали, что офицеры французскаго флагманскаго корабля пили за здоровье командира «маленькаго чернаго корабля». Имена кораблей, подобно фамиліямъ, часто имѣютъ замѣчательную карьеру. Первый *Monm·uth*, за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, атаковалъ и взялъ, въ сущности въ одиночномъ бою, *Foudroyant* — восьмидесяти четырехъ-пушечный корабль, одинъ изъ лучшихъ во французскомъ флотѣ. Командиромъ его былъ тогда капитанъ Гардинеръ, который, командуя кораблемъ Бинга въ сраженіи, стоившемъ послѣднему смертной казни, былъ такъ огорченъ за результатъ того дѣла, что рѣшился на бой при столь отчаянно неравныхъ шансахъ, и въ немъ потерялъ свою жизнь. Тотъ же самый корабль, теперь такъ жестоко потерпѣвшій подъ Гренадой, еще появится въ подобномъ же смѣломъ сраженіи — подъ командой другаго офицера, — черезъ три года, въ Индіи.

обстановки, корабли, имѣющіе вступить первыми въ сраженіе, не должны будутъ считаться съ противникомъ, значительно превосходящимъ ихъ численно или не будутъ подвержены подавляющему сосредоточенію огня на нихъ, до прихода поддержки, или, наконецъ, когда есть вѣроятность, что непріятель можетъ уйти, если только ему немедленно не будетъ нанесенъ ударъ. Ничего этого не было здѣсь. Не слѣдовало также кораблямъ *Cornwall*, *Crafton* и *Lion* избирать курсъ, который дозволилъ непріятелю, даже почти побудилъ его, скорѣе сосредоточить, чѣмъ разсѣять огонь. Подробности дѣла не настолько точно извѣстны, чтобы можно было сдѣлать еще и другія замѣчанія, кромѣ упоминанія этихъ ошибокъ, не приписывая ихъ необходимо упущенію со стороны адмирала.

Французы дѣйствовали до этого времени строго оборонительно, въ согласіи съ ихъ обычною политикою. Теперь представился случай для наступательнаго образа дѣйствій, въ которомъ подвергались испытанію профессіональныя качества д'Эстэнга и для оцѣнки котораго необходимо должно уяснить положеніе противниковъ въ этотъ моментъ. Оба флота были на правомъ галсѣ, лежа къ сѣверу (B, B, B), — французскій подъ вѣтромъ. Онъ получилъ мало поврежденій въ движущей силѣ, хотя его строй былъ не въ совершенномъ порядкѣ; у англичанъ же, вслѣдствіе ихъ ошибочной атаки, были серьезно повреждены семь кораблей, изъ которыхъ четыре, — *Monmouth*, *Crafton*, *Cornwall* (c′) и *Lion* (c″), — были выведены изъ строя. Послѣдніе три около трехъ часовъ пополудни отстали уже на лигу, упавъ значительно подъ вѣтеръ и находясь ближе къ французамъ, чѣмъ къ своимъ; между тѣмъ скорость англійскаго флота была необходимо уменьшена до скорости другихъ поврежденныхъ кораблей, оставшихся въ строѣ. Эти условія рѣзко обнаруживаютъ затрудненія флота, въ которомъ поврежденія сосредоточились на немногихъ корабляхъ, вмѣсто того, чтобы распредѣлиться между всѣми; десять или двѣнадцать кораблей, въ сущности почти нетронутые, должны были сообразоваться съ состояніемъ немногихъ остальныхъ. Д'Эстэнгъ, съ двадцатью пятью своими кораблями, былъ те-

перь подъ вѣтромъ у Байрона, котораго семнадцать или восемнадцать кораблей, хотя и могли держаться вмѣстѣ, но обладали меньшимъ ходомъ и меньшей управляемостью, чѣмъ непріятельскіе, и который былъ тактически связанъ заботою о караванѣ, лежавшемъ на вѣтрѣ у него, и о трехъ выведенныхъ изъ строя корабляхъ — подъ вѣтромъ. При этихъ обстоятельствахъ для французскаго адмирала были открыты три пути дѣйствій: 1) пройти впередъ и, повернувъ оверштагъ послѣдовательно, стать между Байрономъ и упомянутымъ караваномъ, пославъ къ послѣднему и свои фрегаты; 2) повернуть оверштагъ всѣмъ флотомъ вмѣстѣ и атаковать англійскій флотъ, принудивъ его принять общій бой; или, наконецъ, 3) послѣ поворота на другой галсъ, отрѣзать три выведенные изъ строя корабля, что могло бы привести къ общему бою еще съ большими для него преимуществами.

Д'Эстэнгъ не пытался исполнить ни одного изъ этихъ маневровъ. Относительно перваго онъ, зная что подвергается осужденію, писалъ во Францію, что маневръ не могъ быть предпринятъ вслѣдствіе слишкомъ безпорядочнаго состоянія его флота. Но каковъ бы ни былъ этотъ безпорядокъ въ техническомъ отношеніи, все-таки трудно повѣрить, чтобы при превосходствѣ въ способности движенія французскаго флота сравнительно съ непріятелемъ, попытка его была безнадежна. Третій маневръ представлялъ, вѣроятно, наибольшія выгоды, такъ какъ обезпечивалъ отдѣленіе отъ главнаго флота поврежденныхъ кораблей непріятеля и могъ бы, весьма вѣроятно, вызвать британскаго адмирала на атаку при въ высшей степени опасныхъ для него условіяхъ. Согласно утвержденію англійскихъ авторовъ, Байронъ говоритъ, что спустился бы на непріятеля опять, если бы тотъ настаивалъ на сраженіи. Въ три часа пополудни д'Эстэнгъ повернулъ оверштагъ всѣмъ флотомъ вмѣстѣ, построивъ линію по подвѣтренному кораблю (*), и опять легъ на курсъ къ югу. Англичане

(*) Сплошная линія BC показываетъ конечное направленіе линіи баталіи французовъ; подвѣтренный корабль (o) повернулъ оверштагъ и пришелъ въ положеніе (o'), тогда какъ другіе корабли легли ему въ кильватеръ. Хотя ясно и не указано, но можно считать несомнѣннымъ, что Байронъ построился такимъ же образомъ въ кильватерную линію, параллельную непріятелю. Въ эту новую линію

подражали этому движенію, за исключеніемъ авангарднаго корабля *Monmouth* (a'), — который, будучи слишкомъ сильно поврежденъ для того, чтобы маневрировать, сохранилъ курсъ N, — и трехъ отдѣлившихся кораблей. Два изъ нихъ (c') продолжали держаться на сѣверъ и прошли еще разъ подъ французскими залпами; но *Lion* (c''), не будучи въ состояніи держать круто, спустился полнымъ вѣтромъ передъ носомъ непріятеля по направленію къ Ямайкѣ, лежавшей за тысячу миль подъ вѣтромъ. Онъ не былъ преслѣдуемъ.... Трофеемъ французовъ былъ одинъ только транспортъ. «Если бы искусство адмирала въ морскомъ дѣлѣ равнялось его храбрости», писалъ знаменитый Сюффренъ, который командовалъ головнымъ французскимъ кораблемъ, «то мы не позволили бы уйти отъ насъ четыремъ кораблямъ, потерявшимъ мачты». — Д'Эстэнгъ, въ возрастѣ тридцати лѣтъ, былъ переведенъ изъ арміи во флотъ съ преждевременно пожалованнымъ ему чиномъ контръ-адмирала. Флотъ не довѣрялъ его искусству въ морскомъ дѣлѣ, когда возгорѣлась война, и, правду сказать, такое мнѣніе оправдалось его поведеніемъ (*). «Храбрый, какъ его шпага, д'Эстэнгъ былъ всегда идоломъ солдата, идоломъ матроса; но нравственный авторитетъ его передъ офицерами оказался весьма недостаточнымъ въ нѣсколькихъ случаяхъ, несмотря на явное покровительство ему со стороны короля» (**).

Еще иной причиной, помимо несостоятельности въ мореходномъ искусствѣ, объясняется обыкновенно французскими историками вялое поведеніе д'Эстэнга въ разсмотрѣнномъ случаѣ. Они говорятъ, что истиннымъ предметомъ своихъ дѣйствій онъ считалъ Гренаду, а на англійскій флотъ смотрѣлъ какъ на совсѣмъ второстепенный предметъ дѣйствій. Раматюель (Ramatuelle), морской тактикъ, служившій на дѣйствительной службѣ въ этой войнѣ и писавшій во времена Имперіи, приводитъ это дѣло, сравниваемое имъ, по значенію, съ Іорктоунскимъ дѣломъ и другими, какъ примѣръ истинной

выведенные изъ строя корабли (c'), которые едва могли держаться на своемъ курсѣ, легко могли бы войти.

(*) Chevalier: Hist. de la Marine Française. (**) Guérin: Hist. Maritime.

политики морской войны. Его слова, которыя служатъ, вѣроятно, отраженіемъ мнѣній его современниковъ и товарищей по профессіи въ то время, а также, конечно, и политики французскихъ правительствъ, — заслуживаютъ болѣе, чѣмъ бѣглаго упоминанія, такъ какъ они обнимаютъ принципы, достойные самаго серьезнаго обсужденія: —

„Французскій флотъ всегда предпочиталъ славу обезпеченія или сохраненія завоеванія быть можетъ болѣе блестящей, но въ дѣйствительности менѣе реальной славѣ захвата въ плѣнъ нѣсколькихъ кораблей; и такимъ образомъ онъ болѣе приближался къ истинной цѣли войны. Что, въ самомъ дѣлѣ, представила бы для англичанъ потеря нѣсколькихъ кораблей? Существенно — атаковать ихъ въ ихъ владѣніяхъ, въ непосредственномъ источникѣ ихъ коммерческаго богатства и ихъ морской силы. Война 1778 года представляетъ примѣры, которые доказываютъ преданность французскихъ адмираловъ истиннымъ интересамъ страны. Сохраненіе острова Гренады, покореніе Іорктоуна, гдѣ сдалась англійская армія, завоеваніе острова Св. Христофора были результатомъ большихъ сраженій, въ которыхъ предпочли позволить непріятелю отступить безпрепятственно, а не рисковали дать ему случай оказать поддержку атакованнымъ пунктамъ“.

Авторъ этой цитаты не могъ бы высказать своихъ воззрѣній болѣе прямо, чѣмъ опираясь на случай Гренады. Никто не будетъ отрицать, что существуютъ моменты, когда вѣроятнымъ военнымъ успѣхомъ слѣдуетъ пожертвовать, совсѣмъ или на время, въ пользу другаго, болѣе значительнаго или болѣе рѣшительнаго. Положеніе де Грасса при Чезапикѣ въ 1781 году, съ судьбою Іорктоуна на вѣсахъ, отвѣчало именно такому моменту. Но Раматюель сопоставляетъ его съ положеніемъ д'Эстэнга при Гренадѣ, какъ будто бы оба эти положенія равнозначущи. И де Грассъ и д'Эстэнгъ одинаково оправдываются имъ, не по ихъ относительнымъ заслугамъ въ приложеніи къ частнымъ цѣлямъ, а съ точки зрѣнія общаго принципа. Вѣренъ ли этотъ принципъ? Заблужденіе цитированнаго писателя невольно выдается словами «немногіе корабли». Вѣдь цѣлый флотъ не уничтожается обыкновенно съ одного удара; взятіе или уничтоженіе немногихъ кораблей непріятеля опредѣляетъ обыкновенную морскую побѣду; въ знаменитомъ сраженіи Роднея были взяты только пять кораблей, а между тѣмъ именно этимъ Ямайка была спасена.

Для того, чтобы опредѣлить степень правильности принципа, который будто бы иллюстрируется упомянутыми двумя

случаями (операціи у острова Св. Христофора будутъ разсмотрѣны ниже), необходимо уяснить — чего добивались французы въ каждомъ изъ нихъ и что было рѣшающимъ факторомъ успѣха. При Іорктоунѣ противники англичанъ добивались взятія арміи Корнвалиса; цѣлью ихъ было уничтоженіе организованной военной силы непріятеля на берегу. При Гренадѣ французы избрали предметомъ дѣйствій завладѣніе клочкомъ территоріи — не имѣвшимъ большаго военнаго значенія; ибо должно замѣтить, что всѣ эти Малые Антильскіе острова такъ расположены, что для удержанія ихъ за собою силою приходилось увеличивать число большихъ отрядовъ, которыхъ взаимная поддержка зависѣла всецѣло отъ флота. Безъ такой поддержки эти отряды подвергались риску уничтоженія ихъ въ отдѣльности; а для обезпеченія тамъ морскаго превосходства необходимо надо было уничтожить флотъ непріятеля. Гренада, находясь близко и подъ вѣтромъ отъ Барбадоса и С. Лючіа, которые крѣпко держали въ рукахъ англичане, была особенно слабымъ пунктомъ французовъ; но здравая военная политика по отношенію ко всѣмъ этимъ островамъ требовала, чтобы обладавшая ими держава имѣла одну или двѣ сильно укрѣпленныя и снабженныя гарнизономъ морскія базы и могла бы въ остальномъ положиться на флотъ. Кромѣ этого требовалось еще только обезпеченіе противъ атакъ со стороны отдѣльныхъ крейсеровъ и приватировъ.

Таковы были цѣли и предметы дѣйствій въ разсматриваемыхъ операціяхъ. Что же было рѣшающимъ факторомъ въ этой борьбѣ? Конечно флотъ, организованная пловучая военная сила. Судьба Корнвалиса зависѣла безусловно отъ моря. Безполезно разсуждать, каковъ былъ бы результатъ, если бы шансы де Грасса 5-го сентября 1781 года были на сторонѣ его противника; т. е. если бы французы, вмѣсто того, чтобы имѣть пятью кораблями больше, имѣли пятью кораблями меньше, чѣмъ англичане. Можно сказать, что де Грассъ, въ началѣ своего большаго сраженія съ Роднеемъ, имѣлъ превосходство надъ англичанами, равное результату съ трудомъ выиграннаго боя. Вопросъ тогда былъ въ томъ, слѣдовало ли ему рисковать отказаться отъ почти вѣрной и рѣшительной

побѣды надъ организованной силой непріятеля на берегу въ пользу риска гораздо болѣе сомнительной побѣды надъ организованной силой на водѣ? Здѣсь вопросъ шелъ не объ Іорктоунѣ, а о Корнвалисѣ и его арміи, что имѣетъ большое значеніе.

При такой единственно правильной постановкѣ вопроса можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ. Пусть, однако, читатель отчетливо уяснитъ себѣ, что предметами дѣйствій, между которыми де Грассу приходилось дѣлать выборъ, были въ обоихъ случаяхъ организованныя силы непріятеля.

Въ иномъ положеніи былъ д'Эстэнгъ при Гренадѣ. Численное превосходство силъ его надъ силами англичанъ было почти такъ же велико, какъ и у де Грасса; представлявшимися ему на выборъ предметами дѣйствій были: одинъ — организованная сила на водѣ, а другой — маленькій островъ, плодородный, но не имѣвшій значенія въ военномъ отношеніи. Говорили, что Гренада представляла сильную оборонительную позицію; но внутренняя сила не дѣлаетъ позиціи цѣнной, если она не имѣетъ стратегическаго значенія. Для спасенія острова д'Эстэнгъ отказался воспользоваться своимъ счастливымъ огромнымъ преимуществомъ надъ флотомъ непріятеля. А между тѣмъ отъ исхода борьбы между этими флотами зависѣло удержаніе во власти островомъ. Для надежнаго обладанія Вестъ-Индскими островами требовался, во-первыхъ, сильный морской портъ, какой французы и имѣли, и во-вторыхъ, обладаніе моремъ. Для послѣдняго же было необходимо не увеличеніе числа отрядовъ на островахъ, а уничтоженіе флота непріятеля, который правильно сравнивать съ арміею въ полѣ. Острова были только богатыми городами, а нужно было не болѣе одного или двухъ укрѣпленныхъ городовъ или постовъ.

Можно сказать, не боясь ошибки, что принципъ, который привелъ д'Эстэнга къ его образу дѣйствій, не былъ, по меньшей мѣрѣ, неограниченно вѣренъ, потому что этотъ образъ дѣйствій былъ неправиленъ. Въ дѣлѣ при Іорктоунѣ принципъ, какъ онъ характеризованъ Раматюелемъ, не служитъ *оправдывающимъ* основаніемъ поведенія де Грасса, хотя, вѣроятно, онъ былъ *дѣйствительнымъ* основаніемъ этого поведенія. Что оправдывало де Грасса, такъ это то, что исходъ дѣла обусло-

вливался неоспоримымъ обладаніемъ моремъ, на короткое время только, а это обладаніе было за нимъ, благодаря численному превосходству его флота. Если бы послѣдній былъ численно равенъ непріятельскому, то воинскій долгъ обязывалъ бы де Грасса вступить съ противникомъ въ бой, чтобы остановить попытку, которую конечно сдѣлалъ бы англійскій адмиралъ. Уничтоженіе нѣсколькихъ кораблей, которому Раматюель придаетъ такъ мало значенія, обезпечиваетъ именно такое превосходство, какое обусловило счастливый результатъ при Іорктоунѣ. Съ точки зрѣнія общаго принципа это уничтоженіе несомнѣнно представляетъ лучшую цѣль, чѣмъ та, какую преслѣдовали французы. Конечно исключенія возможны, но они, вѣроятно, будутъ тамъ, гдѣ, какъ въ Іорктоунѣ, военная сила поражается прямо въ другомъ мѣстѣ, или какъ въ Портъ-Магонѣ, гдѣ на ставкѣ была желанная и могущественная база такой силы; хотя даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ сомнительно, чтобы выказанная флотомъ осторожность была умѣстна. Если бы Гауке или Боскауэна постигло бѣдствіе Бинга, то они не пошли бы для исправленія кораблей въ Гибралтаръ, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда французскій адмиралъ нанесъ бы имъ за первымъ ударомъ слѣдующіе, уменьшивъ тѣмъ боевую способность ихъ флотовъ.

Дѣло при Гренадѣ было, безъ сомнѣнія, весьма дорогимъ въ глазахъ д'Эстэнга, потому что оно было его единственнымъ успѣхомъ. Послѣ неудачъ при Делавэрѣ, Нью-Іоркѣ и Родъ-Айлэндѣ, послѣ унизительнаго дѣла при С. Лючіи, трудно понять довѣріе къ нему, выражавшееся нѣкоторыми французскими писателями. Безъ сомнѣнія ихъ подкупало то, что одаренный блестящей и заразительной личной храбростью, онъ совершалъ выдающіеся подвиги, когда, будучи адмираломъ, предводительствовалъ лично въ нападеніяхъ на траншеи въ С. Лючіи и Гренадѣ и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ неуспѣшной атакѣ Саваниы (Savannah).

Въ отсутствіе французскаго флота, зимою 1778 и 79 года, англичане, господствуя на морѣ при посредствѣ нѣсколькихъ своихъ кораблей, не ушедшихъ въ Вестъ-Индію, рѣшились

перенести театръ континентальной войны въ Южные Штаты, гдѣ они ожидали найти много лойялистовъ. Экспедиція была направлена противъ Георгіи и имѣла такой успѣхъ, что Саванна попала въ руки англичанъ въ самомъ концѣ 1778 года. Скоро за тѣмъ былъ покоренъ и весь Штатъ. Операціи распространились оттуда въ Южную Каролину, но не привели ко взятію Чарльстона.

Извѣщеніе объ этихъ событіяхъ было послано д'Эстэнгу въ Вестъ-Индію, при чемъ настоятельно указывалось на опасность, угрожавшую обѣимъ Каролинамъ, и на ропотъ народа противъ французовъ, которые обвинялись въ томъ, что покинули своихъ союзниковъ, не оказавъ имъ никакой услуги, но, напротивъ, воспользовавшись сами участливой помощью бостонцевъ въ дѣлѣ починки своего поврежденнаго флота. Чувствовался правдивый укоръ въ этомъ сѣтованіи на недостаточную помощь со стороны французовъ, который и побудилъ д'Эстэнга пренебречь уже дошедшимъ до него приказаніемъ возвратиться сейчасъ же въ Европу съ нѣкоторыми кораблями. Вмѣсто того, чтобы послушаться приказанія, онъ отплылъ къ берегу Америки съ двадцатью двумя линейными кораблями, имѣя въ виду двѣ цѣли,—выручку Южныхъ Штатовъ и нападеніе на Нью-Іоркъ совокупно съ арміею Вашингтона.

Прибывъ къ берегу Георгіи 1-го сентября, д'Эстэнгъ застигъ англичанъ совершенно врасплохъ; но роковой недостатокъ быстроты дѣйствій, который и ранѣе характеризовалъ командованіе этого весьма отважнаго человѣка, опять помѣшалъ ему докончить дѣло, начатое такъ удачно. Замѣшкавшись сначала передъ Саванной, онъ пропустилъ много драгоцѣнныхъ дней, въ теченіе которыхъ условія измѣнились, и приближеніе неблагопріятнаго для мореходства времени года побудило его, столь медлительнаго сначала, къ слишкомъ поспѣшной атакѣ Саванны. Здѣсь онъ выказалъ свою обычную храбрость, сражаясь во главѣ колонны, какъ сдѣлалъ это и американскій генералъ; но результатомъ было кровавое пораженіе союзниковъ. Осада была снята, и д'Эстэнгъ отплылъ сейчасъ же во Францію, не только отказавшись отъ своего проекта нападенія на Нью-Іоркъ, но и покинувъ Южные Штаты на произволъ

непріятеля. Значеніе для американцевъ этой помощи большой морской силы Франціи, — такимъ образомъ раздразнившей надежды ихъ только для того, чтобы быть отозванной назадъ, — ясно изъ дѣйствій англичанъ, которые покинули Ньюпортъ въ крайней поспѣшности, когда узнали о присутствіи французскаго флота. Уходъ ихъ отсюда былъ рѣшенъ уже ранѣе, но прибытіе д'Эстэнга побудило ихъ къ настоящему бѣгству.

Послѣ отплытія изъ Америки д'Эстэнга, или, что то же, всего французскаго флота, такъ какъ корабли, не ушедшіе назадъ во Францію, возвратились въ Вестъ-Индію, англичане возобновили прекратившіяся, было, нападенія на Соединенные Штаты.

Флотъ и армія вышли изъ Нью-Іорка въ Георгію въ послѣднія недѣли 1779 года и, собравшись въ Тибеѣ (Tybee), двинулись на Чарльстонъ черезъ Эдисто (Edisto). Безсиліе американцевъ на морѣ не позволило имъ помѣшать этимъ движеніямъ, если не считать одиночныхъ дѣйствій крейсеровъ, которые подобрали нѣсколькихъ отсталыхъ транспортовъ, — давъ еще одинъ урокъ маловажности результатовъ крейсерской войны самой по себѣ.

Осада Чарльстона началась въ концѣ марта, при чемъ англійскіе корабли скоро прошли черезъ баръ и мимо форта Моультри (Moultry) безъ значительныхъ поврежденій и стали на якорь въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ него. Фортъ Моультри былъ скоро и легко взятъ при посредствѣ береговыхъ апрошей, и самъ городъ сдался 12-го мая, послѣ сорокадневной осады. Весь Штатъ былъ тогда быстро занятъ войсками и приведенъ къ подчиненію.

Къ остаткамъ бывшаго флота д'Эстэнга присоединилось подкрѣпленіе изъ Франціи, подъ начальствомъ графа де Гишена (Comte de Guichen), который принялъ главное командованіе въ Вестъ-Индскихъ моряхъ 22-го марта 1780 года. На слѣдующій день онъ отплылъ къ острову С. Лючіа, надѣясь застичь его неподготовленнымъ къ отпору нападенія; но суровый, закаленный въ бояхъ старый адмиралъ традиціоннаго англійскаго типа, сэръ Гайдъ Паркеръ (Hyde Parker), такъ расположилъ тамъ на якоряхъ свои шестнадцать кораблей,

что Гишенъ не захотѣлъ атаковать ихъ со своими двадцатью двумя. Благопріятный случай, если только онъ и былъ тутъ, не повторился для него. Де Гишенъ, возвратившись къ Мартиникѣ, сталъ тамъ на якорь 27-го, и въ тотъ же самый день съ Паркеромъ соединился новый англійскій главнокомандующій, Родней.

Этому адмиралу, — впослѣдствіи знаменитому, но тогда еще только выдающемуся, — было шестьдесятъ два года отъ роду, когда онъ принялъ то командованіе англійскими морскими силами, въ которомъ ему суждено было пріобрѣсть безсмертную славу. При замѣчательномъ мужествѣ и искусствѣ въ своей профессіи, онъ отличался несдержанностью, чтобы не сказать нравственной распущенностью, и въ то время, какъ война началась, онъ, изъ-за денежныхъ затрудненій, жилъ въ изгнаніи изъ отечества, во Франціи. Хвастовство его тѣмъ, что онъ могъ бы справиться съ французскимъ флотомъ, если бы обстоятельства позволили ему возвратиться въ Англію, подстрекнуло одного французскаго дворянина, слышавшаго это, принять на себя его долги, — изъ побужденій, въ которыхъ чувства рыцарства и оскорбленнаго національнаго самолюбія играли, вѣроятно, одинаковую роль. По возвращеніи на родину, Родней получилъ командованіе флотомъ въ двадцать линейныхъ кораблей и отплылъ съ нимъ въ январѣ 1780 года на выручку Гибралтара, тогда выдерживавшаго серьезную осаду. Близъ Кадикса, сопутствуемый своимъ обычнымъ счастьемъ, вошедшимъ въ поговорку, онъ встрѣтился съ испанскимъ флотомъ изъ одиннадцати линейныхъ кораблей, которые не замѣчали угрожавшей имъ опасности до тѣхъ поръ, пока бѣжать было уже слишкомъ поздно (*). Сдѣлавъ сигналъ общей погони и взявъ на пересѣчку курса непріятеля, подъ вѣтеръ, между нимъ и портомъ, Родней, несмотря на темную и бурную ночь, успѣлъ взорвать одинъ корабль и взять въ плѣнъ шесть. Поспѣшивъ затѣмъ дальше, онъ выручилъ Гибралтаръ, совершенно обезпечивъ его всѣмъ необходимымъ, и затѣмъ, оста-

(*) Дринкватеръ (Drinkwater), въ своей исторіи осады Гибралтара, объясняетъ что испанскій адмиралъ полагалъ, что Родней не сопровождалъ посланнаго въ Гибралтарскій проливъ каравана, но отдѣлился отъ него; онъ открылъ свою ошибку уже слишкомъ поздно.

вивъ тамъ свои призы и большую часть флота, отплылъ съ остальною на свою станцію.

Въ противоположность своей блестящей личной храбрости и профессіональному искусству, въ которомъ въ сферѣ тактики онъ далеко опередилъ своихъ современниковъ въ Англіи, Родней, какъ главнокомандующій, скорѣе принадлежалъ къ сдержанной, осторожной школѣ французскихъ тактиковъ, чѣмъ походилъ на пылкаго и страстнаго Нельсона. Какъ въ Турвилѣ мы видѣли переходный типъ отъ отчаяннаго бойца семнадцатаго столѣтія, не желавшаго оставить своего врага, къ бойцу, щеголявшему формальной, искусственной,—мы можемъ почти сказать,—пустой, парадной тактикой восемнадцатаго столѣтія,—такъ въ дѣйствіяхъ Роднея мы увидимъ переходъ отъ этихъ церемоніальныхъ поединковъ къ бою, который, будучи весьма искуснымъ по замыслу, преслѣдовалъ всегда серьезные результаты. Сравнивать же Роднея съ французскими адмиралами его времени было бы неправильно. Искусство его, которое де Гишенъ понялъ, какъ только они скрестили шпаги, выражалось не въ праздныхъ, а въ опасныхъ для непріятеля пріемахъ. Какіе бы благопріятные случаи легкаго успѣха ни представлялись ему по пути, истиннымъ предметомъ дѣйствій его, съ котораго онъ никогда не спускалъ глазъ, былъ французскій флотъ, организованная военная сила непріятеля на морѣ. И въ день, когда фортуна покинула противника, который пренебрегъ ея предложеніями, когда побѣдитель Корнвалиса упустилъ благопріятный случай напасть на Роднея, послѣдній одержалъ побѣду, которая освободила Англію отъ глубокихъ тревогъ и возвратила ей однимъ ударомъ всѣ острова, за исключеніемъ только Тобаго, отнятые, было, у нея осторожной тактикой союзниковъ.

Родней и де Гишенъ встрѣтились въ первый разъ 17-го апрѣля 1780 года, черезъ три недѣли послѣ прибытія перваго. Французскій флотъ лавировалъ въ проливѣ между Доминикой и Мартиникой въ то время, какъ непріятель показался на юго-востокѣ. День былъ потраченъ въ маневрированіи для занятія навѣтреннаго положенія, котораго добился Родней. Оба флота были теперь значительно подъ вѣтромъ

острововъ (планъ XI) (*), оба на правомъ галсѣ, лежа къ сѣверу, — французскіе корабли на подвѣтренномъ крамболѣ у англійскихъ. Родней, который форсировалъ парусами, сдѣлалъ сигналъ своему флоту, что предполагаетъ атаковать арьергардъ и центръ непріятеля всѣ своею силою; и когда онъ достигъ положенія, казавшагося ему удобнымъ для начала маневра, то приказалъ своимъ кораблямъ спуститься на восемь румбовъ (90°) всѣмъ вмѣстѣ (A, A, A). Де Гишенъ, понявъ опасность для своего арьергарда, повернулъ всѣмъ флотомъ черезъ фордевиндъ и спустился на помощь къ нему. Тогда Родней, увидѣвъ что его намѣренія разстроены, привелъ опять къ вѣтру на одномъ галсѣ съ непріятелемъ, послѣ чего оба флота лежали къ юго-востоку (**). Потомъ онъ опять поднялъ сигналъ начать бой, и затѣмъ, черезъ часъ, ровно въ полдень, приказалъ (какъ говоритъ его собственная депеша) «каждому кораблю спуститься и направиться на соотвѣтствующаго противника непріятельской линіи». По объясненію Роднея, эти слова, напоминающія старый порядокъ боя,—корабль противъ корабля, — обозначали, что каждый корабль долженъ былъ атаковать того противника, который соотвѣтствовалъ ему по положенію въ тотъ моментъ, а не того, который имѣлъ въ своей линіи номеръ, одинаковый съ его номеромъ. По выраженію самого Роднея: «въ косвенномъ направленіи, чтобы мои головные корабли могли атаковать авангардные корабли центральной дивизіи непріятеля и чтобы весь британскій флотъ былъ противопоставленъ только двумъ третямъ непріятельскаго» (B, B). Затрудненія и недоразумѣнія, имѣвшія мѣсто, возникли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неудовлетворительности сигнальной книги. Вмѣсто того, чтобы поступить такъ, какъ желалъ адмиралъ, авангардные корабли (a) поставили паруса такъ, чтобы занять положеніе на траверзѣ у противни-

---

(*) Мѣсто, гдѣ происходило сраженіе, показано скрещенными флагами.

(**) Черные корабли въ положеніи A представляютъ англійскіе корабли, спускающіеся на центръ и арьергардъ французовъ. Линія vr — ордеръ баталіи отъ авангарда къ арьергарду до спуска; v′, r′ — позиціи головнаго и концеваго кораблей послѣ того, какъ они привели къ вѣтру на лѣвомъ галсѣ вслѣдъ за поворотомъ французовъ черезъ фордевиндъ.

Французск. караванъ.
Вѣтеръ NOtO
РОДНЕЙ и ДЕ ГИШЕНЪ
Апр. 17, 1780 г.
Франц. 23 корабля
Англ. 21 корабль
Планъ XI.
GUADELOUPE
MARIE GALANTE
Basse Terre
LES SAINTES
DOMINICA
MARTINIQUE
Fort Royal Bay
Gros Ilot Bay
St. LUCIA

тип. ед. гоппе.

ковъ, имѣвшихъ одинаковые съ ними номера въ строѣ. Родней утверждалъ впослѣдствіи, что когда онъ спустился во второй разъ, то французскій флотъ былъ въ весьма растянутой линіи баталіи, и что если бы его приказанія были исполнены, то центръ и арьергардъ противника были бы разбиты прежде, чѣмъ къ нимъ успѣлъ бы присоединиться авангардъ.

Имѣются, кажется, всѣ причины думать, что намѣренія Роднея дѣйствительно состояли въ томъ, чтобы поставить французовъ между двухъ огней, какъ онъ это утверждалъ. Неудача произошла отъ неясности сигнальной книги и отъ тактической несостоятельности его флота, за которую онъ, какъ принявшій командованіе надъ послѣднимъ лишь недавно, не былъ отвѣтственъ. Но безобразное исполненіе англичанами описаннаго маневра было настолько очевидно для де Гишена, что онъ,—когда англійскій флотъ спускался въ первый разъ, — воскликнулъ, что шесть или семь его кораблей *ушли*, и послалъ къ Роднею письмо, говоря въ немъ, что если бы послушались его сигналовъ, то ему (де Гишену) пришлось бы быть его плѣнникомъ (*). Болѣе убѣдительное доказательство, что онъ понялъ опасность своего противника, слѣдуетъ видѣть въ томъ фактѣ, что онъ тщательно старался въ слѣдующихъ встрѣчахъ съ нимъ не занимать подвѣтреннаго положенія. Родней, послѣ того, какъ тщательно обдуманные планы его были разстроены, показалъ, что вмѣстѣ со способностью комбинировать ихъ онъ владѣлъ непреклоннымъ мужествомъ

(*) Въ строгомъ выговорѣ капитану Каркетту (Carkett), командовавшему головнымъ кораблемъ англійской линіи, Родней говоритъ: «Вашъ корабль, какъ головной, побудилъ другихъ послѣдовать такому дурному примѣру; и такимъ образомъ, забывъ, что сигналъ опредѣлялъ разстояніе между кораблями всей линіи въ два кабельтова, авангардная дивизія была уведена вами *болѣе, чѣмъ на двѣ лиги* отъ центральной дивизіи, которая черезъ это подвергалась нападенію со стороны самой большой силы непріятеля и не имѣла надлежащей поддержки» (Life, vol. I, p. 351). По всѣмъ правиламъ тактическаго здраваго смысла казалось бы, что другіе корабли должны были держаться опредѣленнаго разстоянія каждый отъ слѣдовавшаго за нимъ, т. е. сомкнуться къ центру. Въ разговорѣ съ сэромъ Джильбертомъ Блэномъ (Gilbert Blane), который не участвовалъ въ этомъ сраженіи, Родней говорилъ, что французская линія растянулась въ длину на четыре лиги, «какъ будто бы де Гишенъ думалъ, что мы полагаемъ уйти отъ него». (Naval Chronicle, vol. XXV, p. 402).

самаго прямолинейнаго бойца: подойдя на своемъ кораблѣ близко къ непріятельскому, онъ не переставалъ обстрѣливать его до тѣхъ поръ, пока тотъ не вышелъ изъ строя безъ фокъ-мачты и грота-рея и съ такимъ поврежденнымъ корпусомъ, что едва-едва держался на водѣ.

Одинъ случай этого сраженія, который упомянутъ французскими писателями и въ трудѣ Ботта (Botta) (*), вѣроятно пользовавшагося послѣдними, но о которомъ не говорится въ англійскихъ описаніяхъ, показываетъ, что характеръ атаки, по представленію французовъ, былъ серьезенъ. Согласно имъ, Родней, замѣтивъ разрывъ линіи непріятеля, образовавшійся потому, что корабль, слѣдовавшій за французскимъ адмираломъ, былъ не на своемъ мѣстѣ, пробовалъ прорваться черезъ упомянутую линію (b); но капитанъ семидесяти четырехъ-пушечнаго корабля *Destin*, поставивъ еще бо̀льшіе паруса, устремился на пересѣчку курса англійскаго девяноста-пушечнаго корабля.

„Поведеніе *Destin* хвалили справедливо", говоритъ Lapeyrouse-Bonfils. „Флотъ избѣжалъ опасности почти вѣрнаго пораженія только благодаря храбрости г. де Гуамии (de Goimpy). Таково, послѣ этого дѣла, было мнѣніе всей французской эскадры. Однако, допустивъ, что наша линія была прорвана, посмотримъ какими бѣдствіями это угрожало бы неизбѣжно нашему флоту? Не было ли бы всегда легко для нашего арьергарда поправить дѣло быстрымъ занятіемъ мѣста отрѣзанныхъ судовъ? Такое движеніе привело бы необходимо къ свалкѣ, которая дала бы преимущество флоту, имѣющему храбрѣйшихъ и преданнѣйшихъ своему долгу командировъ. Но тогда, какъ и во времена Имперіи, было общепризнаннымъ принципомъ, что отрѣзанные корабли считались кораблями взятыми, и такое мнѣніе содѣйствовало своему осуществленію".

Послѣдствія прорыва черезъ непріятельскую линію или боевой строй зависятъ отъ нѣсколькихъ условій. Существенная идея его состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлить силы противника, пройдя въ сдѣланный или образовавшійся въ ходѣ боя достаточный для этой цѣли промежутокъ между его судами, и затѣмъ сосредоточить свои силы на той отдѣленной части противника, которая можетъ ожидать наименьшей поддержки отъ другой. Въ строѣ кильватера такою частью будетъ обыкновенно арьергардъ. Сом-

---

(*) History of the American Revolution.

кнутость атакованнаго строя, число отрѣзанныхъ кораблей, промежутокъ времени, въ теченіе котораго они могутъ быть отрѣзаны и выдерживать дѣйствіе сосредоточенной противъ нихъ превосходной силы, будутъ вліять на результатъ. Весьма важнымъ факторомъ въ окончательномъ исходѣ будетъ моральный эффектъ, — смущеніе, внесенное въ разорванную такимъ образомъ линію непріятеля. Корабли, отрѣзанные прорывомъ противника черезъ ихъ линію останавливаются, и арьергардъ ставится между двухъ огней, тогда какъ корабли, находящіеся впереди, продолжаютъ идти. Такой моментъ — критическій и требуетъ немедленныхъ дѣйствій; но люди, могущіе сразу найтись въ непредвидѣнныхъ случайностяхъ и дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, рѣдки, — особенно, если подчиненное положеніе заставляетъ ихъ бояться отвѣтственности. Въ такой сценѣ смущенія англичане, безъ излишней самонадѣянности, разсчитывали воспользоваться превосходствомъ своимъ въ мореходномъ искусствѣ, такъ какъ въ такихъ случаяхъ требуется не только «мужество и преданность долгу», но и искусство. Всѣ эти послѣдствія «прорыва черезъ линію» выяснились въ большомъ сраженіи Роднея въ 1782 году.

Де Гишенъ и Родней встрѣтились еще дважды въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, но уже ни въ одномъ изъ послѣдовавшихъ при этомъ сраженій французскій адмиралъ не добивался подвѣтреннаго положенія, столь излюбленнаго его націей, а, напротивъ, избѣгалъ его. Между тѣмъ испанскій флотъ изъ двѣнадцати линейныхъ кораблей былъ на пути къ соединенію съ французами. Родней крейсеровалъ на вѣтрѣ Мартиники въ намѣреніи встрѣтить его; но испанскій адмиралъ взялъ болѣе сѣверный курсъ, пришелъ на видъ Гваделупы и оттуда послалъ депешу де Гишену, который соединился со своими союзниками и провелъ ихъ въ портъ. Большой численный перевѣсъ флота коалиціи возбудилъ страхъ на англійскихъ островахъ; но недостатокъ согласія въ упомянутомъ флотѣ повелъ къ медлительности и колебаніямъ; ужасная эпидемія произвела опустошеніе въ экипажахъ испанской эскадры, и предположенныя операціи свелись къ нулю. Въ августѣ де Гишенъ отплылъ во Францію съ пятнадцатью кораблями.

Родней, — не зная объ его назначеніи и безпокоясь какъ о Сѣверной Америкѣ, такъ и объ Ямайкѣ, — раздѣлилъ свой флотъ и, оставивъ одну половину на островахъ, съ остальною отплылъ въ Нью-Іоркъ, куда и прибылъ 12-го сентября. Рискъ такого образа дѣйствій былъ весьма великъ и едва ли можетъ быть оправданъ; но никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ такого раздѣленія силъ не произошло (*). Если бы де Гишенъ намѣревался направиться на Ямайку или, какъ ожидалъ Вашингтонъ, на Нью-Іоркъ, то ни та, ни другая части флота Роднея не могли бы состязаться съ нимъ. Родней подвергнулъ себя двумъ шансамъ пораженія тѣмъ, что раздѣлилъ свою силу на двѣ малыя части на двухъ аренахъ вмѣсто того, чтобы сосредоточиться со всѣми силами на одной.

Безпокойство Роднея о Сѣверной Америкѣ было вполнѣ основательно. 12-го іюля этого года прибыла изъ Франціи давно ожидавшаяся помощь, — пять тысячъ французскихъ солдатъ, подъ командою Рошамбо (Rochambeau), и семь линейныхъ кораблей, подъ командою де Тернэя (de Ternay). Вслѣдствіе этого англичане, хотя все еще превосходя противника въ морѣ, сознавали необходимость сосредоточиться въ Нью-Іоркѣ и были не въ состояніи усилить свои операціи въ Каролинѣ. Трудность и дальность пути сушей давали такое преимущество морской силѣ передъ сухопутной, что Лафайетъ настаивалъ, чтобы французское правительство еще увеличило флотъ; но вниманіе Франціи естественно и правильно сосредоточивалось все еще на непосредственныхъ ея интересахъ на Антильскихъ островахъ... Не пришло еще время освободить Америку.

Родней, избѣжавъ своимъ уходомъ изъ Вестъ-Индіи большаго урагана въ октябрѣ 1780 года, возвратился туда позднѣе въ томъ же году и скоро послѣ того узналъ о войнѣ между Англіей и Голландіей, которая, возникши по причинамъ, излагаемымъ нами ниже, была объявлена 20-го декабря 1780 года. Адмиралъ сейчасъ же занялъ голландскіе острова С. Евстафія и С. Мартина, захвативъ кромѣ того большое число гол-

(*) Доводы Роднея см. въ Rodney's Life, vol. I, pp. 365, 376.

ландскихъ коммерческихъ кораблей, съ грузомъ, цѣнность котораго доходила, въ общемъ, до пятнадцати милліоновъ долларовъ. Эти острова, хотя и оставаясь нейтральными, играли роль, подобную роли Нассау въ Американской Междоусобной войнѣ, и служили большимъ складомъ контрабандныхъ предметовъ, попавшихъ теперь въ огромномъ количествѣ въ руки англичанъ.

1780 годъ былъ мрачнымъ годомъ для Соединенныхъ Штатовъ. Камденское сраженіе, казалось, наложило англійское ярмо на Южную Каролину, и непріятель питалъ большія надежды на подчиненіе себѣ и Сѣверной Каролины и Виргиніи. Послѣдовавшая за тѣмъ государственная измѣна Арнольда увеличила уныніе американцевъ, только отчасти оживленныхъ потомъ побѣдою при Королевской горѣ (King's Mountain). Существенная помощь французскихъ войскъ была самымъ свѣтлымъ мѣстомъ въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Но даже и оно имѣло тѣни, такъ какъ предназначенная къ посылкѣ изъ Франціи вторая вспомогательная дивизія была блокирована въ Брестѣ англійскимъ флотомъ; тогда какъ приходъ Роднея вмѣсто ожидавшагося де Гишена сдѣлалъ надежды, возлагавшіяся на кампанію, тщетными.

Время жаркой и рѣшительной дѣятельности было, однако, уже близко. Въ концѣ марта 1781 года графъ де Грассъ отплылъ изъ Бреста съ двадцатью шестью линейными кораблями и большимъ караваномъ. Близъ Азорскихъ острововъ отъ него отдѣлились пять кораблей, направлявшихся въ Остъ-Индію подъ начальствомъ Сюффрена, о которомъ ниже намъ придется еще много говорить. Де Грассъ пришелъ на видъ Мартиники 28-го апрѣля. Адмиралъ Гудъ (Родней оставался у Св. Евстафія) блокировалъ французскій портъ у Фортъ-Рояля на подвѣтренной сторонѣ острова, гдѣ стояли четыре линейные корабля, когда развѣдочныя суда донесли ему о флотѣ непріятеля. Гуду теперь представлялись двѣ альтернативы: одна, — помѣшать соединенію блокировавшихся имъ четырехъ кораблей съ приближавшимся флотомъ, другая — удержать послѣдній отъ занятія положенія между нимъ и бухтой Гросъ Айлотъ на С. Лючіи. Вмѣсто того, чтобы исполнить это

въ теченіе слѣдующихъ сутокъ, выбравшись на вѣтеръ относительно Алмазной скалы (Diamond Rock), его флотъ такъ упалъ подъ вѣтеръ, что де Грассъ, пройдя черезъ каналъ 29-го, выбрался по направленію къ Фортъ-Роялю, держа ввѣренный ему караванъ между флотомъ и островомъ. За эту ошибочную позицію Родней сурово порицалъ Гуда; но она могла быть вызвана слабыми вѣтрами и подвѣтреннымъ теченіемъ. Какъ бы то ни было, но только четыре корабля, стоявшіе въ Фортъ-Роялѣ, снялись съ якоря и присоединились къ главному флоту. У англичанъ было теперь только восемнадцать кораблей, противъ двадцати четырехъ французскихъ, бывшихъ при томъ же на вѣтрѣ; но хотя силы де Грасса относились такимъ образомъ къ силамъ противника, какъ четыре къ тремъ, и хотя положеніе его давало возможность атаковать послѣдняго, онъ не сдѣлалъ этого. Страхъ подвергнуть опасности свой караванъ помѣшалъ ему рискнуть на серьезный бой. Велико должно быть недовѣріе къ своимъ силамъ, чтобы поступить такъ! Когда есть флотъ, сильнѣйшій сравнительно съ непріятельскимъ, то развѣ не время сражаться? Онъ ограничился отдаленной канонадой, — съ результатами, столь невыгодными для англичанъ, что отступленіе его дѣлается еще болѣе непонятнымъ... Могутъ ли политика или традиціи, которыя оправдываютъ такой образъ дѣйствій, назваться цѣлесообразными?

На слѣдующій день, 30-го апрѣля, де Грассъ, пропустившій случай наканунѣ, пытался преслѣдовать Гуда; но послѣдній не имѣлъ больше основаній напрашиваться на сраженіе, такъ какъ его слабость, сравнительно съ непріятелемъ, еще болѣе увеличилась серьезными поврежденіями, полученными нѣкоторыми его кораблями 29-го числа. Де Грассъ не могъ догнать его вслѣдствіе меньшей скорости своего флота, многіе корабли котораго не были обшиты мѣдью въ подводной части, — фактъ, достойный замѣчанія, такъ какъ французскія суда, благодаря лучшимъ обводамъ и размѣреніямъ, были, въ общемъ, быстроходнѣе, чѣмъ англійскія; но это превосходство было уничтожено медлительностью правительства во введеніи новаго усовершенствованія.

Гудъ присоединился къ Роднею въ Антигуѣ, и де Грассъ, простоявъ короткое время въ Фортъ-Роялѣ, сдѣлалъ попытку занятія бухты Гросъ Айлотъ, откуда владѣвшіе ею англичане могли слѣдить за всѣми движеніями его флота. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, онъ двинулся на островъ Тобаго, который и сдался 2-го іюня 1781 года. Отплывъ оттуда, онъ, послѣ нѣкоторыхъ второстепенныхъ операцій, сталъ на якорь 26-го іюля у Французскаго мыса (Cap Français), — теперь мысъ Гаитіенъ (Haytien), — на островѣ Гаити. Здѣсь онъ нашелъ ожидавшій его французскій фрегатъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, съ депешами отъ Вашингтона и Рошамбо, которыми на него возлагалась самая серьезная роль, какая досталась на долю какого-либо изъ французскихъ адмираловъ въ теченіе этой войны.

Вторженіе англичанъ въ Южные Штаты, начавшееся въ Георгіи, съ послѣдовавшимъ за тѣмъ взятіемъ Чарльстона и военнымъ подчиненіемъ двухъ крайнихъ штатовъ, распространилось быстро къ сѣверу, черезъ Камденъ, въ Сѣверную Каролину. 16-го августа 1780 года генералъ Гэтсъ (Gates) былъ разбитъ на голову при Камденѣ; и въ теченіе слѣдующихъ девяти мѣсяцевъ англичане, подъ начальствомъ Корнвалиса, дѣлали настойчивыя попытки опустошенія Сѣверной Каролины. Эти операціи, изложеніе которыхъ не касается нашего непосредственнаго предмета, окончились тѣмъ, что вынудили Корнвалиса, — несмотря на многіе его успѣхи въ серьезныхъ схваткахъ, — отступить въ истощеніи къ морскому берегу и, въ концѣ концовъ, къ Вильмингтону, гдѣ были устроены склады разныхъ припасовъ въ расчетѣ на подобный случай. Противникъ Корнвалиса, генералъ Гринъ (Greene), обратилъ тогда американскія войска къ Южной Каролинѣ. Корнвалисъ, силы котораго были слишкомъ слабы для того, чтобы онъ могъ мечтать о подчиненіи недружелюбной страны, или даже просто о проникновеніи внутрь ея, — долженъ былъ теперь выбирать между возвращеніемъ къ Чарльстону, — чтобы подкрѣпить тамъ и въ Южной Каролинѣ потрясенныя силы британцевъ, — и движеніемъ къ сѣверу, опять въ Виргинію, для соединенія тамъ съ небольшимъ экспедиціон-

нымъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ на рѣкѣ Джемсъ, подъ командою генераловъ Филлипса и Арнольда. Отступленіе было бы признаніемъ, что утомительный походъ и схватки прошлыхъ мѣсяцевъ прошли безрезультатно, и генералъ охотно убѣдилъ себя, что главной военной квартирой долженъ быть Чезапикъ, даже если бы пришлось покинуть самый Нью-Іоркъ. Главнокомандующій, сэръ Генри Клинтонъ, никоимъ образомъ не раздѣлялъ этого мнѣнія, на которомъ опиралось оправданіе шага, сдѣланнаго безъ его разрѣшенія. «Операціи въ Чезапикѣ», писалъ онъ, «сопряжены съ большимъ рискомъ, если только мы не обезпечены въ постоянномъ превосходствѣ на морѣ. Я дрожу за роковыя послѣдствія, къ какимъ онѣ могутъ повести». Что касается Корнвалиса, то онъ, взявъ дѣло въ свои руки, выступилъ изъ Вильмингтона 25-го апрѣля 1781 года, соединившись съ британцами, бывшими уже въ Петербургѣ (*) 20-го мая. Соединенные такимъ образомъ отряды насчитывали семь тысячъ человѣкъ. Послѣ того, какъ они были вынуждены отступить изъ открытой страны Южной Каролины въ Чарльстонъ, остались два центра британской силы, — въ Нью-Іоркѣ и Чезапикѣ; и такъ какъ Нью-Джерсей и Пенсильванія были въ рукахъ американцевъ, то сообщеніе между этими центрами опиралось всецѣло на море.

Несмотря на свою неодобрительную критику дѣйствій Корнвалиса, Клинтонъ самъ уже отважился послать большой отрядъ своихъ войскъ въ Чезапикъ. Отрядъ въ тысячу шестьсотъ человѣкъ, подъ начальствомъ Бенедикта Арнольда, опустошилъ долину рѣки Джемсъ и сжегъ Ричмондъ въ январѣ того же года. Въ надеждѣ взять Арнольда въ плѣнъ, былъ посланъ въ Виргинію Лафайетъ, во главѣ тысячи двухсотъ солдатъ, и вечеромъ 8-го марта французская эскадра отплыла изъ Ньюпорта для поддержки отряда занятіемъ Чезапикской бухты. Адмиралъ Арбутнотъ (Arbuthnot), командовавшій флотомъ, стоявшимъ въ бухтѣ Гардинера (**), узналъ объ этомъ черезъ свои развѣдочныя суда и отправился въ погоню за упомянутой эскадрой утромъ 10-го числа, черезъ тридцать шесть часовъ

(*) Petersburg, въ Виргиніи.
(**) На восточной оконечности Лонгъ Айлэнда (Long Island).

План XII.
АРБУТНОТЪ и ДЕТУШЪ
(Arbuthnot & Destouches)
Марта 16, 1781 г.
Франц. 8 корабл.
Англ. 8 »
Вѣтеръ A,-W.
» B, C. D,-NO
YORKTOWN
CHESAPEAKE BAY
C.Charles
James R.
LYNNHAVEN BAY
NORFOLK
CapeHenry

Тип. Эд. Гоппе.

послѣ ея отплытія. Благодаря ли своей энергіи, или просто удачѣ, онъ такъ хорошо распорядился своимъ временемъ, что когда враждебные флоты увидѣли другъ друга, немного въ сторонѣ отъ Чезапикскихъ мысовъ, то англичане были впереди (*) (планъ XII, A, A). Арбутнотъ сейчасъ же повернулъ на другой галсъ для встрѣчи непріятеля, который съ своей стороны построился въ линію баталіи. Вѣтеръ въ это время былъ западный, такъ что ни одному изъ противниковъ нельзя было взять курсъ прямо въ бухту.

Враждебные флоты были почти равны силами, такъ какъ каждый изъ нихъ состоялъ изъ восьми кораблей; но у англичанъ былъ одинъ девяноста-пушечный корабль, тогда какъ одно изъ французскихъ судовъ было только сильнымъ фрегатомъ, который занялъ мѣсто въ линіи. Несмотря на то, обстоятельства сложились такъ, что энергичный начальникъ, оставаясь вѣрнымъ требованіямъ обычной французской морской политики, долженъ былъ бы стараться, вступивъ въ бой, довести его до рѣшительныхъ результатовъ, и фактъ, что это не было сдѣлано, слѣдуетъ всецѣло приписать доброй волѣ коммодора Детуша (Destouche), или какой-либо другой причинѣ, независимой отъ того предпочтенія конечныхъ цѣлей операцій, о которомъ такъ много приходится читать въ сочиненіяхъ по французской морской исторіи. Погода была свѣжая, угрожая штормомъ; и вѣтеръ, сначала перемѣнный, установился съ сѣверо-востока, при большомъ волненіи, но теперь уже сдѣлавшись попутнымъ для входа въ бухту. Оба флота къ этому времени были на лѣвомъ галсѣ, идя по направленію въ море, — французы впереди и около румба на навѣтренномъ крамболѣ англичанъ (B, B). Съ этой позиціи они повернули послѣдовательно черезъ фордевиндъ (c),—обойдя противника съ носу,—заняли подвѣтренное положеніе, и такимъ образомъ получили возможность стрѣлять изъ орудій нижнихъ батарей, чего сильное волненіе не позволяло навѣтреннымъ кораблямъ. Англичане слѣдовали прежнимъ курсомъ до тѣхъ поръ, пока линія непріятеля не пришла къ нимъ на траверзъ (a, b), и тогда повернули черезъ фордевиндъ всѣ

(*) Французы приписываютъ это факту, что нѣкоторыя изъ ихъ судовъ не были обшиты мѣдью въ подводной части.

вмѣстѣ и вскорѣ за тѣмъ атаковали противника обычнымъ образомъ и съ обычными результатами (С). Три авангардные корабля получили поврежденія въ рангоутѣ; но въ свою очередь, — сосредоточивъ огонь, главнымъ образомъ, на двухъ головныхъ корабляхъ непріятеля, — они нанесли имъ серьезныя поврежденія въ корпусѣ и такелажѣ. Тогда французскій авангардъ спустился, и Арбутнотъ, въ замѣшательствѣ, приказалъ своему авангарду привести опять къ вѣтру. Коммодоръ Детушъ исполнилъ теперь весьма искусное движеніе дефилированія. Сдѣлавъ сигналъ своему авангарду повернуть на другой галсъ, онъ провелъ остальную часть эскадры мимо выведенныхъ изъ строя англійскихъ кораблей и, давъ по нимъ послѣдовательные залпы изъ орудій своихъ сравнительно свѣжихъ кораблей, повернулъ черезъ фордевиндъ (d) и ушелъ въ море (D). Этимъ и окончилось сраженіе, въ которомъ худшая участь пришлась, конечно, на долю англичанъ; но съ обычной настойчивостью въ преслѣдованіи цѣлей они, не будучи въ состояніи идти за своимъ противникомъ въ море, направились въ бухту (D) и соединились съ Арнольдомъ, разрушивъ такимъ образомъ планы французовъ и американцевъ, на которые Вашингтонъ возлагалъ такія большія надежды. Не можетъ быть сомнѣнія, послѣ тщательнаго изученія описаній этого сраженія, что французы вышли изъ него въ лучшемъ состояніи, чѣмъ англичане, и они дѣйствительно настаивали на томъ, что одержали побѣду; тѣмъ не менѣе конечныя цѣли экспедиціи не искусили ихъ опять попытаться рискнуть на состязаніе съ флотомъ, почти равной имъ силы (*).

Когда путь моремъ былъ такимъ образомъ открытъ для англичанъ и охраняемъ ихъ морскою силою, двѣ тысячи англійскихъ солдатъ отплыли изъ Нью-Іорка и достигли Виргиніи

(*) Что французское правительство не было удовлетворено дѣйствіями Детуша, это можно безошибочно заключить изъ медлительности его въ вопросѣ о награжденіи офицеровъ эскадры, что вызвало весьма большое недовольство и пререканія. Французы утверждали, что Арбутнота освистывали на улицахъ Нью-Іорка и что онъ былъ отозванъ домой своимъ правительствомъ. Послѣднее ошибочно, ибо онъ возвратился въ Англію по своему собственному ходатайству; но первое довольно вѣроятно. Оба командира измѣнили въ этомъ случаѣ обычной морской политикѣ своихъ странъ.

26-го марта; а прибытіе затѣмъ Корнвалиса въ маѣ мѣсяцѣ подняло число ихъ до семи тысячъ. Операціи противниковъ, имѣвшія мѣсто въ теченіе весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда американцами командовалъ Лафайетъ, не касаются нашего предмета. Въ началѣ августа Корнвалисъ, дѣйствуя по распоряженіямъ Клинтона, стянулъ свои войска внутрь полуострова, между рѣками Іоркъ и Джемсъ, и занялъ Іорктоунъ.

Вашингтонъ и Рошамбо встрѣтились 21-го мая и рѣшили, что положеніе дѣлъ требовало, чтобы усилія французскаго Вестъ-Индскаго флота, когда тотъ придетъ, были направлены противъ Нью-Іорка или Чезапика. Таковъ былъ смыслъ депеши, найденной де Грассомъ по приходѣ его къ Французскому мысу на Гаити; и тѣмъ временемъ начальники союзныхъ войскъ стянули послѣднія къ Нью-Іорку, ставъ такимъ образомъ какъ разъ возлѣ одного изъ намѣченныхъ ими предметовъ дѣйствій и подойдя ближе къ другому, на случай если бы пришлось остановиться на немъ.

Въ обоихъ случаяхъ результатъ,—какъ по мнѣнію Вашингтона, такъ и по мнѣнію французскаго правительства, — обусловливался превосходствомъ морской силы; но Рошамбо, частнымъ образомъ, извѣстилъ адмирала, что въ выборѣ театра предполагаемыхъ операцій онъ отдаетъ предпочтеніе Чезапику и что сверхъ того французское правительство отклонило отъ себя доставленіе средствъ для правильной осады Нью-Іорка (*). Поэтому предпріятіе приняло видъ обширной военной комбинаціи, зависѣвшей отъ легкости и быстроты передвиженія дѣйствующихъ силъ и разсчитывавшей на отводъ глазъ непріятеля отъ истиннаго предмета дѣйствій — требованія, которымъ спеціальныя свойства флота превосходно удовлетворяютъ. Болѣе короткое разстояніе до Чезапика, большая глубина водъ его и болѣе легкая проводка флота по его фарватеру сравнительно съ Нью-Іоркскимъ, были дальнѣйшими доводами въ пользу Чезапика для осторожнаго моряка; и де Грассъ охотно принялъ планъ Рошамбо, не дѣлая затрудненій, или не требуя измѣненій, что повело бы къ излишнимъ разговорамъ и къ промедленію.

(*) Bancroft: History of the United States.

Принявъ свое рѣшеніе, французскій адмиралъ дѣйствовалъ съ большимъ благоразуміемъ, быстротой и энергіей. Тотъ же самый фрегатъ, который доставилъ депеши отъ Вашингтона, былъ посланъ обратно, такъ что къ 15-му августа начальники союзныхъ войскъ знали о предполагавшемся прибытіи флота. Три тысячи пятьсотъ солдатъ были даны въ распоряженіе адмирала губернаторомъ Французскаго мыса, на условіи, чтобы въ бухтѣ осталась испанская эскадра, которую привелъ де Грассъ. Послѣдній досталъ также отъ губернатора Гаванны денегъ, въ которыхъ американцы крайне нуждались, и наконецъ, вмѣсто того, чтобы ослабить свою силу посылкой конвоя съ коммерческими судами во Францію, какъ желало этого правительство, онъ взялъ съ собою въ Чезапикъ всѣ суда, какія только могъ. Для того, чтобы скрыть свои цѣли отъ непріятеля возможно дольше, онъ прошелъ Багамскимъ каналомъ,—какъ путемъ, рѣже другихъ избиравшимся тогда моряками, и 30-го августа сталъ на якорь въ Линнгавенской бухтѣ (Lynnhaven Bay), сейчасъ за Чезапикскими мысами, съ двадцатью восемью линейными кораблями. За три дня до этого, 27-го августа, французская эскадра, стоявшая въ Ньюпортѣ, — восемь линейныхъ кораблей съ четырьмя фрегатами и восемнадцатью транспортами,—отплыла на rendez-vous подъ командой де Барра (de Barras),—сдѣлавъ, однако, большой обходъ открытымъ моремъ для избѣжанія встрѣчи съ англичанами. Эта мѣра предосторожности была тѣмъ болѣе необходима, что на эскадрѣ находилась французская осадная артиллерія. Войска, подъ начальствомъ Вашингтона и Рошамбо, перешли Гудсонъ 24-го августа, двигаясь къ Чезапикской бухтѣ. Такимъ образомъ различныя вооруженныя силы, морскія и сухопутныя, стягивались къ избранному ими предмету дѣйствій, — арміи Корнвалиса.

Англичане повсюду терпѣли неудачи. Родней, узнавъ объ отправленіи де Грасса, послалъ четырнадцать линейныхъ кораблей, подъ командой адмирала Гуда, въ Сѣверную Америку, а самъ отплылъ въ Англію въ августѣ мѣсяцѣ вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія своего. Гудъ, идя прямымъ путемъ, дошелъ до Чезапика тремя днями раньше де Грасса, заглянулъ въ бухту и, найдя ее пустою, отправился въ Нью-

Іоркъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ пять линейныхъ кораблей подъ начальствомъ Грэвса (Graves), который, какъ старшій, принялъ командованіе всѣми силами и отплылъ 31-го августа въ Чезапикъ, надѣясь застигнуть де Барра прежде соединенія его съ де Грассомъ. Не ранѣе, какъ только черезъ два дня послѣ того, сэръ Генри Клинтонъ убѣдился, что онѣ направились противъ Корнвалиса и находятся уже слишкомъ далеко, чтобы догнать ихъ.

Адмиралъ Грэвсъ былъ глубоко удивленъ, увидавъ, по приходѣ въ Чезапикъ, стоявшій тамъ на якорѣ флотъ, численность котораго свидѣтельствовала, что онъ могъ быть только непріятельскимъ. Несмотря на то, онъ направился прямо на него и хотя по вступленіи де Грасса подъ паруса онъ могъ сосчитать, что у послѣдняго было двадцать четыре корабля противъ его девятнадцати, это открытіе своей сравнительной слабости не удержало англійскаго адмирала отъ атаки. Грубость его тактическихъ пріемовъ, однако, не соотвѣтствовала его храбрости; многіе изъ его судовъ были жестоко повреждены безъ всякой пользы для дѣла. Де Грассъ, ожидая де Барра, оставался пять дней внѣ бухты, заставляя англійскій флотъ держаться насторожѣ и не позволяя ему уходить, но и не вступая съ нимъ въ бой; затѣмъ, возвратившись въ портъ, онъ нашелъ тамъ де Барра спокойно стоящимъ на якорѣ. Грэвсъ же возвратился опять въ Нью-Іоркъ, и съ его уходомъ исчезла послѣдняя надежда Корнвалиса на поддержку, которая могла бы порадовать его. Осада выдерживалась упорно, но обладаніе моремъ дѣлало возможнымъ одинъ только исходъ, и въ концѣ концовъ англійскія силы должны были сдаться 19-го октября 1781 года. Съ этимъ бѣдствіемъ надежда подчиненія колоній исчезла въ Англіи. Борьба не угасала еще въ теченіе года послѣ того, но уже никакихъ серьезныхъ операцій не предпринималось.

Операціи англичанъ, окончившіяся такъ неудачно для нихъ, отличались одновременно и дурнымъ веденіемъ дѣла и дѣйствительнымъ несчастіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, отрядъ Гуда могъ бы быть усиленъ нѣсколькими кораблями изъ Ямайки,

если бы приказанія Роднея были исполнены (*). Равнымъ образомъ, посыльное судно, отправленное имъ къ адмиралу Грэвсу, командовавшему эскадрою въ Нью-Іоркѣ, не нашло тамъ его, такъ какъ онъ ушелъ въ крейсерство на востокъ, съ цѣлью перехватить нѣкоторые важные припасы, которые были посланы американскимъ агентомъ во Франціи и о задержкѣ которыхъ англійское правительство усиленно заботилось; но адмиралъ, при имѣвшихся у него свѣдѣніяхъ о караванѣ съ упомянутыми припасами, поступилъ нелогично, оставивъ свою главную стоянку со всѣмъ флотомъ, въ то время, когда приближеніе ураганнаго времени года въ Вестъ-Индіи направляло дѣятельныя операціи флотовъ къ континенту. Слѣдствіемъ его отсутствія было то, что, хотя депеши Роднея были сейчасъ же посланы вслѣдъ ему изъ Нью-Іорка, судно, взявшее ихъ, было загнано на отмель крейсерами непріятеля, и Грэвсъ не узналъ ихъ содержанія до своего возвращенія въ портъ 16-го августа. Извѣщеніе, посланное Гудомъ о своемъ приходѣ, также было перехвачено. Что же касается того, что онъ не скоро затѣмъ опять вышелъ въ море, то, кажется, что иначе ему и нельзя было поступить; но съ другой стороны, кажется, что этотъ образъ дѣйствій былъ ошибоченъ. Извѣстно было, что де Барра отплылъ изъ Ньюпорта съ восемью кораблями,— вѣроятно въ Чезапикъ и конечно на соединеніе съ де Грассомъ; и совершенно основательно указывалось, что если бы Грэвсъ крейсеровалъ близъ Чезапикскихъ мысовъ, но внѣ вида береговъ, то едва ли бы упустилъ случай встрѣчи съ де Барра, эскадра котораго была слабѣе, чѣмъ его. Зная то, что извѣстно теперь, безъ сомнѣнія, надлежало бы поступить такъ; но тогда англійскій адмиралъ имѣлъ неточныя свѣдѣнія. Никоимъ образомъ не ожидалось, что французы придутъ съ силами, хотя приблизительно такими, съ какими они пришли въ дѣйствительности. По безпечности своихъ крейсеровъ, поставленныхъ близъ Чезапика, Грэвсъ не получилъ тѣхъ свѣдѣній о численности противника, какія бы долженъ былъ получить. Обоимъ этимъ крейсерамъ было приказано держаться подъ парусами, а между тѣмъ появленіе де Грасса

(*) Life of Rodney, vol. II, p. 152; Clerk: Naval Tactics, p. 84.

застало ихъ на якорѣ за мысомъ Генри и отрѣзало имъ отступленіе: одинъ изъ нихъ былъ взятъ въ плѣнъ, другой—загнанъ вверхъ по рѣкѣ Іоркъ. Ни одно единичное обстоятельство не имѣло такого вліянія на исходъ дѣла, какъ небрежность командировъ этихъ крейсеровъ. Легко можно себѣ представить, что движенія флота Грэвса были бы иными, если бы онъ зналъ двумя днями раньше, что де Грассъ шелъ съ двадцатью семью или двадцатью восемью кораблями; какъ естественно было бы тогда со стороны его прежде всего подстеречь де Барра, эскадра котораго не могла бы оказать серьезнаго сопротивленія его девятнадцати кораблямъ. «Если бы адмиралъ Грэвсъ успѣлъ захватить эту эскадру (на судахъ которой была осадная артиллерія), то осадившая армія была бы сильно парализована, если только не поставлена въ невозможность, продолжать свои операціи; это привело бы также оба враждебные флота почти къ численному равенству, задержало бы успѣхъ французскаго оружія въ Вестъ-Индіи на наступавшій годъ и, можетъ быть, породило бы несогласія между французами и американцами (*) къ усиленію и безъ того овладѣвшаго послѣдними отчаянія, отъ котораго теперь они оправились только благодаря прибытію силъ де Грасса» (**). Эти замѣчанія, относящіяся къ морской стратегіи, нельзя не считать правильными и здравыми.

Что касается тактики адмирала, то достаточно сказать, что онъ велъ бой почти такъ, какъ дѣлалъ это Бингъ, съ результатами, весьма похожими на неудачи послѣдняго, и что при атакѣ двадцати четырехъ кораблей де Грасса, семь изъ девятнадцати кораблей его флота, подъ командой такого способнаго офицера, какимъ былъ Гудъ, не могли вступить въ бой при назначенной диспозиціи.

Командовавшему французскимъ флотомъ, де Грассу, слѣдуетъ воздать должное за его энергію, предусмотрительность и рѣшимость,—удивительныя въ сопоставленіи съ его упущеніями въ другихъ случаяхъ. Рѣшеніе взять съ собой всѣ корабли, какіе только было возможно, сдѣлавшее операціи его

(*) Де Барра неохотно шелъ въ Чезапикъ, боясь встрѣчи въ пути съ сильнѣйшимъ противникомъ, и уступилъ только просьбамъ Вашингтона и Рошамбо.

(**) Naval Researches. Capt. Thomas White, R. N.

независимыми отъ неудачъ миссіи де Барра; прохожденіе черезъ Багамскій каналъ для того, чтобы скрыть свои движенія; ловкость, съ какою онъ досталъ требовавшіяся деньги и войска отъ испанскихъ и французскихъ военныхъ властей; предусмотрительность, которая заставила его еще 29-го марта, вскорѣ послѣ выхода изъ Бреста, написать Рошамбо, чтобы были высланы лоцмана американскаго побережья къ Французскому мысу (на Гаити); хладнокровіе, съ какимъ онъ задерживалъ Грэвса, пока не проскользнула въ бухту эскадра де Барра.... Все это достойно похвалы. Своему отечеству адмиралъ также оказалъ услугу, удержавъ двѣсти коммерческихъ кораблей «вестъ-индской торговли» у Французскаго мыса, гдѣ они оставались отъ іюля до ноября, когда окончаніе операцій дало ему возможность конвоировать ихъ военными кораблями. Случай этотъ иллюстрируетъ слабое мѣсто торговой страны съ представительнымъ правительствомъ, по сравненію съ чисто военной державой. «Если бы британское правительство», писалъ одинъ англійскій офицеръ той эпохи, «санкціонировало, или британскій адмиралъ принялъ такую мѣру, то первое было бы свергнуто, а второй повѣшенъ (*)». Родней въ то же самое время нашелъ необходимымъ отрядить пять линейныхъ кораблей для конвойной службы, кромѣ еще полдюжины другихъ, отправленныхъ имъ въ Англію съ торговыми судами изъ Ямайки.

Легче критиковать раздѣленіе англійскаго флота между Вестъ-Индіей и Сѣверной Америкой въ слѣдующихъ 1780 и 1781 годахъ, чѣмъ ясно представить себѣ затруднительность тогдашняго положенія Англіи. Положеніе это было только отраженіемъ тѣхъ затрудненій, какія испытывала Англія съ военной точки зрѣнія во всемъ мірѣ въ теченіе разсматриваемой великой и неравной войны. Вездѣ ей приходилось имѣть дѣло со сложными препятствіями и съ сильнѣйшимъ врагомъ, какъ это испытывала она всегда, какъ монархія, многочисленные пункты которой были уязвимы. Въ Европѣ плававшій въ Каналѣ флотъ ея неоднократно загонялся въ порта подавлявшими силами противника. Гибралтаръ, тѣсно блокированный съ суши и съ моря, едва держался при отчаянномъ сопротивленіи,

(*) White: Naval Researches.

только благодаря искусству англійскихъ моряковъ, торжествовавшихъ надъ неспособностью и несогласіями враждебныхъ имъ союзниковъ. Въ Остъ-Индіи сэръ Эдуардъ Юзъ (Edward Hughes) встрѣтилъ въ Сюффренѣ противника, столько же сильнѣйшаго его по численности флота, сколько былъ де Грассъ сильнѣе Гуда, и значительно превосходившаго его по способностямъ, какъ флотоводецъ. Минорка, покинутая правительствомъ метрополіи на произволъ судьбы, пала передъ превосходною силою, какъ должны были пасть, одинъ за другимъ, менѣе важные изъ англійскихъ Антильскихъ острововъ. Положеніе Англіи, съ того времени какъ Франція и Испанія открыли морскую войну противъ нея, было вездѣ оборонительнымъ, за исключеніемъ Сѣверной Америки, и поэтому, съ военной точки зрѣнія,—неправильнымъ по существу. Она вездѣ ожидала атакъ, которыя непріятель, во всѣхъ пунктахъ сильнѣйшій, могъ предпринять по собственному выбору мѣста и времени; да собственно и Сѣверная Америка не представляла исключенія, несмотря на нѣкоторыя наступательныя операціи, которыя никоимъ образомъ не вредили ея настоящимъ, т. е. морскимъ врагамъ.

Принимая во вниманіе такое положеніе Англіи и устраняя при этомъ вопросы національной гордости или чувствительности, спросимъ, что предписывала ей военная мудрость? Вопросъ этотъ доставилъ бы превосходный предметъ изученія для военнаго изслѣдователя, и на него нельзя отвѣчать бѣгло; но мы можемъ однако указать нѣкоторыя очевидныя истины. Во-первыхъ, слѣдовало опредѣлить, какую часть атакованной монархіи наиболѣе необходимо было сохранить. Послѣ самихъ Британскихъ острововъ наиболѣе цѣнными владѣніями въ глазахъ Англіи были въ то время Сѣверо-Американскія колоніи. Затѣмъ надлежало рѣшить, какія другія владѣнія, по ихъ естественной важности, были наиболѣе достойны заботъ о сохраненіи ихъ, а по ихъ собственной силѣ, или по силѣ монархіи, которая была, главнымъ образомъ, морскою силою, представляли наиболѣе обезпеченія въ успѣхѣ такихъ заботъ. Въ Средиземномъ морѣ, напримѣръ, Гибралтаръ и Магонъ, оба, были весьма цѣнными позиціями. Можно ли было удер-

жать ихъ объ? Которая представляла болѣе легкій доступъ и бо́льшую возможность поддержки ея для флота? Если не представлялось вѣроятности удержать за собою объ, то слѣдовало, безъ колебаній, одну изъ нихъ покинуть, а силы, необходимыя для ея обороны, сосредоточить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Такъ и въ Вестъ-Индіи очевидныя стратегическія преимущества Барбадоса и С. Лючіи подсказывали необходимость очищенія отъ гарнизоновъ другихъ малыхъ острововъ, сейчасъ же по достиженіи непріятельскимъ флотомъ численнаго превосходства надъ англійскимъ, если не раньше. Условія такого большаго острова, какъ Ямайка, должны быть изучены и отдѣльно, и въ связи съ общимъ вопросомъ. Самостоятельная оборона такого острова могла быть организована такъ, чтобы ему не приходилось бояться нападенія, за исключеніемъ только нападенія со стороны многочисленныхъ и большихъ силъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ Англіи надлежало бы стянуть къ нему всѣ ея силы съ навѣтренныхъ станцій на Барбадосѣ и С. Лючіи.

При такомъ сосредоточеніи обороны великое англійское оружіе — флотъ—надлежало бы употребить для энергичныхъ наступательныхъ дѣйствій. Опытъ научилъ, что свободныя націи съ народными правительствами рѣдко отваживаются удалять изъ предѣловъ своей страны силу, которая расположена между вторгающимся въ ихъ владѣнія противникомъ и ихъ берегами или столицею. Какъ бы ни была, поэтому, мудра, съ военной точки зрѣнія, посылка флота Канала для встрѣчи непріятеля прежде соединенія отдѣльныхъ отрядовъ его, мѣра эта могла оказаться невозможной. Но въ пунктахъ менѣе жизненныхъ англичанамъ слѣдовало бы предупредить атаку союзниковъ. Это особенно правильно по отношенію къ тому театру войны, который мы до сихъ поръ разсматривали. Если Сѣверная Америка была важнѣйшимъ объектомъ, то Ямайкою и другими островами слѣдовало бы смѣло рисковать. Родней правильно претендуетъ на то, что адмиралы на Ямайкѣ и въ Нью-Іоркѣ не послушались его въ 1781 году и что вслѣдствіе этого факта флотъ Грэвса численно уступалъ противнику.

Но почему же въ 1780 году, когда отплытіе де Гишена въ

Европу дало Роднею весьма значительное численное превосходство надъ врагомъ въ теченіе его кратковременнаго пребыванія въ Сѣверной Америкѣ, съ 14-го сентября по 14-е ноября, не было сдѣлано никакой попытки уничтожить стоявшій въ Ньюпортѣ французскій отрядъ изъ семи линейныхъ кораблей? Эти корабли прибыли туда въ іюлѣ мѣсяцѣ, и хотя они сейчасъ же усилили свою позицію земляными укрѣпленіями, вѣсть о появленіи Роднея близъ берега сильно встревожила ихъ экипажъ. Двѣ недѣли, проведенныя Роднеемъ въ Нью-Іоркѣ, а французами въ дѣятельной работѣ, дали возможность послѣднимъ, по ихъ собственному мнѣнію, занять положеніе, при которомъ можно было презирать всю морскую силу Англіи. «Дважды мы боялись, и болѣе всего во время прибытія Роднея», писалъ начальникъ штаба французской эскадры, «что англичане могутъ атаковать насъ на самомъ рейдѣ; и былъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго такое предпріятіе не было бы поступкомъ опрометчивымъ. Теперь же (20-го октября) наша якорная стоянка укрѣплена такъ, что мы можемъ презирать всякую морскую силу Англіи (*).

Позиція французовъ была несомнѣнно очень сильна (**). Она образовывала входящій уголъ, немногимъ большій девяноста градусовъ и составлявшійся линіями, проведенными отъ Козлинаго острова (Goat Island), одна — къ пункту, который назывался тогда Брентонъ Пойнтъ (Brenton's Point) и занятъ теперь фортомъ Адамсъ (Fort Adams), другая — къ Розовому острову (Rose Island). На послѣднемъ, т. е. на правомъ флангѣ позиціи, была поставлена батарея изъ тридцати шести 24-фунтовыхъ пушекъ, а на лѣвомъ флангѣ, у Брентонъ

(*) Bouclon: La Marine de Louis XIV, p. 281. Подъ нѣсколько обманчивымъ заглавіемъ этотъ трудъ представляетъ въ дѣйствительности пространную біографію Либержа де Граншэна (Liberge de Granchaine), начальника штаба французской эскадры, бывшей подъ командой Тернэя.

(**) Diary of a French officer 1781; Magazine of American History for March 1880. Верки во время посѣщенія Роднеемъ Нью-Іорка были безъ сомнѣнія менѣе закончены, чѣмъ въ 1781 году. Согласно тому же источнику, годъ спустя вооруженіе верка на Розовомъ островѣ состояло изъ двадцати 36-фунтовыхъ пушекъ.

Пойнтъ, стояли двѣнадцать такихъ же пушекъ. Четыре корабля, расположенные по направленію линіи WNW между упомянутыми островами, защищали входъ, угрожая флоту, который рѣшился бы подойти близко, продольнымъ огнемъ, и линія этого огня пересѣкалась подъ прямымъ угломъ съ линіей огня трехъ другихъ кораблей, поставленныхъ между Козлинымъ островомъ и Брентонъ Пойнтъ.

Съ другой стороны, лѣтомъ вѣтеръ дуетъ прямо во входъ, и часто съ большою силою; и потому тогда войти въ бухту не составило бы вопроса даже для корабля съ сильно перебитымъ рангоутомъ; а разъ непріятель смѣшался бы съ французскими кораблями, то береговыя батареи были бы парализованы. Веркъ на Розовомъ островѣ конечно, а на Брентонъ Пойнтѣ вѣроятно, имѣлъ меньшую высоту, чѣмъ двѣ верхнія батареи линейнаго корабля, и по числу орудій могъ сильно уступать послѣднимъ. Онъ не могъ быть казематированнымъ, и мѣткое обстрѣливаніе его вязаной картечью безспорно могло бы заставить его замолчать. Къ Розовому острову можно было подойти съ фронта и съ западнаго фланга на двѣсти ярдовъ, а съ сѣвера—на полмили. Ничто не предохраняло праваго фланга французовъ, со включеніемъ линіи ихъ кораблей, отъ анфилированія и разбитія ея артиллеріей противника, если бы флотъ его занялъ позицію къ западу отъ Розоваго острова. Такимъ образомъ англійскій флотъ, въ которомъ было двадцать кораблей противъ семи французскихъ, могъ воспользоваться существенными тактическими элементами, — близкой дистанціей и бо̀льшей высотой своихъ батарей. Успѣшно уничтоживъ непріятельскіе корабли и заставивъ замолчать батареи Розоваго острова, онъ могъ найти якорную стоянку въ глубинѣ бухты и, выждавъ, тамъ благопріятнаго вѣтра, удалиться. По мнѣнію одного выдающагося англійскаго офицера разсматриваемаго времени (*), хорошо знакомаго съ лоціей тѣхъ водъ, здѣсь не было со-

(*) Сэра Томаса Грэвса (Thomas Graves), бывшаго вторымъ въ порядкѣ командованія при Нельсонѣ во время атаки Копенгагена въ 1801 г. — предпріятія, требовавшаго отчаянной рѣшимости и обставленнаго гораздо бо̀льшими затрудненіями въ лоцманскомъ отношеніи, чѣмъ то, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. См. біографическій мемуаръ, Naval Chronicle, vol. VIII.

мнѣнія въ успѣхѣ атаки; и онъ неоднократно убѣждалъ въ этомъ Роднея, предлагая самъ провести головной корабль. Фактъ, что французы считали себя въ безопасности въ описанной позиціи и что англичане успокоились на этомъ же убѣжденіи, рельефно указываетъ насколько духъ этой войны отличался отъ духа войнъ Нельсона и Наполеона.

Значеніе попытки нападенія на французовъ въ Ньюпортѣ разсматривается здѣсь, однако же, не какъ отдѣльная операція а по отношенію ея ко всему ходу войны. Уступая противнику въ силѣ, Англія вездѣ дѣйствовала оборонительно. Изъ такого положенія нѣтъ спасенія иначе, какъ путемъ дѣятельности, энергичной почти до отчаянности. «Мы не можемъ», писалъ вполнѣ вѣрно первый лордъ Адмиралтейства къ Роднею», «имѣть вездѣ флотъ, превосходящій противника; и если только наши главнокомандующіе не станутъ на высоту положенія, какъ сдѣлали это вы, и не будутъ считать предметомъ своихъ заботъ всѣ владѣнія Короля, то наши враги найдутъ насъ гдѣ-нибудь неподготовленными и достигнутъ цѣли своихъ дѣйствій противъ насъ» (*). Атаки, которыя, — разсматриваемыя сами по себѣ, — могли бы считаться не логичными, были прямо обязательными для англійскихъ командировъ. Союзный флотъ былъ ключемъ положенія, и такіе большіе отряды его, какъ стоявшій въ Ньюпортѣ, слѣдовало пытаться уничтожить цѣною какого бы то ни было риска. Вліяніе такого образа дѣйствій на политику французскаго правительства представляетъ вопросъ спорный, относительно котораго авторъ настоящаго труда не имѣетъ, однако, сомнѣній. Но ни одинъ изъ англійскихъ офицеровъ, командовавшихъ отдѣльными эскадрами, не сталъ на уровень положенія, за исключеніемъ Гуда и, можетъ быть, Гоу. Родней былъ уже старъ, слабъ и хотя и обладалъ большими способностями, но былъ скорѣе осторожнымъ тактикомъ, чѣмъ великимъ адмираломъ.

Пораженіе Грэвса и послѣдовавшая затѣмъ сдача Корнвалиса не окончили морскихъ операцій въ западномъ полушаріи. Напротивъ, одинъ изъ самыхъ интересныхъ тактиче-

(*) Rodney's Life, vol. I, p. 402.

скихъ подвиговъ и самая блестящая побѣда во всей войнѣ должны были все-таки украсить англійскій флотъ въ Вестъ-Индіи; но съ событіями въ Іорктоунѣ патріотическій интересъ войны для американцевъ заканчивается. Прежде, чѣмъ проститься съ этой борьбой за независимость, должно еще разъ подтвердить, что ея успѣшный результатъ, или по крайней мѣрѣ такое быстрое достиженіе его, былъ слѣдствіемъ господства на морѣ союзниковъ американцевъ, — большой морской силы въ рукахъ французовъ и неправильнаго распредѣленія своихъ силъ англичанами. Такой выводъ можно безопасно основать на авторитетѣ одного человѣка, который въ совершенствѣ, лучше всѣхъ другихъ, зналъ средства страны, характеръ народа и трудности борьбы и котораго имя до сихъ поръ еще служитъ высочайшей гарантіей глубокаго, спокойнаго и непоколебимаго здраваго смысла и патріотизма высказывавшихся имъ сужденій.

Ключъ ко всѣмъ соображеніямъ Вашингтона находится въ его меморандумѣ о согласованіи плана операцій съ дѣйствіями французской арміи (*), помѣченномъ 15-мъ іюля 1780 года и переданномъ французскимъ начальникомъ Лафайетомъ: —

„Маркизъ де Лафайетъ имѣетъ честь сообщить слѣдующія общія соображенія графу де Рошамбо и кавалеру де Тернэй, какъ мнѣніе нижеподписавшагося: —

1. Во всякой операціи и при всѣхъ обстоятельствахъ рѣшительное морское превосходство должно считаться основнымъ принципомъ и базисомъ на который, въ концѣ концовъ, должна опираться вся надежда на успѣхъ".

Однако это, хотя и въ высшей степени точное и рѣшительное выраженіе взглядовъ Вашингтона, является только однимъ изъ многихъ другихъ, одинаково ясныхъ. Такъ, въ письмѣ къ Франклину 20-го декабря 1780 года онъ говоритъ: —

„Обманутые въ ожиданіи второй дивизіи французскихъ войскъ (блокированной въ Брестѣ), а особенно въ предполагавшемся морскомъ превосходствѣ, на которомъ все вращалось, какъ на центральномъ штырѣ, мы вынуждены были потратить время на бездѣятельную кампанію послѣ заманчивой перспективы, улыбнувшейся намъ при открытіи ея.... Недавно намъ пришлось сдѣлаться зрителями прохожденія нѣсколькихъ отрядовъ изъ арміи въ Нью-Іоркѣ на помощь лорду Корнвалису, тогда какъ наша морская

(*) «Memorandum for concerting a plan of operations with the French army». july 15, 1780.

слабость и политическая распущенность значительной части нашей арміи лишили насъ возможности противодѣйствовать врагу на югѣ или взять перевѣсъ надъ нимъ здѣсь".

Мѣсяцъ спустя, 15-го января 1781 года, въ памятной запискѣ къ полковнику Лоренсу (Laurens), посланному со спеціальнымъ порученіемъ во Францію, онъ говоритъ: —

„Послѣ займа денегъ постоянное морское превосходство у этихъ береговъ является наиболѣе интереснымъ предметомъ. Достиженіе такого превосходства сейчасъ же привело бы непріятеля къ трудному оборонительному положенію.... Въ самомъ дѣлѣ, нельзя себѣ представить, какъ могла бы существовать большая сила его въ этой странѣ, если бы мы имѣли обладаніе морями для пресѣченія правильной доставки ей припасовъ изъ Европы. Это превосходство, съ помощью денегъ, дало бы намъ возможность обратить войну въ энергичное наступленіе. По отношенію къ намъ оно, кажется, должно считаться однимъ изъ двухъ рѣшающихъ факторовъ".

Въ другомъ письмѣ, отъ 9-го апрѣля, къ тому же лицу, бывшему тогда въ Парижѣ, онъ пишетъ: —

„Если Франція не подастъ намъ своевременной и сильной помощи въ нашемъ критическомъ положеніи, то позднѣйшія ея старанія не будутъ уже имѣть для насъ никакой цѣны... Зачѣмъ входить мнѣ въ подробности, когда можно все высказать однимъ словомъ, что мы истощили всѣ свои средства и что наше освобожденіе должно наступить теперь или никогда? Какъ легко было бы обратить планы непріятеля противъ него самого, если бы все можно было согласовать съ общимъ планомъ войны, — т. е. если бы у насъ былъ флотъ всегда сильнѣе непріятельскаго въ этихъ моряхъ и если бы Франція развязала намъ руки ссудой денегъ".

Корабли и деньги — предметы его крика о помощи. 23-го мая 1781 года онъ пишетъ кавалеру де ла Люцерну (Chevalier de la Luzerne): «Я не вижу, какъ возможно оказать дѣйствительную поддержку Южнымъ Штатамъ и предотвратить угрожающее зло, пока мы уступаемъ непріятелю въ морской силѣ въ этихъ водахъ». По мѣрѣ приближенія времени года, благопріятнаго для энергичныхъ операцій, его жалобы становятся болѣе частыми и настоятельными. Такъ, онъ пишетъ 1-го іюня 1781 года, генералъ-маіору Грину (Green), который боролся въ это время съ затрудненіями въ Южной Каролинѣ: «Наши дѣла внимательно обсуждались со всѣхъ точекъ зрѣнія, и было окончательно рѣшено сдѣлать попытку нападенія на Нью-Іоркъ, предпочтительно передъ операціями на Югѣ, такъ какъ мы не имѣли рѣшительнаго обладанія водами».

8-го іюня Джефферсону (Jefferson): «Если бы я встрѣтилъ такую поддержку отъ сосѣднихъ штатовъ, какую ожидалъ, то непріятель, я надѣюсь, былъ бы приведенъ къ необходимости отозвать съ Юга часть своихъ силъ для поддержки Нью-Іорка, иначе онъ подвергался бы неминуемому риску быть прогнаннымъ съ этого поста, который для него неоцѣнимъ; и если бы мы, счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, пріобрѣли морское превосходство, то его уничтоженіе было бы неизбѣжно...... Пока мы остаемся слабѣйшими въ морѣ.... политика требуетъ, чтобы была сдѣлана попытка выручить страну, терпящую бѣдствіе (т. е. Югъ), путемъ диверсіи, скорѣе, чѣмъ немедленной посылкой туда подкрѣпленій». 13-го іюня онъ пишетъ къ Рошамбо: «Ваше превосходительство припомните, что мы смотрѣли на Нью-Іоркъ, какъ на единственный цѣлесообразный предметъ дѣйствій при настоящихъ обстоятельствахъ; но если бы мы могли обезпечить морское превосходство, то можетъ быть мы могли бы найти и другіе предметы дѣйствій, еще болѣе подходящіе и одинаково желательные». Около 15-го августа были получены письма отъ де Грасса, извѣщавшія объ отплытіи его къ Чезапику, и корреспонденціи Вашингтона съ тѣхъ поръ обильно свидѣтельствуютъ о дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ походу въ Виргинію, базировавшемуся на такъ долго замѣшкавшійся флотъ. Упадокъ духа де Грасса и его намѣреніе идти въ море послѣ того, какъ онъ узналъ, что англійскій флотъ въ Нью-Іоркѣ получилъ подкрѣпленія, вызвали полное упрековъ письмо Вашингтона, отъ 25-го сентября, которое слишкомъ длинно для цитированія его здѣсь; но когда опасность прошла, упованія Вашингтона возвратились. Черезъ день послѣ капитуляціи онъ пишетъ де Грассу: Покореніе Іорка.... *честь котораго принадлежитъ вашему превосходительству*, значительно предупредило (во времени) наши самыя пылкія предположенія». Затѣмъ онъ продолжаетъ торопить дальнѣйшія операціи на Югѣ, видя что осталось еще такъ много благопріятнаго времени для морскихъ операцій: «Общее морское превосходство британцевъ до вашего прибытія давало имъ рѣшительныя преимущества на Югѣ въ возможности для нихъ быстрой перевозки

войскъ и припасовъ, тогда какъ огромные сухопутные переходы нашихъ подкрѣпленій, слишкомъ медлительные и расходные во всѣхъ отношеніяхъ, подвергли насъ разбитію по частямъ. Отъ васъ будетъ зависѣть, поэтому, ваше превосходительство, закончить войну». Де Грассъ, отказавъ ему въ помощи на этотъ разъ, выказалъ однако намѣреніе содѣйствовать ему въ кампанію слѣдующаго года, и Вашингтонъ немедленно соглашается: «Мнѣ нѣтъ необходимости настаивать передъ вашимъ превосходительствомъ на безусловной необходимости въ морской силѣ, способной дать вамъ абсолютную власть въ этихъ моряхъ... Вы сами усмотрите, что при всѣхъ усиліяхъ сухопутныхъ армій, флотъ долженъ имѣть рѣшающій голосъ въ настоящей борьбѣ». Двѣ недѣли спустя, 15-го ноября, онъ пишетъ Лафайету, почти въ моментъ его отплытія во Францію: —

„Такъ какъ вы выразили желаніе знать мои мнѣнія относительно операцій въ слѣдующую кампанію, то я, безъ утомительныхъ разсужденій, заявляю коротко, что исходъ зависитъ всецѣло отъ морской силы, какая будетъ дѣйствовать въ этихъ моряхъ, и отъ времени ея появленія въ слѣдующемъ году. Никакая сухопутная сила не можетъ дѣйствовать рѣшительно, если при этомъ на нашей сторонѣ не будетъ морскаго превосходства... Не было сомнѣнія, и нѣтъ его ни у кого въ настоящій моментъ, въ неизбѣжности полнаго истребленія британской силы въ обѣихъ Каролинахъ и въ Георгіи, въ случаѣ, если бы графъ де Грассъ могъ продлить совмѣстныя съ нами операціи еще на два мѣсяца“.

Таково, по мнѣнію почтеннаго главнокомандовавшаго американскими арміями, было вліяніе морской силы на борьбу, которую онъ направлялъ съ такимъ большимъ искусствомъ и съ такимъ безконечнымъ терпѣніемъ и которую, посреди безчисленныхъ испытаній и препятствій, онъ довелъ до славнаго конца.

Читатели обратятъ вниманіе на то, что дѣло американцевъ испытывало такія затрудненія, несмотря на большие и признанные убытки, какіе терпѣла британская торговля отъ дѣйствій крейсеровъ союзниковъ и американскихъ приватировъ. Этотъ фактъ и малые результаты общей войны, въ планѣ которой господствовала идея объ уничтоженіи торговли непріятеля, рѣзко обнаруживаетъ второстепенное и нерѣшительное вліяніе такой политики на главные результаты войны.

ГЛАВА XI.

Морская война въ Европѣ, 1779 г. — 1782 г.

Предшествующая глава закончена мнѣніями Вашингтона, выражавшимися въ различной формѣ и неоднократно, относительно вліянія морской силы на ходъ Американской войны за независимость. Если бы позволяло мѣсто, то эти мнѣнія можно было бы еще значительно подкрѣпить подобными же доводами сэра Генри Клинтона, англійскаго главнокомандующаго (*). Въ Европѣ результаты войны были еще въ болѣе полной зависимости отъ того же фактора. Здѣсь союзники имѣли три отдѣльные предмета дѣйствій, по отношенію къ каждому изъ которыхъ англичане занимали строго оборонительное положеніе. Первымъ изъ нихъ была сама Англія, т. е. вторженіе въ нее, и, — какъ предварительная для подготовки къ нему операція, — уничтоженіе флота Канала; однако, если проектъ этотъ и былъ задуманъ серьезно, то едва ли можно сказать, что были сдѣланы серьезныя попытки его осуществленія. Вторымъ было отнятіе отъ Англіи Гибралтара; третьимъ — взятіе Минорки. Только на этомъ послѣднемъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій союзники имѣли успѣхъ. Трижды Англіи угрожалъ флотъ, значительно превосходившій ея собственный, и каждый разъ угроза падала безрезультатно. Трижды Гибралтаръ былъ поставленъ въ критическое положеніе, и каждый разъ онъ выручался искусствомъ и счастьемъ англійскихъ моряковъ, несмотря на подавлявшее численное превосходство противника.

Послѣ сраженія Кеппеля близъ Уэшанта не было ни одного генеральнаго столкновенія между флотами въ европейскихъ мо-

---

(*) Любознательный читатель можетъ ознакомиться съ письмами и замѣтками Клинтона въ изданіи «Clinton-Cornvallis Controversy», by B. F. Stevens. London, 1888.

ряхъ въ теченіе 1778 года и первой половины 1779 года. Между тѣмъ Испанія увлекалась ходомъ событій къ разрыву съ Англіей и дѣятельному союзу съ Франціею. Она объявила войну первой державѣ 16-го іюня 1779 года, но договоръ между двумя королевствами Бурбоновъ о наступательной войнѣ съ Англіей, былъ подписанъ еще 12-го апрѣля. Согласно ему должно было предпринять вторженіе въ Великобританію или Ирландію и употребить всѣ усилія къ отвоеванію для Испаніи Минорки, Пенсаколы и Мобиля; — и два двора обязались взаимно не соглашаться ни на миръ, ни на перемиріе, ни на перерывъ враждебныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ Гибралтаръ (*).

Союзники воздерживались отъ объявленія войны, пока не были еще готовы къ нанесенію противнику удара; но англійскому правительству безъ сомнѣнія слѣдовало держаться настороже въ виду натянутыхъ отношеній съ обѣими враждебными странами и приготовиться воспрепятствовать соединенію союзныхъ флотовъ. Но въ дѣйствительности не было организовано серьезной блокады Бреста, и двадцать восемь французскихъ линейныхъ кораблей вышли оттуда безпрепятственно (**), 3-го іюня 1779 года, подъ начальствомъ Д'Орвилье, бывшаго противникомъ Кеппеля за годъ передъ тѣмъ. Флотъ этотъ направился къ берегамъ Испаніи, гдѣ долженъ былъ найти испанскіе корабли; но соединеніе всѣхъ союзныхъ силъ состоялось не ранѣе 22-го іюля. Семь драгоцѣнныхъ лѣтнихъ недѣль были такимъ образомъ упущены; но потеря этимъ не ограничилась: французы были снабжены провизіей только на тринадцать недѣль, и эта поистинѣ великая армада изъ шестидесяти шести линейныхъ кораблей и четырнадцати фрегатовъ могла разсчитывать не болѣе, какъ на сорокъ рабочихъ дней. Кромѣ того, болѣзни опустошали экипажъ ея, и хотя счастье

(*) Bancroft: History of the United States, vol. X, p., 191.

(**) Англичане такимъ образомъ непростительно упустили случай воспользоваться своимъ превосходствомъ надъ французскимъ флотомъ,—такъ какъ во флотѣ Канала было болѣе сорока линейныхъ кораблей; а между тѣмъ страхъ, что они могутъ воспрепятствовать соединенію съ испанцами, заставилъ Брестскій флотъ отплыть въ поспѣшности и не съ полнымъ комплектомъ людей, — фактъ, который имѣлъ важное вліяніе на исходъ крейсерства (Chevalier, p. 519).

помогло ей войти въ Каналъ, пока англійскій флотъ былъ въ морѣ, послѣдній, — число кораблей котораго было немного болѣе половины числа союзныхъ,—сумѣлъ пройти среди нихъ къ своимъ берегамъ. Присущая коалиціямъ вялость дѣйствій еще болѣе увеличилась вслѣдствіе недостаточной подготовленности; большая и естественная паника на берегахъ англійскаго Канала и взятіе одного линейнаго корабля были единственными результатами крейсерства, продолжавшагося свыше пятнадцати недѣль (*). Обвиненія въ безпорядкахъ, явившихся слѣдствіемъ дурной подготовки, главнымъ образомъ со стороны Испаніи, — хотя и французское министерство отнеслось крайне безпечно къ настоятельнымъ нуждамъ своего флота, — пали, конечно, на неповиннаго ни въ чемъ адмирала Д'Орвилье. Этотъ храбрый и образованный, но несчастный офицеръ, котораго единственный сынъ умеръ отъ эпидеміи,

(*) Детали плохой организаціи этого огромнаго сборища кораблей такъ многочисленны, что запутали бы изложеніе, и потому перечисляются здѣсь въ выноскѣ. Французскій флотъ поторопился выйти въ море при некомплектѣ въ четыре тысячи матросовъ. Испанцы потратили семь недѣль на соединеніе съ ними. Когда же послѣднее состоялось, то спохватились, что никакой общей системы сигналовъ не было установлено; пять превосходныхъ лѣтнихъ дней прошли въ исправленіи этого упущенія, и потому флотъ могъ отплыть въ Англію не ранѣе, какъ черезъ недѣлю послѣ соединенія. Никакихъ мѣръ не было принято для пополненія запаса провизіи, истраченной французами въ теченіе семи недѣль. Первоначальныя инструкціи, полученныя д'Орвилье, предусматривали высадку въ Портсмутѣ или захватъ острова Уайта, для чего была собрана большая армія на берегу Нормандіи. По достиженіи же флотомъ Канала, эти инструкціи были внезапно отмѣнены, и мѣстомъ высадки былъ назначенъ Фальмутъ. Но тогда, 16-го августа, лѣто было уже почти на исходѣ, такъ что Фальмутъ, — если бы онъ и былъ взятъ, — не могъ бы служить защитою отъ непогодъ для стоянки такого большаго флота. Затѣмъ восточный штормъ выгналъ флотъ изъ Канала. Къ этому времени свирѣпствовавшія болѣзни такъ уменьшили численность корабельныхъ командъ, что многіе корабли не могли ни управляться, ни, тѣмъ болѣе, сражаться. Личный составъ корабля, — при нормальномъ комплектѣ въ восемьсотъ или тысячу человѣкъ, — собирался на перекличку въ числѣ отъ трехсотъ до пятисотъ человѣкъ. Такимъ образомъ, плохая администрація сама надорвала боевыя силы своего флота; въ то же время необъяснимая стратегическая ошибка, перемѣна избраннаго сначала предмета дѣйствій, — безопаснаго и легко доступнаго рейда, на незначительную и открытую нападенію гавань, — довершила бѣдствіе, отнявъ единственную надежду на безопасную базу операцій въ концѣ осени и зимою. Франція тогда не имѣла ни одного первокласснаго порта на Каналѣ; вотъ почему сильные западные штормы, которые господствуютъ тамъ осенью и зимою, выгоняли союзниковъ въ Сѣверное море.

бичевавшей союзниковъ, не могъ выдержать такого несправедливаго отношенія. Будучи глубоко религіознымъ человѣкомъ, онъ не обратился къ самоубійству, въ которомъ нашелъ успокоеніе Вильнёвъ послѣ Трафальгара, но отказался отъ командованія и удалился въ монастырь.

Скудный морской интересъ военныхъ дѣйствій въ Европѣ въ 1780 году сосредоточивается около Кадикса и Гибралтара. Эта крѣпость была осаждена испанцами немедленно послѣ объявленія войны, и хотя она успѣшно противостояла непосредственной атакѣ, тѣмъ не менѣе снабженіе ея боевыми и продовольственными припасами составляло для Англіи серьезный вопросъ и было сопряжено съ затрудненіями и опасностями. Для цѣлей этого снабженія Родней отплылъ изъ Англіи 29-го декабря 1779 года, имѣя подъ своей командой двадцать линейныхъ кораблей и большой отрядъ транспортовъ съ подкрѣпленіями для Гибралтара и Минорки, а также и караванъ коммерческихъ судовъ Вестъ-Индской торговли. Караванъ этотъ отдѣлился 7-го января, подъ конвоемъ четырехъ фрегатовъ, а на слѣдующее утро Родней встрѣтился съ испанской эскадрой изъ семи военныхъ кораблей и шестнадцати продовольственныхъ судовъ, которые и взялъ въ плѣнъ. Двѣнадцать изъ послѣднихъ, нагруженные провизіею, были отведены въ Гибралтаръ. Недѣлю спустя, въ часъ пополудни 16-го января, показался на юго-востокѣ испанскій флотъ изъ одиннадцати линейныхъ кораблей; онъ продолжалъ свой путь, предполагая, что видитъ только продовольственные корабли для Гибралтара, неохраняемые военными кораблями, — несчастная ошибка, отъ которой онъ очнулся уже слишкомъ поздно, чтобы успѣть избѣжать опасности, такъ какъ по еще болѣе несчастной оплошности испанскій флотъ не высылалъ впередъ развѣдочныхъ фрегатовъ. Когда испанскій адмиралъ, Донъ Хуанъ де Лангара, понялъ свою ошибку, то пытался бѣжать; но англійскіе корабли были обшиты мѣдью въ подводной части, и Родней, сдѣлавъ сигналъ общей погони, нагналъ непріятеля, перерѣзалъ ему путь къ порту его назначенія,—ставъ между нимъ и этимъ портомъ, несмотря на свѣжій вѣтеръ и ночное время, близость подвѣтреннаго берега и опасныя мели, — и успѣлъ

взять въ плѣнъ главнокомандующаго, съ шестью линейными кораблями. Седьмой былъ взорванъ. Бурная погода продолжалась, такъ что одинъ изъ призовъ потерпѣлъ крушеніе и одинъ былъ загнанъ въ Кадиксъ; нѣсколько англійскихъ кораблей были также въ большой опасности, но счастливо избѣжали ея, и черезъ нѣсколько дней весь флотъ вошелъ въ Гибралтарскую бухту. Сейчасъ же за тѣмъ были посланы въ Минорку предназначенныя для нея суда съ провизіей и подкрѣпленіями, и немедленно послѣ возвращенія конвоировавшихъ ихъ военныхъ кораблей, 13-го февраля, Родней отплылъ въ Вестъ-Индію съ четырьмя линейными кораблями, пославъ остальную часть своей силы, съ призами, въ Англію, подъ начальствомъ адмирала Дигби (Digby).

Вслѣдствіе запутаннаго состоянія политики и партійныхъ отношеній въ Англіи въ то время, а также и неизбѣжной слабости англійскаго флота въ Каналѣ, сравнительно съ непріятельскимъ, трудно было найти адмирала, который пожелалъ бы принять на себя обязанности главнокомандующаго. Превосходный офицеръ, адмиралъ Баррингтонъ, завоеватель острова С. Лючіа, отказался занять первое мѣсто, хотя и соглашался служить вторымъ въ порядкѣ командованія, даже и въ подчиненіи у младшаго (*). Союзный флотъ изъ тридцати шести линейныхъ кораблей собрался въ Кадиксѣ. Его крейсерство, однако, ограничивалось португальскимъ берегомъ, и его единственной заслугой — хотя, правда, очень важной, — былъ захватъ цѣлаго каравана судовъ, богато нагруженныхъ военными припасами, предназначеннаго для Остъ- и Вестъ-Индій. Входъ въ Кадиксъ шестидесяти англійскихъ призовъ, почти съ тремя тысячами плѣнниковъ, былъ источникомъ большой радости для Испаніи. 24-го октября де Гишенъ, возвратившись послѣ своего состязанія съ Роднеемъ, вошелъ въ этотъ же портъ со своею Вестъ-Индскою эскадрою изъ девятнадцати линейныхъ кораблей; но вся эта огромная сила,

---

(*) Life of Admiral Keppel, vol. II, pp. 72, 346, 403. См. также Barrow: Life of Lord Howe, pp. 123—126.

собравшаяся здѣсь, не сдѣлала ничего. Французскіе корабли возвратились въ Брестъ въ январѣ 1781 года.

Не богатая военными результатами въ Европѣ, война 1780 года выдвинула однако событіе, которое нельзя пройти молчаніемъ въ какой бы то ни было исторіи морской силы. Мы говоримъ о Вооруженномъ Нейтралитетѣ, во главѣ котораго стояла Россія, въ соединеніи со Швеціей и Даніей. Присвоеніе Англіей права захвата имущества непріятеля, перевозящагося на нейтральныхъ судахъ, тяжело ложилось на нейтральныя державы и особенно на Прибалтійскія и на Голландію, къ которой, такъ же, какъ и къ Австрійскимъ Нидерландамъ, во время войны перешла значительная часть транспортнаго дѣла; а между тѣмъ произведенія промышленности прибалтійскихъ странъ — корабельный лѣсъ и хлѣбное зерно — были именно тѣми предметами, запретъ на доставку которыхъ непріятелю особенно отвѣчалъ интересамъ Англіи. Декларація, окончательно формулированная Россіей и подписанная Швеціей и Даніей, содержала слѣдующіе четыре пункта, которые должны были служить руководствомъ въ судахъ и приговорахъ о призахъ.

1. *Нейтральные корабли могутъ свободно плавать изъ одного порта въ другой и у береговъ воюющихъ націй.*

2. *Имущество, принадлежащее подданнымъ воюющихъ державъ, свободно на нейтральныхъ судахъ, за исключеніемъ заповѣдныхъ товаровъ.*

Этотъ пунктъ отвѣчаетъ принципу, выраженному теперь въ слѣдующей юридической формулѣ: «флагъ покрываетъ грузъ».

3. *Заповѣдными товарами признаются только военные снаряды и оружіе.*

4. *Блокированнымъ портомъ должно почитать только тотъ, для входа въ который есть очевидная опасность по расположенію судовъ атакующей его державы, стоящихъ довольно близко къ порту.*

Такъ какъ договаривавшіяся стороны были нейтральными въ настоящей войнѣ, но въ то же время взаимно обязались поддерживать эти принципы соединеннымъ вооруженнымъ фло-

томъ опредѣленной минимальной численности, то соглашеніе между ними получило названіе *Вооруженнаго Нейтралитета*. Обсужденіе различныхъ декларацій принадлежитъ международному праву; но очевидно, что ни одно большое морское государство, занявшее такое положеніе, какое занимала тогда Англія, не подчинилось бы на дѣлѣ первому и третьему пунктамъ, какъ требованіямъ права. Одна только политика могла бы побудить ее сдѣлать это. Не возражая прямо противъ деклараціи, англійское министерство и король рѣшились игнорировать ее, — образъ дѣйствій, который оправдывался въ принципѣ даже выдающимися членами рѣзкой оппозиціи того времени. Нерѣшительное положеніе Соединенныхъ Провинцій, раздѣлившихся, какъ и въ дни Людовика XIV, между партизанами Англіи и Франціи, вопреки столѣтнему союзу съ первой, привлекало особенное вниманіе Великобританіи. Ихъ просили присоединиться къ Вооруженному Нейтралитету; онѣ колебались, но большинство Провинцій сочувствовало ему. Одинъ британскій офицеръ зашелъ даже такъ далеко, что позволилъ себѣ стрѣлять по голландскому военному кораблю, который сопротивлялся обыску коммерческихъ судовъ, бывшихъ подъ его конвоемъ; поступокъ этотъ, — правильный или нѣтъ, — способствовалъ раздраженію Голландіи противъ Англіи. Послѣднею было рѣшено, что если Соединенныя Провинціи уступятъ коалиціи нейтральныхъ сторонъ, то имъ будетъ объявлена война. 16-го декабря 1780 года англійское министерство было извѣщено, что Генеральные Штаты безотлагательно рѣшились подписать деклараціи Вооруженнаго Нейтралитета. Сейчасъ же были посланы Роднею приказанія занять голландскія вестъ-индскія и южно-американскія владѣнія; подобныя же приказанія были отправлены и въ Остъ-Индію; и англійскій посланникъ былъ отозванъ изъ Гаги. Англія объявила войну черезъ четыре дня послѣ того. Такимъ образомъ главное вліяніе Вооруженнаго Нейтралитета на войну выразилось преданіемъ колоній и торговли Голландіи на разграбленіе англійскимъ крейсерамъ. Лишній врагъ не представлялъ существеннаго вопроса для Великобританіи, географическое положеніе которой увеличивало препятствія къ соединенію гол-

ландскаго флота съ флотами другихъ ея враговъ. Владѣнія Голландіи вездѣ попадали въ ея руки, за исключеніемъ спасавшихся отъ этого Франціею; тогда какъ кровавое, но совершенно непоучительное, сраженіе между англійской и голландской эскадрами въ Сѣверномъ морѣ, въ августѣ 1781 года, было единственнымъ боевымъ подвигомъ, подтвердившимъ исконное мужество и стойкость голландцевъ.

1781 годъ, — рѣшительный въ борьбѣ за независимость Соединенныхъ Штатовъ, — ознаменовался грандіозными движеніями большихъ флотовъ въ европейскихъ моряхъ, сопровождавшимися, однако, ничтожными результатами. Въ концѣ марта де Грассъ отплылъ изъ Бреста съ двадцатью шестью линейными кораблями. 29-го онъ отрядилъ пять изъ нихъ, подъ начальствомъ Сюффрена, въ Остъ-Индію, а самъ продолжалъ путь для того, чтобы стяжать успѣхъ въ Іорктоунѣ и потерпѣть пораженіе въ Вестъ-Индіи. 23-го іюня де Гишенъ отплылъ также изъ Бреста, съ восемнадцатью линейными кораблями, въ Кадиксъ, гдѣ соединился съ тридцатью испанскими кораблями. Оттуда 22-го іюля весь этотъ огромный флотъ вышелъ въ Средиземное море и, послѣ высадки четырнадцати тысячъ солдатъ въ Минорку, направился къ Англійскому Каналу.

Англичане должны были въ этомъ году озаботиться прежде всего о предотвращеніи опасности, угрожавшей Гибралтару. Эта осажденная крѣпость не пополнялась припасами со времени посѣщенія ея Роднеемъ въ январѣ прошлаго года и терпѣла теперь печальную нужду, такъ какъ скудный запасъ ея провизіи былъ уже на исходѣ и очень плохаго качества; сухари сдѣлались червивыми и мясо начало разлагаться. Среди ужасовъ и смятенія этой осады, — одной изъ самыхъ продолжительныхъ и наиболѣе тягостныхъ изъ извѣстныхъ въ исторіи, — страданія защитниковъ крѣпости усиливались присутствіемъ въ ней большаго числа мирныхъ гражданъ, включая женъ и семейства солдатъ и офицеровъ. Большой флотъ изъ двадцати восьми линейныхъ кораблей отплылъ изъ Портсмута 13-го марта подъ начальствомъ адмирала Дерби (Derby), конвоируя триста коммерческихъ кораблей, направлявшихся въ

Остъ- и Вестъ-Индіи, и девяносто семь транспортовъ и продовольственныхъ судовъ, предназначенныхъ для Гибралтара. Задержка у Ирландскаго берега помѣшала ему встрѣтиться съ де Грассомъ, который отплылъ черезъ девять дней послѣ него. Дерби прошелъ близъ мыса С. Винцентъ, не встрѣтивъ на пути непріятельскихъ судовъ; но, зайдя въ Кадиксъ, увидѣлъ тамъ большой испанскій флотъ на якорѣ. Флотъ этотъ, однако, не вышелъ за нимъ въ море, и англійскій адмиралъ безъ всякихъ затрудненій доставилъ въ Гибралтаръ 12-го апрѣля предназначенные туда припасы. Въ то же самое время онъ, подобно де Грассу, отдѣлилъ въ Остъ-Индію небольшую эскадру, которой вскорѣ за тѣмъ суждено было встрѣтиться съ Сюффреномъ. Бездѣятельность испанскаго флота,— особенно принимая въ соображеніе страстное отношеніе правительства Испаніи къ Гибралтару и равночисленность этого флота съ непріятельскимъ, если даже не численное превосходство надъ нимъ, — показываетъ, какъ мало довѣрія имѣлъ испанскій адмиралъ къ себѣ или къ своей командѣ. Дерби, выручивъ Гибралтаръ и Минорку, возвратился въ Каналъ въ маѣ мѣсяцѣ.

При приближеніи союзнаго флота, въ числѣ почти пятидесяти кораблей, въ слѣдующемъ августѣ мѣсяцѣ, Дерби возвратился къ Торбэю и сталъ тамъ на якорь со своими тридцатью кораблями. Де Гишенъ, который былъ главнокомандующимъ и на осторожность котораго въ сраженіи съ Роднеемъ мы обращали уже вниманіе выше, былъ склоненъ начать бой; но почти единодушная оппозиція испанцевъ, поддерживавшаяся и нѣкоторыми изъ его офицеровъ, одержала надъ нимъ верхъ въ военномъ совѣтѣ (*), и опять великая

(*) Битсонъ (Beatson) приводитъ очень подробно (т. V, стр. 395) споръ въ союзномъ военномъ совѣтѣ. Обычная нерѣшительность такихъ совѣтовъ въ затруднительныхъ положеніяхъ была увеличена ложнымъ обольщеніемъ выгодами крейсерской войны, какъ рѣшительнаго способа военныхъ дѣйствій. Г. де Боссе (Beausset) настаивалъ на томъ, что «союзнымъ флотамъ надлежитъ обратить все свое вниманіе на важную и достижимую цѣль — перехватить британскіе флоты, которые будутъ возвращаться изъ Вестъ-Индіи. Эта мѣра, при условіи господства на морѣ союзныхъ флотовъ, едва ли можетъ не увѣнчаться успѣхомъ; и послѣдній нанесъ бы такой ударъ враждебной державѣ, отъ котораго она не смогла бы оправиться въ

коалиція Бурбоновъ отступила назадъ, парализованная своими собственными несогласіями и единствомъ непріятеля. Выручка Гибралтара и неприкосновенность Англіи были результатами гигантскихъ сборовъ коалиціи,—такъ какъ дѣйствія ея едва ли могутъ назваться усиліями. Годъ закончился для союзниковъ обиднымъ пораженіемъ. Де Гишенъ отплылъ изъ Бреста съ семнадцатью кораблями, прикрывая большой караванъ коммерческихъ судовъ и транспортовъ съ военными припасами. Его преслѣдовали двѣнадцать англійскихъ кораблей, подъ начальствомъ адмирала Кемпенфельдта (Kempenfeldt),—офицера, котораго высокія профессіональныя способности не стяжали безсмертія, какимъ поэзія украсила его трагическую кончину. Встрѣтившись съ французами на полтораста миль западнѣе Уэшанта, онъ отрѣзалъ часть конвоировавшагося ими флота, несмотря на сравнительную малочисленность своей эскадры (*). Черезъ нѣсколько дней послѣ того буря разсѣяла французскій флотъ. Только два линейные корабля и пять коммерческихъ изъ ста пятидесяти достигли Вестъ-Индіи.

1782 годъ начался для англичанъ потерею Портъ-Магона, который сдался 5-го февраля, послѣ шестимѣсячной осады, къ чему былъ вынужденъ опустошеніями гарнизона его цынгою, явившеюся слѣдствіемъ недостатка овощей и долгаго заключенія въ дурномъ воздухѣ казематированныхъ помѣщеній, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Въ послѣднюю ночь обороны

теченіе всей войны». Французское описаніе этого совѣта, въ трудѣ Лапейруза Бонфиса, въ существенныхъ чертахъ, тождественно съ цитированнымъ сейчасъ. Шевалье, умалчивая о деталяхъ, справедливо замѣчаетъ: «Только-что оконченное крейсерство союзнаго флота было таково, что должно было повредить репутаціи Франціи и Испаніи. Эти двѣ державы, развернувъ большія силы, не достигли никакихъ результатовъ». Англійская торговля также понесла небольшие убытки. Гишенъ писалъ домой: «я возвратился изъ крейсерства утомленный, но безъ славы».

(*) Неудачи французовъ были въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ дурной диспозиціи эскадры де Гишена — адмирала искуснаго и обыкновенно заботливаго. Когда Кемпенфельдтъ встрѣтился съ нимъ, то всѣ французскіе военные корабли были подъ вѣтромъ у конвоировавшагося ими флота, тогда какъ англійскіе были на вѣтрѣ у него. Первые, поэтому, были неспособны подняться своевременно на помощь упомянутому флоту, который, въ свою очередь, вслѣдствіе большой численности своей, не могъ, въ полномъ составѣ, съ успѣхомъ выполнить обязательный въ подобныхъ случаяхъ маневръ — спуститься подъ вѣтеръ относительно своего конвоя.

только на сторожевые посты требовалось четыреста пятнадцать человѣкъ, тогда какъ способныхъ нести службу оставалось всего шестьсотъ шестьдесятъ человѣкъ; такъ что смѣна часовыхъ для отдыха была невозможна.

Союзные флоты собрались въ этомъ году въ Кадиксѣ, въ числѣ сорока линейныхъ кораблей. Ожидалось, что эта сила будетъ увеличена голландскими кораблями; но эскадра, подъ начальствомъ лорда Гоу, принудила послѣдніе возвратиться въ ихъ порта. Нѣтъ данныхъ утверждать съ увѣренностью, чтобы предполагались какія-либо дѣятельныя операціи противъ англійскаго побережья, но союзники крейсеровали близъ устья Канала и въ Бискайской бухтѣ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Это крейсерство обезпечивало безопасность прихода и отплытія коммерческихъ кораблей союзныхъ державъ и въ то же время угрожало англійской торговлѣ; несмотря на это, Гоу, съ двадцатью двумя кораблями, не только держался въ морѣ и избѣжалъ сраженія, но и сумѣлъ ввести безпрепятственно въ портъ Ямайскій флотъ. Убытки торговли и военныхъ транспортныхъ операцій на морѣ были, можно сказать, одинаковы съ обѣихъ сторонъ; и бо́льшая честь за успѣшное пользованіе морскою силою для такихъ въ высшей степени важныхъ цѣлей, конечно, должна быть воздана слабѣйшей сторонѣ.

Исполнивъ инструкціи, данныя имъ на лѣтнее крейсерство, соединенные флоты возвратились въ Кадиксъ. 10-го сентября они отплыли оттуда въ Алхезирасъ, лежащій на противоположномъ берегу, противъ Гибралтара, для поддержки большой соединенной атаки послѣдняго съ суши и съ моря, въ надеждѣ, что она приведетъ къ отнятію у Англіи этого ключа Средиземнаго моря. Съ тѣми кораблями, которые уже были тамъ, флотъ достигъ численности почти пятидесяти линейныхъ кораблей. Подробности жестокаго штурма едва ли касаются близко нашего предмета, но тѣмъ не менѣе нельзя пройти мимо нихъ безъ такого, по крайней мѣрѣ, упоминанія, которое можетъ указать ихъ интересъ и обратить на нихъ вниманіе.

Трехлѣтняя осада, приходившая въ разсматриваемое время къ концу, обильна многими блестящими подвигами оружія

точно такъ же, какъ менѣе видными, но болѣе трудными проявленіями упорной выносливости со стороны гарнизона. Какъ долго онъ могъ бы еще держаться, сказать трудно, въ виду успѣха, съ какимъ англійская морская сила сводила къ нулю старанія союзниковъ отрѣзать сообщенія противника со стороны моря; но было повидимому вѣроятнымъ, что крѣпость должна или сдаться подавляющей силѣ или не пасть совсѣмъ, такъ какъ возраставшее истощеніе воюющихъ сторонъ предсказывало близкій конецъ войны. Согласно этому, Испанія напрягала свои усилія для лучшей подготовки удара и изощрялась въ военной изобрѣтательности; и извѣстія объ этомъ и о приближавшемся рѣшительномъ состязаніи привлекали на сцену волонтеровъ и именитыхъ людей со всѣхъ странъ Европы. Два французскіе принца изъ Дома Бурбоновъ своимъ прибытіемъ на мѣсто предстоявшей драмы прибавили много къ тому театральному интересу, какимъ она была обставлена. Присутствіе членовъ королевской семьи считалось необходимымъ для подобающаго украшенія блестящей катастрофы, такъ какъ пылкая самонадѣянность осадившихъ заставляла ихъ предвкушать удовлетворительную для себя развязку со всею увѣренностью драматическаго писателя.

Кромѣ укрѣпленій на перешейкѣ (*), который соединяетъ скалу съ материкомъ и на которомъ были поставлены триста орудій, главная надежда нападавшихъ возлагалась на десять пловучихъ батарей, тщательно приспособленныхъ къ стрѣльбѣ и въ то же время неуязвимыхъ для непріятельскихъ выстрѣловъ; на нихъ было поставлено, въ общей сложности, сто пятьдесятъ четыре тяжелыя пушки. Батареи эти должны были стоять на якоряхъ, въ тѣсно сомкнутой линіи, по направленію отъ сѣвера къ югу, вдоль западнаго фаса укрѣпленій и въ разстояніи отъ него около девятисотъ ярдовъ. Ихъ должны были поддерживать сорокъ канонерокъ и столько же бомбардир-

(*) Мысъ Гибралтаръ представляетъ собою скалу (почему англичане и даютъ ему часто названіе Rock) длиною отъ 7 до 8 англійскихъ миль и шириною въ 1. милю; эта скала, обращенная къ европейскому материку неприступною крутизною, соединяется съ послѣднимъ небольшимъ песчанымъ перешейкомъ, возвышающимся надъ уровнемъ моря отъ 7 до $10^1/_2$ фут. Н. А.

скихъ судовъ; и кромѣ того линейные корабли должны были прикрыть атаку и отвлечь гарнизонъ. Двѣнадцать тысячъ французскихъ солдатъ были привезены для подкрѣпленія испанцевъ въ рѣшительномъ штурмѣ, къ которому должны были приступить послѣ того, какъ бомбардированіе внесетъ достаточное разрушеніе за стѣны крѣпости и деморализуетъ духъ ея защитниковъ. Въ это время послѣдніе насчитывали въ рядахъ своихъ семь тысячъ, а у ихъ сухопутныхъ противниковъ было тридцать три тысячи человѣкъ.

Конечный актъ былъ начатъ англичанами. Въ семь часовъ утра 8-го сентября 1782 года командующій генералъ Элліотъ открылъ жестокій и въ высшей степени разрушительный огонь по веркамъ на перешейкѣ. Достигнувъ своей цѣли, онъ остановился; но непріятель поднялъ перчатку на слѣдующее утро, и въ теченіе четырехъ дней непрерывно обстрѣливалъ укрѣпленія, выпуская съ батарей одного только перешейка шесть тысячъ пятьсотъ ядеръ и тысячу сто бомбъ въ каждыя сутки. Такъ приблизился великій заключительный моментъ 13-го сентября. Въ семь часовъ утра этого дня десять пловучихъ батарей отдали швартовы, на которыхъ онѣ стояли въ глубинѣ бухты, и спустились къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Между девятью и десятью часами онѣ стали тамъ на якорь и сейчасъ же былъ открытъ общій огонь. Осажденные отвѣчали съ одинаковой энергіей. Пловучія батареи, кажется, брали въ общемъ перевѣсъ, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ оправдывали возлагавшіяся на нихъ надежды: холодные снаряды не пробивали ихъ бортовъ, или даже скользили по нимъ, тогда какъ самодѣйствующіе аппараты для тушенія огня противодѣйствовали каленымъ ядрамъ.

Около двухъ часовъ, однако, показался дымъ на пловучей батареѣ главнокомандующаго, и пожаръ, несмотря на всѣ попытки потушить его, распространялся. Такое же несчастье постигло и другія батареи; къ вечеру огонь осажденныхъ достигъ уже замѣтнаго превосходства надъ огнемъ противниковъ, и около часу пополуночи большая часть пловучихъ батарей была въ пламени. Ихъ затруднительное положеніе ухудшилось еще дѣйствіями морскаго офицера, командовавшаго англій-

скими канонерками и занявшаго теперь постъ на флангѣ линіи: онъ обстрѣливалъ ее продольнымъ огнемъ, съ весьма дѣйствительными результатами, съ этой позиціи, на которую испанскія канонерки не должны бы были допускать его. Въ концѣ концовъ девять изъ десяти батарей были взорваны, при чемъ погибло около тысячи пятисотъ человѣкъ и около четырехсотъ были спасены изъ огня англійскими моряками. Десятая батарея была абордирована и сожжена англійскими шлюпками. Съ потерею пловучихъ батарей надежды атакующихъ рушились.

Теперь осталась только надежда принудить гарнизонъ къ сдачѣ голодомъ, и къ ней-то и обратились союзные флоты. Между тѣмъ было извѣстно, что лордъ Гоу былъ на пути сюда со своимъ большимъ флотомъ изъ тридцати четырехъ линейныхъ кораблей, съ продовольственными судами. 10-го октября сильный штормъ отъ запада нанесъ поврежденія нѣкоторымъ союзнымъ кораблямъ, загнавъ одинъ изъ нихъ на мель, подъ огонь батарей Гибралтара, гдѣ онъ и былъ вынужденъ къ сдачѣ. На слѣдующій день показался флотъ лорда Гоу, и транспорты имѣли превосходный случай стать на якорь; но этотъ случай, по безпечности ихъ, былъ упущенъ всѣми, кромѣ четырехъ. Остальные прошли съ военными кораблями къ востоку, въ Средиземное море. Союзники послѣдовали за ними 13-го; но, хотя оказавшись такимъ образомъ между портомъ и стремившимся туда противникомъ и незатрудненные, подобно послѣднему, продовольственными судами, они все-таки ухитрились позволить транспортамъ, едва ли не всѣмъ, проскользнуть мимо нихъ и стать благополучно на якорь. Затѣмъ англичанамъ удалось не только выгрузить на берегъ провизію и боевые припасы для гарнизона, но также и высадить отряды войскъ, привезенные военными кораблями. 19-го числа англійскій флотъ прошелъ черезъ проливъ обратно, съ восточнымъ вѣтромъ, употребивъ на исполненіе всей своей миссіи недѣлю и обезпечивъ тѣмъ Гибралтаръ еще на цѣлый годъ. Союзные флоты послѣдовали за нимъ, и 20-го числа состоялось сраженіе на дальней дистанціи, такъ какъ союзники, бывшіе на вѣтрѣ, не настаивали на близкой атакѣ. Число линейныхъ кораблей, участвовавшихъ въ этомъ «велико-

лѣпномъ зрѣлищѣ», заключительной сценѣ великой драмы въ Европѣ, — финалъ успѣшной обороны Гибралтара, — было восемьдесятъ три: сорокъ девять союзныхъ и тридцать четыре англійскихъ. Изъ первыхъ только тридцать три вступили въ бой, но какъ и худшіе ходоки вѣроятно подошли бы къ общей схваткѣ, то лордъ Гоу былъ, надо думать, правъ, уклоняясь, насколько отъ него зависѣло, отъ состязанія, котораго союзники не слишкомъ горячо добивались.

Таковы были результаты этой большой борьбы въ европейскихъ моряхъ, ознаменованной со стороны союзниковъ усиліями — гигантскими, по размѣрамъ, но разрозненными и вялыми въ исполненіи. Англія, которую противники такъ сильно превосходили въ численности кораблей, выказала твердость въ преслѣдованіи избранной цѣли, а моряки ея обнаружили высокое мужество и искусство въ своей профессіи; но едва ли можно сказать, что пониманіе военнаго дѣла членами ея совѣтовъ и руководительство морскими силами изъ кабинета были достойны искусства и патріотизма ея моряковъ. Въ дѣйствительности шансы противъ нея не были, даже приблизительно, такъ велики, какъ это оказалось по грознымъ спискамъ орудій и кораблей ея противниковъ; и если справедливо извинить ей первоначальныя колебанія, то затѣмъ цѣлые годы нерѣшительности и нецѣлесообразности дѣйствій со стороны союзниковъ должны бы были обнаружить для нея ихъ слабость. Нежеланіе французовъ рисковать своими кораблями, такъ ясно выказанное д'Эстэнгомъ, де Грассомъ и де Гишеномъ, а также медлительность и несостоятельность испанцевъ, должны бы были побудить Англію къ преслѣдованію ея исконной политики, — поражать организованную силу непріятеля на морѣ. Въ дѣйствительности, — и вѣроятно въ силу вещей, — открытіе каждой кампаніи заставало непріятелей раздѣленными, — испанцевъ въ Кадиксѣ, французовъ въ Брестѣ (*).

(*) «Весною 1780 года британское адмиралтейство собрало въ портахъ Канала сорокъ пять линейныхъ кораблей. Эскадра подъ Брестомъ была уменьшена до двѣнадцати или пятнадцати.... Въ угоду Испаніи, двадцать французскихъ линейныхъ кораблей вступили подъ команду адмирала Кордова въ Кадиксѣ. Вслѣдствіе такихъ диспозицій флотъ англичанъ, стоявшій въ Каналѣ, задерживалъ соединеніе нашихъ

Для блокады французскаго флота всею своею силою, пока онъ еще не вышелъ изъ порта, Англіи надлежало употребить всевозможныя старанія; этимъ она остановила бы въ самомъ началѣ главный потокъ союзной силы и, зная точно, гдѣ былъ большой флотъ послѣдней, освободилась бы отъ вліянія той неизвѣстности, которая стѣсняла ея движенія, какъ только эта сила пріобрѣтала свободу въ открытомъ морѣ. Стоя передъ Брестомъ, англійскій флотъ былъ бы расположенъ между союзниками; черезъ свои развѣдочныя суда онъ узналъ бы о приближеніи испанцевъ задолго передъ тѣмъ, какъ могли бы узнать это французы; Англія держала бы тогда въ своихъ рукахъ возможность противопоставить каждому союзнику флотъ, и количественно и качественно превосходившій его силы. Вѣтеръ, попутный для испанцевъ, запиралъ бы ихъ союзниковъ въ порту. Самые яркіе примѣры упущеній со стороны Англіи мы видимъ, во-первыхъ, въ томъ фактѣ, что де Грассу было позволено выйти въ море безпрепятственно въ мартѣ мѣсяцѣ 1781 года, хотя англійскій флотъ, болѣе сильный, чѣмъ флотъ де Грасса, и отплылъ изъ Портсмута на девять дней ранѣе послѣдняго, но былъ задержанъ адмиралтействомъ у Ирландскаго берега (*); и во-вторыхъ, въ томъ, что въ концѣ этого года Кемпенфельдтъ былъ посланъ задержать де Гишена съ силою,

---

силъ, находившихся въ Брестѣ и Кадиксѣ. Крейсера непріятеля свободно пересѣкали море между Лизардомъ и Гибралтарскимъ проливомъ». (Chevalier, p. 202).

Въ 1781 году «Версальскій Кабинетъ обратилъ вниманіе Голландіи и Испаніи на необходимость собранія въ Брестѣ флота, достаточно сильнаго для того, чтобы не бояться кораблей, которые Великобританія держала въ Каналѣ. Голландцы остались въ Текселѣ, а испанцы не оставили Кадикса. Результатомъ такого положенія дѣлъ былъ фактъ, что сорокъ линейныхъ англійскихъ кораблей блокировали семьдесятъ, принадлежавшихъ союзнымъ силамъ» (p. 265).

(*) «Одинъ вопросъ обсуждался очень бурно какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его, а именно,—не слѣдовало ли поставить главнымъ предметомъ дѣйствій для эскадры адмирала Дерби задержку французскаго флота подъ начальствомъ графа де Грасса, а не плаваніе въ Ирландію, потерей времени на которое возможность упомянутой задержки была пропущена. Пораженіе французскаго флота, конечно, совершенно разстроило бы широкіе планы, которые непріятель построилъ въ Остъ- и Вестъ-Индіяхъ. Это обезпечило бы безопасность британскихъ Вестъ-Индскихъ острововъ; мысъ Доброй Надежды долженъ былъ бы попасть въ руки Британіи; и кампанія въ Сѣверной Америкѣ могла бы имѣть совсѣмъ иной конецъ». (Beatson's, Memoires, vol. V, p. 341, гдѣ приведены также и противные аргументы).

слабѣйшею, чѣмъ у противника, тогда какъ дома оставалось еще довольно кораблей для того, чтобы дать ему перевѣсъ надъ послѣднимъ. Нѣсколько кораблей, которые должны были сопровождать Роднея въ Вестъ-Индію, были уже готовы ко времени отплытія Кемпенфельдта; и тѣмъ не менѣе ими не воспользовались въ предпріятіи, такъ близко вліявшемъ на задачи кампаніи Роднея. Упомянутыя силы, при ихъ соединеніи, уничтожили бы семнадцать кораблей де Гишена и конвоировавшійся имъ коммерческій флотъ съ цѣннымъ грузомъ.

Гибралтаръ былъ, въ самомъ дѣлѣ, тяжкимъ бременемъ для англійскихъ операцій; но тяготѣвшій къ нему національный инстиктъ былъ вѣренъ. Ошибка англійской политики состояла въ попыткѣ удержать столь много другихъ пунктовъ на сушѣ, пренебрегая въ то же время быстротою сосредоточенія силъ для нападенія на отряды союзныхъ флотовъ. Ключъ положенія былъ на океанѣ; большая побѣда тамъ разрѣшила бы всѣ другіе пункты спора, но одержать ее было невозможно, разъ старались выставить силу вездѣ (*).

Сѣверная Америка была для Англіи еще болѣе тяжелымъ бременемъ, и чувства націи по отношенію къ ней безъ сомнѣнія были ложны: гордость, а не мудрость поддерживала эту борьбу. Каковы бы ни были симпатіи къ американцамъ отдѣльныхъ лицъ и классовъ въ союзныхъ державахъ, правительства ихъ цѣнили возмущеніе американцевъ только постольку, поскольку оно ослабляло силы Англіи. Операціи тамъ зависѣли, какъ было показано, отъ обладанія моремъ, и въ попыткахъ достиженія его большіе отряды англійскихъ кораблей были отвлечены отъ борьбы съ Франціей и Испаніей. Если бы можно было надѣяться, что успѣшная война сдѣлаетъ Америку опять тѣмъ, чѣмъ она нѣкогда была, — т. е. горячо привязанной колоніей Великобританіи, прочной базой ея морской силы, — то эта война была бы достойна и гораздо болѣе великихъ жертвъ; но такая надежда была уже немыслима. Однако, хотя Англія лишилась,

(*) Растянутость слабой линіи, вездѣ недостаточно сильной, на огромной границѣ представляетъ одно изъ наиболѣе частыхъ, но въ то же время и наиболѣе крупныхъ нарушеній принциповъ войны. Требованія торговли и мѣстные интересы заставляютъ народныя правительства особенно грѣшить въ этомъ.

вслѣдствіе своихъ собственныхъ ошибокъ, преданности колонистовъ, которая поддерживала и обезпечивала ея власть въ ихъ портахъ и на морскомъ берегу, — въ тѣхъ моряхъ, въ Галифаксѣ, на Бермудскихъ островахъ и въ Вестъ-Индіи, для нея оставались еще достаточно сильныя военныя станціи, уступавшія, какъ морскія базы, только такимъ сильнымъ портамъ, которые окружены дружескою страною, великою по естественнымъ рессурсамъ и по населенію. Отреченіе отъ борьбы въ Сѣверной Америкѣ усилило бы Англію гораздо болѣе, чѣмъ союзниковъ; при сложившемся же ходѣ дѣлъ ея большіе морскіе отряды, дѣйствовавшіе тамъ, всегда рисковали встрѣтиться съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, который могъ внезапно появиться съ моря, какъ это и имѣло мѣсто въ 1778 и 1781 годахъ.

Простившись съ надеждой на удержаніе Америки, какъ безвозвратно потерянной, — такъ какъ никакое военное подчиненіе ея не могло бы возвратить ея прежней лойяльности, — Англіи слѣдовало бы также отказаться, на время, и отъ всякихъ такихъ владѣній, обезпечиваемыхъ лишь силою оружія, которыя только мѣшали сосредоточенію, не увеличивая при этомъ военной силы. Къ числу такихъ владѣній надо было отнести бо̀льшую часть Антильскихъ острововъ, и вопросъ объ обладаніи ими въ концѣ концовъ рѣшился бы морской кампаніей. Въ такомъ случаѣ можно было бы освободить для Барбадоса и С. Лючіи, для Гибралтара, — а можетъ быть и для Магона, — такіе гарнизоны, которые сохранили бы за англичанами всѣ эти позиціи до тѣхъ поръ, пока не рѣшился бы вопросъ о господствѣ на моряхъ; къ нимъ можно было бы присоединить еще одну или двѣ важныя позиціи въ Америкѣ, подобныя Нью-Іорку и Чарльстону, — для удержанія ихъ до тѣхъ поръ, пока не заручились бы гарантіями такого обращенія съ лойялистами среди населенія, какое требовалось честью Англіи.

Раздѣлавшись такимъ образомъ съ лишнимъ бременемъ, Англія могла бы затѣмъ приступить къ быстрому сосредоточенію своихъ силъ для наступательныхъ цѣлей. Шестьдесятъ линейныхъ кораблей у береговъ Европы, — половина передъ Кадиксомъ

и половина передъ Брестомъ, — съ резервомъ дома для замѣщенія поврежденныхъ кораблей, не истощили бы сильно англійскаго флота; а что такимъ флотамъ не пришлось бы сражаться, то это можетъ быть сказано не только нами, имѣющими передъ собою всю исторію, но могло быть понято и тѣми, которые были свидѣтелями тактики д'Эстэнга и де Гишена, а позднѣе и де Грасса. Или, если бы даже и такое разсѣяніе силъ было признано нежелательнымъ, то можно было бы ограничиться сорока кораблями передъ Брестомъ, оставивъ такимъ образомъ море открытымъ для состязаній испанскаго флота съ остальной частью англійскаго въ моментъ рѣшенія вопроса объ обладаніи Гибралтаромъ и Магономъ. Зная то, что мы знаемъ теперь о сравнительныхъ достоинствахъ этихъ двухъ противниковъ, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, каковъ былъ бы результатъ; и Гибралтаръ, вмѣсто того, чтобы быть бременемъ для Великобританіи, сдѣлался бы для нея элементомъ силы, какимъ онъ часто и былъ до и послѣ тѣхъ дней.

Такимъ образомъ постоянно повторяется слѣдующее заключеніе: каковы бы ни были рѣшающіе факторы въ борьбѣ между сосѣдними континентальными государствами, когда возникаетъ вопросъ объ обладаніи отдаленными странами, политически слабыми, — будутъ ли это распавшіяся владѣнія, анархическія республики, колоніи, отдѣльные военные посты или острова ниже извѣстной величины, — онъ, въ концѣ концовъ, долженъ быть рѣшенъ морскою силою, организованною военною силою на водѣ, которая представляетъ собою сообщенія, — столь выдающійся элементъ во всей стратегіи. Блестящая оборона Гибралтара опиралась на эту силу. Ею обусловливались результаты войны въ Америкѣ; на нее опиралась и конечная судьба Вестъ-Индскихъ острововъ и, безъ сомнѣнія, обладаніе Индіею. Отъ нея будетъ зависѣть и обладаніе Центральнымъ Американскимъ Перешейкомъ, если этотъ вопросъ приметъ военную окраску; и та же самая морская сила, — хотя и нѣсколько стѣсненная вліяніемъ континентальнаго положенія и континентальныхъ сосѣдей Турціи, должна быть вѣскимъ факторомъ въ опредѣленіи исхода Восточнаго вопроса въ Европѣ.

Разъ это такъ, то военная мудрость и экономія времени и денегъ предписываютъ приведеніе дѣлъ къ исходу въ открытомъ морѣ такъ скоро, какъ только возможно, съ увѣренностью, что держава, которая пріобрѣтетъ военное преобладаніе тамъ, въ концѣ концовъ будетъ въ выигрышѣ. Въ Американской войнѣ за независимость численный перевѣсъ непріятельскихъ силъ надъ силами Англіи былъ очень великъ; дѣйствительный же перевѣсъ, хотя былъ меньше, но все-таки существовалъ. Военныя соображенія требовали отреченія Англіи отъ колоній; но если національная гордость не могла допустить этого, то надлежало бы блокировать враждебные военные порты. Если нельзя было обезпечить превосходство силъ въ блокадѣ обоихъ изъ послѣднихъ, то слѣдовало бы запереть тотъ, который принадлежалъ сильнѣйшей державѣ. Непризнаніе своей относительной слабости было первой ошибкой англійскаго Адмиралтейства; заявленія перваго лорда о наличной морской силѣ Англіи, когда война возгорѣлась, не оправдались фактами. Первый флотъ, подъ начальствомъ Кеппеля, едва равнялся французскому; и въ то же время флотъ адмирала Гоу въ Америкѣ былъ слабѣе флота д'Эстэнга. Въ 1779 и 1781 годахъ, напротивъ, англійскій флотъ превосходилъ французскій, но тѣмъ не менѣе союзники соединились безпрепятственно; тогда какъ въ слѣдующемъ году де Грассъ ушелъ въ Вестъ-Индію, а Сюффренъ — въ Остъ-Индію. Въ дѣлѣ Кемпенфельдта съ де Гишеномъ Адмиралтейство знало, что конвоировавшійся французскимъ адмираломъ караванъ былъ въ высшей степени важенъ для кампаніи въ Вестъ-Индіи, и, несмотря на то, оно послало своего адмирала только съ двѣнадцатью кораблями; между тѣмъ въ то время, — кромѣ подкрѣпленій, назначенныхъ для Вестъ-Индіи, — стояло еще много другихъ кораблей въ Доунсѣ, для нанесенія вреда голландской торговлѣ, т. е. «для жалкой цѣли» по справедливому выраженію Фокса (Fox). Различныя обвиненія, которыя высказаны Фоксомъ въ спичѣ, откуда мы заимствовали цитированное сейчасъ выраженіе, и которыя, по отношенію къ Франко-Испанской войнѣ, опирались, главнымъ образомъ, на необходимость нападенія на союзниковъ прежде, чѣмъ они вышли

въ океанъ, поддерживались высокимъ профессіональнымъ авторитетомъ лорда Гоу. Послѣдній сказалъ о дѣлѣ Кемпенфельдта: «Не только судьба Вестъ-Индскихъ острововъ, но можетъ быть и вся будущая судьба войны, могла быть рѣшена, почти безъ риска, въ Бискайской бухтѣ» (*). Не безъ риска, но съ большой вѣроятностью успѣха, всѣ операціи войны должны были бы сначала клониться къ сосредоточенію англійской силы между Брестомъ и Кадиксомъ. Никакая выручка Гибралтара не могла бы быть болѣе дѣйствительной, никакая диверсія не обезпечила бы лучше Вестъ-Индскихъ острововъ; и американцы тогда взывали бы тщетно о помощи, которая и безъ того скудно была оказана имъ французскимъ флотомъ. Въ самомъ дѣлѣ, великіе результаты, явившіеся слѣдствіемъ прибытія въ Америку де Грасса, не должны затемнять того факта, что онъ прибылъ туда лишь 31-го августа и возвѣстилъ съ самаго же начала, что долженъ быть опять въ Вестъ-Индіи около середины октября. Только по промыслу Божію случилось то сочетаніе обстоятельствъ, которое помѣшало повторенію для Вашингтона въ 1781 году прискорбныхъ неудачъ, постигшихъ д'Эстэнга и де Гишена въ 1778 и 1780 годахъ.

(*) Annual Register, 1782.

ГЛАВА XII.

События въ Ость-Индіи, 1778 г.—1781 г.—Сюффренъ отплываетъ изъ Бреста, 1781 г.—Его блестящая морская кампанія въ Индѣйскихъ моряхъ, 1782 г., 1783 г.

Интереснѣйшая и весьма поучительная кампанія Сюффрена въ Ость-Индіи, хотя и высоко превосходила по своимъ замѣчательнѣйшимъ достоинствамъ всѣ дѣйствія на морѣ въ войнѣ 1778 года, не повліяла, — по отнюдь не по ошибкѣ Сюффрена, — на общій исходъ этой войны. Не ранѣе, какъ въ 1781 году французское правительство нашло возможнымъ направить на Востокъ морскія силы, соотвѣтствовавшія важности задачи. Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Индостанѣ въ то время было таково, что представлялся необыкновенно благопріятный случай для потрясенія англійскаго вліянія тамъ. Гайдеръ Али (Hyder Ali), — самый искусный и смѣлый изъ всѣхъ враговъ, съ какими до тѣхъ поръ Англія сражалась въ Индіи, — управлялъ тогда Мизорскимъ королевствомъ, которое, по своему положенію въ южной части полуострова, угрожало какъ Карнатику, такъ и Малабарскому берегу. Гайдеръ за десять лѣтъ передъ тѣмъ поддерживалъ одинъ весьма успѣшную войну противъ вторгавшихся въ его владѣнія иностранцевъ, закончившуюся миромъ на условіяхъ взаимнаго возвращенія завоеваній, и теперь онъ былъ сильно раздраженъ захватомъ Махе. Съ другой стороны, въ войну съ Англіей начали вовлекаться многія воинственныя племена, извѣстныя подъ именемъ маратховъ (Mahrattas), одной и той же расы и связанныя вмѣстѣ слабыми узами, напоминающими узы феодальной системы. Территорія, заселенная этими племенами, которыхъ главною столицею была Пуна (Poonah), близъ Бомбея, простиралась къ сѣверу

отъ Мизора до Ганга. Имѣя, такимъ образомъ, смежныя границы и занимая центральное положеніе по отношенію къ тремъ англійскимъ президентствамъ, — Бомбейскому, Калькуттскому и Мадрасскому, — Гайдеръ и маратхи могли и оказывать другъ другу взаимную поддержку и дѣйствовать совмѣстно въ наступательныхъ операціяхъ противъ своего общаго врага. Въ началѣ войны между Англіею и Франціею въ Пунѣ появился французскій агентъ, и вслѣдъ за тѣмъ англійскій генералъ-губернаторъ, Уарренъ Гастингсъ (Warren Hastings), получилъ донесеніе, что маратхи согласились на предложенныя французами условія и уступили имъ морской портъ на Малабарскомъ берегу. Со своею обычною быстротою Гастингсъ сейчасъ же рѣшился начать войну и послалъ отрядъ Бенгальской арміи черезъ Джумну и въ Бераръ (Berar). Другой отрядъ изъ четырехъ тысячъ англійскихъ солдатъ также выступилъ изъ Бомбея, но, выбравъ неудачный путь, былъ окруженъ и вынужденъ къ сдачѣ въ январѣ 1779 года. Это необычное пораженіе англичанъ оживило надежды и увеличило силы ихъ враговъ; и хотя матеріальный ущербъ и былъ вскорѣ же возмѣщенъ для нихъ существенными успѣхами ихъ способныхъ вождей, ихъ престижъ былъ уже потерянъ. Раздраженіе Гайдера Али, возникшее изъ-за захвата Махе, было усилено неблагоразумными противодѣйствіями ему со стороны губернатора Мадраса; поэтому, видя, что англичане поставлены въ затрудненіе маратхами, а также узнавъ, что на Коромандельскомъ берегу ожидаются силы французовъ, Гайдеръ втихомолку приготовился къ войнѣ. Лѣтомъ 1780 года цѣлыя тучи его всадниковъ спустились съ горъ, безъ всякаго предварительнаго предупрежденія, и появились передъ воротами Мадраса. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ трехтысячный отрядъ англійскихъ войскъ былъ разсѣянъ, а другой, пятитысячный, спасся только быстрымъ отступленіемъ къ Мадрасу, бросивъ артиллерію и обозъ въ руки непріятеля. Не будучи въ состояніи атаковать Мадрасъ, Гайдеръ обратился противъ разсѣянныхъ постовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга и отъ столицы открытою страною, которая была теперь всецѣло въ его власти.

Таково было положеніе дѣлъ, когда въ январѣ 1781 года

французская эскадра, изъ шести линейныхъ кораблей и трехъ фрегатовъ, появилась у берега. Англійскій флотъ, подъ начальствомъ сэра Эдуарда Юза, ушелъ въ это время въ Бомбей. Гайдеръ обратился за помощью въ атакѣ Куддаллора къ французскому коммодору графу д'Орву (d'Orves). Лишенный поддержки со стороны моря и окруженный миріадами туземцевъ, городъ этотъ долженъ былъ пасть. Д'Орвъ, однако, отказалъ въ просьбѣ Гайдера и возвратился къ Иль де Франсу. Въ то же самое время противъ Гайдера выступилъ сэръ Эйръ Кутъ (Eyre Coote), одинъ изъ способнѣйшихъ англійскихъ офицеровъ въ Индіи. Гайдеръ сейчасъ же снялъ осаду съ окруженныхъ имъ постовъ, и послѣ ряда операцій, продолжавшихся въ теченіе весеннихъ мѣсяцевъ, былъ вызванъ къ сраженію 1-го іюля 1781 года. Полное пораженіе его возвратило англичанамъ открытую страну, спасло Карнатикъ и положило конецъ надеждамъ партизановъ Франціи, пребывавшихъ въ недавнемъ владѣніи ея, Пондишери. Удобный случай пошатнуть положеніе Англіи былъ пропущенъ.

Между тѣмъ, какъ разъ въ это время былъ на пути въ Остъ-Индію французскій офицеръ, сильно отличавшійся по свойствамъ духа отъ своихъ предшественниковъ. Слѣдуетъ припомнить, что когда де Грассъ отплылъ изъ Бреста въ Вестъ-Индію 22-го марта 1781 года, то съ его флотомъ вышелъ тогда отрядъ изъ пяти линейныхъ кораблей, подъ начальствомъ Сюффрена. Послѣдній отдѣлился отъ главнаго отряда 29-го числа упомянутаго мѣсяца, взявъ съ собою нѣсколько транспортовъ, предназначенныхъ для мыса Доброй Надежды, — тогда голландской колоніи. Французское правительство узнало, что изъ Англіи была отправлена экспедиція для захвата этой важной станціи на пути въ Индію, и спасеніе ея составляло первую миссію Сюффрена. Дѣйствительно, эскадра коммодора Джонстона (*) вышла въ море первою и стала на якорь 11-го апрѣля въ Порто-Прайя (Porta Praya) — португальской колоніи на остро-

(*) Этотъ коммодоръ Джонстонъ (Johnstone), болѣе извѣстный подъ именемъ губернатора Джонстона, былъ однимъ изъ трехъ коммиссіонеровъ, посланныхъ лордомъ Нортомъ (Lord North) въ 1778 году для переговоровъ о примиреніи съ Америкой. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ подозрительныхъ дѣйствій съ его стороны, Конгрессъ объявилъ несовмѣстнымъ со своею честью продолженіе какихъ-либо

вахъ Зеленаго мыса. Она состояла изъ двухъ линейныхъ кораблей и трехъ пятидесятипушечныхъ, съ фрегатами и меньшими судами, кромѣ тридцати пяти транспортовъ, большею частью вооруженныхъ. Не ожидая атаки, — не потому, что полагался на нейтралитетъ порта, а потому, что считалъ свое назначеніе тайной, неизвѣстной Франціи, — англійскій коммодоръ сталъ на якорь въ диспозиціи, не отвѣчавшей боевымъ требованіямъ.

Случилось такъ, что въ моментъ отплытія Сюффрена изъ Бреста одинъ изъ кораблей, предназначавшихся сначала въ Вестъ-Индію, былъ переведенъ въ его эскадру. Корабль этотъ, поэтому, не имѣлъ запаса воды, достаточнаго для дальнѣйшаго плаванія, что, вмѣстѣ съ другими причинами, заставило Сюффрена также зайти въ Порто-Прайя. 16-го апрѣля, черезъ пять дней послѣ прибытія Джонстона, онъ подошелъ къ острову рано утромъ и отправилъ къ мѣсту якорной стоянки для рекогносцировки корабль съ мѣдной обшивкой въ подводной части. Такъ какъ онъ приближался съ востока, то берегъ въ теченіе нѣкотораго времени скрывалъ отъ него англійскую эскадру; но въ три четверти девятаго часа передовой корабль *Artésien* сдѣлалъ сигналъ, что въ бухтѣ стоитъ на якорѣ непріятельская эскадра. Бухта Порто-Прайя открыта къ югу и тянется съ востока на западъ на протяженіи около полуторы мили; условія ея таковы, что корабли стоятъ обыкновенно въ сѣверо-восточной ея части, близъ берега (планъ XIII) (*). Англичане расположились тамъ въ неправильной линіи, въ WNW-мъ направленіи. И Сюффренъ и Джонстонъ были удивлены, увидѣвъ другъ друга, — послѣдній особенно; инціатива боя предоставлялась по положенію дѣла командиру французской эскадры. Мало кто былъ способнѣе Сюффрена, какъ по природному темпераменту, такъ и по личному опыту, къ принятію быстраго рѣшенія, требовавшагося обстоятельствами. Въ разсматриваемомъ случаѣ на поведеніе его,

---

сношеній съ нимъ. Титулъ губернатора присвоенъ потому, что онъ былъ нѣкоторое время губернаторомъ Пенсаколы. Онъ имѣлъ самую незавидную репутацію въ англійскомъ флотѣ. (См. Charnock's Biog. Navalis).

(*) Этотъ планъ заимствованъ почти всецѣло изъ сочиненія Cunat: «Vie de Suffren».

Планъ XIII.
СЮФФРЕНЪ при ПОРТО ПРАЙЯ
Апр. 16, 1781 г.
Вѣтеръ NOtN.
Англ.
Франц.
Англ. караванъ
a
b
c
d
e
f

Тип. Эд. Гоппе.

кромѣ пылкаго характера и врожденнаго воинскаго духа, вліяло еще то обстоятельство, что онъ научился, — въ дѣйствіяхъ Боскауэна по отношенію къ эскадрѣ Де ла Клю (*), въ которой служилъ, — не полагаться на способность Португаліи внушать уваженіе къ ея нейтралитету. Онъ зналъ, что враждебная эскадра была предназначена для мыса Доброй Надежды. Вопросъ для него былъ только въ томъ, слѣдуетъ ли торопиться на Мысъ, пока есть шансъ придти туда первымъ, или атаковать англичанъ здѣсь, въ надеждѣ нанести кораблямъ ихъ поврежденія, достаточныя для того, чтобы остановить ихъ дальнѣйшее движеніе. Онъ рѣшился на послѣднее; и хотя корабли его эскадры, не будучи одинаковыми ходоками, были разсѣяны, онъ рѣшился войти въ бухту сейчасъ же, чтобы не потерять выгоды внезапнаго нападенія. Сдѣлавъ сигналъ приготовиться къ бою на якорѣ, онъ занялъ на своемъ флагманскомъ кораблѣ *Héros*, семидесяти четырехъ-пушечномъ, мѣсто головнаго, обрѣзалъ близко юго-восточный мысъ бухты и направился прямо на англійскій флагманскій корабль (f). За нимъ близко послѣдовалъ *Hannibal*, также семидесяти четырехъ-пушечный (линія ab); передовой корабль *Artésien* (c), шестидесяти четырехъ-пушечный, также шелъ съ нимъ, но два арьергардные корабля были еще далеко сзади.

Англійскій коммодоръ приготовился къ сраженію сейчасъ же, какъ увидѣлъ непріятеля, но не успѣлъ исправить свой строй. Сюффренъ сталъ въ пятистахъ футахъ отъ флагманскаго корабля (по случайному совпаденію называвшагося также *Hero*), на правомъ его траверзѣ, и, имѣя такимъ образомъ непріятельскіе корабли съ обоихъ бортовъ, открылъ огонь. *Hannibal* сталъ на якорь впереди своего коммодора (b) и такъ близко, что послѣдній долженъ былъ потравить канатъ и сдаться назадъ (a); но его командиръ, не зная о намѣреніи Сюффрена игнорировать нейтралитетъ порта, не послушался сигнала его изготовиться къ бою и совсѣмъ не сдѣлалъ этого: — его палубы были загромождены анкерками (боченками для воды), такъ какъ онъ собирался пополнить запасъ воды, и орудія не были раскрѣплены. Онъ не увеличилъ своей

(*) Стран. 343.

ошибки какимъ-либо колебаніемъ, но смѣло послѣдовалъ за флагманскимъ кораблемъ, принимая пассивно огонь противника, на который нѣкоторое время не могъ отвѣчать. Придя, онъ прошелъ навѣтреннѣе своего начальника, избралъ позицію съ искусствомъ и искупилъ смертью свою первую ошибку. Оба упомянутые корабля помѣстились такъ, чтобы пользоваться батареями обоихъ бортовъ. *Artésien*, въ дыму, принялъ остъ-индскій коммерческій корабль за военный; при прохожденіи по борту его (c′) онъ лишился командира, который былъ убитъ наповалъ какъ разъ, когда изготовился отдать якорь; и такъ какъ критическій моментъ былъ упущенъ вслѣдствіе этого, то *Artésien* началъ дрейфовать, увлекая за собою остъ-индскій корабль (c″). Остальные два корабля, пришедшіе слишкомъ поздно, не могли придержаться достаточно къ вѣтру и были отнесены за сферу боя (d, e). Сюффренъ, видя, что долженъ принять бремя сраженія только съ двумя кораблями, обрубилъ канатъ и поставилъ паруса. *Hannibal* послѣдовалъ его движенію; но такъ велики были его аваріи, что его фокъ- и гротъ-мачты полетѣли за бортъ, къ счастію не ранѣе того, какъ онъ вышелъ изъ бухты, которую оставилъ разбитымъ до полной непригодности къ дальнѣйшей службѣ.

Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросы международнаго права, мы должны сказать, что замыселъ и исполненіе атаки Сюффрена, съ военной точки зрѣнія, заслуживаютъ вниманія. Чтобы судить о нихъ правильно, мы должны разсмотрѣть, какова была цѣль возложенной на него миссіи и каковы были главные факторы за и противъ этой атаки. Главной его цѣлью была защита мыса Доброй Надежды противъ англійской экспедиціи; главнымъ средствомъ выполнить это былъ приходъ туда первымъ; препятствіемъ успѣху былъ англійскій флотъ. Для предупрежденія прибытія послѣдняго передъ Сюффреномъ открывались два пути: или спѣшить туда, въ надеждѣ выиграть въ скорости, или разбить непріятеля такъ, чтобы совсѣмъ отнять у него возможность придти туда. Поиски его въ морѣ, — за исключеніемъ случая полученія весьма вѣроятныхъ свѣдѣній о немъ, — были бы потерею времени; но когда

счастье натолкнуло Сюффрена на противника, то геній его подсказалъ ему заключеніе, что обладаніе моремъ въ южныхъ водахъ, какъ рѣшающее вопросъ, должно быть обезпечено безотлагательно. Вотъ въ какихъ сильныхъ выраженіяхъ говоритъ онъ самъ объ этомъ: «Уничтоженіе англійской эскадры *разрушило бы въ корнѣ* всѣ планы и проекты этой экспедиціи, дало бы намъ на долгое время преобладаніе въ Индіи,—преобладаніе, результатомъ котораго могъ бы быть славный миръ, — и помѣшало бы англичанамъ придти на мысъ Доброй Надежды прежде меня, — цѣль, которая была достигнута и составляла главную задачу моей миссіи». Онъ получилъ невѣрныя извѣстія о силѣ англійской эскадры, считая ее бо̀льшею, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ; но онъ застигъ ее при невыгодныхъ для нея обстоятельствахъ и врасплохъ. Быстрое рѣшеніе начать бой было, поэтому, правильно, и оно составляетъ самую выдающуюся заслугу Сюффрена въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ отложилъ на моментъ, — вычеркнулъ, такъ сказать изъ своей головы, — конечныя цѣли своего крейсерства; но, поступая такъ, онъ отступалъ отъ традицій французскаго флота и отъ обычной политики своего правительства. Нельзя поставить ему въ вину, что онъ не получилъ отъ командировъ своихъ кораблей поддержки, которую въ правѣ былъ ожидать. Объ аваріяхъ и о небрежности, которыя повели за собою ихъ неудачу, уже было упомянуто; но при условіи, что въ распоряженіи Сюффрена были три лучшіе корабля эскадры, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что онъ былъ правъ, воспользовавшись неожиданностью и понадѣявшись на то, что два остальные корабля, бывшіе въ резервѣ, успѣютъ подойти во время.

Положеніе, занятое кораблемъ Сюффрена и кораблемъ *Hannibal*, позволявшее имъ стрѣлять съ обоихъ бортовъ, — другими словами, развить наибольшую силу, — было соображено превосходно. Сюффренъ, такимъ образомъ, воспользовался вполнѣ преимуществомъ, какое дали ему внезапность его нападенія и безпорядокъ въ эскадрѣ непріятеля. Этотъ безпорядокъ, согласно англійскимъ отчетамъ, лишилъ возможности участвовать въ бою два пятидесяти пушечные ко-

рабля англичанъ, — обстоятельство, которое, не дѣлая чести Джонстону, подтвердило логичность Сюффрена въ стремительности его атаки. Если бы онъ получилъ помощь, на которую, по всѣмъ даннымъ, былъ въ правѣ разсчитывать, онъ бы уничтожилъ англійскую эскадру; но и тѣмъ, что случилось въ дѣйствительности, онъ спасъ колонію мыса Доброй Надежды въ Порто-Прайя. Неудивительно, поэтому, что французское правительство, несмотря на свою традиціонную морскую политику и на дипломатическія затрудненія, причиненныя ему нарушеніемъ нейтралитета Португаліи, горячо и великодушно признало энергичность дѣятельности Сюффрена, какую оно не привыкло видѣть въ своихъ адмиралахъ.

Говорили, что Сюффренъ, который былъ свидѣтелемъ осторожныхъ движеній д'Эстэнга въ Америкѣ и участвовалъ уже въ Семилѣтней войнѣ, приписывалъ отчасти неудачи, понесенныя французами въ морѣ, любви ихъ къ тактикѣ, называвшейся имъ маскою робости, но что результаты боя въ Порто-Прайя, по необходимости начатаго безъ предварительнаго соглашенія съ командирами кораблей эскадры, убѣдили его, что система и методъ имѣютъ свое значеніе (*). Конечно его тактическія комбинаціи впослѣдствіи были высшаго порядка, особенно въ его первоначальныхъ сраженіяхъ на Востокѣ (ибо въ позднѣйшихъ сраженіяхъ онъ, кажется, опять отказался отъ нихъ подъ вліяніемъ затрудненій, причинявшихся ему недоброжелательствомъ или заблужденіями командировъ его судовъ). Но его великая и выдающаяся заслуга лежитъ въ ясности, съ какою онъ призналъ, что флоты Англіи, какъ представители морской силы ея, были настоящими врагами морской силы Франціи, и что поэтому ихъ слѣдовало атаковать прежде всего, когда былъ хоть малѣйшій признакъ того, что шансы боя равны. Далекій отъ того, чтобы закрывать глаза на значеніе тѣхъ конечныхъ цѣлей, которымъ дѣятельность французскаго флота такъ постоянно подчинялась, онъ тѣмъ не менѣе видѣлъ ясно, что путь къ обезпеченію этихъ цѣлей состоялъ не въ сбереженіи своихъ кораблей, но въ уничтоженіи кораблей непріятеля. Атака, а не оборона, была въ его глазахъ путемъ къ

(*) La Serre: Essais Hist. et Critiques sur la Marine Française.

морской силѣ, а эта сила была также и средствомъ къ вліянію на результаты борьбы на сушѣ, — по крайней мѣрѣ въ странахъ, отдаленныхъ отъ Европы. Онъ имѣлъ мужество принять эти воззрѣнія англійской политики послѣ сорока лѣтъ службы во флотѣ, державшемся противоположной системы; но въ приложеніи этихъ воззрѣній на практикѣ онъ внесъ методъ, котораго нельзя было найти ни у одного англійскаго адмирала его времени, — за исключеніемъ только, быть можетъ, Роднея, — и бо́льшую пылкость, чѣмъ проявлялъ послѣдній. Тѣмъ не менѣе образъ дѣйствій его не былъ только вдохновеніемъ момента, а являлся результатомъ ясныхъ взглядовъ, которыхъ онъ держался и которые выражалъ и прежде. При всей его природной страстности, онъ обладалъ настойчивостью сознательнаго убѣжденія. Такъ, онъ писалъ д'Эстэнгу, — послѣ неудачной попытки уничтожить эскадру Баррингтона въ С. Лючіа, — жалуясь на половинный комплектъ команды на его и на другихъ корабляхъ, съ которыхъ люди были высажены для атаки англійскихъ войскъ: —

„Несмотря на малые результаты двухъ канонадъ 15-го декабря (направленныхъ противъ эскадры Баррингтона) и на неудачу, понесенную нашими сухопутными силами, мы можемъ еще надѣяться на успѣхъ. Но единственное средство достигнуть его, это — энергичная атака враждебной эскадры, которая неспособна, при нашемъ превосходствѣ, оказать сопротивленіе, несмотря на береговыя батареи непріятеля, такъ какъ дѣйствіе послѣднихъ будетъ нейтрализовано, если мы свалимся съ ея кораблями на абордажъ или отдадимъ якоря на мѣстахъ ихъ буйковъ. Если же мы будемъ медлить, она можетъ уйти... Кромѣ того, пока нашъ флотъ не комплектованъ, онъ не въ состояніи ни плавать, ни сражаться. Что случилось бы, если бы прибылъ флотъ адмирала Байрона? Что случилось бы съ кораблями, не имѣющими ни экипажа, ни адмирала? Ихъ пораженіе было бы причиной потери и арміи и колоніи. Если же мы уничтожимъ эту эскадру, то непріятельская армія, терпя недостатокъ во всемъ въ бѣдной странѣ, принуждена будетъ скоро сдаться. Тогда пусть приходитъ Байронъ, мы будемъ рады его видѣть. Я думаю, нѣтъ необходимости указывать на то, что для этой атаки намъ нужны люди и доброе согласіе въ планахъ между тѣми, которые будутъ выполнять ихъ“.

Сюффренъ также осуждалъ д'Эстэнга за то, что онъ послѣ сраженія при Гренадѣ упустилъ случай взять въ плѣнъ четыре корабля эскадры Байрона, съ перебитымъ рангоутомъ.

Вслѣдствіе сочетанія неудачъ, атака въ Порто-Прайя не имѣла того рѣшительнаго результата, какого заслуживала.

Коммодоръ Джонстонъ снялся съ якоря и послѣдовалъ за Сюффреномъ; но онъ считалъ, что его силы недостаточны для открытой атаки французовъ, при рѣшительномъ характерѣ ихъ коммодора, и боялся потерять время въ погонѣ за нимъ — подъ вѣтеръ отъ порта своего назначенія. Онъ успѣлъ, однако же, отбить остъ-индскій корабль, который *Artésien* увелъ у него. Сюффренъ продолжалъ свой путь и сталъ на якорь у мыса Доброй Надежды, въ бухтѣ Симона, 21-го іюня. Джонстонъ подошелъ туда двѣ недѣли спустя; но, узнавъ отъ передоваго корабля, что французскія войска высадились на берегъ, онъ отказался отъ какого-либо предпріятія противъ этой колоніи и ограничился только успѣшной атакой пяти голландскихъ Остъ-Индскихъ кораблей, стоявшихъ въ Салданской бухтѣ (Saldanha Bay), — атакой, которая бѣдно вознаградила неудачу военнаго предпріятія; затѣмъ онъ вернулся въ Англію, предварительно пославъ линейные корабли въ Остъ-Индію для соединенія ихъ тамъ съ эскадрой сэра Эдуарда Юза.

Увидѣвъ, что безопастность мыса обезпечена, Сюффренъ отплылъ къ Иль де Франсу и прибылъ туда 25-го октября 1781 года. Графъ д'Орвъ, какъ старшій, принялъ тамъ командованіе соединенной эскадрой. Послѣ окончанія необходимыхъ исправленій, флотъ отплылъ въ Индію 17-го декабря. 22-го января 1782 года былъ взятъ англійскій пятидесятипушечный корабль *Hannibal*. 9-го февраля графъ д'Орвъ умеръ, и Сюффренъ сдѣлался главнокомандующимъ, съ чиномъ коммодора. Нѣсколько дней спустя, увидѣли берегъ къ сѣверу отъ Мадраса; но, вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, на видъ города подошли только 15-го февраля. Тамъ, подъ защитой орудій фортовъ, стояли на якорѣ девять большихъ кораблей. Это былъ флотъ сэра Эдуарда Юза, расположенный въ боевомъ строѣ, а не въ безпорядкѣ, какъ флотъ Джонстона (*).

(*) Вопросъ объ атакѣ англійской эскадры на якорѣ обсуждался въ военномъ совѣтѣ. Его рѣшеніе укрѣпило намѣреніе Сюффрена не дѣлать этого. При сопоставленіи этого съ упущеніемъ англичанами случая атаковать французскій отрядъ въ Ньюпортѣ (стр. 453), слѣдуетъ помнить, что у нихъ не было средствъ заставить корабли оставить ихъ сильную позицію; между тѣмъ, угрожая Тринкомале или другимъ менѣе важнымъ пунктамъ, Сюффренъ могъ положиться на то, что это

Здѣсь, въ пунктѣ встрѣчи между этими двумя грозными бойцами, изъ которыхъ каждый былъ типичнымъ представителемъ свойствъ своей расы, одинъ — непреклонной настойчивости и искусства въ морскомъ дѣлѣ англичанъ, а другой — пылкости и тактическихъ знаній французовъ, слишкомъ долго сдерживавшихся и ложно направленныхъ ошибочной системой, — умѣстно привести точныя свѣдѣнія о матеріальныхъ силахъ противниковъ. Во французскомъ флотѣ было двѣнадцать кораблей: три 74-пушечные, семь 64-пушечныхъ и два 50-пушечные, одинъ изъ которыхъ, *Hannibal*, былъ недавно взятъ у англичанъ. Противопоставленный этому флоту англійскій флотъ состоялъ изъ девяти кораблей: двухъ 74-пушечныхъ, одного 70-пушечнаго, одного 68-пушечнаго, четырехъ 64-пушечныхъ и одного 50-пушечнаго. Слѣдовательно неравенство, двѣнадцать противъ девяти, было рѣшительно не въ пользу англичанъ; и похоже на то, что преимущество въ силѣ каждаго корабля отдѣльно было также не на ихъ сторонѣ.

Должно помнить, что, прибывъ въ Остъ-Индію, Сюффренъ не нашелъ тамъ ни одного дружественнаго порта или рейда, никакой базы для снабженія кораблей провизіей или для исправленія ихъ въ случаѣ нужды. Французскіе посты всѣ пали къ 1779 году; и быстрота его движенія, спасшая Мысъ, все-таки не привела его въ Индію своевременно для того, чтобы помѣшать захвату здѣсь англичанами голландскихъ владѣній. Важная гавань Тринкомале, на Цейлонѣ, была взята какъ разъ за мѣсяцъ до того, какъ Сюффренъ увидѣлъ англійскій флотъ въ Мадрасѣ. Но если ему, такимъ образомъ, все приходилось взять съ бою, то Юзъ имѣлъ многое, что могъ потерять. Сюффрену въ первый моментъ встрѣчи съ врагомъ принадлежало численное превосходство и возможность занять наступательное положеніе, со всѣми его преимуществами въ выборѣ инціативы. На долю Юза выпали тревоги оборонительнаго положенія, при меньшей численности его флота и при многихъ

отвлечетъ Юза отъ занятой имъ стоянки. Онъ, поэтому былъ правъ, не атакуя флота Юза; тогда какъ англичане, по всей вѣроятности, были не правы, не сдѣлавъ нападенія на противника въ Ньюпортѣ.

открытыхъ нападенію пунктахъ, и неизвѣстности, на какой изъ нихъ падетъ ударъ.

Въ то время все еще было справедливо, — хотя и не такъ безусловно, какъ тридцать лѣтъ назадъ, — что господство въ Индіи обусловливалось обладаніемъ моря. Годы, предшествовавшіе разсматриваемымъ теперь событіямъ, значительно усилили въ Индіи Англію и соотвѣтственно ослабили Францію. Поэтому для Сюффрена необходимость уничтожить своего непріятеля представлялась относительно настоятельнѣе, чѣмъ для его предшественниковъ, д'Аше и другихъ, тогда какъ Юзъ могъ разсчитывать на бóльшую силу въ англійскихъ владѣніяхъ и такимъ образомъ несъ нѣсколько меньшую отвѣтственность, чѣмъ адмиралы, бывшіе здѣсь до него.

Тѣмъ не менѣе, море было все еще важнѣйшимъ факторомъ въ наступавшей борьбѣ, и для надлежащаго обладанія имъ было необходимо довести флотъ непріятеля до большей или меньшей безпомощности и имѣть сколько-нибудь надежно обезпеченную базу. Для послѣдней цѣли Тринкомале, хотя и съ нездоровымъ кламатомъ, былъ гаванью, значительно лучшею, чѣмъ всѣ остальныя на восточномъ берегу; но англичане владѣли имъ еще недостаточно долго для того, чтобы организовать надлежащее его снабженіе. Юзъ, поэтому, необходимо долженъ былъ возвратиться въ Мадрасъ для исправленія аварій послѣ сраженія и былъ вынужденъ, впредь до полной своей готовности опять выйти въ море, предоставить Тринкомале самому себѣ. Сюффренъ, съ другой стороны, нашелъ всѣ порта одинаково лишенными морскихъ припасовъ, тогда какъ естественныя преимущества Тринкомале дѣлали завладѣніе имъ вопросомъ очевидной важности; и Юзъ такъ и понималъ это.

Поэтому, независимо отъ традицій англійскаго флота, которыя побуждали Юза къ атакѣ и вліяніе которыхъ ясно сказывается между строками его писемъ, Сюффренъ видѣлъ въ приближеніи своемъ къ Тринкомале угрозу, долженствовавшую вызвать его противника изъ порта въ море. Но Тринкомале не былъ единственнымъ предметомъ заботъ его; война между Гайдеръ Али и англичанами настоятельно побуждала Сюффрена захватить какой-нибудь портъ на материкѣ, гдѣ можно

было бы высадить трехтысячный отрядъ солдатъ, бывшихъ на его эскадрѣ, для совмѣстнаго дѣйствія противъ общаго врага, и откуда можно было бы пополнять, по крайней мѣрѣ, продовольственные запасы. Все, поэтому, соединилось для того, чтобы заставить Юза выйти изъ Мадраса и искать случая нанести пораженіе французскому флоту или, по крайней мѣрѣ, задержать его.

Методъ его дѣйствій долженъ былъ обусловливаться какъ его собственнымъ искусствомъ, такъ и искусствомъ противника и измѣнчивымъ факторомъ — погодой. Для него было крайне желательно не вступать въ бой иначе, какъ на выбранныхъ имъ самимъ условіяхъ, — другими словами, безъ преимущества положенія, вознаграждающаго слабость его сравнительно съ противникомъ. Такъ какъ флотъ въ открытомъ морѣ не можетъ обезпечить себѣ преимущество мѣстности, то благопріятное положеніе для слабѣйшаго паруснаго флота, это — навѣтренное; оно даетъ инниціативу боя во времени и нѣкоторый выборъ въ методѣ атаки; оно представляетъ наступательное положеніе, но позволяетъ пользоваться имъ для обороны, пока обстоятельства не гарантируютъ успѣха наступленія. Подвѣтренное положеніе не оставляетъ для слабѣйшаго инаго выбора, кромѣ бѣгства или принятія сраженія на условіяхъ противника.

Каково бы ни было искусство Юза, должно признать, что задача его была трудная. Тѣмъ не менѣе кажется яснымъ, что она сводилась къ двумъ условіямъ. Первое требовало попытки нанести французскому флоту такой ударъ, который уменьшилъ бы превосходство его силы; второе вызывалось необходимостью воспрепятствовать Сюффрену занять Тринкомале, обладаніе которымъ опиралось всецѣло на флотъ (*). Для Сюф-

---

(*) Зависимость Тринкомале отъ англійскаго флота въ эту кампанію представляетъ превосходную иллюстрацію затруднительнаго и фальшиваго положенія, въ какомъ оказывается флотъ, когда оборона морскихъ портовъ опирается на него самого. Это положеніе вызываетъ большіе споры въ настоящее время и достойно изученія со стороны тѣхъ, которые утверждаютъ, совершенно неправильно, что лучшая береговая оборона, это — флотъ. Въ одномъ смыслѣ это, безъ сомнѣнія, правильно: — нападеніе на непріятеля за предѣлами собственныхъ владѣній представляетъ лучшую изъ оборонъ послѣднихъ; но въ узкомъ смыслѣ слова «оборона» — это неправильно. Неукрѣпленный Тринкомале былъ просто центромъ, кругомъ

френа же, съ другой стороны, было ясно, что если бы онъ нанесъ эскадрѣ Юза, въ бою съ нею, уронъ бо̀льшій, чѣмъ какой потерпѣлъ бы самъ, то этимъ обезпечилъ бы себѣ свободу дѣйствій во всѣхъ направленіяхъ.

Сюффренъ, увидѣвъ флотъ Юза въ Мадрасѣ 15-го февраля, сталъ на якорь, въ четырехъ миляхъ къ сѣверу. Но, найдя, что позиція противника, поддерживаемая береговыми батареями, слишкомъ сильна для того, чтобы атаковать ее, онъ опять вступилъ подъ паруса, въ четыре часа пополудни, и легъ на курсъ къ югу. Юзъ также снялся съ якоря и, пролежавъ всю ночь подъ малыми парусами, также на южномъ курсѣ, на разсвѣтѣ увидѣлъ, что враждебная эскадра отдѣлилась отъ конвоировавшагося ею отряда, при чемъ военные корабли были около двѣнадцати миль къ востоку, а транспорты — на девять миль къ юго-западу отъ него (планъ XIV, A, A). Это разсѣяніе было слѣдствіемъ безпечности французскихъ фрегатовъ, которые совершенно не слѣдили за непріятелемъ. Юзъ сразу воспользовался такимъ положеніемъ и погнался за транспортами (с), зная, что линейные корабли Сюффрена должны послѣдовать за нимъ. Его корабли, обшитые въ подводной части мѣдью, быстро нагнали транспорты и захватили шесть изъ нихъ, изъ которыхъ пять были англійскими призами. На шестомъ были триста солдатъ и военные припасы. Юзъ такимъ образомъ далъ противнику реваншъ.

Сюффренъ, конечно, послѣдовалъ за нимъ въ общей погонѣ, и около трехъ часовъ пополудни четыре лучшіе ходока его были лишь на двѣ или на три мили отъ самаго задняго изъ англійскихъ кораблей. Послѣдніе тогда были сильно разсѣяны, но по сигналу всѣ соединились къ семи часамъ вечера. Въ теченіе ночи обѣ эскадры пролежали на юго-восточномъ курсѣ, подъ малыми парусами.

На разсвѣтѣ 17-го числа,—въ день перваго изъ четырехъ сраженій, состоявшихся между этими двумя флотоводцами въ теченіе семи мѣсяцевъ, — враждебные флоты были въ разстояніи отъ шести до восьми миль другъ отъ друга, — французы

котораго Юзъ долженъ былъ вращаться, подобно привязанному звѣрю; и то же самое будетъ имѣть мѣсто всегда при подобныхъ условіяхъ.

A
A
c
B
C
Планъ XIV.
СЮФФРЕНЪ и ЮЗЪ (Hughes)
Февр. 17, 1782 г.
Вѣтеръ NNO.
Франц. 12 корабл.
Англ. 9 »
Франц. караванъ
a
B
b
D
Тип. Эд. Гоппе.

на NNO отъ англичанъ (B, B), которые были въ строѣ кильватера, на лѣвомъ галсѣ (a), затрудненные слабостью вѣтра и даже частыми затишьями. Адмиралъ Юзъ объяснялъ, что надѣялся выйти этимъ курсомъ на вѣтеръ относительно непріятеля, когда задуетъ морской бризъ, чтобы завязать бой на близкомъ разстояніи. Вѣтеръ продолжалъ дуть слабо, но съ частыми шквалами отъ NNO; французы, идя полнымъ вѣтромъ, пользовались порывами его дольше и приближались къ англичанамъ быстро; при этомъ курсъ противника помогалъ намѣренію Сюффрена атаковать арьергардъ его. Юзъ, увидѣвъ, что послѣдній разсѣянъ, построился въ строй фронта, спустившись (b), и далъ время кораблямъ его приблизиться къ центру; это движеніе въ строѣ фронта продолжалось до сорока минутъ четвертаго часа пополудни, когда, увидѣвъ невозможность уйти отъ атаки по желанію противника, Юзъ привелъ къ вѣтру на лѣвомъ галсѣ и сталъ ожидать его (C). По своей ли собственной ошибкѣ или нѣтъ, но онъ оказался теперь въ наихудшемъ возможномъ положеніи, ожидая атаки со стороны сильнѣйшаго непріятеля, владѣвшаго иниціативой боя. Арьергардный корабль Юза, *Exeter*, не примкнулъ къ линіи, и кажется не было причины, почему бы не сдѣлать его авангарднымъ, повернувъ на правый галсъ и такимъ образомъ приблизивъ къ нему другіе корабли.

Методъ атаки (C) Сюффрена излагается имъ и Юзомъ различно, но различіе это касается, впрочемъ, только деталей; главные факты обоими передаются одинаково. Юзъ говоритъ: «непріятель спустился къ нашему арьергарду въ неправильномъ строѣ двойнаго фронта», и въ этомъ строѣ продолжалъ держаться до момента столкновенія, когда «три непріятельскіе корабля въ первой линіи спустились прямо на *Exeter*; тогда какъ еще четыре корабля второй линіи, предводительствуемые *Héros*, на которомъ Сюффренъ держалъ свой флагъ, обошли *съ внѣшней стороны первую линію*, пройдя къ нашему центру. Въ пять минутъ пятаго три непріятельскіе корабля открыли огонь по *Exeter'y*, который отвѣчалъ на него вмѣстѣ со своимъ переднимъ мателотомъ; завязался общій бой отъ нашего арьергарда до центра, при чемъ головной корабль непріятеля, съ тремя

*

другими изъ второй линіи, подвинулся еще по направленію къ центру, но все-таки не далѣе траверза нашего центральнаго корабля *Superbe*; во время боя или дулъ слабый вѣтеръ, или совсѣмъ штилѣло; по-временамъ лилъ сильный дождь. При такихъ обстоятельствахъ восемь лучшихъ кораблей непріятеля атаковали пять нашихъ, такъ какъ авангардъ нашей линіи, состоявшій изъ *Monmouth*, *Eagle*, *Burford* и *Worcester*, не могъ принять участіе въ сраженіи, не повернувъ на другой галсъ», для исполненія чего не было достаточнаго вѣтра.

Здѣсь мы оставимъ ихъ и приведемъ объясненія Сюффрена и его взгляды на свое положеніе. Въ донесеніи морскому министру онъ говоритъ: —

„Я долженъ былъ уничтожить англійскую эскадру не столько благодаря своему численному превосходству, сколько благодаря выгодной диспозиціи, въ которой атаковалъ ее. Я атаковалъ арьергардный корабль и прошелъ вдоль англійской линіи до шестаго корабля; я такимъ образомъ сдѣлалъ три корабля непріятеля безполезными для него, такъ что мои двѣнадцать кораблей имѣли дѣло только съ шестью противниками. Я началъ бой въ три съ половиною часа пополудни, ставъ въ головѣ своего флота и сдѣлавъ сигналъ построить линію насколько возможно лучше; безъ этого я не сталъ бы сражаться. Въ четыре часа я сдѣлалъ сигналъ тремъ кораблямъ поставить арьергардъ непріятеля въ два огня, а остальной эскадрѣ — приблизиться къ непріятелю на пистолетный выстрѣлъ. Этотъ сигналъ, хотя и репетованный, не былъ однако же исполненъ. Я не подавалъ *самъ* примѣра, чтобы не стать въ положеніе, при которомъ три арьергардные корабля могли повернуть на другой галсъ и обойти меня Однако, — за исключеніемъ *Brilliant*, который обошелъ арьергардъ, — ни одинъ корабль не былъ такъ близокъ къ непріятелю, какъ мой, и не получилъ столько выстрѣловъ“.

Главный пунктъ различія этихъ двухъ описаній состоитъ въ томъ, что Сюффренъ утверждаетъ, будто его флагманскій корабль прошелъ вдоль всей англійской линіи, отъ арьергарднаго до шестаго корабля, тогда какъ Юзъ говоритъ, что французы раздѣлились на двѣ линіи, которыя, по приближеніи, направились — одна на арьергардъ, а другая на центръ его эскадры. Послѣдній маневръ былъ бы лучшимъ; такъ какъ, если головной корабль атакующаго прошелъ, какъ утверждаетъ Сюффренъ, вдоль линіи непріятеля, отъ арьергарднаго до шестаго корабля, то онъ неизбѣжно подвергался, послѣдовательно, первому огню шести кораблей, который долженъ

былъ бы перебить его рангоутъ и разстроить линію. Сюффренъ также указываетъ на намѣреніе поставить арьергардъ между двухъ огней, расположивъ три корабля подъ вѣтромъ у него. Два изъ нихъ заняли это положеніе. Далѣе Сюффренъ указываетъ на причину, по которой не подходилъ ближе на своемъ кораблѣ, бывшемъ головнымъ; но такъ какъ и слѣдовавшіе за нимъ корабли не приближались къ непріятелю, то Юзъ и не обратилъ вниманія на этотъ маневръ.

Французскій коммодоръ былъ серьезно, и кажется справедливо, разсерженъ на бездѣятельность нѣкоторыхъ своихъ командировъ. На помощника своего (втораго флагмана) онъ жаловался министру: «Будучи впереди, я не могъ видѣть хорошо то, что происходило въ арьергардѣ. Я приказалъ г. де Тромелэну (de Tromelin) дѣлать сигналы кораблямъ, которые могли быть возлѣ него; онъ же только репетовалъ мои собственные, не исполняя ихъ». Эта жалоба была вполнѣ справедлива. 6-го февраля, за десять дней до боя, онъ писалъ своему помощнику слѣдующее: —

„Если мы будемъ такъ счастливы, что окажемся на вѣтрѣ, то такъ какъ въ англійской эскадрѣ всего восемь или, самое большое, девять кораблей, я намѣреваюсь поставить ея арьергардъ между двухъ огней. Если ваша дивизія будетъ въ арьергардѣ, то вы увидите, по своему положенію, какое число кораблей нашихъ останется за линіей непріятеля, и тогда сдѣлайте имъ сигналъ обойти послѣднюю (*) (т. е. сражаться съ подвѣтренной стороны)... Во всякомъ случаѣ я прошу васъ указать вашей дивизіи маневры, какіе, по вашему мнѣнію, наилучше обезпечатъ успѣхъ сраженія. Надежда взять Тринкомале и Негапатамъ, а можетъ быть и весь Цейлонъ, должна заставить насъ желать генеральнаго сраженія".

Послѣднія строки этой выдержки выясняютъ взглядъ Сюффрена на положеніе въ Индѣйскихъ моряхъ, которое требовало сперва разбитія враждебнаго флота, а затѣмъ захвата нѣкоторыхъ стратегическихъ портовъ. Вѣрность этого взгляда

(*) Фиг. D на планѣ XIV показываетъ боевой строй, предполагавшійся Сюффреномъ въ этомъ сраженіи. Пять арьергардныхъ кораблей непріятеля должны были имѣть каждый двухъ противниковъ, почти бортъ о бортъ. Головной французскій корабль, на навѣтренной сторонѣ, долженъ былъ держаться дальше, такъ, чтобы, атакуя шестой непріятельскій корабль, онъ могъ въ то же время задержать авангардные корабли, если бы они попытались подкрѣпить арьергардъ, повернувъ для этого оверштагъ.

настолько же несомнѣнна, насколько и то, что, онъ совершенно противорѣчитъ обычнымъ правиламъ французовъ, согласно которымъ портъ долженъ былъ бы считаться первостепеннымъ предметомъ дѣйствій, а флотъ непріятеля — второстепеннымъ. Генеральный бой былъ первымъ желаніемъ Сюффрена, и поэтому, не боясь ошибки можно сказать, что уклоненіе отъ такого боя должно бы было быть первою цѣлью Юза. Попытка послѣдняго занять навѣтренное положеніе была, слѣдовательно, правильна; и такъ какъ въ февралѣ мѣсяцѣ морской бризъ въ Мадрасѣ задуваетъ съ юго-востока около одиннадцати часовъ утра, то Юзъ, вѣроятно, поступилъ хорошо, держась по этому направленію, хотя результатъ и обманулъ его ожиданія. Де Гишенъ, въ одномъ изъ сраженій съ Роднеемъ, избралъ для своей эскадры такой курсъ, при которомъ разсчитывалъ быть на вѣтрѣ съ вечернимъ бризомъ, и имѣлъ успѣхъ. О томъ, какъ воспользовался бы Юзъ преимуществомъ навѣтреннаго положенія, можно судить только по его собственнымъ словамъ, — что онъ добивался его для боя на болѣе близкой дистанціи. Въ этомъ нѣтъ надежнаго обѣщанія какого-либо искуснаго пользованія тактическимъ преимуществомъ.

Сюффренъ также выясняетъ, въ обращеніи къ Тромелэну, свой взглядъ на обязанности втораго въ порядкѣ командованія, — взглядъ, который вполнѣ можетъ быть поставленъ въ параллель съ тѣмъ, что высказалъ объ этомъ же предметѣ Нельсонъ, въ своемъ знаменитомъ приказѣ передъ Трафальгаромъ. Въ этомъ первомъ своемъ сраженіи Сюффренъ велъ главную атаку самъ, предоставивъ управленіе тѣмъ, что можетъ быть названо резервомъ, — или, по крайней мѣрѣ, вспомогательною силою, — своему помощнику, который, къ несчастью для него, не былъ Колингвудомъ и совершенно не сумѣлъ поддержать его. Вѣроятно, что занятіе Сюффреномъ головнаго положенія не было слѣдствіемъ какого-либо особеннаго теоретическаго соображенія его, а произошло потому, что корабль его былъ лучшимъ ходокомъ въ эскадрѣ и что поздній часъ дня и слабость вѣтра дѣлали необходимымъ завязать съ непріятелемъ бой возможно скорѣе. Но этимъ Сюффренъ, кажется, сдѣлалъ ошибку. Дѣйствія головнаго корабля подъ флагомъ командующаго, — не

необходимо, но весьма естественно,—принимаются за примѣръ; и фактъ, что Сюффренъ не приближался къ противнику, руководствуясь превосходными тактическими основаніями, заставилъ командировъ кораблей, шедшихъ въ кильватеръ ему, естественно, почти простительно, сохранять ту же дистанцію, несмотря на сигналы. Противорѣчіе между приказаніями и примѣромъ, — подобное тому, которое такъ знаменательно проявилось при Виксбургѣ въ нашей Междоусобной войнѣ, поселивъ недоразумѣнія и разладъ между двумя доблестными офицерами,—не должно бы допускаться. Дѣло начальника предупреждать такія недоразумѣнія путемъ самаго тщательнаго предварительнаго разъясненія, какъ буквы, такъ и духа своихъ плановъ. Это особенно важно по отношенію къ сраженіямъ на морѣ, гдѣ дымъ, слабый вѣтеръ и такелажъ могутъ сдѣлать весьма затруднительнымъ чтеніе сигналовъ, служащихъ между тѣмъ почти единственнымъ средствомъ сношеній. Нельсонъ такъ и поступалъ обыкновенно; не чуждъ былъ этой идеѣ и Сюффренъ. «Необходимы диспозиціи, установленныя по подробномъ соглашеніи съ тѣми, которые должны исполнять ихъ», писалъ онъ д'Эстэнгу за три года до боя съ Юзомъ. Но если еще можно признать право на извиненіе за командирами, слѣдовавшими движеніямъ своего начальника и сражавшимися, то уже совсѣмъ нельзя извинить командировъ арьергардныхъ кораблей, и особенно помощника Сюффрена, знавшаго планы послѣдняго. Онъ долженъ былъ бы заставить арьергардные корабли занять подвѣтренное положеніе, исполняя этотъ маневръ самъ въ головѣ арьергарда, если было необходимо. Вѣтеръ позволялъ сдѣлать это, такъ какъ два командира дѣйствительно сражались съ подвѣтра; одинъ изъ нихъ безъ всякихъ приказаній, дѣйствуя по побужденіямъ своей собственной доброй воли и мужества, какъ бы предупреждая слова Нельсона, что «ни одинъ командиръ, который ставитъ свой корабль бортъ-о-бортъ съ непріятельскимъ, не можетъ дѣлать этимъ большой ошибки». Онъ заслужилъ особенное одобреніе Сюффрена, которое было уже само по себѣ и честью и наградой. Было ли неудовлетворительное поведеніе столь многихъ его товарищей слѣдствіемъ того, что они не были сильны въ морскомъ дѣлѣ или проявленіемъ партійнаго

духа и вѣроломной злонамѣренности, — это не важно для военнаго писателя вообще, но должно интересовать французскихъ офицеровъ, ревниво относящихся къ чести ихъ корпораціи. Жалобы Сюффрена, послѣ нѣсколькихъ, неудачъ, сдѣлались очень горячими.

„Я сердечно огорченъ“, писалъ онъ, „безпрестанными нарушеніями долга въ нашемъ флотѣ. Я только что потерялъ случай уничтожить англійскую эскадру... Всѣ — да, всѣ — могли бы подойти близко къ противнику, такъ какъ мы были на вѣтрѣ и впереди, и ни одинъ не сдѣлалъ этого. Нѣкоторые изъ нихъ вели себя храбро въ другихъ сраженіяхъ. Я могу приписать это только желанію привести крейсерство къ концу, злой волѣ и невѣжеству, такъ какъ подозрѣвать что-либо худшее я не рѣшаюсь. Результатъ былъ ужасенъ. Я долженъ сказать, вамъ, Monseigneur, что офицеры, которые долго были на Иль де Франсѣ, не моряки и не воины. Не моряки, такъ какъ они не были въ морѣ; а ихъ меркантильный духъ, независимый и недисциплинированный, безусловно противенъ воинскому духу“.

Это письмо, написанное послѣ его четвертаго сраженія съ Юзомъ, должно быть принято съ нѣкоторыми оговорками. Не только кажется, что самъ Сюффренъ, — поторопившійся въ этомъ послѣднемъ случаѣ по своей горячности, — былъ, частью, отвѣтственъ за безпорядокъ своего флота въ сраженіи, но нельзя не сказать, что и другія обстоятельства, а болѣе всего характеръ нѣкоторыхъ изъ порицавшихся имъ офицеровъ, дѣлаютъ обвиненіе ихъ въ огульной злонамѣренности преувеличеннымъ. Съ другой же стороны, правда, что послѣ четырехъ генеральныхъ сраженій, при численномъ превосходствѣ на сторонѣ французовъ, при такомъ искусномъ и энергичномъ начальникѣ, какимъ былъ Сюффренъ, англійская эскадра, говоря его собственными словами, «все еще существовала»; и не только существовала, но и не потеряла даже ни одного корабля. Единственное заключеніе, которое можно вывести изъ этого, высказано французскимъ морскимъ писателемъ: «Количество исчезло передъ качествомъ» (*). Не существенно, произошла ли неудача отъ неумѣнья или отъ злонамѣренности французскихъ командировъ.

Неудовлетворительность командировъ отдѣльныхъ судовъ, обнаружившаяся на полѣ битвы, не вліяла на общее веденіе кампаніи, гдѣ сказались качества одного только начальника.

(*) Troude: Batailles Navales.

Бой 17-го февраля, длившійся два часа, окончился, вслѣдствіе перемѣны вѣтра на юго-восточный, въ шесть часовъ пополудни. Англичане оказались такимъ образомъ на вѣтрѣ, и ихъ авангардные корабли получили возможность принять участіе въ сраженіи. Такъ какъ наступила ночь, то Сюффренъ въ половинѣ седьмаго привелъ со всею эскадрою къ вѣтру и легъ въ бейдевиндъ, на правый галсъ, на NO, тогда какъ Юзъ направился къ югу подъ малыми парусами. Капитанъ французскаго флота Шевалье утверждалъ, что Сюффренъ на слѣдующее утро намѣревался возобновить бой. Но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы принять мѣры, чтобы не упустить противника. Тактика Юза,— не вступать въ бой безъ какого-либо преимущества на своей сторонѣ, — слишкомъ ясна для того, чтобы допустить предположеніе, что онъ останется спокойно ждать атаки, при условіи полной неспособности къ бою одного своего корабля, *Exeter*, потерпѣвшаго такъ сильно вслѣдствіе сосредоточенія нападенія на него многихъ враговъ. Это настолько ясно, что дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ предположеніе о томъ, что Сюффренъ не желалъ возобновить бой сейчасъ же, видя естественное къ тому основаніе въ серьезныхъ поврежденіяхъ въ своемъ флотѣ и въ ненадежномъ поведеніи своихъ офицеровъ. На слѣдующее утро враждебные флоты были уже внѣ вида другъ друга. Продолжавшійся сѣверный вѣтеръ и печальное состояніе двухъ кораблей заставили Юза идти въ Тринкомале, гдѣ защищенная гавань позволила ему сдѣлать необходимыя исправленія. Сюффренъ, озабоченный своими транспортами, прошелъ къ Пондишери, гдѣ сталъ на якорь вмѣстѣ съ ними. Онъ хотѣлъ затѣмъ слѣдовать дальше, для нападенія на Негапатамъ; но командиръ сухопутныхъ войскъ предпочелъ дѣйствовать противъ Куддалора. Послѣ переговоровъ и соглашеній съ Гайдеромъ Али, армія высадилась къ югу отъ Порто-Ново и осадила Куддалоръ, который и сдался 4-го апрѣля.

Между тѣмъ Сюффренъ, горя желаніемъ дѣйствовать противъ главнаго предмета своихъ операцій, вышелъ опять въ море 23-го марта. Онъ надѣялся отрѣзать два линейные корабля, ожидавшіеся изъ Англіи, но запоздалъ: оба они (семидесяти четырехъ-пушечные) присоединились 30-го марта къ главнымъ си-

ламъ въ Мадрасѣ, куда Юзъ возвратился уже 12-го марта, послѣ двухнедѣльныхъ работъ по исправленію кораблей въ Тринкомале. Вскорѣ послѣ присоединенія къ нему упомянутаго подкрѣпленія, онъ отплылъ опять въ Тринкомале, съ войсками и военными припасами для гарнизона. 8-го апрѣля на сѣверо-востокѣ показалась эскадра Сюффрена, державшая также къ югу. Юзъ продержался на прежнемъ курсѣ въ этотъ и два слѣдующіе дня, при слабыхъ сѣверныхъ вѣтрахъ. 11-го числа, въ пятидесяти миляхъ къ сѣверу отъ Тринкомале, онъ увидѣлъ берегъ Цейлона и спустился по направленію къ порту. Утромъ 12-го числа опять показалась на сѣверо-востокѣ французская эскадра, подъ всѣми парусами, — очевидно стремившаяся догнать противника. Это было какъ разъ въ тотъ день, когда Родней и де Грассъ встрѣтились въ Вестъ-Индіи, но здѣсь противники помѣнялись ролями: здѣсь французы, а не англичане добивались боя.

Скорости отдѣльныхъ кораблей въ обѣихъ эскадрахъ были весьма различны; въ каждой имѣлись корабли, какъ обшитые мѣдью въ подводной части, такъ и не обшитые. Юзъ увидѣлъ, что худшіе ходоки его не въ состояніи уйти отъ лучшихъ ходоковъ противника, — условіе, которое всегда побуждаетъ отступающую силу въ концѣ концовъ рискнуть на бой, если только она не можетъ рѣшиться бросить арьергардные корабли, и которое показываетъ, что ради безопасности, а также и ради дѣйствительности эскадры, необходимо, чтобы въ ней суда одного и того же класса имѣли всѣ извѣстный минимумъ скорости. Та же самая причина, — опасное положеніе отдѣлившихся кораблей, — въ тотъ же день, на другомъ театрѣ войны, побудила де Грасса къ рискованному маневру, слѣдствіемъ котораго было большое для него несчастіе. Юзъ, по лучшимъ соображеніямъ, рѣшился сражаться, и въ девять часовъ утра построилъ свою линію на правомъ галсѣ (планъ XV, A), направивъ къ берегу свою эскадру въ стройномъ порядкѣ при промежуткахъ между кораблями въ два кабельтова (*). Мы приведемъ сначала описаніе боя въ донесеніи Юза, которое опять отличается отъ описанія Сюффрена

(*) Около 200 саженъ.

A
a
b
б
A
B
C
c
d
Планъ XV.
СЮФФРЕНЪ и ЮЗЪ
Апр. 12, 1782 г.
Вѣтеръ N.
Англ. 11 кораб.
Франц. 12 »

Тип. Эд. Гоппе.

и приписываетъ послѣднему тактику, вполнѣ несогласную съ тою, о какой говоритъ онъ самъ, и дѣлающую больше чести его искусству.

„Непріятель, — по направленію на NtO отъ насъ, въ разстояніи шести миль, при вѣтрѣ, близкомъ къ NtO, — продолжалъ маневрировать, измѣняя позиціи своихъ кораблей въ линіи до пятнадцати минутъ послѣ полудня, когда спустился (a) на насъ; при этомъ пять кораблей его авангарда прошли впередъ (b) для того, чтобы завязать бой съ кораблями нашего авангарда, а другіе семь кораблей (b') направились прямо на наши три центральные корабля: *Superbe*, его передній мателотъ *Monmouth*, и его задній мателотъ *Monarca*. Въ половинѣ втораго начали обмѣниваться выстрѣлами авангарды обѣихъ эскадръ; черезъ три минуты я сдѣлалъ сигналъ вступить въ бой. Французскій адмиралъ на *Héros* и младшій флагманъ сзади его, на *L'Orient*, (оба семидесяти четырехъ-пушечные) спустились къ *Superbe* (*) на пистолетный выстрѣлъ. *Héros* удерживалъ свое положеніе, сильно обстрѣливая противника и получая самъ жестокій огонь въ теченіе девяти минутъ, а затѣмъ, сильно поврежденный, атаковалъ *Monmouth*, сражавшійся въ это время съ другими непріятельскими кораблями, чѣмъ очистилъ мѣсто для своего арьергарда, чтобы послѣдній поддержалъ атаку нашего центра, гдѣ происходилъ самый жаркій бой. Въ три часа *Monmouth* потерялъ бизань-мачту, сбитую ядрами непріятеля, а черезъ нѣсколько минутъ и гротъ-мачту и вышелъ изъ линіи подъ вѣтеръ (C, c); а въ сорокъ минутъ четвертаго, такъ какъ вѣтеръ, вопреки ожиданію, продолжалъ заходить къ сѣверу, безъ всякаго морскаго бриза, и боясь посадить свои корабли на мель, я сдѣлалъ сигналъ повернуть черезъ фордевиндъ и затѣмъ привести въ бейдевиндъ, въ линіи баталіи, на лѣвомъ галсѣ, все еще сражаясь съ непріятелемъ“.

Въ этомъ бою, — самомъ жестокомъ изъ всѣхъ, состоявшихся между этими суровыми бойцами, — имѣло мѣсто крайнее сосредоточеніе силъ. Въ немъ англичане потеряли 137 человѣкъ убитыми и 430 ранеными на одиннадцати корабляхъ. Изъ этого числа два центральные корабля, флагманскій и его передній мателотъ, потеряли 104 убитыми и 198 ранеными, т. е. 53% всей потери эскадры, которой они составляли всего 18%. Эти потери были гораздо тяжелѣе, по отношенію къ размѣрамъ кораблей, чѣмъ павшія на долю головныхъ кораблей двухъ колоннъ при Трафальгарѣ (**).

(*) Англійскій и французскій флагманскіе корабли имѣютъ на планѣ большіе размѣры, чѣмъ остальные.

(**) *Victory*, корабль Нельсона при Трафальгарѣ, ста-пушечный, потерялъ 57 убитыми и 102 ранеными; корабль Юза, семидесяти четырехъ-пушечный, потерялъ 59 убитыми и 96 ранеными. Корабль Колингвуда, *Royal Sovereign*, также ста-пушечный, потерялъ 47 убитыми и 94 ранеными; *Monmouth*, шестидесяти четырехъ-пушечный, въ сраженіи Юза потерялъ 45 убитыми и 102 ранеными.

Матеріальныя поврежденія въ корпусѣ, рангоутѣ и т. п. были еще серьезнѣе. Англійская эскадра была совершенно разбита вслѣдствіе сосредоточенія непріятеля противъ малой части ея. Юзъ, будучи слабѣе противника, когда бой начался, сдѣлался еще слабѣе его черезъ выбытіе изъ строя двухъ кораблей, и свобода дѣйствій для Сюффрена еще усилилась.

Но насколько такое сосредоточеніе силъ Сюффрена было намѣреннымъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы должны обратиться къ страницамъ двухъ французскихъ писателей (*), которые основали свое повѣствованіе на его собственныхъ офиціальныхъ депешахъ, хранящихся въ морскомъ министерствѣ. О степени перевѣса французовъ въ описанномъ бою надо судить по сравненію несчастныхъ случаевъ и поврежденій, полученныхъ ихъ отдѣльными кораблями; такъ какъ очевидно, что если бы обѣ эскадры получили одинаковую сумму поврежденій, но при этомъ въ англійскомъ флотѣ послѣднія пали на два корабля, которые не могли бы поэтому изготовиться къ новому бою ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ или позже, тогда какъ у французовъ они распредѣлились между двѣнадцатью кораблями, позволивъ имъ быть готовыми къ новому бою уже черезъ нѣсколько дней, то пришлось бы признать, что побѣда, стратегически и тактически, осталась за французами (**).

Что касается цѣли Сюффрена, то ничто не указываетъ на то, что онъ хотѣлъ исполнить маневръ атаки, описанный Юзомъ. Имѣя двѣнадцать кораблей противъ одиннадцати англійскихъ, онъ намѣревался, кажется, послѣдовать обычнымъ англійскимъ пріемамъ, — построить линію, параллельную непріятельской, спуститься всѣмъ флотомъ вмѣстѣ и атаковать каждымъ своимъ кораблемъ соотвѣтственный корабль линіи противника. Къ этому онъ прибавилъ одну простую комбинацію: двѣнадцатый французскій корабль, не имѣя противника, долженъ былъ сражаться съ арьергарднымъ англійскимъ кораблемъ, съ подвѣтренной его стороны, чѣмъ послѣдній ставился,

(*) Troude: Batailles Navales; Chevalier: Histoire de la Marine Française.

(**) Это замѣчаніе, кажется, слишкомъ очевиднымъ само по себѣ, чтобы нуждаться въ доказательствѣ; тѣмъ не менѣе можно спросить, причисляютъ ли моряки вообще эту истину къ числу аксіомъ.

слѣдовательно, въ два огня. Въ дѣйствительности сосредоточеніе противъ авангарда и центра, какое описываетъ Юзъ, въ тактическомъ отношеніи ниже подобнаго же сосредоточенія противъ центра и арьергарда колонны. Это замѣчаніе вѣрно даже по отношенію къ паровымъ судамъ, которыя, хотя и менѣе подвержены потерѣ движущей силы, все-таки же должны повернуть на 16 румбовъ для того, чтобы перейти изъ авангарда въ арьергардъ, необходимо теряя при этомъ много драгоцѣнныхъ секундъ; но оно еще болѣе вѣрно по отношенію къ парусным судамъ, особенно при слабыхъ перемѣнныхъ вѣтрахъ, которые характеризуютъ время смѣны муссоновъ, когда именно и происходило сраженіе. Нельсонъ рѣзко выражалъ свое презрѣніе къ современному ему русскому флоту, говоря, что не задумался бы атаковать его авангардъ, въ расчетѣ на приведеніе этимъ въ разстройство всей его линіи, вслѣдствіе недостаточнаго искусства въ морскомъ дѣлѣ въ средѣ русскихъ моряковъ; но, хотя и не будучи много лучшаго мнѣнія объ испанцахъ, онъ сосредоточилъ главную атаку на арьергардъ союзныхъ флотовъ при Трафальгарѣ. Имѣя же дѣло съ такими моряками, какими были командиры кораблей флота Юза, было бы тѣмъ болѣе ошибочно атаковать авангардъ, вмѣсто арьергарда: только мертвый штиль могъ бы вынудить послѣдній не принимать участія въ бою.

Приведемъ теперь описаніе атаки Сюффрена капитаномъ Шевалье. Послѣ упоминанія о построеніи Юза въ кильватеръ на правомъ галсѣ, онъ говоритъ: —

„Этому маневру подражали французы, и обѣ эскадры составляли параллельныя линіи, лежа приблизительно къ WNW (A, A). Въ одиннадцать часовъ, когда наша линія хорошо выровнялась, Сюффренъ сдѣлалъ сигналъ спуститься на WSW всѣмъ вмѣстѣ. Наши корабли плохо сохраняли свои мѣста въ строѣ, и авангардъ, составленный изъ лучшихъ ходоковъ, подошелъ первый на дистанцію пушечнаго выстрѣла къ непріятелю (*). Въ часъ передовые корабли англійскаго флота открыли огонь по *Vengeur* и *Artésien* (французскій авангардъ). Эти два корабля, приведя въ бейдевиндъ (*) для отвѣта на огонь непріятеля (**), сейчасъ же получили приказаніе опять спуститься. Сюффренъ, который желалъ рѣшительнаго боя, сохранялъ свой

(*) Какъ и всегда бываетъ.

(**) Т. е. подставивъ непріятелю бортъ вмѣсто того, чтобы приближаться къ нему.

курсъ, принимая безъ отвѣта выстрѣлы, направленные на его корабль. Подойдя на пистолетный выстрѣлъ къ *Superbe*, онъ привелъ къ вѣтру (B), и на его гротъ-мачтѣ появился сигналъ открыть огонь. Такъ какъ у адмирала Юза было только одиннадцать кораблей, то *Bizarre*, согласно диспозиціи, предписанной нашимъ главнокомандующимъ, долженъ былъ атаковать съ кормы арьергардный корабль англійскаго флота и обойти его съ подвѣтра. Въ моментъ, когда раздались первые пушечные выстрѣлы, наши худшіе ходоки не были еще на своихъ мѣстахъ. Повинуясь буквѣ, а не духу приказаній коммодора, капитаны этихъ кораблей привели къ вѣтру въ то же самое время, какъ предшествовавшіе имъ. Результатомъ этого вышло то, что французская линія образовала кривую (B), въ авангардѣ которой были *Artésien* и *Vengeur*, а въ арьергардѣ — *Bizarre*, *Ajax* и *Seévère*, — почему эти корабли и находились очень далеко отъ тѣхъ, которые соотвѣтствовали имъ въ непріятельской линіи".

Очевидно изъ всего этого описанія, составленнаго горячимъ поклонникомъ Сюффрена, имѣвшимъ полный доступъ къ офиціальнымъ бумагамъ, что французскій начальникъ задумалъ атаку, элементарную по замыслу и трудную по исполненію. Чтобы хорошо сохранять строй при свободномъ ходѣ, нужно большое искусство, особенно когда корабли имѣютъ различныя скорости, какъ это и было въ эскадрѣ Сюффрена. Чрезвычайныя поврежденія, которыя потерпѣли *Superbe* и *Monmouth*, неоспоримо вслѣдствіе сосредоточенія огня на нихъ, не могутъ быть приписаны диспозиціи Сюффрена. «Поврежденія, полученныя флагманскимъ кораблемъ *Héros* въ началѣ боя, не позволили ему оставаться возлѣ *Superbe*. Не будучи въ состояніи обстенить своевременно марсель, такъ какъ брасы на немъ были перебиты, онъ прошелъ впередъ и могъ задержаться только на траверзѣ *Monmouth*» (*). Это объясняетъ бѣдствіе послѣдняго корабля, уже потерпѣвшаго поврежденія и теперь атакованнаго сильнѣйшимъ противникомъ. *Superbe* освободился отъ Сюффрена только для того, чтобы быть атакованнымъ слѣдующимъ французскимъ кораблемъ, одинаково сильнымъ; и когда *Monmouth* сдрейфовалъ или спустился подъ вѣтеръ, то и французскій флагманскій корабль также подрейфовалъ, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній онъ обстрѣливалъ *Superbe* по носу изъ своихъ кормовыхъ орудій (C, d). Одновременно съ этимъ *Superbe* былъ еще атакованъ съ траверза

(*) Chevalier.

и съ кормы двумя французскими кораблями, которые,—по сигналу или нѣтъ, — пришли на помощь своему коммодору.

Разсмотрѣніе результатовъ боя показываетъ, что у французовъ потери распредѣлились гораздо равномѣрнѣе, чѣмъ у англичанъ. По крайней мѣрѣ три корабля послѣднихъ окончили бой, не потерявъ ни одного человѣка; тогда какъ у французовъ такое благополучіе досталось на долю только одного корабля. Съ особеннымъ жаромъ, кажется, сражались три французскіе корабля, — два семидесяти четырехъ-пушечные и одинъ шестидесяти четырехъ-пушечный, — до нѣкоторой степени случайно сосредоточившіе свой огонь противъ двухъ англійскихъ, изъ которыхъ одинъ былъ семидесяти четырехъ-а другой — шестидесяти четырехъ-пушечный. Если враждебные корабли соотвѣтствующихъ ранговъ были равносильны, и если считать только по одному борту, то выходитъ, что сто шесть французскихъ орудій дѣйствовали противъ шестидесяти девяти англійскихъ.

Поведеніе адмирала Юза въ теченіе трехъ дней, предшествовавшихъ сраженію, подверглось со стороны нѣкоторыхъ лицъ неодобрительной критикѣ за то, что онъ воздерживался отъ нападенія на французовъ, хотя они бо́льшую часть времени были подъ вѣтромъ, имѣя перевѣсъ надъ англичанами только въ одномъ кораблѣ и при томъ идя въ значительно растянутомъ строѣ. Полагали, что Юзъ имѣлъ случай разбить противника по частямъ (*). Дошедшія до насъ свѣдѣнія слишкомъ скудны для того, чтобы можно было основательно обсуждать такое мнѣніе, которое, вѣроятно, было отраженіемъ кают-компанейскихъ толковъ молодыхъ офицеровъ флота. Отчетъ самого Юза о положеніи обоихъ флотовъ не ясенъ и въ одной важной подробности прямо противорѣчитъ французскому. Если же вышеупомянутый случай дѣйствительно представлялся англійскому адмиралу, то послѣдній, не захотѣвъ воспользоваться имъ, слѣдовательно, придержался рѣшенія, съ которымъ отплылъ, — не искать и не избѣгать непріятеля, но идти прямо въ Тринкомале для высадки войскъ и выгрузки припасовъ, бывшихъ у него на корабляхъ. Другими словами,

(*) Annual Register, 1782.

въ такомъ случаѣ онъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ скорѣе французскою, чѣмъ англійскою морскою политикою, — пожертвованіемъ возможною атакою непріятельскаго флота въ пользу частной цѣли. Если по этой причинѣ онъ дѣйствительно упустилъ благопріятный случай сразиться съ врагомъ при выгодныхъ для себя условіяхъ, то конечно въ результатахъ описаннаго сейчасъ боя имѣлъ основанія горько сожалѣть о томъ; но за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній, самое интересное, на что мы можемъ указать, это — впечатлѣніе, произведенное боемъ на общество и на моряковъ въ Англіи: оно рельефно показываетъ, въ какой сильной мѣрѣ послѣдняя считала атаку непріятельскаго флота первѣйшей обязанностью своего адмирала. Можно также сказать, что если бы Юзъ атаковалъ противника, то едва ли бы ему пришлось хуже, чѣмъ пришлось на самомъ дѣлѣ оттого, что онъ дождался нападенія; и конечно онъ потерпѣлъ бы еще больше, если бы командиры эскадры Сюффрена были такъ же хороши, какъ его.

Послѣ сраженія, къ закату солнца, обѣ эскадры стали на якорь, предполагая, что глубина въ томъ мѣстѣ около пятнадцати саженъ; по вслѣдствіе невѣрнаго промѣра три французскіе корабля приткнулись къ коралловымъ рифамъ. Здѣсь противники оставались цѣлую недѣлю въ разстояніи двухъ миль другъ отъ друга, исправляя поврежденія. Юзъ, вслѣдствіе разбитаго состоянія своего корабля *Monmouth*, ожидалъ атаки; однако Сюффренъ, окончивъ свои исправленія 19-го числа, снялся съ якоря и остался здѣсь въ теченіе сутокъ, приглашая противника къ бою, но не желая начинать его самъ. Онъ понялъ состояніе непріятеля такъ живо, что чувствовалъ необходимость оправдать свой поступокъ передъ морскимъ министромъ, что и сдѣлалъ, указавъ въ своемъ объясненіи на восемь причинъ, останавливаться на которыхъ здѣсь нѣтъ необходимости. Замѣтимъ только, что послѣдняя состояла въ недостаткѣ способностей и единодушной поддержки со стороны подначальныхъ ему командировъ.

Невѣроятно, чтобы Сюффренъ впалъ въ заблужденіе въ сторону излишней осторожности. Напротивъ, наиболѣе отличительный его недостатокъ, какъ главнокомандующаго, состоялъ

въ горячности, которая, при видѣ непріятеля, переходила въ рѣзкое нетерпѣніе и увлекала его иногда въ бой слишкомъ поспѣшно и не въ надлежащемъ строѣ. Но если въ деталяхъ управленія боемъ, въ своихъ тактическихъ комбинаціяхъ, Сюффренъ и терпѣлъ неудачи вслѣдствіе своей пылкости и неисполненія долга со стороны бо́льшей части командировъ кораблей, то въ общемъ веденіи кампаніи, въ стратегіи, — гдѣ личныя качества главнокомандующаго и сказываются главнымъ образомъ, — его превосходство было очевидно и вѣнчалось блестящимъ успѣхомъ. Тамъ пылкость его выказывалась въ энергіи, — неутомимой и заразительной. Страстность его горячей провансальской крови преодолѣвала затрудненія, создавала рессурсы изъ ничего и чувствовалась на каждомъ кораблѣ, бывшемъ подъ его командой. Нѣтъ военнаго урока болѣе поучительнаго и болѣе продолжительнаго значенія, чѣмъ быстрота и сообразительность, съ которыми онъ, не имѣя ни порта, ни припасовъ, постоянно держалъ въ готовности къ бою свой флотъ, пока его медлительный противникъ мелочно копался надъ своими исправленіями.

Сраженіе принудило англичанъ оставаться бездѣятельными въ теченіе шести недѣль, пока *Monmouth* былъ окончательно исправленъ. Къ несчастью положеніе Сюффрена не позволяло ему сейчасъ же начать наступательныя дѣйствія. У него не хватало людей, провизіи и, особенно, запаснаго рангоута и такелажа. Въ офиціальномъ письмѣ послѣ сраженія онъ писалъ: «я не имѣю запасныхъ матеріаловъ для исправленія такелажа; на эскадрѣ недостаетъ, по крайней мѣрѣ, двѣнадцати запасныхъ стенегъ». Транспорты съ необходимыми припасами ожидались въ Пуантъ де Галле (Point de Galles), который, какъ и весь Цейлонъ, за исключеніемъ Тринкомале, былъ тогда еще голландскимъ владѣніемъ. Сюффренъ, поэтому, сталъ на якорь въ Батакало, къ югу отъ Тринкомале, расположившись такимъ образомъ между Юзомъ и могущими придти съ моря англійскими кораблями, и благопріятно для защиты конвоировавшихся имъ судовъ, которыя присоединились къ нему здѣсь. 3-го іюня онъ отплылъ въ Транкебаръ (Tranquebar), — датское владѣніе, — въ которомъ оставался

двѣ или три недѣли, создавъ этимъ источникъ безпокойства на коммуникаціонной линіи англичанъ между Мадрасомъ и ихъ флотомъ въ Тринкомале. Послѣ того онъ отплылъ въ Куддалоръ, для сношеній съ начальникомъ сухопутныхъ силъ и Гайдеромъ Али. Послѣдняго онъ нашелъ въ состояніи сильнаго недовольства слабымъ содѣйствіемъ со стороны французскаго военачальника. Сюффренъ, однако, съумѣлъ пріобрѣсть расположеніе Гайдера, и тотъ выразилъ желаніе видѣть его на обратномъ пути изъ замышлявшейся имъ тогда экспедиціи: вѣрный своему правильному инстинкту, коммодоръ стремился опять встрѣтиться съ англійскимъ флотомъ, *послѣ* пораженія котораго онъ намѣревался атаковать Негапатамъ. Онъ не страдалъ предразсудкомъ своихъ товарищей по проффесіи; онъ всегда имѣлъ въ виду необходимость, какъ политическую, такъ и стратегическую, поддерживать союзъ съ султаномъ и упрочить господство и на морскомъ побережьѣ и внутри страны; но онъ ясно сознавалъ, что первымъ шагомъ къ этому было обезпеченіе обладанія моремъ черезъ уничтоженіе англійскаго флота. Настойчивость и энергія, съ какими онъ преслѣдовалъ эту цѣль, несмотря на большія препятствія, а также ясность, съ какою онъ видѣлъ ее, составляютъ отличительныя заслуги Сюффрена среди группы французскихъ флотоводцевъ, равныхъ ему по мужеству, но связанныхъ путами ложной традиціи и преслѣдованіемъ ложнаго предмета дѣйствій.

Между тѣмъ Юзъ, поставивъ временныя мачты на *Monmouth*, ушелъ въ Тринкомале, гдѣ исправлялись другія поврежденія на его эскадрѣ и гдѣ были высажены на берегъ больные; но очевидно, что, — какъ это было выше уже упомянуто, — англичане владѣли портомъ еще не достаточно долго для того, чтобы оборудовать его и завести тамъ складъ необходимыхъ припасовъ, такъ какъ онъ говоритъ: «я буду въ состояніи поставить новыя мачты на *Monmouth* изъ запаснаго рангоута нѣсколькихъ кораблей». Несмотря на то, его средства превосходили тѣ, которыя имѣлись въ распоряженіи его противника. Въ теченіе стоянки Сюффрена въ Транкебарѣ, затруднявшей для англичанъ сообщенія между Мадрасомъ и Тринкомале, Юзъ все еще оставался спокойно въ послѣднемъ портѣ,

отплывъ въ Негапатамъ только 23-го іюня, днемъ позже того, какъ Сюффренъ достигъ Куддалора. Враждебныя эскадры такимъ образомъ опять сблизились, и Сюффренъ поспѣшилъ приготовленіями къ атакѣ, какъ только услышалъ, что противникъ находится тамъ, гдѣ можно застичь его. Юзъ ожидалъ его.

Прежде своего отплытія, однако, Сюффренъ нашелъ случай написать домой: «Со времени моего прибытія на Цейлонъ, — частью при помощи голландцевъ, частью благодаря взятымъ нами призамъ, — эскадра снабжена на шестимѣсячную кампанію въ морѣ; а запасомъ пшеницы и риса я обезпеченъ болѣе, чѣмъ на годъ». Это пріобрѣтеніе было справедливымъ источникомъ гордости и довольства собою. Безъ порта и лишенный средствъ, французскій коммодоръ обезпечилъ себя лучше, чѣмъ его противникъ, къ услугамъ котораго были транспорты и торговыя суда. Такой результатъ былъ слѣдствіемъ находчивости Сюффрена и дѣятельности его крейсеровъ, вдохновлявшейся имъ самимъ. А между тѣмъ у него было всего только два фрегата, — классъ судовъ, на который адмиралъ долженъ, главнымъ образомъ, опираться въ такихъ хищническихъ военныхъ дѣйствіяхъ. 23-го марта, какъ провизія, такъ и другіе запасы его были почти на исходѣ. Шесть тысячъ долларовъ деньгами и провизія конвоировавшихся имъ судовъ были его единственными средствами. Съ тѣхъ поръ онъ выдержалъ суровый бой, имѣвшій послѣдствіями огромную убыль въ командѣ, порчу такелажа и расходъ боевыхъ припасовъ. Послѣ этого боя 12-го апрѣля у него оставалось пороху и снарядовъ только для одного такого же суроваго боя. Три мѣсяца спустя, онъ уже могъ донести своему начальству, какъ выше упомянуто, что можетъ оставаться въ морѣ еще шесть мѣсяцевъ безъ дальнѣйшихъ снабженій. Такимъ результатомъ онъ былъ обязанъ всецѣло самому себѣ, своей самодѣятельности и, можно сказать безъ преувеличенія, великому уму. Этого не ожидали въ Парижѣ; напротивъ, тамъ полагали, что эскадрѣ придется возвратиться для пополненія всего необходимаго къ Иль де Франсу. Не думали, чтобы было возможно обезпечить удовлетворительныя

условія у враждебнаго берега, такъ далеко отъ ближайшей базы. Сюффренъ думалъ иначе; онъ разсчиталъ, съ чисто военнымъ взглядомъ на вещи и истиннымъ пониманіемъ значенія своего дѣла, что успѣхъ операцій въ Индіи обусловливался обладаніемъ моря и слѣдовательно непрерывнымъ нахожденіемъ тамъ его эскадры. Онъ не побоялся попытаться сдѣлать то, что всегда считалось невозможнымъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить эту твердость духа, носящую отпечатокъ генія, ее надо разсмотрѣть, по отношенію къ обстоятельствамъ, современной Сюффрену эпохи и эпохи, предшествующей ей.

Сюффренъ родился 17-го іюля 1729 года и во время войнъ 1739 и 1756 годовъ былъ уже на службѣ. Въ первый разъ онъ былъ подъ огнемъ въ Тулонскомъ сраженіи Маттьюса, 22-го февраля 1744 года. Онъ былъ современникомъ д'Эстэнга, де Гишена и де Грасса и слѣдовательно жилъ ранѣе дней Французской Революціи, когда возстаніе народа показало людямъ какъ часто бываетъ возможнымъ то, что привыкли считать невозможнымъ (*), ранѣе тѣхъ дней, когда Нельсонъ и Наполеонъ надсмѣялись надъ словомъ невозможность. Его образъ дѣйствій имѣлъ, поэтому, въ то время еще и другую заслугу — оригинальность; но его возвышенный характеръ былъ способенъ на еще болѣе высокія проявленія. Убѣжденный въ необходимости удержать эскадру на ея станціи, онъ осмѣлился не только игнорировать ропотъ своихъ офицеровъ, но и экстренныя приказанія правительства. Придя въ Батакало, онъ нашелъ тамъ депеши, требовавшія возвращенія его къ Иль де Франсу. Вмѣсто того, чтобы повиноваться имъ, какъ средству снять съ себя бремя отвѣтственности, онъ ослушался ихъ, давъ свои объясненія и заявивъ, что на мѣстѣ онъ могъ лучше судить, чѣмъ министръ въ Европѣ о томъ, чего требовали обстоятельства. Такой вождь заслуживалъ лучшихъ подчиненныхъ и лучшаго сотоварища, чѣмъ тотъ, какого

(*) Въ оригиналѣ сказано сильнѣе: «how often impossibilities are not impossible»; въ буквальномъ переводѣ это значитъ: «какъ часто невозможности бываютъ не невозможны» и напоминаетъ надпись «Небываемое бываетъ», украшающую медаль, которая выбита была по повелѣнію Государя Петра I въ память сраженія при устьѣ р. Невы, 7-го мая 1701 года, когда были взяты въ плѣнъ два шведскія судна: 8-пуш. шнява *Астрильдъ* и 12-пуш. ботъ *Геданъ*. Н. А.

Планъ XVI. СЮФФРЕНЪ и ЮЗЪ. Іюля 6, 1782 г.
Франц. 11 корабл.
Англ. 11 »
Положеніе I
Вѣтеръ SW.
Положеніе II
Вѣтеръ SSO.
Положеніе III
Вѣтеръ SSO.
a
a'
a"
b
s
ТИП. ЕД. ГОППЕ

онъ имѣлъ въ начальникѣ сухопутныхъ силъ. Позволяли или нѣтъ условія общей морской борьбы уничтожить англійское остъ-индское владычество, — это остается сомнительнымъ; но вѣрно то, что между всѣми адмиралами трехъ націй не было ни одного, который былъ бы такъ способенъ достигнуть такого результата, какъ Сюффренъ. Мы увидимъ его въ болѣе суровыхъ испытаніяхъ и всегда на высотѣ положенія.

Послѣ полудня 5-го іюля эскадра Сюффрена пришла на видъ англійской, стоявшей на якорѣ у Куддалора. Черезъ часъ внезапный шквалъ снесъ гротъ- и крюйсъ-стеньги у одного изъ французскихъ кораблей. Адмиралъ Юзъ снялся съ якоря, и оба флота маневрировали всю ночь. На слѣдующій день выгодный вѣтеръ позволилъ англичанамъ занять навѣтренное положеніе; противники шли оба въ линіи баталіи правымъ галсомъ, держа на SSO, при вѣтрѣ отъ SW. Такъ какъ потерпѣвшій аварію французскій корабль провелъ ночь въ непростительной бездѣятельности, не исправивъ своихъ поврежденій, то число кораблей, готовыхъ къ сраженію, было съ каждой стороны одинаковое, — по одиннадцати. Въ одиннадцать часовъ утра англичане спустились всѣ вмѣстѣ и атаковали противника, — корабль противъ корабля; но, какъ и бываетъ обыкновенно при такихъ условіяхъ, арьергардные корабли не подошли такъ близко къ противнику, какъ бывшіе впереди ихъ (планъ XVI, положеніе I). Капитанъ Шевалье старательно выставляетъ на видъ, что ихъ неудача была прекраснымъ возмездіемъ за неудачу французскаго арьергарда 12-го апрѣля (*), но упускаетъ замѣтить въ этомъ сопоставленіи, что французскій авангардъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и снова затѣмъ, 3-го

(*) Британское описаніе существенно отличается отъ французскаго въ объясненіи причины недостаточнаго сближенія враждебныхъ арьергардовъ. «Въ этомъ сраженіи на долю *Monmouth* не выпалъ жребій принять серьезное участіе, такъ какъ арьергардъ непріятеля былъ такъ далеко подъ вѣтромъ, что корабли британскаго арьергарда не могли даже и при благопріятномъ вѣтрѣ сблизиться съ ними безъ значительнаго нарушенія своего строя» (Memoir of Captain Alms, Navale Chronicle, vol. II). Такія противорѣчія обычны и не нуждаются въ соглашеніи ихъ между собою, за исключеніемъ случая, когда это требуется для какой-либо частной цѣли. Алмсъ (Alms), кажется, былъ не только первокласснымъ морякомъ, но и офицеромъ, способнымъ къ рѣшительной и независимой дѣятельности; его объясненіе, вѣроятно, вѣрно.

сентября, маневрировалъ такъ же плохо, какъ и арьергардъ. У внимательнаго читателя остается мало сомнѣнія въ томъ, что, въ общемъ, французскіе командиры, какъ моряки, были ниже своихъ противниковъ. Въ теченіе первой части боя четвертый корабль во французской линіи, *Brilliant* (a), потерялъ свою гротъ-мачту, вышелъ изъ линіи (a′) и сдался постепенно назадъ и подъ вѣтеръ (a″).

Въ часъ пополудни, когда бой сдѣлался наиболѣе жаркимъ, вѣтеръ внезапно перемѣнился къ SSO, задувъ въ лѣвую скулу кораблей (положеніе II). Четыре англійскіе корабля,— *Burford*, *Sultan* (s), *Worcester* и *Eagle*,—увидѣвъ своевременно перемѣну вѣтра, придержались влѣво, къ линіи французовъ; другіе же были застигнуты врасплохъ, паруса ихъ обстенились, и они увалились подъ вѣтеръ. Французскіе же корабли, за исключеніемъ двухъ, *Brilliant* (a) и *Sévère* (b), рыскнули влѣво. Такимъ образомъ, вслѣдствіе перемѣны вѣтра, главныя части враждебныхъ флотовъ разошлись и только четыре англійскіе корабля сошлись съ двумя французскими. Правильность строя была нарушена. *Brilliant*, оставшійся далеко назади, попалъ подъ огонь двухъ вышеупомянутыхъ англійскихъ арьергардныхъ кораблей, *Worcester* и *Eagle*, которые приблизились къ нему. Сюффренъ лично пришелъ къ нему на помощь (положеніе III, a) и прогналъ англичанъ, которымъ угрожало также приближеніе двухъ другихъ французскихъ кораблей, повернувшихъ черезъ фордевиндъ въ исполненіе сигнала и направившихся на западъ. Пока происходила эта частная схватка, другой французскій корабль, *Sévère* (b), былъ атакованъ англійскимъ *Sultan* (s) и, — если вѣрить французскому капитану де Силларъ (M. de Cillart),—еще двумя другими англійскими кораблями. По положенію его въ линіи вѣроятно, что *Burford* также атаковалъ его. Какъ бы то ни было, только *Sévère* спустилъ свой флагъ; но въ то время, когда *Sultan* уходилъ отъ него, поворачивая черезъ фордевиндъ, онъ возобновилъ огонь, обстрѣливая противника продольно. Приказаніе сдаться, отданное французскимъ командиромъ и приведенное въ исполненіе формальнымъ, общепринятымъ заявленіемъ, было игнорировано его подчиненными, которые стрѣляли по непріятелю, когда флагъ на ихъ кораблѣ былъ уже спущенъ. Въ дѣй-

ствительности поступокъ французовъ въ этомъ случаѣ подходитъ подъ постыдный терминъ *ruse de guerre*, но было бы несправедливо утверждать, что онъ былъ сдѣланъ намѣренно. Взаимныя положенія противниковъ были таковы, что *Sultan* не могъ бы обезпечить за собою своего приза: приближались другіе французскіе корабли, которые должны были отбить его. Негодованіе подчиненныхъ французскихъ офицеровъ на слабость своего командира, поэтому, заслуживаетъ оправданія; ихъ отказъ повиноваться ему можетъ быть извиненъ имъ, какъ людямъ, ставшимъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о неожиданномъ отнятіи у нихъ чести въ пылу сраженія и при болѣзненномъ ощущеніи стыда. Несмотря на то, нельзя не сказать что щепетильная добросовѣстность, кажется, требовала, чтобы они ждали освобожденія своего отъ другихъ рукъ, не связанныхъ поступкомъ ихъ командира; или, по крайней мѣрѣ, чтобы пощадившій ихъ противникъ не пострадалъ отъ нихъ. Капитанъ, отрѣшенный отъ должности, отправленный домой Сюффреномъ и разжалованный королемъ, жестоко скомпрометировалъ себя въ попыткѣ оправдаться: «Когда капитанъ де Силларъ увидѣлъ, что французская эскадра удалялась,—ибо всѣ корабли, за исключеніемъ *Brilliant*, легли на другой галсъ,— онъ полагалъ, что безполезно уже продолжать обороняться и спустилъ флагъ. *Корабли, сражавшіеся съ нимъ, немедленно прекратили свой огонь*, и тотъ, который былъ справа отъ него, началъ удаляться. Въ этотъ моментъ *Sévère* спустился вправо, и его паруса наполнились; капитанъ де Силларъ приказалъ тогда возобновить огонь изъ орудій нижней батареи,— единственной, въ которой прислуга была еще на своихъ мѣстахъ, и присоединился къ своей эскадрѣ (*)».

Это сраженіе было единственнымъ изъ пяти сраженій Сюф-

(*) Troude: Batailles Navales. Съ корабля Сюффрена было видно, что флагъ на *Sévère* былъ спущенъ; но онъ полагалъ, что причиною этому были перебитые фалы. На слѣдующій день Юзъ послалъ капитана *Sultan*'а требовать передачи ему корабля, заявившаго о сдачѣ. Требованіе это, конечно, не могло быть исполнено. «*Sultan*», говоритъ Трудъ, «который долженъ былъ подойти къ противнику и лечь въ дрейфъ, чтобы взять *Sévère*, сдѣлался жертвой своего поступка; онъ одинъ выдерживалъ въ теченіе нѣкотораго времени, безъ отвѣта съ своей стороны, весь огонь непріятеля».

френа у береговъ Индіи, въ которомъ англійскій адміралъ былъ нападающимъ. Въ немъ нельзя найти никакого указанія на какія-либо военныя соображенія или тактическія комбинаціи; но съ другой стороны, Юзъ постоянно выказывалъ способности, сообразительность и предусмотрительность искуснаго моряка, такъ же, какъ и несомнѣнное мужество. Онъ былъ, поистинѣ, превосходнымъ представителемъ средняго англійскаго морскаго офицера середины XVIII столѣтія; и если нельзя не осуждать общаго невѣжества его въ самой важной части его профессіи, то полезно замѣтить, въ какой мѣрѣ полное обладаніе другими ея деталями и настойчивая рѣшимость не уступать противнику вознаграждали этотъ серьезный недостатокъ. Какъ римскіе легіоны часто исправляли ошибки своихъ начальниковъ, такъ и англійскіе командиры и матросы часто спасали то, что терялось ошибками ихъ адміраловъ, — ошибками, которыхъ ни командиръ, ни матросы не понимали и даже, вѣроятно, не подозрѣвали. Нигдѣ эти солидныя качества не выказывались такъ ясно, какъ въ сраженіяхъ Сюффрена, потому что нигдѣ въ другихъ случаяхъ имъ и не предъявлялись такія требованія. Нѣтъ въ морскихъ лѣтописяхъ болѣе великолѣпныхъ примѣровъ отчаяннаго, но все-таки полезнаго сопротивленія подавлявшему неравенству, чѣмъ явленные кораблями *Monmouth*, 12-го апрѣля, и *Exeter*, — 17-го февраля. Одинъ случай, разсказывавшійся о послѣднемъ кораблѣ, стоитъ привести здѣсь. «Въ концѣ боя, когда *Exeter* былъ уже въ разрушенномъ состояніи, старшій офицеръ подошелъ къ коммодору Кингу (King) спросить его, что дѣлать съ кораблемъ, такъ какъ два противника опять спускались къ нему. Коммодоръ лаконически отвѣчалъ: *ничего не надо дѣлать, какъ только сражаться, пока онъ не потонетъ*» (*). Онъ былъ спасенъ.

Сюффренъ, напротивъ, потерялъ въ это время всякое терпѣніе въ раздраженіи на дурное поведеніе своихъ командировъ. Силларъ былъ отправленъ домой; но кромѣ него еще два другіе командира, — люди съ сильными связями, и одинъ изъ нихъ

(*) Annual Register, 1782.

родственникъ самого Сюффрена, — были отрѣшены отъ командованія. Какъ ни была необходима и умѣстна эта мѣра, немногіе, кромѣ Сюффрена, рѣшились бы на нее; потому, что, насколько тогда было ему извѣстно, онъ былъ еще только капитаномъ перваго ранга, а даже и адмираламъ не было позволено такое обращеніе съ подчиненными офицерами. «Вы, можетъ быть, будете сердиты, Monseigneur», писалъ онъ, «на то, что я не прибѣгнулъ къ строгости раньше; но я прошу васъ помнить, что уставъ не даетъ этой власти даже офицеру въ генеральскихъ чинахъ, въ каковыхъ я не состою».

Превосходство энергіи и воинскихъ качествъ Сюффрена начало особенно замѣтно вліять на исходъ борьбы между нимъ и Юзомъ непосредственно послѣ сраженія 6-го іюля. Борьба была суровая; но воинскія качества начали брать верхъ, какъ это конечно и должно было быть. Убыль въ людяхъ въ послѣднемъ сраженіи была въ пользу англичанъ въ отношеніи одного къ тремъ; съ другой стороны, англійскій флотъ повидимому пострадалъ болѣе противника въ парусахъ и въ рангоутѣ, — въ движущей силѣ. Оба флота стали на якорь вечеромъ, — англичане близъ Негапатама, французы — подъ вѣтромъ, близъ Куддалора. 18-го іюля Сюффренъ былъ опять готовъ къ выходу въ море, тогда какъ въ тотъ же день Юзъ еще только рѣшился идти въ Мадрасъ для окончанія своихъ исправленій. Сюффренъ былъ еще затѣмъ задержанъ политической необходимостью оффиціальнаго визита къ Гайдеръ Али, послѣ котораго отплылъ въ Батакало и, прибывъ туда 9-го августа, ожидалъ тамъ припасовъ и подкрѣпленій изъ Франціи. 21-го послѣдніе прибыли, и два дня спустя онъ отплылъ, теперь съ четырнадцатью линейными кораблями, въ Тринкомале, ставъ на якорь близъ города 25-го числа. На слѣдующую ночь войска были высажены на берегъ, батареи возведены и поведена энергичная атака. 30-го и 31-го два форта, составлявшіе оборонительную силу атакованныхъ, сдались, и этотъ важнѣйшій портъ перешелъ въ руки французовъ. Убѣжденный, что Юзъ долженъ скоро появиться здѣсь, Сюффренъ согласился съ готовностью на соблюденіе по отношенію къ побѣжденнымъ всѣхъ воинскихъ почестей, какія потребовалъ губернаторъ,

удовольствовавшись только существеннымъ результатомъ. Черезъ два дня, 2-го сентября вечеромъ, англійскій флотъ былъ усмотрѣнъ французскими сторожевыми фрегатами.

Въ теченіе шести недѣль, которыми Сюффренъ воспользовался такъ дѣятельно и производительно, англійскій адмиралъ оставался спокойно на якорѣ, исправляя поврежденія. Нѣтъ ни одного точнаго извѣстія, которое позволило бы рѣшить, насколько такая продолжительная стоянка его была неизбѣжна; но, имѣя въ виду хорошо извѣстное искусство англійскихъ моряковъ той эпохи въ ихъ профессіи, едва ли можно сомнѣваться, что, обладай Юзъ неутомимой энергіей своего великаго соперника, онъ могъ бы выиграть тѣ нѣсколько дней, которые рѣшили судьбу Тринкомале, и дать сраженіе для спасенія этого порта. Въ самомъ дѣлѣ, такое мнѣніе подсказывается донесеніями самого Юза, указывающими, что 12-го августа корабли были почти готовы; и тѣмъ не менѣе, хотя и ожидая нападенія на Тринкомале, онъ не отплылъ до 20-го числа. Потеря этой гавани принудила его покинуть восточный берегъ, который сдѣлался не безопаснымъ при приближеніи сѣверо-восточнаго муссона, и дала важное стратегическое преимущество Сюффрену, не говоря уже о политическомъ вліяніи этого факта на туземныхъ правителей въ Индіи.

Чтобы вполнѣ оцѣнить этотъ контрастъ между двумя адмиралами, необходимо также уяснить себѣ, насколько различны были ихъ положенія по отношенію къ матеріаламъ для исправленій корабельныхъ поврежденій. Послѣ сраженія 6-го числа Юзъ нашелъ въ Мадрасѣ запасный рангоутъ, тросъ, боевые припасы, провизію, и вообще весь необходимый матеріалъ. Сюффренъ въ Куддалорѣ не нашелъ ничего. Для приведенія эскадры въ хорошее боевое состояніе, ему нужно было девятнадцать новыхъ стеньгъ, мачты, реи, такелажъ, паруса и т. д. Для того, чтобы выйти въ море во что бы то ни стало, ему пришлось снять мачты съ фрегатовъ и меньшихъ судовъ и передать ихъ на линейные корабли; для вооруженія же фрегатовъ пришлось совершенно разружить англійскіе призы; затѣмъ посланы были суда въ Малаккскій проливъ раздобыть матеріалъ на другой рангоутъ и строевой лѣсъ. Домà

на берегу были разобраны для употребленія досокъ и бревенъ на починку корабельныхъ корпусовъ. Затрудненія эти увеличивались еще характеромъ якорнаго мѣста, представлявшаго открытый рейдъ, съ частымъ волненіемъ, а также близостью англійскаго флота; но работа кипѣла на глазахъ начальника эскадры, который, подобно лорду Гоу въ Нью-Іоркѣ, вдохновлялъ рабочихъ своимъ постояннымъ появленіемъ между ними. «Несмотря на чрезмѣрную тучность, Сюффренъ обнаруживалъ горячій пылъ юности; онъ былъ вездѣ, гдѣ шла работа; подъ его энергичнымъ побужденіемъ самый тяжелый трудъ выполнялся съ невѣроятною быстротою. Однако офицеры выставляли ему на видъ плохое состояніе флота и необходимость порта для линейныхъ кораблей; но онъ возражалъ на это, что «до тѣхъ поръ, пока Тринкомале не будетъ взятъ, открытые рейды Коромандельскаго берега будутъ исполнять назначеніе порта» (*). Въ самомъ дѣлѣ, именно эта дѣятельность эскадры у Коромандельскаго берега и обезпечила успѣхъ при Тринкомале. Оружіе, которымъ сражался Сюффренъ, устарѣло теперь, но результаты, завоеванные его настойчивостью и изобрѣтательностью въ изысканіи средствъ, принадлежатъ къ числу не умирающихъ уроковъ исторіи.

Въ то время, какъ свойства военачальниковъ сказывались такимъ образомъ на ходѣ борьбы двухъ европейскихъ державъ въ Индіи, другіе, не менѣе долговѣчные, уроки заносились на страницы исторіи правительствами этихъ державъ, сдѣлавшими много для возстановленія равновѣсія. Одновременно съ тѣмъ, какъ англійское министерство, послѣ извѣстія о сраженіи при Порто-Прайя, снарядило въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1781 года большую и стройную экспедицію, конвоировавшуюся сильною эскадрою изъ шести линейныхъ кораблей, подъ командою дѣятельнаго офицера, для подкрѣпленія флота Юза, французы посылали представителю своего флота въ Индіи сравнительно скудную помощь въ маленькихъ отдѣльныхъ отрядахъ, повидимому предпочитая обезпечить ихъ безопасность скорѣе тайною, чѣмъ силою. Вслѣдствіе этого

(*) Cunat: Vie de Suffren.

Сюффренъ, борясь съ безчисленными затрудненіями, еще имѣлъ источникъ огорченія въ извѣстіяхъ, что то тотъ, то другой изъ небольшихъ отрядовъ, посланныхъ къ нему на выручку, перехватывался непріятелемъ, или принуждался преслѣдованіями послѣдняго возвращаться во Францію, не успѣвъ выйти изъ европейскихъ водъ. Дѣйствительно, тогда было мало безопасности для слабыхъ отрядовъ къ сѣверу отъ Гибралтарскаго пролива. Такимъ образомъ преимуществами, завоеванными дѣятельностью Сюффрена, въ концѣ концовъ пришлось пожертвовать. До паденія Тринкомале французы были сильнѣе въ морѣ, но въ теченіе послѣдовавшихъ за тѣмъ шести мѣсяцевъ чаша вѣсовъ перетянулась на сторону ихъ противниковъ прибытіемъ англійскихъ подкрѣпленій, подъ начальствомъ сэра Ричарда Бикертона (Richard Bickerton).

Какъ только Тринкомале сдался, такъ французскій коммодоръ съ обычною своею быстротою приготовился къ дальнѣйшей безотлагательной дѣятельности. Орудія и люди, бывшіе на берегу, снова заняли свои мѣста на корабляхъ, а портъ былъ обезпеченъ гарнизономъ, достаточно сильнымъ для того, чтобы французскій флотъ не безпокоился уже объ охранѣ его. Этотъ великій морякъ, который, соотвѣтственно средствамъ, бывшимъ въ его распоряженіи, сдѣлалъ такъ много, какъ никто изъ дѣятелей, извѣстныхъ въ исторіи, и который такъ знаменательно иллюстрировалъ сферу и вліяніе морской силы, не имѣлъ намѣренія стѣснять движенія своего флота или рисковать своимъ важнымъ завоеваніемъ черезъ ненужное обремененіе кораблей защитою порта. Когда Юзъ появился близъ послѣдняго, то уже англійскій флотъ былъ не въ силахъ однимъ сраженіемъ вырвать обратно изъ рукъ французовъ этотъ постъ, теперь снабженный надлежащимъ гарнизономъ. Безъ сомнѣнія успѣшная кампанія, уничтоженіемъ французской морской силы или изгнаніемъ ея изъ этихъ водъ, дала бы такой результатъ; но Сюффренъ имѣлъ хорошія основанія думать, что какая бы неудача ни постигла его въ данный день, въ общемъ онъ будетъ въ состояніи съ избыткомъ сосчитаться со своимъ противникомъ.

Морскіе порта должны защищаться сами; сфера флота — от-

крытое море; его цѣль, или задача, — наступленіе скорѣе, чѣмъ оборона; его предметъ дѣйствій — морская сила непріятеля, гдѣ бы ни пришлось ее найти. Сюффренъ видѣлъ теперь опять передъ собою эскадру, которою могло быть обезпечено за англичанами обладаніе моремъ; онъ зналъ, что къ ней должны прибыть до слѣдующаго сезона сильныя подкрѣпленія и спѣшилъ атаковать ее. Юзъ, огорченный тѣмъ, что не успѣлъ прибыть во̀время, — такъ какъ прежде нерѣшительный бой могъ бы сохранить за англичанами то, возвращеніе чего теперь не могло быть достигнуто и рѣшительнымъ боемъ, — никоимъ образомъ не былъ расположенъ помѣряться силами съ врагомъ. Но по здравомъ размышленіи, онъ отступилъ къ юго-востоку, — убѣгая, согласно выраженію Сюффрена, въ хорошемъ порядкѣ; регулируя скорость по медленнѣйшему своему кораблю и много разъ мѣняя курсы, онъ достигъ того, что погоня за нимъ непріятеля, начавшаяся съ разсвѣтомъ, привела къ результатамъ только въ два часа пополудни. Цѣлью англичанъ было завлечь Сюффрена такъ далеко подъ вѣтеръ отъ порта, чтобы, въ случаѣ поврежденія кораблей его, ему было не легко возвратиться въ послѣдній.

У французовъ было четырнадцать линейныхъ кораблей, противъ двѣнадцати англійскихъ. Это превосходство, вмѣстѣ съ здравымъ пониманіемъ военнаго положенія въ Индіи, еще увеличивало всегдашнюю жажду боя со стороны Сюффрена; но его корабли ходили плохо и были скудно укомплектованы равнодушными и неудовлетворенными людьми. Эти обстоятельства, въ долгомъ и утомительномъ преслѣдованіи противника, раздражали и затрудняли горячаго коммодора, все еще сознававшаго ту неотложность дѣятельности, въ силу которой онъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ торопилъ операціи эскадры. Сигналъ слѣдовалъ за сигналомъ, маневръ слѣдовалъ за маневромъ въ попыткахъ сохраненія въ его эскадрѣ правильнаго строя. «То они спускались, то приводили къ вѣтру», говоритъ англійскій адмиралъ, который тщательно наблюдалъ за противникомъ, «въ неправильномъ строѣ и какъ будто въ нерѣшимости, что̀ дѣлать». Но Сюффренъ продолжалъ настаивать на своемъ, и въ два часа пополудни, когда его флотъ былъ уже въ двадцати пяти миляхъ

отъ своего порта, частью уже построившись въ линію въ весьма близкомъ разстояніи отъ непріятеля, сдѣлалъ сигналъ привести къ вѣтру для исправленія строя прежде, чѣмъ окончательно спуститься. Масса ошибокъ при выполненіи этого маневра скорѣе ухудшила, чѣмъ улучшила дѣло; и коммодоръ, потерявъ, наконецъ, терпѣнье, тридцать минутъ спустя сдѣлалъ сигналъ атаки (планъ XVII, A), а вслѣдъ затѣмъ другой — вступить въ бой на дистанціи пистолетнаго выстрѣла. Такъ какъ все исполнялось неловко и медленно, то онъ приказалъ сдѣлать пушечный выстрѣлъ, по морскому обычаю, для подтвержденія сигнала; къ несчастью, это было понято его собственнымъ экипажемъ какъ приказаніе начать бой, и флагманскій корабль разрядилъ всю свою батарею. Этому примѣру послѣдовали другіе корабли, хотя они и находились еще на полу-дистанціи пушечнаго выстрѣла отъ непріятеля, что, при тогдашнемъ состояніи артиллеріи, сулило нерѣшительный исходъ сраженія. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ и какъ результатъ ряда печальныхъ для французовъ ошибокъ и плохаго знанія морскаго дѣла, бой начался при весьма невыгодныхъ для нихъ обстоятельствахъ, несмотря на ихъ численное превосходство. Англичане, которые отступали подъ малыми парусами, хорошо управляясь ими, были въ хорошемъ боевомъ строѣ и въ совершенной готовности, тогда какъ ихъ противникъ не былъ собственно ни въ какомъ строѣ (B). Семь кораблей его вышли впередъ (*) и образовали теперь неправильную группу впереди англійскаго авангарда и такъ далеко отъ него, что могли принести мало пользы; тогда какъ въ центрѣ образовалась вторая безпорядочная группа, въ которой корабли, заслоняя другъ друга, взаимно мѣшали дѣйствію своей артиллеріи. При такихъ обстоятельствахъ все бремя сраженія пало на флагманскій корабль Сюффрена (a) и на два другіе, поддерживавшіе его; тогда какъ въ самомъ арьергардѣ малый линейный корабль, поддерживавшійся лишь большимъ фрегатомъ,

(*) Кривыя въ (B) показываютъ движеніе кораблей *послѣ* перемѣны вѣтра, которою, практически, закончилось сраженіе. Сами корабли указываютъ строй ихъ въ сраженіи.

Планъ XVII.
СЮФФРЕНЪ и ЮЗЪ
Сент. 3. 1782 г.
Англ. 12 корабл.
Франц. 14 „
Вѣтеръ А-В.-SW
„ С.-OSO
A
a
B
C

ТИП. ЭД. ГОППЕ

одинъ сражался съ англійскимъ арьергардомъ; но скоро оба они, пересиленные противникомъ, вынуждены были отступить.

Едва ли какая-либо военная операція могла быть исполнена хуже: Французскіе корабли въ сраженіи не поддерживали другъ друга; они такъ скучились, что взаимно заслоняли свои орудія и безъ нужды увеличивали цѣль для непріятеля; такимъ образомъ, далекіе отъ сосредоточенія своихъ усилій, три корабля Сюффрена, почти не поддерживавшіеся другими, были предоставлены сосредоточенному огню англійской линіи (*). «Время шло, и наши три корабля (B, a), атакованные на траверзѣ центромъ англійскаго флота и обстрѣливавшіеся анфиладнымъ огнемъ авангарда и арьергарда его, сильно страдали. Послѣ двухъ часовъ паруса на *Héros* были въ лохмотьяхъ; весь его бѣгучій такелажъ былъ перебитъ, и онъ не могъ больше управляться. *Illustre* потерялъ свои бизань-мачту и гротъ-стеньгу». При этомъ безпорядкѣ во французской линіи были такіе разрывы, которые представили бы большія выгоды для болѣе энергичнаго противника. «Если бы непріятель повернулъ тогда оверштагъ», писалъ начальникъ штаба французскаго флота въ своемъ дневникѣ, «то мы были бы отрѣзаны и, вѣроятно, уничтожены». Ошибки сраженія, въ которомъ отсутствовало сколько-нибудь правильное распредѣленіе силъ, сказались въ результатахъ. Со стороны французовъ сражалось четырнадцать кораблей; они потеряли восемьдесятъ два убитыми и двѣсти пятьдесятъ пять ранеными; изъ всего этого числа шестьдесятъ четыре убитыхъ и сто семьдесятъ восемь раненыхъ, или три четверти, пришлись на долю трехъ кораблей; два изъ послѣднихъ потеряли свои гротъ- и бизань-мачты и форъ-стеньгу, — другими словами, сдѣлались совершенно безпомощными.

Это было повтореніемъ, въ большемъ масштабѣ, бѣдствія, которому подверглись два корабля Юза 12-го апрѣля; но въ тотъ день англійскій адмиралъ, будучи подъ вѣтромъ и сла-

---

(*) Непріятель расположился огибавшимъ насъ полукругомъ и обстрѣливалъ насъ продольнымъ огнемъ и съ носу и съ кормы, когда корабль нашъ восходилъ къ вѣтру и нисходилъ при положенномъ подъ вѣтеръ рулѣ.—*Journal de Bord du Bailli de Suffren.*

бѣе своего противника, долженъ былъ принять бой на его условіяхъ, тогда какъ здѣсь потеря пала на долю нападавшаго, который, кромѣ преимущества навѣтреннаго положенія и выбора способа атаки, обладалъ еще и численнымъ превосходствомъ. Слѣдуетъ отдать должное въ этомъ сраженіи Юзу, который, хотя и страдая недостаткомъ предпріимчивости и не выказавъ никакого признака тактическаго искусства или *coup d'oeil*, обнаружилъ все-таки и сообразительность и распорядительность въ способѣ своего отступленія и въ умѣньи держать въ рукахъ свои корабли. Не легко распредѣлить по справедливости порицаніе, котораго заслуживаетъ его противникъ. Сюффренъ, не задумываясь, осуждаетъ своихъ командировъ (*). Однако справедливо указывалось, что многіе изъ офицеровъ, осуждавшихся такимъ образомъ огульно, вели себя раньше хорошо, какъ подъ командой Сюффрена, такъ и подъ командой другихъ адмираловъ; что строй французскаго флота при преслѣдованіи противника былъ неправильный, что сигналы Сюффрена слѣдовали одинъ за другимъ со смущающей быстротой, и наконецъ, что случайности, съ которыми всегда надо до нѣкоторой степени считаться, сложились противъ французовъ, точно такъ же, какъ и неопытность нѣкоторыхъ изъ ихъ командировъ. Можно думать также, что доля причинъ несчастья должна быть приписана горячей и необдуманной поспѣшности Сюффрена, имѣвшаго недостатки при своихъ великихъ качествахъ,—недостатки, на которыхъ невольно игралъ его осторожный и сдержанный противникъ.

Достойно замѣчанія, что въ донесеніяхъ Юза нѣтъ ни малѣйшихъ жалобъ на подначальныхъ ему командировъ. Шесть изъ нихъ пали въ бою, и о каждомъ онъ говоритъ въ выраженіяхъ простой, но, очевидно, искренно доброй оцѣнки; объ оставшихся же въ живыхъ онъ часто отзывается съ большою похвалою, и въ частностяхъ и въ общемъ. Замѣчательный контрастъ между двумя флотоводцами и между судовыми командирами обѣихъ сторонъ придаетъ особенную поучительность разсматри-

(*) См. стр. 500. Онъ прибавляетъ: «Ужасно, что, хотя мы могли бы четыре раза уничтожить англійскую эскадру, она все еще существуетъ».

ваемой морской кампаніи среди другихъ; урокъ, преподанный ею, находится въ полномъ согласіи съ опытомъ всей военной исторіи съ самаго начала. Сюффренъ отличался геніемъ, энергіей, огромной настойчивостью, здравыми военными идеями и былъ также образованнымъ морякомъ. Юзъ, видимо, обладалъ всѣми техническими свѣдѣніями по морской профессіи и, вѣроятно, командовалъ бы кораблемъ такъ же хорошо, какъ любой изъ его командировъ; но онъ не обнаружилъ никакихъ слѣдовъ качествъ, необходимыхъ для офицера на генеральскомъ посту, для флотоводца. Съ другой стороны, не настаивая снова на искусствѣ подчиненныхъ англійскаго адмирала и преданности ихъ своему долгу, очевидно, что, чему бы это ни приписывали, французскіе корабли въ отдѣльности управлялись несравненно хуже, чѣмъ корабли ихъ противниковъ. По заявленіямъ Сюффрена, четыре раза, — и ужъ навѣрное три раза, — англійская эскадра была спасена отъ тяжелаго бѣдствія превосходствомъ въ качествахъ ея офицеровъ надъ качествами офицеровъ французскихъ. Хорошія войска часто исправляли результатъ дурнаго командованія ими; но въ концѣ концовъ лучшій военачальникъ восторжествуетъ. Явно, что такъ было и въ Индѣйскихъ моряхъ въ 1782 и 1783 годахъ. Война обрѣзала скоро борьбу, но не прежде, чѣмъ исходъ ея ясно обозначился.

Сраженіе 3-го сентября, подобно сраженію 6-го іюля, закончилось вслѣдствіе перемѣны вѣтра къ юго-востоку. При этой перемѣнѣ англійскій флотъ повернулъ черезъ фордевиндъ и построился опять на другомъ галсѣ. Французы также повернули черезъ фордевиндъ, и ихъ авангардные корабли, будучи теперь на вѣтрѣ, спустились между своими потерпѣвшими поврежденія кораблями и линіей (C) непріятеля. Къ закату солнца Юзъ повернулъ къ сѣверу, потерявъ надежду отбить Тринкомале, но удовлетворенный суровымъ возмездіемъ, какое воздалъ своему успѣшному противнику.

Та твердость духа, которая была не послѣднимъ изъ качествъ Сюффрена, подверглась тяжелому испытанію вскорѣ послѣ сраженія при Тринкомале. При возвращеніи въ портъ семидесяти четырехъ-пушечный корабль его *Orient* сталъ на мель и погибъ вслѣдствіе дурнаго управленія имъ; един-

ственнымъ утѣшеніемъ было спасеніе его рангоута для двухъ потерявшихъ мачты кораблей. Перебитыя мачты другихъ кораблей были опять замѣнены мачтами съ разруженныхъ фрегатовъ, экипажъ которыхъ также понадобился на корабли для замѣщенія убитыхъ въ сраженіи. Исправленія производились съ обычной энергіей; оборона порта была совершенно обезпечена, и 30-го сентября эскадра отплыла къ Коромандельскому берегу, гдѣ присутствіе ея настоятельно требовалось французскими интересами. Она достигла Куддалора въ четверо сутокъ; но здѣсь другой неспособный командиръ разбилъ *Bizarre*, шестидесяти четырехъ-пушечный корабль, становясь на якорь. Вслѣдствіе потери этихъ двухъ кораблей, Сюффренъ, при послѣдовавшей за тѣмъ встрѣчѣ съ непріятелемъ, могъ противопоставить ему только пятнадцать линейныхъ кораблей противъ восемнадцати; въ такой мѣрѣ общіе результаты дѣла зависятъ отъ индивидуальной способности и заботливости участниковъ его. Юзъ былъ у Мадраса, въ девяноста миляхъ къ сѣверу, куда удалился сейчасъ же послѣ послѣдняго сраженія. Въ донесеніяхъ онъ называетъ поврежденія кораблей своихъ весьма серьезными, но потери такъ распредѣлились между ними, что трудно оправдать его въ томъ, что онъ не преслѣдовалъ французовъ.

Въ это время года муссонъ, который въ теченіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ дуетъ отъ юго-запада, мѣняется на сѣверо-восточный, дуя по направленію къ восточному берегу полуострова, гдѣ нѣтъ хорошихъ гаваней. Происходящее отъ этого волненіе дѣлаетъ часто доступъ къ берегу невозможнымъ и такимъ образомъ не позволяетъ флоту оказывать поддержку арміи. Эта смѣна муссона сопровождается часто жестокими ураганами. Оба флота, поэтому, должны были удалиться изъ мѣстъ, гдѣ ихъ стоянка могла бы быть и опасной и безполезной. Если бы Тринкомале не былъ вырванъ изъ рукъ Англіи, то Юзъ, при хорошемъ состояніи своей эскадры, могъ оставаться тамъ до прибытія подкрѣпленій и припасовъ, ожидавшихся скоро изъ Англіи, такъ какъ портъ этотъ, хотя и нездоровый, былъ безопасенъ и хорошо расположенъ. Бикертонъ уже достигъ Бомбея и былъ теперь на пути въ Мадрасъ съ пятью

линейными кораблями. По положенію дѣла Юзъ считалъ необходимымъ идти на этотъ сезонъ въ Бомбей, выйдя — или, скорѣе, будучи выгнанъ въ море ураганомъ — 17-го октября. Четыре дня спустя, Бикертонъ достигъ Мадраса, не встрѣтившись съ адмираломъ. Съ энергіей, которая всегда была ему свойственна, онъ сейчасъ же отплылъ назадъ и былъ снова въ Бомбеѣ 28-го ноября. Корабли Юза, разсѣянные штормомъ и потерпѣвшіе много аварій, вошли также на Бомбейскій рейдъ черезъ нѣсколько дней, одинъ за другимъ.

Сюффренъ оставался въ Тринкомале, но тѣмъ не менѣе ему было не легко рѣшить, что дѣлать дальше. Портъ былъ безопасенъ, и онъ не боялся нападенія англійскаго флота; но зато съ другой стороны, помимо того, что климатъ этой мѣстности былъ нездоровъ въ періодъ приближавшагося муссона, было сомнительно, чтобы здѣсь удалось достать провизію, необходимую для надлежащаго питанія экипажа. Коротко говоря, портъ этотъ, хотя и обладая стратегическимъ значеніемъ, по силѣ и по положенію, былъ неудовлетворителенъ по своимъ рессурсамъ. Вмѣсто Тринкомале возможно было еще избрать Ачинъ (Acheen),—гавань на другомъ берегу Бенгальскаго залива, на западной оконечности острова Суматры. Этотъ портъ отличался здоровымъ климатомъ, представлялъ возможность добыть тамъ достаточно провизіи и такъ расположенъ по отношенію къ сѣверо-восточному муссону, что изъ него корабли могли достигнуть Коромандельскаго берега скорѣе, чѣмъ изъ Бомбея, подъ конецъ сезона, когда, вслѣдствіе болѣе умѣреннаго вѣтра, стоянка тамъ была возможна.

Эти простыя соображенія не были, однако, единственными элементами въ дѣйствительно трудной задачѣ, представлявшейся тогда Сюффрену. Малые результаты, достигнутые истекшей кампаніей, не должны скрывать факта, что были возможны и значительные результаты и что многое могло зависѣть отъ рѣшенія Сюффрена. Посылка французами подкрѣпленій небольшими частями не только влекла за собою большія потери, но и порождала неувѣренность среди команды разсѣянныхъ вслѣдствіе

этого отрядовъ, изъ которыхъ одни не знали въ какихъ условіяхъ находились другіе. Эта неизвѣстность, потери и медлительность сильно вліяли на политическое положеніе французовъ въ Индіи. Когда Сюффренъ только что прибылъ къ берегамъ послѣдней, на рукахъ у англичанъ былъ не только Гайдеръ Али, но и Маратхи, миръ съ которыми былъ подписанъ 17-го мая 1782 года; но, вѣроятно, вслѣдствіе разногласій въ ихъ средѣ, обмѣнъ ратификацій не послѣдовалъ ранѣе декабря. Какъ у маратховъ, такъ и при дворѣ Гайдеръ Али было раздѣленіе интересовъ; и тѣ и другой поставили на видъ французамъ, — которые, хотя и подозрѣвая о договорѣ ихъ съ Англіей, не могли добиться точныхъ о немъ свѣдѣній, — что все зависѣло отъ относительной военной силы ихъ и англичанъ. Присутствіе и дѣйствія Сюффрена представляли все, что Франція могла показать: престижъ его генія, взятіе Тринкомале, его успѣхъ въ бояхъ. Французская армія, запертая въ Куддалорѣ, зависѣла отъ Султана и въ денежномъ отношеніи, и въ продовольствіи и въ подкрѣпленіяхъ. Даже флотъ обращался къ нему за деньгами, за мачтами, за боевыми припасами, за хлѣбомъ. Англичане, съ другой стороны, стояли на твердой почвѣ; хотя въ общемъ противникъ и взялъ надъ ними верхъ въ сраженіяхъ, но они не потеряли ни одного корабля; и извѣстно было, что сильная эскадра Бикертона прибыла въ Бомбей. Наибольшее же значеніе имѣлъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ французы искали денегъ, англичане щедро сыпали ихъ.

Для французовъ было невозможно держаться противъ врага безъ туземныхъ союзниковъ; для нихъ было существенно, слѣдовательно, воспрепятствовать тому, чтобы и Гайдеръ заключилъ съ англичанами миръ. Въ этомъ-то вопросѣ и чувствовались особенно недостатокъ поддержки и ошибочное направленіе центральнаго правительства Франціи. Начальство надъ военными силами французовъ въ Индіи, какъ сухопутными, такъ и морскими, было ввѣрено генералу де Бюсси (de Bussy), нѣкогда одному изъ блестящихъ сотрудниковъ Дюплекса, теперь же разбитому подагрой инвалиду шестидесяти четырехъ лѣтъ. Съ расчетомъ на сохраненіе тайны

своихъ дѣйствій, Бюсси отплылъ изъ Кадикса въ ноябрѣ 1781 года, съ двумя линейными кораблями, на Тенерифъ, гдѣ къ нему долженъ былъ присоединиться караванъ судовъ, вышедшихъ изъ Бреста въ декабрѣ. Этотъ караванъ, однако, былъ захваченъ англичанами, и только два судна его спаслись и прибыли къ де Бюсси. Послѣдній продолжалъ съ ними свой путь и, узнавъ у мыса Доброй Надежды, что сильная эскадра Бикертона была на пути къ нему, счелъ необходимымъ высадить тамъ значительную часть своихъ войскъ. Онъ достигъ Иль де Франса 31-го мая. Слѣдующій караванъ изъ восемнадцати транспортовъ, отплывшій въ Индію въ апрѣлѣ, былъ также застигнутъ непріятелемъ на пути. Два изъ четырехъ конвоировавшихъ его военныхъ кораблей были взяты, такъ же какъ и десять транспортовъ; остальные возвратились въ Брестъ. Третій отрядъ былъ болѣе счастливъ, достигнувъ мыса Доброй Надежды въ маѣ; но онъ былъ задержанъ тамъ на два мѣсяца печальнымъ состояніемъ кораблей и экипажа. Эти неудачи заставили де Бюсси остаться на островѣ до соединенія съ ожидавшимися съ Мыса кораблями, и Сюффренъ въ этотъ критическій моментъ не зналъ настоящаго положенія дѣлъ. Генералъ только написалъ ему, что, не будучи въ состояніи достигнуть берега до наступленія неблагопріятнаго сезона, онъ назначаетъ ему rendez-vous въ Ачинѣ. Такая неопредѣленность произвела тяжелое впечатлѣніе на Гайдера Али, увѣреннаго сначала, что надо ожидать прибытія де Бюсси въ сентябрѣ и затѣмъ узнавшаго о прибытіи вмѣсто него Бикертона и объ измѣнѣ своихъ старыхъ союзниковъ маратховъ. Сюффренъ былъ принужденъ сдѣлать видъ, что имѣетъ увѣренность въ прибытіи скорой помощи, чему въ дѣйствительности не вѣрилъ, и это, вмѣстѣ съ вліяніемъ его личнаго характера и успѣховъ, побудило султана продолжать войну. Устроивъ это, эскадра отплыла въ Ачинъ 15-го октября, гдѣ и стала на якорь 2-го ноября.

Черезъ три недѣли послѣ того отъ Бюсси прибыло судно съ вѣстью, что его отплытіе должно быть задержано на неопредѣленное время вслѣдствіе эпидеміи, свирѣпствовавшей между его войсками. Сюффренъ, поэтому, рѣшился поспѣшить со своимъ возвращеніемъ къ берегу и отплылъ 20-го декабря.

8-го января 1783 года онъ сталъ на якорь близъ Ганжама (Ganjam), въ пятистахъ миляхъ къ сѣверо-востоку отъ Куддалора, откуда могъ слѣдовать попутнымъ вѣтромъ, куда пожелаетъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью атаковать не только суда прибрежнаго плаванія, но и англійскія факторіи на берегу, такъ какъ бурунъ въ это время былъ часто умѣренный; но, узнавъ 12-го числа черезъ захваченное имъ англійское судно важную и печальную для французовъ вѣсть о смерти Гайдера Али, онъ отказался отъ всѣхъ второстепенныхъ операцій и отплылъ сейчасъ же въ Куддалоръ, надѣясь обезпечить своимъ присутсвіемъ продолженіе союза такъ же, какъ и безопасность гарнизона. Онъ прибылъ туда 6-го февраля.

Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ его отсутствія появленіе вмѣсто де Бюсси, ожидавшагося съ войсками, Бикертона, который успѣлъ побывать и показаться туземцамъ на обоихъ берегахъ, серьезно повредило дѣлу французовъ. Мирный договоръ между англичанами и маратхами былъ ратификованъ, и первые, освобожденные отъ враждебныхъ дѣйствій съ послѣдними и получивъ подкрѣпленія, атаковали султана на западномъ, или Малабарскомъ берегу. Вліяніе этой диверсіи, конечно, сказалось и на восточномъ берегу, вопреки усиліямъ французовъ привлечь тамъ на свою сторону новаго султана. Между тѣмъ болѣзни въ войскахъ на Иль де Франсѣ прекратились рано въ ноябрѣ, и если бы де Бюсси тогда вышелъ оттуда безъ замедленія, то онъ и Сюффренъ встрѣтились бы теперь въ Карнатикѣ, при полномъ обладаніи моремъ и съ большими шансами въ ихъ пользу на берегу. Юзъ прибылъ только два мѣсяца спустя.

Оставаясь, такимъ образомъ, попрежнему, одинъ, Сюффренъ, послѣ сообщенія съ Типу-Саибомъ (Tippoo Saib), новымъ Мизорскимъ султаномъ, отправился въ Тринкомале; и только здѣсь, наконецъ, къ нему присоединился 10-го марта де Бюсси, въ сопровожденіи трехъ линейныхъ кораблей и большаго числа транспортовъ. Горя желаніемъ доставить войска на поле битвы, Сюффренъ отплылъ съ ними 15-го числа съ лучшими ходоками своей эскадры и высадилъ ихъ на слѣ-

дующій день въ Порто-Ново. Онъ возвратился къ Тринкомале 11-го апрѣля и встрѣтился съ флотомъ Юза, изъ семнадцати линейныхъ кораблей, у входа въ гавань. Такъ какъ съ Сюффреномъ была только часть его силъ, то боя не послѣдовало, и англичане направились въ Мадрасъ. Въ то время дулъ уже юго-западный муссонъ.

Нѣтъ надобности слѣдить шагъ за шагомъ за несложными операціями въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ двухъ мѣсяцевъ. Такъ какъ Типу былъ атакованъ на другой сторонѣ полуострова, а де Бюсси обнаруживалъ мало энергіи, тогдакакъ Юзъ стоялъ у берега съ превосходными силами, то дѣла французовъ въ этой странѣ, и до того не блестящія, сдѣлались еще хуже. Сюффренъ, имѣя только пятнадцать кораблей противъ восемнадцати англійскихъ, не желалъ идти подъ вѣтеръ Тринкомале, боясь, что послѣдній можетъ въ такомъ случаѣ попасть въ руки непріятеля прежде, чѣмъ онъ успѣетъ возвратиться туда. При такихъ условіяхъ англійскія войска выступили изъ Мадраса, пройдя близко, но въ обходъ Куддалора, и расположились лагеремъ къ югу отъ него у берега моря, гдѣ, по близости, стояли продовольственныя суда для снабженія арміи и легкіе крейсера; адмиралъ же Юзъ съ главнымъ флотомъ стоялъ на якорѣ миляхъ въ двадцати къ югу, гдѣ, будучи на вѣтрѣ, прикрывалъ другія силы.

Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить заслугу дальнѣйшихъ дѣйствій Сюффрена, необходимо обратить вниманіе на тотъ фактъ, что де Бюсси, хотя и бывшій главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами, не осмѣлился приказать ему оставить Тринкомале и идти къ нему на помощь. Давъ ему почувствовать всю крайность опасности, онъ сказалъ, что не слѣдуетъ оставлять портъ иначе какъ въ томъ случаѣ, если онъ услышитъ, что армія заперта въ Куддалорѣ и блокирована англійской эскадрой. Письмо объ этомъ было получено 10-го іюня. Сюффренъ не ждалъ больше. На слѣдующій же день онъ отплылъ, и черезъ сорокъ восемь часовъ его фрегаты увидѣли англійскій флотъ. Въ тотъ же самый день, 13-го числа, послѣ жаркаго боя, французская армія была заперта въ городѣ, за очень слабыми стѣнами. Все зависѣло теперь отъ флотовъ.

При появленіи Сюффрена Юзъ перешелъ на другое мѣсто, ставъ на якорь въ разстояніи отъ четырехъ до пяти миль отъ города. Въ теченіе трехъ дней господствовали перемѣнные вѣтры, но по возобновленіи муссона 16-го числа, Сюффренъ приблизился къ непріятелю. Англійскій адмиралъ, не желая принять сраженіе на якорѣ и подъ вѣтромъ, въ чемъ былъ совершенно правъ, вступилъ подъ паруса; но, приписывая бо̀льшее значеніе навѣтренному положенію, чѣмъ воспрепятствованію соединенія между морскими и сухопутными силами непріятеля, онъ отошелъ отъ берега въ море съ южнымъ или SSO-ымъ вѣтромъ, несмотря на численное превосходство своего флота. Сюффренъ построился на томъ же галсѣ, и эту ночь и слѣдующій день противники провели въ маневрированіи. Въ восемь часовъ вечера, 17-го числа, французская эскадра, не поддавшись попыткѣ Юза увлечь ее въ море, стала на якорь близъ Куддалора и вступила въ сообщеніе съ главнокомандующимъ. Тысяча двѣсти человѣкъ гарнизона были поспѣшно посажены на суда для замѣщенія многихъ недостающихъ нумеровъ орудійной прислуги флота.

До 20-го числа вѣтеръ, неожиданно установившись съ запада, лишалъ Юза желаннаго преимущества, но наконецъ въ этотъ день онъ рѣшился ждать атаки и принять бой. Атака дѣйствительно и была предпринята Сюффреномъ, съ пятнадцатью кораблями противъ восемнадцати, при чемъ огонь былъ открытъ въ четверть пятаго часа вечера и продолжался до половины седьмаго. Потери обѣихъ сторонъ были почти равны; но англійскіе корабли, покинувъ какъ поле сраженія, такъ и свою армію, возвратились въ Мадрасъ. Сюффренъ сталъ на якорь передъ Куддалоромъ.

Положеніе британской арміи было тогда очень труднымъ. Продовольственныя суда, отъ которыхъ зависѣло снабженіе ея необходимыми припасами, бѣжали передъ сраженіемъ 20-го числа, и результатъ послѣдняго сдѣлалъ, конечно, невозможнымъ ихъ возвращеніе. Легкая кавалерія султана мѣшала сообщенію между частями англійскихъ силъ на сушѣ. 25-го числа командующій арміей писалъ, что находится «въ непрестанной тревогѣ со времени ухода флота, въ виду свойствъ

Сюффрена и огромнаго преимущества на сторонѣ французовъ съ тѣхъ поръ, какъ мы предоставлены самимъ себѣ». Отъ этой тревоги онъ былъ освобожденъ только вѣстями о заключеніи мира, которыя дошли до Куддалора 29-го числа изъ Мадраса черезъ парламентера.

Если у кого-либо осталось еще какое-нибудь сомнѣніе относительно сравнительныхъ достоинствъ англійскаго и французскаго флотоводцевъ, то послѣдніе дни кампаніи должны устранить его. Юзъ объясняетъ удаленіе свое съ поля битвы большимъ числомъ больныхъ и недостаткомъ воды. Но вѣдь затрудненія Сюффрена (*) были такъ же велики, какъ и Юза; и если первый имѣлъ преимущество въ обладаніи портомъ Тринкомале, то это только переноситъ споръ шагомъ назадъ, такъ какъ онъ самъ пріобрѣлъ его превосходствомъ стратегіи своихъ операцій и энергіей своей дѣятельности. Далѣе, факты, что съ пятнадцатью кораблями онъ принудилъ восемнадцать кораблей противника снять блокаду, освободилъ осажденную армію, усилилъ свой экипажъ и выдержалъ рѣшительный бой, дѣлаютъ впечатлѣніе, которое не должно умалять въ интересахъ истины (**). Вѣроятно, что самоувѣренность Юза была сильно поколеблена предшествовавшими встрѣчами съ Сюффреномъ.

Хотя вѣсти о мирѣ, сообщенныя Юзомъ де Бюсси, опирались только на неофиціальныя письма, онѣ все-таки были слишкомъ положительнаго характера для того, чтобы оправдать продолженіе кровопролитія. Представители въ Индіи правительствъ враждебныхъ державъ вошли между собою въ переговоры, и враждебныя дѣйствія прекратились 8-го іюля. Два

(*) У Сюффрена не было ни одного корабля, который имѣлъ бы болѣе трехъ четвертей полнаго комплекта людей. Должно прибавить также, что половина этихъ уменьшенныхъ экипажей состояла изъ солдатъ и сипаевъ. Chevalier, p. 463.

(**) Вы узнаете о производствѣ меня въ коммодоры и контръ-адмиралы. Теперь я говорю вамъ вполнѣ откровенно, и только одному вамъ, что то, что я сдѣлалъ съ тѣхъ поръ, стоитъ безконечно большаго, чѣмъ все, что я сдѣлалъ раньше. Вы знаете о взятіи Тринкомале и о сраженіи при немъ; но конецъ кампаніи и то, что случилось между мартомъ и концомъ іюня, значительно выше всего, что сдѣлано во флотѣ съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ на службу. Результатъ былъ весьма выгоденъ для государства, такъ какъ эскадра противника была поставлена въ опасность, а армія его погибла.— *Private letter of Suffren, Sept. 13, 1783;* цитировано въ «*Journal de Bord du Bailli de Suffren*».

мѣсяца спустя, дошли до Сюффрена, бывшаго тогда въ Пондишери, и официальныя депеши. Его собственныя слова, сказанныя по поводу этого, заслуживаютъ приведенія ихъ здѣсь, такъ какъ они показываютъ угнетавшія его впечатлѣнія, при которыхъ онъ игралъ такую благородную роль: «Хвала Господу за миръ! такъ какъ ясно, что въ Индіи, все было бы потеряно, хотя мы и имѣли средства взять верхъ. Я жду вашихъ приказаній съ нетерпѣніемъ и сердечно прошу васъ, чтобы ими мнѣ дано было позволеніе уѣхать отсюда. Одна только война можетъ сдѣлать переносимой утомительность нѣкоторыхъ вещей».

6-го октября 1783 года Сюффренъ, наконецъ, отплылъ изъ Тринкомале во Францію, остановившись на пути на Иль де Франсѣ и у мыса Доброй Надежды. Путешествіе его на родину сопровождалось непрерывными и сердечными оваціями. Въ каждомъ посѣщенномъ имъ порту ему оказывалось самое предупредительное и дружелюбное вниманіе со стороны людей всѣхъ классовъ и всѣхъ націй. Что особенно радовало его, такъ это чествованіе его англійскими командирами. Такъ и должно было быть: никто не имѣлъ такого безспорнаго права, какъ они, оцѣнить его, какъ воина. Ни въ одномъ столкновеніи между Юзомъ и Сюффреномъ, кромѣ послѣдняго, у англичанъ не было болѣе двѣнадцати кораблей, а между тѣмъ шесть ихъ командировъ положили жизнь въ упорной борьбѣ съ этимъ противникомъ. Въ то время, когда Сюффренъ былъ у мыса Доброй Надежды, дивизія изъ девяти кораблей Юза, возвращавшаяся съ войны, стояла на якорѣ въ гавани. Командиры этихъ кораблей — съ храбрымъ коммодоромъ Кингомъ (King), съ корабля *Exeter*, во главѣ — горячо привѣтствовали адмирала. «Добрые голландцы приняли меня, какъ своего спасителя», писалъ Сюффренъ, «но изъ почестей, которыми баловали меня, ни одна не польстила мнѣ болѣе, чѣмъ признаніе моихъ заслугъ и уваженіе, засвидѣтельствованныя мнѣ англичанами, находящимися теперь здѣсь». По прибытіи домой, онъ былъ осыпанъ наградами. Оставивъ Францію капитаномъ, онъ возвратился туда контръ-адмираломъ; и немедленно затѣмъ король учредилъ четвертую вакансію вице-адмирала, спеціально для Сюффрена, занимавшаго

ее до самой смерти, послѣ которой вакансія эта была упразднена. Эти почести были завоеваны лично имъ; онѣ были данью его неутомимой энергіи и генія, выказанными не только въ дѣйствительномъ бою, но и въ стойкости, которою характеризовались всѣ его дѣйствія въ его трудномъ положеніи и которая всегда поднимала его до высоты послѣдняго среди всѣхъ затрудненій, создававшихся непрестанными нуждами и неудачами.

Какъ въ общемъ веденіи операцій, такъ и на полѣ битвы подъ огнемъ непріятеля, величавая рѣшимость была отличительной заслугой Сюффрена; и если соединить ее съ яснымъ и безусловнымъ его убѣжденіемъ въ необходимости преслѣдовать и разбить непріятельскій флотъ, получатся вѣроятно главныя свойства его, какъ воина. Упомянутое убѣжденіе было свѣтомъ, имъ руководившимъ, а величавая энергія — духомъ, его поддерживавшимъ. Какъ тактикъ, отъ котораго требуется умѣнье добиться однообразія и стройности дѣйствій и маневрированія кораблей эскадры, онъ часто оказывался несостоятельнымъ и вѣроятно самъ допустилъ бы, даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, справедливость критики его съ этой стороны. Но такъ это или нѣтъ, онъ во всякомъ случаѣ характеризовалъ всегда тактику, — говоря здѣсь о тактикѣ элементарной, или эволюціонной, — какъ маску робости, — и въ его дѣйствіяхъ было что-то, дѣлавшее это опредѣленіе правдоподобнымъ. Такое презрѣніе, однако, не безопасно даже и для генія. Способность кораблей маневрировать съ соблюденіемъ однообразія и точности слишкомъ необходима для развитія полной силы эскадры, чтобы можно было легко относиться къ ней; она существенна именно для такого сосредоточенія усилій въ бою, котораго Сюффренъ правильно желалъ, но объ обезпеченіи которой онъ не всегда достаточно заботился въ предшествовавшихъ диспозиціяхъ. Какъ ни парадоксально, но несомнѣнно вѣрно, положеніе, что только флоты, способные совершать регулярныя движенія, сумѣютъ во-время отрѣшиться отъ нихъ; только отъ командировъ, которыхъ практика въ учебныхъ маневрированіяхъ ознакомила съ перемѣнными фазами послѣднихъ, можно ожидать способности съ готовностью и умѣло воспользоваться

зоваться надлежащимъ случаемъ для независимыхъ дѣйствій, какой можетъ представиться на полѣ битвы. Гоу и Джервисъ должны были подготовить путь для успѣховъ Нельсона. Сюффренъ же ожидалъ слишкомъ многаго отъ своихъ командировъ. Онъ имѣлъ право ожидать больше, чѣмъ они дали ему, но не того быстраго пониманія положенія и не той крѣпости нервовъ, которыя даются человѣку,—за исключеніемъ лишь немногихъ баловней природы,—только какъ результатъ практики и опыта.

Тѣмъ не менѣе онъ былъ весьма выдающимся человѣкомъ. По принятіи въ соображеніе всѣхъ недостатковъ его, за нимъ все-таки остаются еще героическая твердость духа, безбоязненность отвѣтственности, такъ же, какъ и опасности, быстрота дѣйствій и геній, который безошибочно привелъ его къ отрѣшенію отъ традицій отечественнаго флота и къ обезпеченію за послѣднимъ подъ его командой той главной роли, какая приличествуетъ военному флоту, того наступательнаго образа дѣйствій, который даетъ обладаніе моремъ черезъ уничтоженіе флота непріятеля. Если бы Сюффренъ встрѣтилъ въ своихъ помощникахъ такую же подготовку, какую нашелъ Нельсонъ въ командирахъ судовъ своихъ эскадръ, то было бы мало мѣста сомнѣнію, что онъ уничтожилъ бы эскадру Юза, пока она была слабѣе французской, т. е. прежде, чѣмъ къ ней могли бы прибыть подкрѣпленія; а съ уничтоженіемъ англійскаго флота едва ли бы могъ устоять и Коромандельскій берегъ. Какое вліяніе это имѣло бы на судьбу полуострова или на условія мира, объ этомъ, конечно, можно только догадываться. Самъ же Сюффренъ надѣялся, что результатомъ обезпеченія Франціею превосходства въ Индіи могъ бы быть славный для нея миръ.

Никакихъ дальнѣйшихъ случаевъ отличія на войнѣ не представлялось для Сюффрена. Остальные годы его жизни были проведены въ почетныхъ должностяхъ на берегу. Въ 1788 году, при возникновеніи недоразумѣній съ Англіею, онъ былъ назначенъ командовать большимъ флотомъ, вооружавшимся въ Брестѣ; но, не успѣвъ даже выѣхать изъ Парижа, онъ умеръ скоропостижно 8-го декабря, на шестидесятомъ году жизни. Ка-

жется, тогда не было никакого подозрѣнія о насильственныхъ причинахъ его смерти, такъ какъ онъ былъ человѣкомъ черезмѣрно тучнымъ и апоплексическаго темперамента; но много лѣтъ спустя, распространился слухъ, и повидимому основательный, что онъ былъ убитъ на дуэли, вызванной его офиціальной дѣятельностью въ Индіи. Его старый противникъ на полѣ битвы, сэръ Эдуардъ Юзъ, умеръ въ преклонномъ возрастѣ, въ 1794 году.

ГЛАВА XIII.

События въ Вестъ-Индіи послѣ взятія Іорктоуна. — Столкновенія де Грасса съ Гудомъ. — Морское сраженіе у острововъ Святыхъ (Saints). — 1781 и 1782 гг.

Сдача Корнвалиса отмѣтила конецъ активной войны на Американскомъ континентѣ. Въ дѣйствительности исходъ послѣдней былъ обезпеченъ въ тотъ день, когда Франція посвятила свою морскую силу на поддержку колонистовъ; но, какъ нерѣдко и случается, отличительныя черты эпохи резюмировались въ одномъ замѣчательномъ событіи. Съ самаго начала военный вопросъ, благодаря физическимъ свойствамъ страны,— длинной береговой линіи, изрѣзанной глубоко вдающимися внутрь бухтами и лиманами, и вслѣдствіе этого большей легкости движенія водою, чѣмъ сушей, — зависѣлъ отъ обладанія моремъ и отъ умѣнья воспользоваться этимъ обладаніемъ. Именно отсутствіе такого умѣнья со стороны сэра Вильяма Гоу въ 1777 году, когда онъ двинулъ свою армію къ Чезапику вмѣсто того, чтобы поддержать движеніе Бэргойна, открыло путь къ разительному успѣху противника при Саратогѣ, гдѣ, къ удивленію Европы, шесть тысячъ регулярныхъ войскъ сдались отряду поселянъ. Въ теченіе послѣдовавшихъ за тѣмъ четырехъ лѣтъ, до сдачи Іорктоуна, чаши вѣсовъ колебались согласно тому, какой флотъ появлялся на сценѣ, и опирались ли англійскіе военачальники на море или же далеко уклонялись въ своихъ операціяхъ отъ опоры на него. Наконецъ, при рѣшительномъ кризисѣ, все оказывалось въ зависимости отъ того, какой флотъ, — англійскій или французскій, — появится раньше на театрѣ борьбы, и отъ того, каковы будутъ ихъ относительныя силы.

Морская борьба была сейчасъ же перенесена въ Вестъ-Индію. События, которыя послѣдовали за тѣмъ, предшествовали во времени какъ сраженіямъ Сюффрена, такъ и окончательной выручкѣ Гибралтара, но они отличаются такимъ самостоятельнымъ значеніемъ, что требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія и имѣютъ въ то же время столь близкое отношеніе къ окончанію войны и къ условіямъ мира, что составляютъ драматическій финалъ первой и ступень перехода ко второму. Такъ, въ самомъ дѣлѣ, и подобаетъ, чтобы блестящая, хотя бы и нерѣшительная, морская побѣда заключила исторію войны, по существу, морской.

Капитуляція Іорктоуна состоялась 19-го октября 1781 года, и 5-го ноября де Грассъ, не поддаваясь настояніямъ Лафайета и Вашингтона, чтобы флотъ содѣйствовалъ перенесенію войны далѣе къ югу, отплылъ изъ Чезапика. Онъ достигъ Мартиники 26-го числа, черезъ день послѣ того, какъ маркизъ де Буйе (Marquis de Bouillé), командовавшій французскими войсками въ Вестъ-Индіи, отбилъ смѣлымъ внезапнымъ нападеніемъ, голландскій островъ Св. Евстафія. Оба военачальника затѣмъ согласились на соединенную экспедицію противъ Барбадоса, осуществленію которой, однако, помѣшали сильные пассатные вѣтры.

Послѣ этой неудачи французы обратились противъ острова Св. Христофора, или Св. Киттса (планъ XVIII). 11-го января 1782 года флотъ, съ шестью тысячами солдатъ на корабляхъ, сталъ на якорь на западномъ берегу острова у Бассъ-Терра, главнаго его города. Съ берега не было оказано никакихъ препятствій, такъ какъ маленькій гарнизонъ, въ шестьсотъ человѣкъ, удалился въ укрѣпленный постъ, на десять миль къ сѣверо-западу, на Бримстонъ-Хиллѣ, — уединенной обрывистой возвышенности, командующей подвѣтреннымъ берегомъ острова. Французскія войска высадились и преслѣдовали гарнизонъ; но такъ какъ позиція оказалась слишкомъ сильной для атаки открытою силою, то начались осадныя операціи.

Французскій флотъ остался на якорѣ на рейдѣ Бассъ-Терра. Между тѣмъ вѣсти объ этомъ нападеніи достигли до сэра Самуэла Гуда, который послѣдовалъ за де Грассомъ съ

континента и, вслѣдствіе продолжавшагося отсутствія Роднея, былъ главнокомандующимъ флотомъ на Вестъ-Индской станціи. Онъ отплылъ съ Барбадоса 14-го числа, сталъ на якорь подъ Антигуой 21-го и посадилъ на свои корабли весь отрядъ войскъ, какой только можно было взять оттуда, въ числѣ около семисотъ человѣкъ. Вечеромъ 23-го числа флотъ направился къ острову Св. Киттса, неся паруса съ такимъ расчетомъ, чтобы они позволили ему подойти къ непріятелю уже на разсвѣтѣ слѣдующаго утра.

У англичанъ было только двадцать два корабля, противъ двадцати девяти французскихъ, при чемъ послѣдніе были вообще сильнѣе, чѣмъ корабли противника соотвѣтствующихъ классовъ; чтобы понять начальные планы Гуда и ихъ послѣдующія измѣненія, необходимо прослѣдить за очертаніями берега; на этомъ стоитъ остановиться, такъ какъ, несмотря на безрезультатность его попытки, поведеніе его въ теченіе послѣдовавшихъ за тѣмъ трехъ недѣль составляетъ самый блестящій образецъ военныхъ дѣйствій во всей войнѣ. Острова Св. Киттса и Невиса (планы XVIII и XIX), будучи раздѣлены только узкимъ каналомъ, непроходимымъ для линейныхъ кораблей, составляютъ, въ сущности, одинъ островъ; и такъ какъ ихъ общая ось имѣетъ направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ, то для парусныхъ кораблей, при пассатныхъ вѣтрахъ, необходимо обходить южную оконечность Невиса, откуда вѣтеръ дѣлается уже попутнымъ для достиженія всѣхъ якорныхъ стоянокъ на подвѣтренномъ берегу острововъ. Бассъ-Терръ удаленъ почти на двѣнадцать миль отъ западной оконечности Невиса (фортъ Чарльсъ), и его рейдъ тянется по направленію съ востока на западъ. Французскій флотъ стоялъ здѣсь на якорѣ въ безпорядкѣ, въ три или четыре ряда (планъ XVIII, A), не ожидая атаки; и корабли, стоявшіе въ западномъ углу рейда, не могли достигнуть тѣхъ, которые стояли въ восточномъ, безъ лавировки, — процессъ медленный, а подъ огнемъ и опасный. Важнѣйшее обстоятельство, о которомъ слѣдуетъ далѣе замѣтить, это — такое положеніе всѣхъ восточныхъ кораблей, что суда, приближавшіяся съ юга, могли пройти къ нимъ при обычномъ вѣтрѣ.

Brimstone Hill
ST KITTS I'D.
BASSE TERRE
Frigate Bay
A
a'
a''
a
B'
B
B
Salt Pond
NEVIS I'D.
План XVIII.
ГУДЪ и Де ГРАССЪ
(Hood & de Grasse)
Янв. 25 и 26, 1782 г.
Франц. 29 корабл.
Англ. 22 „
Вѣтеръ отъ ONO до OSO.

Тип. Вл. Сойке.

Поэтому Гудъ, читаемъ мы, намѣревался появиться здѣсь на разсвѣтѣ, въ боевомъ строѣ и готовымъ къ сраженію, и напасть на восточные корабли, дефилируя мимо нихъ всѣмъ флотомъ (a, a′) и сосредоточивая такимъ образомъ огонь всѣхъ своихъ кораблей на немногихъ непріятельскихъ; затѣмъ, повернувъ такъ, чтобы избѣжать огня другихъ, онъ предполагалъ, — поворотивъ сначала черезъ фордевиндъ, а затѣмъ оверштагъ, — пройти медленно со всѣмъ своимъ флотомъ мимо части непріятеля, избранной имъ для атаки. Планъ былъ смѣлый, но безспорно основательный въ принципѣ; едва ли могло случиться, чтобы слѣдствіемъ его не вышло ничего хорошаго; и если бы только де Грассъ не выказалъ большей находчивости, чѣмъ выказывалъ до тѣхъ поръ, то можно было бы надѣяться даже и на рѣшительные результаты (*).

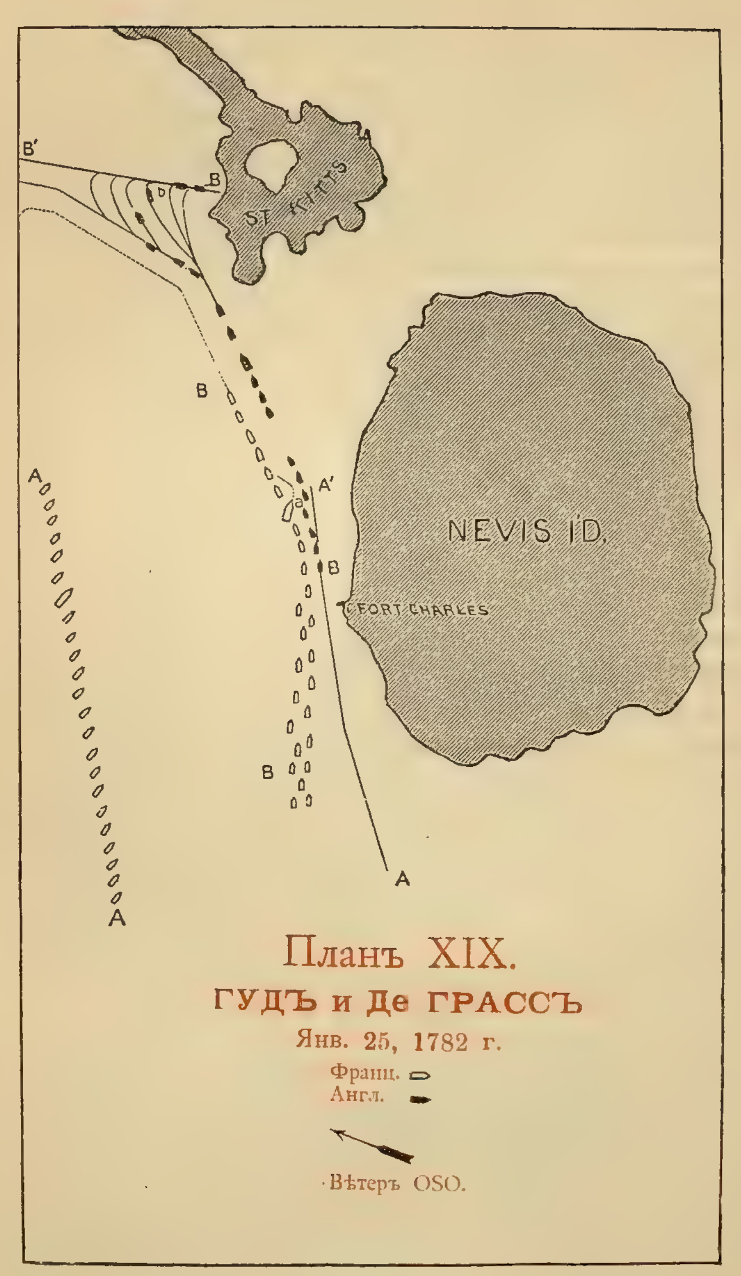
Однако и наилучше начертанные планы могутъ не удаваться; такъ и планъ Гуда былъ разрушенъ недосмотромъ вахтеннаго начальника на шедшемъ впереди фрегатѣ, который вышелъ изъ вѣтра и на который, поэтому, наскочилъ линейный корабль. Послѣдній при этомъ также получилъ такія поврежденія, которыя задержали движеніе флота на нѣсколько часовъ, потребовавшихся на ихъ исправленіе. Французы были такимъ образомъ предупреждены о приближеніи непріятеля; и де Грассъ, хотя и не подозрѣвая о предположенной атакѣ, боялся, чтобы Гудъ не прошелъ подъ вѣтеръ отъ него и не разстроилъ осады Бримстонъ-Хилла, — предпріятіе, столь безразсудно смѣлое для слабыхъ силъ Гуда, что трудно себѣ представить, какъ де Грассъ допустилъ возможность его, не замѣчая въ то же время слабости своей собственной якорной позиціи.

Въ часъ пополудни 24-го числа увидѣли англійскій флотъ, обходившій южную оконечность Невиса; въ три часа де Грассъ вступилъ подъ паруса и направился къ югу. Къ закату солнца Гудъ повернулъ на другой галсъ и легъ также къ югу, какъ

(*) Кривая a, a′, a″ представляетъ линію, по которой Гудъ думалъ слѣдовать со своимъ флотомъ при предположеніи, что вѣтеръ будетъ отъ OSO. Позиціи B, B′, B относятся къ событіямъ слѣдующаго дня и не имѣютъ ничего общаго съ діаграммой въ A.

будто бы отступая; но онъ былъ значительно на вѣтрѣ у своего противника и сохранялъ это преимущество въ теченіе всей ночи. На разсвѣтѣ оба флота были подъ вѣтромъ Невиса — англійскій близъ острова, французскій въ разстояніи около девяти миль отъ него (планъ XIX). Нѣкоторое время было потрачено на маневрированіе, въ которомъ цѣлью Гуда было согнать французскаго адмирала еще болѣе подъ вѣтеръ, такъ какъ послѣ неудачи своей первой попытки онъ составилъ еще болѣе смѣлый планъ—занять мѣсто якорной стоянки, оставленное его несообразительнымъ противникомъ, и утвердиться тамъ въ неприступной позиціи. Въ этомъ онъ успѣлъ, какъ будетъ видно ниже; но, чтобы понять оправданіе этого явно рискованнаго движенія, необходимо указать, что Гудъ такимъ образомъ становился между осаждавшими Бримстонъ-Хиллъ и ихъ флотомъ; или, если бы послѣдній сталъ на якорь близъ холма, то англійскій флотъ оказался бы между нимъ и его базою на Мартиникѣ, готовый перехватить припасы или вспомогательные отряды противника, направленные сюда съ юга. Коротко говоря, позиція, на которой Гудъ надѣялся утвердиться, была на флангѣ коммуникаціонной линіи противника,— позиція, тѣмъ болѣе выгодная, что на островѣ не было средствъ для продовольствія цѣлаго отряда войскъ, такъ внезапно высаженнаго на него. Кромѣ того, оба флота поджидали подкрѣпленій; Родней былъ на пути и могъ прибыть ранѣе французскаго подкрѣпленія, — что̀ онъ и сдѣлалъ, и во̀-время, чтобы спасти островъ Св. Киттса, — чего онъ не сдѣлалъ. Надо помнить также, что это было только четыре мѣсяца спустя послѣ того, какъ былъ взятъ Іорктоунъ; дѣла Англіи шли плохо; кое-что слѣдовало бы сдѣлать, а кое-что предоставить случаю, и Гудъ зналъ себя и своихъ офицеровъ. Можно прибавить также, что онъ зналъ и своего противника.

Въ полдень, когда склоны холмовъ Невиса покрылись любопытными и заинтересованными въ результатѣ зрителями, англійскій флотъ быстро построился въ линію на правомъ галсѣ и легъ на сѣверъ, по направленію къ Бассъ-Терръ (планъ XIX, A, A′). Французы въ этотъ моментъ шли въ строѣ кильватера къ югу, но сейчасъ же повернули на другой галсъ

План XIX.

ГУДЪ и Де ГРАССЪ

Янв. 25, 1782 г.

тип. эд. гоппе.

и направились на непріятеля въ строѣ пеленга (*) (A, A). Въ два часа британскій флотъ былъ уже въ такомъ положеніи, что Гудъ сдѣлалъ ему сигналъ стать на якорь. Въ двадцать минутъ третьяго французскій авангардъ подошелъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла къ англійскому центру (B, B, B), и скоро затѣмъ былъ открытъ огонь, при чемъ нападавшіе совершенно правильно направляли свои усилія, главнымъ образомъ, на арьергардные англійскіе корабли, которые, — какъ это часто бываетъ при очень длинныхъ кильватерныхъ строяхъ,— растянулись, чему въ этомъ случаѣ способствовала еще медленность хода четвертаго корабля, считая отъ концеваго, *Prudent*. Французскій флагманскій корабль, *Ville de Paris*, сто двадцатипушечный, подъ флагомъ де Грасса, бросился въ образовавшійся такимъ образомъ разрывъ, но ему помѣшалъ *Canada*, семидесяти четырехъ-пушечный корабль, командиръ котораго, Корнвалисъ, братъ лорда Корнвалиса, обстенилъ всѣ паруса и сдался назадъ передъ носомъ огромнаго непріятеля для поддержки арьергарда; этому примѣру благородно послѣдовали *Resolution* и *Bedford*, бывшіе непосредственно впереди его (a). Представлявшаяся теперь картина была полна движенія, при крайнемъ воодушевленіи противниковъ. Англійскій авангардъ, избѣжавшій атаки, быстро становился на якорь (b) въ назначенной ему диспозиціи. Командовавшій эскадрой, находившійся въ центрѣ, гордо полагаясь на искусство и доблесть своихъ командировъ, сдѣлалъ сигналъ переднимъ кораблямъ поставить всѣ паруса и занять свои мѣста, не обращая вниманія на опасность, угрожавшую арьергарду. Послѣдній, атакованный на близкомъ разстояніи противникомъ, численно превосходившимъ его, невозмутимо шелъ къ своей цѣли, убавивъ паруса, и сталъ на якорь, послѣдовательно, въ линіи кильватера (B, B′), при громѣ орудій французовъ, смущенныхъ своею неудачею. Де Грассъ продефилировалъ мимо врага, разрядивъ по немъ орудія, и отошелъ, взявъ опять къ югу и уступивъ такимъ обра-

(*) Когда флотъ построенъ въ линіи кильватера, въ крутой бейдевиндъ, и корабли повернутъ на другой галсъ вмѣстѣ, то они придутъ на этотъ галсъ не въ кильватерѣ одинъ другому, хотя и на той же линіи, а въ строѣ, который называется строемъ пеленга (bow and quarter line).

*

зомъ свою прежнюю якорную стоянку слабѣйшему, но болѣе искусному сопернику.

Якорное мѣсто, такъ блистательно занятое Гудомъ, не было въ точности тѣмъ, какое занималъ наканунѣ де Грассъ; но такъ какъ оно закрывало послѣднее и командовало имъ, то заявленіе Гуда, что онъ овладѣлъ мѣстомъ, оставленнымъ его противникомъ, по существу, вѣрно. Слѣдующія ночь и утро прошли въ перемѣнѣ и усиленіи строя, который, въ окончательномъ его видѣ, указанъ на планѣ XVIII буквами B, B′. Авангардный корабль сталъ на якорь въ разстояніи около четырехъ миль къ юго-востоку отъ Бассъ-Терра, такъ близко къ берегу, что другой корабль не могъ бы пройти между нимъ и этимъ берегомъ и даже не могъ бы подойти къ нему при господствовавшихъ вѣтрахъ, вслѣдствіе близости мыса и мели, прикрывавшихъ его позицію. Отъ этого пункта линія флота направлялась на вестъ-нордъ-вестъ, до двѣнадцатаго или тринадцатаго корабля (на протяженіи отъ одной съ четвертью до полторы мили), отъ котораго поворачивала довольно круто къ сѣверу, такъ что послѣдніе шесть кораблей расположились почти по меридіану. Флагманскій корабль Гуда, *Barfleur*, девяноста-пушечный, былъ вершиною образовавшагося такимъ образомъ исходящаго угла.

Собственно французскій флотъ могъ бы занять свою прежнюю стоянку; но противъ нея, какъ и противъ всѣхъ другихъ подвѣтренныхъ позицій, говорили вышеприведенныя соображенія до тѣхъ поръ, пока Гудъ оставался на своемъ мѣстѣ. Необходимо было поэтому принудить его оставить послѣднее; но это было, однако, крайне трудно, вслѣдствіе вышеописанной тщательно обдуманной съ тактической стороны диспозиціи его. Его лѣвый флангъ прикрывался берегомъ. Всякая попытка анфилировать фронтъ, т. е. обстрѣливать его продольнымъ огнемъ, проходя вдоль другаго фланга, была бы встрѣчена залпами шести или восьми кораблей, поддерживавшихъ арьергардъ. Фронтъ командовалъ подходами къ Бассъ-Терру. Атакѣ же его съ тыла, съ сѣверо-запада, препятствовалъ пассатный вѣтеръ. Къ этимъ затрудненіямъ присоединялось еще то обстоятельство въ пользу англичанъ, что атаку приходилось

вести подъ парусами, противъ кораблей на якорѣ, для которыхъ потеря рангоута не имѣла непосредственнаго значенія и которые, стоя на шпрингахъ (*), очень легко могли обстрѣливать своими залпами широкую площадь.

Несмотря на то, какъ здравыя политическія соображенія, такъ и чувство оскорбленнаго самолюбія, побуждали де Грасса къ бою, на который онъ и рѣшился на слѣдующій день, 26-го января. Его методъ нападенія на столь тщательно построенную линію противника, въ кильватерной колоннѣ изъ двадцати девяти кораблей, былъ крайне ошибоченъ; но можно сомнѣваться, чтобы кто-либо изъ флотоводцевъ той эпохи рѣшился нарушить традиціонный боевой строй (**). Гудъ, въ своей неудавшейся первой атакѣ, намѣревался сдѣлать то же самое, но онъ надѣялся тогда на внезапность своего нападенія и на плохой строй непріятеля, и кромѣ того при той позиціи, какую занимали тогда французы, было возможно подойти къ ихъ восточнымъ кораблямъ, подвергаясь только малому сосредоточенію огня ихъ. Теперь было не то. Французы построились въ кильватерную колонну и направились съ юга на восточный флангъ линіи Гуда. Когда авангардный корабль дошелъ до вышеупомянутаго мыса, вѣтеръ зашелъ ему съ носа, такъ что онъ могъ подойти только къ третьему кораблю въ англійскомъ строѣ, первые четыре корабля котораго, пользуясь своими шпрингами, сосредоточили противъ него свои орудія. Англичане полагаютъ, что упомянутый авангардный французскій корабль носилъ имя *Pluton*, и если такъ, то его командиромъ былъ д'Альберъ де Ріонъ (d'Albert de Rions), — по мнѣнію Сюффрена, наиболѣе выдающійся офицеръ французскаго флота.

(*) Шпрингъ — это канатъ, идущій съ кормы стоящаго на якорѣ корабля, къ якорю, брошенному въ такомъ мѣстѣ, чтобы, травя или выбирая упомянутый канатъ, можно было поворачивать корабль въ любомъ направленіи.

(**) Въ военномъ совѣтѣ союзныхъ флотовъ по вопросу о цѣлесообразности атаки англійской эскадры, стоявшей на якорѣ въ Торбэй (стр. 466), одинъ противникъ этой мѣры доказывалъ, что «весь соединенный флотъ не могъ бы спуститься на англичанъ въ боевой линіи фронта; что конечно корабли должны построиться въ строй кильватера и спуститься на непріятеля поодиночкѣ, чѣмъ послѣдній подвергся бы величайшему риску быть разстрѣляннымъ въ щепы», и т. д. (Beatson, vol. V, p. 396).

«Разрушеніе, причинявшееся мѣткими залпами», писалъ одинъ англійскій офицеръ, очевидецъ сраженія, «было такъ ужасно, что большіе куски досокъ летѣли съ разбитаго корпуса корабля прежде, чѣмъ онъ вышелъ изъ подъ мѣткаго, сосредоточеннаго огня рѣшительныхъ противниковъ. По мѣрѣ дальнѣйшаго слѣдованія вдоль британской линіи, онъ получалъ первый огонь каждаго корабля ея. Въ результатѣ онъ пришелъ въ такое состояніе, что долженъ былъ спуститься и уйти къ острову Св. Евстафія». И такимъ образомъ всѣ корабли прошли, одинъ за другимъ, вдоль линіи (планъ XVIII, B, B′), расточая свои выстрѣлы послѣдовательно, въ доблестномъ, но печальномъ, безрезультатномъ однообразіи на всемъ протяженіи. Во второй разъ, въ тотъ же день, де Грассъ атаковалъ противника въ томъ же строѣ, но пренебрегая англійскимъ авангардомъ и направивъ свои усилія лишь на арьергардъ и на центръ его. И эта атака была такъ же безплодна, и, кажется, была исполнена не энергично.

Съ этого времени до 14-го февраля Гудъ сохранялъ свою позицію въ виду французскаго флота, который оставался въ крейсерствѣ въ открытомъ морѣ и къ югу. 1-го числа прибыло посыльное судно отъ Кемпенфельдта, съ извѣстіемъ о разсѣяніи французскихъ подкрѣпленій, шедшихъ въ Вестъ-Индію, что должно было возобновить надежды Гуда на то, что его смѣлая попытка можетъ имѣть успѣхъ въ случаѣ прибытія Роднея. Этому, однако, не суждено было случиться. Бримстонъ-Хиллъ сдался 12-го числа, послѣ славной обороны. 13-го числа де Грассъ отвелъ свой флотъ, состоявшій теперь изъ тридцати трехъ линейныхъ кораблей, къ Невису и сталъ тамъ на якорь. Ночью 14-го числа Гудъ созвалъ на свой корабль всѣхъ командировъ, приказалъ имъ поставить ихъ часы точно по своимъ, и въ 11 часовъ вечера всѣ корабли, одинъ за другимъ, безъ сигнала и безъ шума, обрубили канаты и, вступивъ подъ паруса, легли на сѣверъ, обойдя оконечность острова незамѣченными французами или, по крайней мѣрѣ, безъ всякихъ препятствій со стороны ихъ.

Какъ съ стратегической такъ и съ тактической точекъ зрѣнія планы и диспозиціи Гуда были превосходны, и испол-

ненie ихъ дѣлало честь искусству и настойчивости его самого и подначальныхъ ему командировъ. Операція его, разсматриваемая отдѣльно, представляется вполнѣ блестящей; разсматриваемая же по отношенію къ общему положенію Англіи въ то время, она представляетъ данныя къ еще болѣе высокой оцѣнкѣ качествъ адмирала (*). Островъ Св. Киттса, самъ по себѣ, могъ и не стоить большаго риска; но для увѣнчанія флага Англіи какимъ-либо значительнымъ успѣхомъ было существенно важно, чтобы въ веденіе ею морской войны были внесены энергія и смѣлость. Матеріальный успѣхъ не былъ достигнутъ. Шансы, хотя приблизительно и равные, все-таки обратились противъ Гуда; но каждый человѣкъ въ его флотѣ долженъ былъ чувствовать блескъ смѣлаго предпріятія, подъемъ духа, являющагося всегда слѣдствіемъ благородно исполненнаго долга. Если бы этотъ флотоводецъ былъ главнокомандующимъ въ операціяхъ, когда на ставкѣ были болѣе серьезные интересы, если бы онъ былъ первымъ, а не вторымъ при Чезапикѣ, то Корнвалисъ могъ бы быть спасенъ. Описанная операція — занятіе якорной стоянки, оставленной непріятелемъ — была бы почти такою же и тамъ; и оба положенія могутъ вынести поучительное сравненіе съ выручкой Сюффреномъ Куддалора.

Поведеніе де Грасса въ описанномъ сейчасъ дѣлѣ также должно разсматриваться не только по отношенію къ част-

---

(*) Въ войнѣ, какъ и въ картахъ, «состояніе записей» должно иногда управлять игрой; и начальникъ, который никогда не беретъ въ соображеніе вліянія, какое окажетъ его частное дѣйствіе на общій результатъ, или того, что требуется отъ него положеніемъ дѣлъ въ другихъ мѣстахъ, — какъ политическимъ, такъ и военнымъ, — лишенъ существеннаго качества, необходимаго для великаго военачальника. «Смѣлость, съ какою Веллингтонъ штурмовалъ редутъ Франциско (при Сіудадъ-Родриго) и заложилъ траншею въ первую ночь осады; еще большая смѣлость, съ какою онъ сдѣлалъ нападеніе прежде, чѣмъ огонь обороны былъ сколько-нибудь ослабленъ и прежде, чѣмъ сбитъ былъ контръ-эскарпъ, были истинными причинами внезапнаго паденія атакованнаго пункта. *Какъ военное, такъ и политическое положеніе дѣлъ оправдывало это пренебреженіе правилами.* Когда генералъ окончилъ свой приказъ о нападеніи словами, что Сіудадъ Родриго *должно* штурмовать въ этотъ вечеръ, онъ хорошо зналъ, что къ этому отнесутся доблестно». (Napier's Peninsular War). «Полагая, что честь оружія его величества *и обстоятельства войны въ этихъ моряхъ* требовали значительной степени предпріимчивости, я считалъ, что былъ правъ, отступая отъ регулярной системы». (Sir John Jervis, Report of the Battle of Cape St. Vincent).

ному случаю, но и къ общимъ условіямъ войны; и разобравъ его именно такимъ образомъ, а также въ сопоставленіи съ тѣмъ, какъ де Грассъ дѣйствовалъ въ другихъ благопріятныхъ случаяхъ, которыми не сумѣлъ воспользоваться, мы можемъ произнести надлежащую оцѣнку военныхъ способностей послѣдняго. Такое сопоставленіе, однако, лучше отложить до не очень далекаго въ нашемъ изложеніи конца кампаніи. Здѣсь же мы считаемъ въ высшей степени полезнымъ обратить вниманіе на то, что упущеніе де Грассомъ случая разбить эскадру Гуда на якорѣ, при условіи, что его силы по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ процентовъ превосходили силы послѣдняго, строго согласовалось съ принципомъ французовъ подчинять дѣятельность флота такъ называемымъ частнымъ операціямъ; такъ какъ ничто не можетъ быть поучительнѣе указанія вліянія невѣрнаго принципа въ бѣдственномъ сраженіи. Сравнительная слабость силъ Гуда была такова, что умаляла для наступательныхъ цѣлей значеніе его командующей позиціи. Де Грассъ, пока держался на вѣтрѣ, сохранялъ свои сообщенія съ Мартиникой и былъ достаточно силенъ при этомъ для того, чтобы, въ случаѣ необходимости, установить сообщеніе съ войсками, стоявшими передъ Бримстонъ-Хиллемъ. Было вѣроятно, какъ это и подтвердили событія, что частная операція, взятіе острова Св. Киттса, удастся, несмотря на присутствіе здѣсь англійскаго флота; а «французскій флотъ всегда предпочиталъ славу обезпеченія территоріальнаго завоеванія, быть можетъ, болѣе блестящей, но менѣе существенной славѣ взятія немногихъ непріятельскихъ кораблей».

Такимъ образомъ пока де Грасса нельзя еще обвинять въ какой-либо ошибкѣ, кромѣ той, что онъ не сталъ выше традицій отечественнаго флота. Однако за нѣсколько дней до сдачи острова и до отплытія англійскаго флота къ нему присоединились два линейные корабля, сообщившіе ему о разсѣяніи отряда подкрѣпленій и продовольственныхъ судовъ, ожидавшихся изъ Европы (*). Для него выяснилось тогда, что

(*) Нападеніемъ Кемпенфельдта на караванъ де Гишена и послѣдовавшимъ затѣмъ штормомъ въ декабрѣ 1781 г. (см. стран. 469).

флотъ его не можетъ усилиться до прибытія Роднея, послѣ котораго противникъ сдѣлается сильнѣе его. До тѣхъ же поръ у него было тридцать три линейныхъ корабля, а въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него стояли на якорѣ двадцать два англійскіе, ожидавшіе, какъ онъ это зналъ, его атаки; тѣмъ не менѣе, онъ позволилъ имъ уйти безпрепятственно. Его собственное объясненіе показываетъ, что онъ не хотѣлъ атаковать непріятеля на якорѣ: —

„Черезъ день послѣ капитуляціи Бримстонъ-Хилла надлежало близко наблюдать за Гудомъ и вступить съ нимъ въ бой, *какъ только онъ снимется съ якоря* и отойдетъ отъ завоеваннаго острова. Но наша провизія была на исходѣ; у насъ оставалось ея только на тридцать шесть часовъ. Нѣсколько продовольственныхъ судовъ прибыли въ Невисъ, и вы, конечно, согласитесь, что прежде, чѣмъ думать о сраженіи, надо было обезпечить продовольствіе. Я отплылъ къ Невису, — оставаясь все время на вѣтрѣ и не упуская изъ виду непріятеля, такъ какъ былъ всего въ разстояніи полторы лиги отъ него, — чтобы погрузить на свои корабли необходимые припасы такъ скоро, какъ только возможно. Гудъ отплылъ ночью, безъ сигналовъ, и на слѣдующее утро я нашелъ только больнаго, котораго онъ оставилъ на берегу“ (*).

Другими словами, Гудъ, настаивавшій на своемъ планѣ съ величайшей смѣлостью и искусствомъ, пока имѣлъ хоть какой-либо шансъ на успѣшное сопротивленіе, отказался ждать атаки противника, когда условія сложились крайне неблагопріятно для него. Что же сказать о вышеприведенной ссылкѣ графа де Грасса на недостатокъ провизіи? Развѣ онъ не зналъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ, на сколько дней хватитъ у него запаса ея? Развѣ онъ не зналъ, за четыре дня до отплытія Гуда, что въ то время, какъ послѣдній, навѣрное, долженъ получить подкрѣпленія, онъ, де Грассъ, по всей вѣроятности, не можетъ разсчитывать въ предстоявшей кампаніи ни на одинъ корабль сверхъ вошедшихъ уже въ составъ его флота? Далѣе, если занятая англичанами позиція была настолько сильна, насколько могли сдѣлать ее такою сообразительность, профессіональное искусство и смѣлость противника, то не имѣла ли она и слабыхъ пунктовъ? Развѣ не находились подвѣтренные корабли въ этой диспозиціи подъ вѣтромъ у де Грасса и развѣ не могъ бы

(*) Kerguelen: Guerre Maritime de 1778. Letter of de Grasse to Kerguelen, dated Paris, January 8, 1783, p. 263.

послѣдній задержать ихъ, если бы они попытались вылавировать на вѣтеръ? Если нельзя было подойти къ авангарду противника, то что мѣшало де Грассу атаковать двумя или даже тремя своими кораблями третій и дальнѣйшіе корабли непріятельской линіи? Письмо Сюффрена, относящееся къ подобному же положенію дѣлъ при Санта Лючіи (*), но написанное за три года передъ описываемыми теперь событіями, кажется почти пророчествомъ: —

„Несмотря на малые результаты двухъ канонадъ 15-го декабря (1778 г.),... мы все-таки можемъ еще ожидать успѣха; но единственное средство достигнуть его, это – энергичная атака враждебной эскадры, которая неспособна при нашемъ превосходствѣ оказать сопротивленіе, несмотря на береговыя батареи, такъ какъ дѣйствіе послѣднихъ будетъ нейтрализовано, *если мы свалимся съ ея кораблями на абордажъ или отдадимъ якоря на мѣста ихъ буйковъ*. Въ случаѣ же нашей медлительности, тысячи обстоятельствъ могутъ спасти ихъ. *Они могутъ воспользоваться ночью для отплытія*".

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что англичане продали бы свое пораженіе дорого; но за всякіе серьезные результаты въ войнѣ приходится платить, и въ общемъ итогѣ лучшіе изъ нихъ окажутся самыми дешевыми. Ясное пониманіе немногихъ простыхъ принциповъ,—что флотъ непріятеля былъ господствовавшимъ факторомъ въ предстоявшей кампаніи, что поэтому онъ былъ истиннымъ предметомъ дѣйствій и что часть его, разъ удалось застигнуть ее въ отдѣльности, слѣдовало постараться разбить безъ замедленія, — спасло бы де Грасса отъ большой стратегической ошибки; но здѣсь только къ мѣсту замѣтить, что такое пониманіе сдѣлало бы его исключеніемъ въ личномъ составѣ французскаго флота.

Теперь приближался часъ, когда французскій адмиралъ долженъ былъ почувствовать, — даже, если и не понималъ этого, — послѣдствія своей ошибки, которою онъ выигралъ жалкій островокъ и упустилъ англійскій флотъ. Родней вышелъ изъ Европы 15-го января, съ двѣнадцатью линейными кораблями. 19-го февраля онъ сталъ на якорь у Барбадоса и въ тотъ же день Гудъ достигъ Антигуы послѣ отплытія своего отъ острова Св. Киттса. 25-го февраля обѣ эскадры встрѣтились на вѣтрѣ отъ Антигуы, составивъ такимъ образомъ со-

(*) См. стран. 489.

единенный флотъ изъ тридцати четырехъ линейныхъ кораблей. На слѣдующій день де Грассъ сталъ на якорь въ Фортъ-Роялѣ, уйдя этимъ отъ погони, немедленно начатой Роднеемъ. Англійскій адмиралъ возвратился въ С. Лючіа, гдѣ къ нему присоединились еще три линейные корабля изъ Англіи, увеличивъ численность его флота до тридцати семи вымпеловъ. Зная, что изъ Франціи ожидался большой караванъ судовъ, до прибытія котораго ничего нельзя было предпринять, Родней послалъ часть своего флота въ крейсерство, на вѣтеръ, къ сѣверу до самой Гваделупы; но офицеръ, командовавшій конвоемъ французскаго каравана, подозрѣвая о томъ, что это будетъ сдѣлано, держался еще значительно сѣвернѣе упомянутаго острова и достигъ благополучно Фортъ-Рояля, на Мартиникѣ, 20-го марта. Военные корабли, бывшіе съ нимъ, подняли численность флота де Грасса до тридцати трехъ линейныхъ кораблей и двухъ пятидесяти пушечныхъ.

Цѣлью соединенныхъ усилій Франціи и Испаніи въ этомъ году было завоеваніе Ямайки. Ожидали соединенія у Французскаго мыса (теперь Cap Haïtien), на Гаити, пятидесяти линейныхъ кораблей и двадцати тысячъ войскъ. Часть послѣднихъ была уже на мѣстѣ этого rendez-vous; и де Грассъ, назначенный командовать соединенными флотами, долженъ былъ взять всѣ надежныя войска съ Мартиники и припасы съ французскихъ острововъ и конвоировать ихъ къ мѣсту сбора въ Гаити. Воспрепятствованіе этому соединенію и было задачей, возложенной на Роднея.

Районъ, въ предѣлахъ котораго состоялись важныя операціи въ теченіе послѣдовавшихъ нѣсколькихъ дней, обнимаетъ разстояніе ста пятидесяти миль съ юга на сѣверъ и заключаетъ острова С. Лючію, Мартинику, Доминику и Гваделупу въ поименованномъ порядкѣ (см. планъ XI, стран. 434). Въ то время первый былъ въ рукахъ Англіи, а остальные — въ рукахъ Франціи. Окончательное и рѣшительное для того момента столкновеніе противниковъ произошло между Доминикой и Гваделупой, немного къ западу отъ нихъ. Эти острова отстоятъ другъ отъ друга на двадцать три мили, но проливъ между ними суживается до тринадцати миль тремя островками, носящими на-

званіе островов Святыхъ и лежащими на десять миль южнѣе Гваделупы. Полагаютъ, что де Грассъ намѣревался, — вмѣсто того, чтобы отплыть прямо къ Французскому мысу (*), — пройти кружнымъ путемъ близъ острововъ, которые, будучи дружественными или нейтральными, дали бы убѣжище каравану въ случаѣ необходимости. Погоня англійскаго флота, догнавшаго его близъ Доминики, заставила де Грасса отказаться отъ этого плана и, пославъ караванъ въ Бассъ-Терръ, на южной оконечности Гваделупы, попытаться въ то же время вылавировать всѣмъ флотомъ черезъ вышеупомянутый проливъ и пройти восточнѣе острова, чтобы отвлечь такимъ образомъ англичанъ отъ транспортовъ и избавиться отъ тактическихъ затрудненій, причинявшихся ему присутствіемъ послѣднихъ. Аваріи нѣкоторыхъ кораблей помѣшали этой попыткѣ и привели къ битвѣ, бѣдственной для него и роковой для соединеннаго предпріятія.

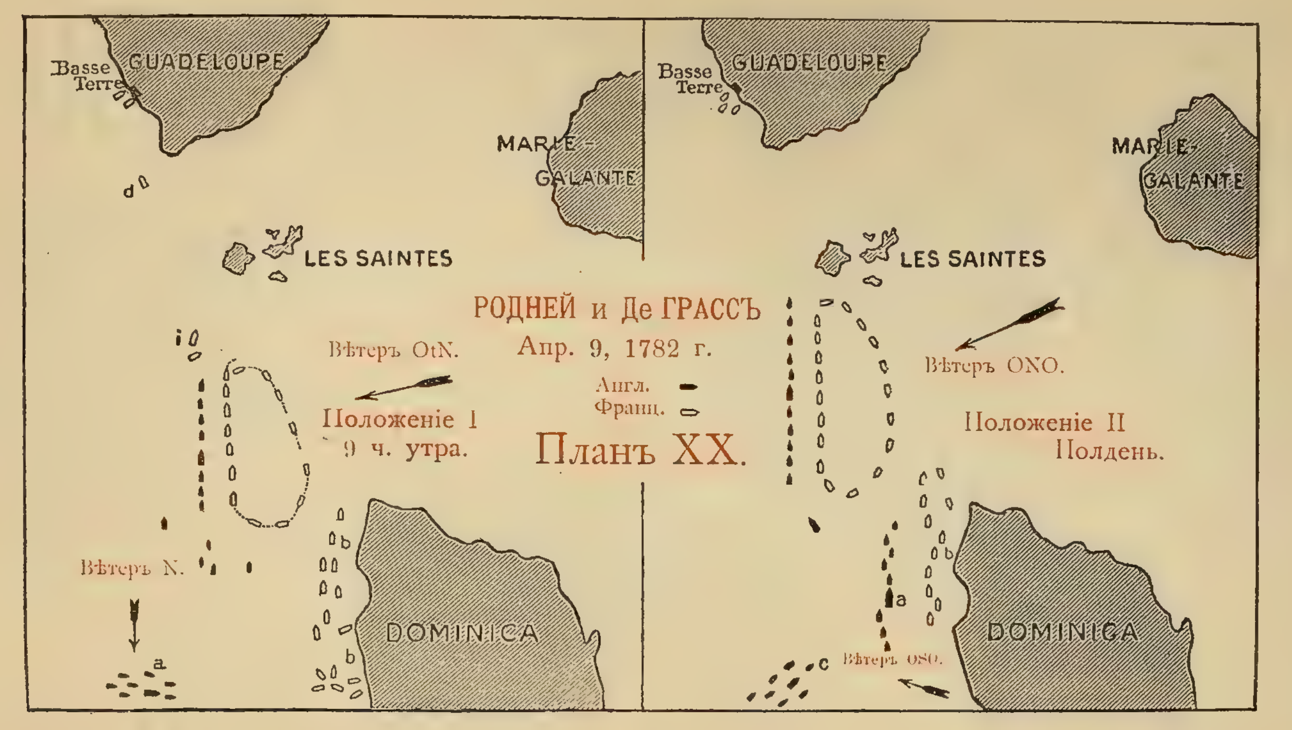
Якорныя стоянки враждебныхъ флотовъ на Мартиникѣ и С. Лючіи отстояли другъ отъ друга на тридцать миль. Господствующій восточный вѣтеръ обыкновенно благопріятенъ для перехода отъ первой ко второй; но сильное западное теченіе, при частыхъ штиляхъ или при слабыхъ вѣтрахъ, сносило подъ вѣтеръ парусные корабли, шедшіе съ С. Лючіи къ Мартиникѣ. Цѣпь фрегатовъ поддерживала сигналами сообщеніе между англійскими сторожевыми кораблями, державшимися близъ Мартиники, съ флагманскимъ кораблемъ Роднея въ бухтѣ Гросъ Айлотъ. Дѣятельность кипѣла на обѣихъ станціяхъ; французы были заняты многочисленными приготовленіями, необходимыми для большаго военнаго предпріятія; англичане же, хотя и не имѣя такой сложной задачи, все-таки находились въ томъ состояніи ожиданія и готовности къ внезапному сраженію, которое требуетъ постоянной бдительности и умственнаго напряженія.

5-го апрѣля Родней былъ извѣщенъ, что непріятельскія войска садятся на суда, и 8-го, вскорѣ послѣ разсвѣта, сторожевые фрегаты сдѣлали сигналъ, что французы выходятъ изъ порта. Англійскій флотъ сейчасъ же началъ сниматься

(*) См. карту IV, Сѣверный Атлантическій океанъ.

съ якоря и къ полудню вышелъ изъ гавани въ числѣ тридцати шести линейныхъ кораблей. Въ два съ половиною часа пополудни съ передовыхъ фрегатовъ увидѣли французскій флотъ, къ закату же солнца его можно было видѣть и съ марсовъ центральныхъ кораблей. Англичане пролежали на сѣверъ всю ночь, и на разсвѣтѣ 9-го числа были на траверзѣ Доминики, но бо̀льшая часть кораблей ихъ заштилѣла. Ближе къ берегу, къ сѣверо-востоку, виднѣлся французскій флотъ съ караваномъ: собственно боевой флотъ состоялъ изъ тридцати трехъ линейныхъ кораблей, кромѣ мѐньшихъ судовъ; въ караванѣ же было сто пятьдесятъ судо̀въ, подъ спеціальной охраной двухъ пятидесятипушечныхъ кораблей. Неправильные и перемѣнные вѣтры, обычные въ ночное время и въ ранній часъ дня близъ берега, разсѣяли это нестройное сборище судовъ. Пятнадцать линейныхъ кораблей были въ проливѣ между Доминикой и островами Святыхъ, видимо вылавировывая на вѣтеръ въ полосѣ свѣжаго пассата; остальные же линейные корабли и бо̀льшая часть каравана все еще штилѣли подъ Мартиникой (планъ XX, положеніе I, b). Французскіе корабли, однако, постепенно, одинъ за другимъ, наполняли паруса, благодаря задувавшему съ берега слабому вѣтру; и тѣ изъ нихъ, которые къ своему благополучію не зашли еще такъ далеко въ открытое море, какъ англійскіе, отошли отъ острова и вошли въ полосу болѣе постояннаго вѣтра, дувшаго въ проливъ, усиливъ группу, которая обладала теперь основнымъ элементомъ морской силы — подвижностью. Въ то же самое время слабые порывы вѣтра отъ юго-востока долетѣли до англійскаго авангарда, которымъ командовалъ Гудъ, отнеся его слегка къ сѣверу отъ главной части флота, по направленію къ двумъ отдѣлившимся французскимъ кораблямъ (i); послѣдніе упали подъ вѣтеръ въ теченіе ночи и раздѣлили участь заштилѣвшаго безъ движенія англійскаго флота, носы неподвижныхъ кораблей котораго направлялись по всѣмъ румбамъ компаса. Гудъ подошелъ уже къ отсталымъ французамъ на дистанцію пушечнаго выстрѣла, когда легкій порывъ вѣтра съ сѣверо-запада далъ имъ возможность отойти отъ противника и приблизиться къ остальнымъ ихъ кораблямъ въ проливѣ.

Чѣмъ дальше подвигался англійскій авангардъ, тѣмъ свѣжѣе становился вѣтеръ, и когда, наконецъ, онъ совсѣмъ вышелъ изъ пролива Святыхъ, то попалъ въ полосу пассата. Де Грассъ приказалъ сигналомъ каравану идти къ Гваделупѣ, и это приказаніе было исполнено такъ хорошо, что всѣ суда каравана скрылись изъ виду по направленію къ сѣверу, къ двумъ часамъ пополудни, и не появятся уже въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Такъ какъ оба упавшіе подъ вѣтеръ французскіе корабля, о которыхъ выше было упомянуто, не ушли еще отъ опасности нападенія на нихъ англійскаго авангарда, получившаго теперь благопріятный вѣтеръ, и такъ какъ этотъ авангардъ сильно отдѣлился отъ своего арьергарда и центра, то де Грассъ приказалъ своему авангарду спуститься и вступить въ бой. Сигналъ этотъ былъ исполненъ судами, которымъ онъ былъ сдѣланъ, и тремя другими,—въ общей сложности четырнадцатью или пятнадцатью кораблями, начавшими сраженіе въ половинѣ десятаго утра; оно продолжалось, съ перерывами, до четверти втораго. Гудъ скоро принужденъ былъ лечь въ дрейфъ, чтобы не отдѣляться слишкомъ отъ главнаго флота; французы же продолжали держаться на ходу, приближаясь съ арьергарда и проходя мимо противника съ навѣтра, послѣдовательно, на полудистанціи пушечнаго выстрѣла отъ него (планъ XX, положеніе I). Каждый корабль ихъ, послѣ прохожденія головнаго корабля англійской дивизіи, поворачивалъ оверштагъ и спускался обратно къ югу до позиціи, съ которой могъ снова занять свое мѣсто въ строѣ для атаки,—описывая такимъ образомъ непрерывную неправильную кривую, эллиптической формы, на вѣтрѣ у своихъ противниковъ. Тяжесть атаки пала на восемь или на девять англійскихъ кораблей, но число ихъ послѣдовательно увеличивалось, по мѣрѣ того, какъ одинъ корабль за другимъ выводился порывами вѣтра изъ штилевой области подъ Доминикой; но и французы получали подкрѣпленія по той же причинѣ. Пока бой шелъ такимъ образомъ, часть англійскаго центра,—восемь кораблей, одинъ изъ нихъ подъ флагомъ Роднея (положеніе I, a),—тщательно пользуясь всякимъ, даже слабымъ, порывомъ вѣтра, сумѣли подойти ближе къ берегу, гдѣ и получили морской вѣтеръ, болѣе сильный здѣсь, чѣмъ въ откры-

Basse Terre
GUADELOUPE
MARIE-GALANTE
LES SAINTES
Вѣтеръ OtN.
Положеніе I
9 ч. утра.
Вѣтеръ N.
DOMINICA
РОДНЕЙ и Де ГРАССЪ
Апр. 9, 1782 г.
Англ.
Франц.
Планъ XX.
Basse Terre
GUADELOUPE
MARIE-GALANTE
LES SAINTES
Вѣтеръ ONO.
Положеніе II
Полдень.
Вѣтеръ OSO.
DOMINICA

Тип. Эд. Гоппе

томъ морѣ. Сейчасъ же за тѣмъ,—это было около одиннадцати часовъ утра, эти корабли легли на сѣверъ, будучи теперь сзади, но на вѣтрѣ, относительно какъ англійскаго авангарда, такъ и относительно нападавшихъ на него (положеніе II, a). Послѣдніе, видя это, повернули оверштагъ и, прекративъ на время бой, направились къ югу, для соединенія со своимъ центромъ съ тѣмъ, чтобы поставить восемь кораблей Роднея между двухъ огней. Въ половинѣ двѣнадцатаго французы снова построились въ кильватеръ, на правомъ галсѣ, такъ какъ большая часть кораблей ихъ была уже въ полосѣ вѣтра, тогда какъ англійскій арьергардъ все еще штилѣлъ. Численный перевѣсъ на сторонѣ французовъ позволилъ имъ растянуться съ сѣвера на югъ вдоль всего протяженія англійской линіи, тогда какъ послѣдняя все еще была разорвана большимъ промежуткомъ между авангардомъ и центромъ (положеніе II). Нападеніе на Гуда, поэтому, было энергично возобновлено; но французскій центръ и арьергардъ (b), бывшіе въ полосѣ вѣтра, не подходили ближе и обстрѣливали дивизію Роднея съ большой дистанціи. Въ четверть втораго часа французы, увидѣвъ, что вся британская линія приближается, прекратили стрѣльбу, и въ два часа Родней спустилъ боевой флагъ, такъ какъ непріятель удалился.

Сраженіе 9-го апрѣля свелось въ сущности не болѣе, какъ къ артиллерійскому поединку. Одинъ французскій корабль *Caton*, шестидесяти четырехъ-пушечный, получилъ поврежденія, которыя заставили его удалиться къ Гваделупѣ. Два англійскіе корабля были на время выведены изъ строя, но исправили поврежденія, не оставляя своего флота. Существенное преимущество было, поэтому, на сторонѣ послѣдняго. Мнѣнія о поведеніи графа де Грасса въ этотъ день различны, но они раздѣляются по отношенію къ разсмотрѣнному уже нами основному принципу,—а именно: должны ли были дѣйствія адмирала опредѣляться конечной цѣлью, или же непосредственною возможностью разбить флотъ непріятеля. Факты дѣла таковы: шестнадцать судовъ англійскаго флота,—весь арьергардъ и четыре изъ центра (положеніе II, c),—все время не были въ состояніи открыть огонь по противнику. Французскіе же корабли, повидимому, всѣ, отъ перваго до послѣдняго, могли

принять участіе въ сраженіи. Въ началѣ его только восемь или девять англійскихъ кораблей были противопоставлены пятнадцати французскимъ. Въ концѣ — двадцать англійскихъ боролись противъ тридцати трехъ французскихъ, и эти условія продолжались несомнѣнно неизмѣнными въ теченіе четырехъ часовъ. Такимъ образомъ де Грассъ встрѣтился съ враждебнымъ флотомъ, превосходившимъ его флотъ, по крайней мѣрѣ численно, но волею Провидѣнія силы англичанъ раздѣлились такъ, что почти половина ихъ не могла сражаться. Всѣ корабли де Грасса были въ полосѣ вѣтра; на командировъ ихъ онъ могъ положиться. Что же мѣшало ему атаковать девять кораблей Гуда со своими пятнадцатью, поставивъ каждый изъ шести кораблей арьергарда противника между двумя своими? Если бы девять кораблей Гуда были серьезно разбиты, то и дальнѣйшія движенія Роднея были бы безнадежно разстроены. Французы потеряли только пять кораблей въ своемъ пораженіи три дня спустя. Разсматривавшій это дѣло морской судъ, однако, такъ формулировалъ французскую доктрину: «Рѣшеніе настаивать на боѣ только съ частью своего флота можетъ считаться актомъ благоразумія со стороны адмирала, который могъ вызваться конечными цѣлями кампаніи». По этому поводу одинъ французскій профессіональный писатель естественно замѣчаетъ, что если только атака была необходима во всякомъ случаѣ, то было бы благоразумнѣе предпринять ее всѣми силами, чтобы на каждый отдѣльный корабль пришлось меньше аварій; между тѣмъ какъ въ концѣ концовъ весь флотъ неизбѣжно былъ бы привлеченъ къ поддержкѣ всякаго корабля, который, потерявъ рангоутъ, не въ состояніи былъ бы снова выйти на вѣтеръ.

Три раза въ теченіе одного года фортуна давала де Грассу случай атаковать англійскіе флоты при рѣшительныхъ шансахъ въ его пользу (*). Ея расположеніе къ нему наконецъ истощилось. Черезъ три дня онъ долженъ былъ увидѣть, какъ рѣшительны для конечныхъ задачъ кампаніи могутъ быть ре-

(*) 29-го апрѣля 1781 года, близъ Мартиники: двадцать четыре корабля противъ восемнадцати; въ январѣ 1782 года: тридцать — противъ двадцати двухъ; 9-го апрѣля 1782 года: тридцать противъ двадцати.

зультаты одного сраженія и потеря нѣсколькихъ кораблей. Съ 9-го числа до утра 12-го французскій флотъ продолжалъ лавировать на вѣтеръ между Доминикой и островами Святыхъ, въ неправильномъ строѣ. Англичане же ночью 9-го числа пролежали въ дрейфѣ для исправленія поврежденій. На слѣдующій день они возобновили погоню за французами; но тѣ уже успѣли далеко уйти отъ нихъ. Ночью 10-го числа два корабля, *Jason* и *Zélé*, столкнулись между собою. Послѣдній былъ больнымъ мѣстомъ французскаго флота въ теченіе этихъ дней. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые чуть не попались въ руки непріятеля 9-го числа, и сдѣлался также причиною и конечнаго бѣдствія. Поврежденія *Jason*'а были такъ велики, что онъ долженъ былъ спуститься къ Гваделупѣ. 11-го числа главная часть флота была на вѣтрѣ у острововъ Святыхъ, но *Zélé* и еще одинъ корабль увалились такъ далеко подъ вѣтеръ, что де Грассъ долженъ былъ спуститься для прикрытія ихъ, потерявъ такимъ образомъ много въ выигранномъ имъ ранѣе разстояніи. На слѣдующую ночь *Zélé* опять столкнулся — на этотъ разъ съ флагманскимъ кораблемъ де Грасса, который потерялъ нѣсколько парусовъ, тогда какъ первый, не имѣвшій права на уступку ему дороги и бывшій вполнѣ виноватымъ, лишился и бушприта и фокъ-мачты. Адмиралъ послалъ фрегату *Astrée* приказаніе взять *Zélé* на буксиръ.... И здѣсь появляется на моментъ на страницахъ нашей исторіи знаменитая и трагическая фигура, такъ какъ капитаномъ фрегата *Astrée* былъ злополучный изслѣдователь Лапейрузъ, тайна исчезновенія котораго съ двумя кораблями и со всѣмъ ихъ экипажемъ оставалась столь долго нераскрытой. Два часа были потрачены на взятіе корабля фрегатомъ на буксиръ, — работа, исполненная не бойко при благопріятной погодѣ и настоятельной спѣшности; но все-таки къ 5 часамъ утра оба судна были уже на пути въ Бассъ Терръ, куда еще ранѣе прибыли *Caton* и *Jason*, такъ же, какъ и караванъ. Французскій флотъ потерялъ такимъ образомъ изъ своего боеваго состава три корабля со времени ухода съ Мартиники.

Фрегатъ съ обитымъ кораблемъ, отправленные въ Бассъ Терръ, не успѣли еще отойти далеко, какъ слабый свѣтъ

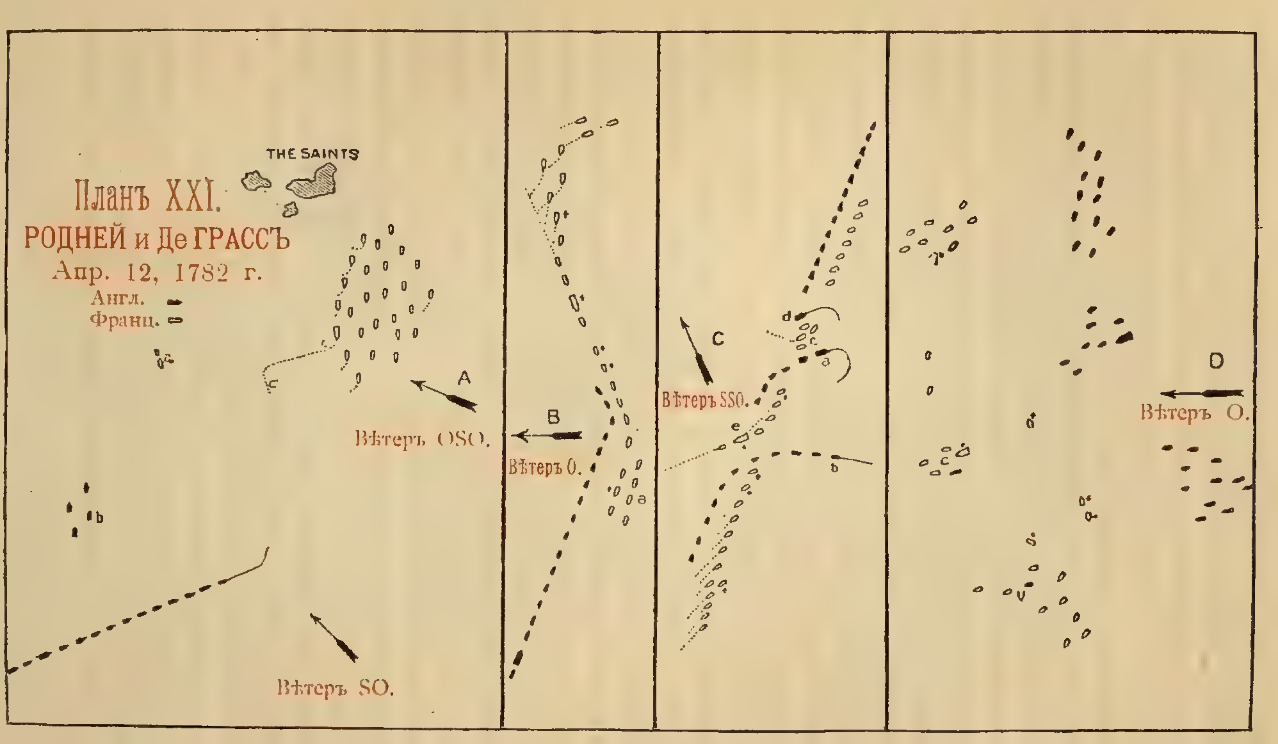
утренней зари возвѣстилъ приближеніе 12-го апрѣля — дня, вдвойнѣ знаменитаго въ морскихъ лѣтописяхъ: солнце, не вполнѣ еще закатившееся надъ утомленными эскадрами Сюффрена и Юза, ставшими на якорь послѣ жесточайшаго ихъ боя близъ Цейлона, въ то же самое время своими ранними лучами освѣтило начало битвы между Роднеемъ и де Грассомъ близъ Тринкомале (*). Послѣдняя, по своимъ результатамъ, была величайшимъ морскимъ сраженіемъ этого столѣтія; ея вліяніе на ходъ событій было очень велико, хотя далеко не такъ рѣшительно, какъ могло быть; она сопровождалась обстоятельствами необыкновеннаго, хотя до нѣкоторой степени искусственнаго блеска, и въ особенности возбудила интересъ къ себѣ маневромъ, — на который смотрѣли тогда какъ на весьма смѣлый и рѣшительный, — «прорывомъ черезъ линію противника». Должно прибавить, что оцѣнка этой битвы вызвала цѣлую бурю противорѣчій; и масса деталей ея, какъ онѣ записаны очевидцемъ, достойнымъ довѣрія, такъ запутанны и противорѣчивы, главнымъ образомъ вслѣдствіе непостоянства вѣтра, что невозможно сдѣлать теперь ничего болѣе, какъ только попытаться согласить ихъ въ полномъ описаніи. Несмотря на то, основныя черты битвы могутъ быть изображены съ достаточной точностью, и это мы прежде всего и сдѣлаемъ въ сухомъ и краткомъ очеркѣ, который затѣмъ уже можно будетъ дополнить деталями, придающими краски, жизнь и интересъ этой великой картинѣ.

На разсвѣтѣ (около половины шестаго) (**) англійскій флотъ, который повернулъ на правый галсъ въ два часа по-

---

(*) Разность временъ на меридіанахъ Тринкомале и острововъ Святыхъ равна девяти съ половиною часамъ.

(**) Изложеніе событій за время отъ 9-го до 12-го апрѣля основано, главнымъ образомъ, на планахъ и описаніяхъ Маттьюса, лейтенанта англійскаго королевскаго флота, и на позднѣйшемъ трудѣ «Naval Researches», капитана Уайта Thomas White), также англійскаго флота. Оба эти лица были очевидцами описываемаго; но все-таки всѣ показанія ихъ еще свѣрены съ другими французскими и англійскими описаніями. Маттьюсъ и Уайтъ расходятся съ офиціальнымъ донесеніемъ Роднея относительно того, на какомъ галсѣ были англичане на разсвѣтѣ, но такъ какъ показаніе послѣдняго подтверждается частными письмами сэра Чарльса Дугласа, посланными немедленно послѣ сраженія къ нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, то здѣсь оно и принято за достовѣрный фактъ.

Планъ XXI.
РОДНЕЙ и Де ГРАССЪ
Апр. 12, 1782 г.
Англ.
Франц.
THE SAINTS
A
Вѣтеръ OSO.
Вѣтеръ SO.
B
Вѣтеръ O.
C
Вѣтеръ SSO.
D
Вѣтеръ O.

Тип. Эд. Гоппе.

полуночи, при вѣтрѣ отъ юго-востока (*), — болѣе южномъ, чѣмъ бываетъ обыкновенно въ этотъ часъ утра (планъ XXI, A), — находился въ разстояніи около пятнадцати миль отъ острововъ Святыхъ, — пеленгуя ихъ по румбу NNO, — и въ разстояніи десяти миль отъ французскаго флота, шедшаго къ югу, въ сѣверо-восточномъ отъ него направленіи. Этотъ послѣдній флотъ въ теченіе ночи былъ сильно разсѣянъ, такъ что разстояніе между самыми навѣтренными, или самыми восточными, и самыми подвѣтренными кораблями его равнялось восьми или десяти милямъ (**); флагманскій корабль *Ville de Paris* находился въ числѣ подвѣтренныхъ. Тревога за *Zélé* задержала французскаго адмирала, съ сопровождавшими его кораблями, подъ малыми парусами, на южномъ курсѣ, на лѣвомъ галсѣ (A) (***). Англичане на правомъ галсѣ, пользуясь дувшимъ въ полосѣ ихъ нахожденія вѣтромъ, держали на остъ-нордъ-остъ и такимъ образомъ, какъ только разсвѣло, увидѣли французовъ «на подвѣтренномъ крамболѣ, а одинъ изъ кораблей де Грасса (*Zélé*) — на бакспрѣ фрегата, прямо подъ вѣтромъ у насъ (a) со снесенными бушпритомъ и фокъ-мачтой, лежавшими на бакѣ» (*). Для того, чтобы угнать французовъ дальше подъ вѣтеръ, Родней отдѣлилъ четыре корабля (b) въ погоню за *Zélé*. Де Грассъ, какъ только замѣтилъ это, сдѣлалъ сигналъ своему флоту спуститься, чего и желалъ Родней, и въ то же время построиться въ линію баталіи, призывая такимъ образомъ къ себѣ корабли, лежавшіе на вѣтрѣ. Англичане также быстро построились въ кильватеръ, и корабли, посланные въ погоню, были отозваны въ 7 часовъ утра. Де Грассъ, видя, что, держась на томъ же курсѣ, совсѣмъ потеряетъ навѣтренное положеніе, привелъ къ вѣтру опять на лѣвомъ галсѣ (c'); какъ разъ къ этому времени бризъ измѣнилъ направленіе, задувъ сначала отъ OSO и затѣмъ отъ O, въ его пользу и къ невыгодѣ англичанъ, почему шансы враждебныхъ эскадръ въ борьбѣ за на-

(*) Письмо сэра Чарльза Дугласа, начальника штаба Роднея: «United Service Journal», 1833, Part I, p. 515.

(**) Де Грассъ считаетъ это разстояніе равнымъ тремъ лигамъ, тогда какъ нѣкоторые изъ командировъ судовъ его эскадры опредѣляютъ его въ 5 лигъ.

(***) Французы находились въ серединѣ пролива, въ полосѣ болѣе восточнаго вѣтра.

вѣтренное положеніе сдѣлались почти одинаковыми. Однако французы оказались побѣдителями въ послѣдней, — благодаря превосходству въ мореходныхъ качествахъ ихъ судовъ, которое позволило имъ выбраться такъ далеко на вѣтеръ относительно англичанъ въ предшествовавшіе дни, —и если бы не неуклюжее маневрированіе *Zélé*, то могли бы и совсѣмъ уйти отъ противника (планъ XXI, B). Ихъ передніе корабли первые прошли точку пересѣченія быстро сходившихся курсовъ, тогда какъ англійскій головной корабль, *Marlborough*, врѣзался въ линію французскаго флота между шестымъ и десятымъ кораблями (показанія объ этомъ различны). Конечно бой къ этому времени уже начался, такъ какъ девятый корабль французской линіи, *Brave*, открылъ огонь по *Marlborough* въ 7 ч. 40 м. утра. Такъ какъ англичане не имѣли предначертаннаго намѣренія прорвать непріятельскую линію, то головной ихъ корабль, повинуясь сигналу Роднея, спустился и прошелъ близко вдоль подвѣтреннаго борта противника, что сдѣлали послѣдовательно и другіе англійскіе корабли, по мѣрѣ прихода въ кильватеръ *Marlborough*. Сраженіе приняло такимъ образомъ обычный и нерѣшительный характеръ, сведясь къ прохожденію враждебныхъ флотовъ другъ мимо друга контръ-галсами; но однако слабость вѣтра способствовала тому, что бой сдѣлался болѣе жаркимъ, чѣмъ бываетъ обыкновенно при такихъ условіяхъ, такъ какъ корабли двигались со скоростью только отъ трехъ до четырехъ узловъ. Такъ какъ курсы противниковъ опять расходились южнѣе пункта ихъ встрѣчи, то де Грассъ сдѣлалъ сигналъ спуститься на четыре румба къ SSW, введя такимъ образомъ свой авангардъ (B, a) въ бой съ непріятельскимъ арьергардомъ и не позволяя послѣднему достигнуть его арьергарда безъ поврежденій. Однако двѣ опасности угрожали французамъ при дальнѣйшемъ сохраненіи ими того же курса (S или SSW): во-первыхъ, послѣдній приводилъ ихъ въ полосу штилей, господствовавшихъ близъ сѣверной оконечности Доминики, а во-вторыхъ, непостоянство вѣтра дѣлало возможнымъ, что, въ случаѣ если онъ зайдетъ къ югу, непріятель прорвется черезъ ихъ линію и, выйдя на вѣтеръ, получитъ такимъ образомъ возможность вынудить ихъ къ рѣшительному бою, котораго фран-

цузы, по всегдашней политикѣ своей, такъ избѣгали; это второе обстоятельство именно и случилось. Де Грассъ, поэтому, въ половинѣ девятаго часа сдѣлалъ своему флоту сигналъ повернуть *всѣмъ вмѣстѣ* черезъ фордевиндъ и лечь на одинъ галсъ съ англійскимъ флотомъ. Но исполненіе сигнала было невозможно: флоты были слишкомъ близки другъ къ другу для такой эволюціи. Тогда онъ сдѣлалъ другой сигналъ: — привести круто къ вѣтру и затѣмъ повернуть черезъ фордевиндъ *послѣдовательно*, что также не удалось; и въ пять минутъ десятаго то, чего онъ страшился, случилось. Вѣтеръ зашелъ къ югу, задержавъ ходъ всѣхъ тѣхъ французскихъ кораблей, которые не успѣли спуститься ранѣе, т. е. у которыхъ англійскіе корабли были близко подъ вѣтромъ (планъ XXI, C). Роднеи, на кораблѣ *Formidable*, въ это время какъ разъ поровнялся съ четвертымъ изъ кораблей, шедшихъ сзади того, на которомъ былъ де Грассъ. Придержавшись круто къ новому направленію вѣтра, онъ прошелъ черезъ французскую линію, сопровождаемый пятью слѣдовавшими за нимъ кораблями (C, a), тогда какъ почти въ тотъ же моментъ и по тѣмъ же причинамъ шестой его корабль (C, b) прошелъ въ промежутокъ французской линіи, образовавшійся у него на траверзѣ, и за нимъ послѣдовалъ весь англійскій арьергардъ. Линія баталіи французскаго флота была такимъ образомъ прорвана въ двухъ мѣстахъ такими сомкнутыми колоннами непріятельскихъ кораблей которыя заставили бы корабли ея потерять ихъ мѣста въ строѣ, если бы даже перемѣна вѣтра и не присоединилась къ тому, чтобы затруднять ихъ дѣйствія. Всѣ основанія, на которыхъ построена линія баталіи, —взаимная поддержка и свобода дѣйствія артиллеріи каждаго отдѣльнаго корабля,—были нарушены теперь для французовъ и, напротивъ, соблюдены для англійскихъ дивизій, прорвавшихся черезъ ихъ линію; описаннымъ маневромъ послѣднихъ французы, кромѣ того, были сбиты подъ вѣтеръ. Вынужденные такимъ образомъ разстроить свою первоначальную линію, они должны были построиться въ новую и соединить три группы, на которыя были раздѣлены, — трудная тактическая задача при всякихъ обстоятельствахъ и вдвойнѣ трудная при моральномъ удрученіи передъ лицомъ бѣдственной неудачи

и въ присутствіи сильнѣйшаго непріятеля, который, хотя также не сохранивъ строя, былъ все-таки въ лучшемъ порядкѣ и почти увѣренъ, что стяжаетъ лавры побѣды.

Кажется, что французы не сдѣлали никакой серьезной попытки построиться въ новую линію; соединиться же они пытались, но только уходя отъ противника въ безпорядочной массѣ. Послѣ различныхъ перемѣнъ вѣтра и движеній дивизій, французскій флотъ, въ полдень, оказался въ слѣдующей диспозиціи (планъ XXI, D): центръ (c) отстоялъ на двѣ мили къ сѣверо-западу отъ авангарда (v), подъ вѣтромъ у него; арьергардъ же (r) былъ еще дальше отъ центра и также подъ вѣтромъ у него. Оба флота теперь то штилѣли, то пользовались короткими порывами вѣтра. Въ половинѣ втораго часа пополудни задулъ слабый вѣтеръ съ востока, и де Грассъ сдѣлалъ сигналъ построить линію опять на лѣвомъ галсѣ; такъ какъ это не удалось, то онъ, между тремя и четырьмя часами, сдѣлалъ сигналъ построиться въ линію на правомъ галсѣ. Оба сигнала и общій тонъ описаній показываютъ, что французы, послѣ разрыва ихъ линіи, ни разу не построились въ новую; и всѣ ихъ маневры клонились, если только не вели необходимо, къ тому, чтобы спуститься всѣмъ флотомъ какъ можно ближе къ самой подвѣтренной части его (D). Слѣдствіемъ такого движенія естественно было то, что наиболѣе поврежденные корабли отставали и были взяты въ плѣнъ, одинъ за другимъ, кораблями англійскаго флота, преслѣдовавшаго ихъ безъ всякаго правильнаго строя, въ которомъ и не было надобности, такъ какъ и безъ него взаимная поддержка кораблей была обезпечена. Вскорѣ послѣ шести часовъ вечера флагманскій корабль де Грасса, *Ville de Paris*, спустилъ свой флагъ передъ кораблемъ *Barfleur*, несшимъ флагъ сэра Самуила Гуда. Французскія описанія говорятъ, что тогда его окружали девять кораблей противника, и нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что онъ сражался до послѣдней возможности. Имя сдавшагося корабля,—въ память города, которымъ онъ былъ принесенъ въ даръ королю,—его огромные размѣры и фактъ, что ни одинъ французскій флотоводецъ не былъ до тѣхъ поръ взятъ въ плѣнъ въ сраженіи, соединились для приданія особеннаго блеска побѣдѣ Роднея.

Были также взяты въ плѣнъ еще четыре линейные корабля (*), и, что довольно знаменательно,—на нихъ оказался весь артиллерійскій паркъ, предназначавшійся для покоренія Ямайки.

Таковы были главныя черты битвы при островахъ Святыхъ, или, какъ ее иногда называютъ, битвы 12-го апрѣля, извѣстной у французовъ подъ именемъ битвы при Доминикѣ. Теперь надлежитъ привести нѣкоторыя детали ея, которыя ранѣе были опущены для ясности изложенія, но которыя вліяли на исходъ ея. Когда день занялся, французскій флотъ былъ сильно разстроенъ и въ безпорядкѣ (**). Де Грассъ, подъ вліяніемъ своихъ опасеній за судьбу *Zélé*, такъ торопился, что его линія не была надлежащимъ образомъ построена къ началу сраженія. Авангардные корабли еще были внѣ линіи (B, a), да и остальные еще настолько не дошли до своихъ надлежащихъ мѣстъ, что де Водрейль (de Vaudreuil), командовавшій арьергардной дивизіей и вступившій въ бой послѣднимъ, говорилъ, что линія строилась подъ ружейнымъ огнемъ. Англичане же, наоборотъ, уже совсѣмъ построились, и единственное измѣненіе, какое они сдѣлали въ немъ во время боя, состояло въ уменьшеніи промежутка между кораблями съ двухъ кабельтовъ до одного (семьсотъ футъ). Знаменитый прорывъ англичанъ черезъ линію противника не былъ преднамѣренъ, а явился слѣдствіемъ перемѣны вѣтра, нарушившей неправильность строя французскихъ кораблей и увеличившей промежутки между ними; промежутокъ же, черезъ который прошелъ Родней, былъ особенно широкъ потому, что корабль *Diadème* вышелъ изъ вѣтра, паруса его обстенились и онъ былъ переброшенъ на другой галсъ (C, c). Сэръ Чарльзъ Дугласъ говоритъ, что непосредственнымъ послѣдствіемъ прорыва флагманскаго корабля черезъ линію «было сближеніе въ одну кучу, если только не совершенная свалка, четырехъ ближайшихъ кораблей непріятеля», на сѣверъ отъ Роднея, подходившихъ послѣдовательно «къ вышеупомянутому пункту (c)».... «Эта

(*) Взятые англичанами корабли обозначены крестиками на планѣ каждой изъ трехъ послѣдовательныхъ стадій сраженія B, C, D.

(**) Разстояніе самыхъ навѣтренныхъ французскихъ кораблей отъ *Ville de Paris*, когда былъ сдѣланъ сигналъ построиться въ линію баталіи, опредѣляется различно — отъ шести до девяти миль.

несчастная группа, составляя теперь только одну большую цѣль для выстрѣловъ, была атакована кораблями *Duke*, *Namur* и *Formidable* (девяноста-пушечными), всѣми сразу, получивъ нѣсколько залповъ отъ каждаго изъ нихъ, при чемъ ни одинъ снарядъ не пропалъ даромъ; и великъ, должно быть, былъ уронъ, произведенный ими». *Duke* (C, d), бывшій непосредственно впереди флагманскаго корабля, послѣдовалъ за своимъ переднимъ мателотомъ подъ вѣтеръ вышеупомянутой группы; но когда командиръ его увидѣлъ, что *Formidable* пересѣкъ линію непріятеля, онъ сдѣлалъ то же самое, пройдя сѣвернѣе четырехъ непріятельскихъ кораблей и поставивъ такимъ образомъ группу ихъ между двухъ огней. Вахтенный журналъ корабля *Magnanime*, одного изъ этихъ четырехъ, упоминаетъ о прохожденіи своемъ между двумя трехдечными кораблями, обстрѣливавшими оба борта его.

Послѣ того, какъ строй былъ такимъ образомъ нарушенъ, Родней спустилъ сигналъ о построеніи въ линію, оставивъ при этомъ однако тотъ, который предписывалъ его флоту вступить въ бой на близкой дистанціи, и въ то же самое время приказалъ своему авангарду, который вышелъ теперь сѣвернѣе непріятельскаго арьергарда, повернуть оверштагъ и снова соединиться съ англійскимъ центромъ. Исполненіе этого маневра сильно замедлилось вслѣдствіе поврежденій въ парусахъ и рангоутѣ, полученныхъ кораблями при прохожденіи ихъ подъ огнемъ непріятеля. Флагманскій корабль Роднея и бывшіе съ нимъ повернули оверштагъ. Арьергардъ же, подъ командой Гуда, вмѣсто того, чтобы держать опять къ сѣверу для соединенія съ центромъ, вышелъ сначала на вѣтеръ, но за тѣмъ заштилѣлъ на большомъ разстояніи отъ остальной части флота.

Въ позднѣйшее время много обсуждали вопросъ о томъ разумно ли поступилъ Родней, прорвавшись черезъ непріятельскую линію, и кому именно, — если только можно кому-либо вообще, — приписать честь этого маневра. Послѣдній пунктъ не имѣетъ серьезнаго значенія; но все-таки можно упомянуть, что сынъ сэра Чарльза Дугласа, начальника штаба Роднея, привелъ массу положительныхъ доказательствъ, — единственно допустимыхъ въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ объ

умаленіи заслуги лица, вполнѣ отвѣтственнаго за результаты,— что инниціатива исходила отъ Дугласа и что послѣдній съ трудомъ лишь добился согласія Роднея. Степень достоинства самаго маневра гораздо важнѣе всякаго вопроса о личной репутаціи. Нѣкоторые доказывали, что маневръ этотъ не только не заслуживаетъ похвалы, но, напротивъ, былъ неудаченъ; и въ защиту Роднея говорили, что онъ былъ исполненъ скорѣе въ силу обстоятельствъ, чѣмъ намѣренно. Было бы лучше, по ихъ мнѣнію, продолжать идти подъ вѣтромъ, вдоль арьергарда французовъ, обстрѣливая его огнемъ всей англійской линіи, и послѣ того обойти упомянутый арьергардъ и поставить его между двухъ огней. Но державшіеся такого мнѣнія слишкомъ легко забывали, что поворотъ на другой галсъ, какимъ бы то ни было образомъ, послѣ такой схватки, былъ возможенъ только для части сражавшихся кораблей; и что для тѣхъ, которые сдѣлали бы это, было бы весьма трудно догнать ушедшихъ впередъ противниковъ, за исключеніемъ лишь случая серьезныхъ поврежденій у послѣднихъ. Поэтому рекомендуемая ими атака, представляющая точное воспроизведеніе Уэшантскаго сраженія, приводится въ дѣйствительности къ прохожденію флотовъ другъ мимо друга контръ-галсами, съ распредѣленіемъ огня по всей непріятельской линіи, безъ возможности сосредоточенія его на какую-либо часть послѣдней. Умѣстно и должно замѣтить теперь же, что перемѣна курса Роднеемъ позволила одиннадцати арьергарднымъ кораблямъ французовъ (D, r) спуститься подъ вѣтеръ, принявъ огонь только части непріятельской линіи, тогда какъ англійскій авангардъ обстрѣливался почти всѣмъ французскимъ флотомъ. Упомянутые корабли французовъ были, однако, такимъ образомъ совершенно выведены изъ сферы сраженія въ серьезный моментъ боя и на значительный промежутокъ времени, согнанные подъ вѣтеръ, и еще болѣе лишились бы возможности оказать какую-либо помощь своему флоту, если бы самъ де Грассъ не вынужденъ былъ спуститься маневромъ дивизіи Гуда, прорвавшей линію впереди третьяго корабля отъ него. Тринадцать авангардныхъ французскихъ кораблей, повинуясь послѣднему разобранному ими сигналу, придержались круто къ вѣтру; де Грассъ, съ

группою изъ шести кораблей (C, e), сдѣлалъ бы то же самое, если бы дивизія Гуда не зашла ему съ носа. Результатъ маневра одного только Роднея имѣлъ бы, поэтому, послѣдствіемъ раздѣленіе французскаго флота на двѣ части, отстоящія одна отъ другой на шесть миль, при чемъ одна изъ нихъ безнадежно далеко подъ вѣтромъ. Англичане, занявъ навѣтренное положеніе, легко могли бы задержать одиннадцать подвѣтренныхъ кораблей противника и окружить девятнадцать навѣтренныхъ въ подавляющемъ превосходствѣ силъ. Но разрывъ французской линіи *въ двухъ* мѣстахъ измѣнилъ нѣсколько положеніе дѣла; группа изъ шести кораблей де Грасса расположилась между навѣтренной и подвѣтренной частями его флота въ двухъ миляхъ отъ первой и въ четырехъ миляхъ отъ послѣдней (D). Едва ли необходимо настаивать на тактическихъ преимуществахъ такого положенія для англичанъ, если даже и не принимать во вниманіе моральнаго впечатлѣнія замѣшательства, происшедшаго среди французовъ. Вдобавокъ къ этому можно вывести весьма замѣчательный урокъ изъ непосредственныхъ послѣдствій дѣйствія англійской артиллеріи при прохожденіи кораблей черезъ непріятельскую линію. Изъ пяти французскихъ кораблей, взятыхъ въ плѣнъ, три были тѣ, за кормами которыхъ прорвались англійскія дивизіи (*). Вмѣсто того, чтобы отвѣчать на стрѣльбу противника, при прохожденіи въ одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ, контръ-галсами, при чемъ каждый корабль имѣлъ бы поддержку въ своемъ переднемъ и заднемъ мателотахъ, французскіе корабли, возлѣ которыхъ прошли прорвавшіяся колонны, приняли каждый послѣдовательно огонь кораблей всей непріятельской дивизіи. Такъ, тринадцать кораблей Гуда продефилировали мимо двухъ заднихъ кораблей французскаго авангарда, *César* и *Hector*, сильно разбивъ ихъ сосредоточеннымъ огнемъ; тогда какъ подобнымъ же образомъ

(*) Другіе два плѣненные корабля были: *Ville de Paris*, — который, вслѣдствіе своего изолированнаго положенія и развѣвавшагося на немъ адмиральскаго флага, сдѣлался лакомымъ кускомъ, естественно привлекавшимъ непріятеля, — и *Ardent*, шестидесяти четырехъ-пушечный корабль, который, кажется, былъ взятъ въ плѣнъ при доблестной попыткѣ его пройти изъ авангарда на помощь своему адмиралу. Этотъ *Ardent* былъ единственнымъ призомъ, взятымъ союзниками въ Англійскомъ каналѣ въ 1779 году.

и съ подобными же результатами шесть кораблей Роднея прошли мимо *Glorieux*. Это сосредоточеніе огня дефилированіемъ («concentration by defiling») передъ концевымъ кораблемъ колонны противника въ точности соотвѣтствуетъ сосредоточенію огня во флангъ линіи и имѣетъ спеціальный интересъ, потому что, при успѣшномъ исполненіи, оно было бы и теперь столь же дѣйствительно, какъ было всегда. Англичане, если бы сразу овладѣли преимуществами своего положенія, могли бы стрѣлять по кораблямъ, бывшимъ по обѣ стороны промежутка, черезъ который они прошли, что сдѣлалъ однако одинъ только *Formidable*; остальные же стрѣляли лишь съ праваго борта и многіе, безъ сомнѣнія, только слишкомъ поздно поняли все, чѣмъ могли бы воспользоваться. Естественными результатами маневра Роднея, такимъ образомъ, были: 1) занятіе навѣтреннаго положенія, а съ нимъ и пріобрѣтеніе возможности наступательнаго образа дѣйствій; 2) сосредоточеніе огня противъ части непріятельскаго строя; и 3) внесеніе во флотъ непріятеля безпорядка и раздѣленіе силъ его, которое могло сдѣлаться, и сдѣлалось, очень значительнымъ, поведя за собой дальнѣйшія тактическія преимущества для англичанъ. Нельзя считать дѣйствительнымъ возраженіе, что французы, если бы управлялись лучше, могли бы соединиться скорѣе: маневръ, представляющій хорошій шансъ на преимущество передъ противникомъ, не теряетъ своей заслуги отъ того, что ему можетъ быть противопоставлено быстрое движеніе послѣдняго, подобно тому, какъ хорошій ударъ рапирою остается таковымъ, хотя бы его и можно было отпарировать. Шансы англичанъ состояли въ томъ, что силы французовъ, при обходѣ съ носу арьергардныхъ кораблей ихъ, въ то время какъ авангардъ ихъ продолжалъ идти прежнимъ курсомъ, раздѣлялись весьма невыгодно для нихъ; и такой маневръ англичанъ не терялъ своего смысла отъ того, что раздѣленныя группы французскихъ кораблей, если бы лучше управлялись, могли бы соединиться скорѣе, чѣмъ сдѣлали это въ дѣйствительности. Если же Родней поступилъ бы такъ, какъ рекомендовалось нѣкоторыми, а именно повернулъ бы на другой галсъ послѣ прохожденія мимо арьергарда непріятеля, то бой обратился бы въ преслѣдованіе

послѣдняго послѣ того, какъ обѣ стороны, обмѣнявшись канонадой при одинаковыхъ условіяхъ, потерпѣли бы, надо думать, равносильныя аваріи. Сигналы о безпомощности были многочисленны въ обоихъ флотахъ.

Независимо отъ тактики маневрированія враждебныхъ флотовъ, была нѣкоторая разница и въ вооруженіи ихъ, которая способствовала тактическому преимуществу одного изъ нихъ, и потому на ней слѣдуетъ остановиться. Французскіе корабли были лучше англійскихъ по мореходнымъ качествамъ и имѣли болѣе сильное боевое вооруженіе. Сэръ Чарльзъ Дугласъ, выдающійся офицеръ, дѣятельнаго и глубокаго склада ума, относившійся съ особеннымъ вниманіемъ къ деталямъ по части морской артиллеріи, исчислилъ, что, по вѣсу орудій, тридцать три французскіе корабля превосходили тридцать шесть англійскихъ на силу четырехъ восьмидесяти четырехъ-пушечныхъ кораблей, и что и послѣ потери *Zélé*, *Jason*'а и *Katon*'а на сторонѣ французовъ еще оставалось преимущество, равносильное артиллеріи двухъ семидесяти четырехъ-пушечныхъ кораблей. Французскій адмиралъ ла Гравьеръ допускаетъ вообще, что въ ту эпоху калибръ французскихъ орудій былъ выше, чѣмъ англійскихъ. Лучшая конструкція французскихъ кораблей и ихъ бо̀льшее углубленіе позволяли имъ ходить и лавировать лучше, чѣмъ и объясняется отчасти успѣхъ усилій де Грасса выйти на вѣтеръ; въ полдень 11-го числа только три или четыре корабля его флота были видны *съ марса* англійскаго флагманскаго корабля, который былъ всего на дистанцію пушечнаго выстрѣла отъ нихъ 9-го числа. Только неудачное маневрированіе *Zélé* и *Magnanime* согнали де Грасса съ его выгодной позиціи и оправдали настойчивость Роднея, положившагося на помощь случая въ достиженіи намѣченной цѣли. Бо̀льшую эскадренную скорость французскихъ кораблей до нѣкоторой степени трудно объяснить, такъ какъ, хотя и несомнѣнно обладая лучшими обводами, они не всѣ были обшиты мѣдью въ подводной части, потому что такая обшивка еще не была такъ широко распространена во французскомъ флотѣ, какъ въ англійскомъ, такъ что въ первомъ были еще нѣкоторые корабли, не обшитые мѣдью и съ дномъ, испорченнымъ черво-

точною (*). Лучшая способность французскихъ судовъ къ лавировкѣ была, однако, замѣчена англійскими офицерами; хотя вышеупомянутый выигрышъ ихъ въ навѣтренномъ положеніи и должно приписать отчасти тому обстоятельству, что Родней, послѣ сраженія 9-го числа, пролежалъ нѣкоторое время въ дрейфѣ — вѣроятно для исправленія серьезнѣйшихъ поврежденій, полученныхъ небольшимъ отрядомъ его судовъ въ горячей схваткѣ съ противникомъ, значительно превосходившимъ его численно. Въ описаніи этого сраженія было упомянуто, что французы держались на полудистанціи пушечнаго выстрѣла; это дѣлалось ими для того, чтобы нейтрализовать преимущество англичанъ, состоявшее въ томъ, что у нихъ было большое число карронадъ и другихъ орудій малаго вѣса, но большаго калибра, которыя въ близкомъ бою были весьма дѣйствительны, но при большихъ дистанціяхъ были безполезны. Второй въ порядкѣ командованія, де Водрёйль, которому было ввѣрено веденіе этой атаки, прямо утверждаетъ, что если бы онъ держался въ предѣлахъ досягаемости карронадъ, то корабли его были бы скоро обиты. Какъ ни смотрѣть на тѣ основанія, въ силу которыхъ французы отказались попытаться разбить непріятеля, въ томъ положеніи его, въ какомъ была англійская дивизія, не можетъ быть вопроса въ томъ, что если цѣлью де Водрёйля было только помѣшать преслѣдованію противникомъ обитыхъ кораблей де Грасса, то тактика его 9-го числа была во всѣхъ отношеніяхъ превосходна. Онъ нанесъ противнику огромный вредъ, подвергая свои силы наименьшему риску. 12-го числа де Грассъ, позволивъ заманить себя въ предѣлы досягаемости карронадъ, отказался отъ такой тактики, кромѣ того, что пожертвовалъ еще минутному побужденію всей своей прежней стратегической политикой. Будучи скорострѣльными вслѣдствіе своей легкости, стрѣляя картечью и ядрами большаго калибра, упомянутыя орудія были особенно дѣйствительны на близкой дистанціи и безполезны на большой. Въ позднѣйшей своей депешѣ де Водрёйль говоритъ: «Дѣйствіе этого новаго оружія особенно смертоносно въ предѣлахъ дистанціи ружейнаго вы-

---

(*) Офиціальное письмо Маркиза де Водрёйль. Guérin: Histoire de la Marine Française, vol. V, p. 513.

стрѣла: это оно нанесло намъ такія серьезныя поврежденія 12-го апрѣля». Были еще другія артиллерійскія нововведенія, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ англійскихъ корабляхъ, которыя, увеличивъ мѣткость, скорость стрѣльбы и уголъ обстрѣла, значительно подняли силу ихъ батарей. Мы говоримъ здѣсь о введеніи замковъ, при которыхъ выстрѣлъ изъ орудія могъ производиться номеромъ, наводившимъ послѣднее, а также о достиженіи возможности, усовершенствованіями въ установкѣ орудій, наводить ихъ больше на носъ и на корму, чѣмъ дѣлалось это до тѣхъ поръ. Въ одиночныхъ бояхъ, гдѣ корабли не связаны въ своихъ движеніяхъ эскадренными требованіями, эти усовершенствованія давали возможность обладателю ихъ занять такое положеніе, откуда онъ могъ поражать своего противника, не бывшаго въ состояніи отвѣчать ему, — и дѣйствительно, имѣются нѣкоторые замѣчательные примѣры такого тактическаго преимущества. Въ эскадренномъ же бою, какой теперь и разсматривается, преимущество англичанъ состояло въ томъ, что они могли обстрѣливать противника косыми выстрѣлами, наводя орудія болѣе на носъ и на корму, когда противникъ проходилъ мимо, чѣмъ число выстрѣловъ увеличивалось противъ прежняго вдвое и болѣе и что уменьшало безопасный для противника промежутокъ при прохожденіи его между двумя враждебными ему судами (*). Эти послѣдствія теперь устарѣвшихъ деталей заключаютъ въ себѣ никогда не старѣющіе уроки; они никоимъ образомъ не отличаются отъ послѣдствій введенія въ боевое вооруженіе игольчатыхъ ружей и минъ.

И въ самомъ дѣлѣ, все сраженіе 12-го апрѣля 1782 года преисполнено глубоко поучительными уроками. Настойчивость въ преслѣдованіи, занятіе выгоднаго положенія, сосредоточеніе своихъ усилій, раздѣленіе силъ непріятеля, тактическое примѣненіе небольшихъ, но важныхъ усовершенствованій въ матеріальныхъ средствахъ войны, — все это было уже указано выше. Того, кого вліяніе сраженія 9-го апрѣля на битву 12-го апрѣля не убѣдило въ необходимости не упускать случая бить непріятеля

(*) См. United Service Journal, 1834, Part II, p.p. 100 etc.

по частямъ, нечего уже и пытаться убѣждать въ ней. Фактъ, что французы отказались отъ намѣренія атаковать Ямайку послѣ пораженія ихъ флота показываетъ рѣшительно, что истинный путь къ обезпеченію достиженія конечныхъ цѣлей состоитъ въ пораженіи силы, которая угрожаетъ имъ. Остается теперь разсмотрѣніе изложенныхъ событій по крайней мѣрѣ еще въ одномъ отношеніи, деликатномъ по своему характеру, но существенномъ для вывода изъ нихъ полныхъ уроковъ; а именно, какимъ образомъ эксплоатировалась побѣда и каковы были послѣдствія ея для хода войны вообще.

Подверженность парусныхъ кораблей поврежденіямъ въ рангоутѣ и парусахъ, — другими словами, въ орудіяхъ той подвижности, которая составляетъ главное свойство морской силы, — затрудняетъ сказать теперь, когда съ тѣхъ поръ прошло столько времени, что̀ можно или чего нельзя было сдѣлать послѣ того или другаго сраженія. Этотъ вопросъ связанъ не только съ дѣйствительно полученными поврежденіями, которыя вахтенные журналы могли записать, но также и со средствами исправленія ихъ, съ энергіей и способностями экипажа, неодинаковыми на различныхъ корабляхъ. Что касается, однако, того, что англійскій флотъ имѣлъ возможность эксплоатировать свою побѣду 12-го апрѣля болѣе энергичнымъ преслѣдованіемъ непріятеля, то мы имѣемъ авторитетныя свидѣтельства двухъ замѣчательнѣйшихъ офицеровъ: сэра Самуила Гуда, — втораго въ порядкѣ командованія флотомъ, — и сэра Чарльза Дугласа, флагъ-капитана, или начальника штаба адмирала. Первый выразилъ мнѣніе, что можно было бы взять двадцать непріятельскихъ кораблей, и сказалъ это Роднею на слѣдующій день; тогда какъ начальникъ штаба былъ такъ огорченъ неудачей и тѣмъ, какъ адмиралъ принималъ его совѣты, что серьезно думалъ отказаться отъ своей должности (*).

Совѣтъ и критика легки; не можетъ также никто чувствовать бремя отвѣтственности такъ, какъ чувствуетъ его человѣкъ, на котораго оно возложено; но великіе результаты не

(*) См. письмо сэра Говарда Дугласа, въ United Service Journal, 1834, Part II, p. 97; а также сочиненіе «Naval Evolutions» того же автора. Письма сэра Самуила Гуда не попадались автору.

часто могутъ достигаться на войнѣ безъ риска и усилій. Правильность сужденій упомянутыхъ двухъ офицеровъ подтверждается, однако, выводомъ изъ французскихъ донесеній. Родней оправдывается въ томъ, что не преслѣдовалъ побѣжденнаго непріятеля, ссылкой на обитое состояніе многихъ своихъ кораблей и на другія аваріи, свойственныя концу жаркаго боя, и затѣмъ распространяется въ соображеніяхъ о томъ, что могли бы сдѣлать въ ту ночь, въ случаѣ преслѣдованія, французы, которые «уходили во флотѣ изъ двадцати шести линейныхъ кораблей» (*). Принявъ во вниманіе то, что сдѣлалъ французскій флотъ въ теченіе дня, нельзя не сказать, что эти соображенія дѣлаютъ честь только воображенію Роднея. Что же касается флота въ двадцать шесть (**) кораблей, то де Водрейль, потребовавшій сигналомъ, послѣ сдачи де Грасса, сбора флота около себя, увидѣлъ на слѣдующее утро, что его сопровождаютъ только десять кораблей, и ни одинъ болѣе не присоединился къ нему ранѣе 14-го числа; послѣ же того въ теченіе нѣсколькихъ дней къ нему подошли еще пять кораблей, одинъ за другимъ (***). Съ этими силами онъ направился къ мѣсту rendez-vous у Французскаго мыса, гдѣ его ожидали другіе пять кораблей, вмѣстѣ съ которыми его флотъ дошелъ до численности двадцати кораблей, исправившихъ тамъ свои поврежденія. Наконецъ, остальные пять изъ участвовавшихъ въ сраженіи бѣжали къ Кюрасоа (Curaçoa), отстоящему на шесть тысячъ миль отъ мѣста боя, и не присоединились къ флоту до мая мѣсяца. «Флота изъ двадцати шести кораблей», такимъ образомъ, не было въ дѣйствительности; напротивъ, французскій флотъ былъ весьма сильно разсѣянъ и нѣсколько кораблей его даже совсѣмъ отъ него отдѣлились. Что же касается аварій въ англійскомъ флотѣ, то кажется нѣтъ основаній думать, что онѣ были серьезнѣе, чѣмъ у непріятеля; скорѣе онѣ были менѣе серьезны, и любопытныя свѣдѣнія по этому предмету находимъ въ письмѣ сэра Джильберта Блэна (Sir Gilbert Blane):

(*) Rodney's Life, vol. II, p. 248.
(**) Всѣхъ кораблей у французовъ было только 25.
(***) Guerin, vol. V, p. 511.

„Съ трудомъ заставили мы французскихъ офицеровъ повѣрить, что списки убитыхъ и раненыхъ, представленные съ нашихъ кораблей адмиралу, были вѣрны; одинъ изъ нихъ даже рѣзко спорилъ со мною, утверждая, что мы всегда обнародываемъ ложный отчетъ о своихъ потеряхъ. Я тогда прошелся съ нимъ по палубамъ корабля *Formidable* и обратилъ его вниманіе на число пробоинъ, а *такъ же на то, какъ мало пострадалъ такелажъ*, и спросилъ его, вѣроятно ли, чтобы такія незначительныя поврежденія сопровождались потерею болѣе, чѣмъ четырнадцати человѣкъ, которые были у насъ убиты, число,—*наибольшее во всемъ флотѣ,* за исключеніемъ кораблей *Royal Oak* и *Monarch*. Онъ согласился, что нашъ огонь, должно быть, былъ значительно сильнѣе и болѣе мѣтокъ, чѣмъ ихъ“ (*).

Остается такимъ образомъ мало сомнѣнія въ томъ, что побѣда не эксплоатировалась Роднеемъ со всею возможною энергіею. Не ранѣе, какъ черезъ пять дней послѣ сраженія была послана къ Санъ Доминго дивизія Гуда, которая и захватила въ Монскомъ проливѣ (Mona Passage) *Jason* и *Caton*, отдѣлившіеся отъ своего флота до сраженія и шедшіе къ Французскому мысу. Эти два корабля и два небольшія судна съ ними были единственными послѣ-побѣдными трофеями. Въ виду тѣхъ условій, при которыхъ Англія вела войну, описанное упущеніе Роднея кладетъ серьезное пятно на его военную репутацію и сильно вліяетъ на отведеніе ему мѣста въ плеядѣ выдающихся адмираловъ. Онъ спасъ Ямайку на время, но не воспользовался случаемъ разбить французскій флотъ. Онъ, подобно де Грассу, позволилъ непосредственному предмету дѣйствій заслонить передъ своими глазами общее военное положеніе и тотъ факторъ, который господствовалъ въ послѣднемъ.

Для того, чтобы оцѣнить послѣдствія ошибки Роднея и истинную нерѣшительность этого прославленнаго сраженія, мы должны шагнуть на годъ впередъ, когда въ парламентѣ происходили дебаты объ условіяхъ мира, въ февралѣ 1783 года. Одобреніе или осужденіе этихъ условій тогдашнимъ министерствомъ повело къ обсужденію многихъ соображеній; но сущность дебатовъ сосредоточивалась на вопросѣ о томъ, оправдывались ли упомянутыя условія относительными военными и финансовыми положеніями воюющихъ сторонъ, или для Англіи лучше было бы продолжать войну, чѣмъ помириться со сдѣланными ею жертвами. Что касается финансоваго положенія, то вопреки мрач-

(*) Rodney's Life, vol. II, p. 246.

ной картинѣ, нарисованной защитниками мира, позволительно думать, что вѣроятно тогда было не болѣе сомнѣнія, чѣмъ теперь, о сравнительныхъ рессурсахъ различныхъ странъ. Вопросъ же о военной силѣ былъ въ сущности вопросомъ о морской силѣ. Министерство доказывало, что во всемъ британскомъ флотѣ едва насчитывалась сотня линейныхъ кораблей, тогда какъ численность флотовъ Франціи и Испаніи вмѣстѣ доходила до ста сорока кораблей, не говоря уже о голландскомъ флотѣ.

„При такой бросающейся въ глаза слабости, сравнительно съ непріятелемъ, какія надежды на успѣхъ могли мы извлечь какъ изъ опыта послѣдней кампаніи, такъ и изъ новаго распредѣленія нашихъ силъ въ той кампаніи, которая послѣдовала бы за нею? Въ Вестъ-Индіи мы не могли противопоставить болѣе сорока шести кораблей тѣмъ сорока, которые въ день подписанія мира стояли въ Кадикской гавани съ шестнадцатитысячнымъ отрядомъ войскъ на нихъ, готовые къ отплытію въ ту часть Свѣта, гдѣ къ нимъ присоединились бы двѣнадцать линейныхъ кораблей изъ Гаванны и десять изъ Санъ Доминго..... Не могли ли мы также съ достаточнымъ основаніемъ предполагать, что кампанія въ Вестъ-Индіи закончилась бы потерею самой Ямайки, явнаго предмета дѣйствій той огромной силы?“ (*).

Безъ сомнѣнія эти доводы принадлежатъ убѣжденному партизану опредѣленной партіи и поэтому требуютъ большихъ поправокъ. Точность приведенныхъ имъ сравнительныхъ чиселъ отрицалась лордомъ Кеппелемъ, членомъ той же партіи, и только не задолго передъ тѣмъ стоявшимъ во главѣ Адмиралтейства, — постъ, отъ котораго онъ отказался, потому что не одобрялъ мирнаго договора (**). Англійскіе дипломаты, такъ же какъ и моряки, должны были къ тому времени научиться сильно учитывать кажущуюся силу другихъ флотовъ при опредѣленіи дѣйствительнаго ихъ значенія. Несмотря на то, насколько отличалась бы оцѣнка положенія, и моральнаго и матеріальнаго, отъ имѣвшей мѣсто въ дѣйствительности, если бы Родней пожалъ полные плоды побѣды, которою онъ былъ обязанъ скорѣе случаю, чѣмъ собственной заслугѣ, какъ ни неоспоримо велика была она.

Въ письмѣ, опубликованномъ въ 1809 году,—анонимномъ, но съ данными въ пользу того, что оно написано сэромъ Джиль-

(*) Annual Register, 1783, p. 151.

(**) Ibid, 1783, p. 157; Life of Admiral Keppel, vol. II, p. 403.

бертомъ Блэномъ, врачемъ флота, стоявшимъ долгое время близко къ Роднею, который постоянно хворалъ въ теченіе своего послѣдняго крейсерства, — утверждается, что адмиралъ «былъ не высокаго мнѣнія о своей побѣдѣ 12-го апрѣля 1782 года». Онъ предпочелъ бы, чтобы основой его репутаціи были его дѣйствія противъ де Гишена, 17-го апрѣля 1780 года, и «смотрѣлъ на эту побѣду со своимъ слабѣйшимъ флотомъ надъ офицеромъ, считавшимся имъ лучшимъ изъ представителей французской морской службы, какъ на такую, которою онъ,— если бы не неповиновеніе подначальныхъ ему командировъ,— могъ бы стяжать себѣ безсмертную славу» (*). Немногіе изслѣдователи будутъ склонны сомнѣваться въ этой оцѣнкѣ достоинствъ Роднея въ двухъ указанныхъ случаяхъ. Судьба, однако, рѣшила, чтобы его слава опиралась на сраженіе, которое было блестящимъ само по себѣ, но въ которомъ его личныя качества принимали наименьшее участіе, и не наградила его успѣхомъ тамъ, гдѣ онъ наиболѣе заслуживалъ послѣдняго. Главный актъ его жизни, въ которомъ соединились и дѣйствительная заслуга и серьезный результатъ, — уничтоженіе флота Лангара близъ мыса С. Винцента, — былъ почти преданъ забвенію; а между тѣмъ онъ выказалъ себя здѣсь въ высшей степени замѣчательнымъ морякомъ, и этотъ случай достоенъ сравненія съ преслѣдованіемъ адмираломъ Гауке Конфланса (**).

Въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, которыя протекли съ тѣхъ поръ, какъ Родней былъ назначенъ командующимъ флотомъ, онъ неоднократно имѣлъ серьезный успѣхъ и, какъ было указано, взялъ въ плѣнъ французскаго, испанскаго и голландскаго адмираловъ. «За это время онъ увеличилъ бри-

---

(*) Naval Chronicle, vol. XXV, p. 404.

(**) Стран. 463. Тѣмъ не менѣе, въ толкахъ объ этомъ событіи, какъ о новости дня, какъ они выразились на страницахъ Naval Atalantis, главную честь дѣла приписывали Юнгу (Young), командиру флагманскаго корабля. Сэръ Джильбертъ Блэнъ сообщалъ, много лѣтъ спустя, что «когда солнце было уже близко къ закату, возникъ вопросъ, слѣдовало ли продолжать погоню. Послѣ переговоровъ между адмираломъ и командиромъ, при которыхъ я присутствовалъ, было рѣшено, — въ то время, какъ съ адмираломъ случился припадокъ подагры, — продолжать тотъ же курсъ, съ сигналомъ вступить въ бой съ подвѣтреннымъ противникомъ». (United Service Journal, 1830, Part II, p. 479).

танскій флотъ на двѣнадцать кораблей, взятыхъ имъ у непріятеля, и уничтожилъ сверхъ того пять, принадлежавшихъ послѣднему; и, — что придаетъ всему этому особенное значеніе, — *Ville de Paris* былъ единственнымъ кораблемъ перваго ранга, взятымъ въ плѣнъ и введеннымъ побѣдителемъ въ портъ». Несмотря на заслуги Роднея, партійный духъ, который былъ тогда силенъ въ Англіи, проникнувъ даже въ армію и во флотъ, привелъ къ отозванію (*) его отъ командованія вслѣдъ за паденіемъ министерства лорда Норда (North); и его преемникъ, — человѣкъ, незнакомый со славою, уже отплылъ для смѣны его, когда пришла вѣсть объ его побѣдѣ. При упадкѣ и разстроенномъ положеніи дѣлъ Англіи въ то время, эта вѣсть возбудила восторженное ликованіе и заставила умолкнуть критическіе намеки на нѣкоторыя стороны прежняго поведенія адмирала. Народъ былъ тогда не въ такомъ настроеніи, чтобы критиковать успѣхъ своего флотоводца, и при тѣхъ преувеличенныхъ представленіяхъ о добытыхъ результатахъ, какія тогда господствовали, никто и не подумалъ о томъ, что была упущена возможность достигнуть результатовъ лучшихъ. Это впечатлѣніе царило долго. Даже еще въ 1830 году, когда впервые было издано жизнеописаніе Роднея, утверждалось, что «французскій флотъ былъ такъ сильно разбитъ и ослабленъ рѣшительной побѣдой 12-го апрѣля, что не былъ уже больше въ состояніи оспаривать у Великобританіи господство надъ морями». Это — нелѣпость, которая простительна въ 1782 году, но не въ позднѣйшіе дни спокойнаго разбора дѣла. Благопріятныя для Англіи условія мира были слѣдствіемъ финансовыхъ затрудненій Франціи, а не ослабленія ея морскихъ силъ; и если было преувеличеніе въ увѣреніяхъ защитниковъ мира, что Англія не могла бы потерять Ямайку, то вѣроятно то, что она не могла бы отбить силою оружія другіе острова, уступленные ей обратно по мирному договору.

Память о де Грассѣ будетъ всегда связана съ большими услугами, оказанными имъ Америкѣ. Его имя, — болѣе, чѣмъ

(*) Родней былъ ярымъ торіемъ. Почти всѣ другіе замѣчательные адмиралы того времени, какъ Кеппель, Гоу и Баррингтонъ, были вигами, — фактъ не счастливый для морской силы Англіи.

имя Рошамбо (Rochambeau), — напоминаетъ о существенной помощи, оказанной Франціею молодой Республикѣ въ періодъ боевой ея жизни, — какъ имя Лафайета напоминаетъ о моральной симпатіи, такъ во-время проявившейся. Поэтому событія жизни де Грасса, послѣ бѣдственнаго сраженія съ Роднеемъ, закончившаго его дѣятельную карьеру, не могутъ не представлять интереса для американскихъ читателей.

Послѣ сдачи *Ville de Paris*, де Грассъ сопровождалъ англійскій флотъ и его призы въ Ямайку, — куда Родней зашелъ для исправленія своихъ кораблей, — явившись такимъ образомъ въ качествѣ плѣнника на театрѣ предполагавшагося имъ завоеванія. 19-го мая онъ оставилъ островъ, все еще плѣнникомъ, для слѣдованія въ Англію. Какъ морскіе офицеры, такъ и англійскій народъ, обходились съ нимъ съ тѣмъ лестнымъ и добрымъ вниманіемъ, которое естественно является въ отношеніяхъ побѣдителя къ побѣжденному и котораго его личная доблесть, по крайней мѣрѣ, не была недостойна. Говорятъ, что иногда онъ не отказывался показываться на балконѣ своей квартиры въ Лондонѣ, внимая кликамъ черни въ честь доблестнаго француза. Это недостойное неумѣнье оцѣнить свое истинное положеніе естественно возбуждало негодованіе его соотечественниковъ, — тѣмъ болѣе, что онъ былъ безжалостенъ и невоздерженъ въ осужденіи поведенія своихъ подчиненныхъ въ неудачѣ 12-го апрѣля: —

„Онъ выноситъ свое несчастіе“, писалъ сэръ Джильбертъ Блэнъ, „съ душевнымъ спокойствіемъ, сознавая, — какъ говоритъ онъ, — что исполнилъ свой долгъ... Онъ приписываетъ свою неудачу не сравнительной слабости своихъ силъ, а постыдному бѣгству командировъ своихъ кораблей, которымъ онъ дѣлалъ сигналъ собраться около него и даже кричалъ, чтобы они держались возлѣ него, но которые, несмотря на то, покинули его“ (*).

Подобныя ноты звучали во всемъ, что онъ говорилъ о несчастномъ для него сраженіи. Въ письмѣ съ англійскаго флагманскаго корабля, черезъ день послѣ сраженія, онъ «приписывалъ бѣдствія послѣдняго дѣйствіямъ бо̀льшей части своихъ командировъ. Одни не послушались его сигналовъ; другіе, а именно командиры кораблей *Languedoc* и *Couronne*, т. е. его передняго и задняго мателотовъ, покинули его» (**).

(*) Rodney's Life, vol. II, p. 242. (**) Chevalier, p. 311.

Онъ, однако, не ограничился только официальными донесеніями по этому дѣлу, но, живя плѣнникомъ въ Лондонѣ, издалъ нѣсколько брошюръ на ту же тему, которыя въ большомъ числѣ разослалъ по Европѣ. Правительство, естественно полагая, что офицеръ не можетъ такъ пятнать честь своей корпораціи безъ достаточныхъ основаній, рѣшилось разслѣдовать дѣло и неумолимо наказать всѣхъ виновныхъ. Командиры кораблей *Languedoc* и *Couronne* были посажены въ тюрьму, какъ только прибыли во Францію, и всѣ документы, вахтенные журналы и т. п., относящіеся до этого дѣла, были собраны. Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, нечего удивляться, что, по возвращеніи во Францію, де Грассъ, говоря его собственными словами: «не нашелъ никого, кто протянулъ бы ему руку» (*). Не ранѣе какъ только къ началу 1784 года всѣ обвинявшіеся и свидѣтели были готовы явиться передъ военно-морскимъ судомъ; но результатомъ его разбирательства было полное и самое широкое оправданіе почти всѣхъ подсудимыхъ; выяснившіяся же ошибки признаны были заслуживавшими снисхожденія и за нихъ опредѣлено было лишь весьма легкое наказаніе. «Несмотря на то», осторожно замѣчаетъ французскій писатель, «нельзя не сказать вмѣстѣ съ судомъ, что плѣненіе адмирала, командующаго тридцатью линейными кораблями, представляетъ историческое событіе, которое вызываетъ сожалѣніе всей націи (**). Что же касается до веденія сраженія адмираломъ, то судъ нашелъ: что опасность, угрожавшая *Zélé* утромъ 12-го апрѣля, была не таковою, чтобы оправдать фактъ, что весь флотъ спустился и шелъ полнымъ вѣтромъ такъ долго; что поврежденный корабль былъ въ полосѣ вѣтра, которымъ не могъ пользоваться англійскій флотъ, бывшій на пять миль южнѣе, и который позволилъ *Zélé* прійти въ Бассъ Терръ въ десять часовъ утра; что бой не слѣдовало начинать прежде, чѣмъ всѣ корабли не

(*) Kerguelen: Guerre Maritime de 1778. Письмо де Грасса къ Кергэлену, p. 263.

(**) Troude: Batailles Navales. — Интересно замѣтить въ связи съ этимъ, что однимъ изъ кораблей, находившихся близъ французскаго адмирала, когда тотъ сдался, былъ *Pluton*, который, хотя и бывши крайнимъ въ арьергардѣ, все-таки умѣлъ въ критическій моментъ занять позицію, достойную высокой репутаціи его командира, D'Albert de Rions.

вошли въ линію; и наконецъ, что французскому флоту слѣдовало построиться на одномъ галсѣ съ англійскимъ, потому что, продолжая лежать къ югу, онъ входилъ въ поясъ штилей и слабыхъ вѣтровъ у сѣверной оконечности Доминики (*).

Де Грассъ былъ совсѣмъ неудовлетворенъ судебнымъ рѣшеніемъ и былъ до того неблагоразуменъ, что написалъ письмо морскому министру съ протестомъ и требованіемъ новаго разбора дѣла. Министръ, принявъ протестъ, отвѣчалъ де Грассу отъ имени Короля. Упомянувъ о брошюрахъ, распространенныхъ де Грассомъ такъ широко и сообщавшихъ свѣдѣнія, находившіяся въ полномъ противорѣчіи съ данными на судѣ показаніями свидѣтелей, онъ заключилъ свое письмо такими вѣскими словами: —

„Проигрышъ сраженія нельзя приписать ошибкѣ отдѣльныхъ офицеровъ (**). Изъ постановленій суда слѣдуетъ, что вы позволили себѣ повредить, неосновательными обвиненіями, репутаціи нѣсколькихъ офицеровъ для того, чтобы обѣлить себя передъ общественнымъ мнѣніемъ въ томъ несчастномъ результатѣ, извиненіе за который вы могли бы, можетъ быть, найти въ сравнительной слабости бывшихъ въ вашемъ распоряженіи силъ, въ непостоянствѣ фортуны войны и въ обстоятельствахъ, отъ васъ независѣвшихъ. Его величество желаетъ вѣрить, что вы сдѣлали все, что могли, для предотвращенія неудачъ того дня; но онъ не можетъ отнестись такъ же снисходительно и къ вашимъ несправедливымъ порицаніямъ добраго имени тѣхъ офицеровъ его флота, которые совершенно очищены отъ обвиненій, возведенныхъ противъ нихъ. Его величество, недовольный вашимъ поведеніемъ въ этомъ отношеніи, запрещаетъ вамъ являться къ нему. Я передаю его приказанія съ сожалѣніемъ и присоединяю къ нимъ свой вамъ совѣтъ удалиться, при такихъ обстоятельствахъ, въ ваше имѣніе“.

Де Грассъ умеръ въ январѣ 1788 года. Его счастливый противникъ, награжденный перствомъ и пенсіей, жилъ до 1792 года. Гудъ былъ также возведенъ въ званіе пера и командовалъ съ отличіемъ въ первый періодъ войнъ Французской Революціи, возбудивъ восторженное восхищеніе Нельсона, служившаго подъ его начальствомъ; но рѣзкая размолвка съ Адмиралтействомъ заставила его удалиться отъ дѣлъ до стяжанія какого-либо блестящаго украшенія своей репутаціи. Онъ умеръ въ 1816 году, въ преклонномъ возрастѣ, — девяноста двухъ лѣтъ.

(*) Troude, vol. II, p. 147.

(**) Т. е. командировъ отдѣльныхъ кораблей.

ГЛАВА XIV.

Критическій разборъ морской войны 1778 года.

Война 1778 года между Великобританіей и Домомъ Бурбоновъ, которая такъ неразрывно связана съ Американской Революціей, рѣзко выдѣляется въ томъ отношеніи, что она была чисто морскою войною. Не только союзныя королевства тщательно избѣгали континентальныхъ осложненій, которыя Англія, согласно своей прежней политикѣ, старалась создать, но и морскія силы воюющихъ сторонъ приближались къ такому равенству между собою, какое не имѣло мѣста со временъ Турвиля. Оспаривавшіяся владѣнія,—объекты, изъ-за которыхъ война была предпринята или которые имѣлись въ виду, — были большею частью отдалены отъ Европы; и ни одно изъ нихъ не было на континентѣ, за единственнымъ исключеніемъ Гибралтара, борьба за который, какъ лежащій на негостепріимной и трудно доступной скалѣ и отдѣленный отъ нейтральныхъ державъ цѣлой Франціей и Испаніей, никогда не угрожала вовлечь въ дѣло и другія стороны, кромѣ непосредственно заинтересованныхъ.

Такія условія не имѣли мѣста ни въ одной изъ войнъ между восшествіемъ на престолъ Людовика XIV и паденіемъ Наполеона. Былъ, правда, періодъ въ царствованіе перваго, въ которомъ французскій флотъ превосходилъ, и численно и по вооруженію, и англійскій и голландскій; но политика и притязанія этого правителя были всегда направлены на континентальное расширеніе, и его морская сила, покоясь на недостаточно прочныхъ основаніяхъ, была недолговѣчна. Въ теченіе первыхъ трехъ четвертей восемнадцатаго столѣтія, практи-

чески, не было никакого препятствія для развитія морской силы Англіи; какъ ни велики были ея вліянія на результаты того времени, отсутствіе способнаго соперника сдѣлало ея операціи скудными по отношенію къ военнымъ урокамъ. Въ послѣднія войны Французской Республики и Имперіи видимое равенство въ числѣ кораблей враждебныхъ флотовъ и въ вѣсѣ артиллеріи было бы обманчивымъ мѣриломъ относительныхъ силъ этихъ сторонъ, вслѣдствіе деморализаціи французскихъ офицеровъ и матросовъ, — по причинамъ, о которыхъ нѣтъ необходимости здѣсь распространяться. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мужественныхъ, но тщетныхъ усилій французскаго и испанскаго флотовъ, потрясающее пораженіе при Трафальгарѣ провозгласило міру профессіональную несостоятельность, которая была уже подмѣчена ранѣе зоркими глазами Нельсона и его сотоварищей-офицеровъ и на которую опиралась дерзкая самоувѣренность, характеризовавшая его поведеніе и до нѣкоторой степени его тактику по отношенію къ нимъ. Съ того времени Императоръ «отвернулся отъ единственнаго поля битвы, на которомъ фортуна не была вѣрна ему, и, рѣшившись преслѣдовать Англію гдѣ бы то ни было только не на моряхъ, предпринялъ возстановить свой флотъ, но не давалъ ему никакого участія въ борьбѣ, сдѣлавшейся еще болѣе жестокой, чѣмъ когда-либо.... До послѣдняго дня Имперіи онъ отказывался дать этому возрожденному флоту, полному рвенія и самоувѣренности, случай помѣряться съ непріятелемъ». Великобританія возстановила свое прежнее положеніе неоспоримой владычицы морей.

Изучающій морскую войну найдетъ, поэтому, особенный интересъ въ ознакомленіи съ планами и методами враждебныхъ сторонъ въ этомъ великомъ состязаніи, и болѣе всего поскольку они касаются общаго веденія всей войны или нѣкоторыхъ значительныхъ и ясно опредѣленныхъ операцій ея. Глубоко интересны для него будутъ также и стратегическія цѣли каждой стороны, которыя давали, или должны бы были давать, связь всѣмъ операціямъ, отъ первой до послѣдней, а равно и стратегическія движенія флотовъ, вліявшія на удачи и неудачи опредѣленныхъ періодовъ войны, или *морскихъ кампаній*, какъ можно ихъ назвать въ разсматриваемомъ нами

случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если и нельзя допустить, что частныя сраженія того времени, даже и для насъ, совсѣмъ лишены тактической поучительности, выясненіе которой было одною изъ цѣлей предыдущихъ страницъ, то несомнѣнно вѣрно то, что подобно всѣмъ тактическимъ системамъ, извѣстнымъ въ исторіи, и *тактика сраженій* того времени отжила свои дни; польза же ознакомленія съ ними для изучающаго военное дѣло теперь заключается скорѣе въ характерѣ вызываемой ими умственной работы, въ пріученіи къ правильнымъ тактическимъ пріемамъ мышленія, чѣмъ въ доставленіи образцовъ для близкаго подражанія. Въ противоположность этому, *стратегическія* движенія, которыя предшествуютъ великимъ сраженіямъ и подготовляютъ ихъ, или которыми, при искусныхъ и энергическихъ комбинаціяхъ ихъ, достигаются великія цѣли безъ дѣйствительнаго столкновенія вооруженныхъ силъ (безъ боя), опредѣляются факторами болѣе постоянными, чѣмъ оружіе, измѣняющееся съ вѣками, и поэтому изученіе такихъ движеній раскрываетъ принципы болѣе постояннаго значенія.

Въ войнѣ, предпринятой съ какою-либо цѣлью, если даже эта цѣль, или объектъ войны, и состоитъ въ завладѣніи частной территоріей или позиціей противника, атака прямо этой позиціи можетъ и не быть, съ военной точки зрѣнія, лучшимъ средствомъ достиженія цѣли. *Цѣль военной операціи* можетъ поэтому, отличаться отъ цѣли войны, отъ того, чего добиваются воюющія стороны, и она носитъ особое названіе — *объектъ операціи*, *предметъ дѣйствій* или *рѣшительный пунктъ* театра военныхъ дѣйствій. При критическомъ обзорѣ каждой войны необходимо, во-первыхъ, уяснить отчетливо цѣль, какой добивалась каждая изъ воюющихъ сторонъ (*объектъ войны*), во-вторыхъ, обсудить, насколько вѣроятно, что объектъ каждой данной операціи (предметъ дѣйствій), въ случаѣ успѣха ея, будетъ способствовать достиженію цѣли войны; и наконецъ, изучить достоинства или недостатки различныхъ стратегическихъ движеній, которыя имѣли цѣлью привести къ избранному предмету дѣйствій надлежащія силы. Степень подробности такого изслѣдованія будетъ зависѣть отъ размѣра труда, какимъ задается изучающій; но вообще говоря, ясность изло-

женія выигрываетъ тогда, когда общій очеркъ предмета, излагающій только главные черты его, предшествуетъ болѣе детальному изслѣдованію. Когда главные черты предмета вполнѣ уяснены, детали легко связываются съ ними и укладываются въ свое мѣсто. Здѣсь мы ограничимся именно лишь упомянутымъ общимъ очеркомъ, какъ единственно соотвѣтствующимъ цѣли нашего труда.

Главными участниками въ войнѣ 1778 года были: съ одной стороны — Англія, съ другой стороны — Домъ Бурбоновъ, властвовавшій въ двухъ большихъ королевствахъ — Французскомъ и Испанскомъ. Американскія колоніи, еще ранѣе вступившія въ неравную борьбу съ метрополіей, радостно привѣтствовали событіе, столь важное для нихъ; въ то же время Голландія, въ 1780 году, была съ умысломъ вовлечена Англіею въ войну, въ которой ничего не могла выиграть и должна была все потерять. Для американцевъ объектъ войны былъ очень простъ, — вырвать свою страну изъ рукъ англичанъ. Ихъ бѣдность и недостатокъ военно-морской силы, если не считать нѣсколькихъ крейсеровъ, грабившихъ непріятельскую торговлю, необходимо ограничивали ихъ усилія сухопутною войною, которая составляла дѣйствительно сильную диверсію въ пользу союзниковъ и средство для матеріальнаго истощенія рессурсовъ Англіи, но прекратить которую послѣдняя могла сразу — отказавшись отъ борьбы. Голландія, съ другой стороны, будучи обезопашена отъ вторженія съ сухаго пути, почти не обнаруживала иныхъ желаній, кромѣ желанія отдѣлаться, черезъ посредство союзныхъ военныхъ флотовъ, возможно меньшими внѣшними потерями. Такимъ образомъ объектомъ войны для этихъ двухъ слабѣйшихъ участниковъ въ ней было, можно сказать, прекращеніе ея; тогда какъ главныя воюющія стороны надѣялись продолженіемъ ея достигнуть новыхъ условій, которыя и составляли ихъ объекты.

Для Англіи объектъ войны былъ также очень простъ. Будучи вовлечена въ печальную распрю съ наиболѣе цѣнными своими колоніями, она пришла, въ ссорѣ съ ними, шагъ за шагомъ, къ моменту, угрожавшему ей потерею ихъ. Для

того, чтобы сохранить надъ ними насильственную власть, когда добровольная связь нарушилась, она взялась за оружіе противъ нихъ, и ея объектомъ при этомъ было предотвращеніе разрыва въ цѣпи тѣхъ заграничныхъ ея владѣній, съ которыми, въ глазахъ того поколѣнія, было неизмѣнно связано ея величіе. Вмѣшательство Франціи и Испаніи въ качествѣ активныхъ покровителей дѣла колонистовъ не повело ни къ какой перемѣнѣ въ упомянутомъ объектѣ войны Англіи, какимъ бы перемѣнамъ при этомъ ни подвергся или не долженъ бы былъ подвергнуться выборъ предметовъ дѣйствій въ планахъ ея операцій. Опасность потери континентальныхъ колоній сильно возросла для нея вступленіемъ названныхъ державъ въ ряды ея враговъ, вмѣстѣ съ которымъ у нея возникло еще опасеніе потери, — отчасти скоро и осуществившееся, — другихъ цѣнныхъ иностранныхъ ея владѣній. Коротко говоря, Англія, въ отношеніи объектовъ войны, стояла въ строго оборонительномъ положеніи; она боялась потерять много и, въ лучшемъ случаѣ, только надѣялась сохранить то, что имѣла. Вовлеченіемъ въ войну Голландіи она, однако, выигрывала съ военной точки зрѣнія; потому что этимъ, безъ увеличенія силы ея противниковъ, открывался доступъ ея оружію къ нѣсколькимъ важнымъ, но дурно защищеннымъ военнымъ и коммерческимъ пунктамъ.

Объекты войны Франціи и Испаніи были болѣе сложны. Моральныя побужденія наслѣдственной вражды и желаніе отмстить за недавнее прошлое, безъ сомнѣнія, имѣли большое значеніе въ дѣлѣ вмѣшательства этихъ державъ, точно такъ же, какъ симпатія французскихъ салоновъ и философовъ къ борьбѣ колонистовъ за свободу; но какъ ни сильно вліяютъ отвлеченныя соображенія на дѣятельность націй, обсужденію и оцѣнкѣ поддаются только осязательныя средства, которыя служатъ для достиженія цѣли. Франція могла желать возвратить свои сѣверо-американскія владѣнія; но тогдашніе колонисты сохраняли слишкомъ живое воспоминаніе о старыхъ распряхъ для того, чтобы согласиться на удовлетвореніе какого-либо изъ подобныхъ желаній по отношенію къ Канадѣ. Сильное наслѣдственное недовѣріе къ Франціи, которое характеризовало американцевъ революціонной эры, слишкомъ упускалось изъ виду

въ пылу благодарности за ея симпатію и оказанную тогда помощь; но по временамъ оно чувствовалось, и Франція понимала, что возобновленіе ею упомянутыхъ претензій могло бы повести къ примиренію между народами той же расы, — только недавно отшатнувшимися другъ отъ друга, — путемъ справедливыхъ уступокъ со стороны Англіи, которыя сильная и дальновидная партія ея населенія никогда не переставала защищать. Поэтому Франція не показывала стремленія къ такой цѣли и, быть можетъ, даже и не мечтала о ней. Напротивъ, она формально отреклась отъ всякихъ притязаній на какую-либо часть континента, которая была тогда, или только что передъ тѣмъ, подъ властью Британской короны; но она выговорила себѣ свободу дѣйствій въ попыткахъ завоеванія и удержанія за собою любаго изъ Вестъ-Индскихъ острововъ, тогда какъ и всѣ другія колоніи Великобританіи были конечно открыты ея нападеніямъ. Главными объектами войны, къ которымъ стремилась Франція, слѣдовательно, были: Англійская Вестъ-Индія и то господство въ Индіи, которое перешло въ руки англичанъ; а также своевременное обезпеченіе независимости Соединенныхъ Штатовъ послѣ того, какъ онѣ сдѣлаютъ достаточную диверсію въ ея пользу. При политикѣ исключительной торговли, характеризовавшей ту эпоху, ожидали, что потеря Англіею этихъ важныхъ владѣній умалитъ — къ ослабленію ея и къ усиленію Франціи — коммерческое величіе, на которое опиралось ея благосостояніе. На самомъ дѣлѣ, борьба за преобладаніе была, можно сказать, воодушевляющимъ побужденіемъ для дѣятельности Франціи; всѣ объекты сводились къ одной главной цѣли, которой они и способствовали, — къ морскому и политическому превосходству надъ Англіей.

Перевѣсъ надъ Англіею, въ союзѣ съ Франціею, былъ также цѣлью одинаково обиженнаго, но менѣе энергичнаго Испанскаго королевства; но въ болѣвшихъ обидахъ его и въ спеціально преслѣдовавшихся имъ цѣляхъ была опредѣленность, которую не такъ легко было найти въ болѣе широкихъ видахъ его союзницы. Хотя ни одинъ испанецъ той эпохи не могъ помнить того, какъ родной флагъ его развѣвался на Миноркѣ, Гибралтарѣ и Ямайкѣ, тѣмъ не менѣе теченіе времени

не примирило гордой и настойчивой націи съ потерей этихъ прежнихъ владѣній ея; равнымъ образомъ, не было со стороны американцевъ такого традиціоннаго пожеланія допустить возобновленіе испанскаго владычества во Флоридахъ, какое питали они по отношенію къ Канадѣ.

Таковы были объекты или цѣли войны, преслѣдовавшіеся двумя державами, которыхъ вмѣшательство измѣнило весь характеръ Американской войны за независимость. Нѣтъ необходимости говорить, что не всѣ они были поименованы между открыто заявленными причинами или предлогами къ участію этихъ державъ во враждебныхъ дѣйствіяхъ; но проницательное англійское общественное мнѣніе правильно обратило вниманіе на слѣдующую фразу французскаго манифеста, какъ выражающую въ немногихъ словахъ истинное основаніе политики союзныхъ дворовъ Бурбоновъ: «Отмстить за обиды и положить конецъ тому тиранническому владычеству на океанѣ, которое Англія незаконно захватила и на удержаніи котораго за собою она настаиваетъ». Короче говоря, что касается *объектовъ* войны или цѣлей ея, то по отношенію къ нимъ союзники занимали наступательное положеніе, тогда какъ Англія была поставлена въ положеніе оборонительное.

Тиранническое владычество на моряхъ, въ которомъ обвинялась Англія, и не безъ основанія, опиралось на ея большую морскую силу, явную или скрытую: на ея торговлю и вооруженный флотъ; на ея коммерческія учрежденія, колоніи и морскія станціи во всѣхъ частяхъ свѣта. До этого времени ея разсѣянныя колоніи были связаны съ нею узами доброжелательства и еще болѣе сильнаго чувства — собственнаго интереса, посредствомъ тѣснаго коммерческаго единенія съ метрополіею и защиты, осуществлявшейся постояннымъ пребываніемъ въ ихъ водахъ ея сильнѣйшаго флота. Теперь въ поясѣ надежныхъ портовъ, на которые опиралась ея морская сила, былъ сдѣланъ разрывъ возмущеніемъ континентальныхъ колоній, и въ то же время многочисленныя торговыя связи между ними и Вестъ-Индіей, которымъ повредили послѣдовавшія враждебныя дѣйствія, могли повести къ нарушенію добрыхъ отношеній къ

Англіи также и со стороны островов. Борьба велась не только за политическое обладаніе островами и за коммерческую эксплоатацію ихъ; предметомъ ея былъ военный вопросъ первостепенной важности, — должна ли цѣпь морскихъ станцій, покрывающая одинъ изъ береговъ Атлантики, связывающая Канаду и Галифаксъ съ Вестъ-Индіей и опирающаяся на благоденствующее мореходное населеніе, остаться въ рукахъ державы, которая до сихъ поръ пользовалась своею не имѣвшею прецедента морскою силою, съ постоянной, рѣшительной агрессивностью и съ почти непрерывнымъ успѣхомъ.

Въ то время, какъ Великобританія была такимъ образомъ поставлена въ тяжелое положеніе трудностью удержанія за собою морскихъ базъ — оборонительнаго элемента ея морской силы, наступательному элементу послѣдней, флоту, угрожалъ ростъ вооруженнаго мореходства Франціи и Испаніи. Эти державы выступили теперь для состязанія съ Англіею на аренѣ, на которую она заявляла притязанія, какъ на свою собственность, — съ организованною военною силою, по матеріальному составу равною морской силѣ Англіи, если не превосходившею ея. Моментъ былъ, слѣдовательно, благопріятенъ для нападенія на ту великую державу, которой богатство, собранное на морѣ, было рѣшительнымъ факторомъ въ европейскихъ войнахъ прошлаго столѣтія. Слѣдующимъ вопросомъ былъ выборъ пунктовъ атаки — главныхъ *предметовъ дѣйствій* (объектовъ) въ предстоявшихъ военныхъ операціяхъ, т. е. выборъ операціонной линіи, а также и выборъ второстепенныхъ предметовъ дѣйствій — для отвлеченія силъ непріятеля отъ обороны главныхъ и для вынужденія его на разброску своихъ силъ.

Одинъ изъ мудрѣйшихъ французскихъ государственныхъ людей той эпохи, Тюрго (Turgot), держался взгляда, что въ интересахъ Франціи было, чтобы колоніи не пріобрѣтали независимости. По его мнѣнію, усмиренныя путемъ истощенія ихъ, онѣ дѣлались безполезными для Англіи; покоренныя же черезъ занятіе военной силой командующихъ пунктовъ ихъ, но не доведенныя до раззоренія, онѣ, вслѣдствіе необходимости оказанія постояннаго на нихъ давленія, были бы всегда сла-

бымъ мѣстомъ во владѣніяхъ метрополіи. Хотя это мнѣніе и не было господствующимъ въ совѣтахъ французскаго правительства, желавшаго полной независимости Америки, но оно заключало въ себѣ элементы истины, которая въ дѣйствительности опредѣляла военную политику. Если бы благо Соединенныхъ штатовъ, обезпечивавшееся освобожденіемъ ихъ, было главнымъ объектомъ войны, то континентъ сдѣлался бы естественнымъ театромъ военныхъ операцій, а его важнѣйшіе военные пункты—главными предметами дѣйствій въ нихъ; но какъ главною цѣлью Франціи было не благо Америки, а нанесеніе вреда Англіи, то здравая военная логика требовала, чтобы континентальная борьба не только не направлялась къ развязкѣ, а напротивъ энергично поддерживалась. Это была готовая диверсія въ пользу Франціи и во-вредъ Великобританіи, требующая поддержки лишь постольку, поскольку она помогала сопротивленію, на которое инсургенты были вызваны своимъ отчаяннымъ положеніемъ. Территорія тринадцати колоній не была, поэтому, главнымъ предметомъ дѣйствій Франціи; тѣмъ менѣе она была таковымъ для Испаніи.

Торговое значеніе англійской Вестъ-Индіи сдѣлало ее соблазнительнымъ объектомъ для французовъ, которые приспособлялись съ замѣчательной легкостью къ соціальнымъ условіямъ этой страны, гдѣ ихъ колоніальныя владѣнія были тогда уже обширны. Кромѣ двухъ лучшихъ Малыхъ Антильскихъ острововъ, Гваделупы и Мартиники, и до сихъ поръ принадлежащихъ имъ, они владѣли тогда Санта-Лючіей и западною половиною Гаити. Франція вполнѣ могла надѣяться на присоединеніе къ этому, путемъ успѣшной войны, бо̀льшей части англійскихъ Антильскихъ острововъ и на округленіе такимъ образомъ по истинѣ громадныхъ тропическихъ колоніальныхъ владѣній своихъ; въ то же время, хотя и лишенная возможности, вслѣдствіе щепетильности Испаніи, разсчитывать на Ямайку для себя, она могла считать осуществимымъ отвоеваніе этого великолѣпнаго острова для союзной съ нею и слабѣйшей державы. Но какъ бы ни желательны были для нея Малые Антильскіе острова, какъ владѣнія, а поэтому какъ объекты войны, военное завладѣніе ими слишкомъ сильно опиралось на обладаніе моремъ

для того, чтобы они могли быть сами по себѣ непосредственными предметами дѣйствій или объектами военныхъ операцій. Французское правительство, поэтому, запрещало своимъ морскимъ начальникамъ занимать тѣ изъ упомянутыхъ острововъ, которые они могли захватить. Они должны были только брать въ плѣнъ ихъ гарнизоны, уничтожать оборону и затѣмъ удаляться. Въ превосходномъ военномъ портѣ Фортъ-Роялѣ, на Мартиникѣ, на Французскомъ мысѣ и въ сильной союзной гавани Гаванны, достаточно сильный флотъ находилъ удобныя, безопасныя и хорошо распредѣленныя базы; что же касается ранней и серьезной потери С. Лючіи, то она должна быть приписана неумѣлости начальниковъ французскаго флота и профессіональному искусству англійскаго адмирала. Такимъ образомъ въ Вестъ-Индіи соперничавшія державы были одинаково обезпечены необходимыми опорными пунктами на берегу; оккупація еще другихъ пунктовъ, сама по себѣ, не могла ничего прибавить къ ихъ военной силѣ, обусловливавшейся численностью и качествами флотовъ. Для распространенія оккупаціи на большее число пунктовъ съ достаточной безопасностью, необходимо было прежде всего достигнуть морскаго превосходства, — не только мѣстнаго, но и надъ общимъ театромъ войны. Въ противномъ случаѣ она была бы ненадежна, развѣ лишь при условіи подкрѣпленія ея такимъ большимъ отрядомъ войскъ, который потребовалъ бы издержекъ, превышавшихъ стоимость объекта. Ключъ положенія въ Вестъ-Индіи находился такимъ образомъ во флотахъ, которые и сдѣлались поэтому истинными предметами военныхъ операцій; и это еще болѣе такъ потому, что съ чисто *военной* точки зрѣнія настоящая польза Вестъ-Индскихъ портовъ въ этой войнѣ состояла въ томъ, что они были промежуточными базами между Европою и континентомъ Америки, куда флоты удалялись тогда, когда арміи уходили на зимнія квартиры. На территоріи Вестъ-Индіи враждебными сторонами не было предпринято никакой серьезной стратегической операціи, за исключеніемъ захвата С. Лючіи англичанами и неудачной экспедиціи противъ Ямайки въ 1782 году; равнымъ образомъ, не была возможна никакая серьезная попытка и противъ военнаго порта, какъ

Барбадосъ или Фортъ-Рояль, до тѣхъ поръ, пока не было обезпечено морское преобладаніе, — сраженіемъ ли или удачнымъ сосредоточеніемъ силы. Ключемъ положенія, должно повторить еще разъ, былъ флотъ.

Вліяніе морской силы, вооруженнаго флота, на ходъ войны на континентѣ Америки было уже указано нами въ мнѣніяхъ Вашингтона и сэра Генри Клинтона; тогда какъ о положеніи дѣлъ въ Остъ-Индіи, разсматриваемой какъ самостоятельный театръ войны, говорилось такъ много при разборѣ кампаніи Сюффрена, что теперь необходимо только повторить, что тамъ все зависѣло отъ обладанія моремъ черезъ посредство превосходной морской силы. Взятіе Трипкомале, столь существенное для французской эскадры, не имѣвшей другой базы, было, подобно взятію С. Лючіи, неожиданностью и могло быть достигнуто или пораженіемъ непріятельскаго флота или, какъ это и случилось, при отсутствіи послѣдняго. Въ Сѣверной Америкѣ и въ Индіи здравая военная политика указывала, что истиннымъ предметомъ дѣйствій въ военныхъ операціяхъ долженъ быть непріятельскій флотъ, отъ котораго зависѣли также и сообщенія съ метрополіями. Остается Европа, которую едва ли слѣдуетъ подробно изслѣдовать, какъ отдѣльный театръ дѣйствій, такъ какъ ея отношенія ко всей совокупности военныхъ операцій гораздо болѣе важны. Можно просто указать, что единственными пунктами въ Европѣ, которыхъ политическая передача въ другія руки составляла объектъ войны, были Гибралтаръ и Минорка, и изъ нихъ первый, по настоянію Испаніи, сдѣлался въ теченіе всей войны и главнымъ объектомъ операцій союзниковъ. Обладаніе обоими этими пунктами обусловливалось, очевидно, господствомъ на морѣ.

Въ морской войнѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, двѣ вещи наиболѣе существенны: соотвѣтственная база на границѣ, — въ этомъ случаѣ морской берегъ, откуда отправляются операціи, и организованная военная сила, — въ этомъ случаѣ флотъ такихъ размѣровъ и такого качества, какіе соотвѣтствуютъ предположеннымъ операціямъ. Если война, какъ въ разсматриваемомъ примѣрѣ, распространяется до отдаленныхъ частей

земнаго шара, то является необходимымъ обезпечить въ каждой изъ послѣднихъ порта для флота, которые служили бы операціонными базами мѣстной войны, или, короче, *мѣстными* базами. Между этими послѣдними и отечественными базами (home bases) должно существовать надежное сообщеніе, которое будетъ опираться на военное господство на промежуточныхъ между ними водахъ. Это господство должно быть достигнуто военнымъ флотомъ, которому надлежитъ или очистить море во всѣхъ направленіяхъ отъ непріятельскихъ крейсеровъ, достаточно обезпечивъ такимъ образомъ безопасность плаванія кораблямъ своей націи, или сопровождая въ достаточно сильномъ составѣ каждый караванъ продовольственныхъ судовъ и транспортовъ съ боевыми припасами, необходимый для поддержки отдаленныхъ операцій. Первый способъ требуетъ широкаго разсѣянія боевыхъ національныхъ силъ; второй — сосредоточенія ихъ въ той части моря, гдѣ находится упомянутый караванъ въ данный моментъ. При обоихъ этихъ способахъ надежность сообщеній, безъ сомнѣнія, усилится хорошими гаванями на путяхъ,—однако не слишкомъ многочисленными,—достаточно обезпеченными въ военномъ отношеніи и надлежащимъ образомъ расположенными, — каковы, напримѣръ, гавани на мысѣ Доброй Надежды и на о-вѣ Маврикія. Станціи этого рода и всегда были необходимы, но онѣ вдвойнѣ необходимы теперь, когда возобновленіе запаса топлива требуется еще чаще, чѣмъ требовалось въ былые дни возобновленіе провизіи и другихъ припасовъ. Эти сочетанія сильныхъ пунктовъ дома и за границей и состояніе сообщеній между ними могутъ называться стратегическими чертами общаго военнаго положенія, которыми, вмѣстѣ съ относительною силою враждебныхъ флотовъ, должна опредѣляться сущность операцій. Въ каждомъ изъ трехъ подраздѣленій театра военныхъ дѣйствій, въ Европѣ, Америкѣ и Индіи, — подраздѣленій, сдѣланныхъ нами для ясности изложенія, — мы опредѣлили обладаніе моремъ, какъ рѣшающій факторъ для враждебныхъ сторонъ, и поэтому истиннымъ предметомъ дѣйствій ихъ операцій назвали непріятельскій флотъ. Приложимъ же теперь предшествовавшія разсужденія ко всему театру войны и посмотримъ, годится ли въ этомъ случаѣ то же

заключеніе, и если — да, то какова должна была быть сущность операцій каждой стороны (*).

Въ Европѣ отечественная база Великобританіи была на Англійскомъ Каналѣ, съ двумя главными портами, Плимутомъ и Портсмутомъ. База союзныхъ силъ была на Атлантическомъ океанѣ, и главными военными портами ихъ были Брестъ, Ферроль и Кадиксъ. За ними, въ Средиземномъ морѣ, находились порта Тулонъ и Картагена у союзниковъ и станція Портъ-Магонъ на Миноркѣ у англичанъ. Послѣдней, однако, можно совсѣмъ не принимать въ расчетъ, какъ обреченной на оборонительную роль въ теченіе войны, такъ какъ британскій флотъ не могъ отдѣлить какую-либо эскадру въ Средиземное море. Гибралтаръ, напротивъ, по своему положенію, далъ бы возможность съ успѣхомъ подстерегать всякій отрядъ или подкрѣпленія, направлявшіяся изъ Средиземнаго моря черезъ проливъ, если бы только его утилизировали, какъ станцію эскадры, соотвѣтствующей такой службѣ. Этого не было сдѣлано, такъ какъ британскій европейскій флотъ долженъ былъ оставаться въ Каналѣ, для домашней обороны, и изрѣдка только совершалъ рейсы въ Гибралтаръ, конвоируя транспорты съ припасами, необходимыми для гарнизона. Была, однако, разница въ роляхъ Портъ-Магона и Гибралтара. Первый, не имѣвъ въ то время никакого значенія, не привлекалъ вниманія союзниковъ до послѣдняго періода войны, когда онъ и былъ взятъ ими послѣ шестимѣсячной осады; тогда какъ второй, какъ считавшійся пунктомъ первостепенной важности, съ самого же начала войны былъ предметомъ серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій союзниковъ, вызывая со стороны послѣднихъ столь важное для Великобританіи раздѣленіе силъ ихъ. Къ этому обзору главныхъ чертъ естественнаго стратегическаго положенія въ Европѣ умѣстно прибавить замѣчаніе, что то подкрѣпленіе, какое Голландія, можетъ быть была склонна послать союзнымъ флотамъ, имѣло весьма необезпеченную коммуникаціонную линію, такъ какъ оно должно было проходить мимо англійской базы на Каналѣ. Въ дѣйствительности такое подкрѣпленіе и не было послано.

(*) См. карту Атлантическаго океана, стран. 609.

Въ Сѣверной Америкѣ мѣстными базами, когда война возгорѣлась, были Нью-Іоркъ, Наррагансеттская бухта и Бостонъ. Двумя первыми владѣли тогда англичане, и онѣ были самыми важными станціями на континентѣ, — по положенію, легкости обороны и рессурсамъ. Бостонъ перешелъ въ руки американцевъ и поэтому былъ въ распоряженіи союзниковъ. Вслѣдствіе того направленія, которое дано было военнымъ дѣйствіямъ отвлеченіемъ дѣятельныхъ англійскихъ операцій къ Южнымъ Штатамъ въ 1779 году, Бостонъ оказался внѣ главнаго театра военныхъ дѣйствій и, по своему положенію, потерялъ значеніе съ военной точки зрѣнія; но если бы былъ принятъ планъ изолированія Новой Англіи занятіемъ линіи Гудсона и озера Champлэйнъ и сосредоточеніемъ военныхъ силъ къ востоку, то названные три порта имѣли бы рѣшительное значеніе для исхода войны. Къ югу отъ Нью-Іорка Делавэрская и Чезапикская бухты, безъ сомнѣнія, представляли заманчивыя арены для морскаго предпріятія; но ширина входовъ, недостатокъ удобныхъ и легко обороняемыхъ пунктовъ для приморскихъ станцій, широкое разсѣяніе береговыхъ силъ, сопряженное съ попыткою занять столь много пунктовъ, и нездоровый климатъ мѣстности въ теченіе значительной части года заставили бы исключить ихъ изъ главной части плана первыхъ кампаній. Нѣтъ необходимости, поэтому, включать ихъ въ число мѣстныхъ базъ. На крайній югъ англичане были увлечены роковымъ огнемъ (*ignis fatuus*) ожиданій поддержки со стороны народа. Они не сумѣли понять, что даже если бы большинство тамъ и предпочитало спокойствіе свободѣ, то это самое предпочтеніе помѣшало бы имъ возстать противъ революціоннаго правительства, которымъ, по теоріи англичанъ, они угнетались; а между тѣмъ на такое возстаніе опирался весь успѣхъ этого отдаленнаго и, по результату, въ высшей степени несчастнаго предпріятія. Мѣстною базою операцій на этомъ частномъ театрѣ войны былъ Чарльстонъ, который перешелъ въ руки англичанъ въ маѣ мѣсяцѣ 1780 года, черезъ восемнадцать мѣсяцевъ послѣ того, какъ первая экспедиція высадилась въ Георгіи.

Главныя мѣстныя базы въ Вестъ-Индіи уже извѣстны читателямъ изъ предыдущаго изложенія. Для англичанъ ими были Барбадосъ, С. Лючіа и, въ меньшей степени, Антигуа. За тысячу миль подъ вѣтромъ былъ большой островъ Ямайка, съ портомъ въ Кингстонѣ, обладавшимъ большими естественными удобствами. Въ рукахъ союзниковъ мѣстными базами первостепеннаго значенія служили Фортъ-Рояль на Мартиникѣ и Гаванна, а второразрядными — Гваделупа и Французскій мысъ (Cap Français). Господствующимъ элементомъ стратегическаго положенія въ тѣ дни, — не вполнѣ потерявшимъ значеніе и въ наше время, — былъ пассатъ, съ сопровождающимъ его теченіемъ. Переходъ въ какой нибудь навѣтренный пунктъ былъ, поэтому, долгимъ и серьезнымъ предпріятіемъ, даже для одиночныхъ кораблей, а тѣмъ болѣе для большихъ эскадръ. Это вело къ тому, что флоты совершали плаванія къ западнымъ островамъ лишь когда были вынуждаемы на нихъ или когда удостовѣрялись, что непріятель взялъ то же самое направленіе,—какъ напримѣръ Родней отправился къ Ямайкѣ послѣ сраженія при островахъ Святыхъ, зная, что французскій флотъ долженъ былъ уйти къ Французскому мысу. Разсматриваемое условіе дѣлало навѣтренные или восточные острова станціями естественныхъ линій сообщенія между Европою и Америкою такъ же, какъ и мѣстными морскими базами, и удерживало возлѣ нихъ флоты. Отсюда слѣдовало также то, что между двумя театрами операцій, между континентомъ и Малыми Антильскими островами, была расположена широкая центральная область, гдѣ болѣе или менѣе значительныя военныя операціи могли вестись безопасно лишь тою воюющею стороною, которая обладала большимъ морскимъ превосходствомъ, или же тою, которая обезпечила за собою рѣшительное преимущество на одномъ флангѣ. Въ 1762 году, когда Англія владѣла всѣми Навѣтренными островами, при неоспоримомъ превосходствѣ на морѣ, она безпрепятственно атаковала и покорила Гаванну; но въ 1779 — 1782 годахъ французская морская сила въ Америкѣ и господство французовъ на Навѣтренныхъ островахъ, практически, уравновѣшивали ея силу, давая испанцамъ въ Гаваннѣ свободу преслѣдовать ихъ планы

противъ Пенсаколы и Багамскихъ острововъ въ вышеупомянутой центральной области (*).

Посты, подобные Мартиникѣ и С. Лючіи, имѣли, поэтому, для настоящей войны большое стратегическое преимущество передъ Ямайкой, Гаванной или другими, лежавшими подъ вѣтромъ. Они командовали послѣдними въ силу своего положенія, вслѣдствіе котораго переходъ отъ восточнаго пункта къ западному могъ быть сдѣланъ значительно быстрѣе, чѣмъ обратный, тогда какъ важнѣйшіе для континентальной борьбы пункты были практически немного дальше отъ одного, чѣмъ отъ другаго. Это преимущество раздѣлялось одинаково и большею частью изъ острововъ, извѣстныхъ подъ именемъ Малыхъ Антильскихъ; но небольшой островъ Барбадосъ, будучи значительно на вѣтрѣ относительно всѣхъ остальныхъ, обладалъ еще особенными преимуществами не только для наступательныхъ дѣйствій, но также и по отношенію къ оборонѣ, потому что онъ былъ защищенъ трудностью доступа къ нему большихъ флотовъ, даже изъ такого близкаго порта, какъ Фортъ-Рояль. Читатели припомнятъ, что экспедиція, высадившаяся окончательно на островѣ С. Киттса, предназначалась противъ Барбадоса, но не могла достигнуть его вслѣдствіе сильныхъ пассатныхъ вѣтровъ. Такимъ образомъ Барбадосъ, при условіяхъ того времени, былъ особенно пригоденъ для того, чтобы служить мѣстною базою для англичанъ, такъ же какъ и станціей-убѣжищемъ на линіи сообщеній ихъ съ Ямайкою, Флоридой и даже Сѣверной Аме-

---

(*) Можно сказать здѣсь мимоходомъ, что ключами англійскихъ владѣній въ странѣ, называвшейся тогда Западной Флоридой, были Пенсакола и Мобиль, опорнымъ пунктомъ для которыхъ служила Ямайка, такъ какъ мѣстныя условія, условія навигаціи и общей континентальной войны не позволяли разсчитывать на помощь изъ Атлантики. Англійскія силы на Ямайкѣ, сухопутныя и морскія, были какъ разъ только достаточны для обороны острова и торговли и не могли представлять надежной поддержки для Флориды. Занятіе послѣдней и Багамскихъ острововъ было совершено подавлявшими испанскими силами съ небольшими затрудненіями: въ операціяхъ противъ Пенсаколы участвовали пятнадцать линейныхъ кораблей и семь тысячъ солдатъ. Объ этихъ событіяхъ на страницахъ нашей книги не будетъ больше упоминаться. Единственное ихъ вліяніе на общую войну состояло въ отвлеченіи сюда этой импонирующей силы отъ соединенныхъ операцій съ французами, такъ какъ Испанія и здѣсь, какъ въ Гибралтарѣ, преслѣдовала свои личныя цѣли, вмѣсто сосредоточенія силъ своихъ противъ общаго врага — политика столь же близорукая, сколь и эгоистичная.

рикой; въ то же время островъ С. Лючіа, въ 100 миляхъ подъ вѣтромъ, захваченный въ началѣ войны англичанами, удерживался ими, какъ передовой постъ для флота, откуда послѣдній могъ близко наблюдать за непріятелемъ въ Фортъ-Роялѣ, на Мартиникѣ.

Въ Индіи политическія условія на полуостровѣ неизбѣжно дѣлали театромъ операцій восточный, Коромандельскій, берегъ. Тринкомале, на близлежащемъ Цейлонѣ, хотя и нездоровый по климату, представлялъ превосходную и удобообороняемую гавань и поэтому имѣлъ первоклассное стратегическое значеніе; всѣ другія якорныя стоянки по берегу полуострова были только открытыми рейдами. Въ силу этого обстоятельства пассаты или муссоны въ этой странѣ также имѣли стратегическое значеніе. Съ осенняго до весенняго равноденствія вѣтеръ дуетъ правильно отъ NO, по временамъ съ большою силою, разводя сильный прибой у берега и дѣлая высадку затруднительной; но въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ господствуетъ юго-западный вѣтеръ, при сравнительно спокойномъ морѣ и хорошей погодѣ. «Перемѣна муссона», въ сентябрѣ и октябрѣ, часто сопровождается сильными ураганами. Дѣятельныя операціи у Коромандельскаго берега или даже просто стоянка у него съ этого времени до прекращенія сѣверо-восточнаго муссона были бы неосторожностью. Вопросъ о портѣ, для удаленія туда флота на это время, былъ вопросомъ настоятельной необходимости. Тринкомале былъ единственнымъ, и это его особенное стратегическое значеніе еще увеличивалось тѣмъ, что въ благопріятное время года онъ былъ навѣтреннымъ пунктомъ относительно главнаго театра войны. Англійская гавань Бомбей, на западномъ берегу, была слишкомъ отдалена отъ этого театра, чтобы считаться мѣстною базою, и скорѣе принадлежала, подобно французскимъ островамъ Маврикія и Бурбонъ, къ категоріи станцій на линіи сообщеній съ метрополіей.

Таковы были главные опорные пункты, или базы, воюющихъ державъ, — дома и за границей. Относительно послѣднихъ базъ, говоря вообще, должно замѣтить, что онѣ стра-

дали недостаткомъ въ средствахъ, — важный элементъ стратегическаго значенія. Предметы морскаго и военнаго вооруженія, и въ значительной степени морская провизія, должны были доставляться туда изъ метрополій. Бостонъ, окруженный зажиточнымъ дружескимъ населеніемъ, представлялъ, можетъ быть, исключеніе изъ этого положенія, такъ же какъ и Гаванна — въ то время важный морской портъ, гдѣ было сильно развито кораблестроеніе; но эти пункты лежали далеко отъ главныхъ театровъ войны. На Нью-Іоркъ и Наррагансеттскую бухту американцы производили слишкомъ большое давленіе для того, чтобы средства сосѣднихъ съ ними странъ могли представлять серьезное значеніе, тогда какъ отдаленные порты Остъ- и Вестъ-Индій опирались всецѣло на средства метрополіи. Вслѣдствіе этого стратегическій вопросъ о сообщеніяхъ съ ними получалъ еще бо̀льшую важность. Захватъ на пути большаго каравана транспортовъ былъ операціею, уступающею по своей важности только уничтоженію отряда военныхъ кораблей, а между тѣмъ защита такого каравана большою силою или умѣньемъ уйти отъ поисковъ непріятеля требовала отъ правительствъ и флотоводцевъ искусства въ распредѣленіи военныхъ кораблей и эскадръ, имѣвшихся въ ихъ распоряженіи для многихъ предметовъ дѣйствій, требовавшихъ вниманія. Искусство Кемпенфельдта и нераспорядительность де Гишена въ Сѣверной Атлантикѣ, вмѣстѣ со штормовымъ вѣтромъ, серіозно затрудняли де Грасса въ Вестъ-Индіи. Подобный же вредъ былъ нанесенъ Сюффрену въ индѣйскихъ моряхъ захватомъ небольшихъ каравановъ съ конвоями въ Атлантикѣ, тогда какъ Сюффренъ съ своей стороны умѣлъ сейчасъ же вознаграждать значительную часть этихъ потерь и сильно безпокоилъ своихъ противниковъ успѣхомъ крейсерскихъ дѣйствій противъ англійскихъ транспортовъ.

Такимъ образомъ военные флоты, которые одни только и могли обезпечить или подвергнуть опасности указанныя *питательныя артеріи* (коммуникаціонныя линіи), имѣли такое же точно значеніе и для общаго хода войны, о какомъ мы уже говорили по отношенію къ отдѣльнымъ театрамъ ея. Они были звеньями, связывавшими все въ одно цѣлое, и поэтому мы

опредѣлили ихъ выше, какъ истинные объекты операцій, или предметы дѣйствій, обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Разстояніе между Европою и Америкою не таково, чтобы были абсолютно необходимы промежуточные порта снабженія; при возникновеніи же затрудненій отъ какой-либо непредвидѣнной причины, было всегда возможно, избѣгая встрѣчи съ непріятелемъ, или возвратиться въ Европу, или же зайти въ дружескій портъ въ Вестъ-Индіи. Иное дѣло представляло длинное путешествіе въ Индію кругомъ мыса Доброй Надежды. Плаваніе Бикертона, вышедшаго съ караваномъ изъ Англіи въ февралѣ и достигшаго Бомбея въ слѣдующемъ сентябрѣ, считалось успѣшнымъ; тогда какъ энергичный Сюффренъ, отплывъ въ мартѣ, въ тотъ же промежутокъ времени достигъ Маврикія, откуда переходъ до Мадраса потребовалъ еще два мѣсяца. Такое продолжительное путешествіе рѣдко могло совершаться безъ остановокъ для снабженія водою, свѣжею провизіею, часто даже для такихъ работъ, которыя требовали спокойнаго порта, хотя бы корабельные припасы и давали необходимый матеріалъ. Совершенная коммуникаціонная линія требовала на своемъ протяженіи, какъ было сказано, нѣсколькихъ такихъ портовъ, надлежащимъ образомъ расположенныхъ, хорошо защищенныхъ и съ обильными припасами,—подобныхъ тѣмъ, какими владѣетъ Англія въ настоящее время на нѣкоторыхъ изъ своихъ главныхъ коммерческихъ путей и какіе представляютъ пріобрѣтенія ея прошлыхъ войнъ. Въ войнѣ 1778 года ни одна изъ воюющихъ сторонъ не имѣла такихъ портовъ на этомъ пути до тѣхъ поръ, пока, съ принятіемъ въ ней участія Голландіей, мысъ Доброй Надежды не былъ отданъ въ распоряженіе французовъ и усиленъ затѣмъ надлежащимъ образомъ Сюффреномъ. Портъ на этомъ мысѣ, островъ Маврикія на пути и Тринкомале на отдаленномъ концѣ его надежно обезпечивали сообщенія союзниковъ съ Франціею. Англія же, хотя и владѣла тогда островомъ Св. Елены, въ дѣлѣ снабженія и исправленій своихъ отправлявшихся въ Индію эскадръ и карaвановъ, пока они были еще въ Атлантикѣ, разсчитывала на благопріятный нейтралитетъ Португаліи, владѣнія которой включали Мадеру, острова Зеленаго мыса и Бразильскіе порта. Этотъ

нейтралитетъ былъ на самомъ дѣлѣ слабой опорой для обороны, какъ показала схватка между Джонстономъ и Сюффреномъ у Зеленаго мыса; но въ упомянутыхъ владѣніяхъ было нѣсколько возможныхъ для стоянокъ флота мѣстъ, и такъ какъ одна сторона не могла знать, которое изъ нихъ занято ея противникомъ,—и занято ли вообще хоть одно,—то это невѣдѣніе, само по себѣ, представляло не малое обезпеченіе, если только командующій флотомъ не полагался на него до полнаго пренебреженія надлежащимъ расположеніемъ своихъ силъ, какъ сдѣлалъ это Джонстонъ въ Порто-Прайя. Въ самомъ дѣлѣ, при медленности и ненадежности, какими характеризовалась тогда передача извѣстій отъ одного пункта къ другому, сомнѣніе въ томъ, гдѣ слѣдуетъ искать непріятеля, было бо́льшимъ препятствіемъ для наступательныхъ предпріятій, чѣмъ часто слабая оборона колоніальнаго порта.

Разсмотрѣнное сочетаніе удобныхъ портовъ и условій сообщеній между ними составляетъ, какъ уже было сказано, главныя стратегическія черты положенія. Флотъ, какъ организованная сила, связывая все въ одно цѣлое, представлялся главнымъ объектомъ военныхъ операцій. Теперь слѣдуетъ еще разсмотрѣть способы, употребленные для достиженія успѣха въ этихъ операціяхъ, веденіе самой войны (*).

Прежде, чѣмъ сдѣлать это, слѣдуетъ упомянуть объ одной особенности моря, какъ театра военныхъ дѣйствій, имѣющей значеніе въ нашемъ послѣдующемъ разсужденіи, — а именно о затруднительности полученія на морѣ свѣдѣній. Арміи проходятъ черезъ страны, болѣе или менѣе обитаемыя осѣдлымъ населеніемъ, и оставляютъ за собою слѣды своего движенія. Флоты же пробѣгаютъ пустыни, по которымъ «путники только проходятъ, но гдѣ они не остаются на мѣстѣ»; и когда на мгновеніе разошедшіяся воды снова смыкаются за ними, то развѣ только упавшая съ палубы пловучая вещь можетъ указать

(*) Другими словами, послѣ разсмотрѣнія вопроса о постановкѣ цѣли войны и выборѣ предмета дѣйствій каждою изъ воюющихъ сторонъ, теперь предстоитъ разсмотрѣть, какъ слѣдовало распорядиться военными силами; какими средствами и въ какомъ пунктѣ предметъ дѣйствій (флотъ) долженъ былъ подвергнуться нападенію.

мѣсто прохожденія корабля, но и то ничего не говоря объ его курсѣ. Судно, встрѣченное преслѣдователемъ, можетъ ничего не знать о преслѣдуемомъ, который тѣмъ не менѣе прошелъ черезъ пунктъ ихъ встрѣчи за нѣсколько дней или даже часовъ передъ тѣмъ. Въ послѣднее время тщательное изученіе вѣтровъ и океанскихъ теченій опредѣлило нѣкоторые пути,—преимущественные передъ другими, — по которымъ обыкновенно и слѣдуетъ осторожный морякъ и которые даютъ возможность дѣлать нѣкоторыя предположенія объ его движеніяхъ; но въ 1778 году данныя для этого не были еще собраны; да даже если бы и были, то вѣдь кратчайшій путь часто могъ быть замѣненъ однимъ изъ многихъ возможныхъ — для того, чтобы сбить преслѣдующаго или ожидающаго на немъ врага. Въ такой игрѣ въ прятки преимущество всегда за преслѣдуемымъ, и значеніе возможности стеречь выходы въ море изъ непріятельской страны, застигнуть непріятеля раньше, чѣмъ онъ выйдетъ на нѣмой просторъ водной пустыни, — очевидно. Если по какой-либо причинѣ подстеречь такимъ образомъ противника невозможно, то лучшее, что можно предпринять за тѣмъ, это, — не пытаясь ловить его на путяхъ, которые онъ можетъ миновать, — пройти раньше его къ мѣсту его назначенія и ожидать его тамъ; но это требуетъ знанія его намѣреній, что не всегда можетъ быть достижимо. Дѣйствія Сюффрена противъ Джонстона отъ начала до конца были согласны съ требованіями стратегіи: имъ удовлетворяли и нападеніе на противника въ Порто-Прайя, и поспѣшность, съ какою Сюффренъ слѣдовалъ къ мѣсту общаго ихъ назначенія; тогда какъ двѣ неудачныя попытки Роднея перехватить морскіе караваны, слѣдовавшіе къ Мартиникѣ въ 1780 и 1782 годахъ, — хотя онъ и былъ извѣщенъ о выходѣ ихъ туда, — показываютъ трудность успѣха при ожиданіи непріятеля на пути, даже когда пунктъ прибытія его и извѣстенъ.

Для всякой морской экспедиціи только два пункта точно опредѣлены, — пунктъ отплытія и пунктъ назначенія. Послѣдній можетъ быть неизвѣстенъ непріятелю; но первый можно считать всегда заблаговременно извѣстнымъ по присутствію въ порту извѣстной силы и по признакамъ скораго выступле-

нія ея. Пресѣченіе пути такой экспедиціи можетъ быть чрезвычайно важно для каждой изъ воюющихъ сторонъ, но оно особенно и всегда необходимо для обороняющейся стороны, потому что она можетъ не знать, которому изъ многихъ уязвимыхъ пунктовъ ея угрожаетъ нападеніе; тогда какъ наступающая сторона слѣдуетъ съ полнымъ знаніемъ прямо къ своей цѣли, если можетъ обмануть своего противника. Важность задержанія такой экспедиціи дѣлается еще болѣе очевидной въ случаѣ, если подготовка ея раздѣлена между двумя или болѣе портами, — условіе, которое легко можетъ имѣть мѣсто, когда средства одного адмиралтейства недостаточны для снаряженія требуемаго числа кораблей въ ограниченное время, или когда, какъ въ разсматриваемой войнѣ, союзныя силы составляютъ отдѣльные отряды. Воспрепятствованіе соединенію послѣднихъ является дѣломъ первой необходимости, и нигдѣ оно не можетъ быть исполнено такъ надежно, какъ близъ портовъ, откуда должны отплыть упомянутые отряды. Оборона, по самому смыслу своему, предполагаетъ меньшую силу, и поэтому для нея болѣе обязательно воспользоваться такимъ источникомъ слабости, какъ раздѣленіе силъ непріятеля. Подстерегаціе Роднеемъ въ 1782 году, съ С. Лючіи, французской эскадры, находившейся у Мартиники, для предупрежденія соединенія ея съ испанцами у Французскаго мыса, представляетъ примѣръ правильнаго стратегическаго положенія; и если бы острова были такъ расположены, что Родней могъ бы стать между французами и пунктомъ ихъ назначенія, вмѣсто того, чтобы стать въ тылу у нихъ, то ничего лучшаго нельзя было бы и придумать. При наличныхъ же обстоятельствахъ онъ сдѣлалъ лучшее, что было возможно.

Обороняющаяся сторона, какъ слабѣйшая, не можетъ пытаться блокировать *всѣ* порта, гдѣ находятся отдѣльные отряды непріятеля, безъ вреда для своей цѣли, такъ какъ тогда каждый ея отрядъ будетъ слабѣе противника. Такая блокада была бы равносильна пренебреженію основными принципами войны. Если обороняющійся правильно рѣшается не дѣлать этого, но останавливается на томъ, чтобы собрать превосходныя силы передъ однимъ или двумя пунктами рас-

положенія непріятеля, то ему необходимо рѣшить, какіе изъ этихъ пунктовъ слѣдуетъ избрать и какими пренебречь, — вопросъ, обнимающій всю политику войны послѣ полнаго уясненія главныхъ условій — военныхъ, моральныхъ и экономическихъ во всѣхъ частяхъ театра военныхъ дѣйствій.

Въ 1778 году оборонительное положеніе было занято англичанами по необходимости. Англійскія морскія власти предшествовавшей эры, при Гауке и его современникахъ, принимали за правило, чтобы британскій флотъ былъ численно равенъ соединеннымъ флотамъ королевствъ Бурбоновъ, — условіе, которое, при лучшемъ качествѣ *личнаго* состава и при большемъ мореходномъ населеніи страны, представлявшемъ матеріалъ для комплектаціи этого состава, давало Англіи дѣйствительное превосходство въ силѣ. Эта предосторожность, однако, не соблюдалась въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Не имѣетъ значенія для нашего разсужденія, было ли это упущеніе слѣдствіемъ нерадѣнія министерства, какъ оно обвинялось въ этомъ оппозиціей, или же плодомъ неумѣстной экономіи, которою часто увлекаются представительныя правительства въ мирное время. Фактъ остается тотъ, что, несмотря на значительную вѣроятность военнаго союза между Франціей и Испаніей, англійскій флотъ былъ численно ниже соединеннаго флота этихъ державъ. По отношенію къ тому, что мы назвали стратегическими чертами положенія, т. е. къ отечественнымъ базамъ и къ вспомогательнымъ базамъ за границей, преимущество, въ общемъ, было на сторонѣ Англіи. Ея позиціи, если и не были сильнѣе сами по себѣ, то были по крайней мѣрѣ географически лучше расположены съ стратегической точки зрѣнія; но во второмъ необходимомъ для веденія войны элементѣ, въ организованной военной силѣ, или во флотѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ наступательныхъ операцій, она допустила превосходство надъ собою непріятеля. Поэтому ей оставалось только употребить свою слабѣйшую силу съ такимъ искусствомъ и такой энергіей, чтобы разрушить планы непріятеля,—выходомъ въ море раньше его, цѣлесообразнымъ выборомъ позицій, предупрежденіемъ соединеній его отрядовъ большею быстротою стратегическихъ движеній, затрудненіемъ его сообщеній съ избранными имъ пред-

метами дѣйствій и встрѣчей главныхъ отрядовъ его превосходными силами.

Достаточно ясно, что веденіе этой войны, кромѣ операцій на континентѣ Америки, опиралось на метрополіи въ Европѣ и на свободное сообщеніе съ ними. Окончательное пораженіе американцевъ не прямыми военными операціями, а истощеніемъ ихъ, было бы также вѣроятнымъ, если бы никто не мѣшалъ Англіи препятствовать ихъ торговлѣ и промышленности при посредствѣ подавляющей морской силы. Эту силу она могла бы выставить противъ нихъ, если бы избавилась отъ давленія союзныхъ флотовъ; а это избавленіе было бы достигнуто, если бы она могла получить надъ ними рѣшительное превосходство, не только матеріальное, но и моральное, какъ это имѣло мѣсто двадцать лѣтъ спустя. Въ эту послѣднюю эпоху союзныя державы, финансовая слабость которыхъ была хорошо извѣстна, должны были отстраниться отъ борьбы, въ которой ихъ главная цѣль — низведеніе Англіи въ подчиненное положеніе — потерпѣла полное пораженіе. Такого превосходства, однако, Англія могла бы достигнуть лишь боевыми успѣхами своего флота, показавъ, что, несмотря на численное неравенство съ врагомъ, искусство моряковъ и богатство дали возможность ея правительству, мудрымъ пользованіемъ силами страны, обезпечить дѣйствительный перевѣсъ надъ противникомъ на рѣшительныхъ пунктахъ театра войны. Этого Англія никогда не могла бы достигнуть при условіи распредѣленія своихъ линейныхъ кораблей по всему свѣту и подвергая ихъ разбитію по частямъ (*) въ стараніяхъ защитить всѣ уязвимые пункты своихъ разбросанныхъ владѣній.

Ключъ тогдашняго положенія дѣлъ былъ въ Европѣ, и именно въ портахъ враждебныхъ Англіи державъ. Если Англія не могла зажечь континентальной войны противъ Франціи, какъ она старалась сдѣлать это, то ей слѣдовало возложить всѣ свои надежды на встрѣчу съ непріятельскимъ флотомъ и на пораженіе его. А его нигдѣ нельзя было найти вѣрнѣе, чѣмъ въ его домашнихъ портахъ; нигдѣ его нельзя было такъ легко встрѣтить, какъ непосредственно по выходѣ его изъ нихъ. Дѣй-

(*) Короче говоря, при *разбросѣ* своихъ силъ. **Н. А.**

ствовать такъ и побуждала Англію политика, которою она руководствовалась во время Наполеоновскихъ войнъ, когда моральное превосходство ея флота такъ упрочилось, что она отваживалась подвергать свои слабѣйшія силы соединеннымъ опасностямъ моря и столкновеній съ болѣе многочисленными и хорошо вооруженными флотами, стоявшими спокойно на якорѣ въ ихъ портахъ. При такомъ двойномъ рискѣ она пріобрѣтала и двоякую выгоду: держала непріятеля на глазахъ и усыпляла его силы,— позволяя ему предаваться спокойствію портовой жизни въ то время, какъ ея офицеры и моряки закалялись суровымъ крейсерствомъ, готовые энергично отозваться на всякій призывъ къ дѣятельности. «Мы не имѣемъ причины», объявилъ адмиралъ Вильнёвъ въ 1805 году, вторя словамъ Императора, «бояться появленія англійской эскадры. Ея семидесяти четырехъ-пушечные корабли не имѣютъ и пятисотъ человѣкъ команды; они истощены двухлѣтнимъ крейсерствомъ» (*). Мѣсяцъ спустя, онъ писалъ: «Тулонская эскадра имѣла въ гавани весьма изящный видъ, съ хорошо одѣтыми и хорошо обучеными матросами; но какъ только заревѣлъ штормъ, все перемѣнилось: они не пріучены къ штормамъ» (**). «Императоръ», говорилъ Нельсонъ, «знаетъ теперь, если только императоры слышатъ правду, что его флотъ страдаетъ болѣе въ одну ночь, чѣмъ нашъ въ цѣлый годъ... Эти господа не привыкли къ ураганамъ, съ которыми мы боролись въ теченіе двадцати одного мѣсяца, не потерявъ ни одной мачты или рея» (***). Однако надо согласиться, что какъ людямъ, такъ и кораблямъ приходилось выносить ужасно много, и многіе англійскіе офицеры находили въ аваріяхъ аргументъ противъ крейсерства флотовъ въ морѣ близъ береговъ непріятеля. «Каждый штормъ, какой мы выносимъ», писалъ Колингвудъ, «уменьшаетъ безопасность страны. Послѣднее крейсерство вывело изъ строя пять большихъ кораблей и недавно еще два; нѣкоторые изъ нихъ должны быть введены въ докъ». «Я едва ли зналъ за эти два мѣсяца, что̀ такое покойная ночь», писалъ онъ также; «это непрерывное крейсерство, ка-

(*) Инструкція адмирала Вильнёва командирамъ кораблей его флота, 20-го декабря 1804 года.

(**) Письмо Вильнёва; январь 1805 г.

(***) Письма и депеши лорда Нельсона.

жется, выше силъ человѣческихъ. Кальдеръ утомился и бродитъ какъ тѣнь, совершенно измученный, и мнѣ сказали, что Грэвсъ чувствуетъ себя не многимъ лучше (*)». Высоко авторитетное мнѣніе лорда Гоу говорило также противъ такого порядка вещей.

Кромѣ истощенія людей и порчи кораблей, надо имѣть еще въ виду, что ни на какую блокаду нельзя положиться съ увѣренностью въ томъ, что она воспрепятствуетъ выходу изъ порта непріятельскаго флота. Вильнёвъ вышелъ изъ Тулона, Миссіеси (Missiesy) — изъ Рошфора. «Я стерегу здѣсь французскую эскадру въ Рошфорѣ», писалъ Колингвудъ, «но чувствую, что невозможно воспрепятствовать ея уходу; тѣмъ не менѣе, если она ускользнетъ отъ меня, я буду чрезвычайно огорченъ... Единственно, что можетъ помѣшать ей, это боязнь встрѣчи съ нами, такъ какъ она не знаетъ точно, гдѣ мы (*).

Тѣмъ не менѣе, англичане вынесли тогда напряженіе. Ихъ флоты опоясывали берега Франціи и Испаніи; потери восполнялись; корабли исправлялись; когда одинъ офицеръ выбывалъ, за болѣзнью или за смертью, съ своего поста, другой заступалъ его мѣсто. Строгая блокада Бреста разрушила комбинаціи Императора; бдительность Нельсона, вопреки необыкновенному стеченію затрудненій, преслѣдовала Тулонскій флотъ отъ момента его отплытія, черезъ Атлантическій океанъ и назадъ, къ берегамъ Европы. Это было задолго до столкновенія противниковъ, прежде, чѣмъ стратегія уступила мѣсто тактикѣ, завершившей борьбу при Трафальгарѣ; но постепенно, шагъ за шагомъ, грубые, но дисциплинированные моряки, старые и много потерпѣвшіе, но хорошо управлявшіеся корабли сковывали каждое движеніе своихъ непривычныхъ противниковъ. Расположивъ передъ каждымъ портомъ непріятеля достаточныя силы и связавъ послѣднія цѣпью мелкихъ судовъ, англичане, хотя и могли потерпѣть неудачи въ попыткахъ помѣшать тому или другому набѣгу непріятеля, въ результатѣ помѣшали всѣмъ большимъ соединеніямъ непріятельскихъ эскадръ.

(*) Жизнь и письма лорда Колингвуда.

Корабли 1805 года были, въ существенныхъ чертахъ, такіе же, какъ и въ 1780 году. Безъ сомнѣнія, за двадцать пять лѣтъ были сдѣланы различныя усовершенствованія, но они касались степени, а не рода мореходныхъ и боевыхъ элементовъ корабля. И не только такъ, но и за двадцать лѣтъ передъ 1780 годомъ флоты подъ командой Гауке и его товарищей отваживались зимовать въ Бискайской бухтѣ. «Въ корреспонденціи Гауке нѣтъ», говоритъ его біографъ, «ни малѣйшаго указанія на то, чтобы онъ самъ сомнѣвался, хотя на моментъ, не только въ возможности, но въ обязательности для себя держаться въ морѣ даже при зимнихъ штормахъ и что скоро онъ самъ будетъ въ состояніи исполнить это дѣло». (*). Если на это возразятъ, что въ эпоху Американской войны за независимость состояніе французскаго флота было лучше, а духъ и профессіональная подготовка его офицеровъ выше, чѣмъ въ дни Гауке и Нельсона, то съ этимъ должно согласиться; несмотря на то, министерство не могло долго оставаться въ невѣдѣніи относительно того, что число такихъ офицеровъ было все-таки недостаточно, для серьезнаго выполненія требованій корабельной службы и что некомплектъ матросовъ былъ настолько великъ, что вызывалъ необходимость пополненія корабельной команды солдатами. Что касается *личнаго* состава испанскаго флота, то нѣтъ основанія думать, что тогда онъ былъ лучше, чѣмъ пятнадцать лѣтъ спустя, когда Нельсонъ, говоря о передачѣ Испаніею нѣкоторыхъ кораблей Франціи, сказалъ: «Разумѣется безъ команды (испанской), такъ какъ она сейчасъ же помогла бы потерять ихъ опять».

Слишкомъ очевидно для того, чтобы распространяться въ доказательствахъ, что для слабѣйшей стороны самыми надежными средствами къ нейтрализаціи непріятельскихъ кораблей были бы—подстереганіе послѣднихъ у ихъ портовъ и вступленіе съ ними въ бой при выходѣ ихъ въ море. Единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ къ этому въ Европѣ была свѣжесть вѣтровъ у береговъ Франціи и Испаніи — въ особенности въ длинныя зимнія ночи. Это влекло за собою не только

(*) Burrows: Life of Lord Hawke.

рискъ непосредственнаго бѣдствія, которому сильные и хорошо управлявшіеся корабли подвергались рѣдко, но и постоянное не предотвратимое никакимъ искусствомъ напряженіе, и поэтому требовало большаго резерва кораблей на замѣну отсылавшихся для исправленій или же для освѣженія экипажа.

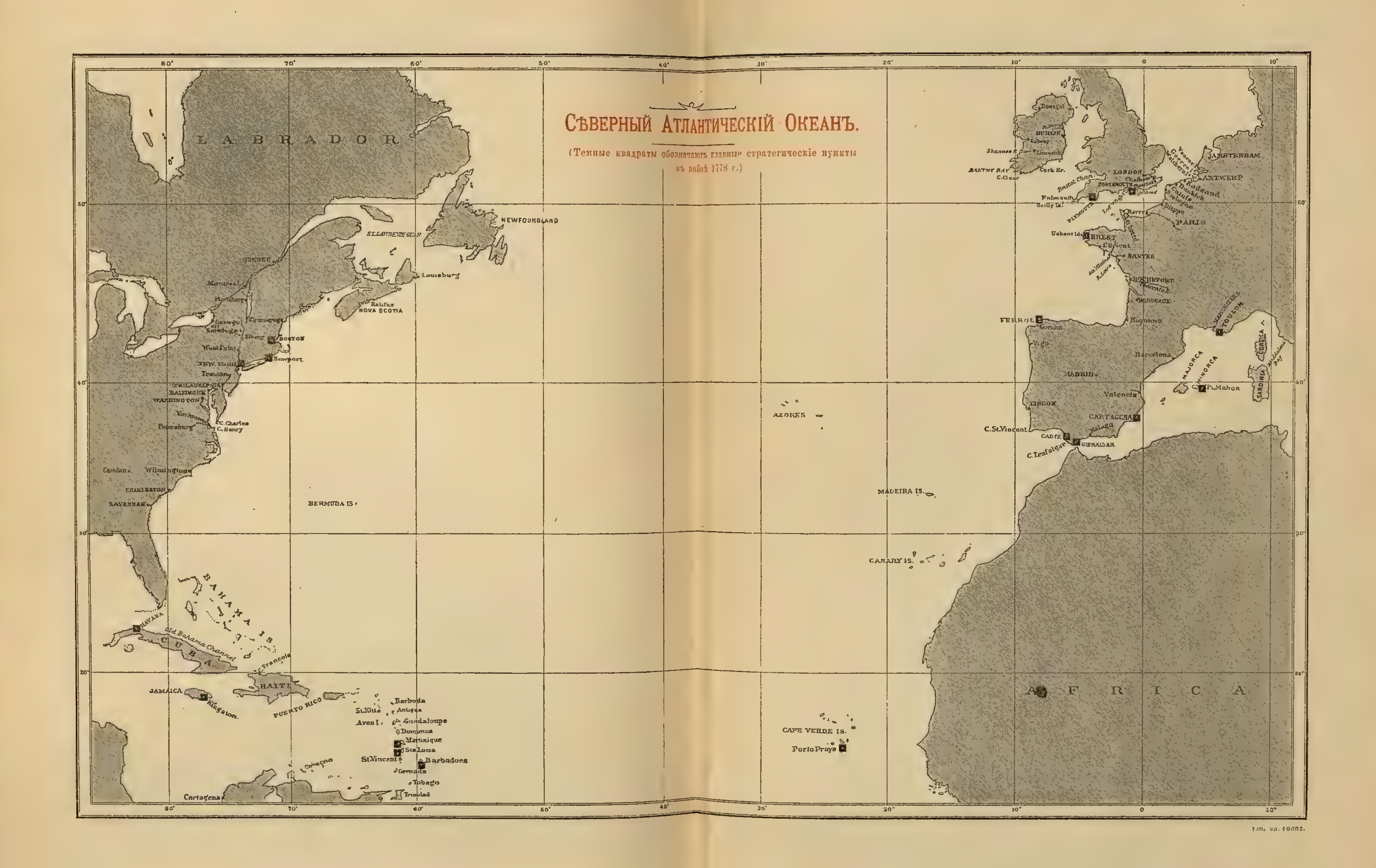
Задача значительно упростилась бы, если бы блокирующій флотъ могъ найти удобную якорную стоянку на флангѣ пути, который долженъ былъ избрать непріятель, — подобно тому, какъ Нельсонъ, въ 1804 и 1805 годахъ, пользовался Маддаленской бухтой (Maddalena Bay) въ Сардиніи, когда стерегъ Тулонскій флотъ, на что онъ былъ вынужденъ еще и исключительно дурнымъ состояніемъ многихъ изъ своихъ кораблей; или, какъ сэръ Джемсъ Сомарецъ (Sir James Saumarez), въ 1800 году, пользовался Дуарненеской бухтой (Douarnenez Bay), на французскомъ берегу, только въ пяти миляхъ отъ Бреста, для отстаиванія тамъ на якорѣ въ свѣжую погоду съ прибрежной эскадрой блокирующаго флота. Положенія Плимута и Торбэя не могутъ считаться вполнѣ удовлетворительными съ этой точки зрѣнія, такъ какъ они не лежатъ, подобно Маддаленской бухтѣ, на флангѣ пути непріятеля, а находятся скорѣе въ тылу его. Несмотря на то, Гауке доказалъ, что бдительность и хорошее управленіе флотомъ могутъ позволить успѣшно считаться съ этимъ недостаткомъ, какъ впослѣдствіи показалъ это и Родней на своей станціи, менѣе подвергнутой свѣжимъ вѣтрамъ.

Въ войнѣ 1778 года, вообще говоря, англійское министерство пользовалось бывшими въ его распоряженіи кораблями такъ, что держало за границей, въ Америкѣ и Вестъ- и Остъ-Индіяхъ, эскадры, равносильныя непріятельскимъ. Въ частныхъ случаяхъ бывало и не такъ, но въ общемъ распредѣленіи кораблей это условіе соблюдалось. Въ Европѣ же — наоборотъ; и, какъ необходимое слѣдствіе вышеупомянутой политики, англійскій флотъ былъ значительно слабѣе непріятельскаго, стоявшаго во французскихъ и испанскихъ портахъ. Поэтому наступательныя операціи онъ могъ предпринимать только съ большою осторожностью и при счастли-

выхъ встрѣчахъ съ враждебными силами лишь по частямъ; и даже въ такомъ случаѣ дорого стóящая побѣда, если только она не была рѣшительной, вела за собою значительный рискъ въ послѣдствіяхъ временнаго выведенія изъ строя сражавшихся кораблей. Отсюда произошло то, что Англія пользовалась своимъ домашнимъ флотомъ (или флотомъ Канала), служившимъ также опорою сообщеній съ Гибралтаромъ и Средиземнымъ моремъ, очень экономно тамъ, гдѣ онъ подвергался риску борьбы съ непогодой и столкновеніямъ съ противникомъ, и роль этого флота ограничивалась только обороной берега или операціями противъ сообщеній непріятеля.

Индія была такъ далека, что тамъ Англія и не могла уклоняться отъ вышеупомянутой политики своей. Посланные туда корабли должны были тамъ и оставаться и не могли ни получить подкрѣпленія изъ Европы, ни быть отозванными оттуда въ виду внезапныхъ критическихъ обстоятельствъ. Индія представляла самостоятельное поле дѣйствій. Но на Европу, Сѣверную Америку и Вестъ-Индію слѣдуетъ смотрѣть, какъ на одинъ обширный театръ войны, на всемъ пространствѣ котораго событія взаимно зависѣли другъ отъ друга и котораго различныя части стояли въ близкихъ между собою соотношеніяхъ бóльшей или мéньшей важности, съ чѣмъ и приходилось серьезно считаться.

Признавая, что флоты, какъ охранители сообщеній, были главными факторами въ войнѣ и что источникъ спабженій какъ самихъ флотовъ, такъ и питательныхъ артерій находился въ метрополіяхъ, и именно въ главныхъ портахъ ихъ, слѣдуетъ принять два положенія: первое, — что главныя силы оборонявшейся державы, т. е. Великобританіи, должны были бы сосредоточиться передъ этими портами; и второе, — что въ видахъ такого сосредоточенія заграничныя коммуникаціонныя линіи не слѣдовало безъ нужды растягивать, чтобы не усиливать безъ крайней необходимости отрядовъ для ихъ охраны. Тѣсно связана съ этимъ послѣднимъ соображеніемъ необходимость усиленія, путемъ укрѣпленія или другими какими-либо средствами, жизненныхъ пунктовъ, къ которымъ вели коммуникаціонныя линіи, такъ, чтобы оборона этихъ пунктовъ никоимъ образомъ

Сѣверный Атлантическій Океанъ.
(Темные квадраты обозначаютъ главные стратегическіе пункты въ войнѣ 1778 г.)
LABRADOR
NEWFOUNDLAND
QUEBEC
Montreal
Louisburg
Halifax
NOVA SCOTIA
BOSTON
Newport
West Point
Trenton
BALTIMORE
WASHINGTON
Yorktown
C. Charles
C. Henry
Petersburg
Wilmington
Camden
CHARLESTON
SAVANNAH
BERMUDA IS.
BAHAMA IS.
HAVANA
Old Bahama Channel
CUBA
HAITI
JAMAICA
Kingston
PUERTO RICO
Barbuda
Antigua
St. Kitts
Aves I.
Guadaloupe
Dominica
Martinique
Ste. Lucia
St. Vincent
Barbadoes
Grenada
Tobago
Trinidad
Curaçao
Cartagena
AZORES
MADEIRA IS.
CANARY IS.
CAPE VERDE IS.
Porto Praya
AFRICA
LONDON
Cork Hr.
BANTRY BAY
C. Clear
Falmouth
Scilly Is.
PLYMOUTH
PORTSMOUTH
AMSTERDAM
ANTWERP
PARIS
BREST
Ushant Is.
NANTES
ROCHEFORT
BORDEAUX
Bayonne
FERROL
Corunna
Vigo
MADRID
LISBON
Barcelona
Valencia
CARTAGENA
C. St. Vincent
CADIZ
C. Trafalgar
GIBRALTAR
Malaga
MAJORCA
MINORCA
Pt. Mahon
TOULON
CORSICA
SARDINIA
80°
70°
60°
50°
40°
30°
20°
10°
0
10°

не опиралась на флотъ, и чтобы функціи послѣдняго по отношенію къ нимъ ограничивались только снабженіемъ ихъ припасами и подкрѣпленіями, и то черезъ значительные промежутки времени. Гибралтаръ, напримѣръ, совершенно удовлетворялъ этимъ условіямъ, будучи почти неприступнымъ и имѣя склады припасовъ на весьма продолжительное время.

Если наши разсужденія вѣрны, то англійскія диспозиціи на Американскомъ континентѣ были весьма ошибочны. Владѣя Канадой, съ Галифаксомъ, Нью-Іоркомъ и Наррагансеттской бухтой, а также и сообщеніемъ по рѣкѣ Гудсонъ, англичане могли изолировать большую, можетъ быть даже самую важную, часть территоріи инсургентовъ. Бухты Нью-Іоркскую и Наррагансеттскую они могли бы сдѣлать недоступными для французскаго флота того времени, обезпечивъ тѣмъ безопасность гарнизоновъ отъ атакъ съ моря и уменьшивъ работу своего флота; послѣдній, при такомъ условіи, еще имѣлъ бы въ этихъ бухтахъ безопасное убѣжище въ случаѣ, если бы непріятельскія эскадры вырвались изъ европейскихъ портовъ, уйдя отъ бдительности англичанъ, и появились у этихъ береговъ. Вмѣсто того упомянутыя бухты были оставлены при слабой оборонѣ и не выдержали бы нападеній Нельсона или Фаррагута, тогда какъ Нью-Іоркская армія была дважды раздѣляема, для дѣйствій въ Чезапикѣ и затѣмъ — въ Георгіи, и при этомъ ни одна изъ частей ея не была достаточно сильна для предназначавшагося ей дѣла. Непріятель въ обоихъ случаяхъ воспользовался обладаніемъ моря, чтобы стать между раздѣленными частями англійской арміи, тогда какъ послѣдняя, даже и безъ раздѣленія ея, не была бы въ состояніи проложить себѣ силою дорогу черезъ это препятствіе. Такъ какъ сообщеніе между двумя частями арміи опиралось всецѣло на море, то дѣло флота увеличивалось съ увеличеніемъ длины коммуникаціонныхъ линій. Необходимость защиты и морскихъ портовъ и удлиненныхъ коммуникаціонныхъ линій требовала такимъ образомъ отъ Англіи увеличенія морскихъ силъ въ Америкѣ, что вело къ соотвѣтственному ослабленію послѣднихъ въ рѣшительныхъ пунктахъ Европы. Такимъ же образомъ прямымъ послѣдствіемъ южной экспедиціи было поспѣшное оставленіе Наррагансеттской бухты,

когда д'Эстэнгъ появился у берега въ 1779 году, потому что Клинтонъ не имѣлъ достаточно силы для одновременной защиты и ея и Нью-Іорка (*).

Въ Вестъ-Индіи задача, предстоявшая англійскому правительству, состояла не въ томъ, чтобы усмирить возмутившіяся владѣнія, а въ томъ, чтобы воспрепятствовать непріятелю пользоваться многочисленными мелкими плодородными островами, сохранить за собою обладаніе ими и обезпечить имъ возможно бо́льшую свободу торговли отъ посягательствъ противника. Нѣтъ нужды повторять, что это требовало превосходства въ морѣ какъ надъ флотами непріятеля, такъ и надъ отдѣльными крейсерами — «уничтожателями торговли (commerce destroyers)», какъ ихъ теперь называютъ. Такъ какъ никакая бдительность не могла бы удержать ихъ всѣхъ въ ихъ портахъ, то въ Вестъ-Индскихъ водахъ приходилось держать британскіе фрегаты и меньшія суда; но для Англіи конечно было бы лучше совсѣмъ прогнать оттуда французскій флотъ, чѣмъ сопротивляться его дѣйствіямъ силами, не только едва равными ему, но часто и уступавшими ему. При такихъ условіяхъ Англія, вынужденная на оборонительное положеніе, всегда могла потерпѣть потери. Она, дѣйствительно, и потеряла одинъ за другимъ, большинство островов, при неожиданныхъ нападеніяхъ на нихъ, и по временамъ флотъ ея долженъ былъ укрываться въ портъ, подъ прикрытіе батарей; а непріятель, когда находилъ себя слабѣе, могъ выжидать подкрѣпленій, зная, что ни чѣмъ при этомъ не рискуетъ (**).

Затруднительность положенія Англіи въ Вестъ-Индіи не ограничивалась только этимъ. Близость островов къ Амери-

(*) Объ этомъ Родней сказалъ: «Эвакуація Родъ-Айлэнда была самою фатальною мѣрою, какую только можно было принять. Она лишила насъ великолѣпнѣйшей гавани въ Америкѣ, откуда эскадры, черезъ сорокъ восемь часовъ, могли блокировать три главные города Америки, именно — Бостонъ, Нью-Іоркъ и Филадельфію». Все это письмо, — частнаго характера, — адресованное къ первому лорду Адмиралтейства, достойно прочтенія. (Life of Rodney, vol. II, p. 429).

(**) Потеря С. Лючіи не опровергаетъ сказаннаго, такъ какъ она была слѣдствіемъ удачной отваги и искусства со стороны англійскаго адмирала и профессіональной неспособности командира значительно сильнѣйшаго французскаго флота.

канскому континенту всегда допускала возможность для наступающей стороны соединить ея флоты, находившіеся у тѣхъ и у другаго, прежде, чѣмъ обороняющаяся сторона проникнетъ въ ея намѣренія; и хотя возможность такого соединенія обусловливалась до нѣкоторой степени опредѣленнымъ состояніемъ погоды и извѣстнымъ временемъ года, тѣмъ не менѣе событія 1780 и 1781 годовъ показываютъ, какъ смущалъ этотъ вопросъ способнѣйшаго англійскаго адмирала, ошибочность дѣйствій котораго была только отраженіемъ неопредѣленности его свѣдѣній о намѣреніяхъ противника. Если къ этому затрудненію, присущему обороняющейся сторонѣ во всѣхъ случаяхъ, придать еще заботу Англіи объ ея обширной торговлѣ, на которую опиралось главнымъ образомъ благосостояніе ея владѣній, то придется сознаться, что задача британскаго адмирала въ Вестъ-Индіи была и не легка и не проста.

Въ Европѣ сама Англія и Гибралтаръ подвергались серьезной опасности уходомъ большихъ британскихъ эскадръ въ Западное полушаріе, чему можно также приписать и потерю Минорки. Когда шестьдесятъ шесть линейныхъ кораблей союзниковъ были противопоставлены тридцати пяти, — а больше этого числа Англія и не могла собрать, — и загнали ихъ въ ихъ гавани, тогда было осуществлено то господство въ Англійскомъ каналѣ, о которомъ Наполеонъ говорилъ, что оно, внѣ сомнѣнія, сдѣлало бы его господиномъ и самой Англіи. Въ теченіе тридцати дней французская эскадра союзнаго флота, состоявшая изъ тридцати кораблей, крейсеровала въ Бискайской бухтѣ, ожидая прибытія запоздавшихъ испанцевъ; но она не была потревожена англійскимъ флотомъ. Гибралтаръ былъ неоднократно на краю истощенія, вслѣдствіе отсутствія сообщеній съ Англіей, и спасеніемъ его англичане обязаны не силамъ военнаго флота, правильно распредѣленнымъ правительствомъ, а искусству британскихъ офицеровъ и неудовлетворительности испанскихъ. Въ великомъ подвигѣ окончательнаго спасенія Гибралтара флотъ лорда Гоу состоялъ изъ тридцати четырехъ только кораблей противъ сорока девяти союзныхъ.

Какой же образъ дѣйствій былъ наилучшимъ въ тѣхъ труд-

ныхъ обстоятельствахъ, въ какія была поставлена Англія: — слѣдовало ли ей позволить непріятелю свободно выйти изъ его портовъ и стараться встрѣтиться съ нимъ, удержавъ для этого достаточную морскую силу у каждой изъ подверженныхъ нападенію станцій; или же она должна была пытаться, наперекоръ всѣмъ трудностямъ, стеречь его въ его европейскихъ портахъ, не съ тщетной надеждой помѣшать каждому набѣгу или перехватить каждый снаряженный имъ морской караванъ, но съ расчетомъ на возможность помѣшать большимъ соединеніямъ его и преслѣдовать по пятамъ каждый большой флотъ его, какому удалось бы избѣжать столкновенія съ ея силами при выходѣ изъ порта? Такое подстереганіе противника не должно смѣшивать съ блокадой, — терминъ, употребляемый въ такомъ случаѣ часто, но не совсѣмъ правильно. «Я прошу позволенія сообщить вашему лордству», писалъ Нельсонъ, «что портъ Тулонъ никогда не былъ блокированъ мною; совершенно наоборотъ. Непріятелю предоставлялась всякая возможность выйти въ море, потому что именно такъ мы разсчитываемъ осуществить надежды и ожиданія нашей страны». «Ничто, никогда», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «не удерживало французскихъ флотовъ въ Брестѣ или Тулонѣ, когда имъ думалось выйти оттуда»; и хотя въ этихъ словахъ есть нѣкоторое преувеличеніе, но правда, что попытка запереть названный флотъ въ порту была бы безнадежна. Цѣлью Нельсона, когда онъ держался близъ французскихъ портовъ, при достаточномъ числѣ сторожевыхъ судовъ, надлежащимъ образомъ распредѣленныхъ, было—знать, когда непріятель отплыветъ и какое направленіе онъ приметъ, чтобы, — употребляя его собственное выраженіе, — «слѣдовать за нимъ до антиподовъ». «Я имѣю основаніе думать», пишетъ онъ же, «что Феррольская эскадра французскихъ кораблей будетъ стараться пройти въ Средиземное море. Если она соединится со стоящею въ Тулонѣ, то непріятель будетъ имѣть значительный численный перевѣсъ надъ нами; но я никогда не долженъ терять его изъ виду, и Пелью (Pellew), — командующій англійской эскадрой въ Ферролѣ, — скоро послѣдуетъ за нимъ». Такимъ образомъ случалось часто въ теченіе этой продолжительной войны, что отряды

французскихъ судовъ ускользали отъ англійскаго флота, пользуясь то благопріятными для этого условіями погоды, то временнымъ отсутствіемъ блокирующаго флота, или оплошностями его командира; но тогда въ англійскомъ флотѣ быстро поднималась тревога, тому или другому изъ сторожевыхъ фрегатовъ удавалось усмотрѣть противника, онъ слѣдовалъ за нимъ, стараясь узнать его вѣроятное назначеніе, передавалъ вѣсть отъ мѣста къ мѣсту и отъ флота къ флоту, и скоро слѣдомъ за французами шелъ равносильный имъ англійскій отрядъ, хотя бы до «антиподовъ», если бы было нужно. Такъ какъ, согласно традиціямъ французскаго правительства, задачи его флота состояли не въ томъ, чтобы сражаться съ враждебнымъ флотомъ, а обусловливались «конечными цѣлями», то вышеупомянутыя тревога и горячая погоня далеко не способствовали невозмутимому и методическому исполненію начертанной программы, даже по отношенію къ отдѣльному отряду; для большихъ же комбинацій, обусловливавшихся соединеніемъ отрядовъ изъ различныхъ портовъ, онѣ были абсолютно пагубны. Полное приключеній крейсерство Брюи (Bruix), оставившаго Брестъ съ двадцатью пятью линейными кораблями въ 1799 году; быстрота, съ какою распространялась вѣсть; кипучая дѣятельность и отдѣльныя ошибки англичанъ; неудача французскихъ проектовъ (*) и близость погони (**); уходъ Миссіеси изъ Рошфора въ 1805 году, отрядовъ Вильоме (Willaumez) и Лейссега (Leissegues) изъ Бреста въ 1806 году, — все это, рядомъ съ великой Трафальгарской кампаніей, можетъ считаться интереснымъ матеріаломъ для изученія морской стратегіи, слѣдуя намѣченнымъ здѣсь путямъ; тогда какъ кампанія 1798 года, вопреки блестящему окончанію ея подъ Абукиромъ, можетъ быть примѣромъ дѣла, едва не окончившагося неудачей, вслѣд-

---

(*) Планъ кампаніи, начертанный директоріей для Брюи, сдѣлался невыполнимымъ, такъ какъ замедленіе въ соединеніи французской и испанской эскадръ позволило Англіи сосредоточить шестьдесятъ кораблей въ Средиземномъ морѣ. — *Troude*, vol. III, p. 153.

(**) Соединенныя эскадры Франціи и Испаніи, подъ начальствомъ Брюи, достигли Бреста на возвратномъ пути только за двадцать четыре часа до лорда Кейта (Lord Keith), который слѣдовалъ за ними изъ Средиземнаго моря. (James: Naval History of Great Britain).

ствіе того, что англичане не имѣли никакихъ силъ передъ Тулономъ, когда французская экспедиція отплыла оттуда, и что въ распоряженіи Нельсона не было достаточнаго количества фрегатовъ. Девятинедѣльное крейсерство Гантома (Ganteaume) въ Средиземномъ морѣ въ 1808 году также представляетъ примѣръ того, какъ трудно помѣшать дѣйствіямъ флота даже и въ такихъ тѣсныхъ водахъ, разъ онъ вышелъ изъ порта, не преслѣдуемый значительными силами противника.

Изъ войны 1778 года, никакихъ примѣровъ, параллельныхъ вышеназваннымъ, нельзя привести, хотя старая монархія и не облекала движеній своихъ флотовъ таинственностью, установленною строгимъ военнымъ деспотизмомъ Имперіи. Въ обѣ эпохи Англія занимала оборонительное положеніе; но въ упомянутой войнѣ она отказалась отъ первой оборонительной линіи, близъ непріятельскихъ портовъ, и пыталась защитить всѣ части своихъ разбросанныхъ владѣній, раздѣливъ свой флотъ между ними. Мы старались показать слабость одной политики, допуская въ то же время трудныя и опасныя стороны другой. Эта послѣдняя политика имѣетъ цѣлью сократить продолжительность войны и сдѣлать ее рѣшающею, — или запирая непріятельскій флотъ, или вынуждая его къ бою, признавая этотъ флотъ ключемъ положенія въ томъ случаѣ, когда море одновременно и соединяетъ и раздѣляетъ различныя части театра войны. Для выполненія этого требуется флотъ, численно равный непріятельскому и превосходящій его по боевой силѣ, при чемъ арена дѣйствій этого флота суживается до размѣровъ, допускающихъ взаимную поддержку между эскадрами, ее занимающими. При такомъ распредѣленіи силъ флота возлагается на искусство и бдительность его начальниковъ захватъ или задержка всякаго непріятельскаго отряда, какой выйдетъ въ море. Держась такой политики, обороняющаяся сторона защищаетъ свои отдаленныя владѣнія и свою торговлю наступательными дѣйствіями противъ непріятельскаго флота, въ которомъ видитъ настоящаго врага ихъ и свой главный предметъ дѣйствій. При близости къ домашнимъ портамъ замѣна кораблей, требующихъ исправленій, совершается съ наименьшей потерей времени, и въ то же время уменьшаются требованія, предъявляемыя къ болѣе скуднымъ рес-

сурсамъ заграничныхъ базъ. Другая политика, для успѣха своего, требуетъ большаго превосходства флота надъ непріятельскимъ, потому что отдѣльные отряды его находятся слишкомъ далеко другъ отъ друга для взаимной поддержки. Каждый изъ такихъ отрядовъ долженъ быть, поэтому, равносиленъ вѣроятному соединенію непріятельскихъ силъ противъ него, для чего требуется въ свою очередь вездѣ превосходство въ силѣ передъ противникомъ, дѣйствительно противопоставленнымъ ему, такъ какъ послѣдній можетъ неожиданно получить подкрѣпленія. Насколько опасна и невозможна такая оборонительная стратегія, когда обороняющаяся сторона не имѣетъ требуемаго превосходства въ силѣ, видно изъ того, какъ часто англичане оказывались слабѣе своихъ противниковъ и въ заокеанскихъ колоніяхъ и въ Европѣ, вопреки своимъ стараніямъ быть вездѣ имъ равносильными. Гоу въ Нью-Іоркѣ въ 1778 году, Байронъ въ Гренадѣ въ 1779 году, Грэвсъ при Чезапикѣ въ 1781 году, Гудъ у Мартиники въ 1781 году и у острова Св. Киттса въ 1782 году, — всѣ были слабѣе противника, и это въ то самое время, когда союзный флотъ въ Европѣ весьма значительно превосходилъ численностью англійскій. Вслѣдствіе этого даже и корабли, пришедшіе по тѣмъ или другимъ причинамъ въ негодность, удерживались въ морѣ: правительство скорѣе рѣшалось рисковать безопасностью экипажа ихъ и вѣроятностью увеличенія ихъ поврежденій, чѣмъ уменьшать морскую силу въ колоніяхъ отсылкой такихъ кораблей въ Европу; а для капитальныхъ исправленій послѣднихъ, имъ, по несостоятельности колоніальныхъ адмиралтействъ, необходимо было бы пересѣкать Атлантическій океанъ. Что же касается вопроса о томъ, которая изъ двухъ разсмотрѣнныхъ стратегій требуетъ бо̀льшихъ денежныхъ затратъ, то рѣшеніе его зависитъ не только отъ размѣра послѣднихъ за одинаковое время, но и отъ того, которая болѣе способствуетъ сокращенію продолжительности войны энергіей веденія ея.

Военная политика союзниковъ подлежитъ болѣе строгому осужденію, чѣмъ англійская, такъ какъ сторона, занявшая наступательное положеніе, этимъ самымъ фактомъ имѣетъ преимущество передъ обороняющейся. Преодолѣвъ существо-

вавшія сначала затрудненія къ соединенію своихъ силъ, — а мы видѣли, что Великобританія ни разу не мѣшала серіезно этому соединенію, — союзники имѣли затѣмъ уже свободный выборъ въ томъ, гдѣ, когда и какъ нанести противнику ударъ, при своемъ численномъ превосходствѣ надъ нимъ. Какъ же воспользовались они этимъ безспорно громаднымъ преимуществомъ? Да они дѣлали легкія нападенія на окраины Британскихъ владѣній и «колотились своими головами» о скалу Гибралтара. Самое серьезное военное усиліе, сдѣланное Франціей, — посылка въ Соединенные Штаты эскадры съ отрядомъ войскъ, которыя достигли своего назначенія лишь въ половинномъ числѣ противъ предположеннаго,—имѣло своимъ результатомъ, то, что Англія, немного позже, чѣмъ черезъ годъ, убѣдилась въ безнадежности борьбы съ колоніями, чѣмъ и былъ положенъ конецъ въ высшей степени благопріятному для противниковъ ея отвлеченію ея силъ съ европейскаго театра войны. Въ Вестъ-Индіи союзниками были покорены, одинъ за другимъ, небольшіе острова,—обыкновенно въ отсутствіе англійскаго флота, — съ легкостью, которая показала, какъ просто разрѣшился бы весь вопросъ одною рѣшительною побѣдою надъ этимъ флотомъ; но французы, несмотря на многіе представлявшіеся имъ благопріятные случаи, никогда не старались развязать узелъ простымъ нападеніемъ на силу, отъ которой все зависѣло. Испанія преслѣдовала свои цѣли во Флоридахъ и при своей подавлявшей противника силѣ достигла успѣховъ, не имѣвшихъ никакого военнаго значенія. Въ Европѣ планъ, принятый англійскимъ правительствомъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что англійская морская сила изъ года въ годъ безнадежно уступала, по числу кораблей, морской силѣ союзниковъ; тѣмъ не менѣе операціи, проектированныя послѣдними, кажется ни разу не имѣли серіезно въ виду уничтоженія этой силы. Въ томъ рѣшительномъ случаѣ, когда эскадра Дерби, изъ тридцати кораблей, была затерта на открытомъ рейдѣ Торбэя сорока девятью кораблями союзниковъ, рѣшеніе военнаго совѣта, — не вступать въ бой, — выразило только въ короткихъ словахъ весь характеръ дѣятельности союзныхъ флотовъ. Какъ бы для того, чтобы поставить

дальнѣйшія затрудненія ихъ дѣйствіямъ въ Европѣ, Испанія долгое время упорно настаивала на удержаніи своего флота по сосѣдству съ Гибралтаромъ; но практически ею ни разу не былъ понятъ тотъ фактъ, что нанесеніе серьезнаго удара англійскому флоту въ Гибралтарскомъ проливѣ, или въ Англійскомъ каналѣ, или въ открытомъ морѣ, было бы вѣрнѣйшимъ путемъ къ покоренію крѣпости, гарнизонъ которой неоднократно бывалъ довольно близокъ къ голодной смерти.

Въ веденіи своей наступательной войны союзныя державы страдали отъ несогласій и отъ проявленій ревности, которыя вредили успѣхамъ бо́льшей части морскихъ коалицій. Испанія вела себя, кажется, себялюбиво почти до вѣроломства; поведеніе Франціи было болѣе честно и поэтому также и основательнѣе въ военномъ отношеніи, такъ какъ горячее содѣйствіе другъ другу и согласіе въ операціяхъ противъ общаго предмета дѣйствій, правильно избраннаго, скорѣе привели бы обѣихъ къ достиженію ихъ цѣлей. Должно допустить также что имѣются указанія на плохую администрацію и плохую подготовку со стороны союзниковъ, особенно Испаніи; и что качества *личнаго состава* (*) ихъ были ниже, чѣмъ у англичанъ. Впрочемъ вопросы администраціи и подготовки, хотя и исполненные сами по себѣ глубокаго интереса и значенія, совсѣмъ

(*) Высокія профессіональныя познанія многихъ французскихъ офицеровъ не упускаются изъ виду въ этомъ заключеніи. Но качество *личнаго состава* ослаблялось массой низшаго элемента, вслѣдствіе недостаточнаго числа хорошихъ матросовъ. «На *личный составъ* нашихъ экипажей серьезно повліяли событія кампаніи 1779 года. Въ началѣ 1780 года было необходимо или разружить нѣкоторые корабли, или увеличить пропорцію солдатъ, входившихъ въ составъ экипажей. Министръ принялъ послѣднее средство. Новые полки, взятые изъ сухопутной арміи, были отданы въ распоряженіе флота. Корпусъ офицеровъ, далеко немногочисленный и въ началѣ враждебныхъ дѣйствій, сдѣлался совершенно недостаточнымъ. Контръ-адмиралъ де Гишенъ испытывалъ величайшія зытрудненія при комплектованіи своей эскадры офицерами и командой. Онъ вышелъ въ море 8-го февраля съ кораблями, *дурно комплектованными*, как писалъ онъ министру» (Chevalier: Hist. de la Marine Française, p. 184). «Въ теченіе послѣдней войны [1778 г.] мы встрѣтили величайшія затрудненія въ комплектованіи нашихъ кораблей офицерами. Если было легко назначать адмираловъ, коммодоровъ и капитановъ, то было невозможно заполнять вакансіи, открывавшіяся за смертью, болѣзнями или повышеніями въ средѣ офицеровъ лейтенантскаго и мичманскаго чиновъ. (Chevalier; Marine Française sous la République, p. 20).

не относятся къ вопросамъ о стратегическомъ планѣ или методѣ союзныхъ державъ въ выборѣ ими предметовъ дѣйствій, или объектовъ операцій и въ веденіи послѣднихъ для достиженія цѣлей или объектовъ войны; и ихъ изслѣдованіе не только напрасно распространило бы настоящее разсужденіе, но также и затемнило бы стратегическій вопросъ ненужными и посторонними деталями.

Что же касается этого стратегическаго вопроса, то можно рѣшительно сказать, что слова «конечныя цѣли» (ulterior objects) вполнѣ выражаютъ главную ошибку морской политики союзниковъ. Конечныя цѣли обратили въ ничто надежды последнихъ, приковавъ къ себѣ ихъ взоры и тѣмъ помѣшавъ имъ ступить на вѣрный путь. Въ страстномъ сосредоточеніи своего вниманія на этихъ цѣляхъ — или, скорѣе, на частныхъ, хотя и большихъ выгодахъ, поставленныхъ себѣ цѣлями — союзники, какъ слѣпые, не видѣли истинныхъ средствъ, которыя вели къ ихъ достиженію; именно поэтому, въ результатѣ войны, они вездѣ потерпѣли неудачу. Цитируемъ здѣсь опять уже приведенный выше выводъ, что объектомъ войны для союзниковъ было — «отмстить за нанесенныя имъ обиды и положить конецъ тому тиранническому владычеству на океанѣ, на удержаніи котораго за собою Англія настаивала». Месть союзниковъ была мало благодѣтельна для нихъ самихъ. Они, какъ думало то поколѣніе, нанесли Англіи вредъ освобожденіемъ Америки; но они не возстановили своихъ правъ на Гибралтаръ и Ямайку; англійскій флотъ не потерпѣлъ никакого такого пораженія, какое уменьшило бы его надменную самоувѣренность; вооруженному нейтралитету сѣверныхъ державъ дозволено было пройти безслѣдно... И англійское господство на моряхъ скоро сдѣлалось такимъ же тиранническимъ, и еще болѣе абсолютнымъ, чѣмъ было раньше.

Минуя вопросы о подготовкѣ и администраціи, а также и о боевыхъ качествахъ союзныхъ флотовъ по сравненію съ англійскимъ, и разсматривая только неоспоримый фактъ значительнаго численнаго превосходства ихъ, должно отмѣтить то обстоятельство, какъ главный факторъ въ ходѣ военныхъ операцій, что въ то время, какъ союзныя державы занимали на-

ступательное положеніе, а Англія — оборонительное, образъ дѣйствій союзныхъ флотовъ въ присутствіи англійскаго флота былъ обыкновенно оборонительнымъ. Ни въ большихъ стратегическихъ комбинаціяхъ, ни на полѣ битвы со стороны союзниковъ невидно никакого серьезнаго намѣренія воспользоваться численнымъ превосходствомъ для того, чтобы уничтожить части непріятельскаго флота, сдѣлать численное неравенство въ свою пользу еще бо̀льшимъ, положить конецъ англійскому владычеству надъ морями уничтоженіемъ организованной силы, которая поддерживала его. За единственнымъ блестящимъ исключеніемъ Сюффрена, союзные флоты или избѣгали боя, или принимали его; сами же они никогда не вызывали на него противника. А между тѣмъ, пока англійскому флоту такимъ образомъ дозволялось безнаказанно бороздить моря, не только не было обезпеченія, что онъ помѣшаетъ достиженію конечныхъ цѣлей кампаніи, — что онъ и дѣлалъ много и много разъ, — но была также возможность, что какимъ-либо счастливымъ случаемъ, напримѣръ одержаніемъ важной побѣды, онъ возстановитъ равновѣсіе въ силѣ. И фактъ, что онъ этого не сдѣлалъ, долженъ быть приписанъ ошибкѣ англійскаго министерства; но если Англія поступила ошибочно, допустивъ, чтобы европейскій флотъ ея такъ сильно уступалъ флоту союзниковъ, то послѣдніе заслуживаютъ еще бо̀льшаго порицанія за то, что не воспользовались этою ошибкою. Сильнѣйшая сторона, рѣшившись вести наступательную войну, не можетъ ссылаться на тѣ затрудненія, которыя объясняютъ, хотя и не оправдываютъ, нецѣлесообразное разсѣяніе силъ обороняющейся стороны, озабоченной защитою многихъ пунктовъ.

Національный предразсудокъ французовъ,—который нашелъ выраженіе въ образѣ дѣйствій ихъ въ разсматриваемой войнѣ и который здѣсь опять и въ послѣдній разъ критикуется нами,— раздѣлялся, кажется, и правительствомъ и морскими офицерами того времени. Онъ служитъ разгадкою къ поведенію французскаго флота и, по мнѣнію автора, къ объясненію факта, что этотъ флотъ не пріобрѣлъ болѣе существенныхъ результатовъ для своего отечества въ этой войнѣ. Фактъ этотъ поучителенъ, какъ указаніе на то, что традиція владѣетъ умами

людей настолько, что корпорація высоко образованныхъ и доблестныхъ моряковъ приняла, и видимо безъ ропота, такую подчиненную роль въ своей благородной профессіи. Онъ носитъ также въ себѣ, если разсужденія наши вѣрны, предостереженіе о томъ, что ходячія мнѣнія и общепринятыя положенія должны быть тщательно провѣряемы, потому что, если они ошибочны, то ведутъ къ вѣрной неудачѣ и даже, можетъ быть, къ бѣдствію.

Существовало мнѣніе, котораго широко держались французскіе офицеры той эпохи и которое еще болѣе широко распространено въ Соединенныхъ Штатахъ теперь, а именно, что крейсерскія операціи съ цѣлью уничтоженія торговли непріятеля составляютъ главную опору въ войнѣ, особенно когда онѣ направлены противъ такой коммерческой страны, какъ Англія. «По моему мнѣнію», писалъ знаменитый французскій офицеръ Ламотъ Пике (Lamotte Piquet), «вѣрнѣйшее средство побѣдить англичанъ, это — нападеніе на ихъ торговлю». Что серьезное разстройство торговли изнуряетъ и обѣдняетъ страну, это допускается всѣми. Крейсерскія операціи, — безъ сомнѣнія, самыя важныя изъ второстепенныхъ операцій морской войны, и отъ нихъ, вѣроятно, не откажутся до тѣхъ поръ, пока сами войны не прекратятся; но упованіе на нихъ, какъ на главную и фундаментальную мѣру, которая достаточна сама по себѣ для уничтоженія непріятеля, надо считать, конечно, заблужденіемъ, — и заблужденіемъ въ высшей степени опаснымъ, когда оно выставляется представителямъ народа въ заманчивой одеждѣ дешевизны. Оно особенно ошибочно, когда враждебная держава владѣетъ, — какъ это имѣло и имѣетъ мѣсто по отношенію къ Великобританіи, — двумя необходимыми элементами прочной морской силы: широко распространенной морской торговлей и сильнымъ военнымъ флотомъ. Когда доходы и продукты промышленной дѣятельности страны могутъ быть сосредоточены на нѣсколькихъ «драгоцѣнныхъ» корабляхъ, какъ напримѣръ на флотиліи испанскихъ галіоновъ, то нервъ войны, быть можетъ, и можно разсѣчь однимъ ударомъ; но когда богатство страны разсѣяно на тысячахъ приходящихъ и отходящихъ судовъ; когда корни торговой системы распространяются широко и

далеко и вросли глубоко, то торговля ея можетъ выдержать много жестокихъ ударовъ и потерять много прекрасныхъ вѣтвей безъ серьезнаго вреда для своего существованія. Только при военномъ обладаніи моремъ, при продолжительномъ господствѣ надъ стратегическими центрами непріятельской торговли, дѣйствія противъ послѣдней могутъ быть пагубными (*) для нея; отнятіе же такого господства у сильнаго военнаго флота можетъ быть достигнуто только побѣдами надъ нимъ въ бояхъ. Въ теченіе двухсотъ лѣтъ Англія была величайшей коммерческой страной міра. Болѣе, чѣмъ какая либо другая держава, ввѣряла она свое богатство морю въ мирное и въ военное время; тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ державъ она всегда была наименѣе склонна признавать неприкосновенность мор-

(*) Жизненный центръ англійской торговли находится въ водахъ, окружающихъ Британскіе острова; снабженіе же Соединеннаго Королевства продовольственными припасами въ настоящее время въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ внѣшнихъ источниковъ. Изъ этого слѣдуетъ, что положеніе Франціи болѣе, чѣмъ положеніе всѣхъ другихъ державъ, благопріятно для изнуренія Англіи крейсерскими операціями противъ ея торговли, такъ какъ Франція — сосѣдка Англіи и владѣетъ портами, какъ на Атлантикѣ, такъ и на Сѣверномъ морѣ. Изъ этихъ портовъ выходили приватиры, которые охотились въ былое время на англійскія торговыя суда. Теперь же положеніе Франціи сильнѣе, чѣмъ было прежде, такъ какъ Шербургъ представляетъ на Каналѣ хорошій портъ, какого не доставало Франціи въ старыя войны. Съ другой стороны, паръ и желѣзныя дороги сдѣлали порта на сѣверныхъ берегахъ Соединеннаго Королевства болѣе важными, и британское судоходство не должно сосредоточиваться въ Каналѣ въ такой мѣрѣ, какъ прежде.

Много значенія приписывали захватамъ, сдѣланнымъ крейсерами въ теченіе лѣтнихъ французскихъ маневровъ 1888 года въ Каналѣ и близъ его. Соединенные Штаты должны помнить, что такіе крейсера были близъ своихъ домашнихъ портовъ; они удалялись отъ своихъ угольныхъ станцій не болѣе, какъ на двѣсти миль; но было бы совсѣмъ другое, если бы имъ пришлось дѣйствовать за три тысячи миль отъ дома. Снабженіе ихъ углемъ или доставленіе имъ возможности чистки подводной части, или же необходимыхъ исправленій, были бы такими враждебными по отношенію къ Англіи поступками, что можно сильно сомнѣваться, чтобы какая-либо сосѣдняя съ послѣдней нейтральная держава позволила имъ сдѣлать это у себя.

Уничтоженіе торговли непріятеля самостоятельными крейсерами опирается на широкое разсѣяніе силы. Уничтоженіе торговли черезъ господство надъ стратегическимъ центромъ при посредствѣ большаго флота опирается на сосредоточеніе силы. Первый образъ дѣйствій, если только основа его — крейсерская война — не считается операціей лишь вспомогательной, осужденъ опытомъ столѣтій, а второй — оправданъ

ской торговли и права нейтральныхъ сторонъ. Не съ точки зрѣнія права, а съ точки зрѣнія политики исторія оправдывала такой ея взглядъ; и если она будетъ сохранять свой флотъ въ полной силѣ, то будущее, безъ сомнѣнія, повторитъ урокъ прошлаго.

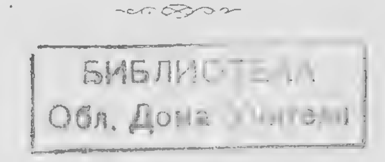
Предварительныя условія мира между Великобританіей и союзными державами, закончившаго эту большую войну, были подписаны въ Версали 20-го января 1783 года; а соглашеніе между Великобританіей и американскими коммиссіонерами, по которому была признана независимость Соединенныхъ Штатовъ, состоялось двумя мѣсяцами раньше. Это признаніе было большимъ результатомъ войны. Что же касается европейскихъ державъ, участвовавшихъ въ послѣдней, то Великобританія получила назадъ отъ Франціи всѣ Вестъ-Индскіе острова, которые потеряла въ теченіе войны, за исключеніемъ Тобаго, и возвратила Франціи островъ С. Лючіа. Французскія станціи въ Остъ-Индіи были возстановлены; и такъ какъ французы овладѣли портомъ Тринкомале, то Англія не могла оспаривать возвращеніе его Голландіи, но отказалась уступить Негапатамъ. Испаніи Англія отдала обѣ Флориды и островъ Минорку, потеря котораго имѣла бы для Англіи серьезное значеніе, если бы Испанія обладала достаточною морскою силою для удержанія его за собою; въ дѣйствительности же онъ опять попалъ въ руки Великобританіи въ слѣдующую войну. Были сдѣланы также нѣкоторыя незначительныя измѣненія въ распредѣленіи торговыхъ постовъ на западномъ берегу Африки.

По поводу изложенныхъ условій, несущественныхъ самихъ по себѣ, необходимо сдѣлать только одно замѣчаніе: во всякой будущей войнѣ неизмѣнность того, что ими установлено, будетъ зависѣть всецѣло отъ перевѣса въ морской силѣ той или другой державы, отъ того владычества на моряхъ, вопросъ о которомъ не получилъ опредѣленнаго рѣшенія въ разсмотрѣнной нами Американской войнѣ за независимость.

Окончательныя условія мира были подписаны въ Версали, 3-го сентября, 1783 года.

УКАЗАТЕЛЬ.

Флоты.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ (*).

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
3	2 снизу	для него,	для него
9	17 сверху	**въ которой**	**въ которомъ**
14	17—18 »	уничтоженіемъ ея торговли и вторженіемъ въ нее,	вторгнуться въ нее и уничтожить ея торговлю,
15 (выноска)	1 снизу	происходила	произошло
25	8 сверху	удастьтя	удаться
39	4 снизу	**удобное**	**удобно**
46	7 сверху	авжное	важное
»	3 снизу	экспедиціи,	экспедиціи
62	13 сверху	**то, значеніе**	**то значеніе,**
65	13 снизу	основываться	останавливаться
66	18 »	отъ метрополіи,	отъ метрополіи
79	17 сверху	голландіи	Голландіи
80	13 снизу	направленіи,	направленіи
85	18 »	монархіи	монархіи,
86	11 сверху	Мартиникъ	Мартиника
87	8 »	»	»
89	13 »	профессіи —	профессіи, —
»	10 снизу	**Англію**	**Англіи**
91	7 сверху	д'Естэнгомъ	д'Эстэнгомъ
94	3 »	важность	важность,
95	9 снизу	онѣ	они
96	6 сверху	**Штатовъ**	**Штатамъ**
98	13 »	блокадъ	блокадъ,
103	3 »	**причемъ**	**примемъ**
105	2 снизу	меньшинства,	меньшинства,
112	17 сверху	Въ этомъ	Въ этотъ
113	5 »	мѣрѣ,	мѣрѣ
115	6—7 »	**они были напуганы**	**онъ былъ напуганъ**
120	15 »	бывшаго	бывшаго,
»	5 »	**предметъ**	**предлогъ**
123	14 снизу	14-го іюня **1866 года**	14-е іюня **1666 года**
137	10 сверху	Трампомъ	Тромпомъ
144	8 снизу	они	онѣ
147	14 сверху	но въ	но и въ
154	4 снизу	Мартиникъ	Мартиника
161	1 »	Ришельё	Ришельё,
161 и 162	заглавная	предложенія	предположенія
163	16 снизу	Англіи	Англіи,
168	10 сверху	остальною,	остальною
177	9 снизу	навѣрное	навѣрное,
190	8 »	наступательныи,	наступательный

(*) Тѣ изъ нихъ, которыя напечатаны жирнымъ шрифтомъ, слѣдуетъ исправить до чтенія книги.

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
194	15 сверху	ніяхъ, быстро	ніяхъ быстро,
202	9 »	отрѣченія	отреченія
»	13 »	Нимегенткихъ	Нимвегенскихъ
205	17 »	на себя,	на себя –
226	17 снизу	несло	несли
»	16 »	оплачивало	оплачивали
249	17 сверху	что	что она
258	1 снизу	пріобрѣтенія морской силы	пріобрѣтенія Англіи въ морской силѣ
259	1 сверху	богатства	въ богатствѣ
265	4 »	кантрабандная	контрабандная
266	4 снизу	было гарантировано	была гарантирована
268	5	Испанекимъ	Испанскимъ,
269	15 »	тревожномъ	тревожномъ,
270	16 »	является,	является
275	4 сверху	Австріи	Австріею
282	19 »	а также какъ	а также
283	заглавная	Бурбонскій семейный договоръ	Семейный договоръ Бурбоновъ
287	6 сверху	подвергалась	поддавалась
»	11 »	настаивашихъ	настаивавшихъ
293	5 снизу	способствовалъ	способствовало
»	7 »	жавъ,	жавъ
315	1 сверху	его	ихъ
330	15 »	члобы	чтобы
331	16	однако;	однако,
333	21 »	не когда	когда
344	6 »	сави-	зави-
350	6 снизу	пагубной	томительной
352	16 »	меньшая	уступавшая
»	15 »	эскадры	эскадрѣ
392	17 »	эксцентрическое	обходное
398	9 сверху	вунктомъ	пунктомъ
399	7 снизу	Не такъ,	Не такъ
413	18 »	вліяли,	вліяли
419	17 сверху	искуссныиъ	искуснымъ
461	6 »	Англіей,	Англіей
469 (выноска)	6 »	небольше	небольшіе
490	14 »	безопастность	безопасность
558	7	Тринкомале	острововъ Святыхъ
563	19 »	въ немъ	въ строѣ
571	3 »	флота	флота,
577	9 »	въ Ямайку	на Ямайку
585	18 снизу	онѣ	они
605	16 сверху	гдѣ мы.	гдѣ мы,
610	7 снизу	потеряла	потеряла,
614	9 сверху	года,	года
616	5 снизу	затерта	заперта
617 (выноска)	9 »	загрудненія	затрудненія

сила будетъ отвлекаться отъ дѣйствій въ тѣхъ условіяхъ, когда непріятель могъ бы быть причиненъ существенный и рѣшительный вредъ, т.е. такой вредъ, который могъ бы повліять на благопріятный исходъ всей войны. Надо всегда помнить, что невѣрно поставленная цѣль дѣйствій можетъ очень печально повліять на окончательный исходъ борьбы.

Въ сочиненіи этомъ выражается, хотя и вскользь, но тѣмъ не менѣе съ достаточной ясностью, весьма вѣрная оцѣнка дѣятельности крейсеровъ въ междоусобную американскую войну. Оцѣнка эта тѣмъ болѣе интересна, что чрезвычайно удачный образъ дѣйствій крейсеровъ южанъ служитъ обыкновенно опорой всѣхъ доводовъ сторонниковъ исключительнаго дѣйствія крейсерами. Тотъ фактъ, что торговля сѣверянъ послѣ войны и не возрождалась украшаетъ сторонниковъ крейсерства. — Маханъ высказываетъ не безынтересный взглядъ на это дѣло. Онъ тоже видитъ до извѣстной степени причину паденія торговли сѣверянъ въ ~~крейс~~ удачномъ крейсерствѣ южанъ, но тотъ фактъ, что Америка не оправилась сейчасъ-же послѣ войны отъ нанесеннаго ей крейсерами удара и не возродила своего коммерческаго флота, по его мнѣнію объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что капиталъ въ это время въ Америкѣ гораздо болѣе выгоднымъ образомъ помѣщался въ сухопутныхъ предпріятіяхъ. — Вообще-же, говоря о крейсерствѣ, авторъ допускаетъ его цѣлесообразность лишь въ томъ случаѣ, когда дѣйствія этой силы опираются на флотъ. — Можно сказать, что на крейсерскую войну слѣдуетъ главнымъ образомъ смотрѣть, какъ на средство, дающее въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможность производить диверсіи.

Становясь на эту точку зрѣнія при разсматриваніи обстоятельствъ Св. Амер. междоусоб. войны, можно придти къ тому заключенію, что не смотря на то, что дѣйствія крейсеровъ южанъ было очень дѣйствительно удачно какъ непосредственное и самостоятельное дѣйствіе, тѣмъ не менѣе оно способно дать гораздо лучшіе и серьезные результаты, если удалось какъ диверсія, т.е. если бы крейсерство отвлекло бы флотъ сѣверянъ отъ ~~[illegible]~~ нападенія или уже блокированныхъ береговъ южныхъ штатовъ, а какъ извѣстно въ удачѣ этой блокады собственно и лежалъ залогъ успѣха сѣверянъ. Сѣверяне въ данномъ случаѣ не упустили изъ виду главной цѣли и для достиженія ея пожертвовали даже интересами своей морской торговли!

Идея крейсерства, какъ средства произвести диверсію дѣйствъ собственно возможность правильно поставить ~~[illegible]~~ вопросъ, но при этомъ взглядѣ крейсерство неизбѣжно связывается съ тѣмъ вѣсомъ на который его ставили горячіе его сторонники и весь вопросъ о крейсерствѣ низводится на совершенно второстепенное мѣсто.

